РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2 (28)
Апрель–Май–Июнь
Журнал выходит четыре раза в год

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2010

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р. М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х. А. Амирханов*, член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков*,
академик РАН *А. П. Деревянко*, член-корр. РАН *С. П. Карпов*,
член-корр. РАН *Г. А. Кошеленко*,
член-корр. НАН Украины *С. Д. Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н. А. Макаров*,
д.и.н. *Л. П. Маринович*, д.и.н. *Ю. М. Могаричев*,
академик РАН *В. И. Молодин*, д.и.н. *Э. Д. Фролов*

Редакционная коллегия

М. Г. Абрамзон (главный редактор)

В. А. Гаибов, О. В. Гнэвек, В. Д. Кузнецов (зам. главного редактора),
С. В. Мокроусов (зам. главного редактора),
И. В. Октябрьская (зам. главного редактора),
И. Е. Суриков, З. М. Уметбаев, С. Г. Шулежкова,
Л. И. Киреева (ответственный секретарь),

Editorial Board:

M. G. Abramzon (Editor-in-Chief),

V. A. Gaibov, O. V. Gnevek, V. D. Kuznetsov, S. V. Mokrousov, I. V. Oktyabrskaya,
S. G. Shulezhkova, I. E. Surikov, Z. M. Umetbayev.

Head, Editorial Office *L. I. Kireyeva*

© Российская академия наук, 2010
© Магнитогорский государственный университет, 2010
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2010

ИСТОРИЯ

История Древнего мира и археология

Древняя Греция и Рим

© 2010

Е. А. Венидиктова

БИТВА ПРИ ГИСИЯХ И ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ АРГОСОМ И СПАРТОЙ

В статье рассматривается вопрос о времени и причинах возникновения конфликта между Аргосом и Спартой, а также рассматривается битва при Гисиях. На основании проведенного анализа источников делается вывод, что аргосско-спартанский конфликт имел древние истоки. Определенным этапом развития конфликта является битва при Гисиях, в которой аргосцы одержали их первую значительную победу над лакедемонянами.

Ключевые слова: Аргос, Спарта, Гисии, Пелопоннес, Фидон.

Основным направлением внешней политики Аргоса на протяжении многих столетий архаического и классического периодов было соперничество со Спартой за гегемонию в Пелопоннесе. Античные историки сходятся в том, что Аргос и Спарта фактически являлись «извечными врагами» (Thuc. I. 102. 4; Paus. VIII. 27. 1). Однако в историографии существуют различные точки зрения по данному вопросу. Так, например, Р. А. Томлинсон считает, что конфликт между Аргосом и Спартой начался с аргосского вторжения в Гелос в период Мессенских войн и спартанской попыткой предотвратить судьбу Асины, а первым столкновением стала битва при Гисиях 669 г. до н. э.[1] Т. Келли на основании анализа источников и археологических свидетельств, скептически относится к древним истокам конфликта. Он предполагает, что аргосско-спартанское соперничество началось после того, как спартанцы завоевали Тегею, а первым их военным столкновением была битва за Фиреатиду, которая произошла в 546 г. до н. э.[2] Однако, на наш взгляд, вполне очевидно, что аргосско-спартанский конфликт имеет древние истоки. Данное заключение подтверждается недавно открытыми папирусными фрагментами спартанского поэта VII в. до н. э. Тиртея (P. Oxy. 3316), в которых упоминаются аргосцы в качестве врагов Спарты в контексте некой битвы.

К сожалению, многие античные авторы, упоминая о борьбе двух древнегреческих полисов, не называют ее причин. И только лишь один Фукидид замечает, что причиной постоянной распри между Аргосом и Спартой являлся спор о Кинурии, так как эта земля была расположена на границе (Thuc. V. 41.2). Именно это позволяет нам предположить, что военные столкновения аргосцев с лакедемоня-

[1] Tomlinson 1972, 79.
[2] Kelly 1970a, 975, 981, 983–984.

нами начались из-за территориальных споров. Также и Страбон среди причин возникновения территориальных споров называет незнание участниками конфликта границ и в качестве примера приводит спор аргосцев с лакедемонянами о Фирее (Strabo. I. 4.7). Однако постепенно территориальные споры начинают перерастать в военные столкновения, связанные с внутриполитическим развитием в полисах: в обоих полисах государственность складывалась приблизительно одновременно, путем покорения дорийцами местного населения. Аргос в VII в. до н. э. стал источником агрессии для своих соседей, с приходом к власти Фидона, который проводил активную завоевательную внешнюю политику. Согласно Страбону, Фидон, являясь десятым потомком Темена, проводил завоевательную политику с целью возвращения наследства Темена (Strabo. VIII. 3. 33). Многие пелопонесские полисы, в том числе союзники лакедемонян, а также острова, расположенные вдоль побережья Южной Греции, попали под власть Фидона (Strabo. VIII. 6.16; Paus. IV. 24. 4; 34. 6; 35. 2). Поэтому справедливым представляется замечание С. М. Жестоканова, что экспансия Фидона должна была натолкнуться на противодействие Спарты, также стремившейся к гегемонии над полисами Пелопоннеса[3]. По мнению Л. Г. Печатновой, причины традиционной вражды Аргоса и Спарты заключались в том, что это были два самых сильных в военном отношении государства в южной Греции. Оба они претендовали на первенство в Пелопоннесе и готовы были силой оспаривать друг у друга спорные территории, входящие в сферу взаимных интересов[4].

Самым ранним проявлением соперничества Аргоса со Спартой стало участие Аргоса в первой Мессенской войне на стороне мессенцев против лакедемонян. Наибольшую дискуссию среди современных исследователей вызывает вопрос ее датировки. Так, по мнению Л. Джеффери, первая Мессенская война происходила в 735–715 гг. до н. э.[5] Л. Г. Печатнова, основываясь на сообщениях Павсания, полагает, что данная война произошла в 743–724 гг. до н. э.[6] Информация об участии аргосцев на стороне мессенцев следует из сообщения Павсания, согласно которому, аргосцы собирались тайно от лакедемонян прийти на помощь мессенцам, из-за того, что спартанцы вызывали к себе недоверие. Автор отмечает, что это было частное решение аргосцев — общегосударственного решения на этот счет не было (Paus. IV. 10.1). Далее из сообщения видно, что в качестве союзников лакедемонян выступили коринфяне, а также асинейцы; среди союзников мессенцев Павсаний называет Аркадию, Аргос и Сикион (Paus. IV. 7. 1; 11. 1)[7]. Участие аргосцев на стороне мессенцев, конечно же, не могло не вызвать враждебных действий со стороны лакедемонян, которые предприняли попытку устранить Аргос из данной войны. Так, согласно сообщению Евсевия, в 719/18 г. до н. э.[8] между Аргосом и Спартой произошло столкновение в битве за Фиреатиду (Euseb. Vers.

[3] Жестоканов 2005, 69.
[4] Печатнова 2001, 134.
[5] Jeffery 1976, 115.
[6] Кроме этой датировки Л. Г. Печатнова также рассматривает как возможную дату Первой Мессенской войны ок. 720–706 г. до н. э. (Печатнова 2001, 95).
[7] Об участии аргосцев на стороне мессенцев во время Первой Мессенской войны также см.: Kelly 1970 a, 990; Jeffery 1976, 115; Печатнова 2001, 96.
[8] Tomlinson 1972, 76.

Arm. Ol. 15. 3; Hieron. Ol. 15. 2)[9]. Несмотря на давление, оказанное на аргосцев со стороны лакедемонян, аргосцы оставались верными союзниками мессенцев вплоть до конца первой Мессенской войны; и более того, они приняли у себя мессенских изгнанников по окончании войны (Paus. IV. 14. 4).

Лакедемоняне же, в свою очередь, согласно Павсанию, по завершении Мессенской войны, предприняли во главе с царем Никандром поход в Арголиду, вместе с асинейцами, по всей вероятности, с целью опустошения аргосской земли (Paus. II. 36. 5; III. 7. 4). Сложившаяся ситуация продемонстрировала аргосцам необходимость в установлении контроля над Арголидой, в целях укрепления своего положения для продолжения соперничества со Спартой за гегемонию в Пелопоннесе[10]. Именно поэтому аргосцы во главе с царем Эратом предприняли военный поход на Асину в 715 г до н. э.[11], в результате которого город был разрушен, а жители Асины были приняты лакедемонянами в Мессении (Paus. II. 36. 5; III. 7. 4; Strabo. VIII. 6. 11). Справедливо замечает Т. Келли, что спартанцы тогда позволили поселиться жителям Асины в Мессении, которая только недавно была ими завоевана[12].

После Первой Мессенской войны, на некоторое время военные столкновения Аргоса со Спартой приостановились[13], но уже в VII в. до н. э. вновь возобновились. Возможно, следует признать справедливыми мнения Л. Джеффери и Р. А. Томлинсон о том, что победа аргосцев над спартанцами в битве при Гисиях в 669 г. до н. э. (Paus. II. 24. 8) подтолкнула мессенцев вновь предпринять попытку выступить против лакедемонян, и это ознаменовало начало Второй Мессенской войны, которая закончилась окончательным поражением мессенцев[14]. В историографии существуют различные точки зрения на хронологию Второй Мессенской войны[15]. Одни исследователи полагают, что война началась во второй половине VII в. до н. э., а закончилась ок. 600 г. до н. э. Другие исследователи помещают эту войну в следующие хронологические рамки: начало относят к 669 г. до н. э., а окончание — к концу VI в. до н. э.[16]. И в этот раз, аргосцы поддержали своих

[9] Примечательно сообщение Павсания, который утверждает, что лакедемоняне впервые подняли оружие против аргосцев при спартанском царе Лаботе из-за того, что аргосцы постоянно захватывали земли Кинурии, хотя лакедемоняне владели ею по праву завоевания (Paus. III, 2, 3). Кроме этого автор упоминает еще о том, что лакедемоняне победили в одной из битв аргосцев, помогавших жителям Гелоса (Paus. III, 2, 7).

[10] Однако Т. Келли полагает, что Асины были разрушены не вследствие вражды между Аргосом и Спартой, а из-за вражды Аргоса с Асиной, так как в последней четверти VIII в. до н. э. аргосцы попытаются получить контроль над Арголидой. Именно эта попытка и привела Аргос к конфликту с жителями Асины, которые выступили походом на стороне лакедемонян, в целях нарушить их планы (Kelly 1970 a, 997; 1967, 422–431).

[11] Т. Келли датирует разрушение Асины 715 г. до н. э. основываясь на археологических данных (Kelly 1970 a, 995).

[12] Kelly 1970a, 997.

[13] Павсаний упоминает о споре между аргосцами и лакедемонянами из-за Фиреатидной равнины во время царствования в Спарте Феопомпа, но не указывает на то, что данный спор вылился в военный конфликт (Paus. III, 7, 5).

[14] Jeffery 1976, 117; Tomlinson 1972, 83. В историографии существует различные точки зрения по хронологию Второй Мессенской войны. Об этом см.: Печатнова 2001, 106–110.

[15] Согласно Павсанию, война началась в 685/4 г. до н. э., а закончилась по первому варианту в 668/7 г. до н. э., по второму — в 657 г. до н. э. (Paus. IV, 15, 1; 23, 4; 27, 9).

[16] Об этом наиболее подробно см.: Печатнова 2001, 106–110.

давних союзников. Так, Павсаний и Страбон в своих сообщениях о начале второй Мессенской войны, упоминают аргосцев в качестве союзников мессенцев (Paus. IV, 15, 1, 4; Strabo., VIII, 4, 10)[17]. Согласно же Тиртею, в середине VII в. до н. э.[18] произошла битва между лакедемонянами, с одной стороны, и аргосцами в союзе с мессенцами, с другой стороны (P. Oxy. 3316). В то же время аргосцы продолжают проводить политику по укреплению своей позиции в Арголиде. Так, согласно Павсанию аргосцы в царствование своего царя Дамократида изгнали навплийцев за их сочувствие к лакедемонянам, которые были переселены лакедемонянами в Мессению (Paus. IV, 35, 2, Strabo. VIII, 6, 11).

Определенным этапом в развитии аргосско-спартанского конфликта была битвы при Гисиях, обычно датируемая 669/8 г. до н. э.[19] Информацию об этом сражении предоставляет только Павсаний (II. 24. 8) при описании им дороги из Аргоса в Тегею: «Тут находится общая могила в память аргосцев, победивших лакедемонян в битве при Гисиях (᾽Αργείων νικησάντων μάχηΛακεδαιμονίους περὶ ῾Υσιάς). Это сражение произошло, по моим расследованиям, во время правления в Афинах Писистрата, в четвертый год олимпиады, в которую афинянин Эврибат одержал победу в беге (᾽Αθηναίοις α᾽ρχοντος Πεισιστράτου τετάρτῳδ᾽ ε᾽τει της᾽Ολυμπιάδος ἦν Εὐρύβοτος᾽Αθηναῖος ἐνίκα στάδιον)». Из приведенного выше отрывка становится очевидным, что автор пропустил номер олимпиады, что вызывает некоторое затруднение при установлении точной даты битвы. Однако Дионисий Галикарнасский и Евсевий дополняют сообщение Павсания, отметив, что Эврибат одержал победу в беге, когда в Афинах архонтом был Леострат во второй год двадцать седьмой олимпиады — в 671/0 г. до н. э. (Dion. Hal. AR. III. 1.4)[20]. Таким образом, предполагается, что Павсаний упоминает четвертый год двадцать седьмой олимпиады — 669/8 г. до н. э. Но как обстоит дело с именем архонта? С одной стороны, Павсаний, ссылаясь на Писистрата, мог иметь в виду, конечно, знаменитого афинского тирана, который, как известно, находился у власти в Афинах с перерывами с 560 по 526 г. до н. э., однако, совершенно не ясно, занимал ли тот когда-либо должность архонта; с другой стороны, Фукидид (Thuc.VI. 54. 6) сообщает, что Писистрат, сын Гиппия и внук знаменитого тирана, определенно занимал должность архонта, и известный список архонтов, обнаруженный на камне, по-видимому, подтверждает, что последний мог быть архонтом в 522 г. до н. э.[21] Наконец, как это предполагает Т. Каду, некий Писистрат мог быть архонтом и в четвертый год двадцать седьмой олимпиады, хотя, это мнение не находит дополнительного подтверждения в источниках[22]. Поэтому, остается возможность, что при переписке сообщения Павсания могла быть допущена ошибка и под Писистратом следует понимать именно Леострата — но в таком случае он должен был быть архонтом или во второй год двадцать седьмой олимпиады или же в четвертый год — окончательное решение этого вопроса едва ли возмож-

[17] Kelly 1970 a, 990; Jeffery 1976, 136; Печатнова 2001, 111.

[18] Cartledge 2002, 109.

[19] Печатнова 2001, 134; Жестоканов 2005, 67, 69; Хэммонд 2007, 387; Bradeen 1947, 238; Tomlinson 1972, 80; Andrews 1956, 39.

[20] Moretti 1957, 63.

[21] Cadoux 1948, 111.

[22] Т. Каду полагает, что Леострат был архонтом в 671/0 г., а Писистрат, упомянутый Павсанием — в 669/8 г. (Cadoux 1948, 90).

но. С учетом сказанного закономерно следует датировать сражение при Гисиях 671/0 г. или 669 г. до н. э.

Но при этом, необходимо обратить внимание еще и на то, что во время этой битвы царем в Аргосе вполне мог быть знаменитый Фидон, который проводил активную завоевательную внешнюю политику, хотя разногласия по помещению деятельности Фидона в определенный хронологический контекст возникли уже у древних авторов. Самой ранней датировкой времени царствования Фидона является IX в. до н. э. Такого мнения придерживается Феопомп, который, давая генеалогию Карана, легендарного основателя македонской династии, говорит о том, что Фидон был его отцом и помещает Фидона в шестое поколение после Темена и в десятое поколение после Геракла (Diod. VII. 17). Более точную дату, однако, дает Паросская хроника, которая датирует Фидона 631 годом, отсчитывая от 264/3 г. — времени составления документа — т. е. 895/4 г. до н. э. В этой хронике говорится о том, что Фидон учредил меры длины и веса и начал чеканить серебряные монеты на Эгине, будучи от Геракла в одиннадцатое поколении (Marmor Parium. стк. 30).

Эфор, хотя и не дает точные годы правления Фидона, предполагает середину VIII в. до н. э. Историк говорит о том, что Фидон был десятым потомком Темена, превзошел могуществом всех современных ему правителей и, опираясь на эту силу, он не только возвратил все наследственное достояние Темена, раздробленное на много частей, но изобрел также меры, называемые «Фидоновыми», весы, чеканную монету из серебра и других металлов. Кроме этого он напал на города, взятые некогда Гераклом, а также на Элиду и силой устроил игры. Далее он сообщает, что со временем могущество Фидона было сокрушено благодаря объединению сил элейцев с лакедемонянами (Ephor. FGrHist. 70. F.115 = Strabo. VIII. 3. 33; 6. 16). Павсаний, описывая вражду элейцев с писатами, дает более точные хронологические указания описанных Эфором событий: он говорит о том, что в восьмую олимпиаду (748 г. до н. э.) писаты пригласили объединиться Фидона из Аргоса, самого жесткого тирана из бывших у эллинов, и вместе с ним провели игры (Paus. VI. 22. 2).

Геродот, рассказывая о свадьбе Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена, помещает в список женихов, приехавших свататься к ней Леокеда, сына Фидона, тирана Аргоса, который был самым дерзостным из всех греков, ввел в Пелопоннесе меры и вес, изгнал элейских судей с Олимпийских игр и сам руководил состязаниями (Herod. I. 126–127). Обычно предполагается, что свадьба Агаристы имела место в 580 или же 570 г. до н. э.[23], из этого следует, что Фидон царствовал в конце VII — начале VI вв.

В историографии существует несколько точек зрения по этой проблеме. Некоторые исследователи относят Фидона к VIII в. до н. э., основываясь на сообщениях Эфора и Павсания[24], другие же относят к VII в. до н. э.[25] Они, в свою очередь, основываются на сообщениях Аристотеля, а также Павсания, полагая, что при

[23] О датировке сватовства Агаристы 571 г. до н. э. см.: Суриков И. Е. 2000: Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М., 65.

[24] Müller 1824, 173; Huxley 1962, 28–30; Gardner, 111–112; Берве 1997, 13.

[25] Andrewes 1949, 74–77; Jeffery 1976, 134–136; Tomlinson 1972, 81–82; Dillon, Garland 2000, 36; Хэммонд 2007, 386–387; Пельман 1910, 72; Жестоканов 2005, 68.

переписке сочинения Павсания была допущена ошибка и 8 олимпиаду следует исправить на 28 (668 г. до н. э.). Т. Келли относил Фидона к концу VII — началу VI вв. до н. э., основываясь на сообщении Геродота[26]. М. Койв, в свою очередь, рассматривая различные точки зрения, приходит к мнению, что установить точную дату царствования Фидона невозможно[27].

На наш взгляд, наиболее вероятной датой правления Фидона является VII в. до н. э. Между тем, рассматривая сообщение Павсания (VI. 22. 2), следует принять точку зрения современных исследователей о том, что при переписке сочинения Павсания могла быть допущена ошибка и под 8 Олимпиадой следует понимать 28. Дело в том, что согласно тому же Павсанию, накануне 28 Олимпиады, в 669 г. до н. э. произошла битва при Гисиях (Paus. II. 24. 7). И вполне логично, что после победы над ними Фидон решил предпринять поход против элейцев, претендуя вернуть наследство Темена и в результате смог захватить контроль над играми без какого-либо сопротивления лакедемонян. Кроме этого, сообщение Павсания о проведении Фидоном 8 Олимпиады вызывает сомнение. Павсаний к числу неофициальных игр кроме 8 Олимпиады (748 г. до н. э.) относит 34 Олимпиаду (644 г. до н. э.), проведенную писатами (Paus. IV. 22. 2–3). Однако 8 Олимпиада отсутствует в числе неофициальных в сообщениях Страбона и Юлия Африканского. Так, согласно Страбону, первые 26 Олимпиад прошли под руководством элейцев (776–676 гг. до н. э.), а затем с 672 г. до н. э. Олимпиады начинают проходить под руководством жителей Писы (Strabo. VIII. 3. 29). Юлий Африканский же сообщает о том, что 28 (672/1–669/8 гг. до н. э.) и с 32 по 52 Олимпиады (660–572 гг. до н. э.) элейцы признавали неофициальными (Euseb. Chron. I. 194)[28]. Отсюда и следует предположение, что 8 Олимпиаду Павсания закономерно исправить на 28. В итоге деятельность Фидона следует датировать VII в.

Однако, как уже было упомянуто, американский исследователь Т. Келли, вообще, подвергает сомнению историчность данной битвы[29]. Свое мнение он аргументирует тем, что только один Павсаний из всех древних авторов упоминает об этой битве[30]. Кроме этого, исследователь придерживается мнения, что Павсаний мог спутать спартанско-аргосскую кампанию в аргосской Гисии с афинобеотийской кампанией в беотийской Гисии[31]. Кроме того, Т. Келли также допускает мнение, что если битва и состоялась, то победу одержали лакедемоняне, а не аргосцы, именно по этой причине аргосский царь не захотел запечатлеть себя в этой битве. Свое мнение он основывает на том, что Павсаний при датировке важной битвы указывает на афинского архонта и олимпийского победителя, а не на аргосского царя[32]. Однако, на наш взгляд, аргументы Т. Келли не убеждают. К сожалению, из-за фрагментарности сообщения Павсания, очень сложно установить причину, ход и последствия битвы при Гисиях. Однако мы можем предположить, что поводом к битве послужила завоевательная политика лакедемонян по отношению к Мессении, поскольку аргосцы были союзниками мессен-

[26] Kelly 1976, 109–111.
[27] Koiv 2003, 255; 2000, 1–21.
[28] Andrews 1949, 76; Жестоканов 2005, 66–67.
[29] Kelly 1970 a, 971–1003; 1970 б, 31–42.
[30] Kelly 1970 a, 998.
[31] Kelly 1970 a, 999; 1970 б, 39–40.
[32] Kelly 1970 б, 36–38.

цев (Paus. IV. 15. 1, 4). Данная позиция не могла устраивать лакедемонян, которые стремились подчинить себе весь Пелопоннес. Э. Эндрюс и Р. А. Томлинсон справедливо замечают, что в данной битве агрессором были лакедемоняне, а аргосцы лишь оборонялись[33]. Поскольку Гисии были расположены на территории Арголиды, то очевидно, что лакедемоняне вторглись на аргосскую территорию.

Некоторые исследователи считают, что аргосцы смогли одержать победу над лакедемонянами в битве при Гисиях благодаря тому, что они первыми изобрели и применили новое гоплитское вооружение и новый строй фаланги. Археологические данные свидетельствуют, что аргосцы по-видимому одними из первых в Греции стали использовать защитное гоплитское вооружение (так, в Аргосе были обнаружены в погребении бронзовой панцирь и шлем конца VIII в. до н. э.)[34]. Примечательно, что и местный аргосский историк Дейний передает патриотический рассказ, превозносящий военную доблесть аргосцев: суть этого рассказа сводится к тому, что некогда мегарцы решили вопросить оракул (очевидно в Дельфах) о том, кто же считается самыми могущественными из эллинов и получили ответ: из всей земли лучшим является пеласгический Аргос, аргосцы же, одетые в льняные панцири, являются первыми стрекалами войны (Deinias FGrHist. 306. F. 7).

Н.-Дж.-Л. Хэммонд предполагает, что примером развитой «гоплитской войны» на Пелопоннесе как раз и являлась битва при Гисиях между Аргосом и Спартой, произошедшая в низине в спорной местности. Эта битва является прекрасным образцом такого способа ведения боевых действий[35]. Но при этом не нужно забывать и о том, что в этот период спартанцы участвовали в мессенских войнах, и после первой Мессенской войны они понесли большие потери. Битва при Гисиях имела важные последствия, как для Аргоса, так и для Спарты. Победа аргосцев над лакедемонянами послужила толчком к дальнейшему продолжению завоевательной политики аргосского царя Фидона, которая была весьма успешной. Так, в 668 г. до н. э. Фидон захватил контроль над Олимпийскими играми, изгнав элейцев из Олимпии и даже лишил спартанцев на время гегемонии в Пелопоннесе (Strabo. VIII. 3. 33)[36]. Л. Г. Печатнова и С. М. Жестоканов полагают, что именно в правление Фидона были завоеваны побережье Лаконики и остров Кифера (Herod. I. 83; VIII. 73)[37]. Особую значимость представлял остров Кифера, так как именно с этого острова корабли Аргоса могли угрожать побережью Лаконики. Именно по этой причине спартанский эфор Хилон заявил, что хотел бы увидеть данный остров утонувшим (Herod. VII. 235. 2)[38]. Скорее всего, именно в этот период, аргосцы установили контроль над Эгиной (Strabo. VIII. 6. 16), а также и Коринфом (Schol. Pind. od. XIII. 17e; 21d; 27d). По мнению О. Мюррея, внушительное поражение, нанесенное аргосцами спартанцам при Гисиях в 669 г. до н. э., могло послужить толчком к реорганизации спартанской армии по гоплитскому

[33] Andrews 1956, 39; Tomlinson 1972, 80, 84.

[34] Jeffery 1976, 133–134, 136. По мнению Э. Д. Фролова, изобретателями нового гоплитского вооружения и нового строя фаланги в Греции были как раз аргосцы (Фролов 1988, 116–117).

[35] Хэммонд 2007, 406.

[36] Жестоканов 2005, 67; Хэммонд 2007, 387; Tomlinson 1972, 82; Bradeen 1947, 233.

[37] Жестоканов 2005, 69. Печатнова 2001, 134.

[38] Хэммонд 2007, 422–424; Печатнова 2001, 134. Однако Т. Келли полагает, что Аргос не контролировал остров Киферу (Kelly 1970 a, 977–979).

образцу[39]. Таким образом, в результате победы в битве при Гисиях Аргос на некоторое время стал могущественным полисом в Пелопоннесе. Итак, представляется определенным, что аргосско-спартанский конфликт имел древние истоки, которые были обусловлены, изначально, территориальными спорами, а потом и соперничеством за гегемонию в Пелопоннесе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Берве Г. 1997: Тираны Греции. Ростов-на-Дону.

Жестоканов С. М. 2005: Фидон Аргосский и Коринф // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира / Э. Д. Фролов (ред.). СПб., 61–72.

Зограф А. Н. 1951: Античные монеты. Л.

Пельман Р. 1910: Очерк греческой истории и источниковедения / С. А. Князькова (пер.). СПб.

Печатнова Л. Г. 2001: История Спарты (период архаики и классики). СПб.

Фролов Э. Д. 1988: Рождение Греческого полиса. Л.

Хэммонд Н.-Дж.-Л. 2007: Пелопоннес // Кембриджская история древнего мира. Расширение Греческого мира: VIII–VI века до н. э. М., 382–429.

Andrewes A. 1949: The Corinthian Actaeon and Pheidon of Argos // The Classical Quarterly. 43, 74–78.

Andrews A. 1956: The Greek Tyrants. Oxford.

Bradeen D. W. 1947: The Lenantine War and Pheidon of Argos // Transcriptions and proceeding of the American philological association. 78, 223–241.

Cadoux T. J. 1948: The Athenian archons from Kreon to Hypsichides // The Journal of Hellenic Studies. 68, 70–123.

Dillon M., Garland L. 2000: Ancient Greece. Social and historical documents from archaic times to the death of Socrates (c.800–399 BC). London.

Cartledge P. 2002: Sparta and Laconia. A regional history 1300–362 BC. N. Y.

Gardner P. 1918: The History of ancient coinage 700–300 BC. Oxford.

Huxley G. L. 1962: Early Sparta. London.

Jeffery L. H. 1976: Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C. London.

Kelly T. 1967: The Argive Destruction of Asine // Historia. 67, 422–431.

Kelly T. 1970 a: The Traditional Enmity Between Sparta and Argos: The Birth and Development of a myth // The American Historical Review. 75, 971–1003.

Kelly T. 1970 б: Did the Argives Defeat the Spartans at Hysiae in 669 BC? // The American Journal of Philology. 70, 31–42.

Kelly T. 1976: A History of Argos to 500 B. C. Minneapolis.

Koiv M. 2000: The dating of Pheidon in Antiquity // Studia Humaniora Tartuensia. 1.1, 1–21.

Koiv M. 2003: Ancient Tradition and Early Greek History: the origins of states in early-arhaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn.

Moretti L. 1957: Olimpionikai i vincitori negli antichi agoni olimpici. Roma.

Müller K. O. 1824: Die Dorier. T. II. Breslau.

Murray O. 1993: Early Greece. Harvard.

Tomlinson R. A. 1972: Argos and the Argolid from the End of the Bronze Age to the Roman Occupation. London.

Seltman C. T. 1933: Greek coins. London.

[39] Murray 1993, 165.

THE BATTLE OF HYSIAE AND THE ORIGIN OF CONFLICT BETWEEN ARGOS AND SPARTA

E. A. Venidiktova

The article considers the time and causes of the conflict between Argos and Sparta, and the battle of Hysiae. Detailed study of the sources makes it possible to conclude that Argive-Spartan conflict was of ancient origin. The battle of Hysiae in which the Argives won their first considerable victory over the Spartans presents a definite stage in the conflict development.

Key words: Argos, Sparta, Hysiae, Peloponnese, Pheidon

© 2010

А. Г. Чередниченко, М. Е. Шенцов

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НРАВСТВЕННОГО ПРОГРЕССА В ИДЕОЛОГИИ РИМСКОГО МИТРАИЗМА В IV–V ВВ.

Статья посвящена проблеме изменения идеологии мистериальных культов в Римской империи в IV–V вв. Авторы показывают, что изменения в идеологии митраистских мистерий в пользу сближения с христианством были вызваны не влиянием со стороны оппонента, а стремлением митраистов к обоснованию своей деятельности перед официальной властью и обществом в условиях глубокого кризиса античной цивилизации.

Ключевые слова: Древний Рим, религия.

В постклассический период, когда христианство стало господствующей идеологией Римской империи, языческие религии Pax Romana и проникшие в него ориентальные синкретические религиозные доктрины потеряли государственную поддержку, переживали глубокий кризис и подвергались критике со стороны христианских апологетов. Наиболее распространенными обвинениями в адрес адептов языческих мистериальных культов были обвинения в безнравственности, связанные с их участием в оргиастических обрядах. Однако митраизм отличался от орфических мистерий, таинств Деметры и Диониса, культов Исиды и Сараписа, Кибелы и Аттиса. Хотя обрядовая сторона этой религии из-за недостатка нарративных источников известна слабо, следует отметить, что митраизм был особо популярен в военной среде. Истоки этой популярности, на наш взгляд, лежат в ранней истории митраизма, по поводу которой следует высказать ряд наблюдений.

Происхождение культа Митры традиционно связывается с верованиями предков индоариев и ираноариев, которые во II тыс. до н. э. пребывали на Ближнем

Востоке[1]. В XVII–XIV вв. до н. э. арийцы, наряду с хурритами, составляли значительную часть населения царства Митанни (Маиттани, Ханигальбат), располагавшегося между излучиной Евфрата и верхним течением Тигра[2]. Об этом свидетельствуют, например, имена богов и теофорные имена царей Митанни — Mitrá, Mitrašil, Váruṇa, Indara-Índra, Indarota, Nāsatyā, Agní и т. д. События, описанные в индоарийских эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна», вряд ли связаны с Индостаном. Археологические исследования показали, что поселение, отождествляемое обычно с Хастинапурой, столицей Кауравов, в XII в. до н. э. и ранее было довольно примитивным[3]. Лишь с XI в. до н. э. о нём можно говорить как о городе. В конце IX в. до н. э. жители покинули Хастинапуру из-за наводнения. Судя по всему, Хастинапура в долине Ганга получила своё название в память об одном из ближневосточных городских центров, где, возможно, происходили события, описанные в индоарийском эпосе. Только в конце II — начале I тыс. до н. э. индоарии заняли господствующее положение в долине Инда, Пятиречье (Пенджаб), бассейнах Ганга и Ямуны (Джамны)[4]. Они продвигались на полуостров Индостан из Харайвы (Haraiva — Арея, область по реке Герируд, район современного города Герата) через Кабулистан и Гандхару. В странах «Арийского простора» (Airyanem vaējō, Ēran-vēj) — Ирана — оставались родственные индоариям племена ираноариев.

Общество иранских и индийских ариев или арийцев (от индоиран. āŕya, airya — «гостеприимный, хозяин, человек благородного, свободного происхождения, представитель военной знати»[5]) было разделено на сословия-варны и возглавлялось жрецами (магами, брахманами). Ещё до прихода арийцев на Индостан брахманы, зафиксировавшие Веды, реформировали древнейшую индоевропейскую астральную религию. Из богов общеиндоевропейского пантеона в гимнах Ригведы упоминаются Небо-отец (Дьяус-питар, Dyaús-pitá (r), ср. др.-греч. Ζεύς πατήρ, лат. Jovis pater, Juppiter, Jūpiter), Земля-мать (в соединении с Небом — Dyāvāpṛthivī), Солнце (Сурья, Sūrya). Культы большинства ведических и ираноарийских божеств явно связаны с эпохой, когда общество ариев уже разделилось на варны. Главным же понятием жреческой религии индоариев и ираноариев является понятие *ṛtá-puma* (авест. *aša-aша*, др.-перс. *arta-apma*), обозначающее принцип упорядоченности космического процесса, которому подчинены и природа, и боги, и люди. Ритуал-жертвоприношение (вед. *яджня,* авест. *ясна*), совершаемый брахманами и магами, был призван поддержать мировой порядок. В итоге жрецы стали утверждать, что именно от правильности их действий зависит порядок во Вселенной.

У индийских арийцев Митра (др.-инд. mitrá м. р. букв. «друг», ср. р. букв. «дружба», «дружеский договор») — один из Адитьев, который вместе с Варуной охраняет вселенский закон риту (Ригведа. II, 27; III, 59; V, 62; V, 69; VII, 61)[6]. Ади-

[1] Бенвенист 1995, 81–82; Вильхельм 1992, 44–55; Грантовский 1998, 29–33; Дюмезиль 1986, 39–84; Кошеленко 1972, 75–84; Крюкова 2005, 79–80.

[2] Вильхельм 1992, 44–49, 54–55, 72; Дюмезиль 1986, 17–21, 158–172; Елизаренкова 1989, 429–431.

[3] Бонгард-Левин, Ильин 1969, 158.

[4] Там же, 126–127.

[5] Там же, 120–121; Лелеков 1991, 17; Оранский 1988, 51–57.

[6] Ригведа: Избранные гимны 1972, 146–152.

тьи (ādityá) — класс богов-сыновей богини Адити (áditi букв. «несвязанность», «бесконечность»): Варуна, Митра, Арьяман, Бхага, Дакша, Анша, из которых главный — асура Варуна. Адитьи охраняют вселенский закон и являются небесными божествами.

У иранских арийцев Митра (авест. miθra «договор») был богом договора, в т. ч. общинного договора и соглашений, заключённых между отдельными племенами. Позднее он стал почитаться как бог-воин или бог-колесничий, сражающийся на стороне праведного, следующего вселенскому закону арте (аше), а также как бог-судья и солнечное божество (Авеста. Яшт 10: Михр-яшт)[7]. Тем не менее, первоначально Митра был связан не с солярным культом, а с понятием общинного договора, соглашением, заключаемым как между людьми, так между человеком и богом. Этимология теонима Mit (h)ra восходит к и.-е. *mi- «соединять (договором)», «соединять, объединять (в общину)» (-tra,— θra — индоиран. суффикс делателя). Ср. др.-рус. «миръ» — «община»[8].

Таким образом, генезис индоиранского культа Митры связан с реформами древнейшей индоевропейской религии, осуществлёнными арийскими жрецами во время пребывания всех арийцев на Ближнем Востоке во II тыс. до н. э.[9]. Сближение Митры с солярными божествами (Сурья, Хурхшед) — явление достаточно позднее.

Мифология митраизма эллинистическо-римской эпохи известна недостаточно хорошо, так как не сохранились собственно митраистские тексты. Видимо, они были уничтожены христианами после победы над митраизмом в IV в. н. э. Об эллинистическо-римском варианте религии Митры мы можем судить, лишь благодаря найденным надписям и исследованным археологами святилищам-митреумам. Из известных митраистских мифологических сюжетов наиболее значимым представляется миф об убийстве Митрой первого творения Юпитера-Ормазда — быка. Франц Кюмон считал, что подобный миф мог возникнуть в среде пастухов и охотников. Именно после победы над быком Митра приобрел прозвище «бога, крадущего быка» (βουκλόπος θεός)[10]. Однако такие представления не характерны для индоиранской (арийской) традиции. Для индоариев и ираноариев крупный рогатый скот, в частности, быки, были священными животными, сакральными элементами мироздания. Таким образом, в основе представлений о боге, убивающем быка, возможно, лежат идеи, связанные не с периодом индоиранской общности, а с эпохой Ахеменидов.

Рассматривая древние, в том числе арийские, мифологические сюжеты, нельзя не учитывать конкретно-исторического содержания мифов, отражения в них общественных отношений, социальную сущность религиозных верований, их действительную роль в истории человечества[11]. На то, что мифологические традиции могут служить своего рода «нарративным» источником, позволяющим реконструировать события «доистории», антиковеды и индоевропеисты обратили внимание уже давно. Например, по мнению Р. Грейвса, значительная часть мифо-

[7] Авеста в русских переводах 1998, 269–321.
[8] Рак 2006, 59–60; Срезневский 1989, 147–151.
[9] Вильхельм 1992, 44–55; Грантовский 1998, 29–33.
[10] Кюмон 2000, 175–176.
[11] Шахнович 1971, 21.

логии народов Средиземноморья, Древней Европы и Ближнего Востока представляет собой политико-религиозную историю. Так, миф о Персее, убивающем Медузу Горгону, повествует о патриархальных эллинах, вторгшихся в Малую Азию в начале II тыс. до н. э. и бросивших вызов власти триады местных богинь-горгон. Уничтожение Тифона Аполлоном в Дельфах, согласно концепции Р. Грейвса, указывает на захват ахейцами святилища критской богини земли[12]. Но возникновение многих мифов нельзя отделить от религиозного культа. Они служили своего рода комментариями его обрядов. Связующим звеном между ритуалами и мифами являются заклинания. В иранской традиции аналогом подобных заклинаний были песнопения-яшты, лежавшие в основе митраистской литургии. Следует также отметить, что культ является мифом в действии, однако не все мифы были связаны с религиозными обрядами.

Рассматривая происхождение мифа об убийстве Митрой быка, на наш взгляд, следует обратиться к политической истории Ахеменидского Ирана. Среди событий эпохи правления первых ахеменидских царей обращает на себя внимание эпизод, который мог стать прообразом мифологического сюжета об убийстве божеством быка — убийство в 524 г. до н. э. царём Камбисом II (Камбуджия, Καμβύσης, 530–522 гг. до н. э.), принявшим титул египетского фараона и обожествлённым, священного быка Аписа во время волнений в завоёванном Египте (Herodot. Hist. III, 27–29). Вопреки мнению античных авторов, стремившихся описать деятельность Камбиса исключительно в негативных тонах, существует мнение, согласно которому царь действовал в соответствии с египетскими воззрениями, не пытаясь, тем самым, осквернить религиозные чувства египетского народа[13]. Иранский царь, пытавшийся вести себя как законный владыка Египта, стремился участвовать в религиозной жизни подданных, как и подобало фараону-солнцу[14]. Кроме того, личность Камбиса, прославившегося покорением Египта, была популярна среди персидской и мидийской, т. е. ираноарийской, военной знати. Являясь достойным преемником Кира II Великого, царь Камбис успешно продолжал политику расширения Персидской державы. К тому же, в отличие от Дария I, заставившего беспокойную мидийскую знать склонить голову, Камбис не посягал на позиции военного сословия, которое было его опорой. Возможно, именно особой популярностью Камбиса в варне воинов древнеиранского общества можно объяснить последующее широкое распространение культа Митры среди воинственных эллинистических царей (Митридат VI Евпатор и др.) и легионеров Римской империи во II в. до н. э. — IV в. н. э. Кроме того, царь Камбис, выросший в простых и неприхотливых условиях, был близок не только знати, но и простому «народу-войску», непосредственно совпадавшему с ополчением всего свободного населения ираноариев. Близость царя простому народу могла послужить основой для трактовки образа Митры как справедливого бога-защитника, борца со злом и врагами-друджвантами. Кроме того, в мистериях Митра выполняет функции царя-жреца. Убийство быка царём-жрецом воспринималось, видимо, как ритуальный акт. В эпохи Аршакидов и Сасанидов священный огонь Митры (Адур Бурзен Михр), горевший на востоке Ирана, считался огнём варны скотоводов и земле-

[12] Грейвс 2007, 14.
[13] Дандамаев 1985, 64.
[14] Дандамаев 1985, 63.

дельцев (вайшья). Но можно предположить, что в Ахеменидском Иране Митра как бог-охранитель договоров и вселенского закона риты-арты был ещё и божеством, покровительствующим царской власти.

Индоиранский культ Митры стал основой возникшей на Ближнем Востоке в эпоху эллинизма синкретической религии, именуемой обычно «митраизмом». Эллинистическо-римский митраизм был солярной религией. Например, на монументе в честь коронации царя Коммагены Антиоха I Теоса Дикэя Эпифана Филоромэя Филэллена (ок. 70–34 гг. до н. э.) один из четырех изображенных богов определяется как «Аполлон Митра Гелиос Гермес». В надписях римского периода Митра именуется “Deus Sol invictus” («Бог Солнце Непобедимый»), а Митра, убивающий божественного быка, — “Deus Sol invictus Mithra”[15]. При императорах Аврелиане (270–275 гг.) и Юлиане Апостате (360–363 гг.) религия Гелиоса-Митры, именуемого еще Sol Invictus Dominus Imperii Romani, чуть было не стала господствующей в Римской империи, потеснив христианство[16]. Тем не менее, христианство одержало победу над митраизмом и языческими религиями Римской империи.

К настоящему времени написано большое количество работ, посвященных анализу причин этой победы. Однако митраистский и другие культы не исчезли в одночасье. Недостаточно исследованным остается вопрос о существовании мистериальных культов во второй половине IV–V вв. н. э. Известный бельгийский антиковед Франц Кюмон говорит о нравственном прогрессе и сближении митраизма с христианством в области этики в эпоху его упадка и гибели[17]. Исследователь определяет мораль митраистских мистерий как первоначально жесткую и воинственную, близкую к административной, чуждую идеалам христианской любви, но со временем резко сблизившуюся с этикой оппонента[18]. Однако практически не объясняется причина данных изменений. С концепцией Ф. Кюмона согласуется еще ряд исследований. Так, по мнению Ф. И. Успенского, М. М. Казаковой, О. И. Малюгина, Н. А. Парфеновой, И. С. Свенцицкой, к IV в. н. э. языческие культы пришли в состояние необратимого упадка и были не в состоянии противостоять христианству[19]. При этом представляется, что для борьбы с победившей религией представители языческой интеллектуальной элиты копировали основные нравственные положения своего оппонента. Например, М. Э. Поснов утверждал, что император Юлиан Отступник, стремившийся создать религиозно-философское учение, способное противостоять христианству, основные положения своей идеологии заимствовал именно у «презренных галилеян»[20]. Так, император составил наставление для языческих жрецов, в котором говорит об их социальном положении, образовании и круге обязанностей. Кроме того, Юлиан всячески требовал от них нравственного непорочного поведения, запрещает им посещение театров, питейных заведений. Они должны были для всех без различия учреждать гостиницы и госпитали, разделять с бедными хлеб и вино, нищим

[15] Ван-дер-Варден 1991, 163.
[16] Юлиан, император 2007, 9–15, 91–132; Сергеев 2009, 152.
[17] Кюмон 2002, 242–258.
[18] Кюмон 2002, 253.
[19] Казаков 1995, 161–175; Малюгин 2008; Парфенова 2006; Свенцицкая 1987, 177, 178; Успенский 2006, 104.
[20] Ранович 1990, 396–397.

подавать милостыню. Таким образом, с точки зрения М. Э. Поснова, реставрируемое Юлианом язычество было копией христианства[21].

Однако, как писал Г. Гегель, в нравственности господствуют, в первую очередь, обычай и традиция. При этом они не осмысливаются и не оправдываются[22]. Так, по мнению Гегеля, моральная философия ведет свое начало от Сократа, но его учение «не единичное случайное явление, совершающееся в данном индивидууме, в Сокарте... Мы видим, как во всеобщем сознании, в духе народа, к которому он принадлежит, нравственность переходит в мораль»[23]. При этом, по мнению ряда исследователей, в IV в. н. э. победа над язычеством не была одержана. Н. А. Машкин, А. Д. Рудоквас считают, что даже к началу V в. н. э. язычество оставалось достаточно серьезным конкурентом христианства[24]. А. Д. Рудоквас полагает также, что после Миланского эдикта языческое сознание не сменилось на новое — христианское, так как мотивация императора Константина I, признавшего христианство одной из официальных религий Римской империи и опиравшегося на влиятельную христианскую иерархию, не отличалась от мотивации его предшественников-язычников. Таким образом, причины нравственного прогресса мистериальных культов остаются недостаточно исследованными. Главная цель данной работы — выявить причины изменения идеологии мистериальных культов Римской империи в IV–V вв. на примере митраизма.

Следует отметить, что, по мнению многих историков, христианская и неоплатоническая этика III–V вв. н. э. были практически неотличимы друг от друга[25]. Для обоих учений идеальной целью было «уподобление Богу»; как христианство, так и неоплатонизм больше беспокоились о спасении индивидуальной души, чем о том, чтобы сделать мир лучше[26]. Митраизм, ставший к этому времени неотъемлемой частью культуры Римской империи, вполне мог воспринять подобные этические воззрения и без влияния победившего христианства.

Кроме того, по мнению большинства историков, в эпоху Империи значительно изменился характер не только философии, но и самой римской религии. По мнению Ф. Ф. Зелинского, мистериальные культы шли навстречу все более усиливавшемуся стремлению к нравственным, личностным, построенным на любви, воззванному кризисом общинной и полисной идеологии и все более усиливавшему налоговому гнету и социальному расслоению[27]. Немалая часть населения все больше надеялась на счастливую участь в загробном мире. Большинство восточных мистерий, благодаря сочетанию сравнительно грубого символизма, таинственности и глубины, длительное время привлекали значительную часть низших слоев населения[28].

Следует также отметить, что нравственный прогресс наблюдался практически во всех сферах жизни как в христианской, так и в языческой среде. Важнейшая черта периода Поздней Античности — обесценивание внешних факторов

[21] Поснов 1991, 275.
[22] Ковельман 1987, 173.
[23] Гегель 1932, 10, 37.
[24] Машкин 2006, 612-613; Рудоквас 2001.
[25] Гусейнов 2003, 259.
[26] Доддс 2003, 193-194.
[27] Дюрант 1995, 568–569; Зелинский 1996, 72–73.
[28] Ешевский 1870, 351; Зелинский 1996, 73.

человеческой жизни в пользу стремления с личному, индивидуальному спасению вне земного мира[29]. По мнению И. С. Свенцицкой, это явление можно считать следствием разрушения сословных перегородок и ослабления традиционных связей[30]. Так, рассматривая частную переписку жителей римского Египта II — IV вв., можно сделать вывод, что нравственный прогресс был свойственен как христианам, так и язычникам. Христианин Юлий Аполиннарий в прошении, написанном во II в. н. э., говорит: «Подобает ведь тебе, величайший из благодетелей, всем людям предоставлять должное, особенно же тем, кто по возрасту имеет налоговые льготы»[31]. В другом письме, написанном язычником Бесодором, имеются практически аналогичные требования: «Добродетельным людям положены от бога всяческие почести»[32]. При этом А. Б. Ковельман отмечает, что именно в эпоху римского господства во многих районах Империи резко усилился национальный антагонизм между эллинами и иудеями, эллинами и египтянами и т. д.[33].

Следует также отметить изменение характера социального служения в античном обществе в пользу смиреной кротости при лишениях и упование исключительно на волю высших сил. Так, Г. Фолькман находит мотивы «славного служения» уже в эллинистическую эпоху[34]. Для эллина классической эпохи добровольно отдать себя в унизительное служение являлось позором. По мнению А. Б. Ковельмана, послание апостола Павла к Тимофею (4; 14–18) и письмо язычника Диогена Лаэртского жене, датируемое III в. н. э. — периодом, когда христианство еще не завладело умами значительной части населения империи, строятся по одной схеме: 1) автору причиняют много зла; 2) его оставляют на чужбине; 3) он надеется только на помощь свыше[35].

Кроме того, следует отметить еще один фактор, повлиявший на нравственный прогресс в митраистских мистериях. По мнению Е. М. Штаерман, длительное время культ Митры не был широко распространен среди населения Империи, за исключением эпохи Северов и периода правления солдатских императоров[36]. Следует также отметить, что культ Непобедимого Солнца (Sol Invictus), введенный императором Аврелианом и также долгое время пользовавшийся широкой поддержкой, не следует отождествлять с митраизмом[37]. Кроме того, как справедливо отмечает Ф. Кюмон, в эпоху Империи митраизм значительно отличался как от изначального иранского, так и от греко-римского язычества[38]. В эпоху всеобщего кризиса, когда империя все больше нуждалась в единой идеологии, борьба между различными религиозными течениями шла за оправдание своего места в обществе. Подобное явление наблюдалось как в христианской, так и в языческой среде. В христианстве происходил нравственный прогресс, выраженный в борьбе с гностическими учениями Саторнила, Карпократа, Василида

[29] Доддс 2003, 69–70.
[30] История древнего мира 1989, 3, 6–7.
[31] Ковельман 1987, 156.
[32] Там же.
[33] Там же, 153.
[34] Там же, 169.
[35] Там же, 170.
[36] Штаерман 1987, 233–234.
[37] Кюмон 2000, 244–245; Козовик, Пономарів 1989, 143.
[38] Там же, 246-247.

и т. д. Постепенно определяется ортодоксальный вариант учения, опровергаются наиболее распространенные ереси. Кроме того, христианские апологеты (Ипполит Римский, Ириней Лионский, Иустин Философ, Тертуллиан) в своих произведениях пытались доказать, что их молодая религия истинна и имеет законное право на существование в Империи. В языческой греко-римской традиции на протяжении всей истории отсутствовало понятие «ересь» в его негативном, христианском понимании[39]. В языческой традиции в III в. н. э. происходит перелом в понимании многих концепций. Подобное изменение можно рассмотреть на примере магии. Так, происходит деление на элитарную магию — теургию. Именно она в условиях общественного кризиса берется удовлетворить всем требованиям благочестия[40]. Религиозно-философская мысль все более осознавала, что магия нуждалась в рационально-этическом очищении. Трактаты Порфирия «О философии из оракулов» и Ямвлиха «О мистериях египтян» были направлены на взаимное приспособление неоплатонизма и теургии. Поскольку на протяжении длительного времени римское общественное мнение было солидарно с законодательством и усматривало как в мистериальных культах и в магических антигосударственный и антиобщественный характер, исключительной целью для многих философов становится стремление оправдать, повысить авторитет магического искусства[41]. Подобно христианским апологетам, в языческой интеллектуальной среде создаются трактаты, основной целью которых было проследить преемственность магического искусства от иранских магов (Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 32–36), Диоген Лаэртский (I, 2), Апулей (Apol. 27))[42]. Кроме того, некоторые писатели, в частности, Апулей, в своих произведениях доказывают, что магическое действие, обусловленное правильной мотивацией, может рассматриваться как благочестивый акт философа, обоснованный авторитетом Платона, а не грубое народное суеверие[43].

Следует привести ряд примеров, демонстрирующих сходство между этическими концепциями христианства и язычества. Для неоплатоников конечной и высшей целью теургии являлось не колдовство, а мистическое созерцание и слияние с верховным божеством посредством экстаза. Необходимым условием для этого являлось строгое соблюдение физической и нравственной чистоты, произнесение специальных молитв в особых местах[44]. Как и для христианских апологетов, основной целью которых являлось спасение души в Боге, для Порфирия — автора не дошедших до нас «Халдейских оракулов» единственной целью было освобождение от привязанности к материи и от судьбы[45].

Следует также отметить связь неоплатонизма с митраизмом. Так, император Юлиан Отступник, опираясь на философию Ямвлиха и эллинизированный культ индоиранского бога, пытался создать языческий монотеизм, способный стать новой идеологией Империи. Кроме того, по мнению П. В. Иванова, наибольшую

[39] Зелинский 2003, 35.
[40] Петров, 83.
[41] Там же, 87, 89, 95, 96-97.
[42] Там же, 96.
[43] Там же, 208.
[44] Там же, 196.
[45] Там же, 200.

осведомленность в области мистерий Митры демонстрирует упоминавшийся выше неоплатоник Порфирий (De antro nymph., 4, 20, 24), который возможно и сам был митраистом[46].

Кроме того, в истории религий Античности есть ряд аналогичных примеров. Так, эллинский орфизм можно рассматривать как реакцию эллинского общества на разложение родоплеменных отношений и формирование классового общества с присущим ему использованием рабского труда и социальным расслоением. Значительный прогресс, по сравнению с религией гомеровской эпохи, в области этики могли быть вызваны не заимствованием некоторых концепций из индийской философии, а укрупнением полисов и становлением полисной идеологии. Именно с ростом городов связан прогресс в области внутриполисного и международного права. Так, в архаическую эпоху, по мнению Ю. В. Андреева, прежние воззрения постепенно начинают уступать более широким и гуманным взглядам, согласно которым существует некая божественная справедливость, распространявшаяся в равной степени на всех людей, в независимости от их родовой и племенной принадлежности. Для эпохи Гомера подобные представления во многом чужды[47]. Кроме того, коренная ломка привычного житейского уклада весьма болезненно действовала на сознание людей архаической эпохи. Так, в поэме Гесиода «Труды и дни» вся история человечества представлена как непрерывный упадок и движение вспять от лучшего к худшему; об этом же свидетельствует и поэзия уроженца Мегары Феогнида[48]. Кроме того, М. Нильсон отмечает, что представления о посмертном воздании имеют в народной греческой религии весьма давнее происхождение[49]. Таким образом, можно предположить, что некоторые изменения в мировоззрении эллинов были вызваны не кабальной политической зависимостью от Македонии, а становлением классового антагонизма и классической формой рабства. К тому же, по мнению В. Я. Петрухина, тенденции к «преодолению» социальных противоречий в загробном мире наметились именно в мифологии Древнего мира. Так, по представлениям египтян эпохи Среднего царства, каждый умерший мог достичь блаженства, войдя в царство Осириса[50].

Можно предположить, что орфические представления о душе в образе гения-двойника не являлись результатом заимствования из индийской традиции, а возникли в результате переосмысления греческой мифотрадиции. Кроме того, орфическое учение о спасении как о слиянии с верховным божеством также может являться не результатом заимствования из религиозных доктрин Древнего Египта, а развития мифологических представлений о душе-двойнике и единстве рождения-смерти.

Таким образом, изменения в идеологии митраистских мистерий в пользу сближения с христианством, скорее всего, были вызваны не влиянием со стороны оппонента, а стремлением митраистов к обоснованию своей деятельности перед официальной властью и обществом в условиях глубокого кризиса античной цивилизации. Хотя, возможно, даже в эллинско-римском митраизме сохранялись представления о Митре как о боге-охранителе договоров и миропорядка, а также как

[46] Иванов 1998.
[47] История древнего мира 1, 1989, 78.
[48] Там же, 1, 81.
[49] Нильсон 1998, 150–157.
[50] Мифы народов мира 1997, 1, 453.

о божестве, покровительствующем царской власти. Находясь в общих с язычниками социально-политических условиях, христианские апологеты путём борьбы с еретическими течениями (гностицизмом, монтанизмом и т. д.) стремились к созданию единой идеологии, приемлемой для всей Римской империи. Языческие мыслители, зачастую посвященные в восточные мистериальные культы, подобно христианским оппонентам, старались очистить свои учения от безнравственных, грубых, наивных и аморальных народных суеверий. Подобно христианским апологетам, стремившимся доказать истинность своей религии, многие представители интеллектуальной языческой элиты, оказавшись в оппозиции к официальной идеологии, пытались показать древность и лояльность своих концепций по отношению к традиционным нормам общественной жизни. Следует отметить, что обе противоборствующие партии — христианская и языческая — достигли своих целей, однако интеллектуальное язычество, выраженное, в первую очередь в митраизме, так и не смогло стать государственной идеологией, оставшись, вплоть до окончательной гибели, доктриной значительной части сенаторской знати Империи[51].

БИБЛИОГРАФИЯ

Авеста в русских переводах (1861–1996). 1998 / И. В. Рак (сост., общ. ред., примеч., справочный раздел). СПб.

Бенвенист Э. 1995: Словарь индоевропейских социальных терминов. М.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1969: Древняя Индия. М.

Ван-дер-Варден Б. 1991: Пробуждающаяся наука. Рождение астрономии. М.

Вильхельм Г. 1992: Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М.

Гегель Г. Ф. 1932: Сочинения: в 10 т. М.-Л.

Грантовский Э. А. 1998: Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.

Грейвс Р. 2007: Мифы Древней Греции. Екатеринбург.

Гусейнов А. А. 2003: Античная этика. М.

Дандамаев М. А. 1985: Политическая история державы Ахеменидов. М.

Доддс Э. Р. 2003: Язычник и христианин в смутное время: некоторые аспекты религиозных практик от Марка Аврелия до Константина. СПб.

Дрязгунов К. В. 2009: К проблеме распространения христианства в Римской армии // Религия, философия и наука. 5 мая 2009 г. // Режим доступа: www.roman-glory.com/dryazgunov-xristianstvo-v-rimskoj-armii

Дюмезиль Ж. 1986: Верховные боги индоевропейцев. М.

Дюрант В. 1995: Цезарь и Христос. М.

Елизаренкова Т. Я. 1989: «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I–IV / Т. Я. Елизаренкова (изд. подг.). М., 426–543.

Ешевский С. В. 1870: Сочинения С. В. Ешевского: в 3 ч. М.

Зелинский Ф. Ф. 1996: Соперники христианства. М.

Зелинский Ф. Ф. 2003: Эллинская религия. Минск.

Иванов П. В. 1998: Мифологические представления италийских митраистов (опыт реконструкции и интерпретации по данным иконографии и эпиграфики). Тамбов // Режим доступа: www.relig-museum.ru/ecclesia/IVANOV/ivanovv3.htm

История древнего мира / И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая (ред.). 1989: Кн. 1. М.

[51] Ван-дер-Варден 1991, 163.

История древнего мира / И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая (ред.). 1989: Кн. 2. М.

История древнего мира / И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая (ред.). 1989: Кн. 3. М.

Казаков М. М. 1995: Рим на пути от язычества к христианству. Алтарь победы // ВДИ. 4, 161–175.

Ковельман А. Б. 1987: Нравственный прогресс в Римском Египте (По частным письмам II–IV вв.) // ВДИ. 3, 153–173.

Кошеленко Г. А. 1972: Ранние этапы развития культа Мифры // Древний Восток и Античный мир. М., 75–84.

Крюкова В. Ю. 2005: Зороастризм. СПб.

Кюмон Ф. 2000: Мистерии Митры. СПб.

Лелеков Л. А. 1991: Зороастризм: Явление и проблемы // Локальные и синкретические культы, 12–49.

Малюгин О. И. 2008: Митраизм versus христианства в Римской Британии: противостояние или конформизм? Пермь // Режим доступа: www.antiquity-perm.ru

Машкин Н. А. 2006: История древнего Рима. М.

Мифы народов мира. 1997: в 2 т. / С. А. Токарев (отв. ред.). М.

Нильсон М. 1998: Греческая народная религия. СПб.

Оранский И. М. 1988: Введение в иранскую филологию. М.

Парфенова Н. В. 2006: Язычники в осажденном Риме (408–410 гг.). Саратов // Режим доступа: www.ancientrome.ru/publik/parfenova/parfenova01.htm

Петров А. В. 2003: Феномен теургии: взаимодействие языческой философии и религиозной практики в эллинистическо-римский период. СПб.

Поснов М. Э. 1991: История Христианской Церкви. Киев.

Ранович А. Б. 1990: Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.

Рак И. В. 2006: Мифы Древнего Ирана. Екатеринбург.

Ригведа: Избранные гимны. 1972 / Т.Я Елизаренкова (пер., коммент. и вступ. ст.); Г. М. Бонгард-Левин (отв. ред.). М.

Рудоквас А. Д. 2001: Очерки религиозной политики Римской империи времен императора Константина Великого. СПб. // Режим доступа: www.centant.pu.ru/aristeas/monogr/rudokvas/rud010.htm

Свенцицкая И. С. 1987: Раннее христианство: страницы истории. М.

Сергеев И. П. 2009: Представления императоров Галлиена и Аврелиана о путях вывода Римской империи из политического кризиса: опыт сравнительной характеристики // Харьковский историко-археологический ежегодник «Древности 2009». Вып. 8. Харьков, 149–154.

Козовик І. Я., Пономарів О. Д. 1989: Словник античної міфології. К.

Срезневский И. И. 1989: Словарь древнерусского языка: Репринтное издание. Т. 2. Ч. 1: Л — О. М.

Успенский Ф. И. 2006: История Византийской империи: в 5 т. М.

Шахнович М. А. 1971: Первобытная мифология и философия. Л.

Штаерман Е. М. 1987: Социальные основы религии Древнего Рима. М.

Юлиан, император. Сочинения. 2007 / Т. Г. Сидаш (пер. с древнегр., коммент.). СПб.

CAUSES OF ETHICS PROGRESS IN ROMAN MITHRAISM OF THE 4th — 5th CC.

A. G. Cherednichenko, M. E. Shentsov

The article deals with the changes in the ideology of mystery cults of the Roman Empire of the 4th — 5th cc. The authors show that it was not the opposition's influence but Mithraists' desire to justify their activity in the eyes of the authorities and the society in times of severe crisis of the ancient civilization that brought forth Mithraism mystery ideology shift in favor of Christianity.

Key words: Ancient Rome, religion.

Северное Причерноморье

© 2010

Е. А. Попова

О СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В IV В. ДО Н. Э. — I В. Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА «ЧАЙКА»

Статья посвящена составу древнего населения Северо-Западного Крыма. Археологические исследования городища «Чайка» свидетельствуют о том, что основным оседлым населением его побережья в IV–III вв. до н. э. были греки. В состав греческой общины входили представители таврского населения, присутствовавшего здесь до начала III в. до н. э. Во второй половине II в. до н. э. греков сменяют поздние скифы — смешанное греко-варварское население, возможно, переселенцы с Боспора.

Ключевые слова: Крым, греки, тавры, поздние скифы.

Вопрос о составе населения Крыма, и Северо-Западного Крыма в частности, давно интересовал исследователей. Первое полное исследование письменных источников было предпринято М. И. Ростовцевым[1]. В 1980-х гг. этой проблемой занялся В. С. Ольховский[2]. Причем решения этого вопроса основывались как на письменных источниках, так и на археологических материалах.

Упоминания о Крымском полуострове, о населяющих его народах встречаются в произведениях античных авторов классического и эллинистического периодов. Однако эти сведения зачастую туманны, лаконичны и не позволяют с полной достоверностью определить этногеографическую ситуацию на интересующей нас территории. Поэтому археологические материалы имеют большое значение для решения проблемы.

Отрезок времени, вынесенный в заголовок статьи, делится на два периода: присутствия греков на побережье Северо-Западного Крыма и после их ухода со значительной части этого региона. По археологическим материалам эта часть Крыма до херсонесской экспансии не была занята каким-нибудь оседлым населением. Единственным пунктом, возникшим в VI в. до н. э., была Керкинитида. Материалы «Чайки» служат доказательством начала освоения Херсонесом территорий Северо-Западного Крыма не ранее 60-х гг. IV в. до н. э.[3] Греки-херсониты

[1] Ростовцев 1925.
[2] Ольховский 1981, 52–65.
[3] Попова, Коваленко 2005, 29.

расселились по его берегам, став основным этносом. Очень большую роль в определении основного оседлого населения в IV–III вв. до н. э. на побережье Северо-Западного Крыма сыграли материалы «Чайки». Благодаря раскопкам был опровергнут тезис об одновременном существовании здесь греческих и скифских поселений, начиная с IV в. до н. э.[4] Это, в свою очередь, указывает на отсутствие следов оседания на землю скифов-кочевников на этой территории.

Одна из проблем, связанных с вопросом о составе населения территорий Северо-Западного Крыма — это вопрос о присутствии в среде греческих колонистов представителей местного варварского населения.

Присутствие варварского населения на античных поселениях определяется наличием в слоях характерной лепной керамики. В Северо-Западном Крыму на многих античных поселениях были сделаны находки лепной керамики кизил-кобинского типа. Обнаружение такой керамики наталкивает исследователей на два вопроса: указывает ли ее наличие на существование более раннего поселения местного варварского населения или представители его просто жили среди греков. Решение этих вопросов связано с классификацией лепной керамики кизил-кобинского типа.

Лепная керамика с резным или гребенчатым орнаментом давно привлекала внимание исследователей, часто именно в связи с обнаружением ее в слоях античных поселений. Но опубликованных материалов было немного, на что справедливо сетовал С. Г. Колтухов[5]. Лишь в последнее время появились работы, позволяющие более полно охарактеризовать эту категорию керамики.

В греческих слоях городища «Чайка» лепная керамика с резным орнаментом встречается в нижних горизонтах в довольно большом количестве[6]. Несомненно, что она принадлежит именно к типу кизил-кобинской посуды. Эта керамика настолько специфична, что в приемах ее изготовления и орнаментации исследователи вполне оправданно усматривают отражение устойчивых традиций, сложившихся в определенном этносе[7]. В том же, что кизил-кобинская культура отождествляется с этносом тавров, теперь уже большинство исследователей не сомневается[8].Чайкинская керамика также принадлежит, несомненно, таврам, поскольку совершенно аналогична керамике с собственно таврского поселения Карань-2. С. Н. Сенаторов, опубликовавший эти материалы, приводит примеры лепной керамики такого типа и с других поселений южного Крыма[9]. Схема и техника нанесения орнамента идентичны чайкинским находкам. С. Н. Сенаторовым была сделана классификация кизил-кобинской керамики поздних этапов и предложена схема развития ее орнаментации[10]. В соответствии с ней керамика с «Чайки» относится к финальному этапу кизил-кобинской культуры, который датируется второй половиной IV — первой третью III в. до н. э. Судя по опубликованным к настоящему времени материалам, кизил-кобинская керамика этого периода присутствует и на других поселениях дальней хоры Херсонеса в Северо-Западном

[4] Дашевская 1971, 151.
[5] Колтухов 2004, 100.
[6] Беловинцева, Попова 2007, 131.
[7] Латышева 1997, 58.
[8] Колотухин 1996, 79.
[9] Сенаторов 1998, рис. 8, 9.
[10] Сенаторов 2003, 23.

Крыму: Беляус, Южно-Донузлавское, Панское, Маслины[11]. В Херсонесе же преобладает керамика более ранняя[12]. Очень вероятно, что на месте, занятом позднее греческим полисом, располагалось таврское поселение, что согласуется со свидетельствами письменных источников о территории расселения тавров. Более странным представляется наличие и в Керкинитиде кизил-кобинской керамики в слоях V в. до н. э.[13] Возможно, это обстоятельство может служить аргументом в пользу идеи о проведении западной границы расселения тавров в районе Керкинитиды[14].

Материалы с «Чайки» не дают оснований считать, что до основания херсонесской крепости здесь было таврское поселение, так как керамика кизил-кобинского типа вся происходит из античных слоев и датируется второй половиной IV — началом III в. до н. э., т. е. в основном относится к первому периоду жизни на греческом поселении. На всех других, уже упоминавшихся греческих поселениях, основанных херсонесцами, также присутствует керамика кизил-кобинской культуры именно ее финального этапа. Правда, С. Г. Колтухов сомневается, что возможна прямая связь лощеной керамики Керкинитиды с историческими таврами горного Крыма, предлагая соотнести ее со скифской степно-предгорной группой КК по В. С. Ольховскому и считать свидетельством постепенной седентаризации варваров[15]. Но этот вопрос выходит за рамки темы нашего очерка.

А. Н. Щеглов отметил, что после основания Херсонеса кизил-кобинские поселения прекратили свое существование[16]. По-видимому, эти события имели связь и характеризовались поглощением таврской территории греками и включением ее населения в состав полиса. В. Ф. Столба, основываясь на материалах кизил-кобинской керамики позднего этапа с поселения Панское-1, сделал вывод о проникновении в Северо-Западный Крым с херсонеситами таврского (или тавро-скифского) населения[17]. О том же свидетельствуют и материалы «Чайки».

В связи с этим возникает вопрос о статусе варварского населения в греческой общине. В. А. Латышева предположила (как наиболее вероятное) зависимое положение тавров в земледельческой общине греков-колонистов[18], но совершенно справедливо заметила, что степень их зависимости и формы не могут быть конкретизированы. Материалы «Чайки» так же, как и керамика Маслин, говорят о небольшом количестве тавров в составе населения греческих поселений, не составлявших самостоятельно организованного этноса. В этом смысле интересны находки кизил-кобинской керамики на некрополе у пос. Заозерное (курган 20). Курган был ограблен. Но если эта керамика составляла инвентарь погребения, то это означает, что представители варварского населения захоранивались в некрополе вместе с греками. Это ставит под вопрос значительную степень неполноправности тавров в составе греческих общин. Не исключено, конечно, что тавры представляли собой дополнительную рабочую силу, необходимую при строитель-

[11] Дашевская 1963; Латышева 1997; Stolba, Sceglov 2001.
[12] Сенаторов 2003, 14.
[13] Кутайсов 1987, 37.
[14] Колотухин 1996, 71.
[15] Колтухов 2004, 92, 100.
[16] Щеглов 1988, 74.
[17] Stolba, Sceglov 2001, 188.
[18] Латышева 1997, 59.

стве новых укрепленных поселений. Таким образом, вопрос о статусе таврского населения в Херсонесе и на его хоре остается дискуссионным.

Позднеэллинистический период в истории Северо-Западного Крыма — один из наиболее сложных для изучения исторических отрезков в силу малой обеспеченности его письменными свидетельствами, а также по причине недостаточной изученности археологического материала. Однако некоторые исследователи обращались в литературе к этому времени, в той или иной мере пытаясь осветить экономическую, этногеографическую и этнополитическую ситуации в этом регионе и связать археологический материал с историческими событиями в северном Причерноморье в целом[19]. При этом результаты наблюдений различны, а это ведет и к разным историческим выводам. Так, например, оказывается, в Калос-Лимене и Керкинитиде греческое население присутствовало по крайней мере, до третьей четверти, а то и до конца II в. до н. э.[20], тогда как исследователи Беляуса считают, что приход поздних скифов на городище относится к самому началу II в. до н. э.[21] Нет единства мнений также относительно характера обстоятельств, сопровождавших смену населения на месте греческих поселений. Традиционно было принято считать, что их территории переходят к поздним скифам в середине II в. до н. э. в результате военного захвата. Однако В. А. Кутайсов по материалам Керкинитиды, сделал вывод, что город был оставлен жителями «не в результате военного захвата, а заранее»[22].

Все указанные разночтения, таким образом, показывают необходимость дальнейшего изучения периода II–I вв. до н. э. на памятниках Северо-Западного Крыма. Материалы чайкинского городища, являющегося одним из наиболее полно раскопанных памятников, могут в какой-то мере дополнить представления об этом периоде в указанном регионе.

Многолетние раскопки позволяют в настоящее время предложить пока предварительный вариант интерпретации этнополитической ситуации на городище в это время, основанный на накопленных материалах.

Самым надежным источником для построения периодизации, которая является основой всех выводов, служит, несомненно, четкая стратификация слоев. Стратиграфические срезы показывают, что после окончания существования греческого поселения, территория заносится чистым песком толщиной от 60 см до 1,5 м. Это обстоятельство свидетельствует об уходе его населения задолго до прихода сюда поздних скифов. Это означает, что нет оснований говорить о военном захвате чайкинского городища: поздние скифы пришли на пустующее место.

Более детальное исследование верхних греческих и нижних позднескифских слоев позволяет «озвучить» их хронологически и соответственно высказать некоторые предположения относительно истории поселения позднеэллинистического времени.

Греческое поселение насчитывает пять строительных периодов. Два последних — четвертый и пятый — относятся к интересующему нас времени. К сожа-

[19] Латышева 1978, 60; Кутайсов 1990, 141, 159-160; Уженцев 1991, 3-4; Щеглов 1998, 150; Дашевская, Голенцов 2004, 35-36.

[20] Кутайсов 1990, 141; Кутайсов, Уженцев 1994, 65-66.

[21] Дашевская, Голенцов 2004, 35–36.

[22] Кутайсов 1990, 159.

лению, от этих периодов сохранилось мало строительных остатков. Тем не менее в разных частях городища прослежены фрагменты строений и иногда комплексов, оставшихся не тронутыми. Наиболее выразительные из них приводятся в данной статье. Так, к четвертому периоду, т. е. к концу III — первой половине II в. до н. э. относится постройка и существование башни на площади усадьбы № 1 (здание III в. до н. э.). Здесь найдены керамические клейма этого времени, а также чернолаковая и краснолаковая посуда позднеэллинистического времени, в частности, кубок с ножками в виде головок негров[23]. Укрепление усадьбы № 1 башней в конце III в. до н. э. совпадает с мероприятиями по усилению обороны Калос-Лимена и Керкинитиды в III в. до н. э. в связи со скифской угрозой[24]. Здесь же, в северной части городища, зачищена вымостка пятого греческого периода с фрагментами мегарских чаш, датирующихся около середины II в. до н. э.

В западной части поселения, непосредственно на строительных остатках IV–III вв. до н. э., открыт комплекс из трех или четырех помещений, относящихся стратиграфически, несомненно, к последнему периоду жизни греков на «Чайке»[25]. По технике строительства кладки напоминают греческие. На полу одного из помещений найдена ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Тисамена, деятельность которого Д. Б. Шелов, ссылаясь на В. Грейс, относит к пятой группе и датирует серединой — третьей четвертью II в. до н. э.[26]

Здесь же находился фрагмент мегарской чаши второй половины II в. до н. э. Таким образом, постройка этого комплекса относится примерно к середине II в. до н. э. и существовал он до третьей четверти этого столетия.

В 1982–1984 гг. в юго-западной части городища была открыта свалка, исследование слоев которой показало, что образование ее относится ко II в. до н. э., причем происходило это в несколько приемов. Насчитывается четыре периода бытования свалки[27]. Первые три периода охватывают временной отрезок от начала до третьей четверти II в. до н. э., что следует из находок клейменых ручек Родосских амфор и фрагментов мегарских чаш и оказываются синхронными четвертому и пятому строительным периодам греческого поселения. Позднескифским можно считать только четвертый период свалки, датирующийся концом II в. до н. э. Из этого следует, что во второй половине II в. до н. э. здесь еще присутствует греческое население.

Как уже говорилось выше, позднескифские строительные остатки в основном располагались на слое чистого наносного песка, перекрывшего греческие слои. Время возникновения позднескифского поселения, насчитывающего несколько строительных периодов, определить не просто, поскольку зачастую слои и уровни первого периода уничтожены более поздним строительством, поэтому начало первого периода существования поселения прослеживалось в основном при доследовании, а также по материалам из траншей для открытия подошв оборонительных и других стен, возведение которых определенно относится к первому периоду. Это, например, материал из траншеи у северной оборонительной стены, свидетельствующий о постройке ее в конце II — начале I в.до н. э.

[23] Яценко 1971, 256-257.
[24] Кутайсов 1990, 62; Кутайсов, Уженцев 1994, 65–66.
[25] Попова 2007, 24-27.
[26] Шелов 1975, 72.
[27] Коваленко 2007, 213.

Очень существенным для определения даты прихода поздних скифов на городище «Чайка» являются материалы некрополя у пос. Заозерное, относящегося к данному городищу. Они свидетельствуют о том, что основная масса самых ранних позднескифских захоронений датируется началом I в. до н. э.[28] Это обстоятельство подтверждает предположение о появлении нового населения на городище «Чайка» не ранее конца II в. до н. э.

Суммируя все приведенные данные, можно сделать некоторые выводы, прежде всего, относительно хронологического фона, на котором происходила смена населения на Чайкинском городище.

Присутствие греческого этноса на Чайке заканчивается не ранее середины, а то и третьей четверти II в. до н. э. За этим следует время запустения территории поселения, которая заносится песком. Продолжительность его, видимо, составляет около 20–30 лет. После этого, приблизительно в последние 15–20 лет II в. до н. э., здесь появляются так называемые поздние скифы.

Представленная хронологическая канва служит основой для исторических интерпретаций, которые неизбежно напрашиваются в связи с представленным материалом. Во-первых, совершенно очевидно, как мы уже говорили, что греческое население покидает городище задолго до прихода поздних скифов, как и в Керкинитиде. Но пришедшее сюда в конце II в. до н. э. позднескифское население представляло собой настолько сильно эллинизованное общество, что материальная культура его, отраженная в археологических материалах, чрезвычайно близка греческой позднеэллинистической культуре. Это часто создает трудности при идентификации слоев и этнической интерпретации последних греческих и первого позднескифского периодов.

На «Чайке» нам приходит на помощь четкая стратиграфия, что, возможно, послужит эталоном для других подобных памятников. Хотя, конечно, не исключен вариант различных исторических обстоятельств, а поэтому необходимы детальные исследования каждого памятника.

Приведенные археологические наблюдения ведут к следующим историческим выводам.

На чайкинском городище, как и на всей хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму, после тотального разгрома в первой-второй четверти III в. до н. э. жизнь на греческом поселении возрождается. Судя по материальной культуре, население остается греческим, по крайней мере, до середины II в. до н. э., а может быть, и до третьей четверти этого столетия, когда жители оставляют поселение. Это надо связывать с началом окончательной утраты Херсонесом данной части хоры, что произошло, по-видимому, ближе к концу II в. до н. э.[29] Возможно, жители чайкинского городища также переселились в Херсонес, как предполагают В. А. Кутайсов и С. Б. Ланцов относительно Керкинитиды[30].

Позднескифское население появилось здесь лишь в конце II в. до н. э. и, как уже говорилось, было сильно эллинизованным, но с варварской подосновой, о чем свидетельствуют такие моменты, как иная техника строительства и наличие большого количества лепной керамики в керамическом комплексе (большего,

[28] Яценко 1974, 212.
[29] Ланцов 2003, 5.
[30] Кутайсов 1990, 159; Ланцов 2003, 45.

чем в греческих слоях), с присутствием среди форм ее специфически позднескифских. Что же это было за население и откуда оно появилось?

Начальный этап истории позднескифских поселений Северо-Западного Крыма связан с проблемой генезиса позднескифской археологической культуры. Как известно, традиционной стала гипотеза П. Н. Шульца о непосредственной преемственности позднескифской культуры от ранней скифской VII–IV вв. до н. э.[31], которая поддерживается до сих пор. Однако в последнее время исследователи все чаще приходят к выводу о том, что генетической связи между ними не существовало. А. Н. Щеглов говорит об этом прямо: «Образование позднескифского царства надо объяснять в первую очередь резкими и внезапными изменениями демографической политической ситуации в Северном Причерноморье в целом, а не поступательным внутренним развитием позднескифского общества»[32]. Датирует он это событие в итоге серединой — третьей четвертью II в. до н. э.[33] По гипотезе А. Н. Щеглова у истоков формирования позднескифской культуры было «некое неизвестное нам пришлое население: земледельцы, носители традиции жить в укрепленных поселениях, а также степняки Крыма или сопредельных с ним равнин Северного Причерноморья»[34]. Материалы «Чайки» как нельзя более отчетливо подтверждают гипотезу о внезапности и единовременности передвижения этого населения, сильно эллинизованного, и хотя и с некоторыми заметными чертами варварских элементов в культуре, при этом явно земледельческого, с давними традициями оседлости. Автором предлагаемой читателю статьи в свое время было высказано предположение о том, что это население представляло собой часть скифов-земледельцев Боспора, претендовавшего на херсонесские земли в Северо-Западном Крыму[35].

К тем же выводам относительно отсутствия непосредственной преемственности позднескифской культуры от ранней пришел Ю. П. Зайцев, анализировавший материалы так называемого Неаполя скифского: «Материалы раскопок Неаполя скифского подтверждают гипотезы о независимом происхождении позднескифской культуры»[36]. Что касается вопроса об истоках позднескифской культуры, то здесь также нет ясности. Так, например, Ю. П. Зайцев, имея в виду памятники Центрального и Юго-Западного Крыма, высказал предположение, что образование «державы Скилура» «было следствием восточной миграционной волны, ассимилировавшей тавро-скифов» и происходило параллельно с формированием новой материальной культуры, получившей название «позднескифской»[37]. Однако этим не объяснялась значительная степень эллинизации так называемого позднескифского общества, тогда как материалы поселений Северо-Западного Крыма красноречиво свидетельствуют о том, что она коснулась всех его слоев, а не только верхушки[38]. Позднее Ю. П. Зайцев расширил круг слагаемых, составлявших позднескифское население, включив сюда «причерноморских греков, предста-

[31] Шульц 1971, 127-143.
[32] Щеглов 1998, 32.
[33] Там же, 150.
[34] Там же.
[35] Попова 1998, 194.
[36] Зайцев 2003, 42.
[37] Зайцев 1999, 147 .
[38] Попова 1998, 193.

вителей латинизированных культур, варварских племен горного и предгорного Крыма, населения Предкавказья и азиатского Боспора»[39]. Столь разнообразный набор слагаемых этноса так называемого позднескифского общества, который предлагается исследователями (упомянутые гипотезы А. Н. Щеглова и Ю. П. Зайцева), уже сам по себе наводит на мысль о том, что определение этнической принадлежности этого не автохтонного населения по археологическим материалам представляет большие трудности и проблема эта еще очень далека от ее решения. Она остается одной из самых загадочных и дискуссионных проблем, связанных с позднескифской культурой. С одной стороны, несомненно, что материальная культура позднеэллинистического времени в связи с активными разнообразными контактами и миграциями, приводившими к ассимиляции различных групп населения, нивелируется, и это приводит к утрате этнообразующих признаков, которые в значительной мере стираются. С другой стороны, заметны различия памятников Северо-Западного, Центрального и Юго-Западного Крыма. Все это свидетельствует о необходимости полного тщательного исследования каждого археологического объекта, что позволило бы прийти к более адекватным и окончательным выводам относительно этногеографической и этнополитической ситуации в Крыму в позднеэллинистическое время.

БИБЛИОГРАФИЯ

Беловинцева Н. И., *Попова Е. А.* 2007: Находки кизил-кобинской керамики с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму / Ю. Л. Щапова, В. Л. Янин (ред.). М., 131–154 .

Дашевская О. Д., *Голенцов А. С.* 2004: К 40-летию раскопок городища Беляус // Археология Северо-Западного Крыма / Т. Е. Приднева (ред.). Симферополь, 26–41 .

Зайцев Ю. П. 1999: Скилур и его царство: новые открытия и новые проблемы // ВДИ. 2, 127–147.

Зайцев Ю. П. 2003: Неаполь скифский. Симферополь.

Коваленко С. А. 2007: Свалка II в. до н. э. в южной части чайкинского городища // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму / Ю. Л. Щапова, В. Л. Янин (ред.). М., 195–251.

Колотухин В. А. 1996: Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века (этнокультурные процессы). Киев.

Колтухов С. Г. 2004: Лепная керамика скифского населения степного и предгорного Крыма // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 90–110.

Кутайсов В. А. 1990: Античный город Керкинитида. Киев.

Кутайсов В. А. 1987: Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. — VII в. н.э. Киев, 27–40.

Кутайсов В. А., *Уженцев В. Б.* 1994: Восточные ворота Калос Лимена // Северо-Западный Крым в античную эпоху / В. А. Кутайсов (ред.). Киев, 44–70.

Ланцов С.Б. 2003: Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев.

Латышева В. А. 1978: Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму // КСИА. Вып. 156, 53–61.

Латышева В. А. 1997: О населении херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (по материалам поселения Маслины) //Древности 1996. Харьков, 56–61.

Ольховский В. С. 1981: Население Крыма по данным античных авторов // СА. 3, 52–65.

[39] Зайцев 2003, 42.

Попова Е. А. 1998: О Северо-Причерноморском, домостроительстве I в. до н. э. — I в. н. э. // Историческая археология: традиции и перспективы / В. Л. Янин (ред.). М., 180–195.

Попова Е. А. 2007: Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III–II вв. до н. э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму / Ю. Л. Щапова, В. Л. Янин (ред.). М., 4–130.

Ростовцев М. И. 1925: Скифия и Боспор. Петроград.

Сенаторов С. Н. 1998: Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань-2 // Херсонесский сборник. Вып.IX. Севастополь, 8–16.

Сенаторов С. Н. 2003: Кизил-кибинская керамика конца VI — первой половины IV в. до н. э. // Херсонесский сборник. Вып.XII. Севастополь, 14–30.

Шелов Д. Б. 1975: Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М.

Шульц П. Н. 1971: Позднескифская культура на Днепре и в Крыму // МИА. Вып. 177, 127–143.

Щеглов А. Н. 1988: Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация / В. К. Афанасьева, Е. В. Мавлеев (ред.). Л., 29–40.

Щеглов А. Н. 1998: Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 142–154.

Щеглов А. Н. 1988: Тавры в VII — первой половине IV в. до н. э. и греко-таврские взаимоотношения // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. Тбилиси, 53–81.

Яценко И. В. 1971: Исследования на городище санатория «Чайка» близ Евпатории // АО 1970 года. М., 256–257.

Яценко И. В. 1974: Археологические раскопки в предместье Евпатории // Вопросы истории. 4, 211–215.

Stolba V. F., *Sceglov A. N.* 2001: PANSKOE 1. The monumental building U 6. Aarhus University Press.

NORTH-WESTERN CRIMEA POPULATION OF THE 4th — 1st CC. B.C. (BASED ON MATERIALS OF ANCIENT TOWN SITE “CHAIKA”)

Ye. A. Popova

The article deals with the composition and structure of the North-Crimean population. Archeological study of ancient town site “Chaika” shows that Greeks were the principal residents of the coast in the 4th — 3rd cc. B.C. Greek community comprised representatives of Tauri that resided there till the early 3rd c. B.C. In the second half of the 2nd c. B.C. their place was taken by later Scythians, mixed Greek and barbarian population who might have migrated from Bosporus.

Key words: The Crimea, Greeks, Tauri, Scythians.

© 2010

С. А. Грингоф

КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОСПОРСКОЙ АРМИИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Статья затрагивает одну из малоизвестных проблем государственного устройства Боспора. Автор на основе эпиграфических источников анализирует военные должности в контексте эллинистической и римской цивилизаций. В статье делается вывод о существовании на Боспоре разветвленной армейской организации, составляющей строгую иерархическую систему на всех уровнях государственной власти.

Ключевые слова: Боспор, государственное устройство, армия.

Для изучения структуры государственного управления Боспорского царства важное значение имеет анализ воинских должностей этого государства. Эллинистическая армия не знала системы строгого определения войсковых командных и тактических единиц[1]. Военная организация была более разнообразной, чем римская военная машина. Совмещение гражданских и военных обязанностей для эллинистических государств являлось общей чертой, что вызывает некоторые трудности при анализе характера боспорской администрации в первые века нашей эры.

Так, в научной литературе высказывалось мнение, что оборот ὁ ἐπί нужно переводить как «военачальник»[2]. Такой подход, на наш взгляд, является некорректным, т. к. влечет за собой классификацию функций наместников областей и городов только как военные. Поэтому необходимо выявить иерархию военных чиновников и определить их компетенцию и функции.

Должность хилиарха (χειλίαρχος или χειλιάρχης) в Боспорском царстве засвидетельствована только в первые века нашей эры. В эпиграфическом комплексе этот чин встречается несколько раз (КБН, 36, 53, 58, 984, 1049, энкомий из Пантикапея[3]). Самое раннее упоминание относится к 92 г н.э., верхняя граница 270-е гг. н.э., т. е. к периоду античного или «римского» времени Боспорского государства[4]. Характер надписей позволяет отнести рассматриваемую должность к разряду военных, но конкретное определение функций этого военачальника и места его в иерархии командного состава боспорской армии у исследователей вызывают разногласия.

Издатели корпуса боспорских надписей подразумевали под этим чином — военную и придворную должность (КБН, с. 66). А. А. Масленников указал, что хилиарх — тысяченачальник, и что он может рассматриваться как указание на структуру, характерную для эллинистических армий. В качестве примера, автор привел роспись пантикапейского склепа 1872 г. (АДЖ. Табл. LXXXI. 2), где связал хилиарха с изображением знаменосца со штандартом типа римского вексиллу-

[1] Бикерман 1985, 61.
[2] Сидоренко 2001, 137.
[3] Сапрыкин 2005, 45–81.
[4] Масленников 2004, 56.

ма[5]. В. А. Сидоренко, предположил, что греческий хилиарх эквивалент римскому tribunus[6], и привел в доказательство херсонесский декрет (IPEI², № 404), составленный на двух языках, где греческому χειλίαρχος соответствовал латинский tribunus. С. Ю. Сапрыкин, основываясь на аналогиях с другими эллинистическими государствами, сделал вывод, что одна из основных обязанностей хилиарха была собирать налоги в царскую казну[7]. В. А. Горончаровский определил хилиарха как крупного военного чина из ближайшего окружения царя или командира наемной царской гвардии, несшего постоянную военную службу при дворе[8].

Такое разнообразие мнений вынуждает нас рассматривать этот армейский чин в контексте военной истории государства и способов ведения боевых действий. Судя по археологическим данным, территория Боспорского царства была окружена валами и крепостями различных типов. Наверное, наиболее мощная система крепостей находилась на Фанталовском полуострове, где исследовано 12 укрепленных городищ[9]. Рядом с Островом находился округ аспургиан. Археологические раскопки в Прикубанье, окрестностях Анапы и Новороссийска показали, что многие крепости на юго-восточных рубежах Боспора возникли как единое целое в I в. до н.э. и относились к аспургианам[10]. Укрепления также исследованы на основных подходах к Горгиппии[11], сеть крепостей окружала Танаис[12].

На территории Крымского полуострова исследуется укрепленная хора Феодосии[13]. Европейский Боспор или царская область для своей защиты имел несколько валов и большое количество крепостей с линейной внутренней планировкой.

Классификация укрепленных поселений Боспорского царства проведена А. А. Масленниковым. Низшим звеном этой системы являются дома-башни или сторожевые посты (Юбилейное 1 и 2, Рассвет, укрепления в районе Бат); затем идут резиденции наместников военно-административных округов (Чокракский мыс, Семибратнее городище, «усадьба Хрисалиска»); самые мощные укрепления — это крепости с внутренней планировкой по линейному принципу (Илурат, Генеральское Восточное, Зюк, Белинское)[14]. Легко заметить, что такая военно-административная системы была целиком направлена на оборону территории государства.

Оборона западной границы Боспорского царства имеет ряд прямых аналогий с британским или дунайским лимесом; в то время как, восточная пограничная система напоминает африканский вариант имперского лимеса[15]. В римском варианте гарнизоны сторожевых башен должны были своевременно оповестить световыми или дымовыми сигналами о приближении войск противника. После

[5] Масленников 1990, 144.
[6] Сидоренко 2001, 138.
[7] Сапрыкин 2002, 200.
[8] Виноградов, Горончаровский 2009, 154.
[9] Сокольский 1976, 111–114.
[10] Сапрыкин 2006, 178.
[11] Алексеева 1997, 52–54.
[12] Сапрыкин 2002, 205–207.
[13] Gavrilov 2006, 255.
[14] Масленников 1998, 112, 136, 173–181.
[15] Масленников 2004, 58.

получения такого сигнала римские войска двигались навстречу врагу и вступали с ним в бой[16].

Начиная со II в. н.э. римляне для этих целей начинают использовать тяжелую конницу. При Траяне появляется Первая Ульпиева тысячная ала копейщиков. Реорганизация кавалерии, проведенная под влиянием восточных противников в правление императора Адриана, еще больше увеличила значение конницы, тогда стали применяться катафрактарии и клибанарии. Была ликвидирована легионная конница, а вместо нее начали использовать конные части, набранные у союзников или в местах боевых действий, возглавляемые собственными вождями или римскими командирами (praefecti equites). В период Ранней империи эти конные отряды были превращены в полки (alae), численностью примерно в тысячу всадников[17]. Например, императором Траяном была сформирована I Боспорская ала, численностью в 1000 воинов, накануне второй дакийской войны 105–106 гг[18].

Учитывая характер боевых действий и структуру боспорской армии, нужно согласиться с В. А. Горончаровским, что существенную роль на поле боя должна была играть координация действий пехоты с тяжелой и легкой конницей[19].

Роль конницы на Боспоре была приоритетной из-за основных противников государства — кочевых варварских племен. В качестве примера можно привести, тысячу всадников Фарнака — его личную гвардию (Dio. Cass. XLII. 47; App. Mithr. 120; Bel. Alex. 71–77).

Иранское имя основателя новой династии Тиберий-Юлиев Аспург переводится, как «имеющий мощных коней»[20], что говорит о приоритете кавалерии в данный период времени. В этой связи, необходимо отметить царскую должность управляющего конюшней (КБН, 942) от 234 г. н.э., которая, скорее всего, появилась при Аспурге. Этот чиновник отвечал не только за организацию конюшен, но и за государственную закупку лошадей для военных нужд[21].

В 49 г. н.э. Котис и Аквила во время войны с Митридатом VIII «не рассчитывая на свои силы… стали искать поддержки и направили послов к Евнону, правившему племенем аорсов» (Tac. Ann. XII, 15). Необходимость такого союза диктовалось отсутствием у римлян и Котиса всадников, способных противостоять коннице Митридата VIII[22].

В конце I в. н.э. безымянный военачальник, оставшись без поддержки сарматской конницы, продолжил бой во главе только гоплитов из боспорских городов, что было и отмечено как великий подвиг этого вельможи[23]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что в первые века нашей эры главная роль в столкновении с противником отводилась коннице.

Если попытаться реконструировать нападение варварских племен на территорию Боспорского царства, то во время набега сторожевые башни передавали дымовой сигнал об опасности, и тотчас выдвигался конный отряд навстречу про-

[16] Baatz 1976, 43–47.
[17] Махлаюк, Негин 2009, 294–299.
[18] Рубцов 2003, 145.
[19] Горончаровский 2004, 96–103.
[20] Абаев 1949, 185.
[21] Ивенских 2006, 15.
[22] Виноградов, Горончаровский 2009, 268.
[23] Сапрыкин 2005, 49–50.

тивника. Вероятно, что численность такого отряда равнялась примерно тысяче всадников, и во главе этой группировки стоял боспорский хилиарх.

Наше предположение объясняет тот факт, что в энкомии безымянного сановника конца I в. н.э. употреблен термин χιλιαρχίαι в именительном падеже множественного числа[24]. Это свидетельствует, что чествуемый был в должности хилиарха не один раз, т.е. руководил действиями конной хилиархии в отражении набегов неприятеля несколько раз.

В царствовании Савромата II в административном округе «Остров» хилиархом служил Юлий Менестрат (КБН, 1049). В 192 г. н.э. этого военного царь назначает в Танаис в качестве пресбевта и награждает его почетным придворным званием «главный постельничий» (КБН, 1243). Видимо, Юлий Менестрат затем снова возвращается в Фанагорию и ставит посвятительную надпись Савромату II[25]. Этот крупный военный и политический деятель, член аристократической семьи, известной со времен Аспурга (КБН, 40), честно служил и хилиархом, и пресбевтом, за что и был удостоен почетным званием архикойтонита. Такая карьера этого сановника показывает, что должность хилиарха не была пожизненной, а назначение на нее осуществлялось только во время боевой опасности.

Такая интерпретация должности хилиарха объясняет и ее совмещение с высшими административными назначениями. Наместник аспургиан Фанн, сын Сакла также являлся и военачальником конного отряда, защищавшего эту область от вторжений варварских племен (КБН, 36).

Известен и хилиарх в должности наместника над царской областью (КБН, 58). Интерес вызывает его римское имя — Аврелий Родон, сын Лоллея, возможно, этот человек бывший praefecti equites, так как правители Боспора нуждались в хороших военных специалистах и привлекали на службу офицеров римской армии[26]. Безусловно, что этот военачальник, наделенный высшими полномочиями, не один раз спасал европейскую часть царства, за что ему и была поставлена статуя в Пантикапее в 249 г. н.э.

В пользу наших рассуждений свидетельствуют многочисленные изображения конных всадников на Боспоре в этот период времени, что говорит не только об их высоком социальном статусе, но и о важном значении в развитии государства.

К наиболее раннему изображению типа всадников, который затем приобретет широкое распространение на территории государства, следует отнести надгробную стелу аспургианского вождя Матиана, сына Заидара, датирующаяся концом I в. до н.э[27]. На стеле изображен всадник-катафрактарий с длинным копьем. Вероятно, способ ведения боевых действий аспургиан был взят за основу тактической доктрины для боспорской армии первых веков н.э. Именно поэтому, все этнографические детали, присутствующие на надгробии Матиана, повторяются в изображении конного воина с оруженосцем из пантикапейского склепа Анфестерия, сына Гегесиппа середины I в. н.э[28]. К этой группе памятников необходимо также отнести изображения всадников из склепа 1841 г. второй половиной I в. н.э. (АДЖ., с. 346–375), «Стасовский» склеп первой половины II в. н.э. (АДЖ,

[24] Сапрыкин 2005, 74.
[25] Кузнецов 2006, 161–172.
[26] Виноградов, Горончаровский 2009, 156.
[27] Десятчиков 1972, 68–77.
[28] Амброз 1992, 35, табл. VII, 11.

с. 294), склеп 1873 г. первой половины II в. н.э. (АДЖ, с. 228). Нужно заметить, что, судя по данным КБН, среди пантикапейских мужских надгробий I–II вв. н.э. 33 % надписей сопровождаются изображением всадников, когда с сюжетом пехоты — только 12 %[29].

Таким образом, с большой уверенностью можно говорить о преобладающей роли конницы в столкновениях с противником, когда основой боевого порядка оставалась тяжелая пехота, выстроенная фалангой[30]. Руководил отрядами кавалерии, видимо, военный в звании хилиарха. Отряд численностью тысяча всадников формировался по принципу римской алы. Во время вторжения варваров на территорию царства эта конная группировка являлась мобильным отрядом, который в течении минимального времени находил противника и вступал с ним в бой. Такое ведение боевых действий обусловил открытый характер местности, главную роль на котором играла хорошо подготовленная конница.

В ходе углубленного сотрудничества с римской армией происходит соотнесение боспорских военных должностей с римскими, но с сохранением эллинистических их названий[31]. Спейрарх (σπειράρχης) (КБН, 263) — командир отряда в 600 человек, видимо, в начале I в. н.э. становится принкипсом (πρίνχιψ) (КБН, 35, 744, 811), прямым аналогом которого является римский princeps. Принципалы выполняли обязанности младших офицеров, занимая по своему служебному положению ранг между центурионами и простыми солдатами[32]. Боспорский тагматарх (КБН, 1213) — командир $^1/_2$ спейры, по своим функциям приближается к имперскому центуриону[33].

Также Рим активно оказывал помощь Боспору специалистами, о чем можно судить на основании надписи из Танаиса времени правления Ининфимея, в которой говорится об архитекторе Аврелии Антонине, который восстановил городские ворота (КБН, 1252).

Менее изученной остается должность Боспорского лохага (λοχαγός) (КБН, 1000, 1051, 1136, 1179, 1231, 1251а). В. Д. Блаватский, а затем и М. Мельчарек прямо говорят о неясности функций этого военного[34]; В. А. Сидоренко видит в этом чине командующего подразделением флота[35]. Рискнем предположить, что под званием лохага служили коменданты гарнизонов в городах. В государстве Селевкидов особое место занимали военные правители в городах, функции которых отличались от гражданских эпистатов. Их называли «начальниками гарнизона», «стражами цитадели» или даже префектами[36].

В Понтийском царстве в каждой крепости-катойкий гарнизон служил с командиром или фрурахом, которому подчинялась и прилегавшая к укреплениям территория[37]. В Понте хорошо прослеживается вся иерархия управления царскими землями. Стратег или эпарх осуществлял общее командование округом, он на-

[29] Виноградов, Горончаровский 2009, 161.
[30] Перевалов 1999, 150–151.
[31] Виноградов, Горончаровский 2009, 161.
[32] Зубарь 2004, 50.
[33] Сапрыкин 2005, 78–79.
[34] Блаватский 1954, 148; Mielczarek 1999, 85.
[35] Сидоренко 2001, 140.
[36] Бикерман 1985, 53.
[37] Сапрыкин 1996, 225.

ходился в крепости-эпониме этой области; по всей же территории округа располагались крепости во главе с фрурархами[38].

На Боспоре также получила широкое распространение система катойкий, но никаких сведений о командирах гарнизонов крепостей пока нет. Можно предположить, что лохаги и выполняли функции комендантов царских гарнизонов.

Военно-административная система поселений на Боспоре создана по образцу Понтийской. Дома-башни или сторожевые посты выступают как центры небольшой территории, как убежища для сельских жителей из близлежащих деревень. Более крупные поселения городского типа являлись ядром еще большей округи, охватывая укрепленные усадьбы помельче[39].

В поселениях с внутренней планировкой по линейному принципу (Илурат, Генеральское Восточное, Зюк, Белинское и др.[40]), построенные по образцу римского лагеря, военное и, возможно, гражданское правление осуществляли лохаги. Они подчинялись наместникам областей, которые находились в цитаделях, являющихся резиденциями (Чокракский мыс, Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка, Семибратнее городище, «усадьба Хрисалиска»).

В этой связи, очень интересно письмо Ботрюса из Акры, в котором впервые для Боспора упоминается его должность — начальник города (ὁ ἐπὶ τῆς πόλεως)[41]. В надписях II в. до н.э. начальник Саламина назван вместе с фрурархом этого же города, а в надписи из Никосии фрурарх становится наместником города (OGIS. 113, 134, 155). При Митридате VI Евпаторе начальниками городов являлись стратеги, например, стратег и градоначальник Диоген, сын Тиэя в Ольвии[42]. Фанагория по всей видимости также имела стратега-градоначальника при Митридате VI, т. к. Орозий, описывая восстание Кастора, называет его должность Mithridatis praefectus, qui Phanagorio praeerat (Oros., VI, 5, 2). Зенонов Херсонес также имел своего управляющего и им мог быть лохаг, или же он осуществлял только военную власть в городе[43].

Из эпиграфических документов известно о фанагорийском лохаге (КБН, 1000). Интересно, что λοχαγός Агафус, сын Саклея ставит статую своему отцу в Фанагории, который служил начальником острова. В еще одной надписи лохаг Бейбий, сын Ахемена восстанавливает общественное здание и упоминает опять начальника острова или несарха[44]. Приходится согласиться с утверждением, что Фарнак II лишил Фанагорию полисного статуса и включил ее в округ «Остров»[45]. Тогда становятся понятными, присутствие и роль царского лохага в этом городе и в 178 г., и в 220 г.

Также известен лохаг из Гермонассы, а его отец Аврелий Андроник, видимо, являлся наместником царской земли, куда и входила Гермонасса (КБН, 1051). Просопографический анализ имен горгиппийских наместников позволил выяс-

[38] Сапрыкин 1996, 225.
[39] Сапрыкин 2002, 198.
[40] Масленников 1998, 112, 136, 173–181.
[41] Сапрыкин, Федосеев 2008, 64–80.
[42] Крапивина, Диатроптов 2005, 67–73.
[43] Сапрыкин, Масленников 1999, 193–194.
[44] Кузнецов 2007, 227–238.
[45] Сапрыкин, Федосеев 2008, 78.

нить, что все они принадлежали к одному знатному роду[46]. Таким образом, государственные чиновники набирались из членов знатных семей Боспора.

Наличие военного в звании лохага в Танаисе (КБН, 1251а) во время правления царя Ининфимея (234/35–239/40 гг.) без сомнения связывается нами с военной угрозой аланских кочевых объединений или, возможно, готов, герулов и боранов[47]. Должность лохага танаитов указывает и на наличие должности лохага эллинов[48]. Это означает, что город имел особые воинские подразделения танаитов и эллинов. Появление танаиских военных отрядов со своим командирами связано с организацией варварской политевмы боспорскими царями в Танаисе, которые стремились укрепить город для борьбы с враждебными племенами[49].

Лохаги, видимо, отвечали за боевые отряды, собираемые с близлежащих укрепленных поселений. С таких как, город Наварис (городище Темерницкое или Нижнее-Гниловское)[50], Эксополь (городище Кобяковское)[51], Патарва (городище Подазовское)[52].

Присутствует лохаг и в Горгиппии (КБН, 1136, 1179). Обе надписи относятся к эпохе Савромата II. Этот правитель ведет постоянные войны с варварами в союзе с Римом (КБН, 52, 1237). На Боспоре появляются могилы римских солдат (КБН, 691, 726), возводится от основания крепость Савроматий[53], происходит коренная перестройка Илурата[54]. Было бы резонно предположить, что царский лохаг прибыл на усиления полиса Горгиппии в эти неспокойные времена. В одной из надписей, λοχαγός выступает в роли жреца фиаса (КБН, 1136), возможно, это проявление уважения к царскому военному. В другом списке фиаситов также назван лохаг, причем он стоит впереди полисного стратега (КБН, 1179). Возможно, Горгиппия сама обратилась к царской канцелярии с просьбой о военной помощи, тем более такой инцидент обращения этого города к царю произошел при Аспурге[55].

Система укрепленных поселений на западной границе государства в немалой степени напоминает британский или дунайский лимес Римской империи. Восточная граница царства отчасти соответствует африканскому варианту лимеса[56]. Обычно, под лимесом понимают организацию обороны римских имперских границ, включавшую в себя сторожевую службу специальных воинских подразделений, а также строительство различных фортификационных сооружений и коммуникаций[57]. Остатки прямоугольных построек, зафиксированных на Узунларском валу и в непосредственной близости от него, на основании аналогий можно атрибутировать в качестве сторожевых башен (Wachttürm). На римских лимесах такие башни строились на расстоянии от 300 до 1000 м. друг от друга и соединялись ка-

[46] Смирнова 2001, 350–368.
[47] Айбабин 1999, 242–251.
[48] Шелов 1972, 267.
[49] Завойкина 2004, 168.
[50] Зубарев 2005, 302.
[51] Там же.
[52] Там же, 318.
[53] Масленников 1998, 159–164, 254–55.
[54] Горончаровский 2002, 70.
[55] Heinen 1999, 133–142.
[56] Масленников 2004, 58.
[57] Леквинадзе 1969, 75.

менной стеной[58]. На Узунларском валу расстояние между такими башнями около полутора километров[59]. Командование римским гарнизонами осуществлял трибун и, иногда, центурион (ILS. 394, 9117).

Строительство укреплений начатое еще Митридатом Евпатором и продолжавшееся в течение двухсот лет, в определенной степени напоминает строительство лимеса. Причем в начале новой эры римляне возводят и активно используют укрепления на Кавказе и в районе Херсонеса. С помощью гарнизонов таких крепостей империя следит за развитием событий в степной зоне и в случае необходимости наносит превентивные удары по варварам[60]. Логично было бы предположить, что для создания целостной системы обороны в районе Черного моря необходимо было и строительство крепостей на территории Боспорского царства. Несомненно, что укрепленные районы Боспора и выполняли функции римского лимеса. Именно для строительства и содержания военно-хозяйственных поселений Рим оказывал финансовую помощь боспорским царям (Luc. Alex. vel Pseudopr. 57; Zosim. I. 31. 1).

Таким образом, можно заключить, что боспорский лохаг выполнял военные функции в крупных поселениях укрепленного типа, в которых проживали военные поселенцы из местных племен. Видимо, в мирное время он занимался подготовкой воинов, следил за их вооружением, держал под контролем дороги, подавлял внутренние волнения, то есть выполнял практически все обязанности наместника города. В случае начала масштабных боевых действий отряд «вливался» в боспорскую армию и действовал под началом своего же лохага.

Похожие функции, но только в полисах выполняли стратеги (στρατηγός). Из ряда эпитафий видно, что военная служба для граждан не была основной профессией[61]. Например, надгробие I в. н.э. из Пантикапея на могиле Стратоника, сына Зенона (КБН, 145) показывает человека в мирное время в хитоне, и его же в виде всадника во время боевых действий. Причем Стратоник, судя по надписи, был убит, защищая свой город. На существование городских ополчений косвенно указывает и энкомий из Керчи. В надписи чествуемый военачальник командовал колонной гоплитов, в составе которой могли быть представители ополчения граждан одного или нескольких боспорских городов[62].

Должность стратега засвидетельствована в Горгиппии (КБН, 1134, 1179) и в Танаисе (КБН, 1237, 1256). В Пантикапее существовал на некрополе особый участок для захоронения стратегов (КБН, 382, 827). Фактически из всех крупных городов-полисов Боспора есть свидетельства об институте стратегов. Также нужно отметить большое количество в росписях склепов и на надгробных рельефах изображений воинов, что, несомненно, говорит о городских ополчениях, и, следовательно, о функционировании стратегов. На данный момент нельзя точно сказать — был ли стратег выборным магистратом или же назначался боспорским царем.

Определенную часть боспорской армии составляли наемники[63]. Уже во вре-

[58] Baatz 1976, 35–45.
[59] Масленников 1990, 71.
[60] Зубарь 1998, 125.
[61] Виноградов, Горончаровский 2009, 157–159.
[62] Сапрыкин 2005, 80.
[63] Виноградов, Горончаровский 2009, 155–156.

мена Митридата Евпатора упоминается вождь галлов Битоит (App. Mith., 111). Ко II в. н.э. относится эпитафия Диза, сына Бифия (КБН, 666), в ней говорится, что он был центурионом и начальником отряда фракийцев. Римская должность центуриона на Боспоре чаще встречается в виде должности принкипса (πρίνχιψ) (КБН, 35, 744, 811).

До реформы армии по римскому образцу эта должность называлась спейрархом, что подтверждает надгробный памятник Гатиона, сына Аристократа, который служил командиром спейры (σπειράρχης) (КБН, 263), подразделения равного римской когорте[64]. В первые века нашей эры Боспорское царство формирует вспомогательные боевые отряды для Римской империи[65], тем самым обучая своих солдат наиболее развитому античному военному искусству, высшие начальники боспорской армии носят римские имена, что говорит о прохождении ими римской военной школы. Роспись пантикапейского склепа 1872 г. дает нам несколько интересных моментов организации боспорской армии первых веков нашей эры (АДЖ. табл. LXXXI. 2). Так, обращает на себя внимание знаменосец, который держит в руках вексиллум, использовавшийся в римских вспомогательных войсках в качестве знака когорты, и также ношение солдатами коротких мечей справа на манер римских гладиусов.

Таким образом, можно говорить не только о греко-варварском, но и о греко-римском синтезе в военном деле Боспора. Такое смешение военного и административного управления столь различных культур стало мощным стимулом для сохранения нормального функционирования царства во время постоянной боевой опасности варварских набегов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В. И. 1949: Осетинский язык и фольклор. М.-Л.

Айбабин А. И. 1999: О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет Черняховской культуре. Киев, 242–251.

Алексеева Е. М. 1997: Античный город Горгиппия. М.

Амброз А. К. 1992: Хронология раннесредневековых древностей // БС. 1, 6–108.

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Блаватский В. Д. 1954: Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.

Виноградов Ю. А., *Горончаровский В. А.* 2009: Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. — середина III в. н.э.). СПб.

Горончаровский В. А. 2002: Крепость Илурат: итоги изучения // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 68–77.

Горончаровский В. А. 2004: Стратегия и тактика боспорской армии первых веков н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 96–103.

Десятчиков Ю. М. 1972: Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 4, 68–77.

Завойкина Н. В. 2004: . Ταναεῖται в истории Боспорского царства // ДБ. 7, 163–179.

Зубарев В. Г. 2004: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.

Зубарь В. М. 1998: Северный Понт и Римская империя. Киев.

[64] Блаватский 1954, 148.

[65] Ивенских 2006а, 43–52.

Зубарь В. М. 2004: Таврика и римская империя: римские войска и укрепления в Таврике. Киев.

Ивенских А. В. 2006: Военная организация Боспорского царства в середине I в. до н.э. — II в. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь.

Ивенских А. В. 2006а: «Боспорские» отряды в римской императорской армии // ПИФК. XVI/3, 43–52.

Крапивина В. В., *Диатроптов П. Д.* 2005: Надпись наместника Митридата VI Евпатора из Ольвии // ВДИ. 1, 67–73.

Кузнецов В. Д. 2006: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 155–172.

Кузнецов В. Д. 2007: Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 1, 227–243.

Леквинадзе В. А. 1969: «Понтийский лимес» // ВДИ. 2, 75–93.

Масленников А. А. 1990: Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.

Масленников А. А. 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.

Масленников А. А. 2004: Системный кризис III в. н.э. на Боспоре и крах античного военного искусства // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 56–59.

Махлаюк А. В., *Негин А. Б.* 2009: Римские легионы в бою. М.

Перевалов С. М. 1999: Стать римским полководцем, читая греков // ПИФК. VIII, 145–153.

Рубцов С. М. 2003: Легионы Рима на Нижнем Дунае. Военная история римско-дакийских войн. СПб.-М.

Сапрыкин С. Ю. 1996: Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М.

Сапрыкин С. Ю. 2002: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.

Сапрыкин С. Ю. 2005: Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I — начале II в. н.э. // ВДИ. 2, 45–81.

Сапрыкин С. Ю. 2006: Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 171–242.

Сапрыкин С. Ю., *Масленников А. А.* 1999: Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 2, 193–203.

Сапрыкин С. Ю., *Федосеев Н. Ф.* 2008: Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 3, 64–80.

Сидоренко В. А. 2001: Высшие воинские должности на Боспоре во II — начале IV в. н.э. (по материалам эпиграфики) // БИ. 1, 137–146.

Смирнова Н. В. 2001: Наместники Горгиппии // ДБ. 4, 350–368.

Сокольский Н. И. 1976: Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М.

Шеллов Д. Б. 1972: Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.

Baatz T. D. 1976: Wachttürme am Limes. Stuttgart.

Gavrilov A. V. 2006: Theodosia and its Chora in Antiquty // BSS. 4, 249–272.

Heinen H. 1999: Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspourgos (AE. 1994. 1538) (Überschene Berichtigungsvorschlage Günther Klaffenbachs und Weitere Beobachtungen) // ZPE. 124, 133–142.

Mielczarek M. 1999: The Army of the Bosporan kingdom. Lodz.

COMMAND ADMINISTRATIVE ORGANIZATION OF BOSPORAN ARMY OF ROMAN TIMES

S. A. Gringof

The article illustrates a little-known problem of Bosporan political structure. Using written sources as the base the author analyzes army structure in the context of Hellenistic and Roman civilizations. The author infers that Bosporus had a ramified army organization forming a strict hierarchy on all levels of state power.

Key words: Bosporus, state structure, army.

© 2010

В. О. Акимов

ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ БРОНЗОВЫХ БОСПОРСКИХ МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ В ХОДЕ ПОДВОДНЫХ РАСКОПОК В АНТИЧНОЙ ФАНАГОРИИ[1]

В статье описывается опыт реставрации бронзовых монет, найденных в ходе подводных археологических раскопок античной Фанагории в 2007–2009 гг. Предлагается метод сохранения оттисков изображений монет в корках окислов и ила, покрывающих монету. С помощью электрохимической реакции корка размягчается, сохраняя необходимую прочность, что позволяет отслоить ее, сохранив оттиск. Далее, изображение сохраняется в слепке. Это позволяет идентифицировать монету даже в случае ее полного разрушения.

Ключевые слова: реставрация, боспорские бронзовые монеты.

Между станицами Сенной и Приморский на южном берегу Таманского залива (Темрюкский р-н Краснодарского края) располагался античный город, отождествляемый большинством исследователей с Фанагорией. За последние две тысячи лет уровень Черного моря поднялся на четыре — пять метров, и часть города оказалась под водой.

Наземные исследования памятника начались с середины XIX века, а подводные — под руководством В. Д. Блаватского с 1959 года и продолжены с 2005 под генеральным руководством В. Д. Кузнецова.

В 2005 году одним из подводников в свободном поиске было обнаружено античное надгробие, и на месте находки был заложен раскоп. В ходе раскопок было выявлено сооружение, названное «ряжем», представляющее собой клеть

[1] Огромная благодарность всем, кто помогал в процессе работ: М. Г. Абрамзону, Н. В. Ениосовой, А. Б. Колесникову, В. Хаминой, М. Кормиловой и др.

из дубовых плах, заполненную камнями разных размеров и форм. [Поскольку на Таманском полуострове камня нет, создатели ряжа использовали камни из стен и фундаментов разрушенных зданий, архитектурных деталей и даже надгробий].

Наиболее вероятно, что «ряж» выполнял функцию причала. В ходе раскопок в прилегающих к ряжу областях найдено значительное количество древнего мусора (амфоры, кости и пр.), рыболовные крючки и грузила, монеты и др. предметы. Время функционирования причала определяется на основании сопутствующих находок, весьма приблизительно, серединой третьего — серединой четвертого веками нашей эры, поскольку практически все находки происходят из перемешанного слоя. Единичные находки монет более раннего времени не могут служить весомым основанием для более ранней датировки ряжа. Они могли попасть в воду в процессе размыва береговой линии водами залива. Находки нескольких монет середины четвертого века нашей эры между камнями забутовки кладки на поверхности ряжа позволяют предположить, что причал был разрушен тогда же. Однако, веских оснований, чтобы связывать разрушение причала с разгромом города гуннами, пока нет.

Монеты являются наиболее точным датирующим материалом. Поскольку боспорские монеты первого — четвертого веков нашей эры достаточно хорошо изучены, систематизированы и датированы[2]. Если изображение на монете хорошо сохранилось, то по систематизации Н. А. Фроловой ее часто можно датировать с точностью до нескольких лет. Причем, начиная с середины третьего века до нашей эры, на боспорских монетах чеканилась дата в буквенном обозначении по боспорской эре (плюс 297 лет по отношению к нашему летоисчислению). И если удается прочесть дату, то монета определяется с точностью до года.

Конечно, это не означает, что монету утеряли (или намеренно бросили в воду) именно в год ее чеканки. Однако, датирование периода функционирования объекта на основании нумизматических находок представляется значительно более точным чем, например, на основании сопутствующего керамического материала.

С относительно небольшой, исследованной в 2007–09 годах, площади ряжа и прилегающей к нему территории происходит около 700 монет.

Такая концентрация монет рядом с причалом наталкивает на мысль именно о жертвоприношении богам перед путешествием или при удачном его окончании. В античной литературе есть множество описаний этого широко распространенного обычая. Наличие среди боспорских монет некоторого количества римских может свидетельствовать о налаженном морском сообщении со средиземноморскими центрами. [На данный момент нет подтверждений обращению римских монет на территории боспорского царства.]

Почти все монеты из моря плохой сохранности. Многие дошли в виде окислов или полностью минерализованные. Многие разрушились в процессе их чистки.

Чтобы в дальнейшем лучше понимать, какие факторы влияли на их сохранность, попробуем восстановить всю историю метаморфоз монеты с момента ее изготовления до момента ее нахождения.

Монеты в античное время изготавливались следующим образом. Сначала в литейных формах отливались заготовки монет. Поскольку в районе ряжа найдены только бронзовые монеты, в дальнейшем по умолчанию будем говорить толь-

[2] Фролова Н.А. 1997: Монетное дело Боспора. Государственный исторический музей. М.

ко о бронзовых сплавах. В разное время и в разных центрах соотношение долей меди, олова, свинца и других элементов в сплавах различалось. Затем, монетную заготовку нагревали, чтобы добиться пластичности металла и помещали между штемпелями. Ударом по верхнему штемпелю оттискивали изображение на обеих сторонах монеты. После этого монета выпускалась в обращение. Периодически монетный двор отзывал монеты из обращения и подвергал их надчеканке. Для этой процедуры монету вновь нагревали и наносили удар штемпелем меньшего диаметра. Некоторые монеты подвергались контрмаркированию дважды. Важно отметить, что недостаточно высокая температура повторного нагрева в сочетании с ударами штемпелей «ослабляли» монету, делали ее структуру слоистой. Сильные удары деформировали и порой раскалывали монетный кружок.

В процессе обращения монета подвергалась влиянию агрессивных сред: воздуха, воды и человеческого пота (помимо 98–99 % воды он содержит молочную кислоту, мочевину, хлорид натрия, что определяет его агрессивность) и пр. Под их воздействием металл окислялся. На поверхности образовывалась тонкая пленка из оксидов — своего рода защитный слой, замедляющий коррозию[3].

Затем монета попадает в морскую воду. Морская вода является хорошо аэрированным, нейтральным электролитом с высокой электропроводностью, обусловленной растворенными солями, главным образом хлоридами и сульфатами натрия, магния, кальция и калия. Происходит электрохимическая (электролитическая) реакция, в которой металл монеты выступает анодом либо катодом. Процесс разрушения протекает с большей скоростью[4].

В морской воде металлические предметы испытывают воздействие растительных и животных организмов. В сочетании с кремнекислыми соединениями и углекислым кальцием они оседают на поверхности металла, образуя иловую корку. Теоретически, благодаря иловой корке должно было бы наступить равновесие, а, следовательно, и прекращение разрушения. Практически, равновесия достичь невозможно: в результате коррозионных процессов химический состав раствора вблизи металлической поверхности меняется в результате вторичных реакций, например, образования гидроокисей металлов и выделения газов[5].

Таким образом, к моменту нахождения монета представляла собой комок окаменевшего ила. Верхние слои металла монеты или вся его толща в большинстве случаев полностью преобразовывались в окислы или минерализовались. Превратившись в рыхлые окислы, монета сохраняла форму только благодаря иловой корке.

Нам достался бесценный опыт предшественников, из которого мы знаем, что механическая чистка монет из моря без химических реактивов дает положительный результат только в случаях отличной сохранности монеты (в среднем в 4 из 100). В остальных случаях монета распадается. Определить под толстым слоем иловой корки степень сохранности монет без специальных приборов (например, рентгеновского аппарата) не представляется возможным. Остается под вопросом сохранность этих монет в дальнейшем.

Найденные монеты из моря необходимо срочно поместить в дистиллиро-

[3] Шамаханская 1989, 3.
[4] Там же, 6.
[5] Там же, 6.

ванную воду. В противном случае, процесс разрушения ускоряется. Если монету оставить на воздухе, при ее высыхании, соли, содержащиеся в морской воде, кристаллизуются и «разорвут» монету изнутри. Особенно это характерно для монет со слоистой структурой метала (см. выше). Оставленная в морской воде монета подвергается воздействию микроорганизмов и очень быстро «зацветает». В случае с монетами со слоистой структурой металла, активная коррозия проникнет внутрь, и удалить ее, не уничтожив верхние слои монеты, будет невозможно.

Благодаря наблюдению Андрея Борисовича Колесникова[6], мы знаем, что рельефное изображение на поверхности монеты «отпечатывается» на прилегающей к ней внутренней поверхности окаменевшей иловой корки в зеркальном отображении. Таким образом, если удается отслоить от поверхности монеты иловую корку, не повредив последнюю, мы получаем негатив изображения с монеты. Оттиск-негатив позволяет не только разобрать изображение, но и прочитать надписи (в том числе дату), если таковые попали в «сохранившуюся площадь». Это особенно ценно в случаях плохой сохранности монет.

Таким образом, перед нами стояли следующие задачи:

1. расчистка с сохранением монеты и извлечением максимума информации;
2. идентификация монеты: «прочесть» изображение и надписи, определить дату чеканки, центр производства, номинал;
3. «консервация» для дальнейшего ее хранения в музейной экспозиции.

Подбор методики обработки данных монет основывался на методическом пособии, разработанном М. С. Шамаханской[7], и курсе лекций и практических занятий по реставрации археологических предметов Н. В. Ениосовой.

В процессе чистки мы протестировали несколько вариантов.

Механическая чистка иглой, скальпелем, пластиковой, латунной и стальной щетками-насадками на бормашинку. Удаление загрязнений и активной коррозии этим методом считается предпочтительным с учетом дальнейшего хранения предмета в музейной коллекции. Этот метод не подразумевает применения химических реактивов и потому считается наиболее «мягким». Однако, в нашем случае, он оказался бесполезен. Толстая окаменевшая корка ила солей слишком твердая и не поддается механической расчистке. Если же применять физические усилия, то вместе с коркой разрушается монета. От этого метода мы практически сразу отказались.

Применение относительно мягких реактивов — 10 % раствора трилона Б и 10 % раствора сульфаминовой кислоты — также не оправдало себя. Размягчаются только верхние слои иловой корки. Реакцию нужно повторять много раз. При этом иловая корка с оттиском изображения монеты разрушается. В случае, когда монета полностью коррозирована, сохранить монету или хотя бы идентифицировать ее не возможно. Удается сохранить только мало информативное ядро монеты.

Очистка в ультразвуковой ванне в 10 % растворе с нагреванием до 60 °С очень эффективная для археологических металлических предметов с сохранившимся ядром, в нашем случае не дала положительного результата. Эффект тот же, что и в предыдущем опыте.

[6] Кузнецов, Колесников, Ольховский 2008, 375, рис. 26, 8.
[7] Шамаханская 1989.

Раствор серной кислоты (концентрация 10 %) очень эффективно растворяет иловую корку и все окислы под ней. Остается малоинформативное ядро, которое необходимо пропустить через длинный ряд операций по промывке с целью вывести продукты реакции. Этот метод нам также не подходит.

От применения электролитической очистки отказались еще на этапе обсуждения. Метод эффективный для чистки крупных предметов с хорошо сохранившимся металлическим ядром, не подходит для сильно коррозированных монет. Электролитическая очистка считается «жестким» методом, поскольку возникают проблемы с дальнейшим хранением в музейной экспедиции.

Наилучшим образом зарекомендовала себя электрохимическая очистка. Иловую корку удается размягчить настолько, чтобы отслоить ее от монеты. В значительном числе случаев удается сохранить иловую корку с оттиском изображения на внутренней ее поверхности.

Электрохимическая очистка — катодное удаление продуктов коррозии без внешнего источника электрического тока. Для этого применяется электрохимическая система, состоящая из металлического предмета, который надо очистить (в нашем случае монета), металла, обладающего более электроотрицательным потенциалом по сравнению с металлом изделия (гранулированный цинк), и электролита (раствор едкого натра). Процессы, происходящие в металле при этом способе, не отличаются от процессов очистки при подаче тока от внешнего источника тока, но такая обработка является более «мягким», по сравнению с электролитическим, способом очистки. Этот метод используют для чистки мелких тонких археологических предметов из черного и цветного металла, в том числе, если металлическое ядро отсутствует. По сравнению с электролитической очисткой процесс идет медленнее, но равномернее по всей поверхности, при этой обработке исключается опасность повреждения поверхности обрабатываемого предмета[8].

На практике первичный процесс обработки выглядел следующим образом. Монеты с момента нахождения помещали в емкость с пресной водой. Сразу после доставки находок на берег их передавали реставратору. Реставратор немедленно помещал их в дистиллированную воду, снабжал этикеткой с информацией о времени и месте находки, присваивал индивидуальный номер, фотографировал, вносил описание и данные метрических и весовых измерений в опись индивидуальных находок. Далее монеты консервировались для дальнейшей транспортировки и реставрации в Москве либо реставрировались на месте.

В первом случае, в емкости с монетами несколько раз меняли дистиллированную воду. После их помещали в индивидуальные зип-пакеты, заливали дистиллированной водой, снабжали этикеткой — паспортом и складывали в герметичный сосуд для транспортировки. Как показала практика, в герметичном светонепроницаемом сосуде с дистиллированной водой, при постоянной температуре монеты прекрасно хранятся более года.

Фотография производилась следующим образом. Под плоское дно стеклянной ванночки помещали лист белой бумаги для фона. В ванночку наливали дистиллированную воду так, чтобы она полностью закрывала монету. В воде размещали монету и линейку для масштаба. Съемка производилась фотоаппаратом, закрепленным на планшетном штативе при дневном освещении либо с примене-

[8] Шамаханская 1989, 18.

нием светодиодных фонарей. Последние особенно удобны для создания «косого» света. В качестве отражателя использовали лист белой бумаги. Съемка в воде осуществлялась по двум причинам. Во-первых, чтобы не провоцировать активизацию коррозионного процесса от контакта монеты с воздухом. Во-вторых, монета, попав из воды на воздух, буквально за несколько секунд покрывалась белым налетом, который мешал фиксации ее естественного цвета.

Когда очистка производилась на месте, то помимо тщательной фиксации в описи индивидуальных находок, заводился дневник реставрации. В нем подробно описывались первоначальное состояние монеты и поэтапно все предпринятые шаги по очистке. Фотографии в компьютере систематизировались по индивидуальным номерам находок и по этапам (с указанием даты) реставрации.

После описания и фиксации монеты помещались в гранулированный цинк, каждая монета в индивидуальный сосуд. Важно следить, чтобы поверхность монет контактировала только с цинком. Затем заливался раствор едкого натра. Интенсивность и скорость реакции можно контролировать за счет изменения температуры реакции, временем реакции, количеством и концентрацией раствора. Перед началом очистки мы разделяли монеты на несколько групп в зависимости от их состояния и толщины иловой корки. Для каждой из групп подбиралась наиболее оптимальная концентрация раствора: от 15 гр. едкого натра на литр дистиллированной воды, для монет в наихудшем состоянии, до 40 гр. на литр, для монет с самой толстой коркой.

Основная задача здесь добиться того баланса, при котором иловая корка сохраняет прочность, чтобы не рассыпаться, но достаточно размякла, чтобы ее можно было отделить от поверхности монеты без повреждений как для монеты так и для оттиска изображения на внутренней поверхности корки.

По завершении реакции монеты промываются в проточной пресной воде и очищаются механическим способом: при помощи скальпеля, иглы, пластиковых либо металлических щеток. Если по завершении реакции желаемый результат не достигнут, все действия повторяют, сменив цинк и раствор. Обязательна промежуточная фиксация.

Цинк в процессе реакции покрывается нерастворимыми гидрооксидами, что замедляет процесс очистки. Для повторного использования его обрабатывают слабым раствором соляной кислоты, промывают в проточной воде[9]. Эксперимент промывания в растворе серной кислоты показал, что цинк эффективнее очищается, но и быстрее «стареет».

Удачно отделенные фрагменты иловой корки отправляют на сушку, предварительно очистив оттиски изображений от остатков окислов. Затем в них делаются оттиски скульптурным пластилином либо другим пластичным материалом[10]. Фрагменты корки могут храниться неопределенно долго, если в этом есть необходимость. Эксперименты с гипсовыми и свинцовыми отливкам показали следующее. Они прекрасно передают все детали изображения, прочны и могут долго храниться, но часто ведут к разрушению оттиска, чего можно избежать, используя пластилин. У пластилина есть свои недостатки. Вследствие его высокой пластичности в полевых условиях необходимо избегать контакта полученных

[9] Там же, 18.

[10] Огромная благодарность М.Г. Абрамзону за помощь и полезные советы.

слепков с любыми другими предметами и изолировать слепки от внешней среды во избежание попадания пыли и мусора, переносимого ветром. Иначе изображение может быть деформировано. Как показал опыт, хранить слепки из пластилина лучше всего при пониженных температурах. В таком случае, пластилин становится тверже.

При чистке самих монет настоятельно рекомендуют удалять все коррозионные продукты, так как в них могут находиться активные хлористые соединения. Иногда восстановление продуктов коррозии происходит до металла, который осаждается поверх неудаленных коррозионных продуктов. Если не удалить восстановленный металл, процесс коррозии неминуемо активизируется.

Однако, удаляя слои окислов, в том числе восстановленной меди, мы уничтожаем и фрагменты изображений. Для нас же основной задачей было максимальное сохранение изображения и надписей на монете для ее идентификации и фиксации.

Вследствие описанной выше технологии изготовления монеты часто металл монеты имеет слоистую структуру. Оттискиваемое штемпелем изображение отпечатывается не только на поверхности монетного кружка, но и в более глубоких слоях металла. Чем ближе к поверхности монеты, тем более четко передается изображение. Чем ближе к ядру, тем более расплывчато. Таким образом, процесс очистки монеты для реставратора напоминает чистку капустного кочана, когда слой за слоем снимаются окислы металла. Чем больше слоев мы удаляем, тем менее детализированным и потому менее информативным доходит до нас изображение. Надписи же и дата могут быть прочтены только на верхнем слое монеты. Мы вынуждены оставлять и даже стремимся сохранить все участки поверхности монеты, на которых видны следы изображения.

Очистка на этом этапе ведется скальпелем, иглой, синтетическими либо металлическими (однородными по отношению к металлу монеты) механическими щетками. Очень важно вести подробное описание в ходе процесса чистки. Нередко после удачного отделения иловой корки глазам открывается слой коррозии, державший форму изображения только благодаря иловой корке, выполнявшей в данном случае функцию внешнего скелета. При контакте с водой или воздухом без поддержки корки слои мягкой коррозии немедленно разрушаются. То, что успел увидеть реставратор, должно быть немедленно и тщательно зафиксировано, по возможности, сфотографировано (в дистиллированной воде, описанным выше способом) Удобно, когда рядом с реставратором ассистент ведет запись под диктовку.

В целях безопасности электрохимическую обработку необходимо вести в вытяжном шкафу, так как выделяющиеся испарения чрезвычайно вредны. Реставратор должен работать в защитной одежде, перчатках, маске и очках. Попадание реактивов на незащищенные участки тела может вызвать ожоги или раздражения.

После электрохимической обработки поверхность металла находится в активном состоянии, поэтому нельзя делать перерыва между очисткой и промывкой. Весь последующий комплекс реставрационных и консервационных мероприятий должен быть закончен без промедления[11].

[11] Шамаханская 1989, 19.

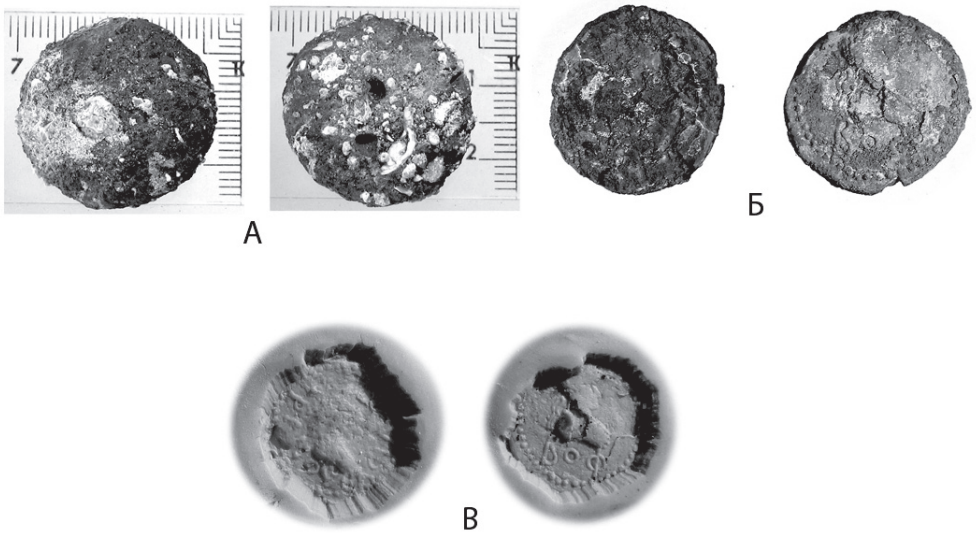


Рис. 1.
А — монета из дморя до очистки; Б — монета после очистки; В — слепок с оттиском изображений

По окончании электрохимической реакции в порах металла остаются остатки реактива с растворенными в нем продуктами коррозии. Для того, чтобы их вывести монеты были подвергнуты длительному вымачиванию в дистиллированной воде, чередуя медленные нагрев до 90 °С и охлаждение до температуры окружающей среды (метод Р. М. Моргана). После каждого этапа нагрева и охлаждения, дистиллированную воду меняли.

После промывки монеты подвергались сушке. В сушильном шкафу производился их нагрев до температуры 90–120 °С от 4 до 8 часов. Чтобы избежать контакта металла монет с металлом поддонов, поддоны прокладывались нейтральными бумажными салфетками.

После сушки для защиты и замедления процесса коррозии монеты подвергались обработке ингибитором (замедлителем) бензотриазолом (БТА). Для этого монеты помещались на 24 часа в 3–4 % раствор бензотриазола (производились эксперименты с растворами на водной и спиртовой основе). Затем монеты вновь подвергались сушке, описанным выше способом. Излишки ингибитора с поверхности монеты удалялись хлопчатобумажной тканью или синтетической щеткой насадкой на бормашинку.

Далее монеты вновь подвергались измерениям, фотографировались. Производилось полное описание монет в описи. Причем, для идентификации и описания монет производилось сравнение очищенной монеты со слепками, сделанными с ее иловой корки (см. рис. 1). Опись выглядела следующим образом (см. рис. 2). В отдельные столбцы заносятся данные: паспортные, метрические, описание монет и слепков, дата.

№ сквозной описи	№ по описи	Описание монет	Вес гр.	Диаметр мм	Дата	Описание слепков
	1	Л.с. Бюст царя вправо, справа трезубец Ψ , ВАС…Θ… Об.с. Бюст императора вправо, тамга Ⱥ , …ϤФ… Фофорс (285-308 гг.). Статер. Фролова, II, LXXI,28, LXXII,24-27,LXXIII,21.	7.0	19	294-296гг.	
	2	Л.с. Бюст царя вправо. Об.с. Бюст императора вправо.	2,4	18	3-4 вв.н.э.	
	3	Распалась при чистке.				
	4	Л.с. Бюст царя вправо, …А… Об.с. Бюст императора вправо	3,7	19,5	3-4 вв.н.э.	
	5	Рескупорид VI (314-341 гг.). Статер. Дошло ядро плохой сохранности.	1,3	18	314-341 гг.н.э.	Л.с. Бюст царя вправо, справа трезубец ψ , …OPI… Об.с. Бюст императора вправо, перед ним орел на шаре.
	6	Л.с. Курульное кресло, слева щит. Об.с. МН в венке. Рескупорид II, Савровмат I; Котис II или Ремиталк. 80-е гг. н.э.-133 гг. н.э. Фролова I, LXXXI, 4-15 (у Рескупорида II) по LXI, 13 (у Ремиталка). Сестерций.	9,9	26,2	80-133 гг. н.э.	
	16	Л.с. Бюст царя вправо, справа Х. Об.с. Бюст императора вправо. Статер.	2,1	17	3-4 вв.н.э.	
	17	Фофорс (285-308 гг.). Статер.	2,6	17	285-308 гг. н.э.	Л.с. Бюст царя вправо,.. ΘΟΘ…, Об.с.Бюст императора, Ⱥ.

Рис. 2
Пример описи монет

После фотографирования монеты покрывались защитным слоем в виде воска либо лака. Для дальнейшей транспортировки и хранения монеты помещались в индивидуальные зиппакеты с сопроводительными этикетками, содержащими паспортные данные монеты. Транспортировка и хранение осуществлялось в светонепроницаемых емкостях. Для контроля влажности в емкости помещали некоторое количество силикагеля.

В итоге работ, из всего количества обработанных монет удалось очистить и консервировать 61%. 39% от общего количества распалось при чистке, из них 10,8 % без идентификации. Остальные монеты были определены и продатированы с точностью от периода в полтора столетия до года. При этом, 16 % из распавшихся монет были определены по слепкам (оттискам изображений на иловых корках), из них 3% с точностью до года. 75% определены на основании анализа и ядра и слепков, из них 4% продатированы с точностью до года. В некоторых случаях, изображение на оттисках читается настолько четко, что его вполне можно использовать для поштемпельного сравнения и пополнить им существующие на данный момент каталоги монет. Плюс к этому, в тех случаях, когда от монеты сохранилось малоинформативное ядро, не представляющее музейной ценности, но имеется слепок оттиска изображения, не жалко применять методы анализа, требующие разрушения предмета, например, спектральный. Те же слепки можно использовать в экспозициях музеев, не опасаясь за их сохранность.

Часть работ выполнена в поле, минимизировав период предстоящий реставрации.

Нам представляется перспективным метод чистки, при котором иловая корка и оттиском изображения сохраняется. В будущем надеемся найти более мяг-

кий метод очистки, не требующий длительных поэтапных операций по промывке и стабилизации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кузнецов В. Д., Колесников А. Б., Ольховский С. В. 2008: Подводные исследования Фанагории в 2006–2007 гг. // Древности Боспора. Том 12/II. / Масленников А. А. (ред.). М.

Шамаханская М. С. 1989: Реставрация металла (Методические рекомендации). Всесоюзный научно–исследовательский институт реставраций. М.

EXPERIENCE OF RESTORING BOSPORUS BRONZE COINS FOUND DURING UNDERWATER EXCAVATION OF ANCIENT PHANAGORIA

V. O. Akimov

The article presents the experience of restoring bronze coins found during underwater archeological excavation of ancient Phanagoria in 2005–2007. The author advances the method of preserving coin impressions in oxide crusts or slime covering coins. Electrochemical reaction softens the crust keeping it solid enough to peel off the crust without ruining the impression that is later preserved in a mould. It helps to identify a coin even though it may be completely ruined.

Key words: restoration, Bosporus, bronze coins.

Племенной мир

© 2010

С. Л. Воробьева

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ В ЛЕСОСТЕПИ ПРИУРАЛЬЯ ПОЯСНЫХ НАКЛАДОК С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГОЛОВ ГРИФОНОВ

В статье представлен анализ происхождения и времени появления бронзовых поясных накладок с противопоставленным изображением голов грифонов в лесостепи Приуралья. Автор анализирует известные поясные накладки с изображением голов грифонов на территории от лесостепного Приуралья до р. Хуанхэ для того, чтобы определить исходный образ грифонов в поясных накладках и истоки его происхождения. Нами рассмотрены как реалистичные изображения голов грифонов, так и стилизованные, показана линия развития изображений от реалистичных к более стилизованным. В статье делается вывод о миграции населения из районов Центральной Азии (а точнее, Южной Монголии и Северного Китая) в лесостепное Приуралье еще в VI–V вв. до н.э. Это послужило одним из основных моментов в сложении кара-абызской культуры.

Ключевые слова: Археология, Кара-абызская культура, искусство.

Одним из наиболее сложных и малоизученных вопросов в южно-уральской археологии эпохи раннего железа является проблема соотношения, интерпретации и этнической истории культурных образований, занимавших лесостепь Южного Приуралья, в том числе и кара-абызской культуры. С одной стороны, кара-абызская культура сложилась на основе местного лесостепного населения, с другой — подвергалась мощнейшему воздействию со стороны кочевнического населения — носителей гафурийского комплекса материальной культуры[1], и, вероятно, более ранних кочевников с восточных территорий. О сложном этнокультурном и социальном характере формирования и развития культуры кара-абызского населения говорят яркие предметы материальной культуры, в особенности элементы убранства костюма. В статье нами рассматривается анализ происхождения и время появления бронзовых поясных накладок с противопоставленным изображением (т.н. «двухлучевая свастика») голов грифонов на лицевой стороне.

[1] Савельев 2008а, 69.

Грифоны как художественный образ повсеместно встречаются на всей территории распространения так называемого «скифо-сибирского звериного стиля». Множество предметов с изображением грифонов были найдены в курганах пазырыкской культуры на Алтае[2] и Филипповских курганах на Южном Урале[3].

В поясных наборах они были широко распространены на территории Саяно-Алтая, Западной Сибири, Центральной Азии, Китая, Ордоса, единичные находки встречены в Зауралье, Забайкалье, Казахстане, Южном и Восточном Туркестане. Но самая представительная коллекция поясных накладок с изображением голов грифонов относится к кара-абызской культуре (лесостепное Приуралье) эпохи раннего железа. Основные памятники этой культуры (Биктимировский, Охлебининский, Шиповский и Ново-Уфимский могильники) были раскопаны и исследованы А. Х. Пшеничнюком, который в своих работах публикует реконструкции женского костюма с поясными наборами[4]. Накладки с грифонами входят в состав многих женских поясов из комплексов рубежа IV–III вв. до н.э. — I–II вв. н.э. В поясной набор входят, как правило, 10–20 и более накладок. По технологии изготовления и стилизации В. В. Овсянниковым и Н. С. Савельевым эти накладки были разделены на 2 типа: 1 — выполненные в технике литья, с реалистичным изображением грифонов; 2 — выполненные с помощью штампа с сильно стилизованным изображением[5].

Наиболее ранние поясные накладки на территории лесостепного Приуралья были встречены в Старшем Шиповском могильнике (рис. 1: *9*), утратившие реалистичный образ грифонов, они были явно привнесены сюда с восточных территорий. Традиция наборных поясов характерна для раннесакских племен Прикамья, Памира, Восточного Казахстана, Алтая и Тувы[6], которые от приуральских и зауральских поясов отличаются своеобразием подвесок[7]. В. А. Иванов, проводя статистический анализ поясных наборов оседлого населения Урало-Поволжья и Волго-Камья эпохи раннего железа также писал, что они выступают исключительно как результат культурного влияния извне, со стороны скифо-кавказского и скифо-сибирского мира[8]. Но о влиянии скифо-кавказского мира на кара-абызскую культуру говорить не приходиться, так как на этой территории поясные накладки с грифонами не встречаются.

Более поздние поясные накладки лесостепного Приуралья относятся ко времени активного проникновения на эту территорию образцов скифо-сибирского звериного стиля. Но отличие приуральских и зауральских накладок в том, что они появились на этих территориях уже в трансформированном виде, но с сохранившимся реалистичным изображением грифонов. Изображения на этих накладках со временем подверглось сильной стилизации, также изменилась и технология их изготовления. Характерно, что на других территориях, рассматриваемых нами, подобных накладок нет. На последнем этапе трансформации кара-абызские накладки были преобразованы в бляшки-пуговицы (рис. 1: *5*).

[2] Грязнов 1950; Королькова 2006.
[3] Рукавишникова 2008.
[4] Пшеничнюк 1973, рис. 13.
[5] Овсянников 2007.
[6] Таиров 2007, рис. 38, 215.
[7] Шульга 2007, 40.
[8] Иванов 2000.

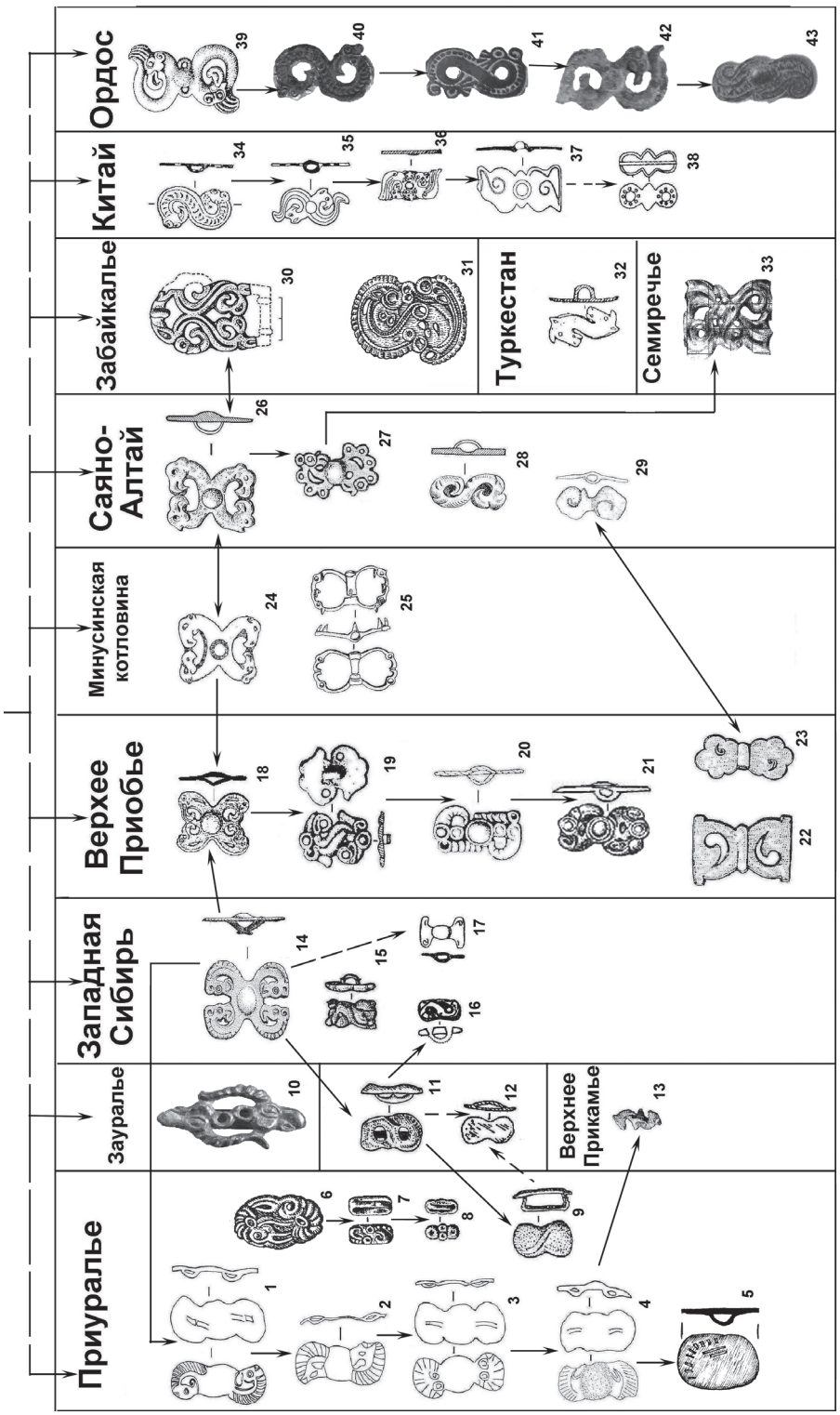

Приуралье
Зауралье
Западная Сибирь
Верхнее Приобье
Минусинская котловина
Саяно-Алтай
Забайкалье
Туркестан
Семиречье
Китай
Ордос
Верхнее Прикамье

Рис. 1. Трансформация образа грифона на поясных накладках эпохи раннего железа:
1, 3, 4 — Ново-Уфимский (рис. автора); *2* — Юлдашевский (рис. автора); *5, 7, 8, 9* — Шипово[9]; *6* — Покровка[10]; *10* — Кичигино[11]; *11* — Раскатиха[12]; *12* — Березки-5г[13]; *13* — гляденовская культура[14]; *14* — Новочекино-2[15]; *15* — Богдановo-1[16]; *16* — Тютринский могильник[17]; *17* — Красногорский-1[18]; *18* — Бурбинская находка[19]; *19, 20, 21* — Фирсово XIV[20]; *22* — Березовка-1[21]; *23* — Крохалевка-5[22]; *24* — Быстрая[23]; *25* — Тесинское[24]; *26, 28* — Казылган[25]; *27* — Почта-3[26]; *29* — Староалейка-2[27]; *30* — Дэрэстуйский могильник[28]; *31* — Ононск[29]; *32* — Цюньбакэ[30]; 33 — Иссык[31]; *34,35,37* — Нинся-Хуэсский автономный район[32]; *36,38* — Синтал[33]; 39–43 — Ордос[34].

Стилистический анализ поясных накладок с грифонами культуры кара-абызского населения недавно был проведен В. В. Овсянниковым, который делает вывод, что наиболее поздние накладки с противопоставленными головами грифонов встречены в мазунинских памятниках, а близкие по компоновке изделия были распространены в степной и лесостепной зоне Северной Азии[35]. Такие же накладки с грифонами были встречены в пьяноборских комплексах (Ново-Сасыкульский[36] и Юлдашевский могильники (рис. 1: *2*) и памятниках гляденовской культуры (рис. 1: *13*); все они имели явно кара-абызские истоки.

Особенностью всех поясных накладок с грифонами, найденных на территории от лесостепного Приуралья до р. Хуанхэ, является то, что они, несмотря на ряд стилистических особенностей, представляют собой одну линию эволюционного развития исходного типа.

Реалистичное изображение голов грифонов можно встретить на ранних ки-

[9] Овсянников 2007, рис. 63: *10*, 150; Пшеничнюк 1983, рис. 44, 99; Савельев 2008б, рис. 7: *16*, 132.
[10] Археология СССР, 1989, рис. 66: *34*, 317.
[11] Южный Урал 2009, 24.
[12] Археология СССР 1992, рис. 119: *36*, 469.
[13] Таиров 2000, рис. 17: *42*, 78.
[14] Генинг 1988, рис. 32: *13*, 142.
[15] Полосьмак 1987, рис 60: *3, 5*, 65.
[16] Археология СССР 1992, рис. 124: *49*, 474.
[17] Таиров 2000, рис. 26: *18, 20*, 108.
[18] Таиров 2000, рис. 23: *12*, 104.
[19] Троицкая 1999, рис. 2: *3*, 201.
[20] Фролов 1999, 213; Фролов 2000, рис. 1: *25.*
[21] Археология СССР 1992, рис. 55: *11*, 185.
[22] Могильников 1997, рис. 55: *12*, 185.
[23] Членова 1967, табл. 26: *25*, 276.
[24] Членова 1967, табл. 16: 48. 266.
[25] Манай-Оол 1970, рис. 20: *7, 4*, 68.
[26] Могильников 1997, рис. 55: *6*, 185.
[27] Кирюшин 1996, рис. 5: *10–12*, 138.
[28] Археология СССР 1992, табл. 114: 1*7*, 464.
[29] Археология СССР,1992, табл. 102: *23*, 452.
[30] Xinjiang Arceological Team 1991, 693.
[31] Акишев 1978, табл. 21: *39*, 33.
[32] Luo Feng and Han Kongle 1990, 414.
[33] The Insitute of Arceologi of Xinjiang 1988, 418–420.
[34] Руденко 1962, рис. 57 г; The Collection on the archeological of the Ordos 2004, 264–268.
[35] Овсянников 2006, 175–176.
[36] Васюткин 1986, рис. 7, *25*, 102.

тайских и ордосских накладках, на которых головы грифонов изображены с хохолком, гривой, ушами и клювом (рис. 1: *39, 40*). Головы могут быть повернуты либо вправо, либо влево. Близка им пряжка из сдвоенных S-видных фигур грифонов из Дэрэстуйского могильника гуннского времени (рис. 1: *30*).

В Верхнем Приобье и на Алтае нет как таковых реалистичных изображений, все они выполнены в стилизованной форме, большинство накладок здесь литые. Самой ранней накладкой в Верхнем Приобье можно считать найденную в могильнике Фирсово-14 (Рис. 1: *19*), в которой от первоначального изображения остались ухо, немного сплющенный клюв и схематичный хохолок.

На территории Южного Зауралья была найдена наиболее ранняя накладка в кургане 5 могильника Кичигино, датируемого VII в. до н.э., (по А. Д. Таирову[37]. Накладка состоит из противопоставленных голов козлов (рис. 1: 10). Правомерность объединения накладки с противопоставленными головами козлов в одну категорию накладок с изображением голов грифонов основана на принципах построения симметричных композиций в зверином стиле[38].

В памятниках кара-абызской культуры накладки имеют свои особенности: головы грифонов строго повернуты вправо (за исключением одной накладки из Биктимировского могильника), отсутствует хохолок и ухо, грива сохраняется, клюв загнут почти в кольцо и сплющен. Сохранение наиболее реалистичных и архаичных традиций на бляшках из ареала кара-абызской археологической культуры на территории лесостепного Приуралья, по нашему мнению, это связано с тем, что население, принесшее в лесостепное Приуралье данную изобразительную традицию появилось здесь, минуя Алтай и Верхнее Приобье. Об этом свидетельствуют и датировки памятников: накладка из Фирсов-4 (Алтай) датируется VI–V вв. до н.э., зауральские — VII–V вв. до н.э., а приуральские — IV–III вв. до н.э.

Идентичная по степени стилизации кара-абызским накладкам была найдена в могильнике Новочекино-2 в Барабинской лесостепи (рис. 1: *14*): она состоит из четырех голов грифонов, на ней отсутствует хохолок и ухо, грива сохраняется, клюв сплющен.

Постепенно в Ордосе и Китае на поясных накладках исчезает хохолок, слившись с гривой грифона, а клюв преобразуется в морду, больше похожую на лошадиную (рис. 1: *35, 41*). Одна из таких накладок найдена на территории Восточного Туркестана (рис. 1: *32*).

Схематичное изображение грифонов (так называемые «бабочковидные накладки») можно встретить на Алтае — Фирсов-4 (рис. 1: *20,21*), в Западной Сибири — Богданово-1 (рис. 1: *15*), в Верхнем Приобье — Степановка[39], Почта-3 (рис. 1: *27*). В Китае так же была найдена накладка со стилизованным изображением, сохранившимся хохолком и клювом[40] (рис. 1: *36*). Интересно, что в могильнике Почта-3 в поясном наборе присутствовал олень, как и в кургане Иссык (рис. 1: *33*), тоже датирующимся V–IV вв. до н.э., и иконографически очень близкий «оленным бляхам» кара-абызской культуры[41]. Все накладки изготовлены методом литья.

---

[37] Таиров 2009, 142.
[38] Рукавишникова 2006.
[39] Плетнева 1977, рис. 26: *11, 19*, *27*; 28: *3, 5–10.*
[40] The Insitute of Arceologi of Xinjiang 1988 420.
[41] Савельев 2008а.

В Приуралье накладки со схематичным изображением грифонов найдены в поздних погребениях Шиповского, Охлебининского и Ново-Уфимского могильников (рис. 1: *3*). На этих накладках изображение штамповалось. На них сохранилось схематичное изображение гривы, клюв и глаза отсутствуют. Это связано с деградацией исходного образа в инокультурной среде лесостепного Приуралья[42].

На последней стадии своей трансформации изображение на накладках полностью утратило сходство с грифонами, как на накладках из Ново-Уфимского могильника (рис. 1: *4*). Причем наиболее близка этим экземплярам накладка из Ордоса (рис. 1: *43*). В Приуралье к этой же линии развития можно отнести еще ряд разновременных накладок: к более ранним относятся накладки из Старшего Шиповского могильника (рис. 1: *7–9*), датированного VI–V вв. до н.э., что гораздо ранее появившихся здесь других реалистичных изображений (рис. 1: *1*). Эта накладка в совокупности с другими ранними вещами из могильника свидетельствует о том, что, возможно еще в VI–V вв. до н.э. территория лесостепного Приуралья явилась одним из мест проникновения центрально-азиатского кочевого населения. Об этом свидетельствуют и накладки из Гаево[43], Раскатихи (рис. 1: *11*), а также, упоминавшаяся ранее накладка из Кичигино, имеющая явно не Алтае-Саянское происхождение. Накладка из Гаево была найдена вместе с поясными обоймочками и поясной подвеской как в могильниках Бобровка и Иртяш-14, характерными для Старшего Шиповского могильника.

Таким образом, анализ поясных накладок с противопоставленным изображением голов грифонов по технике изготовления и степени стилизации показывает сильную трансформацию от реалистичных изображений к стилизованным, которая свидетельствует о единой линии развития от одного прообраза. На рисунке хорошо видно, что исходного изображения нет, а все привлеченные для анализа вещи являются в той или иной степени стилизацией, преобразованной на разных территориях в самостоятельные образы. Области распространения находок группируются вокруг одного из районов Центральной Азии — Западной Монголии. Однако поясных накладок с изображением голов грифонов на этой территории практически нет и раскопанных кочевнических курганов там также мало. О миграции населения из районов Центральной Азии (а точнее, Южной Монголии и Северного Китая) на начальном этапе раннего железа на запад, пишет в своих работах С. Г. Боталов[44].

На данном этапе исследования можно только предварительно говорить об истоке образа грифонов на поясных накладках как в кара-абызской культуре, так и в других культурах эпохи раннего железа. Характерно, что в Северном, Центральном и Западном Казахстане не найдено ни одной накладки подобных типов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акишев К. А. 1978: Курган Иссык. М.

Археология СССР с др. вр. до ср.: в 20 т. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. 1992. М.

Археология СССР с др. вр. до ср.: в 20 т. Степи европейской части СССР в скифо-

[42] Савельев 2008а, 69.

[43] Булдашев 1997, рис. 22: *8*, 39.

[44] Боталов 2007.

сарматское время. 1992. М.

Боталов С. Г. 2007: Туркестан как единое геокультурное пространство в эпоху раннего железа // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности : сб. науч. ст. / В. Е. Ларичев (ред.), 61–83.

Булдашев В. А., *Ковригин А. А.*, *Корякова Л. Н.*, *Косинцев П. П.*, *Курто П., Махонина Г. И.*, *Ражев Д. И.*, *Потро Ж.-П., Шарапова С. В.* 1997: Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник: саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург.

Васюткин С. М., *Калинин В. К.* 1986: Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой : сб. науч. ст. Уфа, 95–122.

Генинг В. Ф. 1988: Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. — II в. н.э.). М.

Грязнов М. П. 1950: Первый Пазырыкский курган. Л.

Иванов В. А. 2000: Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века (к проблеме происхождения и семантики) // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. / В. К. Федоров (ред.). Уфа, 94–97.

Кирюшин Ю. Ф., *Кунгуров А. Л.* 1996: Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая / Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров (ред.). Барнаул, 115–135.

Королькова Е. Ф. 2006: Звериный стиль Евразии.Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.

Маннай-Оол М. Х. 1970: Тува в скифское время (уюкская культура). М.

Могильников В. А. 1997: Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М.

Овсянников В. В. 2006: Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сб. ст. к 70-летию А. Х. Пшеничюка / Г. Т. Обыденнова, Н. С. Савельев (ред.). Уфа, 171–179.

Овсянников В. В., *Савельев Н. С.*, *Акбулатов И. М.*, *Васильев В. Н.* 2007: Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа.

Плетнева М. Л. 1977: Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н.э. Томск.

Полосьмак Н. В. 1987: Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.

Пшеничнюк А. Х. 1973: Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев, Н. А. Мажитов (ред.). Уфа.

Пшеничнюк А. Х. 1983: Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху Бронзы и раннего железа. Уфа, 94–105.

Пшеничнюк А. Х. 1986: Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой: сб. науч. ст. Уфа, 45–74.

Руденко С. И. 1962: Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л.

Рукавишникова И. В. 2006: Многофигурные изображения на предметах раннего железного века Тувы и некоторые композиции в зверином стиле из кургана Аржан 2 // Древности скифской эпохи Материалы и исследования по археологии России (МИАР). Т. 7. *Памяти А. И.* Мелюковой (1921–2004) / Л. Т. Яблонский, В. Г. Петренко (ред.). М., 297–313.

Рукавишникова И. В., *Яблонский Л. Т.* 2008: Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I // Проблемы современной археологии: сб. памяти В. А. Башилова / М. Г. Мошкова (ред.). М., 199–238.

Савельев Н. С. 2008а: Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М., 69–72.

Савельев Н. С. 2008б: Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного приуралья середины — второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Л. Т. Яблонский (ред.). Оренбург, 116–135.

Таиров А. Д. 2007: Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск.

Таиров А. Д. 2000: Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье / В. С. Мосин, С. А. Григорьев, А. Д. Таиров (ред.). Челябинск, 3–23.

Таиров А. Д., *Коноплева К. Г.* 2009: Предварительные итоги исследования кургана 5 Кичигино I // XLI Международная Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы конференции / Н. А. Мажитов (ред.). Уфа, 141–143.

Троицкая Т. Н., *Назарова О. Е.* 199–203: Еще раз о Кижировской культуре // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин (ред.). Барнаул.

Фролов Я. В. 1999: Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин (ред.). Барнаул, 219–226.

Фролов Я. В. 2000: Некоторые параллели предметам поясной гарнитуры скифского времени верхнего Приобья из Центральной Азии // Наследие древних и традиционных культур Северной и центральной Азии: материалы региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Т. I. Новосибирск.

Фролов Я. В. 2001: Староалейская культура: (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий: материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции / А. А. Тишкин (ред.). Барнаул, 149–155.

Членова Н. Л. 1967: Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М.

Чугунов К. В. 2007: Могильник Догээ-Бары 2 как памятник начала Уюкско-Саглыкской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 122–144.

Шульга П. И. 2007: О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территорий // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности: сб. науч. ст. / В. Е. Ларичев. Новосибирск, 27–40.

Южный Урал. 2009: Путешествие через тысячелетия = South Ural. Travelling through millenniums: [фотоальбом / гл. Ред. В. И. Бухарин; сост. текстов Т. М. Гончарова]. Челябинск.

Luo Feng and Han Kongle. 1990: Bronzes of the Northern System Discovered at Guyuan, Ninghia in Resent Yers // Kaogu. 5 403–440. (на кит. яз.).

The Collection on the archeological of the Ordos. Huh-Hoto. 2004. (на англ. яз.)

The Insitute of Arceologi of Xinjiang, Excavatuonof the Site at Hesho, Xiniiang. 1988 // Kaogu. 5, 399–427.

Xinjiang Arceological Team, IA, GASS and Institution for the Preservation of Ancient Monuments, Bayingolion Autonomouns Mongolian Prefecture, Xiniiang, A Preliminary report on the Second and Third Excavations of Tombs at Qunbake, Luntai County, Xiniiang. 1991 // Kaogu. 8, 684–712.

TIME AND ORIGIN OF BELT SCALES WITH GRYPHON HEADS IN PRIURALYE FOREST-STEPPE

S. L. Vorobyeva

The article presents the time and the origin of belt bronze scales with set-off gryphon heads in Priuralye forest-steppe. The author analyzes well-known belt scales with gryphon heads from forest-steppe Priuralye to the Hwang to determine the original gryphon image in belt scales and its sources. The author consideres both realistic gryphon head images and stylized, traces image development from realistic to more stylized, and comes to the conclusion concerning population migration from Central Asia (Southern Mongolia and Northern China) to forest-steppe Priuralye 6th-5th cc. B.C., which proves a key point in kara-abyz culture formation.

Key words: Archaeology, Kara-abyzskaya culture, art.

Раннее Средневековье

© 2010

А. В. Иванов

НАСЕЛЕНИЯ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» ТЕПЕ-КЕРМЕН ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В ходе раскопок городища Тепе-Кермен в 2005 г. был получен антропологический материал из трех захоронений XIII–XIV вв. В истории исследования Тепе — Кермена это первая антропологическая серия, представляющая жителей данного городского центра. В составе населения средневекового Тепе — Кермена выделено несколько краниологических комплексов европеоидного круга, при этом преобладал антропологический тип, характеризующийся брахикранией, ортогнатным относительно низким и широким лицевым отделом, при умеренной, иногда ослабленной горизонтальной профилировке лица. Рассматриваемый краниологический комплекс вполне характерен для средневекового населения Юго-Западной Таврики. По данным антропологических исследований, его распространение в регионе наблюдается с рубежа VIII–IX вв., и вероятнее всего связано с миграционными процессами периода Хазарского каганата.

Ключевые слова: Таврика, Тепе-Кермен, средневековье, население, антропология, краниология.

В конце IX–XII вв. на территории Юго-Западной Таврики формируется этническая общность, определяемая исследователями в качестве «средневековой народности горного Крыма». Факторами самоидентификации для ее представителей стали единый хозяйственно-культурный уклад, конфессиональное единство, в различной степени, воспринятые греческая (византийская) культура и язык[1]. Степень и характер участия в формировании народности различных по происхождению групп средневекового населения региона выяснен далеко не полностью. Для выяснения деталей этноформационного процесса, на фоне единства материальной культуры и погребальной обрядности, возрастает значимость данных полученных в процессе исследования антропологических материалов. Особенно это очевидно для исследования формирующихся в рассматриваемый период городских поселений региона, где особенно продвинулся процесс этнокультурной интеграции различных по происхождению групп их население. В настоящей публикации впер-

[1] Якобсон 1973, 138; Айбабин, Герцен 1990, 10–13, Айбабин, Герцен, Храпунов 1993, 216; Айбабин 1993, 130; Айбабин 1999, 229; Щукин 2005, 473.

вые представлен антропологический материал, характеризующий жителей малого средневекового городского центра региона известного как Тепе-Кермен.

Городище Тепе-Кермен расположено в Бахчисарайском районе в 2 км к СВ. от с. Кудрино (ранее Шуры). Поселение занимает плато и северный склон горы-останца высотой 535 м общей площадью около 1,5 га. Среди поселений известных в качестве «пещерных городов» Тепе-Кермен отличается наибольшей концентрацией пещерных сооружений, коих при относительно небольшой его площади памятника зафиксировано более 250. По-видимому, ни в одном из известных средневековых источников Тепе-Кермен не упоминается и при этом остается недостаточно археологически исследованным [2].

Впервые памятник отмечен в сочинении П. Сумарокова, старейшее относительно подробное описание Тепе-Кермен принадлежит П. Кеппену. С кон. XIXв. на городище проводились визуальные археологические разведки. Небольшие раскопки разведочного характера были предприняты на городище экспедицией ГИМ под руководством Д. Л. Талиса в сер. 60 гг. истекшего столетия. В начале 80 гг. был открыт некрополь Тепе-Кермена VI–IX вв., по характеру погребальных сооружений и обряда близкий ранее исследовавшемуся некрополю близлежащего городища Эски-Кермен. Ввиду начавшегося интенсивного разграбления погребений, экспедицией БГИКЗ (руководитель В. А. Петровский) были предприняты охранные исследования, к сожалению, выполненные на невысоком методическом уровне, в частности значительный антропологический материал собран не был. В 2005 г. экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ (руководитель В. Ю. Юрочкин) были возобновлены исследования на территории городища, открыто основание участка оборонительной стены, зачищены несколько пещерных помещений, раскопан ряд погребальных сооружений.

Исходя из имеющихся данных, история поселения представляется следующим образом, оно появляется на рубеже VI–VII вв. В качестве византийской крепости с гарнизоном из представителей местных племен- федератов. Первоначальные ранневизантийские укрепления были возведены по периметру плато. К X в. территория городища несколько вырастает, на северном склоне формируется посад и обширный монастырский комплекс, защищенные нижней оборонительной линией. К этому времени жители городища практикуют христианскую погребальную обрядность, на территории городища появляется значительное число погребальных сооружений связанных с культовыми комплексами. Для XII–XIII вв. на территории городища зафиксирована сплошная поусадебная застройка, Тепе-Кермен приобретает черты малого городского поселения[3]. В отношении времени гибели городища исследователи расходятся, относя ее к последней четверти XIII или кон. XIV вв. — соответственно связывая ее с походами Ногая или Тимура[4].

В ходе раскопок городища Тепе-Кермен в 2005 г. автором был собран и исследован антропологический материал из трех захоронений. Все они представляли собой т.н. могилы-костницы, точнее вырубленные в скале гробницы, в которых на протяжении относительного длительного промежутка времени совершались последовательные захоронения. Подобная практика обусловила полное наруше-

[2] Мыц 1991, 128; Могаричев 1992, 67.
[3] Мыц 1991, 128; Могаричев 2005, 155; Герцен 1995, 86; Герцен 2006, 93.
[4] Мыц 1991, 73; Мыц 1997, 66; Герцен 2006, 93.

ние анатомического порядка костяков, и определить принадлежность отдельных костей конкретным погребенным возможности не было. Не следует исключать и возможность помещения части останков в могилы в уже скелетированном состояний, в частности, этим может быть объяснено несоответствие количества нижних челюстей общему числу черепов.

Всего в трех могилах зафиксировано 68 погребений. Определение пола и возраста проводилось в соответствии с принятыми в отечественной практике методиками. Половой диморфизм выражен достаточно хорошо. Определены 26 мужчин, 18 женщин, 11 детей. По захоронениям погребенные распределены следующим образом: Могила №1–48 костяков из них 19 мужчин, 16 женщин, 13 детей; мог. — №2–4 мужчины, 2 женщины, 9 детей; мог. №3–3 мужчины, 2 дети.

Возрастная структура выборки выглядит следующим образом.

мужчины Adult. — 5 Matur. — 7 Senil.–5

женщины Juv 2. Adult.4 Matur.9 Senil.2

дети: inf. 1–9, inf. 2–15.

Всего измерено 26 мужских,18 женских черепов (табл. 1, 2):

Средние значения продольно — поперечного указателя лежат в диапазоне величин указывающих на брахикранию. Все же учитывая значительный размах значений признака, и завышенные значения δ (♂5,09; ♀3,75), серию приходится считать смешанной, в ней присутствует значительное число мезо (11) и долихокранных (4) индивидов. Высота черепной коробки умеренная, высотно — продольный (♂75,3; ♀75,36) и высотно-поперечный (♂ 92,51, ♀ 91,4) указатели лежат в пределах средних величин. Ширина затылка на границе средних — больших величин, однако размах значений признака достаточно велик, особенно в женской части выборки. Лоб у мужчин, в основном покатый (78,89), у нескольких индивидов умеренно-покатый (до 83), у женщин в основном умеренно-покатый, встречается и почти вертикальный.

По горизонтальной профилировке лицевого отдела серия демонстрирует смешанность. Величины NM угла показывают, что у мужской части выборки профилировка умеренная, в пределах средних значений признака (140,4). Однако достаточно велик диапазон min-max. (129 (2/1)–152 (1/22)), точнее на уровне fmo-fmo у девяти индивидов величина угла в пределах умеренных величин, у трех верхний лицевой отдел однозначно уплощен, у остальных десяти профилировка хорошая, но в основном ближе к умеренной. У женщин по значению средних профилировка лицевого отдела на уровне fmo-fmo умеренная (143, 18 — в границах средних параметров) размах min- max. — 132 (1/6)–153(1/7), в шести измерениях лицо хорошо профилировано, в одном профилировка умеренная, в семи случаях отмечена явная уплощенность.

На уровне ZM точек у мужчин параметры средней признака лежат на границе малых — средних величин, что свидетельствует о хорошей профилировке но в одном случае лицевой отдел явно уплощен (1/31–149,4 в сочетании с NM 148,3), в трех случаях профилировка умеренная, в остальных одиннадцати измерениях хорошая. В женской выборке средняя величина признака 131,03 — умеренная, при значительном размахе min-max. — (126,3–136,3). Из шести измерений три случая хорошей, три умеренной профилировки. Глубина клыковой ямки и у мужчин и у женщин в пределах средних величин (♂4,88, ♀4,96).

Таблица 1

ТЕПЕ-КЕРМЕН СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ИЗМЕРЕНИЙ

	♂						♀					
	N	MIN	MAX	Sx	σ	K вар.	N	MIN	MAX	Sx	σ	K вар.
1a. Прод. дм.	26	165,00	194,00	178,92	7,45	4,16	17	165,00	179,00	171,18	4,54	2,65
1в. от OF.	26	164,00	189,00	176,19	6,82	3,87	17	164,00	178,00	170,12	4,41	2,59
8. Попр. дм.	26	135,00	157,00	145,19	6,12	4,22	18	132,50	152,00	142,39	5,59	3,92
17. BA- BR	23	122,00	144,00	133,98	6,83	5,10	17	119,00	141,00	128,97	5,47	4,24
5. Дл. основан.	22	92,00	110,00	100,73	4,14	4,11	15	88,00	102,00	95,57	4,09	4,28
9. Наим. шир. лба	27	90,00	104,00	98,19	3,62	3,68	16	90,00	105,00	96,25	3,84	3,99
10. Наиб. шир.	25	112,00	132,00	123,84	5,10	4,12	17	111,00	130,00	120,88	5,15	4,26
11. Шир. основания	24	95,00	135,00	127,17	8,00	6,29	17	112,00	130,00	123,79	5,01	4,05
12. Шир. затылка	26	106,00	120,00	112,19	3,63	3,24	16	101,00	116,00	108,13	4,51	4,18
24. Попр. дуга	24	305,00	345,00	327,00	12,42	3,80	17	305,00	335,00	317,65	9,32	2,93
7. Длина затыл. отв.	22	21,50	40,00	35,98	3,76	10,46	16	31,50	37,00	34,78	1,65	4,75
16. Шир. Затыл. отв.	21	28,00	36,00	31,48	2,76	8,78	16	25,00	34,00	29,91	2,37	7,92
45. Скул. дм.	17	129,00	149,00	136,79	4,83	3,53	13	125,00	137,00	131,42	3,94	3,00
40. Длина осн. лица	19	92,00	105,00	98,16	4,08	4,16	11	84,00	100,00	90,91	4,83	5,31
48. Верх. выс. лица	19	65,00	77,00	71,39	3,08	4,31	12	60,00	71,00	65,04	4,01	6,16
47. Полн. выс. лица	9	111,00	134,50	120,39	6,95	5,77	4	110,00	114,00	111,38	1,89	1,69
43. Верх. шир. лица	26	100,00	114,00	107,10	3,50	3,27	15	95,50	110,00	103,60	4,86	4,69
46. Ср. шир. лица	16	91,00	105,50	99,38	4,09	4,12	11	89,00	100,00	95,09	3,67	3,86
60. Дл. альв. дуги	17	47,00	59,00	52,88	2,96	5,59	10	46,00	53,00	49,70	2,36	4,75
61. Шир. альв. дуги	19	36,00	67,00	60,53	8,78	14,50	10	57,50	66,00	61,15	2,47	4,04
62. Длина неба	17	42,00	54,00	46,97	3,45	7,34	9	40,00	45,00	43,56	1,67	3,83
63. Ширина неба	19	29,00	39,00	34,95	2,54	7,28	11	32,00	66,00	38,50	9,89	25,69
55. Высота носа	21	49,00	58,30	52,92	2,30	4,35	13	46,00	52,50	49,65	2,18	4,40
54. Ширина носа	20	21,00	27,00	24,31	1,55	6,38	14	21,00	28,00	23,93	2,06	8,63
51. Шир. орб. MF	25	38,00	46,00	41,60	1,97	4,73	16	37,50	43,00	40,28	1,76	4,37
51a. -- Dakr.	25	35,50	44,00	39,74	1,89	4,77	16	35,00	41,00	38,13	1,89	4,97

Продолжение табл. 1

	♂						♀					
52. Выс. Орбиты	23	30,50	38,00	33,76	1,80	5,34	16	27,50	37,00	33,28	2,44	7,34
20. Ушная высота	25	102,00	128,00	115,80	5,76	4,97	17	103,00	118,00	111,06	4,49	4,05
Бим.шир. fmo-fmo	27	91,00	112,00	99,80	4,97	4,98	14	88,00	103,00	96,50	4,70	4,87
выс.fmo-fmo	23	12,16	24,65	17,88	3,28	18,35	14	10,56	22,30	15,82	4,21	26,60
Шир.zm-zm	16	87,50	104,00	98,47	4,55	4,62	10	83,00	95,00	92,35	3,78	4,09
выс.ZM	16	13,11	29,43	23,29	3,79	16,27	9	17,99	22,88	20,98	1,42	6,77
57. SC	23	6,00	15,50	9,85	2,22	22,52	15	7,00	12,00	9,58	1,70	17,76
SS	15	1,39	8,00	4,31	1,40	3,20	14	2,20	6,24	4,29	1,07	24,95
50. MC	23	16,50	29,00	20,98	2,84	13,53	15	17,00	25,00	20,57	2,73	13,28
MS	22	5,93	11,41	8,29	1,56	1,88	14	4,22	10,01	7,69	1,80	23,46
49a. DC	20	20,50	27,00	23,50	2,06	8,79	15	20,00	28,00	23,43	2,98	12,70
DS	20	9,00	14,52	12,13	1,47	11,31	14	9,44	12,09	11,02	0,84	7,60
FC	20	3,00	7,00	4,88	1,36	27,82	12	3,00	7,00	4,96	1,32	26,67
32.Угол проф. лба от N	18	75,00	83,00	78,89	2,47	3,13	11	76,00	90,00	83,36	4,65	5,58
от GL	18	68,00	77,00	72,33	2,45	3,39	11	73,00	89,00	79,91	4,97	6,22
72.Общ. лиц. угол	16	82,00	88,00	85,69	2,09	2,44	10	78,00	88,00	84,90	3,11	3,66
73. Средний лиц. угол	17	83,00	89,00	85,88	1,93	2,25	11	78,00	89,00	85,55	3,27	3,82
74. Угол альв. Части	15	77,00	88,00	83,40	3,78	4,53	10	76,00	93,00	83,80	5,47	6,53
75. Угол накл. нос. к.	6	56,00	63,00	58,83	2,64	4,49	5	49,00	64,00	56,60	6,43	11,35
75. 1. Угол выст. носа	4	21,00	28,00	25,25	3,10	12,26	4	24,00	35,00	29,50	5,80	19,67
68.1 Дл. н. ч. от мыщ.	3	90,00	109,00		9,54							
79. Угол ветви н.ч.	6	108,00	123,00	116,83	5,04	4,31	2	123,00	126,00	124,50	2,12	1,70
68. Дл. н. ч. от углов	3	72,00	90,00	84,00	10,39	12,37	3	81,00	91,00	85,67	5,03	5,88
70. Высота ветви	4	53,00	65,00	60,00	5,10	8,50	3	43,00	56,00	50,00	6,56	13,11
71a. Наим. шир. ветви	5	31,00	38,00	33,40	3,05	9,13	4	30,00	36,00	32,75	2,75	8,41
65. Мыщел. ширина	1		122,00									
66. Угловая ширина	3	101,00	122,00		10,69		1	96,00	96,00	96,00		

Окончание табл. 1

	♂						♀					
67. Предняя ширина	6	44,00	50,00	46,33	2,50	5,40	3	44,00	48,00	45,67	2,08	4,56
69. Высота симфиза	7	31,00	39,00	35,00	2,77	7,91	4	27,00	32,00	30,25	2,36	7,81
69.1 Выс. тела н.ч.	8	27,00	52,00	34,00	7,75	22,78	4	25,00	30,00	26,50	2,38	8,98
69.3 Толщина тела	8	13,00	19,00	15,50	2,00	12,90	4	13,00	15,00	14,00	1,15	8,25
8:1 черепной	25	72,63	90,36	81,20	5,09	6,27	17	77,27	90,91	83,58	3,75	4,48
17:1 высотно продольный	22	68,16	83,73	75,30	4,72	6,27	16	69,49	80,36	75,36	3,00	3,98
17:8 высотно-поперечный	23	77,71	97,96	92,51	4,67	5,05	17	85,00	98,87	91,04	4,89	5,37
9:8 лобно-поперечный	26	60,93	73,05	67,74	2,65	3,91	16	62,25	73,43	67,63	2,81	4,15
9:10 лобный	25	73,77	91,96	79,52	3,90	4,91	16	74,60	84,21	79,53	3,07	3,87
9:45 лобно-скуловой	17	97,32	117,05	105,49	5,48	5,19	12	69,12	77,27	73,11	2,51	3,43
40:5 выступание лица	19	90,82	113,04	97,19	5,30	5,46	11	88,00	99,49	94,75	3,86	4,07
45:8 попер. фацио-церебр.	17	85,43	102,76	95,03	4,85	5,11	13	89,66	95,80	92,05	2,10	2,29
48:5 выступания лица	17	64,73	77,78	70,52	3,65	5,17	11	58,82	78,41	67,69	5,23	7,72
48:45 верхний лицевой	13	49,62	57,04	52,32	2,29	4,37	10	45,66	53,79	49,26	2,91	5,91
48:17 верт. фацио-церебр.	17	47,18	57,38	52,73	2,79	5,29	11	45,74	56,80	50,04	3,44	6,88
52:51(d) орбитный	23	74,39	98,65	85,13	6,64	7,80	16	73,17	100,00	87,48	7,50	8,57
54:55 носовой	20	39,62	50,94	45,95	2,37	5,15	13	42,00	54,90	47,73	3,56	7,46
DS:DC дакриальный	20	37,50	63,59	51,92	7,26	13,98	14	38,24	55,90	47,28	6,18	13,07
SS:SC симотический	15	18,56	66,67	45,53	11,54	25,35	14	25,32	62,45	44,72	12,04	26,93
NM	23	129,70	152,10	140,43	5,71	4,07	13	132,10	153,00	143,18	8,33	5,82
ZM	16	121,00	149,40	129,61	6,62	5,11	8	126,30	136,00	131,03	3,12	2,38

По величине общего лицевого угла (85,69) мужская часть серии характеризуется ортогнатным лицом, женская (84,90) — орто — на грани мезогнатного.

В одном случае (♀ №1/4, 78) отмечен прогнатный тип строения лицевого отдела.

Альвеолярный прогнатизм не отмечен ни в мужской, ни в женской частях выборки.

В среднем по серии лица средневысокие. У мужчин при среднем — 71,39- значителен размах min- max — от 65(№1/21)до 77(№1/25) — четырнадцать наблюдений — среднее, четыре высокое, одно низкое. У женщин в среднем 65,04 (60 (№1/6)–71(№2/3), низколицих пять, средне также пять, высоколицих одна.

Скуловой диаметр у мужчин на границе средних и больших величин — 136,79; (min- max129 (№1/35)–149(№2/1)), в сущности, действительно узколицых индивидов — один, средне семь, широколицых девять. В женской выборке скуловой диаметр большой (131,2; размах min- max 125 (№ 37) — 137(№39)), четыре измерения средняя ширина, девять — большая.

Верхняя ширина лица у мужчин большая — 107.10, размах min- max 100 (№40)–114(№2/1), малая два, средняя девять, большая пятнадцать наблюдений. Женщины в среднем 103,6, у всех в границах больших величин. Средняя ширина лица в целом на границе средних — больших величин. Мужчины ср. 99.38, размах min- max 91,0(№2/4)–105,5(№3/1), малая один случай, средняя шесть, большая девять. У женщин большая (min-max 89.0 (41)–100.0), малых величин нет, средних шесть, больших пять.

По верхнелицевому указателю серию можно охарактеризовать как низкошироколицая. Мужчины (52,53) — мезен, (min-max 49,6(№2/4)–57.04 (№35)), низкий три, средний восемь, большой два. Женщины (49.26) — эурион, (min-max 45,66–53.79 (№6)), средний четыре, низкий пять.

Ширина носа у мужчин — малая на границе средних (24,31), у женщин –средняя(23.93).По носовому указателю мужская часть серии лепторинная, в среднем 45,95 в одном случае указатель достигает границы значений соответствующих 50.94(7) — широким. У женщин — ср. 47,73 мезоринная, макс. 54,90 (2/3), два измерения в границах широких.

По орбитному (mf) укателю серия гипсиконхная. У мужчин в среднем 85.13 (min-max 74,39 (№36)–98,65(№2/5)), низкие орбиты четыре измерения, средние девять, высокие одиннадцать. Женщины — 87,48 (min-max 73,1 (№9)–100(№37)); низкие — два, средние — четыре, высокие — десять наблюдений.

Внутригрупповой анализ серии был проведен с использованием метода главных компонент и дал следующие результаты:

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ ВНУТРИГРУППОВОГО АНАЛИЗА СЕРИИ.
МЕТОД ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ

	Мужчины				Женщины			
	1	2	3	4	1	2	3	4
1	0.067	-0.222	0.645	-0.019	-0.138	0.646	0.389	0.237
8	0.359	0.304	-0.297	0.380	0.485	-0.265	0.132	0.243

Окончание табл. 2

	Мужчины				Женщины			
	1	2	3	4	1	2	3	4
17	0.039	0.841	0.089	0.210	0.292	0.335	0.310	0.250
45	0.514	-0.125	0.585	0.177	0.784	-0.380	0.394	-0.127
48	0.723	0.294	0.035	0.052	0.529	-0.069	-0.150	0.744
43	0.752	-0.235	0.176	0.040				
55	0.707	0.470	0.086	-0.089	0.639	0.195	-0.534	0.220
54	0.478	0.251	0.602	0.195	0.678	0.321	-0.034	-0.458
51	0.288	-0.381	0.383	0.012	0.810	-0.153	-0.031	-0.053
52	0.223	0.559	0.175	-0.091	0.370	-0.439	-0.448	0.236
SS	0.485	0.159	-0.476	0.389	0.073	0.462	0.160	0.317
SC	0.740	-0.476	-0.298	0.079	0.738	0.330	0.174	-0.097
NM	-0.428	0.071	-0.194	0.714	-0.374	-0.637	0.203	0.137
ZM	0.275	-0.515	0.228	0.577	0.377	-0.348	0.739	-0.065
72	-0.534	0.091	0.459	0.293	0.397	0.038	-0.298	-0.508
%:	26.392	15.650	13.366	8.569	27.743	13.980	11.879	10.389
1	0.067	-0.222	0.645	-0.019	-0.138	0.646	0.389	0.237
8	0.359	0.304	-0.297	0.380	0.485	-0.265	0.132	0.243

Для мужской выборки первая и вторая компоненты суммарно описывают 42% изменчивости, однако отмечена значительная нагрузка на третью ГК — более 13%. Наиболее значительные нагрузки ГК 1 приходятся на верхнюю и симотическую ширину лица, верхнюю высоту лицевого отдела, и в несколько меньшей степени высоту носа. Между данными признаками существует положительная связь, с увеличением высоты и ширины лицевого отдела также увеличиваются симотическая ширина и высота носа. По ГК II, наиболее существенна нагрузка на высотный диаметр черепной коробки, высоту орбиты и ZM угол т.е. с увеличением высоты черепной коробки увеличивается высота орбиты и усиливается профилировка лица на среднем уровне.

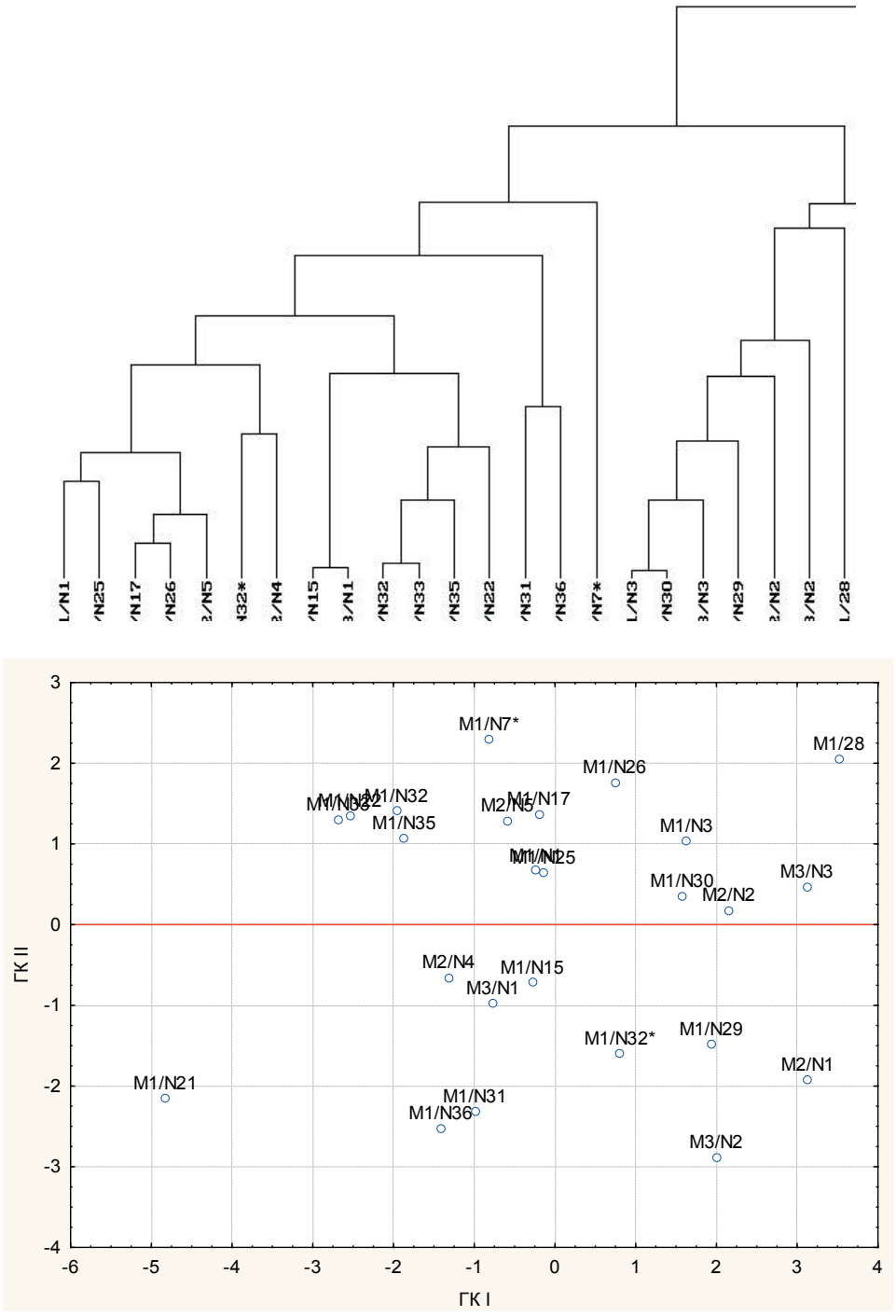


Рис. 1
Графические результаты компонентного анализа серии — мужчины

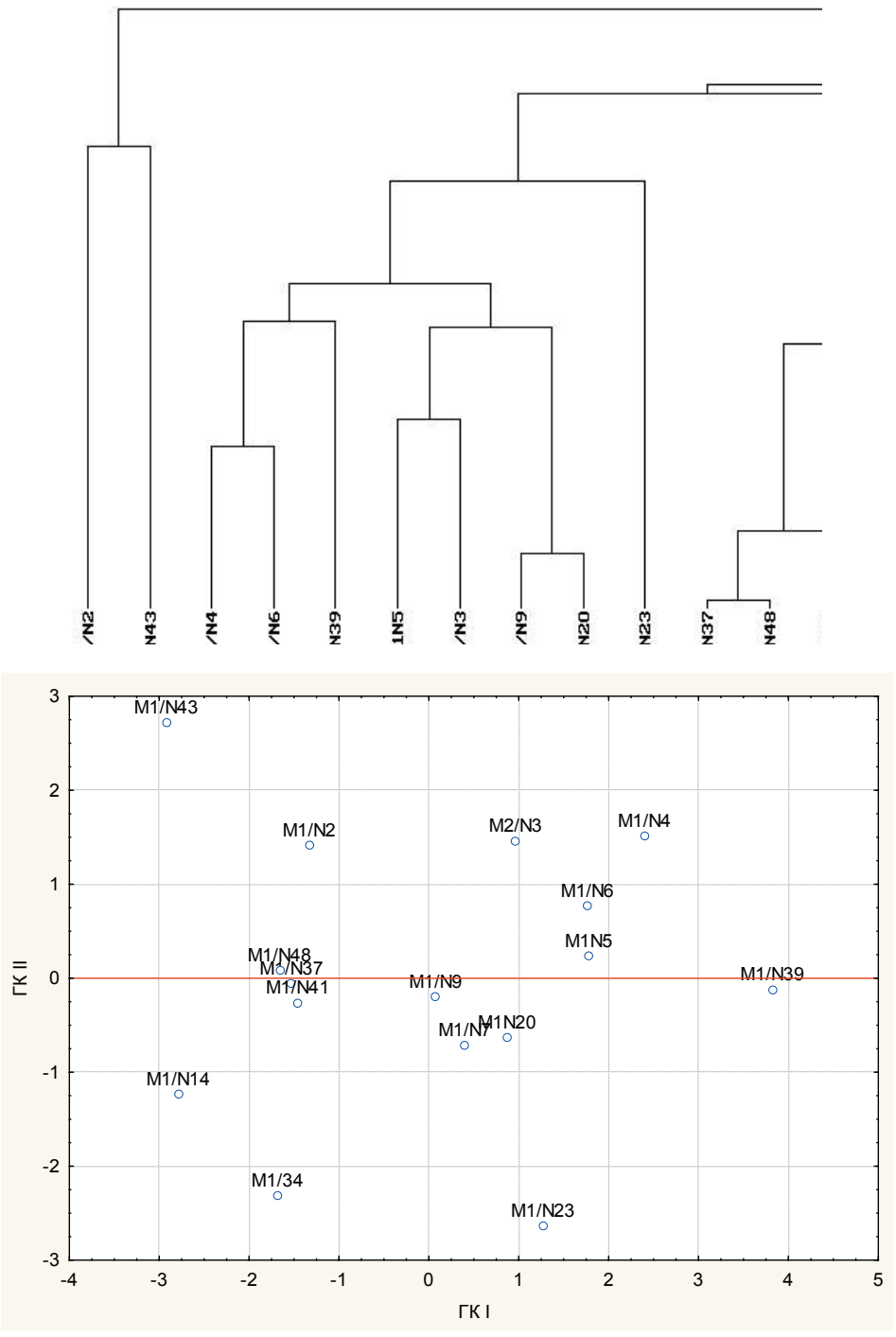


Рис. 2
Графические результаты компонентного анализа серии — женщины

Проведенный компонентный анализ подтверждает предположение о смешанном характере серии. Основная часть мужской выборки разделилась на два кластера. Похоже, что представленная дендрограмма отражает изменчивость выборки по признакам, отмеченным большими нагрузками ГК1. В правом кластере сосредоточены индивиды с параметрами, характеризующими пропорционально более крупный лицевой отдел. На графике рассматриваемая группа занимает положение в правой части поля, соответственно левая часть поля отражает тенденцию к уменьшению верхней ширины и высоты лица, а также ширины носовых костей, и высоты носа. Соответственно в верхней части поля сосредоточены индивиды, отражающие тенденцию к увеличению высотного диаметра черепной коробки и усилению горизонтальной профилировки лицевого отдела на ZM уровне. Более плотная концентрация точек соответствует группе индивидов, занимающих среднее положение по обоим комплексам признаков, значительная периферия подтверждает их изрядную изменчивость. Обособленное положение №1/21, по-видимому, связано с исключительно низкой для данной серии высотой переносья (SS/SC — 18,56).

Для женщин первая и вторая компоненты описывают те же 42% изменчивости. Наиболее значительные нагрузки ГК I приходятся на ширину орбиты, скуловой диаметр, симотическую ширину и ширину носа. По ГК II на длину черепной коробки, NM угол, симотическую высоту и высоту орбиты. Таким образом, первая компонента описывает положительную связь между широтными размерами лицевого отдела, вторая — усиление горизонтальной профилировки лицевого отдела, связанное с ростом продольного диаметра черепной коробки.

Структура женской части серии также демонстрирует гетерогенность. В правой части поля отложились более широколицые индивиды, соответственно в его верхней доле сосредоточилась меньшая часть выборки, отражающая тенденции к увеличению длины черепной коробки и усилению горизонтальной профилировки на среднем уровне. Наметившееся скопление точек соответствует группе индивидов, демонстрирующих некоторое ослабление первого комплекса признаков и средние параметры второго. Соответственно и меньший кластер дендрограммы объединяет индивидов, сосредоточенных в левой нижней доле графика, т.е. относительно узколицих, с более короткой черепной коробкой и низкими глазницами в сочетании с тенденцией к ослаблению горизонтальной профилировки на среднем уровне. Обособленное расположение № 1/2 и № 1/43 объясняется сочетанием относительно небольших широтных размеров хорошо профилированного лицевого отдела с длинной черепной коробкой.

При сопоставлении исследуемой серии с опубликованными материалами, характеризующими средневековое население Юго-Западного Крыма антропологический тип жителей Тепе-Кермена представляется вполне характерным для синхронного населения региона (приложение табл. 3, 4). На фоне представленных серий из Херсона X–XIII вв.[5], «пещерных городов» — Мангупа, Эски-Кермена,

[5] Дебец 1949, 374–385, прил. 11–14; Зиневич 1973,140–246, Назарова 1990, 26–31; Иванов 1998, 245–265. Серия характеризующая некрополь при базилике 1932 г. выбрана из массива данных опубликованных по Херсонесу Г.Ф. Дебецем — ук. работа № 65–71, № 111–88. В серии представляющей базилику 1935 г. по факту находки и датировки автором объединены две выборки: из раскопок Херсонеса 1935 г. опубликованная Г.Ф. Дебецем №№ 625–747и № 3–629, и из могил в нартексе

Каламиты (Инкермана) и сельских некрополей Гончарное, т/б Мокроусова[6], серия из Тепе-Кермена характерна относительно меньшей высотой переносья, значительной высотой орбит и сравнительно широким носом. Впрочем, по каждому из параметров среди представленных выборок находятся более или менее близкие. Одновременно обнаруживаются заметные различия с сериями, характеризующими население региона первой половины — середины I тысячелетия н.э., представленными выборками из могильников Сахарная головка, Мариамполь (Чуфут-Кале) и Скалистого[7]. В отличие от преимущественно брахикранного населения региона X–XV вв. ранние серии демонстрируют выраженную тенденцию к мезо-долихокрании, меньшие широтные размеры черепной коробки и значения скулового диаметра. Наблюдаемые изменения связываются с миграционными процессами периода Хазарского каганата, по-видимому, оказавшими весьма значительное влияние на формирование антропологического типа формирующейся в регионе средневековой народности[8]. При этом в антропологическом плане население остается достаточно смешанным в его составе отмечается и присутствие носителей антропологических типов, характерных для более ранних периодов истории региона. Серия, представляющая городское население Тепе-Кермена XIII–XIV вв., также не является исключением.

В заключение остановимся на описании некоторых индивидуальных особенностей и патологий, выявленных в процессе исследования материала. В пяти случаях на черепах погребенных (2 мужчины, 3 женщины) отмечен сохранившийся метопический шов. В целом по серии, часто встречаются вставные косточки на венечном, а также (два случая), на чешуйчатых швах. На черепе мог. 1 № 5 (♀ maturus) выявлены любопытные деструктивные изменения поверхности теменных костей — два симметричных истонченных участка имеющих вид вдавлений овальной формы размерами 80 на 50 мм, глубиной до 7–8 мм (рис.3, 4). Аналогичные образования, описаны у индивидов старческого возраста, соответственно и деструктивные процессы, происходящие в костной ткани, рассматриваются как возрастные изменения[9]. Однако в наблюдаемом случае возраст погребенной, определенный по состоянию швов черепной коробки, не превышает 40–45 лет.

Из явных проявлений патологий следует отметить деформацию головок эпифизов длинных костей (4 случая плечевой сустав, 1 локтевой, 3 бедренный)

базилики открытых в 1957 г., впервые опубликованных в указанной работе Г. П. Зиневич и вторично измеренных автором. В серии «часовни объединенные» автором объединены данные измерений серий из раскопок пяти квартальных храмов X–XIII вв. в северном районе городища, часть биометрических данных ранее публиковалась указанными исследователями, к ним добавлены авторские данные по неопубликованной серии из часовни в кв. IXа. «Базилика на холме» также представлена данными автора. Материал из раскопок некрополя Эски-Кермена некогда был опубликован Г. Ф. Дебецем единым массивом, мы сочли возможным выделить в нем ряд выборок, соответствующих типу погребальных комплексов и топографии городища, таким образом получены серии из грунтовых могил некрополя городища и высеченных в скале склепов — усыпальниц исследовавшихся в районе главных ворот.

[6] Дебец 1948, 265–268; Дебец 1949, 334–346, прил. 5,6; Зиневич 1973, 93–117,117–119 табл. 10,–12 ; Соколова 1963, 131–134, прил. 4, 5; Беневоленская 1970, Иванов, Назарова 1997, 54.

[7] Соколова 1963, 127–128, 148–151; Соколова 1958, 63–70; Зиневич 1973, 31–61; Pulyanos 1975, 71–79.

[8] Беневоленская 1971, 206–207; Иванов 2004, 213–215.

[9] Mann, Hunt 1990, 57; Ubelacer 1999, 88.

Рис. 3

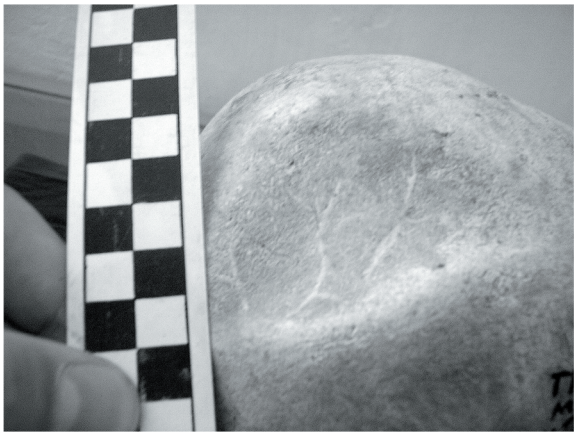


Рис. 4

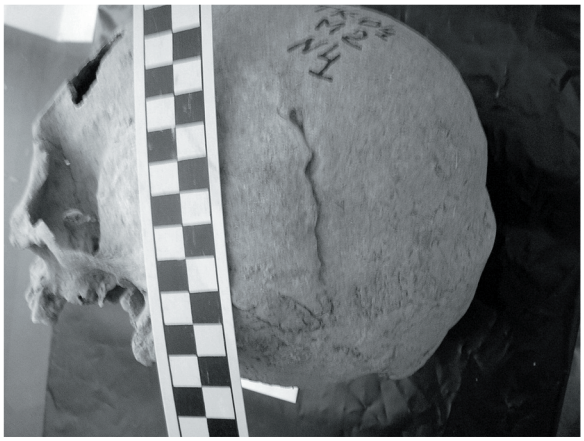


Рис. 5

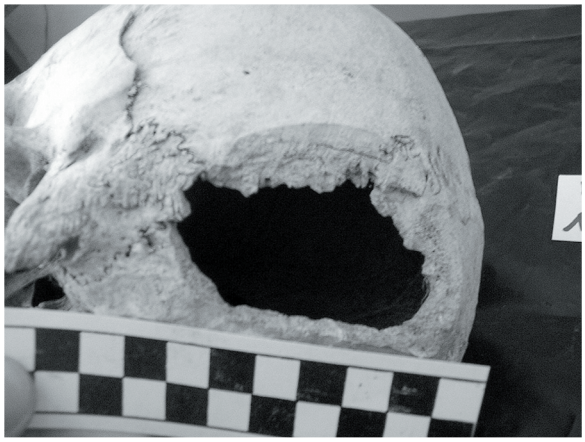


Рис. 6

и разрастание костной ткани вокруг них — характерные при поражении суставов деформирующим артрозом. Отмечены случаи патологических изменений позвоночника — срастание тел трех поясничных позвонков, костные разрастания вдоль боковых краев тел позвонков — резкое проявление спондилеза (могила №3), неравномерная уплощенность тел позвонков поясничного и грудного отделов. В одном случае зафиксировано сохранение частичной сегментированности крестца, принадлежавшего мужскому костяку. Зубо-челюстные патологии представлены прижизненными утратами зубов, восемью случаями кариеса, в т.ч. в одном случае у ребенка inf.II, а также тремя случаями пародонтоза, сопровождавшегося появлением свищевых ходов. В одном случае отмечена полная утрата зубов верхней и нижней челюстей (женщина maturus). В трех случаях отмечены отложения зубного камня.

Из травматических повреждений зафиксированы признаки давних сросшихся переломов правой лучевой кости (мужчина?), и правой ключицы. У черепа мог. 1/21 (♀) отмечены признаки подвывиха нижней челюсти с последующей деформацией мыщелковых отростков и формированием дополнительной суставной площадки. На мужских черепах мог. 1/4, мог. 1/22 22, 1/25 отмечены последствия боевых травм, нанесенных рубящим оружием. Если в двух первых случаях травмы давние и благополучно заживленные (рис. 5), то в последнем, она явилась причиной смерти (рис. 6), удар был нанесен под углом сверху, срублен овальный фрагмент затылочной кости размерами 60 на 45 мм. Срубленный фрагмент отсутствует, какие-либо следы заживления отсутствуют.

БИБЛИОГРАФИЯ

Айбабин А. И. 1999: Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.

Айбабин А. И. Герцен А. Г. 1990: Основные этапы этнической истории Крыма. // Информационно методический бюллетень общественно- политического центра Крымского обкома КПУ. 3 / Л. И. Грач (ред.). Симферополь, 2–18.

Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. 1993: Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. III / А. И. Айбабин (ред). Симерополь, 211–222.

Айбабина Е. А. 1993: Могильники VIII — нач. X в. в Крыму // МАИЭТ. III. / А. И. Айбабин (ред.). Симерополь, 121–133.

Беневоленская Ю. Д. 1970: Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма // МИА. 168, 196–223.

Боровко Н. А. 1913:Тепе-Кермен. // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 3. Симферополь, 11–72.

Герцен А. Г. 1995: К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 27 / С. П. Карпов (ред.). Симферополь, 85–90.

Герцен А. Г. 2006: Пещерные города Крыма. Севастополь.

Дебец Г. Ф. 1948: Палеоантропология СССР. М.-Л.

Дебец Г. Ф. 1949: Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник Музея Антропологии и Этнографии. т. XII / С. П. Толстов (ред.). М.-Л., 333–386.

Зиневич Г. П. 1973: Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев.

Иванов А. В. 1998: Краниологические материалы из раскопок часовни в квартале «Х-б» херсонесского городища. // ХСБ. IX / М. И. Золотарев (ред.). Севастополь, 245–265.

Иванов А. В. 2004: Об антропологическом типе населения пещерных городов Крыма // Россия–Крым–Балканы диалог культур / В. П. Степаненко (ред.). Екатеринбург, 209–215.

Иванов А. В., Назарова Т. А. 1997: Позднекочевнический могильник Ек-Мурун- Оба и средневековое население Херсона и Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Украины: тез. докл. науч. конф. Харьков, 54.

Кеппен П. И. 1837: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПБ.

Могаричев Ю. М. 1992: Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории пещерных городов в Крыму / Ю. М. Могаричев (ред.). Симферополь, 5–131.

Могаричев Ю. М. 2005: «Пещерные города» в Крыму. Симферополь.

Мыц В. Л. 1991: Укрепления Таврики X–XV вв. Киев.

Мыц В. Л. 1997: О дате гибели византийского Херсона: 1278 // Международная конференция Византия и Крым: тез. докл. Севастополь, 66–67.

Назарова Т. А. 1990: К вопросу об антропологическом типе населения средневекового Херсонеса // Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. преп. Киев, 26–31,

Соколова К. Ф. 1963: Антропологічні матеріали могильників Инкерманської долині // Археологічні пам'ятки УРСР. т. XIII / А. Т. Брайчевская (ред.). Киев, 124–154.

Соколова К. Ф. 1958: Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма / А. П. Смирнов. М., 63–87.

Сумароков П. 1803: Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.

Талис Д. Л. 1969: О классификации и датировке некоторых средневековых городищ Крыма // Экспедиция ГИМ. М., 131–140.

Талис Д. Л. 1971: Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным / М. В. Бажанов (ред.). М., 250–262,

Талис Д. Л. 1977: Городище Тепе-Кермен // КСИА АН СССР. 148, 98–103.

Щукин М. Б. 2005: Готский путь. СПБ. 2005.

Якобсон А. Л. 1973: Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 10 / В. А. Сметанин (ред.). Свердловск, 131–138.

Mann Robert W., Hunt David R. 1990: Photographic regional atlas of bone disease. Springfild.

Pulyanos A. N. 1975: Ancient and medieval Crimean skulls // Antropology. XIII/1, 2, 71–79.

Ubelacer Douglas H. 1999: Human skeletal remains. Washington.

POPULATION OF THE "CAVE TOWN" TEPE-KERMEN FOR DATE OF ANTHROPOLOGY

A. V. Ivanov

The author examines series of the 18th — 19th st. from the "cave town" Tepe-Kermen. Considered series define population region SW Crimea, determinated explorers as "medieval nationality of mountain Taurica". According to the published data, the population of the Tepe-Kermen was heterogeneous, among this mixed europeoid population, the separation of the other small taxonomic groups by means of given material is a problem. On opinion of author, forming concerned anthropological type, connected with migration processes chasar period.

Key words: Taurica, Tepe-Kermen, The Middle Ages, population, anthropology, craniology.

ИСТОРИЯ РОССИИ

© 2010

В. Б. Масляев

И. И. НЕПЛЮЕВ — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА

В научной статье автора В. Б. Масляева «И. И. Неплюев — государственный деятель России XVIII века» впервые в отечественной историографии освещаются жизнь и деятельность видного государственного и общественного деятеля России 20–60-х годов XVIII века И. И. Неплюева. В ней подробно показываются его жизненный путь, роль в развитии русско-турецких и русско-иранских отношений в период дипломатической службы в Турции, обозначен вклад И. И. Неплюева в развитие Оренбургского края в качестве первого губернатора. Раскрыта деятельность его в Коллегии по иностранным делам в конце жизни.

Ключевые слова: И. И. Неплюев, Оренбург, дипломатическая служба.

Иван Иванович Неплюев (1693–1773) — выдающийся государственный деятель, историческая личность, ярко отражающая свое время, оставившая значительный след в истории Российского государства XVIII века.

Деятельность Неплюева чрезвычайно разнообразна. Дипломат, военный моряк, администратор, мемуарист — это свидетельство многогранности способностей одного из лучших учеников Петра Великого. Результаты деятельности Неплюева убедительно свидетельствуют о его необыкновенном трудолюбии, дарованиях, широте познаний, его деятельность — явление своего времени — сохраняет непреходящее значение до наших дней.

Всей жизнью И. И. Неплюев давал пример фанатичной преданности делу. Где бы он ни находился, что бы ни делал — на всех поприщах добивался успеха: будь то заграничная стажировка, дипломатическая миссия в Турции или губернаторство в Малороссии, освоение и устройство Оренбургского края или служение при императорском дворе в последние годы жизни. Биография Неплюева интересна и поучительна, она всегда вызывала большой интерес у ученых.

Иван Иванович Неплюев родился 5(15) ноября 1693 года в фамильной усадьбе Наволок Новгородской губернии.

Род дворян Неплюевых — древний и происходит от одной ветви с царствовавшим на Руси домом Романовых. Мать И. И. Неплюева, Мария (по некоторым данным — Марфа) Петровна происходила из знатного рода князей Мышецких. Иван Никитич Неплюев был на год старше своей жены. Они оба, муж и жена, от-

личались красотой лица и твердостью характера при взаимной любви и уважении друг к другу. Несмотря на древнее происхождение, семья не была богатой.

Ивану исполнилось 7 лет, когда отец его оставил с матерью в Наволоке, а сам в начале сентября 1700 года отправился под Нарву, где в составе русской армии участвовал в осаде крепости. Шла Северная война со Швецией. В сражении под Нарвой И. Н. Неплюев получил несколько серьезных ранений. Глубокой осенью 1700 года он вернулся домой, в Наволок, где жил до своей кончины 10 июля 1709 года (в возрасте 38 лет).

Когда умер отец, Ивану Ивановичу почти сравнялось 16 лет. Через два года Мария Петровна нашла своему сыну невесту. 6 сентября 1711 года совершено было бракосочетание Ивана Неплюева с девицей Феодосией Татищевой. Неплюев говорит в своих «Записках», что женился «по воле матери»[1]. В ноябре 1713 года Неплюев оставляет жену, а сам удаляется на богомолье в монастырь «по обещанию»[2], данному им раньше. Это путешествие в монастырь при добровольной разлуке с молодой женой продолжительностью в 16 месяцев доказывает ревностное отношение Неплюева к благочестию, завещанному от предков и развитому в нем матерью. Иван Иванович как бы готовился духовно к той полезной и многотрудной деятельности, которая ожидала его впереди.

24 марта 1715 года, действуя согласно специальному указу царя, князь А. Д. Меншиков произвел в Новгороде смотр всех неслужащих дворян. Одни из дворян определены были на службу, другие отданы в учение. Меншиков записал Ивана Неплюева в Новгородскую математическую школу, хотя ему шел уже двадцать первый год и на руках находилась порядочная семья: мать, жена и двое детей.

Вскоре Неплюев переводится в Нарвскую навигационную школу, а в октябре 1715 года — в Санкт-Петербургскую Морскую Академию. Неплюев принадлежал к числу тех немногих кадет, о которых А. А. Матвеев, осуществлявший надзор за академией, писал: «Кадеты в науках прилежно преуспевают, а солдатской экзерциции так хорошо обучались как бы старые»[3]. Во время своего обучения в Морской Академии И. И. Неплюеву неоднократно случалось видеть и слышать Петра Великого, и с тех пор он стал питать к государю глубокое уважение и любовь, которые сохранил на всю жизнь.

В 1716 году по воле Петра I Неплюеву пришлось отправиться за границу. 27 молодых русских гардемаринов были отправлены в Венецию. Поступив там на галеры, они учились управлять ими и изучать на практике морское дело.

Венеция в то время вела войну с Турцией (1714–1718 гг.). В боевых действиях участвовали и наши гардемарины. Иван Неплюев оказался в числе отличившихся; он получил от венецианского командования особый аттестат, свидетельствующий о его способности и искусстве управлять галерой на море. По окончании турецко- венецианской войны гардемарины продолжили образование в испанской кадетской академии. В мае 1720 года они возвратились в Санкт-Петербург.

Неплюев очень толково использовал свою заграничную командировку. Вернувшись из-за границы, он сдавал экзамены самому царю. «Не знаю, как приняли оное мои товарищи, — писал потом Иван Иванович, — а я всю ночь не спал, гото-

[1] Неплюев 1893, 12.
[2] Витевский 1897, 1, 24.
[3] Штыкалова 1993, 3.

вился, как на Страшный суд»[4]. Царь дал ему первый урок самоотверженного служения Отечеству, показав свою ладонь: «Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все оттого: показать всем пример и хотя бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству»[5]. Иван Неплюев, высокий и стройный голубоглазый блондин со спокойным и добрым выражением лица, глубоко овладевший морским делом, иностранными языками и другими науками, покорил и растрогал Петра I. Царь из многих сдавших экзамены выделил Неплюева, присвоил ему чин поручика галерного флота. Вскоре он был назначен главным смотрителем строящихся на петербургских верфях военных судов. О том, насколько значительной была эта должность говорит то, что до Неплюева ее исправлял всесильный князь А. Д. Меншиков.

В начале 1721 года государю понадобился человек, который мог бы занять место резидента в Турции. Выбор Петра I, к удивлению представителей знатных и богатых родов, пал на бедняка Неплюева, несмотря на то, что ему было всего 27 лет. Назначение Неплюева на службу в Стамбул состоялось в конце января 1721 г.

Государь назначил И. И. Неплюеву 3 тысячи рублей в год жалованья и приказал выдать 1 тысячу рублей на подъем[6]. Когда Неплюев перед своим отъездом в Стамбул явился к государю, то Петр принял его весьма ласково, сделал необходимые наставления и благословил «своего хваленого» в путь, сказав: «Прости, братец, кому Бог велит видеться »[7]. Это было последнее личное свидание Неплюева с Петром Великим.

Благополучно добравшись до Константинополя, И. И. Неплюев представился султану Ахмеду III. Молодой русский дипломат сумел быстро расположить к себе турок, которые весьма уважали его за ученость и обаятельность. Султан Ахмед не мог нахвалиться им, а визирь Ибрагим-паша стал другом Неплюева и подарил ему соболью шубу и коня с дорогим убором. Английский и французский послы старались поссорить Турцию с Россией. Они устраивали разные козни против Неплюева, прибегали к подкупам турецких чиновников. Турки, недовольные влиянием Неплюева на султана, неоднократно пытались отравить упрямого и несговорчивого русского дипломата[8]. Неплюев перехитрил своих недругов и в 1724 году добился заключения с Турцией договора, по которому Россия приобрела во владения все земли, лежащие на западном берегу Каспийского моря. Спор об этих землях возник после Персидского похода Петра I (1722–1723 гг.), предлогом для которого стали убийства и ограбление русских купцов в Шемахе. Военным результатом похода стало взятие Дербента, Решта и Баку. Россия и Турция в ходе своей экспансии против Персии, захватили большие территории, лежащие на северо-западе этой восточной империи, ослабленной тогда афганским вторжением. Турки опасались усиления влияния России в регионе, но Неплюев склонил султана к разделу почти беззащитных персидских владений. Условия раздела и были закреплены Стамбульским договором 1724 года. Это было большим дипломатическим успехом. С тех пор Россия стала утверждаться на Кавказе.

Усилия французской дипломатии в тот период были направлены на ослабле-

[4] Там же.
[5] Устинов, Гуркалов 1994, 220.
[6] Витевский 1897, 1, 56.
[7] Устинов, Гуркалов 1994, 220.
[8] Шибанов 1997, 28.

ние России и Турции путем втягивания их в большой военный конфликт. И. И. Неплюев активно противодействовал этим планам, поддерживая желание османов поживиться за счет раздела персидских владений. Он полагал, что будет куда лучше, если воинственные азиаты будут драться друг с другом, нежели объединяться в союзы против России. В Персии в борьбе за шахский трон шло ожесточенное противоборство политических группировок. Русская дипломатия маневрировала, стремясь поддерживать среди влиятельных персов тех, кто призывал первым делом посчитаться с еретиками-суннитами, т. е. турками и афганскими вождями, временно захватившими центральную власть в стране. Петр I в начале своего персидского похода заявил о поддержке царевича Тахмаспа — это было одним из предлогов для военного вмешательства: ведь Тахмасп, державший под контролем лишь часть страны (Мазендеран) был законным наследником персидского престола. Позднее Персия усилилась, изгнала афганцев и захотела взять реванш у османов. С началом кровопролитной турецко-персидской войны 1730–1736 гг. туркам и вовсе стало не до разборок с быстро набиравшим силу северным соседом.

В многотомной «Истории дипломатии» можно найти такое интересное упоминание об Иване Ивановиче Неплюеве: «Все правительства стремились иметь в чужих государствах своих агентов, через которых получали необходимые им сведения. Прибегала к этому средству и русская разведка. Так, при Анне Иоанновне русский посланник в Турции Иван Иванович Неплюев имел агента в окружении французского посла и через него получал известия о всех шагах своего соперника»[9].

Дружеские отношения России с Турцией, благодаря незаурядным способностям И. И. Неплюева как дипломата, не прерывались, пока он жил в Стамбуле. Но в 1732 году Иван Иванович опасно заболел и попросил разрешения вернуться в Россию. В конце 1735 года Неплюев прибыл в Петербург. 30 января 1736 года он получил чин тайного советника, а вскоре был включен в число членов Коллегии иностранных дел с производством ему жалования по 2264 рубля 84,5 копейки в год[10].

Вскоре после отъезда И. И. Неплюева из Стамбула, где он прослужил, радея о пользе Отечества, почти 14 лет, открылась война между Турцией и Россией, стоившая нам очень дорого. Вместе с известными дипломатами П. П. Шафировым и А. П. Волынским И. И. Неплюев принимал участие в мирных переговорах с турками, проходивших 16 августа — 11 ноября 1737 года в украинском местечке Немиров (Немировский конгресс). На конгрессе русская сторона предъявила Порте Оттоманской территориальные и другие требования, которые турки посчитали чрезмерными. Переговоры сорвались, военные действия возобновились. Политическим результатом войны стало заключение Белградского мира 1739 года. Россия получила некоторые территории на Украине, а также Азов.

В 1738 году И. И. Неплюев получил назначение губернатором в Киев, и ему было поручено произвести размежевание пограничных земель между Россией и Турцией в междуречье Днепра и Буга. Несмотря на болезнь, Неплюев с успехом выполнил порученное ему дело и возвратился в Киев, где оставалась его семья. Здесь 4 декабря 1740 года скончалась его жена Феодосия Федоровна.

[9] История дипломатии 1941, 5, 282.
[10] Устинов, Гуркалов 1994, 220.

В браке с Феодосией Федоровной Иван Иванович имел шесть детей: трех сыновей и трех дочерей. Второй его брак с Анной Ивановной Паниной оказался недолгим: в 1743 году Анна Ивановна умерла в возрасте 25 лет.

В начале 1741 года И. И. Неплюев был вызван в Петербург и награжден орденом Святого Александра Невского и поместьями в Малороссии. Вслед за тем его назначили главным командиром всей Малороссии.

25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота на престол взошла дочь Петра Великого Елизавета Петровна. И. И. Неплюев попал под следствие, так как был довольно близок с деятелями бывшего правительства, особенно с графом А. И. Остерманом — самым умным и опасным из неприятелей новой императрицы. По следствию, проведенному над Неплюевым, он оказался невиновным в тех замыслах, которые ему приписывали враги и завистники. Государыня, возвратив Неплюеву чин и орден, назначила его главным начальником Оренбургского края. Формирующемуся краю надлежало стать буфером от кочевников на юго-востоке России, местом торговли со Средней Азией, воротами для народов Востока в Европу.

Идея о создании экспедиции для освоения края принадлежала И. К. Кирилову — обер-секретарю Сената, который затем стал выдающимся географом и историком. В 1733 году он составил и подал в сенат «Записку» о необходимости укрепления безопасности юго-восточных границ России от набегов кочевников, расширить торговые связи со Средней Азией и Индией, усилить политическое влияние России на страны Востока.

Руководителями Оренбургской экспедиции (вскоре переименованную в постоянно действующую комиссию), кроме И. К. Кирилова, были В. Н. Татищев, В. А. Урусов, Л. Я. Соймонов. В 1742 году к руководству комиссией приходит И. И. Неплюев. Назначение Неплюева в Оренбургский край было, по сути, замаскированной ссылкой. Но здесь новая деятельность вскоре увлекла его настолько, что заставила, как он говорил, забыть ту прискорбность, с коей в сию экспедицию прибыл.

Много трудов и разных забот ожидало И. И. Неплюева на новом поприще. Оренбургский край занимал тогда территорию от Камы до Каспия и от Волги до Тобола. В его состав входили, кроме нынешних Оренбургской, Челябинской и части Курганской областей, Уфимская и Самарская губернии, часть губерний Астраханской, Казанской, Пермской, земли Уральского казачьего войска и киргизские степи. Окружность всего края равнялась 5,5 тыс. вёрст. На территории Оренбургской губернии к 1762 году, т. е. к моменту завершения Неплюевым губернаторства, проживало лишь 472 тыс. человек[11]. Более половины из них составляли русские. Среди населения преобладали государственные крестьяне. Особенностью края было наличие Яицкого, а затем Оренбургского казачьих войск.

Выбранное И. И. Неплюевым место для основания Оренбурга находилось к востоку от устья р. Сакмары, где уже имелась основанная Кириловым небольшая Бердская крепость. При выборе места для нового города Неплюев исходил из удобства надзора за башкирами и безопасного прохождения к городу купеческих караванов (опасность представляли кочующие ватаги киргизов). Кроме того, Неплюев хотел, чтобы Оренбург не был слишком удалён от внутренней России.

[11] Зобов, Футорянский 1994, 6.

19 апреля 1743 года «с надлежащим молебствием и с пушечной пальбою»[12] Оренбург был заложен.

Построение Оренбурга не обошлось без человеческих жертв. В новостроящемся городе быстро распространилась цинготная болезнь. Из 1350 человек, заболевших цингою, умер 631 человек; особенно беспощадно косила людей болезнь осенью. Стараясь ободрить упавших духом новопоселенцев и рабочих, И. И. Неплюев, всегда начинавший дело молитвой, употреблял все усилия и меры к тому, чтобы довести до конца строительство города. В период строительства Оренбурга Неплюев делил трудности с его первыми жителями. Он до ноября жил в палатке, а когда наступили холода, поселился в землянке, какая была у последнего рабочего. Неплюев перешёл в отстроенный для него дом лишь после того, как все обитатели землянок получили возможность жить тоже в домах, а гарнизон в казармах[13]. За весь период правления Неплюева не был даже построен губернаторский дом. Нельзя не удивляться такой самоотверженности для общего блага и такой силе воли Неплюева.

Для безопасности жителей Оренбурга город был обнесён рвом и валом с каменной стеною. Вал имел в окружности 5 вёрст 192 сажени. Ширина города имела 570 сажень, длина 677 сажень[14]. Снаружи вся крепость была одета плитным камнем. Как быстро застраивался Оренбург можно судить по тому, что через 4 года после его основания в нём было уже 4 церкви, 837 дворов (кроме казённых зданий), гауптвахта, аптека, пороховой погреб, полковая канцелярия, цейхгауз, артиллерийский двор, аманатный и почтовый дворы, провиантский и соляной магазины, госпиталь и около 175 лавок для торговцев. А к 1760 году в Оренбурге насчитывалось уже 2866 домов, кроме находившихся за городом землянок, церквей 9, соборов — 2 (Петропавловская церковь, Преображенский и Введенский соборы были каменные, со сводами)[15]. Только количество домов в Оренбурге за 13 лет губернаторства И. И. Неплюева выросло более чем в три раза.

15 марта 1744 года вследствие особого ходатайства И. И. Неплюева была создана Оренбургская губерния, а сам Неплюев стал её первым губернатором, имея огромную власть фактически «независимого правителя»[16].

Город-крепость Оренбург на Яике стал точкой опоры в дальнейшей колонизации края, центром русской культуры на этой неспокойной окраине Российского государства. Особенно важную роль играл Оренбург в развитии русско-казахских отношений, которые при Неплюеве складывались весьма непросто. Круги феодальной старшины и родовой знати, не видя для себя смысла в интригах, предпочитали власть, исходящую из Оренбурга. Россия, казалась им, обещала мир и гарантию экономического благополучия.

И. И. Неплюев возводил крепости, расширял и заселял Оренбургскую линию служилым людом, стремился упрочить торговые отношения со Средней Азией через степь и навсегда покончить с волнениями в Башкирии. Проявленные им при этом ум, энергия и жестокость вошли в легенду. Эти черты характера Неплюе-

[12] Устинов, Гуркалов 1994, 417.
[13] Зобов, Футорянский 1994, 8.
[14] Войнов, Дорофеев 1993, 57.
[15] Футорянский 1996, 33.
[16] Зобов 1991, 74.

ва дали основания его биографу В. Н. Витевскому назвать его «Петром Великим Оренбургского края»[17].

И. И. Неплюев, продолжая дело своих предшественников И. К. Кирилова и В. Н. Татищева, продолжил строительство укрепленных линий. К 1750 году, благодаря усилиям первого оренбургского губернатора, Южный Урал сделался достаточно защищенным и безопасным от набегов и грабежей местных народов.

Для охраны Оренбургской пограничной линии, простиравшейся на 2500 километров и ограждавшей юго-восточные рубежи страны, по инициативе И. И. Неплюева в 1748 году было создано Оренбургское казачье войско. Яицкое (Уральское) казачье войско получило более четкую внутреннюю организацию. Казачьи общины на Яике имевшие раньше не весьма прочную связь, были объединены в единое стройное целое под главным управлением войскового атамана, подчиненного, в свою очередь, губернатору Оренбургского края.

Главной повинностью казаков была сторожевая служба. На занятие земледелием оставалось мало времени.

И. И. Неплюев, будучи главой края, осуществлял жесткую колониальную политику, но стремился чаще действовать невоенными методами. Так, налаживая добрые отношения с башкирским народом, губернатор приказал арестовать главу Уфимской администрации Аксакова за его лихоимство и притеснения в отношении башкир[18]. В отличие от своих предшественников И. К. Кирилова и В. Н. Татищева, И. И. Неплюев отказался от миссионерской русификаторской политики. Вместо насильственного крещения инородцев решено было дать им образование. С этой целью при мечетях открывались начальные школы. С самого начала своей деятельности И. И. Неплюев защищает земледельческие и личные права аборигенов, стремится к тому, чтобы уравнять ответственность русских и башкир перед законом.

Торгово-промышленное развитие природных богатств Оренбургского края особенно занимало И. И. Неплюева: оно могло служить лучшим и более надёжным средством к сближению русского и других народов. Для того, чтобы открыть путь торгово-промышленному движению на восток, Россия должна была овладеть киргизскими ордами, что, по мнению Петра Великого, имело значение ключа от ворот по отношению к средней Азии и, только овладев ими, русские могли войти в сношение с узбеками, хивинцами и другими среднеазиатскими народами.

И. И. Неплюев так умно повёл дело развития торговли, что азиатские купцы стали приезжать в Оренбург большими караванами, несмотря на трудности пути и опасности переезда через киргизские степи. Сами киргизы охотно прибывали в Оренбург для мены русских товаров на лошадей, верблюдов и другой скот. В 1743 году между ними уже стали обращаться сукна, изготовленные на русских фабриках.

В Оренбурге был устроен Гостиный двор со 150 лавками, а в виду города, за Яиком, на степной стороне — Меновой двор со 148 амбарами и 344 лавками; Гостиный двор был предназначен для зимней, а Меновой двор для летней торговли. Строительство последних было завершено в 1754 году[19]. В начале лавки были

[17] Витевский 1877, 8.
[18] Зобов, Футорянский 1994, 7.
[19] Там же.

деревянными, а потом, в 1748–1754 годах, благодаря увеличению торговых оборотов, Неплюев заменил их новыми каменными.

Оренбург не был единственным местом меновой торговли с восточными соседями: с 1750 года был открыт меновой двор и в Троицкой крепости. По распоряжению Неплюева там могла производиться мена товаров только с купцами Средне-киргизкой орды.

Первый оренбургский губернатор прилагал большие усилия в осуществлении заветов Петра Великого «отворить врата в среднеазиатские страны и завести с ними торговые сношения»[20].

За счет пошлин в торговле покрывались все расходы по управлению краем; в то же время они были значительно ниже, чем по всей России (по стране 5 копеек с рубля, в Оренбургской губернии — 3 копейки). Пошлинный доход с торговли достигал 50 тыс. рублей в год, торговый оборот в Оренбурге в 1751 году достиг гигантской суммы — 2,8 млн рублей[21].

Весьма плодотворной была деятельность И. И. Неплюева и в отношении развития промышленности в Оренбургском крае. До него в крае не было ни одного завода. Правительство решило строить заводы волевым путем, но наткнулось на сопротивление местного населения. Неплюев доказал в «верхах», что устройство заводов должно происходить по добровольному соглашению заводчиков с башкирами, и дело отдали в частные руки. Помощником в деле развития промышленности губернатор избрал И. Б. Твердышева, весьма деятельного, трудолюбивого и честного человека.

Твердышев возродил разрушенный башкирами медеплавильный Воскресенский завод и в течение пяти лет устроил еще 4 медеплавильных завода: Преображенский (1748 г.), Богоявленский (1751 г.), Архангелогородский и Верхоторский на р.Тор (1753 г.). Пример Твердышева увлек многих: братья Мосоловы построили на р.Кан Кано-Никольский медный завод, купец Мясников основал Благовещенский завод, братья Красильниковы построили Архангельский медный завод, тульский купец Коробков основал в 1746 году Каслинский железный завод — первый завод на нынешней территории Челябинской области[22].

За 16 лет губернаторства И. И. Неплюева в Оренбургском крае было заведено и открыто 28 заводов (15 медеплавильных и 13 железоделательных), в том числе такие знаменитые заводы, как Каслинский и Кыштымский.

Самыми прибыльными распространенными промыслами в крае были соляной и рыбный. При Неплюеве было положено начало правильной разработке илецкой соли. В 1753 году разработка соли в Илецкой защите стала казенным промыслом, в котором использовалось около 200 ссыльных и каторжников. Объем добычи достигал 500 тыс. пудов в год, казна имела от этого 15 тыс. рублей годового дохода[23].

Жизнь испытала на прочность созданную в 40–50-е годы XVIII века организацию управления Оренбургского края. В 1755 году вспыхнул бунт башкир под руководством ахуна (ахун — мусульманский богослов, ученый мулла) Батыр-

[20] Витевский 1897, 3, 722.
[21] Футорянский 1996, 26.
[22] Борисов 1990, 14.
[23] Футорянский 1996, 27.

ши Алеева, который, разъезжая по селениям, подбивал башкир, татар и киргиз-кайсаков на священную борьбу с «неверными» русскими.

Перипетии бунта Батырши Алеева дают понимание роли И. И. Неплюева как губернатора и дипломата. Получив первые сведения о начале возмущения башкир, постаревший, больной И. И. Неплюев принял ряд решительных мер к скорейшему прекращению кровопролития. Искусный дипломат, хорошо знавший Восток, он в столь непростых условиях использовал противоречия и закоренелую вражду башкирской и киргизской старшины. В результате энергия бунта трансформировалась и, перейдя в иные «русла», выплеснулась не на русских. Развернулась яростная борьба всех против всех: местные народы — заложники честолюбия собственных феодалов — принялись выяснять отношения военным путем, и бунт пожрал сам себя. Войскам, направленным губернатором в мятежные провинции, пришлось не усмирять, а в основном умиротворять воинственных бунтарей, нещадно истреблявших друг друга.

Своими действиями оренбургский губернатор подтвердил истинность древнего принципа «разделяй и властвуй». В то время как Батырша апеллировал к религиозному фанатизму соплеменников, И. И. Неплюев своими грамотами сумел пробудить в кочевниках дремлющие инстинкты набегов на незащищенные владения ближних соседей. Бунт удалось погасить, не дав ему разгореться в большую межэтническую войну.

Быстрое и эффективное строительство города-крепости Оренбурга, создание многочисленных приграничных укрепленных линий, реорганизация Яицкого и создание Оренбургского казачьих войск, искусная мирная дипломатия с государствами и кочевыми народами Средней Азии, превращение Оренбурга в международную ярмарку Востока — вот далеко не полный перечень свершений И. И. Неплюева на посту губернатора Оренбургского края. Самые лучшие, самые плодотворные годы жизни отдал Неплюев устроению Оренбуржья. Весной 1758 года по личной просьбе он был освобожден от должности оренбургского губернатора и отправился в Санкт-Петербург.

Несмотря на громадные заслуги перед Россией, он на некоторое время оказался забытым с его старостью, истощенными силами и даже нуждой. Постоянно заботясь об увеличении доходов казны и торгово-промышленного класса, И. И. Неплюев лично довольствовался лишь самым необходимым в его положении — черта в высшей степени благородная, присущая весьма немногим государственным деятелям того времени.

В 1760 году, несмотря на преклонные лета, действительный тайный советник И. И. Неплюев снова поступил на службу в звании сенатора и конференц-министра.

В кратковременное царствование Петра III деятельность И. И. Неплюева ничем особенным не проявлялась. В «Записках» Неплюева читаем: «Бывал я у моей должности ежедневно, но немым: ибо никто уже и мнения моего не требовал»[24]. Этому весьма способствовало то, что многоопытный сановник не раз отговаривал Петра Федоровича от неразумных шагов в бытность последнего цесаревичем.

Екатерина II, сделавшись императрицей, сразу оценила значимость трудов и заслуг И. И. Неплюева и приблизила его к себе. И. И. Неплюев был награжден

[24] Неплюев 1893, 173.

орденом Святого Андрея Первозванного и назначен председателем Сенатской конторы. Полагаясь на его опытность и талант, императрица поручала Ивану Ивановичу на время своих отсутствий в Петербурге все столичные войска в полное его распоряжение, вела с ним частную переписку и даже вверяла его заботам и попечению своего сына, цесаревича Павла Петровича. Но И. И. Неплюеву недолго пришлось служить при Екатерине Великой: силы его истощались, ослабело зрение, а потом он совершенно ослеп. Он лично явился к императрице с просьбой об увольнении его от службы. Когда слепого Неплюева подвели к государыне, она усадила его подле себя и, предугадывая его намерения, сказала: «Я разумею тебя, Иван Иванович! Ты, конечно, хочешь проситься в отставку, но, воля твоя, я прежде тебя не оставлю, пока ты не отрекомендуешь на сове место человека с такими же достоинствами, с какими ты». Неплюев, растроганный до слез, взволнованным голосом отвечал: «Нет, государыня, мы — ученики Петра Великого, проведены им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако думали и инако вели себя, а ныне инако воспитываются, инако мыслят, инако ведут себя. Итак, я не могу ни за кого, ни за сына моего ручаться!»[25].

Императрица приняла прошение И. И. Неплюева, и вскоре он был уволен со всех должностей, гражданских и военных. Получив награду за честную, плодотворную и продолжительную службу Отечеству, Неплюев спокойно жил в Петербурге до своей кончины 11 ноября 1773 года.

Потомкам Неплюев оставил книгу воспоминаний «Жизнь Ивана Ивановича Неплюева, им самим написанная». В своих «Записках» И. И. Неплюев проявил себя как талантливый мемуарист. «Записки» писались автором в основном уже в старости на основе дневника, который долгие годы вел И. И. Неплюев. Это наложило на содержание воспоминаний свой, присущий только им отпечаток. В описании годов учебы и начала государственной службы местами ощущаются язык и слог петровского времени; последующие страницы воспоминаний, подвергнутые позднейшей обработке, лишены этого колорита.

Особый интерес представляет описание петровской эпохи — страницы, которые раскрывают личность Петра, характер, воззрения великого преобразователя России. Из воспоминаний И. И. Неплюева можно получить представление, на чьих личных примерах воспитывались «птенцы гнезда Петрова», что было главным в их жизни. Примеры большой преданности делу, высокого патриотизма и благочестия, характерные для И. И. Неплюева и его однокашников, читатель обнаруживает в тексте «Записок» в немалом числе. «Записки» (особенно страницы, посвященные учебе за рубежом) позволяют воочию представить жизнь людей той далекой эпохи, они дают нам уроки нравственности, сыновней любви к Отечеству (беседы Ивана Неплюева с Петром Великим, ответ ослепшего Неплюева Екатерине II по поводу своей отставки).

«Записки» И. И. Неплюева представляют большую историческую и литературную ценность и как первые полноценные мемуары крупного государственного деятеля Российской империи, и как описание разных эпох, сделанное одним человеком на протяжении его долгой, наполненной необыкновенными событиями жизни.

[25] Устинов, Гуркалов 1994, 221.

Вся деятельность И. И. Неплюева говорит о многогранности его способностей и умении доводить начатые дела до логического конца.

В то же время вразрез с исторической правдой могла бы стать идеализация личности И. И. Неплюева — человека своего времени, не видевшего ничего дурного в существовании крепостного права, безгранично уверенного в правильности административной практики правительства, жестко и непреклонно проводившего все мероприятия по указаниям «сверху». Восемь царствований пришлось на жизнь Ивана Ивановича Неплюева, он пережил арест, опалу, неблагодарность августейших особ. Но, служа верой и правдой царю, неизменно покорный промыслу Божьему, последний «птенец гнезда Петрова» смиренно пережидал житейские бури. Безграничное терпение, глубокая порядочность, независимость суждений, огромная работоспособность, доброжелательность — все это вызывает уважение и симпатию к этому, безусловно, незаурядному человеку.

Изучение жизни и деятельности И. И. Неплюева и в наше время представляется актуальным. Знание основ подготовки гражданских чиновников и военных при Петре Великом, которая зижделась на верном соотношении теории и практики и добром примере, могло бы весьма пригодиться при обучении современных администраторов, офицеров. Административная деятельность И. И. Неплюева на посту губернатора Оренбургского края, который, как и в современных условиях, был отдаленным и приграничным, также представляется весьма поучительной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Борисов В. 1990: Птенец гнезда Петрова // Вечерний Челябинск. — 14 марта.

Витевский В. Н. 1897: Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань.

Витевский В. Н. 1877: Воспоминания о П. И. Рычкове по случаю 100-летнего юбилея со дня его кончины // Оренбургский листок. — 40, 2 октября.

Войнов В. Н., Дорофеев В. В. 1993: Оренбург. Челябинск.

Зобов Ю. С. 1991: Историки Южного Урала. Вторая половина XIX — начало XX века. Оренбург.

Зобов Ю. С., Футорянский Л. И. 1994: Родной истории страницы. Оренбург.

История дипломатии. 1941. М.

Неплюев И. И. 1893: Записки. СПб.

Устинов В. А., Гуркалов П. И. 1994: Любовь и Восток. М.

Футорянский Л. И. 1996: История Оренбуржья. Оренбург.

Шибанов Н. 1997: Будь больше отец, чем господин… // Вечерний Челябинск. — 28 января.

Штыкалова Г. М. 1993: Память о нем жива. Оренбург.

I. I. NEPLJUEV — STATE FIGURE OF RUSSIA OF THE 18th CENTURIES

V. B. Maslyaev

In the scientific article of the author V. B. Maslyaev "I. I. Nepljuev — state figure of Russiaof the 18th centuries" for the first time in a domestic historiography the life and activity of the eminent statesmen and public figure of Russia of 20–60th years of the 18th century of I. I. Nepljuev are elucidated. In it its course of life, a role in development of Russian-Turkish and Russian-Iranian relations in diplomatic service in Turkey are in detail shown, I. I. Nepljuev's contribution to development of the Orenburg territory as the first governor is designated. His activity in Board on foreign affairs in the life end is described.

Key words: I. I. Nepljuev, Orenburg, diplomatic service.

© 2010

И. Б. Гоголев

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО

Статья И. Б. Гоголева является составной частью диссертационной работы, посвященной научному наследию Н. П. Павлова-Сильванского. В ней впервые в отечественной историографии рассматриваются взгляды ученого на этапы становления государства и права в России, начиная с IX века и вплоть до начала XX века. Автор доказывает основную заслугу Н. П. Павлова-Сильванского в том, что он показал единство этого процесса на Западе и в России. Статья представляет научный интерес для историков и юристов, для всех, кто интересуется историей государства и права России.

Ключевые слова: государство, право, Н. П. Павлов-Сильванский, феодализм, «норманнская теория», славянофилы, либеральная историография.

Одной из составных частей научного наследия ведущего историка конца XIX — начала XX вв. Н. П. Павлова-Сильванского (1869–1908 гг.) является разработка истории государства и права России. В совокупности он рассмотрел важнейшие этапы и аспекты становления и развития отечественного государства и права в монографиях и статьях.

Прежде всего, ученый подверг анализу и критике концепции истории государственности в России представителей официального направления, славянофилов, либеральной историографии.

Н. П. Павлов-Сильванский выступил против сторонников «норманнской теории» создания Древнерусского государства, которые связывали этот процесс с призванием варягов, в отличие от Западной Европы, где государства возникли

через завоевания. С аналогичных позиций он критиковал и славянофилов за их теорию самобытности развития России[1].

По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, весьма близок по своим воззрениям к славянофилам К. Д. Кавелин, который противопоставляет историю России Западу, по крайней мере, до эпохи Петра I, когда начинается «европеизация» страны. По сути дела историк разрывал Древнюю Русь и Московское государство с петровской эпохой, не видя преемственности российской государственности[2]. К. Д. Кавелин считал, что до XVIII века Россия шла по другому историческому пути, нежели Западная Европа[3].

С прогрессивных позиций историк подверг сомнению точку зрения ведущих представителей государственно-юридической школы (К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева, Б. Н. Чичерина) о том, что сначала возникло государство, а затем общество, т. е. у них государственный фактор, наряду с географическим, является движущей силой русского исторического прогресса. В противовес им он, стоя на позиции исторической закономерности, подчеркивал, что общество возникло раньше государства, обычай возник раньше закона[4].

Н. П. Павлов-Сильванский подвергает критике взгляды В.О. Ключевского о торговом, городовом происхождении Киевской Руси и отрицающем развитие в это время пашенного земледелия и скотоводства[5].

В то же время, он видит отличие в концепции В. О. Ключевского от построений С. М. Соловьева в понимании истории возникновения и развития российской государственности[6]. Если для С. М. Соловьева период феодальной раздробленности (удельный) был бесполезным в истории России, то для В. О. Ключевского — это переходный этап от родового строя к государственному[7]. Это был шаг вперед в осмыслении процесса становления русского государства.

Наиболее отрицательно Н. П. Павлов-Сильванский отнесся к «теории контрастов» П. Н. Милюкова, согласно которой история России на всем ее протяжении существенно отличалась от истории Запада. В полной мере это относится к истории государственного и общественного строя. Согласно ей, в истории общество и государство развивались наизнанку в сравнении с Западной Европой: там все строилось снизу вверх, у нас — сверху вниз. По тому же контрасту шло и более позднее развитие страны: государственная власть по-прежнему строила русское общество, доминируя над ним[8].

Историк вполне правомерно считает «теорию контрастов» искусственной, ненаучной[9].

Н. П. Павлов-Сильванский создал новую концепцию русского исторического процесса, одну из последних в дореволюционной историографии, во многом отвергающую старые, изжитые построения, исходящие из решающей роли само-

[1] Павлов-Сильванский 1988, 7.
[2] Там же, 72, 80.
[3] Там же, 7–9.
[4] Там же, 7.
[5] Там же, 30–32.
[6] Там же, 30–32.
[7] Там же, 32.
[8] Там же, 24.
[9] Там же, 27.

державия или государственного начала в истории России. Он впервые положил в основу схемы русской истории не только государственный фактор, но и общественные отношения.

Главным делом историка стала разработка теории феодализма в России, которой он посвятил многочисленные статьи и два капитальных труда: «Феодализм в древней Руси» и «Феодализм в удельной Руси». Они являются новаторскими и по постановке важнейших вопросов, и по исследовательской методике. В той или иной степени, сознательно или даже бессознательно, о существовании в России феодализма с соответствующей ему системой менталитета писали ученые и до Н. П. Павлова-Сильванского. Однако он первым сумел увидеть в этом главную линию развития общества в средневековой Руси и сделать на этом основании вывод об отсутствии коренного отличия нашего порядка от феодального, а, следовательно, характерного для Запада в те времена. Исследователь близко подходит к теории внеэкономического принуждения, раскрытию сущности феодального строя. Обоснованная им теория русского феодализма не только ставила на научную основу изучение средневековой Руси, но и вела к существенным выводам, обосновывая общность исторического процесса в России и в Европе.

В изучении эпохи Петра I Н. П. Павлов-Сильванский выдвинул собственную концепцию, отвергая то полное развенчание Петра I и его реформ, какое было характерно для П. Н. Милюкова. В отличие от него, он считал, что нельзя отрицать громадное значение личности Петра и закономерности его преобразований. Вместе с тем, историк подчеркивал, что после реформ возникла абсолютная монархия, а основа социально-экономического строя государства — крепостное право — осталась прежней.

В рамках XVI — первой половины XIX вв. Н. П. Павлов-Сильванский рассмотрел вопрос о возникновении и эволюции самодержавия в России. Начало этого процесса он связывал с Иваном Грозным. После его смерти и вплоть до правления Алексея Михайловича, а России была сословно-представительная монархия, которая стала постепенно эволюционировать в абсолютную, которая утвердилась при Петре I. В новое время она достигла вершины при Николае I.

Значительное место в творчестве Н. П. Павлова-Сильванского заняла разработка истории революционного освободительного движения и общественной мысли в России.

Заслугой историка является то, что он впервые подготовил и опубликовал полностью произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», следственные дела декабристов и «Русскую правду». Н. П. Павлов-Сильванский назвал Радищева первым русским революционером и верно оценил историческое значение и направленность его труда, который выражал протест против самодержавия и крепостничества. Ученый в 1901 году написал научную биографию П. Пестеля. Позднее историк выпустил два варианта значительной работы «Пестель перед Верховным уголовным судом» и статью «Материалисты двадцатых годов».

Концепция истории движения декабристов, выдвинутая им, была значительным шагом вперед по сравнению с официальной и либеральной историографией. Наблюдения ученого привели к выводу, что истоки декабризма следует искать в русской действительности. История освободительной борьбы в России рассма-

тривалась Н. П. Павловым-Сильванским как закономерный процесс, с которым он связывал современные ему события революции 1905–1907 гг[10].

Слабым местом в его взглядах является преувеличение влияния на декабристов идей французских просветителей XVIII и первой половины XIX вв.

Несмотря на то, что Н. П. Павлов-Сильванский считал делом своей научной деятельности разработку истории феодальной России, он, как прогрессивный ученый, стоящий на точке зрения закономерности исторического процесса, не мог не остановиться на анализе пореформенной российской действительности. Переломным событием в истории России ученый считал, несомненно, отмену крепостного права, с которой связывал последующие успехи страны в экономическом и духовном развитии.

Вместе с тем, Н. П. Павлов-Сильванский говорил о незавершенности реформ в России, о сохранении в ней пережитков крепостничества, особенно в государственном строе, т. е. самодержавия. Факты говорят, что он склонялся к парламентской республике, причем решение этого вопроса видел только в революции.

По сравнению с предшественниками Н. П. Павлов-Сильванский внес много нового в концепцию истории российской государственности. Вместе с тем его взгляды по проблеме нельзя оценивать однозначно.

Так, весьма трудно судить о том, как ученый относился к Киевской Руси как раннефеодальному государству, поскольку он прямо об этом не говорит. Однако в труде «Феодализм в древней Руси» автор пишет о распаде верховной власти на Руси в начале XII в., подтверждая наличие государственности в лице великого князя. Киевская Русь, как и на Западе, носила сеньориальный характер[11].

Важное место в исторических построениях Н. П. Павлова-Сильванского по проблеме феодализма занимает оценка причин феодальной раздробленности Руси. В объяснении их он, естественно, обращался к историческому опыту Западной Европы. В итоге, им был сделан верный вывод о том, что распад империи Карла Великого и Киевской Руси имел одинаковые корни: дальнейшее развитие крупного феодального землевладения и стремление землевладельцев к политической самостоятельности; господство натурального хозяйства, что вело к изоляции отдельных хозяйств и не способствовало сохранению единства Руси[12]. Тем самым для историка период феодальной раздробленности на Руси, как и на Западе, является закономерным явлением в истории всех стран в феодальную эпоху. Он только не раскрыл внешнеполитический характер феодальной раздробленности. Однако в целом историк наиболее близко подошел к пониманию сущности феодальной раздробленности на Руси в отличие от официальной и либеральной историографии XIX века. Так, Н. М. Карамзин считал распад Киевской Руси и период феодальной раздробленности бессмысленными в истории России, т. к. в это время не было самодержавной власти. В отличие от него, либеральные исследователи (Г. Эверс, Н. А. Полевой и др.) считали небесполезным переход к удельному времени — по их мнению, это был этап в накоплении сил русского народа. И все же они не смогли вскрыть причины раздробления Древнерусского государства. Впервые это сделал Н. П. Павлов-Сильванский.

[10] РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 52, Д. 65.
[11] Павлов-Сильванский 1988, 57–63.
[12] Там же, 79–80.

Одно из центральных мест в системе взглядов ученого занимает история Руси XII–XV вв. Прежде всего, Н. П. Павлов-Сильванский отметил, что Киевская Русь распалась на ряд княжеств, которые обладали всеми чертами государственности[13]. Внутри них складывались более мелкие феодальные образования — уделы, боярские вотчины и др[14]. В XII–XIII вв. большое развитие получила система иммунитетов, освобождавших крупные феодальные землевладения от княжеского управления и суда[15]. Исследователь отмечает, что на Руси в это время сложилась сложная система вассальных отношений и соответствующая система поземельной феодальной собственности[16].

По его мнению, крупные княжества имели черты сеньориальной монархии с иерархией власти — прежде всего это касается Владимиро-Суздальского княжества, которое позднее станет центром объединения русских земель вокруг Москвы в единое централизованное государство[17]. Причины этого процесса он, однако, не показывает.

Особое внимание ученый уделил истории России XVI–XVIII вв. — периоду становления и развития сословно-представительной монархии и ее превращению в абсолютную.

Создание Русского централизованного государства историк вполне правомерно связывает с Иваном III, при котором усиливается контроль над удельными князьями. Однако окончательное падение политического феодализма как остатка раздробленности, как считает Н. П. Павлов-Сильванский, происходит при Иване IV в результате политики опричнины, как это произошло на 100 лет раньше во Франции при Людовике XI[18].

Исследователь считает, что именно в это время в России формируется сословно-представительская монархия, окончательное торжество которой приходится на XVII век. Основным институтом ее стал Земский Собор так же, как во Франции были Генеральные штаты[19]. Для этих органов был характерен одинаковый социальный состав: феодалы, духовенство, купечество[20]. Большинство народа (крестьяне) было отстранено от участия в Земском Соборе, хотя все его решения объявлялись от всей Русской земли[21]. Ученый отмечает, что Земские Соборы собирались по мере необходимости для обсуждения важных вопросов внутренней и внешней политики[22].

Н. П. Павлов-Сильванский делает правильный вывод о том, что Земский Собор являлся законосовещательным органом, хотя в ряде случаев он становился полновластным органом (например, во время городского восстания 1648 г.) и за-

[13] Там же, 72–80.
[14] Там же, 72, 80.
[15] Там же, 80–81.
[16] Там же, 81–85.
[17] Там же, 94–95.
[18] Там же, 125–126.
[19] Там же, 134.
[20] Там же, 134–136.
[21] Там же, 133.
[22] Там же, 143.

конодательным[23]. Именно на Земском Соборе в 1649 г. было принято Соборное Уложение[24].

Н. П. Павлов-Сильванский подчеркивает, что вместе с переходом от периода феодальной раздробленности к Русскому государству происходит формирование центральных и местных органов управления: приказы, воеводы, волостели, старосты. Основным звеном в системе центральных органов управления становятся приказы — например, Посольский приказ[25]. В области местного управления наместников сменяют воеводы, которые назначались на 2 года царем и были подчинены ему[26]. Воеводы стояли во главе новых территориально-административных единиц — уездов. Во главе волостей по земской реформе 1555 года стояли выборные волостели[27].

Завершающим этапом в развитии государственного строя в России в феодальную эпоху Н. П. Павлов-Сильванский правомерно считает превращение сословно-представительной монархии в абсолютную. Этот процесс, начавшийся при Алексее Михайловиче (прекращение сбора Земских Соборов с 60-х годов XVII в.), завершился при Петре I[28].

Окончательное формирование абсолютной монархии историк связывает с эпохой Петра I, его государственными и военными реформами[29]. По его мнению, «Петр I, в противоположность своему отцу и деду, ломавший древний чин установленный, заменивший Боярскую Думу Сенатом и патриарха Синодом, открыто провозгласил новое начало абсолютизма», в частности, в Военном Уставе 1716 г., где было установлено, что «Его величество есть самовластный государь, который никому в свете отчета давать не должен»[30].

Н. П. Павлов-Сильванский не останавливается подробно на петровских преобразованиях, но делает вывод о том, что они не изменили социальной сущности государства в России. Абсолютная монархия в стране опиралась на дворянство, чиновничий аппарат и армию[31]. По мнению ученого, она сохранялась до начала XX века. Вполне возможно, что если бы ученый дожил до начала активной деятельности Государственных дум, то увидел бы в них первый шаг на пути к парламентаризму в России.

В тесной связи с историей российской государственности стоят взгляды ученого по истории права. В решении этой проблемы он также стоял на позициях, противоположных государственно-юридической школе. В отличие от нее, Н. П. Павлов-Сильванский усматривал в юридической норме лишь проявление общественных отношений, их закрепление. Для него правовая норма есть источник для изучения общественных отношений. Исследователь выдвигает задачу изучения права сравнительным методом. Ученый сравнивает русское право с германским и приходит к выводу о сходстве их[32]. В этом отношении Николай

[23] Там же, 134–142.
[24] Там же, 139.
[25] Там же, 143.
[26] Там же, 143.
[27] Там же, 162–165.
[28] Там же, 139.
[29] Там же, 147.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] Там же, 43–48.

Павлович дальше развивает идеи Г. Эверса. Историк писал: «Но кажется уже недалеко то время, когда сравнительное поведение достигнет таких же точных выводов, каких в короткое время достигло сравнительное языкознание, установить системы и основы развития права не только арийской, но и других рас, вместе с сравнительной экономической наукой дает твердые основания социологии»[33].

Он упрекает российских историков за то, что те редко пользовались этим методом, поэтому «у нас господствует представление о полном своеобразии исторического процесса вообще и русского права в частности»[34].

В противовес им Н. П. Павлов-Сильванский придерживается другого мнения: «Есть, однако, в нашей древности одна область, в которой русские порядки так разительно сходны с другими, что наши историки, вопреки господствующему направлению нашей историографии не смогли не остановится на их изучении»[35].

Прежде всего, речь идет об области древнейшего русского уголовного, гражданского права и судопроизводства. Это общие для многих народов институты: в уголовном праве — ордалии, денежные пени за телесные повреждения; в судопроизводстве — испытание водой и железом, поле — судебный поединок, свод, послухи — соприсяжники; в гражданском праве — покупка и умыкание жен, право родового выкупа земли, рабство неоплатного должника и т. п.[36]. На основе сравнительного метода Н. П. Павлов-Сильванский приходит к следующим важным выводам: во-первых, «сходство славянского и, в частности, русского права с германским и другими объясняется не заимствованием, а общим арийским происхождением, и сходное развитие их — действием одинаковых первобытных условий жизни», во-вторых, «славянское право, из всех арийских прав, наиболее родственно германскому»[37]. Ученый делает вывод, что одинаковые условия общественной жизни людей вызывают одинаковые нормы права. В этом суть взглядов Н. П. Павлова-Сильванского, стоящего на точке зрения закономерности исторического развития.

Он находит это сходство даже в обычном праве, приводя ряд характерных примеров, в частности, дерн. При межевых тяжбах крестьяне брали дерн на голову и обходили межу — это была страшная клятва. За ними шли люди и ставили столбы межевые[38].

В 1828 году в Рязанской губернии близ города Сапожка крестьянин, оспаривая принадлежность луга, в отчаянии вырезал дернину, положил ее на голову и, оградясь крестом, клялся перед спорящими и свидетелями, что если покос не принадлежит ему, тогда сама мать родная земля прикроет его навеки[39]. В Олонецкой губернии в 1878 году зафиксирован такой факт обрядности. Спорящий говорил: «Пусть рассудит нас мать сыра земля», затем вырывал кусок дерна, клал его на голову и шел по меже[40].

Каково было происхождение данной присяги — задает вопрос Н. П. Павлов-

[33] Павлов-Сильванский 1910, 288–289, Павлов-Сильванский 1988, 43–48.
[34] Павлов-Сильванский 1988, 43–48.
[35] Там же, 43.
[36] Там же, 484.
[37] Павлов-Сильванский 1910, 485.
[38] Там же, 486.
[39] Там же.
[40] Там же, 488.

Сильванский. Первая мысль у нас всегда — это идея о заимствовании. Митрополит Евгений полагал, что русские переняли ее от зырян Сольвычегодского уезда. Ученый с этим не согласен, ибо этот обряд он находит в Венгрии и Саксонии. В одном из венгерских актов 1360 года сказано: «Фома и Михаил хотя разувшись и распоясавшись, и положив на голову глыбу земли, по существующему обычаю клясться землею, поклялись, что та самая земля, которую они обошли и отвели вышеуказанными межами, от первых до последних, есть земля владения их «полянка», и к ней принадлежит»[41].

В Силезии в Оппельнском земском уставе 1562 года узаконен этот обычай: «крестьяне должны разуться до рубахи, стать на колени в яме, врытой на один локоть в глубину, держать на голове дерн, не иметь при себе ни ножа, ни оружия, и, таким образом, приносить присягу[42].

Историк неизбежно пришел к выводу о том, что не законы создают общественные отношения, а общественные отношения создают определяющие юридические нормы, обычай складывается раньше закона, общество стоит раньше государства. Это положение было прямо направлено против государственно-юридической школы.

Опираясь на историко-сравнительный метод, ученый подчеркнул, что повсеместно, как в России, так и на Западе, в древности, в основе возникновения права лежит обычай, который затем получал закрепление в правовых нормах, в законе[43].

Н. П. Павлов-Сильванский дал очерк истории формирования судебной системы в России в феодальный период.

Что касается Киевской Руси, то он лишь косвенно остановился на ее судебной системе, обращая внимание на княжеский суд, как высшую судебную инстанцию того времени[44].

Центральное место уделено им развитию судебной системы в XV–XVI вв. в условиях создания и укрепления Русского централизованного государства. Выделены основные судебные структуры того времени и их права и полномочия.

Высшую судебную власть, по мнению ученого, осуществлял великий московский князь, а затем царь. Он отмечает преемственность в развитии судебной системы в Российском государстве по отношению к предшествующему периоду[45]. Одной из ее особенностей было отсутствие четкого разделения функций между административными и судебными органами[46]. Ряд государственных учреждений и должностных лиц выполняли судебные полномочия: Боярская дума, приказы, наместники (затем с XVI века — воеводы, волостели)[47]. По его мнению, вплоть до середины XVI в., местные органы суда строились как административные структуры по системе «кормлений». Юрисдикция наместников (воевод) и волостелей распространялась на всю подчиненную территорию (уезд, округ, волость). Вне их компетенции были только важные гражданские и уголовные дела. Волостные общины имели судебные полномочия. Наместники могли судить только со старо-

[41] Там же, 486.
[42] Павлов-Сильванский 1988, 489.
[43] Павлов-Сильванский 1910, 379–385.
[44] Павлов-Сильванский 1988, 484.
[45] Там же, 180–181, 362.
[46] Там же, 362.
[47] Там же.

стами, а позднее по Судебнику 1550 года с целовальниками[48]. Историк пишет, что это древнее правило об участии мира в суде княжеской власти подтверждается уставными грамотами и Судебниками 1497 и 1550 гг.

Судебная реформа 1555 года передала земскому самоуправлению полномочия наместника, выборные целовальники и земские дьяки стали судить вместо наместников и тиунов. Н. П. Павлов-Сильванский полагает, что это было вызвано постоянными столкновениями населения с наместниками из-за злоупотребления властью. Ученый отмечает, что наряду с государственной судебной системой существовали специальные суды: вотчинный и церковный[49]. В вотчинном суде феодалы сами судили своих крестьян; в церковном суде рассматривали преступления, направленные против церкви.

Что касается организации судебной системы в XVIII в., то Н. П. Павлов-Сильванский лишь кратко говорит о создании Сената, как высшего судебного органа России и надворных судов в губерниях, которые были упразднены в 1727 году, после смерти Петра I[50].

Историк дает также краткую характеристику развития правовой системы в стране. Начало правотворческой деятельности он связывает с Соборным Уложением 1649 г., которое существенно отличалось от Судебников 1497 и 1550 гг. своей кодификацией, разделением по отраслям права[51].

Однако наиболее полно она стала проявляться в период правления Петра I и Екатерины II.

По его мнению, нельзя по эпохам разделять две стороны развития законодательства: кодификацию и создание новых правовых актов и норм. Несомненно, что в средние века создавалось новое право в лице русских князей. С другой стороны, и в XVI — XVII вв. законодательство в значительной мере не столько творило право, сколько закрепляло в законах изменившиеся нормы права[52].

Н. П. Павлов-Сильванский считает, что в средние века доминировало обычное право, а правотворческий элемент был развит крайне слабо. В законодательстве нового времени правотворчество выдвигается на первый план, что выразилось в увеличении и разнообразии законодательных актов (указы, манифесты, регламенты и др.), в усилении кодификационной работы в XVIII веке[53].

БИБЛИОГРАФИЯ

Павлов-Сильванский Н. П. 1988: Феодализм в России. М.

Павлов-Сильванский Н. П. 1910: Феодализм в удельной Руси. М.

РГИА. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 52 Исторические письма (1904 г.); Д. 65. Смутные времена в начале столетий 1605–1705–1805 гг. (1905 г.).

[48] Там же, 180.
[49] Там же, 362.
[50] Там же, 145.
[51] Там же, 144.
[52] Там же.
[53] Там же.

HISTORICAL-JUDICIAL SIGHTS IN THE SCIENTIFIC WORK OF N. P. PAVLOV-SILVANSKI

I. B. Gogolev

I. B. Gogolev's article is a component of the dissertational work, devoted to a scientific heritage of N. P. Pavlov-Silvanski.In it for the first time in a domestic historiography the sights of the scientist at stages of formation of the state and the right in Russia since 9th century and down to the beginning of the 20th century are considered. The author proves N. P. Pavlov-Silvanski's basic merit that he had shown unity of this process in the West and in Russia. The article represents scientific interest for historians and lawyers (jurists), for everyone who is interested in history of the state and the right of Russia.

Key words: state, right, N.P. Pavlov-Silvanski, feudalism, the Norman theory, slavophiles, liberal historiography.

© 2010

Ф. А. Каминский

КАЗАЧЕСТВО ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье раскрываются социально-экономические процессы, происходившие на землях оренбургских и сибирских казаков под влиянием реформ императора Александра II в конце XIX века. Данный период подготовил российское общество к последующей волне реформ Петра Столыпина, но в то же время казачьи общины оказались более устойчивыми и консервативными к предстоящим переменам, чем крестьянские.

Ключевые слова: казачество, реформы, община, невойсковое население, станичное самоуправление.

Оренбургское и Сибирское казачьи войска, образованные по решению правительства еще в XVIII веке, и середине XIX века претерпели значительные изменения в своем устройстве, а казачество приобрело выраженные сословные черты. Изменилась структура управления войсками, а также уровень самоуправления в казачьих общинах. Войсковые Наказные атаманы назначались властями империи и подчинялись непосредственно губернаторам. В обязанности Наказных атаманов входил контроль за состоянием дел в полковых и станичных правлениях, и несением службы казаками, для чего они ежегодно должны были самолично объезжать войсковые территории, проводить смотры, контролировать подведомственные местным администрациям учреждения, включая и школы. Иногда На-

казные атаманы поручали исполнение этой работы начальнику войскового штаба или другим ответственным чиновникам. По итогам таких проверок составлялись довольно подробные доклады, которые предоставлялись военному губернатору. После этого доклады издавались в виде специальных приказов по войску.

Низовые управленческие структуры строго контролировались Войсковыми правлениями и круг обязанностей станичных атаманов постоянно расширялся. В одном из постановлений говорилось: «Станичные начальники и правления должны неослабно наблюдать, дабы жители станичные, как люди военные, сохраняли непременное чинопочитание, не только младшие к старшим в чинах, но и наравне между собой, к опытным, заслуженным и старшим летами казакам»[1].

Станичное руководство имело строжайшее предписание содержать в надлежащем порядке всю документацию, контролировать правильность и очередность отбывания воинской службы, сохранность обмундирования и снаряжения, ежегодно представлять казаков служилого возраста на станичные и полковые сборы, наблюдать за правильностью и ходом подготовки молодых казаков к предстоящей службе и так далее.

До середины 50-х годов окружные начальники проводили общие полковые смотры казаков, входивших в состав полковых округов, которые обязаны были явиться на сборное место со всем снаряжением. Необходимость осмотра в довольно сжатые сроки большого количества военнослужащих приводила к тому, что эти смотры чаще всего проводились поверхностно, а при отправлении казаков на полевую службу оказывалось, что многие из них вообще не имели при себе установленных образцов вооружения и обмундирования, либо оно находилось в совершенно неприглядном виде.

Данное состояние не могло не обратить на себя внимания со стороны войскового правления. По Оренбургскому войску специальным приказом от 16 июля 1854 г. было запрещено проводить смотры сразу целыми полками, а предписывалось их организацию непосредственно в станицах, по месту проживания казаков, что возлагало на низовые звенья управления дополнительные обязанности. Для проведения таких станичных смотров проверяющие их начальники военных округов составляли расписание по полкам, а офицеры полковых правлений закреплялись за станицами и поочередно присутствовали на смотрах во время их проведения, отправляя потом в Оренбург подробные отчеты.

Станичные правления занимались не только вопросами военной подготовки казачьего населения. На них дополнительно возлагались обязанности по контролю за иногородними. Войсковые правления ревностно оберегали свою территорию и, несмотря на обилие нераспаханной и незаселенной земли, запрещали невойсковому населению селиться на своих землях, пользоваться ими, а также приобретать недвижимость. В Сибирском войске тех, кто селился на прилегающих к войсковым землям территориях, со временем приписывали к казачьему сословию.

Сами же казаки жили строго регламентировано и не имели права покидать свои станицы без разрешения полкового начальства на срок более 15 дней. Данное распоряжение затрагивало только казаков внутренней службы, а на пограничной линии отлучка из поселка без ведома начальства не могла превышать пяти дней.

Под постоянным контролем находилось прохождение войсковыми чинами

[1] ОГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

собственно военной службы. Например, строжайше запрещалась запрягать строевую лошадь или продавать ее, а также распродавать лично принадлежащее казаку снаряжение. Лица, продавшие снаряжение и тем самым нарушившие установленный запрет, подвергались различным наказаниям, в том числе и телесным, а у тех, кто купил у казака амуницию, покупка отбиралась без возмещения затраченных средств и возвращалась владельцам. Особенно ужесточался контроль за качеством и своевременностью подготовки казаков к выходу по нарядам. Местное станичное руководство, включая даже станичного суды, лично осматривало обмундирование и снаряжение каждого выходящего на службу и, в случае каких-либо замечаний или недостатков, устанавливало сроки их исправления.

Если казак не ликвидировал или не успевал исправить допущенные просчеты к указанному сроку, то его могли наказать розгами и установить новый срок для устранения неисправности в снаряжении. Если казак был не в состоянии сам подготовить себя к службе, то станичное правление выделяло ссуду для снаряжение общинника, ибо все станичное общество отвечало круговой порукой за выход на службу и отбывание земских и станичных повинностей казаков, а также и за возмещение недоимок, числившихся за тем или иным жителем станицы.

Но станичное общество было довольно далеко от благотворительной деятельности. Специально назначенная станичным правлением комиссия из влиятельных и домовитых казаков изучала имущественное положение получившего ссуду казака и могла в случае необходимости выставить на продажу с аукциона часть принадлежавшего ему имущества, а на вырученные от продажи деньги погасить долг и проценты по нему. Если имущественное положение казака не давало возможности продать что-либо из его хозяйства без серьезного ущерба для существования семьи казака, то по решению станичной администрации он мог быть отдан на время в работники, пока не отработает полученную от общества ссуду.

Вся жизнь казака протекала в суровой обстановке чинопочитания и дисциплины. Даже во взаимоотношениях между собой казаки должны были руководствоваться положениями уставов и носить в повседневности военную форму без погон. За малейшие провинности их могли подвергнуть наказаниям розгами, а за серьезные проступки отдавали в солдаты на 25-летний срок службы и лишали права на земельный пай.

Русские цари, напуганные в свое время выступлениями казаков под руководством Разина, Булавина, Пугачева и др., всегда старались искоренять остатки казачьей вольницы и по возможности ограничивать имевшееся у казаков самоуправление. Отсюда и мелочная регламентация повседневной жизни, недоверие к свободному волеизлиянию казачьего населения. Практически все должностные лица в войсках назначались игнорируя волю самих общинников и исключительно из невойскового сословия.

Реформы 60–70-х годов XIX века, проведенные правительством Александра Второго, были вынужденной реакцией государства на реальности того состояния, в котором находилась империя после проигранной Крымской войны. Изменения коснулись всех сторон российского общества и в немалой степени состояния вооруженных сил. Многочисленные казачьи сотни не смогли принести победу в войне, а вместо того несли неоправданно высокие потери в боях с первоклассно вооруженными англичанами и французами. После унизительного поражения

в обществе все чаще стали вестись разговоры о радикальном реформировании вооруженных сил страны. Ставился вопрос и о ликвидации казачества как сословия, приравнения его в военной службе с остальным населением и о допущении на незанятые казачьи земли переселенцев из крестьян. Автор армейской реформы Д. А. Милюков считал, что казачье население возможно частично перевести в гражданской состояние, но только в тех случаях, «которые вызываются необходимостью и касаются казачьего населения ... утратившего военные наклонности и привычки»[2]. Уже в 1859 г. было рекомендовано на территории казачьих войск создавать специальные комитеты для того, чтобы по возможности преобразовывать казачьи поселения в гражданские[3].

Казачье сословие, как военное образование со своей спецификой на службе российского государства, удалось отстоять от сторонников его полной ликвидации. Но уже в 60-х годах, до начала официальной армейской реформы, обозначенной в 1874 г., начинается реорганизация структуры управления казачьими войсками. Отныне казаки стали входить в общий состав населения и на них стала распространяться власть уездной полиции. Упразднялась Канцелярия Наказного атамана. Права войскового хозяйственного правления существенно урезались, и в его компетенции было оставлено управление войсковыми общественными зданиями и имуществом, надзор за лесами, оставшимися на войсковой территории, наблюдения за неисправностью почтовых станций, дорог и мостов, контроль за распределением паевых наделов и разрешением земельных споров. Также хозяйственное правление следило за переселением казаков внутри войсковых территорий, контролировало сдачу земельных участков в аренду, занималось сбором статистических данных о посевах, засеваемых культурах, размерах урожая, количестве рабочих и строевых лошадей в хозяйствах, наличии дойных коров, проводило перепись войскового населения. Полномочия военной части войска попрежнему находились под руководством Наказных атаманов.

В 1865 г. вышло постановление о разрешении селиться на казачьих землях переселенцам из разных сословий, но без их причисления к казачьему сословию и при условии своевременного внесения платы в войсковой капитал денег за пользование приусадебными участками. Иногородние могли свободно селиться только на офицерских участках, которые предоставлялись войсковым чинам при увольнении в отставку вместо пенсионного обеспечения. Если вновь переселившиеся проживали непосредственно в казачьих поселках, то в свою собственность они могли приобрести только жилые строения и постройки. Сама земля под садами, огородами и приусадебными участками продолжала оставаться в собственности войска[4]. За занятую земли, измеряемую в квадратных саженях, платили так называемую «посаженную плату» — примерно 12 руб. в год за десятину, а полученный доход перечислялся в станичный капитал[5].

По указу Александра Второго от 21 апреля 1869 г. казакам облегчался выход из войскового сословия, а также свободное вхождение в его состав всех желающих. Но для этого необходимо было предоставить соответствующие документы

[2] Соколова 1993, 65.
[3] Абрамовский, Кобзов 1999, 145.
[4] МУ МГА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
[5] Казачьи войска. Хроника казачьих войск 1992, 92.

о благонадежности, поручительство с прежнего места жительства и «иметь намерение водвориться в станице и быть полезным станичному обществу»[6].

Если казак решил воспользоваться правом выхода из общины, он был обязан полностью рассчитаться по всем недоимкам в станичный и войсковой капитал и отказаться от земельного пая. К тому же, положительное решение по просьбе казака о выходе из общины принималось только в том случае, если имелся полный комплект вакансий в служилом списке станицы, что в то время случалось довольно нечасто. На практике этим правом пользовались иногда отставные и наиболее состоятельные казаки, уходившие в торговлю и предпринимательство.

Произошли изменения и в управлении казачьими войсками. Созданное в 1858 г. управление иррегулярных войск Военного министерства, вместо упраздненного Департамента военных поселений, было преобразовано в 1858 г. в Главное управление казачьих войск и действовало на правах отдела Военного министерства. Отныне все вопросы, касавшиеся преобразований на казачьих территориях, предварительно рассматривались в специальном комитете, возглавляемым непосредственно начальникам Главного Управления и состоявшем из постоянных членов. Сам Начальник управления имел постоянные контакты с Наказными и Войсковыми атаманами через командующих войсковыми округами или генерал-губернаторов[7].

По новым указам значительно ослаблялся контроль сверху за жизнью станиц и поселков, за войсковым сословием в целом. Стало сокращаться и количество казаков, выходящих на службу. На службу выходили теперь по специальной разнарядке. Призывали тех, кто достиг возраста 19-ти лет и кому выпадал жребий идти на службу. Те, кому не выпадало служить, переходили в неслужилое сословие и освобождались от военной повинности. Но они оставались в войсковом сословии, исполняли все повинности и вносили определенную сумму в войсковой капитал. Таким образом, отбывание воинской повинности, тормозившее развитие казачьей экономики, было несколько облегчено и многие казаки смогли активнее заняться земледелием, предпринимательством и торговлей. Стали появляться учителя, врачи, адвокаты и даже владельцы предприятий из казачьей среды.

Общий срок службы теперь был определен в 20 лет. От 18 до 21 года казаки числились в приготовительном разряде, от 21 до 33 лет в строевом разряде и от 33 до 38 лет в запасе, после чего увольнялись в отставку. В приготовительном разряде молодые казаки проходили подготовку к строевой службе в станицах и на внутривойсковых сборах. В строевом разряде в мирное время казак нес обязательную службу в частях в течение 4-х лет, а потом 8 лет находился на льготе.

Определен был и порядок освобождения или отсрочки от службы. В первую очередь освобождались от воинской службы неспособные к труду и инвалиды. Были льготы по семейному и имущественному положению. В льготные полки зачисляли единственных в семье работников, а также тех казаков, чьи семьи пострадали от пожара, наводнения или иных, независящих от них причин. Льготы для получения образования предусматривали отсрочку до его окончания, сокращений срока службы, право выбора строевой части для прохождения службы. Отдельно были определены льготы для врачей, учителей, ветеринаров и других специали-

[6] Абрамовский, Кобзов 1999, 148.
[7] Хорошхин 1884, 61.

стов преимущественно сельскохозяйственного профиля. При этом, независимо от того, к служилому или к неслужилому разряду относится казак, община старалась следовать принципу уравнительности и социальной справедливости. Если в семье было более трех детей, то казак имел право на два пая, вдовы получали половину пая[8].

Реформы, проводимые в 60–70-е годы XIX в. внесли изменения и в управление казачьими территориями на среднем уровне. Так, по указу Александра Второго от 18 мая 1868 г. Оренбургское казачье войско делилось на три отдела, а кандидаты на должность атаманов отделов определялись Наказным атаманом и утверждались Высочайшим приказом. Ими могли быть офицеры чином полковника или генерал-майора[9].

Атаманам военных отделов вменялось осуществление контроля за качественной подготовкой и состоянием офицерского корпуса вверенных им территорий. Они не реже одного раза в год проверяли организацию работы в станичных правлениях и проводили ревизию документации по военной части. Атаманы отделов представляли на имя Наказного атамана кандидатуры станичных начальников, имели право своей властью назначать инструкторов по военному обучению в станицах и писарей станичных правлений по военной части. Они же решали вопрос об отпусках офицеров, переводах казаков из одного разряда в другой и увольнения их в отставку. По представлению атаманов отделов рассматривались вопросы, связанные с награждением и повышением в чинах находившихся в их подчинении офицеров и казаков, а также увольнение с должностей чиновников.

В пореформенные годы существенно стала меняться жизнь казачьих общин. 3 мая 1870 г. было издано «Положение об общественном управлении в казачьих войсках». В соответствии с этим положением казачьи общины получили более широкие права в местном управлении, им передавались полномочия, ранее находившиеся исключительно в компетенции правительственных структур и войсковых чиновников. В состав станичных обществ включались жители разных сословий с принадлежавшими им поселками и хуторами, в том числе и иногородние крестьяне-переселенцы, проживавшие на офицерских землях. Все вопросы решал Сход. Его решения были обязательны для казачьего населения. Отменить их в случае несоответствия мог исключительно только сам Наказной атаман. Сходы имели широкие права при выборе должностных лиц станичной администрации, при этом атаманы отделов только утверждали избранных, не имея права оказывать влияние на решения Схода. Выдвинутые станичным Сходом на любую должность кандидаты не имели права от нее отказываться за исключением тех случаев, когда их возраст превышал 60 лет или они уже прослужили по предыдущим выборам полный срок.

Сход определял жалование станичным атаманам и их помощникам, при этом размер жалования у станичного атамана не мог быть меньше 150 руб. в год, а у помощников не менее 60 руб.[10].

Станичный атаман из рядовых казаков во время исполнения обязанностей пользовался правами хорунжего. Если он находился на этой должности два срока,

[8] История казачества Урала 1992, 143.
[9] Абрамовский, Кобзов 1999, 151.
[10] Абрамовский, Кобзов 1999, 155.

то в последующем навсегда освобождался от службы в строевых частях, а после третьего срока пребывания в должности атамана казак имел право освобождения от службы распространить на одного из своих сыновей, родственника или воспитанника.

В «Положении об общественном управлении в казачьих войсках» впервые официально было зафиксировано правило, по которому все находившиеся в структурах станичного управления казаки на время исполнения возложенных на них обязанностей освобождались от несения каких бы то ни было натуральных повинностей, а станичные атаманы, учителя начальных школ, станичные и поселковые писари — от службы в строевых частях, а время, в течение которого они исполняли свои обязанности по общественному управлению, засчитывалось им в срок действительной полевой службы.

Реализация новых указов по казачьим войскам несколько расслабила административную систему управления, войсковое население получило ряд прав и стало самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, главным образом, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений в станицах и поселках, определением очередности выхода на полевую службу и на исполнение повинностей. В распоряжение станичных обществ передавались права на сдачу земли в краткосрочную аренду, выдачу разрешений на проведение геологических изысканий в пределах станичного юрта и лицензий на тот или иной вид предпринимательства.

В целом же переоценивать значение проведенных преобразований в управлении казачьими общинами было бы не совсем правильно. Эти преобразования в конечном своем итоге не ставили целью ликвидацию сословия как такового, а больше явились вынужденной реакцией правительственных кругов на происходившие в стране изменения, связанные с общим изменением экономического и социального курсов развития Российской империи. Если сравнивать положение казаков с положением крестьян или наемных работников, то положение казаков вряд ли можно было оценить как более благополучное. Формально получив право выхода из общины, казаки только в отдельных случаях могли им реально воспользоваться. Срок службы у оренбургских и сибирских казаков составлял к тому времени 20 лет, в то время как у представителей других сословий он составлял 7 лет во флоте и 5 лет в армии, после чего они могли свободно избирать себе место жительства и род занятий. Сохранялась в силе обязанность, по которой казаки приобретали все необходимое снаряжение и вооружение, кроме огнестрельного оружия и пик (с конца XIX в.)[11], а также строевую лошадь за свой счет. Расходы на подготовку к службе стали еще более обременительными, чем раньше, а если из семьи уходили на службу два и более мужчин, то зачастую доходов от хозяйственной деятельности на необходимую экипировку просто не хватало.

С первых лет действия нового положения выявились и недостатки его воплощения на практике. К власти в станичных обществах все чаще приходили представители наиболее зажиточных слоев, стремившиеся проводить на избираемые должности своих ставленников. В результате стала меняться нравственная атмосфера в поселках, стали выявляться многочисленные махинации со сдачей

[11] Казачьи войска. Хроника казачьих войск 1992, 55.

в аренду земельных паев, росло массовое недовольство рядовых казаков своим руководством.

Все это вынудило создать специальную рабочую комиссию по рассмотрению данного вопроса и в 1888 г. было принято решение, по которому Сходы были переименованы в Сборы, а на должности могли избираться лица не моложе 26 лет[12].

Что касается офицерского состава казачьих войск, то до начала XIX в. специальной системы подготовки командных кадров не существовало. Командная должность завоевывалась в бою, при проявлении тех или иных необходимых для этого качеств. Впоследствии воинские звания казаков не раз корректировались и имели отличие от офицерских чинов в родственных кавалерийских частях. Первым собственно офицерским чином после промежуточного зауряд-офицерского звания, был хорунжий, который соответствовал армейскому подпоручику. Звание сотника приравнивалось к поручику, подъесаул соответствовал штабс-ротмистру или штабс-капитану. Есаул приравнивался к чину капитана, а войсковой старшина уже равнялся чину подполковника. От полковника и выше воинские звания офицеров армии и казачьих войск совпадали.

Качество подготовки офицерских кадров беспокоило начальство. И уже в 40-х годах в Оренбурге, а позже и в Омске были открыты специализированные военные казачьи училища, переименованные впоследствии в кадетские корпуса. Выпускники кадетских корпусов автоматически входили в офицерский корпус находящийся на служебном положении частей, но новоиспеченных и профессионально обученных командиров было недостаточно для все увеличивавшегося служилого сословия. Поэтому, вплоть до реформ по-прежнему, отличившиеся урядники, имевшие не менее 12-ти лет выслуги, производились в хорунжие. Позже, в 60-е годы, это происходило только после сдачи специального экзамена комиссии, созданной приказом командира кадетского корпуса[13].

Но нехватка профессиональных офицерских кадров заставила в 70–80-е годы отказаться от подобной практики, и офицеров для казачьих войск стали готовить в юнкерских училищах и даже при академии Генерального штаба. Так например, в 1886 г. в военных академиях только от Оренбургского казачьего войска обучалось 5 человек, в военных училищах Петербурга — 10 человек, в военных гимназиях проходили обучение еще 30 казаков-оренбуржцев[14].

В течение длительного времени источником получения необходимых средств существования для казачьих офицеров являлись земельные наделы. Так как офицеры из казаков имели свои земельные паи, то жалование у них было меньшим, чем у армейских офицеров. Правда, с 1838 г. они наравне с армейскими чинами стали получать деньги на содержание денщиков: хорунжий и сотник по 7 руб. 30 коп. в год, есаул — 14 руб. 60 коп., а войсковой старшина — 21 руб. 40 коп.[15]. По Оренбургскому войску жалование офицерам Башкирского войска выплачивалось за счет сборов с местного населения, а офицеры других войсковых частей получали деньги из сумм, отпускаемых на содержание полков.

Высшие офицеры регулярных войск, генералы, штаб- и обер-офицеры, посту-

[12] Абрамовский, Кобзов 1999, 158.
[13] Там же, 193.
[14] Там же, 194.
[15] Там же, 195.

павшие на службу в Оренбургское или Сибирское казачьи войска, переаттестовывались в соответствующие казачьи чины и пользовались наравне с ними земельными наделами и другими правами, распространявшимися на казачье население. При этом строевые лошади предоставлялись им за счет войска, выплачивались столовые и квартирные деньги, а также подъемные, в случае выхода полков на полевую службу далее ста верст от сборных мест. При увольнении в отставку по выслуге установленного срока, этим офицерам устанавливалось пенсионное обеспечение по принятому в армии положению. Земельный надел возвращался войску[16].

По выходу в отставку казачьи офицеры не получали денежного пенсионного обеспечения, как в армии, а им предоставлялись в постоянное пользование значительные земельные участки в сотни десятин (у генералов они измерялись в тысячах), которые они чаще всего сдавали в аренду, а иногда некоторую часть своих земель просто продавали.

После земельной реформы 1861 г. казаки сохранили право на свои паи, которые составляли по 30 дес. на одну мужскую душу, достигшую 17-ти лет, в то время как средний крестьянский надел в среднем по стране составлял 3,4 дес. на душу. Но если крестьянин имел собственный участок, то казак получал конкретный участок земли только на время передела, по жребию. Это никак не стимулировало вложение средств и дополнительных усилий на его содержание, ибо по следующему жребию во время очередного передела участок мог достаться лентяю, который мог его попросту забросить. Такие как нетрудоспособные, все чаще оказывались в бедняках. Иногда только круговая порука и характерная для общины взаимопомощь спасали малоимущих казаков от полного разорения. Поэтому в канцеляриях Наказных атаманов казачьих войск напрочь отвергали попытки о внедрении права частной собственности на казачьих землях[17]. Главными аргументами против разрушения общины как основы существования казачьего сообщества были следующие:

а) возможный переход части казачьих земель в руки зажиточных иногородних и инородцев, земельных перекупщиков-спекулянтов и кулаков;

б) в казачьей среде сразу увеличится число безземельных и малоземельных, ибо лодыри и пьющие домохозяева постараются либо сразу продать земли, либо торговать ими по частям;

в) возникнут затруднения в подготовке казаков-новобранцев к несению военной службы, поскольку станичные общества будут не в состоянии оказывать необходимую помощь возросшему числу малоимущих.

По мере перехода на государственную службу, казачьи общества получали все больше льгот от правительства: это были и плодородные земли, рыбные и соляные промыслы, торговля хлебом (Дон, Кубань), рыбой и икрой (Урал), скотом (Семиречье), перекупочная деятельность, сдача земель в аренду, в том числе и для добычи полезных ископаемых. Казалось бы, что взамен государство полностью освобождает себя от подготовки и содержания сотен тысяч профессиональных воинов и их семей. Но дешевизна казачьих войск для государственной казны была во многом кажущаяся. Войска требовали со временем все бóльших расходов казны, особенно после проведенных реформ последней трети XIX в. Действительно,

[16] Казаки России. Прошлое, настоящее, будущее 1992, 84.

[17] Авдеев 1904, 99.

известная часть издержек на содержание казачьих обществ падала на войсковые капиталы самих казаков. Это психологически благоприятно влияло на казачество, гордившееся тем, что оно «не сидит на шее» у российского государства, а само является одним из хозяев в этом государстве и занимается самостоятельно финансовой деятельностью. С другой стороны, войсковые доходы складывались из тех источников, которые могли бы непосредственно питать государственную казну. Казаки владели плодородными землями, которые использовали весьма неэффективно, чем реально лишали государство большого количества всегда нехватаемого хлеба и дополнительных доходов. Но в правительстве понимали, что если изъять принадлежащие казачеству земли и взять казаков на полное государственное обеспечение, то можно довольно быстро перевести былых домохозяев в развращенных иждивенцев.

В основе существования казачества, как сословия, после владения землей был войсковой капитал, который составлял собственность войска, как особого государственного учреждения. Он собирался из разных, в основном арендных статей: за землю, за посаженную плату, за разработку полезных ископаемых на казачьих территориях, отработки и т. п. Например, освобожденные от службы казаки в течение 22 лет вносили по 4 руб. в войсковой капитал и по 58 коп. серебром в станичный суммы, а позже, по Оренбургскому войску, в войсковой капитал неслужилые казаки стали перечислять по 10 руб. ежегодно[18].

Войсковые капиталы в казачьих округах имели тенденцию к постоянному росту, ибо велики были и расходы. Если в 1856 г. все войсковые капиталы казачества исчислялись суммой в 3,1 млн. руб., то в 90-е годы XIX века они уже насчитывали 27,6 млн. руб.[19.] Только в Оренбургском казачьем войске в 1883 г. общая сумма войскового капитала составляла 1554811 руб.[20]. Главные расходы войсковых капиталов приходились на содержание войскового управления и самоуправления, Главного управления казачьими войсками, строевыми частями, на выплату пособий по выходу на службу, содержание школ и кадетских корпусов, училищ, почт, внутренних благоустройств, на пособия государственному казначейству на покрытие расходов казны по содержанию в казачьих войсках общегосударственных учреждений.

Станичные капиталы принадлежали станичным обществам, они образовывались из арендной платы и из денежных сборов со станичников. Из станичных капиталов выплачивалось жалование станичным атаманам и другим выборным лицам станичного правления, содержались школы, медицинская часть, удовлетворялись другие потребности. Если имелись остатки денежных средств, то они зачислялись в запасные станичные капиталы. Станичные капиталы обычно были невелики. В 1895 г. общая их сумма по всем казачьим войскам составляла 6 млн руб.[21].

Особое внимание Войсковые управления казачьих войск уделяли грамотности казачьего населения. Но до второй трети XIX в. школьное образование в казачьих школах развивалось медленно. Например, когда в середине XVIII в. по-

[18] Казаки России. Прошлое, настоящее, будущее 1992, 90.
[19] История казачества Урала 1992, 176.
[20] Абрамовский, Кобзов 1999, 158.
[21] Там же, 237.

требовалось назначить среди исетских казаков атамана, хорунжего и писаря, то из всех 1380 казаков не оказалось ни одного грамотного. Для получения офицерского чина умение читать и писать становилось непременным условием.

С 20-х годов XIX в. количество школ начало медленно расти. Кантональные начальники должны были содействовать росту грамотности и регулярно отчитываться перед Войсковой Канцелярией. Для детей казаков и солдат были открыты специальные кантональные школы. Учителя назначались преимущественно из казаков. Их труд оплачивался за счет общественных запашек и сборов с состоятельных жителей поселков. Обучали в школах чтению, письму, арифметике и закону Божию. Также в обязанность учителя входило обучение гимнастике, строю, фехтованию на саблях и владению пикой. Школы открывались не только для русских детей. На территории Оренбуржья еще с 1850 г. действовала школа для киргизских детей, в самом Оренбурге за счет казны содержались 4 башкирские школы, были открыты школы и для детей калмыков[22].

В пореформенный период обучение для мальчиков становится обязательным. Наказной атаман Оренбургского войска генерал-майор К. Н. Боборыкин в одном из своих распоряжений писал: «Современное требование и взгляд на обязанности казачьей службы требуют умственного и физического развития, а потому желательно, чтобы все мальчики казачьего войска обучались грамоте, тем более, что я встретил со стороны населения совершенное сочувствие и полную готовность не только посылать детей в школы, но и давать из общественных сумм средства к поддержанию ныне существующих в станицах учебных заведений и к открытию новых в возможно большем числе».

Станичные школы подчинялись только войсковому начальству и курс обязательного обучения был рассчитан на четыре года. Никто не мог без уважительных на то причин прекращать учебу. По настоянию родителей, чаще это были офицерские семьи, продолжительность обучения могла быть продлена до шести лет. При этом основной упор делался на более углубленное изучение грамматики и отечественной истории.

Обучение начиналось после окончания осенних полевых работ и продолжалось вплоть до начала посевной. Занятия проходили по пять часов, кроме субботы, а в теплое время казачат через каждый час выводили на школьный двор для активных занятий на воздухе. Для более совершенного физического развития и выработки ловкости в школах широко использовались занятия гимнастикой, для чего в каждой станице предписывалось возводить специальные учебные городки. Учителя станичных школ были обязаны выставлять своих воспитанников на ежегодные строевые смотры, формируя из них отдельные взводы и сотни. В рамках своей возрастной категории они вместе со своими отцами и старшими братьями демонстрировали свое умение владеть оружием. В воскресные дни в школах шло обучение грамоте новоставочных казаков, которым предстояло идти на действительную службу.

Система подготовки казачьей молодежи постоянно совершенствовалась и находилась под жестким контролем Наказных атаманов, ежегодно проводивших специальные проверки состояния школ и уровня военной выучки учащихся. С 1871 г.

[22] Абрамовский, Кобзов 1999, 234.

стали проводиться регулярные съезды казачьих учителей как общевойсковые, так и по казачьим отделам. Согласно распоряжению Александра Второго от 8 апреля 1872 г. на проведение таких съездов из казны ежегодно выделялось по 3000 руб.[23].

Это дало результаты. Если в Оренбуржье за 47 лет с 1823 г. по 1870 г. было открыто 1552 учебных заведения, то только за 4 года в период с 1871 г. по 1875 г. было построено 318 школ, а общее количество обучающихся в них выросло соответственно с 4415 до 17919[24].

В 1873 г. тот же генерал-майор К. Н. Боборыкин писал в приказе: «Не могу не заметить значительного успеха по всем частям как строевого образования, материального снабжения, так и учебного дела во всех станицах войска. Радуюсь этому тем более, что, осматривая ежегодно большую часть станиц я сравнивая их успехи за несколько лет, я убеждаюсь, что улучшение их настойчиво и постоянно, из года в год, так что наступающий год, очевидно, превосходит предыдущий, который, в свою очередь, был лучше предшествовавшего»[25].

При императоре Александре Третьем произошел некоторый отход от начинаний его отца. Окружное и гражданское управление были слиты в одно учреждение, подчиненное военному начальнику округа. Были приняты меры к тому, чтобы строже отбирать новых людей в казачье сословие. Огнестрельное и артиллерийское вооружение теперь поступало в войска за государственный счет. При Главном Управлении казачьими войсками постоянно находились представители казачьих войск России. Всего их было 5. Своих делегатов имели: Донское войско, казачьи войска Западной Сибири, Восточной Сибири, вместе Кубанское и Терское войска, также один член представлял сразу Оренбургское, Астраханское и Уральское войска. Кубанским и Терским войсками руководил главнокомандующий русской армией на Кавказе, Сибирским и Семиреченским — степной генерал-губернатор, Амурским и Уссурийским — приамурский генерал-губернатор. Руководство остальными войсками осуществляли Наказные атаманы этих войск. Казачье население продолжало увеличиваться. Так, по сравнению с 1871 г. войсковое сословие в Оренбуржье возросло в 1897 г. по материалам переписи населения с 252928 до 350614 человек, а Сибирское войско с 87754 до 113546 человек соответственно[26].

Казаки по-прежнему оставались лучшей конницей мира, они были незаменимы против вражеской кавалерии, были отличными разведчиками, дозорными, истребителями вражеских лазутчиков и диверсантов. Казачьи войска на внутренней службе делались все более многонациональными, что было немаловажным при специфике Российской империи и проведения ею своей политики.

Проводимые царским правительством реформы в последней трети XIX в. не в такой степени затронули казачество, как крестьянское население империи, но все же заставили сильней сплотиться казачью общину для решения своих экономических и внутренних проблем. Казачье сословие в конце XIX в. по-прежнему оставалось верной опорой правящего режима и в казачьей среде не было сомнений по поводу своего будущего и своего места в структуре российской армии.

---

[23] ГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 81. Л. 78.

[24] Казаки России. Прошлое, настоящее, будущее 1992, 35.

[25] Казаки России. Прошлое, настоящее, будущее 1992, 37.

[26] Там же, 41.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамовский А. Б., Кобзов В. С. 1999: Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск.

Авдеев П. И. 1904: Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. СПб.

История казачества Урала. 1992. Челябинск – Оренбург.

Казаки России. Прошлое, настоящее, будущее. 1992. М.

Казачьи войска. 1992. Хроника казачьих войск. 1992. М.

МУ МГА. Ф. Р–26 Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

ОГАОО. Ф. 37. Оп. 3. Д. 81. Л. 78.

ОГАЧО. Ф. И–10. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

Хорошхин И. 1884: Казачьи войска. СПб.

Соколова Е. С. 1993: Казачество в эпоху контрреформ // Казачество на государственной службе: материалы научной конференции. Екатеринбург.

COSSAKS OF SOUTH URAL AND WEST SIBIRIA IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY

F. A. Kaminskji

The analysis of the development of the collective forms of agricultural organization in Cossack Far-Ural regions in the first years of new economical politica is graven in the article by Fl. Kaminsky. The first collective-farms and state-farms, founded lust after the Civil War, turned out to be insolvent and unpractical, und in the middle of 20-es in the 20th century most of them were ruined and fed miserable life. Using the analysis of the archives of that period the author shows the negative dynamics of the development and practical activities of those half — artificial communities. At the end of the article Fl. Kaminsky points jut the complex of objective and subjective reasons, which determined the lon level of the functioning of the first collective unions on the territory of the former Orenburg and Sibirian Cossack forces.

Key words: Cossacks, reforms, community, non-military population, stanitsa self-government.

© 2010

И. А. Попп

ПОЧЕТНЫЕ МИРОВЫЕ СУДЬИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870–1880-Х ГГ.: К ПРОБЛЕМАМ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

В статье впервые рассматриваются проблемы организации, социального состава и деятельности почетных мировых судей в отдельной губернии обширной Российской империи. Предпринимается попытка на региональных материалах раскрыть причины и факты «бездействия» почетных мировых судей, их влияние на процесс судопроизводства в мировых судебных учреждениях. На основе анализа репрезентативных источников делается вывод о необходимости реформирования почетного судебного института на началах экономической заинтересованности.

Ключевые слова: почетные и участковые мировые судьи, судебная реформа 1864 г., мировая юстиция, Пермская губерния, земские собрания.

Интерес к почетным мировым судьям в российском обществе возник ещё до начала их деятельности. Причем мнения представителей различных общественных сил по этому судебному институту сильно различались.

Консервативные круги видели в почетных мировых судьях «главный источник и силу истинного самоуправления», который будет олицетворять «справедливую и дешевую администрацию»[1]. Они полагали, что «в землевладельческих кругах найдется достаточное число людей, готовых служить обществу в звании мировых судей безвозмездно», ведь «оплачиваемые» должности участковых мировых судей вызовут «кумовство, интриги, протекции и сделаются добычей искателей жалования»[2].

Либеральная часть общества старалась не допустить «аристократизации» мировой юстиции, а следовательно, выступала за вознаграждение деятельности участковых мировых судей и требовала уменьшение имущественного ценза от кандидатов на эти должности[3].

После введения в действие Судебных уставов 1864 г. во многих периодических изданиях начался их анализ: «превосходное учреждение почетных мировых судей не вполне, по крайней мере, не во всех местностях, достигает своей цели»[4], а «общий голос свидетельствует о том, что почетные мировые судьи — учреждение совершенно лишнее, ничем не проявляющее своего влияния»[5]. Даже консерваторы, возлагавшие большие надежды на этих судей, признали, что последние «не принимают деятельного участия в отправлении правосудия»[6].

* Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 09–01–83102а/У.

1 Весть 1864, 7, 9

2 Весть 1864, 2, 7.

3 Ткачев 1862, 76–78.

4 Судебный вестник 1, 1869, 213.

5 Неделя 1869, 24, 756.

6 Весть 1869, 3, 121.

С критикой появились и первые предложения об усовершенствовании вновь введенного судебного института. Практикующие юристы и публицисты предлагали расширить единоличную власть почетных судей, придав действительно третейские функции и значительно увеличив их количество, «сознательно» выбирать из достойных кандидатов, оплачивать работу и контролировать их деятельность[7].

Однако кардинальных изменений не произошло. В 1870–1880-х гг. периодическая печать постоянно обращала внимание на это судебное учреждение: «институт почетных мировых судей одна из слабых и неудачных сторон наших мировых судебных установлений»[8], «всем известно, что наши почетные мировые судьи отличаются замечательной бездеятельностью»[9], «со званием сим на практике не соединяется никаких обязанностей»[10] и «никакого значения не имеют или вследствие постоянного своего отсутствия, или по незнанию законов и неумению разрешать судебные дела»[11]. Появились даже предложения «совершенно уничтожить этот институт»[12].

После издания закона 12 июля 1889 г. почетные судьи стали восприниматься в обществе как живое напоминание фактически ликвидированной мировой юстиции. Так, А. Гольмстен призывал этих судей выступить своеобразным конкурентом земских начальников и приобрести «первенствующее значение»[13]. Я. Городыский видел в земских собраниях главного виновника «дискредитации» всего судебного учреждения, так как гласные «преподносили» звания почетных мировых судей недостойным лицам[14]. К. Дерюжинский предлагал восстановить мировой институт в России «в его чистом виде» по Судебным уставам 1864 г. и указывал, что «помощь почетных судей, действительно богатых своим опытом, крайне необходима»[15]. А. Кони вспоминал с чувством глубокого уважения многих «проникнутых сознанием долга» почетных судей. При этом отмечал, что «в семье было не без урода, но таких было мало»[16].

В юбилейных трудах к пятидесятилетию судебной реформы 1864 г. господствовали лояльные оценки рассматриваемого судебного учреждения: «участковым мировым судьям и мировым съездам в столицах деятельную поддержку всегда оказывали почетные мировые судьи», но в провинции из-за «неопределенности обязанностей» этот институт «не вполне удачно сложился»[17]. В столице почетные мировые судьи «оказывали иногда немалое влияние на разрешение возникавших в съезде вопросов»[18]. Для некоторых дореволюционных исследователей проблем пореформенного суда почетные мировые судьи стали «бескорыстными работниками, преданными своему делу», вносившие «в дело суда тот свежий, чуждый

[7] Судебный вестник 1, 1870, 274; Донская газета 1, 1874, 20.
[8] Киевлянин 1, 1880, 257.
[9] Слово 1880, 7, 160.
[10] Анциферов 1883, 115.
[11] Закревский 1882, 19.
[12] Новое время 1, 1879, 1301.
[13] Гольмстен 1890, 44–51.
[14] Городыский 1899, 2131–2133.
[15] Дерюжинский 1909, 30.
[16] Кони 1966, 304–305.
[17] Полянский 1915, 201, 229–230.
[18] Петроградский съезд 1916, 224.

шаблона, практический взгляд, который иногда утрачивали в силу отрицательных сторон профессиональности участковые мировые судьи»[19].

В советской историографии подчеркивался классовый характер этого судебного учреждения[20]: «бесплатность должностей почетных мировых судей позволяла обеспечить влияние на мировую юстицию крупных землевладельцев и капиталистов, не заинтересованных в жаловании»[21], «в почетные мировые судьи избирались исключительно дворяне»[22], поэтому «создание этого института позволяло титулованной дворянской знати и представителям крупнейшей буржуазии, не обременяя себя службой, получать награды и чины»[23].

Современные авторы обычно просто перечисляют круг должностных обязанностей почетных судей[24] и приводят короткие замечания об их деятельности. С. В. Лонская назвала почетного судью «пятым колесом» мировой юстиции[25], а Н. Н. Трофимова и Г. А. Боева вообще посчитали, что и «судьей его можно назвать лишь условно»[26]. О. В. Шутило отметила, что эти судьи часто уклонялись от временного заведования судебными участками и не всегда посещали съезды мировых судей[27].

Таким образом, взгляды дореволюционной научной общественности на институт почетных мировых судей постоянно корректировались: безудержная критика сменялась апологетическим воспеванием этого судебного учреждения. Советские ученые, не осуждая почетных судей за «безответственность», «равнодушие» и «леность», видели в нем высшее проявление классового подхода в организации мировой юстиции в России. Многие современные исследователи мирового суда высказывают однозначное отрицательное мнение о деятельности почетных мировых судей.

К сожалению, сегодня нет специальных научных трудов о рассматриваемом судебном учреждении. Авторы только упоминают о существовании почетных судей, редко приводят репрезентативные сведения об их работе на местах и не используют данные провинциальных судебно-мировых учреждений. Необходимо всесторонне изучить организацию, социальный состав и деятельность почетных мировых судей на основе материалов отдельной губернии Российской империи. Для реализации поставленной цели рассмотрим институт почетных судей Пермской губернии, обладавшей большой спецификой: отдаленность от центра, отсутствие дворянского элемента и системы высшего образования, наличие горнозаводского населения, суровый климат и обширные территории.

По Судебным уставам 1864 г. был создан мировой суд. Каждая губерния подразделялась на судебно-мировые округа (обычно один округ охватывал один уезд), которые распределялись на судебные участки между участковыми мировыми судьями. Кроме них вводились почетные мировые судьи «для облегчения испол-

[19] Мокринский 1914, 39.
[20] Виленский 1969, 165.
[21] Воробейникова, Дубровина 1973, 47–48.
[22] Галай 1980, 9.
[23] Ерошкин 1983, 236.
[24] Дунаев 2003, 21–22; Смирнова 2003, 75–76, 140–141.
[25] Лонская 1998, 50.
[26] Трофимова 2004, 101; Боева 2008, 49.
[27] Шутило 2006, 57, 114.

нения многочисленных обязанностей мирового судьи и в особенности для того, чтобы лица заслуживающие полного уважения и доверенности, не лишались возможности, не оставляя своих домашних занятий и обязанностей, оказывать своим влиянием содействие к охранению общественного порядка и спокойствия, к развитию местного благосостояния, на коем зиждется благоденствие государства, и к поддержанию достоинства мировых учреждений, а также для того, чтобы владельцы, отсутствующие, находящиеся на службе государственной, во время своего пребывания в имениях, могли принимать участие в общем мировом деле»[28].

По закону все мировые судьи действовали «на одних и тех же правах и пользовались одинаковой властью». Деятельность почетных мировых судей заключалась в том, чтобы «во время пребывания своего в мировом округе» производить «суд и расправу по всем делам, подлежащим мировому разбирательству, в тех случаях, когда обе стороны обратятся к их посредничеству»; «пополнять» присутствие окружного суда вследствие «недостатка членов оного»; «в случае устранения, отсутствия, болезни или смерти участкового мирового судьи» исполнять его обязанности; присутствовать на заседаниях «высшей мировой инстанции» — съезде мировых судей. При этом никакого содержания почетные судьи не получали, зато могли совмещать свою деятельность «со всякой другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением должностей прокуроров, их товарищей и местных чиновников казенных управлений и полиции»[29].

В январе 1873 г. в Пермских губернских ведомостях официально опубликовали высочайшее повеление «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в губерниях Пермской и Вологодской»[30]. В соответствии с высочайше утвержденным «Учреждением судебных установлений» и положением «О введении в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 г.»[31]. Уже в начале мая 1873 г. уездные земства начали публиковать списки кандидатов в участковые и почетные мировые судьи[32]. В июле 1873 г. на чрезвычайных уездных земских собраниях Пермской губернии прошли выборы мировых судей. В августе этого же года на IV чрезвычайном Пермском губернском земском собрании завершились «довыборы» судей. Многие из кандидатов в почетные мировые судьи были избраны единогласно[33].

В ноябре 1873 г. был издан указ Сената об открытии к 1 декабря 1873 г. мирового суда в Пермской губернии[34]. В это же время появились официальные списки мировых судей по всем судебно-мировым округам Пермской губернии: на первое трехлетие (1873–1876 гг.) было избрано 65 участковых и 34 почетных мировых судьи, причем в Камышловском и Чердынском судебно-мировых округах почетных судей вообще не выбрали, а по Красноуфимскому, Ирбитскому, Верхотурскому, Шадринскому уездам Пермской губернии Сенат утвердил всего 1–2 почетных судей[35]. Большинство из них были богатыми землевладельцами, заводовладельцами

[28] Судебные уставы 1867, 34.
[29] ПСЗРИ-2 39, 1867, 181–185.
[30] ПГВ 1873, 7, 27
[31] СЗРИ 1876, 371; ПСЗРИ-2 40. 1867, 42587
[32] ПГВ 1873, 35, 170; ПГВ 1873, 36, 174–175; ПГВ 1873, 37, 179–180.
[33] РГИА. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 28. Л. 14–15; Систематический сборник 1880, 708–710.
[34] ПГВ 1873, 94, 432.
[35] Сборник пермского земства 1873, 1054–1057.

и домовладельцами. Некоторые работали в земских уездных управах, мировыми посредниками, мелкими и средними чиновниками[36].

Таким образом, первоначало почетных мировых судей избрали в два раза меньше, чем участковых. Гласные уездных земств прямо указывали на «недостаток» лиц, «могущих занять звание судей»[37], а отдельные представители почетного судейского корпуса «числились» сразу в нескольких уездах: В. А. Всеволожского выбрали одновременно в Пермском и Соликамском судебно-мировых округах. И это, несмотря на то, что он уже являлся почетным мировым судьей и председателем съезда мировых судей Шлиссельбургского уезда, а следовательно, проживал недалеко от столицы[38].

В Екатеринбургском, Верхотурском, Красноуфимском, Кунгурском и Ирбитском судебно-мировых округах первыми председателями съездов мировых судей стали почетные мировые судьи[39]. Эти люди действительно безвозмездно трудились и всячески поддерживали проведение судебной реформы 1864 г. в Пермской губернии. Еще до окончательного введения мирового суда в Верхотурском округе, будущий председатель съезда мировых судей и почетный мировой судья А. И. Кронеберг очень сочувственно относился к мировой юстиции. В октябре 1873 г. он выступил на IV очередном Верхотурском уездном земском собрании с основательным докладом об организации судебно-мировых учреждений, и гласные согласились выделить дополнительные финансовые средства для вновь вводимого судебного института[40].

Уже в первые годы деятельности судебно-мировых учреждений в Пермской губернии выявились проблемы, связанные с институтом почетных мировых судей. Председатель Екатеринбургского окружного суда постоянно просил уездные земские собрания об избрании возможно большего числа почетных судей, «дабы в случаях выезда в другие уезды отделений суда можно было продолжать производство судебных дел и в Екатеринбурге»[41], для того, чтобы они «могли бы поочередно приглашаться для пополнения состава суда во время периодических приездов в Верхотурье и Нижне-Тагильский завод»[42], ведь при «недостаточном числе почетных мировых судей, окружной суд вынужден будет выезжать в Ирбит в полном составе, чем неминуемо вынудит сокращение в числе выездов суда»[43].

С замещением участковых мировых судей тоже были большие проблемы: в 1874 г. в Кунгурском уезде Пермской губернии мировой судья 2 участка Г. П. Макке несколько месяцев одновременно работал в 3 и 4 судебно-мировых участках. В это же время и в Пермском судебно-мировом округе участковый судья Я. Ф. Попов 9 месяцев заведовал сразу двумя участками, а в Соликамском уезде то же самое делал участковый Н. Н. Заев. В Осинском уезде в 1875 г. умер участ-

[36] ПГВ 1873, 39, 187–188; ПГВ 1873, 40, 103, 194; ПГВ 1873, 42, 203–204; ПГВ 1873, 43, 209–210; ПГВ 1873, 46, 222.

[37] Журналы III чрезвычайного Красноуфимского уездного земского собрания 1874, 10.

[38] ПГВ 1873, 40, 103; Сборник пермского земства 1873, 1054.

[39] ГАПК Ф. 65. Оп. 1. Д. 77. Л. 12–13, 44, 49, 57.

[40] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 171 (1). Л. 223–237; Там же, Д. 171 (2). Л. 437–437 об.

[41] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания V очередной сессии 1875, 18.

[42] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 234. Л. 166 об.

[43] Журналы V очередного Ирбитского уездного земского собрания 1874, 160.

ковый мировой судья И. Д. Морев, вместо него также трудился мировой судья 5 участка П. Д. Чистяков[44].

В законе прописывалось, что эти обязанности могут исполнять почетные мировые судьи, получая деньги на канцелярские расходы. Этого не происходило, хотя в вышеназванных уездах «числилось» достаточно почетных судей, чтобы один из них поучаствовал бы в отправлении правосудия (4 судьи — в Кунгурском, 7 — в Пермском, 4 — в Соликамском, 3 — в Осинском судебно-мировых округах). Однако никто из этих почетных не заменил заболевшего или умершего участкового судью. Закон не применялся на практике.

Отсутствие почетных на заседаниях съездов мировых судей иногда полностью приостанавливало их работу. Весной 1874 г. Соликамский съезд мировых судей прекратил разбирать уголовные и гражданские дела «от неполноты комплекта судей». В мае 1874 г. III Соликамское уездное земское собрание решило впредь избегать подобных ситуаций и постановило произвести дополнительные выборы почетных мировых судей. Председатель земской управы Брагин «три раза просил баллотировать господ землевладельцев»: графов Строгановых, князя С. М. Голицына, графа А. П. Шувалова, Всеволожских. На эту просьбу гласные заявили, что «они не проживают в Пермской губернии и, следовательно, не могут участвовать в съездах мировых судей Соликамского округа». Земская управа заявила, что «считает баллотирование господ заводовладельцев обязательным», мотивируя свое решение «желанием оказать им почет». В результате, земское собрание отклонило требование управы, сославшись на отсутствие согласия кандидатов, «хотя и искренно желало иметь их в числе своих почетных мировых судей». Выбрали только графа А. П. Шувалова, передавшего через доверенное лицо «разрешение» на выбор его в судьи[45]. Вопрос об избрании известных заводовладельцев, проживавших за пределами Пермской губернии, поднимался и в других уездах[46].

Уездные земские собрания видели решение проблемы неэффективного функционирования института почетных мировых судей в выборе «возможно большего числа лиц» на эту почетную судейскую должность. Уже осенью 1874 г. в Верхотурское уездное земское собрание единогласно избрало двоих почетных мировых судей. Подобное повторилось в Екатеринбургском уезде, где в 1874 г. выбрали пятерых, а в 1875 г. — ещё одного почетного мирового судью. «Ввиду недостаточного числа почетных мировых судей по Осинскому округу» прошли выборы в чрезвычайном Осинском уездном земском собрании. Пермское губернское земское собрание также принимало участие в таких избирательных компаниях[47]. Появление новых лиц в рядах почетных судей не улучшило работу рассматриваемого судебного учреждения. Ничего не менялось. Вновь избранные судьи занимались

[44] Журналы VI очередного Осинского уездного земского собрания 1876, 332; Журналы V очередного Кунгурского уездного земского собрания 1875, 83–85; Журналы V очередного Пермского уездного земского собрания 1875, 49; Журналы III чрезвычайного и V очередного Соликамских земских собраний 1875, 147.

[45] Журналы III чрезвычайного и V очередного Соликамских земских собраний 1875, 5–6.

[46] Журналы II чрезвычайного Кунгурского уездного земского собрания 1874, 20.

[47] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 234. Л. 25; Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания V очередной сессии 1875, 20; Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания VI очередной сессии 1876, 11; ГАПК. Ф. 281. Оп. 1. Д. 47. Л. 255; Систематический сборник постановлений 1880, 710.

своими делами и мало обращали внимания на обязанности, возлагавшиеся на них законом вместе с почетным судейским званием.

В последующие годы в Пермской губернии почетные мировые судьи продолжали бездействовать. В 1879 г. Чердынская уездная управа сообщала о «крайнем недостатке в Чердынском округе почетных мировых судей от чего в тех случаях, когда мировой судья 4 участка не приезжает на съезд за отдаленностью или каким-либо другим причинам, судебные заседания или вовсе не составляются, или откладывается рассмотрение многих дел на более или менее продолжительное время» и просила усилить состав мирового съезда почетными судьями[48]. В Красноуфимском уезде в 1880 г. работало всего трое участковых и один почетный мировой судья, поэтому если последний не являлся на заседания съезда мировых судей, то решение судебных дел в апелляционном порядке прекращалось, а истцы, ответчики и свидетели возвращались обратно домой, иногда проезжая путь в 100–150 км[49].

В Камышловском уезде числился всего один почетный мировой судья А. Ф. Поклевский–Козелл, переизбранный в феврале 1880 г. Пермским губернским земским собранием на следующий срок[50], но имевший «продолжительные отлучки по своим коммерческим делам» и «во все истекшие три трехлетия являлся в съезд мировых судей не более трех раз». Поэтому постоянно приходилось переносить заседания местного съезда мировых судей и выездные сессии окружного суда. «Следствием чего являлось замедление в производстве и разрешении судебных дел», которые «остаются без движения, обвиняемые томятся под стражей, а земству приносится ущерб»[51]. В 1882 г. были избраны дополнительные почетные судьи, и Поклевский-Козелл официально отказался снова баллотироваться в судьи. Однако гласные постановили «уведомить господина Поклевского, что земское собрание уже избрало его в мировые судьи и просило бы его принять на себя означенную должность»[52]. Земство не обращало внимание на безответственное отношение этого человека к возложенным на него судейским обязанностям и, следовательно, поощряло остальных вновь избранных почетных судей работать подобным образом.

От временной работы в судебно-мировых участках почетные судьи пытались отклониться под любым предлогом. В 1883 г. один из почетных судей Соликамского судебно-мирового округа выразил прямой отказ заменить местного участкового судью: «Не имея решительно возможности…, имею честь покорнейше просить Соликамский съезд мировых судей от возложенной на меня определением съезда обязанности участкового мирового судьи 6 участка освободить и поручить исполнение этой должности другому мировому судье». В результате, «заведование 6 мировым участком на время отпуска мирового судьи Смирнова было поручено мировому судье 2 участка Трубинову»[53].

Катастрофическая ситуация складывалась в судебном округе, если один из участковых мировых судей не мог по каким-либо причинам осуществлять судо-

[48] ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2. Л. 19–19 об.
[49] Екатеринбургская неделя 1880. 42, 671.
[50] ГАСО. Ф. 11. Оп. 11. Д. 23. Л. 113.
[51] ГАПК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 2. Л. 148–148 об.; Екатеринбургская неделя 1880, 5, 76.
[52] Журналы XIII очередного Камышловского уездного земского собрания 1883, 46.
[53] ГАПК. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 68–68 об.

производство: «Замена отсутствующих судей очередными участковыми или почетными представляла большие неудобства и затруднения»[54], ведь «исправление должности участковых почетными очень трудно осуществляется, а исправление должности другими участковыми судьями один вместо другого ограничивается распечатыванием бумаг, отсутствующего судьи, и получением его канцелярских денег»[55].

Не была четко отработана схема передачи служебных обязанностей при возникновении экстренной ситуации (болезнь, смерть судьи). Несмотря на то, что в 1876 г. в Верхотурском судебно-мировом округе выбрали 11 почетных мировых судей[56], ни один не взялся за исполнение обязанностей участковых мировых судей. В лучшем случае, некоторые из них присутствовали на заседаниях съезда мировых судей и выездных сессиях окружного суда. Из-за такого «бездействия» почетных судей, Верхотурскому земству приходилось выбирать «запасных», должностные обязанности которых не были четко определены.

В 1878 г. в связи с долгой болезнью мирового судьи 8 участка Екатеринбургского судебно-мирового округа население не выдержало и направило «депутацию» прокурору Казанской судебной палаты, которая ходатайствовала об улучшении отправления правосудия в 8 и 9 участках. Вместо направления туда почетных мировых судей, председатель Екатеринбургской управы заметил, что «у нас нет запасных мировых судей. Если бы они были, то никаких неудовольствий не возникло бы»[57].

В печати сильно критиковали почетных мировых судей Екатеринбургского уезда, которые в экстренных ситуациях никогда не заменяли участковых судей[58]. «В действительности, некоторые из лиц, избираемых в почетные мировые судьи, будучи заняты посторонними обязанностями, редко принимают деятельное участие в судебно-мировом производстве, а иногда не имеют даже пребывания в пределах того округа, где они избраны»[59]. Сенат неоднократно пытался исправить сложившуюся ситуацию и обращал внимание съездов мировых судей, что «почетные мировые судьи обязаны назначать очередь для исправления должности участковых мировых судей в указанных законами случаях»[60].

Не менялось положение и с участием почетных судей в выездных заседаниях окружного суда: «Наличного числа почетных судей крайне недостаточно для заседаний в отделениях окружного суда и съезде мировых судей», потому что они «не могут участвовать в заседаниях суда по дальности места их жительства или вследствие исполнения своих прямых обязанностей»[61]. В Шадринском судебно-мировом округе почетные мировые судьи отказывались участвовать в работе

---

[54] Журналы XI, XII и XIII чрезвычайных сессий Екатеринбургского уездного земского собрания 1888, 36.

[55] Доклады Екатеринбургской уездной земской управы XV очередному земскому собранию 1885, 352.

[56] ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 326. Л. 64 об.–65.

[57] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии 1879, 141–142.

[58] Екатеринбургская неделя 1881, 44, 596.

[59] Сборник пермского земства 1880, 11.

[60] ГАШ. Ф. И–572. Оп. 1. Д. 51. Л. 11.

[61] Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XVIII очередной сессии 1888, 452; Журналы XII очередного Верхотурского уездного земского собрания 1882, 6.

съезда, ссылаясь на болезненное состояние[62]. В отдельных уездах неоднократно поступали жалобы в земские собрания от председателей съездов мировых судей и окружного суда[63].

Местные публицисты постоянно искали причины бездействия института почетных судей. На X очередном уездном Пермском земском собрании в 1879 г. выбрали 25 почетных мировых судей, однако «избирали всех, кто только попадался на ум кому-нибудь из господ гласных»[64]. Образованные люди понимали, что «медленность» работы съездов мировых судей во многом зависит от присутствия на них почетных судей, а «баллотировка в почетные судьи является ареной интриг, борьбы партий, обоюдного укола» и многих выбирали ради почетного статуса[65]. Критика не давала никакого эффекта. Несмотря на жалобы населения, дисциплинарная ответственность не применялась к почетным мировым судьям, которые под любым предлогом уклонялись от судопроизводства.

Избиратели этих судей — гласные земских собраний видели в почетном мировом судье только лишь звание: «Эти общественные заслуги достоуважаемого деятеля должны вызывать нашу к нему признательность, но как выразим мы ему эту признательность? Я полагаю, в знак выражения этой признательности мы можем предложить Нурову принять на себя звание нашего почетного мирового судьи»[66]. Однозначное мнение присутствовало на страницах местных периодических изданий: «Чтобы в почетные судьи были избираемы не те, которые имеют более или менее значительное состояние и поэтому только пользуются известным положением в обществе, а действительно лучшие люди по своим убеждениям, познаниям и способностям»[67].

К 1885 г. путем постоянных «довыборов» число почетных мировых судей выросло до 75 человек по всем 12 судебно-мировым округам Пермской губернии. В Ирбитском, Осинском и Чердынском уездах их насчитывалось сравнительно мало (всего 2–3 человека на уезд)[68].

Нам удалось проанализировать социальный состав пермских почетных судей середины 1880-х гг. К сожалению, о 18 судьях не удалось найти информацию, остальные 57 человек принадлежали к различным социальным слоям: 5 дворян, 18 купцов (в основном в Шадринском и Кунгурском уездах), 4 крестьянина, 2 потомственных почетных граждан. Большинство почетных судей работали чиновниками, земскими деятелями (20 человек), врачами (5 человек), в органах суда и следствия (4 человека), горными инженерами (2 человека). 20 судей (35%) окончили высшие учебные заведения, 25 (44%) имели либо «домашнее образование», либо курс уездного училища, остальные 12 (21%) — среднее образование[69].

---

62 ГАШ. Ф. И–492. Оп. 1. Д. 277. Л. 31.

63 Журналы XIII очередного Верхотурского уездного земского собрания 1883, 18; Журналы XV очередного Верхотурского уездного земского собрания 1885, 776; Журналы XIX очередного Верхотурского уездного земского собрания 1889, 32; Журналы XXII очередного Верхотурского уездного земского собрания 1892, 12–13.

64 Екатеринбургская неделя 1879. 16, 209.

65 Екатеринбургская неделя 1880. 29, 467.

66 Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X очередной сессии 1880, 139.

67 Екатеринбургская неделя 1880. 34, 547.

68 Сборник пермского земства 1885, 138–139.

69 ПГВ 1885, 56–68, приложения к газете.

Несмотря на довольно большое число почетных судей, их деятельность оставалась неэффективной. Это подтверждает ревизия судебно-мировых учреждений Пермской губернии, произведенная в 1885 г. членом Харьковской судебной палаты В. Ненарочкиным. Ревизор «усмотрел крайнее замедление и накопление в некоторых мировых участках дел. В настоящее время в случае выбытия или оставления по каким-либо законным причинам мировым судьей своего участка, заведывание таким участком возлагается на мирового судью соседнего участка» и предложил разрешить Пермским уездным земским собраниям выбирать добавочных мировых судей[70].

В конце рапорта министру юстиции В. Ненарочкин приложил списки мировых судей по каждому из 12 уездов Пермской губернии. Однако ревизор даже не вспомнил обо всех 75 почетных судьях, «числившихся» в данный момент в губернии, и записал всего 3: В. П. Голубцова, М. К. Советкина, М. И. Грибушина — председателей Красноуфимского, Екатеринбургского, Кунгурского съездов мировых судей[71]. Презрительное молчание В. Ненарочкина в окончательном рапорте министру юстиции о почетных судьях подтверждает полное разочарование правительственных структур в этом судебном институте. После введения с 1 сентября 1893 г. в Пермской губернии положения «О земских участковых начальниках»[72] почетные мировые судьи не были упразднены. Они участвовали в судебных заседаниях уездного съезда, их продолжали выбирать на уездных земских собраниях[73].

В других губерниях обширной Российской империи наблюдалась похожая ситуация. В 1869 г. председатель Нижегородского съезда мировых судей просил командировать особого чиновника к исправлению должности заболевшего мирового судьи 7 участка, так как «почетные судьи занимают другие должности». Из-за бездействия института почетных мировых судей многие съезды подавали обращение в министерство юстиции с просьбой избрать или прислать запасных мировых судей, назначив определенное содержание за исполнение ими служебных обязанностей. Уже в 1872 г. министерство юстиции признало: «Почетных мировых судей бывает не везде достаточное число, или же они не всегда могут по своим сторонним занятиям исправлять должность участкового мирового судьи»[74].

В 1870 г. поступила в министерство юстиции жалоба от товарища председателя Воронежского окружного суда. Во время выездных сессий окружного суда в разные города губернии, почетные судьи не присутствовали на заседаниях. Из 7 уездов Воронежского судебного округа только в двух почетные судьи нормально исполняли свою работу. Такое поведение объяснялось «безответственностью почетных мировых судей за не исполнение возложенных на них поручений, ибо они, отговариваясь не получением вознаграждения со стороны земства за привлечение их к заседаниям мирового съезда или окружного суда, домогаются, однако, этого звания»[75].

---

[70] РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 50–50 об.
[71] РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 80 об., 109 об., 121 об.
[72] Екатеринбургская неделя 1893, 26, 541.
[73] Сборник пермского земства 1889, 13.
[74] РГИА. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 8122. Л. 5, 66–90 об., 102.
[75] Там же. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 8131. Л. 3.

Председатель Саратовского съезда мировых судей заявлял о переносах работы мирового съезда «из-за неприбытия почетных судей»[76]. Прокурор Харьковской судебной палаты сообщал о постоянных срывах заседаний Богодуховского съезда мировых судей: «Причина этого постоянно одна и та же — неявка почетных мировых судей» и предлагал привлекать их к ответственности, так как «они считают себя вне всякой отчетности, вне всякой власти и смотрят на себя как на лиц, пользующихся только почетом своего звания без всякого сколько-нибудь обязательного труда». В 1870 г. Министерство юстиции проанализировало ситуацию с плохим движением уголовных и гражданских дел в съездах мировых судей и пришло к выводу, что «главнейшей причиной такого замедления служит то обстоятельство, что почетные мировые судьи, за весьма редким исключением, отказываются от прибытия на заседания съезда» и призвало чаще привлекать их к дисциплинарной ответственности[77].

Несмотря на подобные постановления, открывались ужасающие факты в деятельности почетных судебно-мировых учреждений. Так, член Московской судебной палаты Н. Н. Загоскин, ревизуя Егорьевский съезд мировых судей (Рязанская губерния), обнаружил, что почетный мировой судья Л. Л. Кознов с 1875 г. в течение 4 лет «числился» председателем съезда, но вообще не имел представления о деятельности возглавляемого им судебного учреждения и постоянно проживал в Москве. Подобные случаи были зарегистрированы в Саратовской и Тамбовской губерниях[78].

Ревизия сенатора А. Половцова Киевской и Черниговской губерний в начале 1880-х гг. подтвердила «бездействие» почетных мировых судей. В кратком отчете сенатор признал, что личный состав почетных судей состоял из людей, не проявлявших интереса к судопроизводству, но занимавших в обществе «известное положение». В экстренных ситуациях почетные судьи «весьма редко» замещали участковых и «нечасто», «неохотно» посещали заседания мировых съездов. Вывод звучал однозначно: «Институт почетных мировых судей никакой пользы делу не приносит и приносить не может»[79].

Ревизия сенатора И. Шамшина Саратовской и Самарской губернии показала, что почетные мировые судьи выбирались из среды местных землевладельцев, «из которых одни почти всегда отсутствовали, другие же, имея постоянное жительство в уезде, занимали там различные общественные должности». Сенатор отметил, что эти судьи оказывали «некоторое содействие ходу мирового суда» (участвовали в занятиях мировых съездов, заменяли участковых судей). Но «нередко лица, получившие звание почетного судьи, смотрят на него как на почетный только титул» и не исполняли никаких обязанностей, связанных с судопроизводством[80].

Подведем основные итоги:

Во-первых, содержание судебно-мировых учреждений относилось к обязательным расходам земств, которые, естественно, пытались сократить затраты

[76] Там же. Ф. 1391. Оп. 1. Д. 168. Л. 25 об.
[77] РГИА. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 8131. Л. 6, 15–18.
[78] Там же. Ф. 1405. Оп. 529. Д. 657. Л. 4–6.
[79] ОР РНБ. Ф. 600. Д. 1507. Л. 14 об.–15; Там же. Д. 844. Л. 2 об.
[80] НСБ РГИА. Ревизия сенатора И. Шамшина Саратовской и Самарской губерний. Л. 23–24.

на мировую юстицию. Это вело к установлению минимального числа судебно-мировых участков в округе. Следовательно, в каждом уезде работало небольшое количество участковых мировых судей (в Пермской губернии от 3 до 9). Чтобы облегчить финансовую нагрузку земских налогоплательщиков и формально увеличить количество мировых судей в уезде правительство создало институт почетных мировых судей. Они, не получая по закону за свой труд никакого денежного вознаграждения, должны были оказывать ощутимую поддержку судебным структурам. Если у земских собраний возникали какие-либо проблемы с содержанием судебно-мировых учреждений или с временным замещением участковых судей, министерство юстиции и Сенат всегда указывали на наличие почетных мировых судей. Это было очень удобно: власти не надо было финансировать мировой суд и в экстренных случаях посылать специальных чиновников для замены умершего или заболевшего участкового судьи. В таких ситуациях с помощью института почетных судей торжествовал принцип «разбирайтесь сами, у вас же есть на кого можно положиться».

Во-вторых, практика показала, что большинство почетных мировых судей не только в Пермской губернии, но и на всей территории Российской империи совершенно не принимали участие в судопроизводстве и были «свадебными генералами» мировой юстиции. Определенные законом обязанности участия в деятельности окружного суда, съездах мировых судей и замены в экстренных ситуациях участковых мировых судей выполнялись почетными судьями крайне редко. Случаев обращения истцов и ответчиков к их прямому посредничеству нами не было выявлено вообще. Непродуманная организация института почетных судей вела к срывам работы окружных судов, съездов мировых судей и отдельных судебных участков, что вело к замедлению судопроизводства, а следовательно, к критике всей пореформенной судебной системы.

В-третьих, общественность, практикующие юристы и публицисты с самого начала проведения судебной реформы 1864 г. требовали от правительства реформировать институт почетных мировых судей, так как видели, что многие проблемы российской мировой юстиции исходят от этого судебного учреждения. Однако Сенат издавал только указы о «возможности» привлечения почетных судей к дисциплинарной ответственности за неисполнение обязанностей. Бюрократизированный и неповоротливый правительственный аппарат, видя бездействие почетных судей, даже не попытался усовершенствовать организационные начала этого судебного института. Все прекрасно понимали, что сложно было найти «чудака», который за свой счет приехал бы в уездный город на заседание съезда мировых судей или окружного суда за несколько десятков километров для осуществления правосудия, или совершенно бесплатно замещал бы заболевшего участкового мирового судью. Такие общественные работы могли себе позволить только богатые и не очень занятые люди. Строгий законодательный запрет оплаты труда почетных судей мешал полноценному включению их в судопроизводство. Складывается впечатление, что власть вполне устраивало такое положение, ведь почетные судьи не были ликвидированы после фактического упразднения мировой юстиции по всей стране.

В-четвертых, в результате отсутствия со стороны правительства каких-либо действий по улучшению организации этого судебного учреждения, гласные уезд-

ных земских собраний Пермской губернии начали смотреть на эту судебную должность как на почетное звание, которое можно присваивать всем заслужившим уважение и доверие лицам, не требуя взамен кропотливой работы на благо всего общества. Иногда в земских собраниях складывался формальный подход: избирали многих, «авось кто-нибудь будет трудиться». Не было строго конкурсного отбора кандидатов в почетные мировые судьи. В Пермской губернии почетные звания получали сами гласные, члены уездных земских и губернских управ, мелкие и средние чиновники, заводовладельцы, торговцы, врачи и др. Все эти обычно занятые люди тоже видели в своем избрании только почет, оказанный им местным обществом. Никто из них не предполагал дополнительно работать в должности судьи.

В-пятых, чтобы институт почетных мировых судей не вызывал сомнений в необходимости своего существования, требовались конкретные действия: либо четкое указание на то, что каждый почетный мировой судья носит только почетное звание и не имеет больше никаких обязательств, связанных с судопроизводством, либо реформирование этого судебного учреждения на началах экономической заинтересованности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Анциферов Д. 1883: Наблюдения над уголовной практикой нашей провинциальной мировой юстиции // Юридический вестник. 1, 111–144.

Боева Г.А. 2008: Особенности организации и деятельности мировой юстиции в Российской империи по уставам 1864 г. (на примере Симбирской губернии): дис. … канд. юрид. наук. Самара.

Виленский Б.В. 1969: Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов.

Воробейкова Т.У. Дубровина А.Б. 1973: Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX в. Киев.

Галай Ю.Г. 1980: Российская администрация и суд во второй половине XIX в. (1866–1879 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Минск.

Гольмстен А. 1890: Почетные мировые судьи в местностях, где введено положение о земских начальниках // Журнал гражданского и уголовного права. 7, 44–51

Городыский Я. 1899: Причины недостатков нашего выборного мирового института // Право. 45, 2117–2134.

Дерюжинский К. 1909: Местный суд. Восстановление выборного мирового суда, применительно к законодательным предположениям третьей государственной думы. М.

Доклады Екатеринбургской уездной земской управы XV очередному земскому собранию. 1885. Екатеринбург.

Дунаев И.И. 2003: Институт мировых судей нижегородской губернии во второй половине XIX — начале XX века (по материалам нижегородской губернии): дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород.

Ерошкин Н.П. 1983: История государственных учреждений дореволюционной России. М.

Журналы II чрезвычайного Кунгурского уездного земского собрания с докладами управы. 1874. Вятка.

Журналы III чрезвычайного и V очередного Соликамских земских собраний. 1875. Ирбит.

Журналы III чрезвычайного Красноуфимского уездного земского собрания. 1874. Екатеринбург.

Журналы V очередного Кунгурского уездного земского собрания. 1875. Т. 2. Вятка.

Журналы V очередного Пермского уездного земского собрания. 1875. Пермь.

Журналы VI очередного Осинского уездного земского собрания. 1876. Сарапул.

Журналы XI, XII и XIII чрезвычайных сессий Екатеринбургского уездного земского собрания. 1888. Екатеринбург.

Журналы XII очередного Верхотурского уездного земского собрания. 1882. Пермь.

Журналы XIII очередного Верхотурского уездного земского собрания. 1883. Пермь.

Журналы XIII очередного Камышловского уездного земского собрания. 1883. Камышлов.

Журналы XIX очередного Верхотурского уездного земского собрания. 1889. Пермь.

Журналы XV очередного Верхотурского уездного земского собрания. 1885. Пермь.

Журналы XXII очередного Верхотурского уездного земского собрания. 1892. Пермь.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии. 1879. Екатеринбург.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания V очередной сессии. 1875. Екатеринбург.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания VI очередной сессии. 1876. Екатеринбург.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания X очередной сессии. 1880. Екатеринбург.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XVIII очередной сессии. 1888. Екатеринбург.

Журналы V очередного Ирбитского уездного земского собрания и доклады Ирбитской уездной земской управы. 1874. Ирбит.

Закревский И. 1882: О желательных изменениях в Судебных уставах // Журнал гражданского и уголовного права. 2, 17–57.

Заметки мирового судьи о Судебных уставах // Весть. 1869. 121, 3–4.

К вопросу о почетных мировых судьях // Киевлянин. 1880. 257, 1–2.

Кони А. Ф. 1966: Собрание сочинений. Из записок судебного деятеля. М.

Контроль над почтенными судьями // Слово. 1880. 7, 160–164.

Лонская С. В. 1998: Мировой суд в России (1864–1917): историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Калининград.

Мокринский С. 1914: Выборный мировой суд // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг. 1–64.

Петроградский мировой суд за пятьдесят лет (1866–1916). 1916. Т.1. Пг.

По вопросу о замене образовательного ценза для лиц, избираемых в мировые судьи трехлетней службой в должностях участкового или почетного мирового судьи // Сборник Пермского земства. 1880. 5–6, 8–12.

Положение «О земских участковых начальниках» // Сборник Пермского земства. 1889. 5, 13.

Полянский Н. Н. 1915: Мировой суд // Судебная реформа 1864–1914 гг. / Н. Н. Полянский, Н. В. Давыдов (ред.). Т. 2. М., 172–291.

ПСЗРИ-2. Отделение второе. 1867. Т. 40. СПб.

ПСЗРИ-2. Отделение второе. 1867, Т. 39. СПб.

СЗРИ. 1876. Т. 2. СПб.

Систематический сборник постановлений Пермского губернского земского собрания за 1870–1879 гг. 1880. Пермь.

Смирнова Я. Б. 2003: Становление и развитие института мировых судей в России в свете судебной реформы 1864 г.: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь.

Список почетных и участковых мировых судей Пермской губернии // Сборник Пермского земства. 1873. 11–12, 1054–1057.

Список участковых и почетных мировых судей в Пермской губернии к 1 января 1885 г. // *Сборник Пермского земства.* 1885. 5, 138–139.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. 1867. Ч. 3. СПб.

Ткачев Н. 1862: Мировой суд // Время. 11, 73–87.

Трофимова Н. Н. 2004: Мировая юстиция центрально-промышленного района России в 1864–1889 гг.: генезис, региональные особенности судоустройства и деятельности: дис. … канд. юрид. наук. Владимир.

Шутило О. В. 2006: Становление и модернизация мировой юстиции в России (вторая половина XIX — начало XX в.): историко-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Саратов.

PERMSKAYA GUBERNIYA HONORABLE MAGISTRATES IN 1870–1880 (ORGANIZATION AND PRACTICE)

I. A. Popp

It is the first paper dealing with organization, social composition, and practice of honorable magistrates in a guberniya (province) of vast Russian empire. Using regional material as the base the article attempts to reveal facts and causes of magistrates “inaction”, their influence on the legal proceeding in magistrate court. Representative sources analysis makes it possible to conclude that it was essential to reform honorable magistrate court on commercial interest basis.

Key words: Honorable and district magistrates, court reform of 1864, lay justice, Permskaya guberniya (province), zemstvo meetings.

© 2010

А. В. Литягина

АЛКОГОЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В статье показаны противоречивая политика царского правительства в сфере торговли алкоголем, рост питейных заведений в городах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв., размеры потребления алкогольных напитков, проблема пьянства и попытки борьбы с ним. Автор статьи характеризует существенную сторону быта и образа жизни людей в регионе в рассматриваемую эпоху.

Ключевые слова: история России, Западная Сибирь, питейные заведения, борьба с алкоголизмом.

История русского народа с незапамятных времен неразрывно связана с такой формой общения и решения дел, при которой обязательным атрибутом является употребление спиртного, возведенного в важный ритуал всей церемонии, способный во многих случаях перейти в ее центр и стержень. Исследователи русского быта отмечают большую роль в публичной жизни всевозможных застолий. Н. И. Костомаров писал о пирах как о «обыкновенной форме общественного сближения людей» в XVI–XVII столетиях[1]. Он же указывал, что «при любви народа к попойкам» все же до введения кабаков, когда правительство сделало «пьянство статьей государственного дохода, охота пить в русском народе не дошла еще до такого поразительного объема, как впоследствии»[2].

Исследователь И. Г. Прыжов также писал о значении действий высшей власти в сфере питейного дела для общественной нравственности и народного благосостояния[3]. С 1795 г. окончательно утвердилась откупная система по всей империи. В губерниях распространилась продажа водки в казенных питейных домах, усилилось пьянство. К середине XIX в. правительство все чаще стало обращать внимание на падение питейных доходов, воровство чиновников, развращение народа. В конце концов, итогом попыток усовершенствовать откупную систему явилась ее отмена в 1861 г. Вместо этого была введена акцизная продажа вина. В 1865 г. была учреждена комиссия для пересмотра правил о торговле крепкими напитками с целью ограничения пьянства в народе и выработан ряд правил: 1. Оптовая продажа питей допускается повсеместно без всякого разрешения; 2. Все места раздробительной продажи, в том числе и на вынос, с небольшими исключениями, в городах могут быть открываемы не иначе, как с разрешения общества, владельцев земель, городских учреждений и других ведомств; 3. Должно быть обращено строгое внимание на личность виноторговцев, от которых требуется полная благонадежность; 4. Патенты на питейную продажу выдать только годовые, с возвышением цены оных, по мнению некоторых членов комиссии; 5. Увеличить установленное расстояние питейных заведений от сельских церквей и ввести в за-

[1] Костомаров 1995, 109.
[2] Там же, 114–115.
[3] Прыжов 1992.

конодательство некоторые другие учреждения, близ которых не может быть терпима продажа; 6. Определить ближе внешнее устройство питейных заведений, не допуская в оных никакой мебели, кроме полов и стойки; 7. Допустить в питейных заведениях продажу известного качества холодных закусок.[4]

После введения акцизной продажи спиртных напитков быстро стало расти число питейных заведений. В 1863 г. их число в России достигло 265 369 по сравнению с 78 тысячами в дореформенное время[5]. Согласно существовавшим правилам, продажа крепких напитков производилась распивочно и на вынос в питейных дома, водочных магазинах, временных выставках, корчмах, духанах, портерных и штофных лавках, погребах русских виноградных вин, ренсковых погребах — при наличии у хозяев патентов на оба вида торговли. Только на вынос торговали спиртным в ренсковых погребах в том случае, если их владельцы не выкупили патента на распивочную продажу. Исключительно распивочная торговля велась в трактирных заведениях, различного рода буфетах, на постоялых дворах и в станционных и заезжих домах. И. В. Курукин, Е. А. Никулина в своих очерках о повседневной жизни русского кабака с сожалением констатировали, что процесс создания провинциального гражданского общества в стране надолго остановился на «кабацкой» стадии при недостаточном развитии сети различных социально полезных учреждений.[6] Представители зарубежной историографии также утверждали, что именно кабак являлся центром формирования гражданского общества в дореволюционной России. Так, А. В. Кимбалл в своей статье рассматривал такое российское явление второй половины XIX в., как кабак. Анализировались его разнообразные социальные функции, светлые и темные стороны. Источниковой основой работы послужили анкеты князя В. Тенишева, описывавшие различные аспекты жизни русской деревни II половины XIX в. Именно в кабаке осуществлялись неформальные связи как различных групп крестьянства, так и крестьян, купцов, дворянства и властей. Они отслеживались полицией, которая боялась появления альтернативных официальным центров формирования общественного мнения. Именно кабак, по мнению А. Кимбалла, был более удачной моделью гражданского общества по сравнению с менее открытыми общественными организациями[7].

Действительно, трактиры, а затем и появившиеся в начале XX в. рестораны служили не только местом отдыха и общения для различных сословий, но и территорией для заключения деловых соглашений, обсуждения новостей. Несомненно, они являлись существенным элементом провинциальной публичной жизни, своего рода центром социальных контактов. Однако, в отличие от сельской местности, где кабак мог быть единственным, кроме церкви, общественным местом, в городах все же на питейные заведения не падало такое плотное соединение общественных функций, так как существовали уже и театры, и общественные собрания, и различные сословные и другие корпоративные организации, поэтому городские трактиры больше выполняли свои специфические функции: встреч, отдыха и общения. Причем отдых в одних случаях мог быть культурный и прилич-

[4] Прыжов 1992, 254–255.
[5] Курукин, Никулина 2007, 290.
[6] Там же, 303.
[7] Кимбалл 2004, 138, 146.

ный, в других — отнюдь нет, в зависимости от традиций конкретного заведения. Как справедливо утверждает Е. А. Дегальцева, «вряд ли все тогдашнее общество (особенно быстро меняющееся городское) полноценно могло выразить свои интересы и потребности в кабаке»[8].

В середине XIX в. в Западно-Сибирских городах насчитывалось 114 питейных домов и 9 трактиров. Наибольшее их количество было в Тобольске, Томске, Тюмени, Барнауле и Омске — более заметных на то время городских поселений региона, губернских и торгово-промышленных центров[9].

В 1863 г. была введена акцизная система виноторговли взамен откупной, и сеть питейных заведений стала быстро расти. Даже на Алтае, где развитие винокурения вплоть до введения винной казенной монополии искусственно сдерживалось, интерес предпринимателей к производству и продаже алкогольных напитков был очень высок. Так, в Барнауле в 1890 г. обороты виноторговых заведений составили 472,1 тыс. руб., в Бийске в 1899 г. — 0,5 млн руб. при 40 различных заведений, торгующих спиртными напитками[10]. В отличие от Европейской России, в Сибири и в конце XIX в. по-прежнему оставалось в силе «Положение о питейном сборе», принятое 4 июля 1861 г. и в соответствии с законом от 26 октября 1860 г. определявшего принципы управления алкогольным рынком, ориентированные на свободную торговлю. Наиболее выгодной ее формой являлась распивочная, а самым распространенным типом торгового заведения — кабак[11].

К началу XX в. во всех городах Западной Сибири доходы от питейных заведений были значительными. В 1901 г. доля таковых в совокупном бюджете городов Томской губ. составила 5 %[12]. По Мариинску — 10 % (самый высокий удельный вес). Причем, вполне возможно, что реальная цифра доходов по данной статье могла быть и выше, если бы думы заботились о поступлении недоимок. Так, в Бийске в 1894 г. из списков городских избирателей были исключены содержатели питейных заведений Федюшин, Платонов, Гусин, торговый дом Плещеев и к., Рыбаков, Пастухова и Яновский как должники по уплате налога[13].

Однако даже с учетом недоимок, думы нередко имели доход от трактирного промысла больше, чем планировали по смете. Год от года поступления по данной статье увеличивались. В Томске в 1897 г. планировали получить налога с питейных заведений 16 115 руб., реально же собрали на 5 227 руб. больше.[14] В Барнауле в этом же году — на 820 руб. более запланированного; в 1908 г. решено было собрать с заведений, торгующих крепкими напитками, на 1200 руб. больше, чем год назад[15].

Всевозможные питейные заведения являлись частью привычного социокультурного облика городов. Их количество было значительным и имело тенденцию к росту. В конце XIX в. в Тюмени насчитывалось 28 трактирных и тому подобных

[8] Дегальцева 2005, 137.

[9] Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи в статистическом отделении совета министерства внутренних дел. 1852, 30-31.

[10] Скубневский, Старцев, Гончаров 2001, 106, 107.

[11] ПСЗ II. Т. XXXVI. № 37197, Такала 2002, 92, 94, 98.

[12] Отчет о денежных оборотах городских касс за 1901–1904, 64–65.

[13] ЦХАФАК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 26. Л. 131.

[14] Отчет томской городской управы за 1897 г. 1898, 12, 18.

[15] ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6. Л. 276–276 об.

заведений, 38 постоялых дворов.[16] В Барнауле имелось шесть заведений с продажей крепких спиртных напитков (три гостиницы, одна харчевня, два буфета) и 31 заведение без продажи крепких напитков (две «меблированные комнаты», пять столовых и 24 постоялых двора).[17]

В начале XX в. в питейном деле происходят изменения, связанные с введением казенной винной монополии. В Тобольской губернии в городах возникает 46 казенных винных лавок и складов, наибольшее количество их — в Тюмени (13). Продажа спиртного производилась также на постоялых дворах, которых множество имелось в Тобольске и Тюмени. В маленьких городках в документе или вообще не указывается наличие центра продажи спиртного, или имелись только казенные винные лавки и склады[18].

В Западной Сибири «Положение о казенной продаже питей», утвержденное 6 июня 1894 г., и царским указом от 11 июля и 9 декабря того же года, вводилось с 1 июля 1902 г. С этого времени вступала здесь в силу казенная винная монополия как одна из форм взимания косвенного государственного налога. Продажа спирта, вина и водочных изделий составляла исключительное право государства. Местами продажи стали специальные казенные заведения — склады и винные лавки, которые в народе сразу же окрестили «монополькими» и «казенками».[19] Реформа не касалась изготовления и продажи пива, портера, браги и виноградного вина, они по-прежнему облагались налогом. Частные лица могли содержать оптовые склады и погреба для продажи пива, меда, русских виноградных вин, заведения трактирного промысла, пивные лавки, ренсковые погреба, временные выставки. На торговлю в трактирах спиртом, вином и водочными изделиями (на вынос и в розлив) требовалось специальное разрешение акцизного управления, приобретать эти напитки хозяин заведения мог исключительно в местах казенной продажи питей. Торговля спиртным на тех же условиях осуществлялась и в ресторанах, буфетах, а также в некоторых бакалейных и фруктовых лавках. Допускалась и комиссионная продажа казенной водки частными лицами, получившими на это право. И. Р. Такала приводит данные, что в 1913 г. такого рода винных лавок было столько же, сколько и казенных — 25299[20]. Склады и лавки торговали спиртным исключительно на вынос, только в запечатанной и обандероленной посуде емкостью от 1/200 ведра и выше. Казенные вино и спирт должны были отпускаться покупателям по цене, напечатанной на этикетке, в которую входила и стоимость посуды. Согласно «Правилам для торговли питьями в казенных винных лавках» (от 1895 г.), отпускать напитки можно было только за наличные деньги, строго запрещалась продажа в долг, обмен или под залог. Торговля спиртным в будние дни должна была производиться с 7 часов утра до 10 часов вечера в селениях и до 11 вечера — в городах. В воскресные и праздничные дни торговля разрешалась с 11 часов утра или по окончании литургии. Продажа спиртного запрещалась во время крестных ходов, в период работы волостных и сельских сходов и разбирательств дел в волостных судах. Определялись правила поведения поку-

[16] Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) 1995, 162.

[17] Барнаульская городская дума 1877–1996 1999, 46.

[18] Список населенных мест Тобольской губ. 1904, I – VII.

[19] ПСЗ III. Т. XIV. № 10766. Такала 2002, 103, 104.

[20] Такала 2002, 104.

пателей и продавцов винных лавок. Покупатели в лавке должны были вести себя благопристойно, купленные бутылки нельзя было раскупоривать в лавке и «даже просить у продавца штопоров, гвоздей и других приспособлений для раскупоривания». Продолжали действовать и торговые правила, внесенные в Устав о питейном сборе в 1885–1886 гг. (запрет продавать спиртные напитки в определенных местах, малолетним, пьяным и т.д.)[21].

В обзоре Томской губ. за 1912 г. констатировалась успешная торговля казенных винных лавок; было отмечено, продано было казенного вина в 1912 г. больше на 2 832 723 руб., чем в 1911 г.[22] Наибольшее количество среди заведений по продаже спиртного занимали пивные лавки (262 в 1912 г.). Далее шли ренсковые погреба (62 заведения), затем — буфеты (55), трактиры и казенные винные лавки (48 и 47 соответственно). Оптовых складов пива и меда насчитывалось 20, погребов для продажи русских вин — 7.

О том, насколько развитой стала сеть подобных заведений в самом крупном по численности населения сибирском городе Омске, можно судить по следующим данным.

В 1911 г. в центре Акмолинской области наибольшее число среди заведений с продажей крепких спиртных напитков составляли пивные лавки (126), однако по торговым оборотам на первом месте находились винные казенные лавки (523 тыс. руб.), которых было 19. Имелись также постоялые дворы (38), ренсковые погреба (37), меблированные комнаты (14), трактиры (9), рестораны (8), харчевни (5), гостиницы (4), столовые (3)[23]. Как видим, в бурно развивающемся сибирском центре, в котором численность населения в эти годы вышла на первое место среди всех городов Сибири, имелось разнообразие заведений по продаже алкогольных напитков.

Думы периодически издавали постановления о правилах содержания питейных заведений. В разных городах они были различными, и можно увидеть, что волновало руководителей города в первую очередь. Дума Тобольска в 1893 г. приняла постановление всего из девяти пунктов, из которых следовало, что владельцам трактиров и постоялых дворов не запрещалось по их усмотрению иметь какое угодно внутреннее устройство помещений с любой мебелью, открывать в любом месте города такое, за исключением пяти предместий и не рядом с церквями (ничего не говорилось об учебных заведениях), впускать в заведения людей любых возрастов и состояний.[24] В Барнауле в 1907 г. были приняты обязательные постановления по устройству и содержанию пивных, состоящие из 21 пункта, подробно предусматривающие внутреннее и внешнее состояние этих питейных заведений. Оговаривалось, в частности, что эти заведения не могут быть устраиваемы в подвале, комнаты должны быть смежными и не иметь дверей, иметь хорошее освещение и вентиляцию, приличные отхожие места, косметический ремонт, только определенную мебель и т.п. Женская прислуга не допускалась. Содержатель заведения обязан был следить за порядком и благочинием заведения, не впускать

[21] Такала 2002, 105.

[22] Обзор Томской губ за 1912 г. 1914, 30.

[23] Обзор Акмолинской области за 1911 г. 1912, Ведомость № 10.

[24] Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) 1995, 175-176.

нижних воинских чинов, воспитанников нижних и средних учебных заведений, малолетних[25].

Не все заявления желающих открыть питейное заведение в городе в выбранном месте получали положительное решение думы. Городские власти внимательно относились к подобным просьбам, особенно в начале XX в. Так, мещанину Туеву в его просьбе разрешить открыть трактир в доме Карпова по Гоголевской улице было отказано в связи с близостью данного дома к реальному училищу[26].

Об алкоголе в жизни российских горожан сохранилось множество рассказов и воспоминаний. Зарубежная исследовательница Б. Энгель пишет, что никто успешно не вычислил пропорцию мужчин рабочего класса, которые серьезно злоупотребляли алкоголем. Но любой, кто читает мемуары рабочего класса, не может не быть поражен тем, как часто пьяные отцы или их товарищи фигурируют в рассказах, и огромным ущербом, нанесенным семьям тех, кто пил. Энгель приводит воспоминания одной текстильной работницы, которая отмечала, что ее отец был трудолюбивым рабочим и доброжелательным, гостеприимным человеком, но чрезмерно любящим бутылку. Его многодневные запои заканчиваясь только тогда, когда он расходовал не только собственную заработную плату, но и зарплату матери, так, что семья не имела ничего, чтобы поесть до того, как мать займет денег у кого-нибудь под будущую зарплату. Автор приводит и другой пример, достаточно распространенный для той эпохи и среды, когда семья московского сапожника из-за его пристрастия к алкоголю существовала прежде всего на хлебе и воде. Сын этого сапожника вспоминал, что время, когда отец был трезв, семья рассматривала как праздник, потому что не было ссор и скандалов и питание семьи улучшалось[27].

Есть свидетельства о пьянстве в быту в городах Западной Сибири и в архивных источниках. Впрочем, существующие связаны лишь с тем, что нетрезвые горожане нарушали общественный порядок, вступали в конфликт с окружающими, и поэтому дела о них появились как жалобы других горожан на нарушителей общественных норм поведения. Так, в 1889 г. тобольский губернатор запрашивал полицмейстера о достоверности дошедших до него сведений об устроившем на пристани скандал пьяном помощнике пристава второй частной управы г.Тобольска Подчивалова, который «едва держась на ногах», стал размахивать шашкой, не внемля предложению капитана парохода не вмешиваться в его распоряжения по передвижению баржи, и был, наконец, уведен с пристани каким-то другим помощником пристава[28].

В изученных нами многочисленных делах фондов Томской и Тобольской консистории содержатся характеристики священников, их образовательного уровня, семейного положения; послужной список. Особенно это характерно для клировых ведомостей Тобольской губернии. В целом, характеристики носят положительный характер. Фактов неблаговидного поведения городских священников, пьянства, злоупотреблений ими по службе нам встретилось очень мало. Так, можем назвать из ведомости о лицах, находившихся на эпитимии в монастырях Тобольской епар-

[25] Барнаульская городская дума 1877-1996 1999, 75-77.
[26] ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6. Л. 224.
[27] Engel 1994, 233.
[28] ГУТО «ГАТ». Ф. 1. Оп. 1. Д. 813. Л. 242.

хии за 1908 г., только лиц низшего сана, 2-х псаломщиков из церквей г. Тюмени, осужденных первый на 2 и второй — на 1 месяц за участие в богослужении в нетрезвом виде.[29]

Разумеется, распространение пьянства имело место в сибирских городах, как и в других российских регионах.

Подтверждением этому мы находим в мемуарах. В записках сибирского приказчика П. Ф. Кочнева говорится о пьянстве как об обычном, распространенном явлении в сфере пароходства среди служащих, рабочих и матросов[30]. Кроме того, описывая окружавших мемуариста в разные годы людей, П. Ф. Кочнев очень часто пишет о людях, любивших выпить, иногда о «горьких пьяницах»[31]. Из свидетельств следует, что страдающие алкоголизмом люди были тяжелым испытанием для своей семьи. «Дьякон … приходил домой всегда пьяным. Дома же еще просил у жены денег на вино, она, конечно, денег ему не давала. Тогда он уходил без денег и приходил обратно без нижнего белья, в одном подряснике. В кабаках тогда принимали всякие вещи в заклад за вино, и вот пока было белье, жена его одевала, а потом, когда не стало, тогда жена егшо стала ходить по кабакам и выкупать его белье. Так она и мучилась с ним дни и ночи»[32]. Современник упоминает о трагических последствиях для самих алкоголиков: «Козьма Иванович умер в 1872 году или годом позже — сгорел с вина. … Николай … замерз в пьяном виде зимой на улице зимой в 1877 г.». «Дарья Наумовна хворала много лет. У нее была язва желудка. До появления этой болезни она пила много водки, запоем …»[33]. Одну из причин пьянства современники называли «здешний суровый климат и недостаток развлечения».

Устная народная история также донесла до нас воспоминания о пьяных кутежах, загулах представителей разных слоев населения: и из купцов, и из мещан, и из чиновников. Благодаря краеведческой деятельности бийского историка Б. Х. Кадикова, до нас дошла история о сыне крупного бийского купца М. Сычеве, который, оставшись холостяком, «пустился во все тяжкие, попросту загулял. … Пожалуй, самым грандиозным разделом его «программы» были выступления в номерах Макарова, самой фешенебельной по тем временам гостиницей с прекрасным рестораном, с шансонетками, с оркестром. Новый год Миша предпочитал встречать в Бийске, именно в номерах Макарова. Когда хозяин узнавал, что Миша приехал в город, он давал распоряжение своим столярам заменить мебель на старую: «Мишка прийдет, гулять будет». Макаров уже знал, что, напившись, Миша начинал крушить мебель, особенно доставалось зеркалам: он всегда разбивал их вдребезги»[34]. Также Б. Х. Кадиков донес рассказ о некоем Марке Сурикове, который «одно время служил в полиции, а потом выгнанный оттуда за пьянку, перешел в разряд грузчиков и, окончательно опустившись, превратился в местного амбала-забулдыгу. Марк обладал недюжинной силой и любил с друзьями «пофокусничать». Он, например, мог опрокинуть трехлитровый бутыль абсолютно не утруждая себя глотанием — водка свободно текла из бутылки в горло, это при-

[29] ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 18. Д. 634. Л. 53об., 54.
[30] Кочнев 2006, 84.
[31] Там же, 108, 112, 113 и т.д.
[32] Там же, 54.
[33] Там же, 108, 269.
[34] Кадиков 1, 1997. 46, 48.

водило в восторг собутыльников. Они всегда просили: «Марк, ну Марк, покажи, как ты из четверти пьешь»[35]. От Б. Х. Кадикова мы также знаем о судьбе Вани Рыбакова, сыне владельца бийского спиртзавода, который «окончательно спился, а когда после революции у него конфисковали спиртзавод и дом, остался нищим и был вынужден ютиться приживалкой у одного из своих рабочих. Говорят, его часто можно было видеть на берегу реки, где работали бригады плотников. И когда он подходил к работающим, они всегда наливали ему рюмочку. Бывало и так, что прежде чем налить, говорили: «На-к вот. А угадаешь, чья самогонка, — еще нальем!» И Ваня чаще всего угадывал: по части спиртного дегустатор он был отменный. Восхищенные мастеровые наливали ему еще и еще. Так он пил, пока не умер на берегу реки от обильных возлияний. Его нашли укрытого рогожей, скорее всего, не выдержало и остановилось сердце»[36].

В изданных воспоминаниях и мемуарах также встречается множество упоминаний о людях, у которых спиртное стало частью жизни. Например, Н. М. Чукмалдин вспоминал о некоем музыканте из Тюмени, за что-то туда сосланным, который страдал запоями. «И лишь временами стал я заходить к Васильеву слушать его артистическую игру, пока не узнал однажды, что мой артист во время приступа запоя отдал Богу душу»[37].

Нередко разные бытовые истории были связаны с возлиянием спиртного в жизни самых разных людей. Пьянство и кутежи являлись одной из характерных черт жизни и быта сибиряков. Причем в определенных случаях можно говорить уже о соответственном образе жизни потребителей алкоголя, так как последний стал для них не просто методом выхода за пределы повседневности, а тяжелой болезнью.

Русская православная церковь постоянно призывала народ к ведению трезвого образа жизни. 5–8 июля 1885 г. состоялось собрание преосвященных архиереев в Казани. На нем в ряду прочих вопросов обсуждалось и религиозно-нравственное состоянии паствы. Наряду с проявлениями веры и благочестия в принятом собранием документе были отмечены и «многие важные недостатки»: « … Между выдающимися пороками в жизни его обращает на себя особенное внимание пьянство, часто доводящее домашнее хозяйство до совершенного расстройства, сквернословие, семейные раздоры, грубость нравов, проявляющее в буйствах, драках, в жестоком обращении мужей с женами, родителей с детьми и проч.»[38] Был выработан ряд мер, которые предполагалось осуществлять во всех епархиях и благочиниях. Рекомендовалось улучшение текста проповедей священников, чтение их в виде систематических бесед по насущным вопросам веры и нравственности, проведения публичных чтений богословско-философского и апологетического содержания, духовно-нравственных бесед в домах благочестивых лиц образованного общества. Обращалось внимание на воспитание молодого поколения.[39] Собрание преосвященных призвало также всеми мерами бороться с пьянством, устраивать общества трезвости, стремиться к тому, чтобы

[35] Кадиков 2, 1997, 43.
[36] Там же, 1, 53.
[37] Чукмалдин 1997, 111.
[38] ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 11. Д. 1461. Л. 6.
[39] ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 11. Д. 1461. Л. 7.

«в воскресные и праздничные дни двери увеселительных заведений и мест пьяных сборищ были закрыты, а двери храмов Божьих — открыты».[40]

10 августа 1889 г. вышел указ Св. Синода «о возможных со стороны духовного ведомства мерах в видах содействия правительству по искоренению в народе пьянства». В 1892 г. из Томской духовной консистории в благочиния были разосланы дополнительные распоряжения на эту тему: «1. Еще подтвердить духовенству воздерживаться от спиртных напитков и личной жизнью подавать добрый пример своим прихожанам, 2. Усилить проповедование слова Божия и неопустительно вести внебогослужебные собеседования в храмах, школах, а в зимние вечера — по домам прихожан и на этих собеседованиях возможно чаще проводить мысль о вреде пьянства, 3. Склонять прихожан к открытию обществ трезвости по возможности во всех деревнях и селах, 4. Учреждать при церквях и школах библиотеки, которые между прочим снабжать книгами и брошюрами о вреде пьянства, при чем дешевые из них приобретать на кошельковые суммы или пожертвования и раздавать народу. … 5. Заботиться о возможно большем открытии церковных попечительств, при чем членами их избирать по преимуществу людей трезвых, нравственных, пользующихся уважением в среде своих обществ, которые силою своего слова и собственным примером могли бы влиять на людей, предающихся пьянству. 6. Объявить церковно-приходским попечительствам и обществам трезвости 45 статью закона 11 мая 1885 г., коей предоставлено им право заявлять акцизному надзору о неправильной торговле спиртными напитками, 7. Всеми мерами стараться об искоренении попоек в престольные праздники, при семейных торжествах и на общественных сходах; в случае нужды обращаться к местным властям с просьбой обратить строгое внимание на то, чтобы волостные и сельские начальства имели должное наблюдение за недопущением попек на мирских сходах, и чтобы сходы во время Богослужения в праздники не созывались, с привлечением виновных к ответственности по закону»[41]. Хотя в данном документе обращается внимание прежде всего на сельскую местность, однако и для городов такая политика была характерна.

Рекомендовалось пополнять библиотеки брошюрами, а также раздавать народу наиболее дешевые из книг, осуждающих пьянство, которые имелись в томском книжном магазине Михайлова и Макушина, следующего названия: «Грех и безумие пьянства» (33 с., 1,5 коп.), «Речь против пьянства» (69 с., 3 коп.), «Пора опомниться! О вреде спиртных напитков». (36 с., 1,5 коп), «Вино для человека и его потомства яд». (35 с.), «Чем помочь современному горю? Как остановить пьянство?» (30 с., 1,5 коп.), «О вреде употребления крепких напитков» (105 с., 5 коп.), «Вино. Рассказ крестьянина Семенова» (36 с., 1,5 коп.), «Советы молодым людям о трезвости» (36 с., 1,5 коп.), «О пьянстве и других худых привычках» (72 с., 1,5 коп.) и т. п.[42]

Священники в своих проповедях призывали население вести трезвый образ жизни, бороться с пьянством. Так, в Туринске в ночь на 1 января 1914 г. священник Градо-Туринской Сретенской церкви Н. Булдыгин произнес после молебна

[40] ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 11. Д. 1461. Л. 7 об.
[41] ЦХАФАК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 198. Л. 245.
[42] ЦХАФАК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 198. Л. 245.

проповедь, им самим составленную, осуждающую пьянство и высказал пример, компрометирующий местных чинов полиции.[43]

С введением казенной продажи питей учреждались попечительства о народной трезвости, состоящие в ведении министерства финансов по департаменту неокладных сборов. В правительстве все же понимали серьезность цены в национальных масштабах за получение максимального дохода в казну от продажи алкогольных напитков.

На территории Западной Сибири в 1906 г. находилось примерно около 3 % всех российских комитетов попечительств о народной трезвости, в том числе в Тобольской губ. — 11, из них один в городе, в Томской — 8 и 1 соответственно[44].

Деятельность городских и сельских Западно-Сибирских попечительств в целом проанализировала Г. А. Бочанова. Исследовательница, сравнив показатели с общероссийскими данными, пришла к выводу, что деятельность попечительств о народной трезвости Томской и Тобольской губ. уступала общероссийской в период с 1906 по 1912 г. по охвату населения народными чтениями, обучению в воскресных и вечерних классах, техническому оснащению лекций. В среднем по попечительствам о народной трезвости России в 1906 г. на одно народное чтение приходилось 116 посетителей, в Тобольской и Томской губ., вместе взятых, 55,2, на один воскресный и вечерний класс — 48,6 и 21,5 слушателей соответственно, на один «фонарь» — 9,7 и 5,2 световых картин соответственно[45]. Сибирским попечительствам не хватало финансовых средств, собственных помещений для проведения просветительских мероприятий, лекторов. В значительной степени деятельность сибирских попечительств осложнялась бездорожьем, огромными просторами и малонаселенностью края.

К 1913 г. в работе попечительств о народной трезвости Западной Сибири наблюдались заметные изменения. Сократилась работа по организации чайных, воскресных и вечерних классов, уменьшилось количество фонарей и картин. Зато активизировалась деятельность по созданию библиотек и читален, особенно в Томской губ. (с 29 в 1906 г. до 49 в 1912 г.), количество чтений о вреде алкоголя возросло более чем в 40 раз и достигло 61 % от общего числа чтений, устроенных попечительствами о народной трезвости в Томской губернии[46].

Среди общественности возникали серьезные споры относительно способов борьбы с алкоголизмом, методов организации работы. Духовные и светские лица порой расходились во взглядах на содержание народных чтений и культурной программы устраиваемых мероприятий. Так, в Бийске священник Акулов обвинял членов общества попечения о начальном образовании в недостаточной серьезности проводимых мероприятий, в непривлечении священнослужителей к чтениям, в чрезмерном использовании музыкальных сопровождений и номеров. Участники чтений не соглашались с такой оценкой. Подполковник А. Калачев написал письмо в газету «Алтай», где категорично возразил священнику в неправильности

[43] ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 18. Д. 1147. Л. 50–60.
[44] Попечительства о народной трезвости в 1906 г. 1908, 18.
[45] Бочанова 2006, 135.
[46] Там же, 133-134.

его оценки, утверждая, что чтение им и другими лекторами рассказов перед собравшимися способствовало отвращению народа от пьянства[47].

Деятельность попечительств о народной трезвости в целом в стране подвергалась большой критике. Постоянными критиками попечительств были земства и врачи. Последние упрекали эти достаточно бюрократические организации в том, что не строились больницы для лечения алкоголизма и не учреждались бюро по трудоустройству безработных[48]. Действительно, на лечение алкоголиков в Западно-Сибирских городах, как и в других городах многих российских регионов, в 1906 г., например, не было потрачено ни рубля[49]. Организации, которые должны были заботиться о народной трезвости, производили массовые средства обслуживания и развлечения без искренней попытки достигнуть индивидуального пьющего. Даже небогатые региональные попечительства были в значительной степени укомплектованы бюрократами, которые вынужденно служили признанно важному, вроде бы, делу, вкладывали минимальную энергию в свою миссию, имели небольшую связь с людьми, страдающими от алкоголизма, своего или своих близких членов семьи, и мало понимали их проблемы.

Согласимся с мнением П. Херлихи, которая охарактеризовала деятельность попечительств (прежде всего столичных) как показную, саморекламную, и лишь в определенной мере «внушительную», так как не было четкой политики в разграничении действительно пьющих с теми, кого к этой категории все же отнести нельзя, а потому не было адекватной эффективной политики по отношению к этой категории населения. (Были также приведены убедительные примеры из источников: упоминалось о словах рабочего из одного обзора, что здание Народного Дома был настолько изящным, что, испытывая недостаток в подходящей одежде, он не мог посетить его, а также о неудобном времени проведения развлечений и другие аргументы оторванности попечительств от тех категорий населения, которые, действительно, нуждались в помощи)[50].

Суждение о том, что борьба с алкоголизмом, по сути, была безадресной, в этом смысле малоэффективной, подтверждается и материалами по Западно-Сибирскому региону. Так, в нашем распоряжении есть рапорты исправников некоторых городов Тобольской губ. о характере просветительской деятельности попечительств о народной трезвости за 1903 г. Исправник из Тюмени сообщал, что деятельность тюменского уездного комитета попечительства о народной трезвости заключалась в следующем: проведение народных чтений о вреде алкоголя с демонстрированием волшебных фонарей, с участием певческих хоров и т.д.; устройство общедоступных спектаклей, литературно-музыкальных утр с целью отвлечения народа от пьянства; содержание чайной-читальни-столовой; субсидирование бесплатной библиотеки общества попечения об учащихся и женской воскресной школы. Исправник из Кургана сообщал, что в отчетном году было дано три спектакля и устроено два народных гуляния, кроме того, проводились народные чтения в помещении дамского попечительского общества и в Курганском винном складе; комитетом были открыты чайные-читальни в Кургане

[47] Алтай 115, 1913
[48] Herlihy VI, 2002, 34.
[49] Попечительства о народной трезвости в 1906 г. 1908, 18-19.
[50] Herlihy 2002, 32-34.

2 и в уезде — 6. Тобольский исправник заявлял, что деятельность попечительства о народной трезвости в городе осуществляется «в сравнительно слабой форме». В разных частях открыто несколько чайных, выписываются книги, журналы и газеты, для неграмотных устанавливаются чтения с туманными картинами; «однако не все чайные и устраиваемые в них чтения почему-то одинаково с охотою посещаются публикой». Посетителям в чайных за «самую незначительную» плату отпускаются чай, сахар и хлеб, в одной из чайных имеется граммофон. Также в рапорте сообщалось, что попечительством арендуется здание, в котором показывают спектакли, охотно посещаемые публикой. Однако исправник сожалел, что спектакли проводятся редко и «выбор пьес оставляет желать лучшего». И, наконец, отмечалось последнее и положительное мероприятие: организация консультационного бюро, «постоянно осаждаемого темной массой народа»[51]. Как видим, совершенно не анализировались конкретные посетители этих мероприятий, польза, приносимая данными учреждениями борьбе за трезвость.

Вместе с тем, необходимо указать и на полезную функцию попечительств. Эти организации стремились поднять культуру населения. Создание Народных Домов в городах региона, проведение культурно-просветительских мероприятий, открытие чайных и читален, субсидирование библиотек были, наш взгляд, несомненно, позитивным, хотя и недостаточным элементом в борьбе за новый городской трезвый образ жизни.

Несмотря на принятые правительством профилактические меры, количество потребляемой водки в Западной Сибири в начале XX в. весьма заметно превышало среднеимперские показатели. Так, в 1907 г. в России на душу населения приходилось 0,59 ведра, в Тобольской губернии — 2,24 ведра, что почти в 4 раза выше общероссийских показателей, в Акмолинской области — 1,91 ведра, и в Томской губернии — 1,66, что так же, как видим, значительно превышает средние показатели по стране. Однако нельзя сказать, что Западно-Сибирские города потребляли спиртного больше, чем в любых других губерниях. В северных краях, в Архангельской, Вологодской, Новгородской губерниях потребление составляло в 1907 г. от 3,64 до 2,52 ведра на душу населения. Вот Восточная Сибирь, пожалуй, находилась в лидерах потребления, там, например, в Якутской области все в том же взятом нами году выпитой водки на душу городского населения пришлось по 5 ведер. Однако в уездах картина иная. В селах всех вышерассмотренных нами губерний общее количество потребленной водки на душу населения приходилось намного меньше. Если в Тобольской губернии потребление в селах составило 0,60, то в якутских селах — 0,08. Показатели по селам существенно меняют общую картину количества употребленного алкоголя. Однако даже вместе с ними получается, что почти во всех сибирских губерниях как в западных, так и в восточных потребление было больше и общероссийских показателей, и тех северных губерний, которых мы касались выше.[52] Для понимания масштабов алкоголизации населения необходимо учитывать и распространение суррогатов тайного винокурения, которое, конечно же, имело место (Н. М. Чукмалдин вспоминал в своих заметках о тюменской жизни в разделе под названием «Кабак победил», как он стал платить сельскому обществу своей родной деревне Кулаково от 100 до 200

[51] ГУТО «ГАТ». Ф. 152. оп. 18. Д. 71. Л. 10-18об.

[52] Статистика по казенной продаже питей за 1907 г. 1909, 38-39, 48-49.

руб. в год, чтобы не давало оно там права никому на открытие питейных заведений. «И вот в Кулаковой кабака не стало, но зато его тотчас же открыли в смежной деревне Гусельниковой. Явилась надобность платить и этой деревне 100 руб. в год за то же самое. Но когда не стало кабаков в обеих деревнях, появилась тайная продажа водки в нескольких домах, уследить за которой не было уже никакой возможности»[53]).

Города, как показывают цифры, являлись подлинными центрами сбыта казенной алкогольной продукции. С 90-х гг. XIX в. Западно-Сибирские городские поселения стали центрами не только оптовой, но и раздробительной торговли крепкими спиртными напитками[54]. И это было закономерным явлением модернизационных процессов. Употребление спиртного в городах являлось атрибутом и светской жизни, и давних российских традиций, чертой и умеренного образа жизни, и разгульного. Именно в городах потребляли крепкие напитки различные слои жителей и заезжих гостей в соответствии с собственным образом жизни и личными желаниями и возможностями: город давал выбор, предлагая разный ассортимент спиртного, места для употребления, делая спутником питие и досугу граждан, и решению деловых вопросов.

В 1910 г. сибиряки активно участвовали во всероссийском движении по обращению в III Государственную думу о необходимости провести законопроект о мерах борьбы с пьянством. Известны многочисленные прошения западно-сибирских жителей как горожан, так и сельчан, на сей счет[55].

Драматизм борьбы с алкоголизмом государства, церкви и общественности показывает в своей книге под названием «Алкогольная империя: водка и политика в Поздней Императорской России» американский профессор Патрисия Херлихи. Она справедливо пишет о том, что ни в правительственных кругах, ни в обществе не было уверенности относительно знания истинных причин алкоголизма и способов борьбы с этим злом, что порождало многочисленные разногласия в движении в поддержку трезвенности. В течение многих столетий водка играла важнейшую роль в жизни русских. В начале XX в. почти все российские политические группировки имели свои предложения по методам борьбы с пьянством[56]. Алкогольная проблема, по мнению автора, играла главную роль в политике в течение самых последних лет существования Российской империи. Введение «сухого закона» Николаем II в августе 1914 г. и распространение в связи с этим самогона и «опасных замен» П. Херлихи рассматривает как «удар по России»[57]. И это мнение нельзя игнорировать. В российской истории имеется достаточное количество фактов, примеров негативных последствий запрещения виноторговли. Виноторговля сама по себе не сводится к первопричине зла — пьянству. Непродуманные и, можно сказать, грубые действия в этой сфере порождают другое зло: самогоноварение и тайную продажу вина. Загнанная в подполье и неподвластная контролю (отдельные разоблачения не могли существенно повлиять на ее распространение) со стороны властей, тайная продажа вина изнутри подрывала здоровье общества.

[53] Чукмалдин 1997, 163.
[54] Мариупольский 2000, 116.
[55] Бочанова 2006, 140.
[56] Herlihy 2002, 11.
[57] Herlihy 2002, 13.

Об этом убедительно пишет в своем исследовании А. М. Мариупольский. Автор, оценивая ограничительную деятельность администрации Алтайского горного округа в 60-гг. XIX в. в области торговли вином, отмечает, что сокращение мест раздробительной продажи питей не приводило к уменьшению их потребления[58].

Противоречивость государственной политики по вопросу алкоголя, разногласия в сфере понимания этой проблемы и способов ее решения — все это порождало и противоречивые, малоэффективные методы борьбы с пьянством и различные, связанные с алкоголем, явления российской повседневной жизни.

Реклама спиртной продукции стала постоянным атрибутом быта горожан. Так, в газете «Алтай» на первой странице из номера в номер печатались несколько юмористических строк о различных бытовых ситуациях, связанных с шустовским коньяком[59]. Рекламировались и торгующие спиртной продукцией заведения. В той же газете объявлялось о пивном зале «Деко» пивоваренного завода Будкевич (г.Бийск), где продаются всегда выдержанное пиво, фруктовые воды, виноградные вина, мед, закуски, завтраки, обеды, ужины, приготовленные всегда из свежей провизии под руководством опытного и известного кулинара Василия Федоровича Червякова, два первоклассных биллиарда, электрическое освещение и телефоны, шашлык по кавказски и цыплята на вертеле.

В то же время в газетах наряду с рекламой спиртного периодически в эти годы объявлялось о демонстрации кинокартин, проведении лекций, посвященных вреде пьянства. Так, в той же газете «Алтай» сообщалась о сеансах в бийском театре «Косморама» под названием «Пьянство и его последствия», планируемых на 22 и 23 июля[60].

В сибирских городах даже среднего масштаба, таких как Бийск, имелись рестораны с музыкальной программой; владельцы зазывали публику, давая объявления в газеты о новых развлекательных номерах для публики. Так, летом 1913 г. владелец гостиницы и ресторана в Бийске Д. М. Макаров доводил до сведения публики, что с 1 августа 1913 г. в его ресторане будет играть дамский струнный оркестр[61]. В Бийске также имелся ресторан 2 разряда в доме Дробинина[62].

Постоялые дворы, чайные-столовые иногда подвергались санитарной проверке и выявлялось у многих из них недостаточное в гигиеническом отношении содержание. Так, 12 августа 1913 г. была проведена проверка таких учреждений в Бийске в составе комиссии из полицейского надзирателя, городового врача и члена городской управы. Было выявлено, что у четырех владельцев постоялых дворов дворы загрязнены, туалеты и помойные ямы переполнены нечистотами. У нескольких владельцев чайными-столовыми и пивными лавками помещения признаны недопустимыми в санитарном отношении к эксплуатации, так как грязны, тесны. Дворы замусорены отбросами. При одной чайной-столовой содержался «притон девиц». В одной пивной лавке была обнаружена беспатентная продажа вина[63]. Все эти явления были типичными, имели сопроводительный характер питейного дела.

[58] Мариупольский 2000, 95-97.
[59] Алтай 126, 1913.
[60] Там же, № 160.
[61] Там же, № 166.
[62] Там же, № 195.
[63] Там же, № 181.

В целом, следует признать питейное дело в рассматриваемый период сложным вопросом социальной и культурной сферы. Политика правительства по данному делу была двойственной и противоречивой. С одной стороны, всегда стояла цель повышения доходов от продажи спиртного в пользу казны. С другой стороны, распространение пьянства являлось серьезным асоциальным явлением, требующим адекватных мер властей и общественности, способных ограничить это зло. Изменялись организация питейного дела и форма продажи, возникали новые типы заведений разного уровня, торгующих спиртными напитками, численность их возрастала, как и ассортимент продаваемого товара, не падали, а, напротив, возрастали доходы от потребленных вина и водки. Одновременно предпринимались меры для борьбы с пьянством как со стороны светских и духовных властей, так и со стороны общественности. Ясно, что в эпоху модернизации коммерциализация в культурно-бытовой сфере лишь набирала обороты; реклама и продажа спиртной продукции сохраняли свои позиции в обновляющемся обществе. Вместе с тем, население в достаточной мере осознавало проблему пьянства, его вред. Оно было противно православным традициям, распространяющемуся просветительству. Можно сказать, что потребление спиртного среди населения являлось чертой быта, проблемной, неоднозначной, требующей постоянного внимания и контроля, особенно в наступившую модернизационную эпоху. Происходил поиск форм контроля, рычагов по ограничению пьянства. Очевидно, что проблема сохранялась, так как успех в ее решении зависел от множества социальных факторов в жизни людей. Но осознание зла и попытки его уменьшения, опыт борьбы с алкоголизацией населения, имели, на наш взгляд большое значение, так как для поведения русских всегда была важна позиция государства, его отношение к тем к или иным вопросам. Ошибочные действия государства в этой сфере, в свою очередь, были чреваты серьезными социальными катаклизмами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Engel B.A. Between the fields and the city: women, work and family in Russia, 1861 — 1914. 1994. Cambridge.

Herlihy P. 2002: The Alcoholic Empire: Vodka and Politics in Late Imperial Russia. New York.

Алтай. 1913. № 115.

Барнаульская городская дума . 1877–1996. 1999: Сборник документов. Барнаул.

Бочанова Г.А. 2006: Попечительства о народной трезвости в Западной Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск.

ГУТО «ГАТ». Ф. 1. Оп. 1. Д. 813.

ГУТО «ГАТ». Ф. 152. оп. 18. Д. 71.

ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 11. Д. 1461.

ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 18. Д. 1147 .

ГУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 18. Д. 634.

Дегальцева Е.А. 2005: Образ жизни сибиряков во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул.

Кадиков Б. 1997: Миня-дуропляс // Краеведческий вестник. 1, 44–48.

Кадиков Б.Х. 1997: «Патриот» Ваня Рыбаков // Краеведческий вестник. 1, 50–53.

Кадиков Б.Х. 1997: Как Марк Суриков купчиху провел // Краеведческий вестник. Вып. 2. Бийск. 42–44.

Кимбалл А. 2004: Деревенский кабак как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. // Общественные науки и современность. 6, 137–146.

Костомаров Н.И. 1995: Русские нравы (Очерк «домашняя жизнь великорусского народа в XVI–XVII столетиях, «Семейный быт в произведениях южнорусского народного песенного творчества», «Рассказы И. Богучарова», «Автобиография»). (Серия «Актуальная история России»). М.

Кочнев П.Ф. 2006: Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск.

Курукин И.В., *Никулина Е.А.* 2007: Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.

Мариупольский А.М. 2000: Винокурение и виноторговля Западной Сибири в период действия акцизной системы (1863–1902 гг.). Барнаул.

Обзор Акмолинской области за 1911 г. 1912. Омск.

Обзор Томской губ. За 1912 г. 1914. Томск.

Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.) 1995. Тюмень.

Отчет о денежных оборотах городских касс за 1901 г. 1904. СПб.

Отчет томской городской управы за 1897 г. 1898. Томск.

Попечительства о народной трезвости в 1906 г. 1908. Вып. IV. СПб.

Прыжов И.Г. 1992: История кабаков в России. М.

ПСЗ II. Т. XXXVI.

ПСЗ III. Т. XIV.

Скубневский В.А., *Старцев А.В.*, *Гончаров Ю.М.* 2001: Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в. Барнаул.

Список населенных мест Тобольской губ. 1904. Тобольск.

Статистика по казенной продаже питей за 1907 г. 1909. Вып. 3. СПб.

Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи в статистическом отделении совета министерства внутренних дел 1852. СПб.

Такала И.Р. 2002: Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб.

ЦХАФАК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 26.

ЦХАФАК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 198.

ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6.

ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 6.

Чукмалдин Н.М. 1997: Мои воспоминания: Избранные произведения. Тюмень.

DRINKING TRADITIONS AND PROBLEMS IN WEST SIBERIA TOWNS IN THE SECOND HALF OF THE 19th C. — EARLY 20th C.

A. V. Lityagina

The article shows the controversy in the policy of tsarist government concerning alcoholic drink trade, growing number of saloons in West Siberia towns in the second half of the 19th c. — early 20th c. It also considers alcohol consumption scope, hard-drinking problems, and attempts to control drunkenness. The author outlines a significant aspect of the area residents' life mode of the epoch described.

Key words: history of Russia, West Siberia, alcoholic drink trade, control drunkenness.

© 2010

М. К. Стэльмах

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье анализируется законодательная база продовольственного обеспечения в России на рубеже XIX–XX вв., рассматриваются процессы трансформации аграрных и продовольственных сфер на примере Пермской губернии. В результате исследования была показана эффективность созданной системы продовольственной безопасности, ее значимость в преодолении последствий неурожаев 1901 г., 1906–1907 гг., 1911 г.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрное развитие, Пермская губерния.

На протяжении всей российской истории проблема продовольственной безопасности являлась стратегически значимой, поскольку от нее напрямую зависела и национальная безопасность. Поэтому исследования продовольственной безопасности являются актуальными, в том числе и в исторической ретроспективе.

Понятие продовольственная безопасность означает защиту и гарантированное удовлетворение жизненных исходных потребностей человека, как биологического существа, а также ряд осознанных, сознательно сформированных потребностей, то есть интересов человека социального. В дореволюционной историографии понятие «продовольственная безопасность» отсутствует, однако в работах того времени часто встречаются дефиниции «продовольственное дело»[1], «продовольственный вопрос»[2]. В конце XIX — начале XX вв. интерес к проблеме вырос, особенно после голода 1891–1892 гг. Впервые материалы обобщающего характера о деятельности земств по продовольственному обеспечению населения были представлены в работах Г.П. Сазонова[3]. В 1897 г. вышел сборник статей под редакцией А.И. Чупрова и А.С. Постникова[4], авторы которого показали взаимосвязь природных, социальных, экономических процессов в условиях неурожаев. В 1909 г. вышла работа министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова[5], в которой было рассмотрено продовольственное обеспечение населения России при неурожаях в XVII — начале XX вв. 1891 год в истории продовольственного дела страны был назван автором фатальным. А.С. Ермолов критиковал правительственную политику того времени за неэффективные и несвоевременные меры оказания помощи пострадавшим от неурожая губерниям. Он полагал, что ситуация в России отличалась от западноевропейской, где случайные недороды не становились народным бедствием, а население собственными силами справлялось с их последствиями. Среди работ, посвященных продовольственному делу Пермской губернии, следует выделить труды В.С. Бокова,[6] А.А. Бер-

[1] Голубев 1914, 45; Продовольственное дело 1891.
[2] Ермолов 1909.
[3] Сазонов 1893, 1896.
[4] Чупров, Постников 1897.
[5] Ермолов 1909.
[6] Боков 1898; 1894.

нацкого[7] в которых рассматривается ситуация накануне и во время голодовки 1891–1892 гг., благотворительная деятельность Красного Креста.

В советский период историки оценивали неурожайные годы с позиции экономического кризиса в Российской империи в конце XIX в., анализировали причины неурожаев, связывая их с упадком крестьянского хозяйства, малоземельем. Исследования по данной теме велись Н.А. Егизаровой[8], по Пермской губернии Л.П. Вакатовой,[9] М.И. Чернышом[10].

В 1990-е гг. стали рассматривать продовольственное обеспечение с позиции продовольственной безопасности[11]. Японский ученый К. Мацузато[12] изучил сельскую хлебозапасную систему России, роль земств в хлебозаготовках, рассмотрел формирование аграрно-продовольственной политики в пореформенной России до 1917 г. По проблеме продовольственной безопасности Урала в конце XIX — начале XX вв. следует особо выделить исследования Г.Е. Корнилова[13] и Д.В. Каракулова[14]. Г.Е. Корнилов разработал концепцию аграрного перехода, пришел к выводу, что одной из черт аграрной модернизации было выделение продовольственного дела в самостоятельную сферу государственного управления. Историк считает, что периодически повторяющиеся неурожаи и голодовки, характерные для традиционного общества, подтолкнули власть и общество к созданию системы продовольственной безопасности.

Таким образом, проблема продовольственного обеспечения населения в России в конце XIX — начале XX вв. только поставлена в исторической науке и требует дальнейшего конкретно-исторического исследования в региональном разрезе.

В данной статье на примере Пермской губернии рассматривается создание системы продовольственной безопасности на рубеже XIX–XX вв., анализируется ее эффективность и социально-экономическая значимость в неурожайные годы.

В течение XIX в. продовольственное дело замыкалось в совершенствовании хлебозапасной системы. Особые затруднения в ее функционировании были связаны с изменением социального положения крестьян вследствие отмены крепостного права. Если до его отмены за крестьян в случае неурожая отвечал помещик, то теперь эту роль государство переложило на земства, но они не справились с должным обеспечением крестьян продовольствием в критических ситуациях. В результате из-за отсутствия контроля в течение первых десяти пореформенных лет сельские хлебные запасы полностью были использованы — крестьяне самовольно разобрали хлеб из хлебозапасных магазинов. Правительство было застигнуто врасплох, когда случился голод 1891–1892 гг. Продовольственный устав 1834 г. показал свою несостоятельность в сфере продовольственного обеспечения российского общества[15].

[7] Бернацкий 1892.
[8] Егизарова 1959.
[9] Вакатова 1963, 31–146; 1966.
[10] Черныш 1970, 224–246; 1963, 290–296.
[11] Архипов, Городецкий, Михайлов 1994, 36–44; Маслаков 1996.
[12] Мацузато 1995, 47–76.
[13] Корнилов 2002, 33–54; 2002, 507–515; 2007, 150–172; 2008, 4–14.
[14] Каракулов 1999, 66–69.
[15] Китанина 1978, 75.

Первым шагом в реорганизации системы продовольственного обеспечения было утверждение в 1892 г. «Устава об обеспечении народного продовольствия»[16]. Правящие круги признали его несовершенным и для его пересмотра 18 февраля 1893 г. Александр III утвердил Особую комиссию. В итоге ее семилетней работы появились «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утвержденные Николаем II 12 июня 1900 г. (второй этап реорганизации). Продовольственное дело было изъято из ведения земских учреждений и передано крестьянским учреждениям (Уездным съездам и губернским присутствиям), а земствам оставили малую часть для производства различных второстепенных операций (оказание благотворительной помощи, устройство общественных работ и продажа хлеба по заготовительной цене)[17].

Закон 1900 г. не оправдал возлагавшихся на него правительством надежд: продовольственных запасов и капиталов оказалось недостаточно для удовлетворения нуждавшегося населения неурожайных губерний и вновь потребовались многомиллионные затраты из государственного казначейства. В неурожайный 1901 г. расходы правительства на продовольственные мероприятия достигли 35 млн руб., в 1905–1906 гг. — свыше 250 млн руб., в 1907 г. — 24 млн руб., в 1911 г. — 160 млн. руб.[18].

Крестьянские учреждения не справлялись с возложенными на них обязанностями по обеспечению продовольствием. В 1907 г. МВД рассмотрело законопроект о передаче продовольственного дела из крестьянских учреждений земским органам[19]. Во время столыпинской реформы обсуждался проект нового продовольственного устава, основанного на принципе «самопомощи». Здесь впервые было предложено создать государственный хлебный запас[20]. Однако все рассмотренные законопроекты остались на бумаге.

При всех сложностях и противоречиях система продовольственного обеспечения населения постепенно трансформировалась. Как она функционировала, рассмотрим на примере Пермской губернии.

За период с 1900 по 1915 гг. в Пермской губернии средний валовый сбор хлебов составил 106 млн пудов (рис.1). На валовые сборы хлебов оказывали влияние неурожаи 1901 г., 1906 г., 1907 г., 1911 г. Валовый сбор хлебов в 1901 г. составил 49 %, в 1906 г. — 91 %, в 1907 г. — 81 %, в 1911 г. — 50 % от среднего урожая.

[16] СЗРИ XIII, 1–6; 15–16.
[17] Там же, 44–54.
[18] Ермолов 1909, 27.
[19] О передаче продовольственного дела в ведение земства 1907, 1–3.
[20] Мацузато 1995, 187–188.

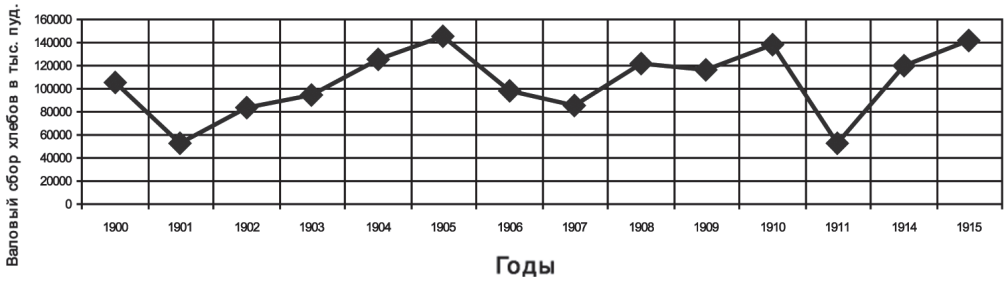


Рис. 1. Динамика валового сбора хлебов в Пермской губернии в 1900 — 1915 гг. (в тыс. пудов)

Составлено по: Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 41-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав в Пермской губернии в 1910 г. 1911, 16–19; Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 46-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав на крестьянских землях Пермской губернии в 1915 г. 1916, 11–14; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 42-й очередной сессии и доклады комиссий и Управы. 1912, 302–303; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссий. 1915, 284–286; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. 1903, 68–69, 86; Обзор 1901 г. 1902, 68–69, 84; Обзор 1902 г. 1903, 68–71, 86; Обзор 1903 г. 1904, 68–71, 86; Обзор 1904 г. 1905, 52–55, 120; Обзор 1905 г. 1906, 52–55, 123; Обзор 1906 г. 1907, 52–55, 71; Обзор 1907 г. 1908, 104–107, 123; Обзор 1908 г. 1909, 104–107, 121; Обзор 1909 г. 1910, 106–109, 124.

Больше всего от неурожаев страдали фуражные и рыночные культуры — овес и пшеница. Урожай овса в 1901 г. составил 49%, в 1906 г. — 80%, в 1907 г. — 71%, в 1911 г. — 54% от среднего урожая за 15 летний период (1900 — 1915 гг.); урожай пшеницы составил 45, 85, 72, 36% соответственно. Неурожаи также влияли на сбор ржи и второстепенных хлебов: урожай ржи составил в 1901 г. — 63%, в 1906 г. — 91%, в 1907 г. — 94%, в 1911 г. — 68% от среднего урожая с 1900 по 1915 гг.; урожай второстепенных хлебов составил 36, 72, 82, 65% соответственно[21]. Сбор картофеля в 1901 г. был выше среднего за рассматриваемый период на 19%, в остальные годы были также неурожаи: в 1906 г. — 57%, в 1907 г. — 69% и 1911 г. — 84% от среднего урожая за 15 лет[22].

Ситуация была осложнена тем, что неурожаи случались преимущественно в сельскохозяйственных уездах (Шадринском, Камышловском, Оханском, Осинском, Кунгурском, Ирбитском), которые являлись житницей края и источником

[21] Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 41-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав в Пермской губернии в 1910 г. 1911, 16–19; Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 46-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав на крестьянских землях Пермской губернии в 1915 г. 1916, 11–14; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 42-й очередной сессии и доклады комиссий и Управы 1912, 302–303; Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссий 1915, 284–286; Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. 1903, 68–69, 86; Обзор 1901 г. 1902, 68–69, 84; Обзор 1902 г. 1903, 68–71, 86; Обзор 1903 г. 1904, 68–71, 86; Обзор 1904 г. 1905, 52–55, 120; Обзор 1905 г. 1906, 52–55, 123; Обзор 1906 г. 1907, 52–55, 71; Обзор 1907 г. 1908, 104–107, 123; Обзор 1908 г. 1909, 121; Обзор 1909 г. 1910, 106–109, 124.

[22] Свод урожайных сведений за 1883–1915 гг. 1928, 128.

продовольствия для горнозаводских уездов — Верхотурского, Екатеринбургского, Красноуфимского, Пермского, Чердынского и Соликамского. Так, в 1901 г., 1906 г., 1907 г., 1911 г. наиболее пострадавшими уездами были Шадринский (60 %, 88 %, 80 %, 18 % от среднего урожая хлебов по губернии соответственно) и Ирбитский (67 %, 97 %, 73 %, 65 % от среднего урожая хлебов по губернии соответственно) уезды[23].

По сообщениям губернских управ количество продовольственной нормы (15 пудов) на человека в результате неурожаев снизилось в 1901 г. до 9 пудов[24], в 1907 г. — до 13 пудов[25], в 1911 г. — до 7 пудов, а в некоторых местностях доходил до 2 пудов[26]. То есть, ситуация складывалась крайне неблагоприятным образом в продовольственном отношении.

Положение крестьян в неурожайные годы осложнялось тем, что закупочные цены значительно возрастали (табл. 1, 2).

Таблица 1

РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ НА ЗЕРНО ПО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ С 1897 ПО 1902 ГГ. (В КОПЕЙКАХ ЗА ПУД)

Годы	Ржаная мука		Пшеничная мука		Овес	
	весна	осень	весна	осень	весна	осень
1897	45	47	68	71	42	40
1898	56	65	81	81	51	57
1899	76	60	93	75	76	37
1900	59	50	76	65	39	30
1901	58	85	75	109	40	64
1902	93	74	118	94	75	54

Составлено по: Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. 1904, 117.

Таблица 2

РЫНОЧНЫЕ ЦЕНЫ НА ЗЕРНО ПО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ С 1902 ПО 1911 ГГ. (В КОПЕЙКАХ ЗА ПУД)

Годы	Рожь		Пшеница озимая		Пшеница яровая		Овес	
	весна	осень	весна	осень	весна	осень	весна	осень
1902	73	67	70–160	60–150	114	85	75	54
1903	69	57	92	—	95	73	58	46
1904	56	45	74	40–110	81	62	54	33
1905	46	51	69	50–120	68	65	35	31
1906	51	69	—	60–120	89	85	40	56

[23] См. ссылку 21.
[24] ГАПК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.
[25] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 74.
[26] Екатеринбургская уездная земская управа 1912, 18.

Окончание табл. 2

Годы	Рожь		Пшеница озимая		Пшеница яровая		Овес	
	весна	осень	весна	осень	весна	осень	весна	осень
1907	79	93	108	—	104	118	71	75
1908	91	79	119	—	122	100	82	49
1909	80	75	—	—	126	98	70	46
1910	90	64	—	—	121	84	67	44
1911	65	105	—	—	93	127	50	78

Составлено по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и Иностранных государств. 1907, 2–3; Сборник статистико-экономических сведений. 1913, 452–453.

Из данных табл. 1, 2 видно, что цены на продукты земледелия в неурожайные годы повышались осенью в среднем на 10–50 % против существовавших на рынке весной. Так, в неурожайный 1911 г. цены на яровую пшеницу осенью повысились на 36 % по сравнению с весенними ценами. В то время как в урожайные годы цена осенью обычно падала в среднем на 15–35 %.

В условиях неурожаев росла спекуляция на рынках, отсутствовали нормальные условия сбыта продуктов[27]. Неурожай 1901 г. привел к упадку торговли на Ирбитской ярмарке, сократив привоз продуктов из Сибири[28]. Неурожай 1911 г. привел к спаду производства зерна в Пермской губернии и вывозу хлеба за ее пределы (табл. 3).

Таблица 3

ВЫВОЗ ХЛЕБА ИЗ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (В ПУДАХ)
С 1909 ПО 1913 ГГ.

Год	Рожь	Пшеница
1909	193649	369386
1910	47710	155471
1911	5569	30066
1912	287601	135895
1913	906935	1309943

Составлено по: Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. Пермь, 1965, 89.

В результате неурожаев власти Пермской губернии постарались предпринять меры по предотвращению голода среди населения.

Признаки наступившего бедствия в 1911 г. были отмечены заблаговременно, заранее был выработан план для борьбы с ним и предприняты меры по снабжения нуждающегося населения хлебом[29]. Размер необходимой помощи вычислялся путем подворного обследования экономического положения хозяйств. Собранные данные рассматривались на уездных съездах, затем в губернских присутствиях,

[27] Докладная записка крестьянина Коеновской волости Красноуфимского уезда А.А. Еловикова об организации в уезде местных сельскохозяйственных учреждений 1903, 95–96.

[28] Письма с Ирбитской ярмарки 1901, 7; ГАСО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 31. Л. 17.

[29] Екатеринбургская уездная земская управа 1912, 19.

которые окончательно определяли размер правительственной помощи. Постановления губернских совещаний принимались Межведомственным совещанием по продовольственному делу, при этом данные проверялись путем сопоставления их с материалом, полученным управлением Сельской продовольственной части из ЦСК МВД, Департамента окладных сборов Министерства финансов, Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Главного управления землеустройства и земледелия, Центрального комитета по урегулированию массовых перевозок грузов по железным дорогам[30].

Основным средством обеспечения продовольственных и семенных нужд сельского населения служили общественные натуральные запасы (хлебные запасы). Они рассчитывались по числу наличных душ из всех возрастов, входивших в состав сельских обществ, и закладывались в размере не выше 4 пудов зерна на душу. Ежегодно с крестьян взымался сбор в количестве 0,5 пуда хлеба с души до тех пор, пока полное количество хлеба не поступало в хлебозапасные магазины. Род хлеба определялся губернским присутствием, но две трети запаса должны были состоять из хлеба, годного для питания. Хлебные запасы расходовались на продовольственные и семенные нужды сельских обществ, к которым они принадлежали[31]. Хлебные продовольственные запасы содержались по каждому сельскому обществу отдельно, но в сельских обществах, состоящих из селений со значительным количеством населения, допускалось образование запасов по отдельным селениям. Образование и содержание хлебных запасов на местах осложнялось условиями хранения: сельские магазины нередко были с дырявыми крышами, со стенами, насквозь пробиваемыми дождем и снегом, зерно в магазины засыпалось зачастую сорное, сырое и для посева непригодное; надзор за множеством мелких сельских хлебозапасных магазинов оказывался в большинстве случаев номинальным — в результате хлебные запасы были в плохом состоянии[32]. Получение семян из хлебозапасных магазинов не обходилось без затруднений, сельский корреспондент из с. Пороховой Юшковской волости в 1911 г. сообщал, что ржи на посев из магазина выдали всего 177 пудов и часть приготовленного озимого поля пришлось оставить незасеянной[33].

Другим источником продовольственной помощи на местах были продовольственные капиталы сельских обществ (общественные капиталы). Общественные капиталы пополнялись за счет членов сельских обществ, контролировались Уездными съездами, хранились в виде ценных бумаг и предназначались только на покупку продовольствия и семян.

Кроме того существовали губернский и общеимперский продовольственные капиталы, которые использовались при нехватке местных средств. Губернские продовольственные капиталы составляли из наличных сумм, платежей по ссудам и средств из государственной казны. Имперский фонд состоял из сумм, отчислявшихся из МВД и из платежей по ссудам.

Согласно действующему законодательству помощь пострадавшему от неурожая населению предоставлялась в виде ссуд, а в некоторых указанных в за-

[30] Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. 1913, 20–22, 31–33.
[31] СЗРИ XIII, 44–54.
[32] Ермолов 1909, 53.
[33] ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 460. Л. 37.

коне случаях и в виде безвозвратных пособий. Ссуду могли дать при недостатке средств пропитания и семенами для посева, при неимении дополнительных заработков. Ссуды выдавались в основном хлебом, выдача денежных ссум допускалась в незначительных размерах. Продовольственные и семенные ссуды, выданные из хлебозапасных магазинов и общественных капиталов, а также губернского и общегосударственных капиталов, возвращались в сроки не более трех лет, причем ссуды из запасных магазинов возвращались зерном, а из продовольственных капиталов — деньгами. Право на получение ссуд признавалось прежде всего за малолетними, стариками, нетрудоспособными, женщинами и мужчинами рабочего возраста при отсутствии дополнительного заработка. Продовольственная норма была определена в размере одного пуда на взрослого и пол пуда на ребенка до 5 лет. Таким образом, сложилась трехуровневая система продовольственного обеспечения: местный (хлебозапасные магазины и общественные капиталы), губернский (губернские капиталы) и государственный (общеимперский капитал) уровни[34].

В Пермской губернии продовольственное обеспечение населения осуществлялось на протяжении всего рассматриваемого периода, особенно оно вырастало в неурожайные годы (табл. 4).

Таблица 4

ДВИЖЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ГУБЕРНСКИХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ КАПИТАЛОВ И ХЛЕБНЫХ ЗАПАСОВ ПО ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ С 1901 ПО 1914 ГГ.

Годы	Выдано из хлебозапасных магазинов (пудов)		Израсходовано (руб.)	
	Озимого	Ярового	Губернских	Общественных
1901	288246	226422	14088	17289
1902				
1903	364062	757114	56325	37403
1904	452901	628218	10541	42421
1905	98746	348446	28121	11440
1906			385	
1907	380587	904014	35001	22356
1908	1187262	1250050	118219	72328
1909	452517	926536	140836	163699
1910	277091	623392	76559	21691
1911	533433	334208	153188	35387
1912	2355634	2327393	130442	216458
1913	32810	1016510	90026	27633
1914	253828	432210	15364	17172

Составлено по: Обзор 1901 г. 1902, 8–11; Обзор за 1903 г. 1904, 10–15; Обзор за 1904 г. 1905, 12–17; Обзор за 1905 г. 1907, 6–13; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 99. Лл. 14–15; ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 77; Доклады Пермской Губернской Земской Управы Пермскому Гу-

[34] Свод законов Российской империи XIII, 44–54.

бернскому Земскому Собранию 38 очередной сессии Пермь. 1908, 1624; Обзор за 1908 г. 1909, 6–13; Обзор за 1909 г. 1910, 6–13; Обзор за 1910 г. 1911, 8–15; Обзор за 1911 г. 1912, 8–15; Обзор за 1912 г. 1913, 6–15; Обзор за 1913 г. 1914, 8–15; Обзор за 1914 г. 1915, 7–15.

В 1901 г. было выдано в ссуду на продовольствие из хлебозапасных магазинов — 288 тыс. пудов озимого, 226 тыс. пудов ярового хлебов и общественных капиталов — 17 тыс. руб., из губернских капиталов — 14 тыс. руб. (см. табл. 4). Часть общеимперского капитала в 35 млн руб. была выделена на помощь Пермской губернии[35].

Продовольственная кампания 1906–1907 гг. проводилась в основном за счет местных средств. Пермская губерния даже являлась донором для более пострадавших губерний. В 1906 г. Министерство организовало покупку продовольственного и семенного хлеба в районе Пермской и Сибирской железных дорог. В итоге пермским губернским присутствием был вывезено в пострадавшие губернии продовольственного хлеба в размере 923 тыс. пудов, яровых семян 191 тыс. пудов[36]. Благодаря обильным урожаям хлебов 1904–1905 гг., повышению площади запашки в 1906 г. урожай приближался к среднему за 15-летие (91%) и, в общем, обеспечивал население. Из губернского капитала на продовольствие было выделено только 348 руб. [37].

В 1907 г. было выдано в ссуду на продовольствие из хлебозапасных магазинов было выдано 380 тыс. пудов озимого и 904 тыс. пудов ярового, общественных капиталов — 22 тыс. руб., губернских капиталов — 35 тыс. руб. (см. табл. 4).

Размеры помощи в 1911–1912 гг. превысили все размеры за предыдущие годы. В результате борьбы с последствиями неурожая 1911 г. в ссуду было выдано 533 тыс. пудов озимых, 334 тыс. пудов яровых хлебов и деньгами — 153 тыс. руб. из губернских и 35 тыс. руб. из общественных капиталов. По мере расходования местных средств был привлечен имперский капитал в размере 2,5 млн руб. и выдано 1 млн пудов продовольственного и 3 млн пудов семенного зерна[38].

Для поддержания сельского населения в местностях, пострадавших от неурожая, земством были организованы общественные работы по устройству проселочных дорог и мостов, по постройке железнодорожных путей[39]. Общественными работами в 1911 г. в губернии было доставлено и развезено гужевым транспортом 237 тыс. пудов хлеба. Для перевозки хлебных грузов по железной дороге применялись льготные тарифы №99, №100, №101[40]. Развозка хлеба производилась артелями возчиков со станций железных дорог в центральные склады, а оттуда он развозился по местам средствами самих получателей. Хранение хлеба осуществлялось в станционных складах железных дорог и речных пристаней. Для устройства таких складов нанимались амбары и другие зернохранилища, причем обычно на обязанности владельца амбара лежала выгрузка хлеба из вагонов и баржей, перевозка его в склады, ответственность за количество и качество принятого хлеба. При продолжительном хранении на складах хлеб страховался от

[35] Ермолов 1909, 24.
[36] Продовольственная кампания 1906–1907 гг. 1908, 27–28, 34–35.
[37] РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 99. Л. 14.
[38] Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. 1913, 35.
[39] РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 84. Л. 35.
[40] Льготные тарифы для неурожайных местностей 1911, 39.

пожара частными страховыми обществами. Расход по страхованию хлеба из сумм общего по империи продовольственного капитала составил по Пермской губернии в 7,5 тыс. руб.[41].

После 1900 г. участие земства в продовольственных кампаниях выражалось, кроме общественных работ, в продаже населению хлеба по заготовительной цене. С 1901–1910 гг. для этой цели земствам было выделено свыше 25 млн руб., в 1911–1912 гг. было ассигновано 11,5 млн руб., в том числе по Пермской губернии — около 1 млн руб.[42]. Продажа производилась сельскому населению под ответственность земств через приказчиков. Новым явлением борьбы с последствиями неурожая 1911 г. была продажа хлеба через кредитные товарищества. Екатеринбургский союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ продал продовольственных товаров на 5,5 тыс. руб.[43]. В результате неурожая некоторые кредитные товарищества сами оказались в кризисном положении, их запасы иссякли[44]. Они были вынуждены временно приостановить выдачу ссуд, чтобы скопить средства для уплаты срочных займов Государственному банку (Балинское, Колчеданское, Рождественское товарищества)[45].

Важную роль в оказании помощи нуждавшимся крестьянам сыграли благотворительные организации. В первую очередь, они помогали крайне неимущим, а также в тех случаях, когда пособий оказывалось недостаточно. В 1901 г. Пермским местным управлением общества Красного Креста была оказана помощь в размере более 50 тыс. руб. на открытие столовых при училищах, выдачу пособий[46]. В 1911 г. Пермским отделением Красного Креста было возбуждено ходатайство об отпуске на дело продовольствия 567 тыс. руб.[47].

В одном из наиболее пострадавших от неурожая Шадринском уезде был создан объединенный благотворительный комитет 12 декабря 1911 г. К середине марта 1912 г. открыты 186 продовольственных пунктов в 39 волостях, где была организована выдача печеного хлеба (1,5 фунт в день на человека или выдача пайка мукой 1 пуд в месяц), также была оказана помощь 156 школьным столовым. Муку доставляли из Сибири (23 тыс. пудов) и часть покупали в Камышлове, мясо было куплено на Никольской ярмарке в г. Далматове (2834 пудов), крупы и горох были куплены в Тамбовской губернии, сушенные овощи везли из Казани (100 пудов). В итоге благотворительной помощью в уезде воспользовалось 8383 человек, выдано пайков и обедов на сумму 47 тыс. руб.[48]. Всего по губернии в 1911 г. было открыто 622 столовых, где 27691 школьников получили 1339 тыс. пайков.

Благотворительная помощь оказывалась также частными лицами. В 1911 г. в Пермской губернии были организованы благотворительные концерты в пользу голодающего населения: в селе Троицком Пермского уезда, г. Екатеринбурге, г. Кунгуре — общий сбор составил 549 руб.[49].

---

[41] Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. 1913, 113–139, 141–151.
[42] Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. 1913, 171–173.
[43] Коротких 1918, 35.
[44] Деревенский 1911, 3.
[45] Уральское хозяйство 1911, 10.
[46] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. Л. 77; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 101. Л. 15.
[47] Доклад Пермской Управы 1912, 7.
[48] РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 1025. Л. 17, 25, 32.
[49] ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 486. Л. 4, 16, 31, 40.

В неурожайные годы наблюдался рост заболеваемости вследствие недостатка питания, неблагоприятных санитарных условий, в которых обыкновенно находилась беднейшая часть населения. Для оказания медицинской помощи в 1911 г. была организована губернская противочумная комиссия, которой было сформировано 7 отрядов в составе 2 врачей, 15 фельдшеров, 20 сестер милосердия и кроме того на средства общего по империи продовольственного капитала на усиление врачебно-санитарного персонала было приглашено 23 фельдшера. В бараках 1467 больных провели 13359 дней, а амбулаторных посещений было 12248[50].

В последующие за неурожаями 1902 г., 1908 г., 1912 г. была произведена работа по выдаче семенных ссуд на яровое и озимое обсеменение. За счет натуральных запасов, общественных, губернских и общеимперских продовольственных капиталов в 1908 г. было выдано на озимое обсеменение — 334 тыс. пудов, на яровое — 1,2 млн пудов[51], в 1912 г. — 296 тыс. пудов и 5,5 млн пудов соответственно[52]. В результате посевные площади были сокращены незначительно (см. рис. 3): в 1902 г. на 7,7 %, в 1907 г. на 3 %, в 1908 г. на 5 %, в 1912 г. на 6 %. Это позволило собрать урожай выше среднего в 1902 г. на 0,2 %, в 1908 г. на 6 %, в 1912 г. на 17 %.

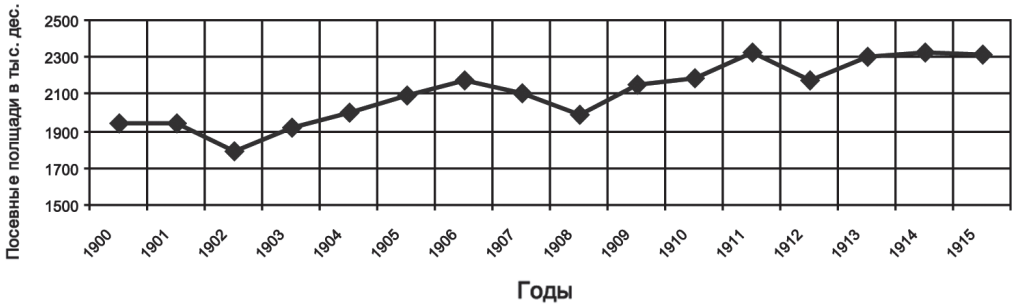


Рис. 3. Динамика посевных площадей хлебов Пермской губернии в 1900–1915 гг. (в тысячах десятин)

Составлено по по тем же данным, как и рис. 1.

Важным показателем эффективности продовольственного обеспечения населения являются демографические последствия (см. рис. 4, 5). Наибольшие людские потери в конце XIX — начале XX вв. принес голод 1892 г., когда наблюдалась демографическая катастрофа — естественная убыль населения, в остальные же годы показатели естественного прироста сохранили положительное значение. Тем не менее, на графике (см. рис. 4) фиксируется демографический кризис — увеличение смертности в 1902 г., 1906 г., 1907 г., 1911 г.. 1912 г. и уменьшение рождаемости в 1902 г., 1908 г., 1909 г., 1911 г., 1912 г., то есть в эти годы наблюдалось сокращение естественного прироста населения.

[50] Обзор Пермской губернии за 1912 г. 1913, 30–34, 40–41; ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 95. Л. 20–22; Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. 1913, 325, 77 (приложение).

[51] Обзор Пермской губернии за 1908 г. 1909, 12–13.

[52] Обзор Пермской губернии за 1912 г. 1913, 14.

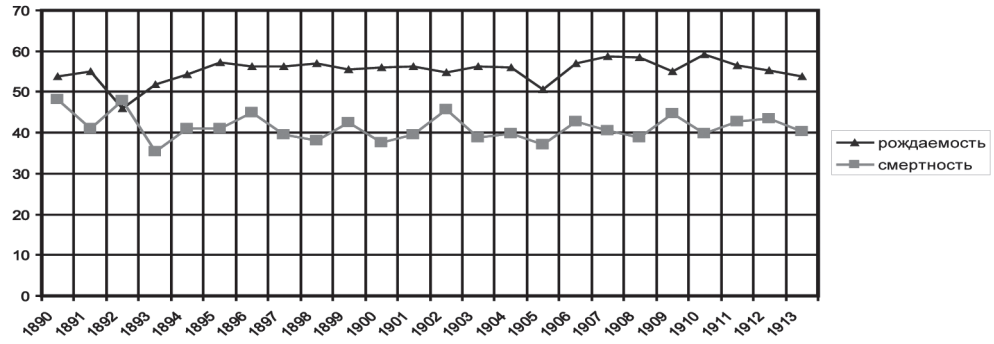


Рис. 4. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности по Пермской губернии с 1890 по 1913 гг., ‰

Составлено по: Голубев 1914, 48; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1905 г. 1905, 112–113; Адрес-календарь за 1907 г. 1907, 81, 82; Адрес-календарь за 1908 г. 1908, 3; Санитарный обзор Пермской губернии за 1908 г. 1909, 12–13; Адрес-календарь за 1909 г. 1909, 177; Адрес-календарь за 1910 г. 1910, 125; Адрес-календарь за 1911 г. 1911, 28–29; Адрес-календарь за 1912 г. 1912, 28–29; Адрес-календарь за 1914 г. 1914, 177; Адрес-календарь за 1915 г. 1915, 28–29; Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 г. 1916, 22–24.

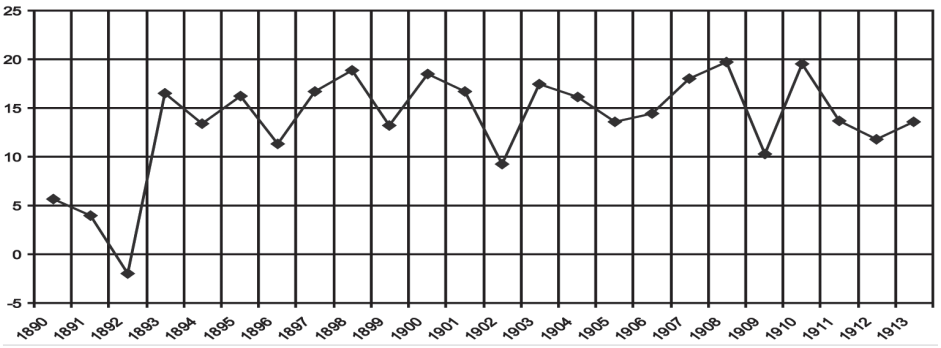


Рис. 5. Показатели естественного прироста населения Пермской губернии с 1890 по 1913 гг., %

Составлено по тем же данным, как и рис. 4.

Таким образом, на протяжении двух десятилетий на всех уровнях власти шел непрерывный поиск решения проблем продовольственного обеспечения населения. В результате была сформирована достаточно эффективная система продовольственной безопасности, которая позволила предотвратить последствия неурожаев. В годы неурожаев в Пермской губернии земские и крестьянские продовольственные учреждения оказывали весьма существенную продовольственную и финансовую поддержку пострадавшему населению, добиваясь в крайних случаях безвозвратных ссуд из губернского и общеимперского продовольственного капиталов. Благотворительная помощь нередко дополняла их действия. Благодаря предпринятым мерам крестьянство Пермской губернии в 1901 г., 1906–1907 гг., 1911 г. избежало голодной смерти и восстановило свои хозяйства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1905 г. 1905. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1907 г. 1907. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1908 г. 1908. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1909 г. 1909. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1910 г. 1910. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1911 г. 1911. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1912 г. 1912. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1914 г. 1914. Пермь.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии за 1915 г. 1915. Пермь.

Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. 1994: Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. 12, 36–44.

Бернацкий А. А. 1892: К вопросу о продовольственных ссудах населению пострадавших от неурожая уездов Пермской губернии. Пермь.

Боков В. С. 1894: Деятельность Российского общества Красного Креста в Пермской губернии в 1891–1893 гг. Пермь.

Боков В. С. 1898: Несколько слов к истории голодовки 1891–1892 гг. в Пермской губернии. Пермь.

Вакатова Л. П. 1963: Некоторые данные о проведении столыпинской аграрной реформы в Пермской губернии // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале / Быстрых Ф. П. (ред.). Свердловск, 131–146.

Вакатова Л. П. 1966: Сельское хозяйство и столыпинская аграрная реформа в Пермской губернии (1907–1914 гг.): автореф. дис. …канд. ист. наук. Пермь.

Голубев П. А. 1914: Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь.

Деревенский О. 1911: Неурожай и уральские кредитные кооперативы // Уральское хозяйство, 7, 3.

Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 41-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав в Пермской губернии в 1910 г. 1911. Пермь.

Доклад Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 46-й очередной сессии по урожаю хлебов и трав на крестьянских землях Пермской губернии в 1915 г. 1916. Пермь.

Доклад Пермской Управы // Пермская земская неделя 1912, 6–7.

Докладная записка крестьянина Коеновской волости Красноуфимского уезда А. А. Еловикова об организации в уезде местных сельскохозяйственных учреждений // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXX. Пермская губерния. 1903. СПб., 95–96.

Доклады Пермской Губернской Земской Управы Пермскому Губернскому Земскому Собранию 38 очередной сессии 1908. Пермь.

Егизарова Н. А. 1959: Аграрный кризис конца XIX века в России. М.

Екатеринбургская уездная земская управа // Доклад 42-му очередному Екатеринбургскому земскому собранию по продовольственному вопросу. 1912. Екатеринбург, 18.

Ермолов А. С. 1909: Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб.

Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 42-й очередной сессии и доклады комиссий и Управы 1912. Пермь.

Журналы Пермского Губернского Земского Собрания 45-й очередной сессии и доклады комиссий 1915. Пермь.

Из истории рабочего класса и крестьянства Пермского края. 1965 / И. И. Бабиков (ред.). Пермь, 224–246.

Каракулов Д. В. 1999: Неурожай 1906 года и меры помощи пострадавшему сельскому населению Урала // Вторые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 66–69.

Китанина Т. М. 1978: Хлебная торговля в России 1875–1914 гг. Л.

Корнилов Г. Е. 2002: Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции / Г. Н. Севостьянова (ред.). М., Т. 1, 507–515.

Корнилов Г. Е. 2002: Создание системы продовольственного обеспечения населения страны в первой половине XX века // XX век и сельская Россия / Хироси Окуда (ред.). Tokyo, 33–54.

Корнилов Г. Е. 2007: Модернизация сельского хозяйства Урала в XX веке: этапы, направления, результаты // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии / С. А. Есиков (ред.). Оренбург, 150–172.

Корнилов Г. Е. 2008: Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2 (19), 4–14.

Коротких А. С. 1918: Екатеринбургский союз кредитных ссудо-сберегательных товариществ. Деятельность союза за 10 лет в диаграммах 1907–1907 гг. Пермь.

Льготные тарифы для неурожайных местностей. 1911 // Уральское хозяйство. 6, 39.

Маслаков В. В. 1996: Продовольственная безопасность территории: сущность и методы определения. Екатеринбург.

Мацузато К. 1995: Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 гг. // Отечественная история. 12, 47–76.

О передаче продовольственного дела в ведение земства // Пермская земская неделя. 1907: Пермь, 6, 1–3.

Обзор Пермской губернии за 1912 г. 1913. Пермь.

Уральское хозяйство. 1911, 7, 10.

Отчет по продовольственной кампании 1911–1912 гг. 1913: СПб., Кн. 1, 20–22, 31–33.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1907 г. 1908. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1900 г. 1903. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1901 г. 1902. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1902 г. 1903. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1903 г. 1904. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1904 г. 1905. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1905 г. 1906. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1908 г. 1909. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1909 г. 1910. Пермь.

Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении. Обзор 1906 г. 1907. Пермь.

Письма с Ирбитской ярмарки // Уральская жизнь, 1901, 52, 7.

Продовольственная кампания 1906–1907 гг. (по данным отчетных материалов Министерства внутренних Дел). 1908. СПб., Т. 2, 27–28, 34–35.

Продовольственное дело // Сборник статистических сведений по Московской губернии. 1891. М., Т. 10.

Сазонов Г. П. 1893: Обзор деятельности земств по народному продовольствию (1865–1892 гг.). СПб.,

Сазонов Г. П. 1896: Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865–1895 гг.). СПб.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1907 г. 1909. Пермь.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1914 г. 1916. Пермь.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и Иностранных государств. 1907. СПб.

Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и Иностранных государств. 1913. СПб.

Свод законов Российской империи. Книга пятая. Т.XIII. СПб.

Свод урожайных сведений за 1883–1915 гг. 1928. М.

Черныш М.И. 1959: Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь.

Черныш М.И. 1963: Сельское хозяйство и расслоение крестьянства // История Урала / Горовой Ф.С. (ред.). Пермь, 290–296.

*Черныш М.*И. 1970: Неурожаи 1890–1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия (По материалам Пермской губернии) // Исследование по истории Урала / Горовой Ф.С. (ред.). Пермь, 224–246.

Чупров А.И., Постников А.С. 1897: Влияние неурожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб.

FOOD SUPPLY ORGANIZATION IN PERM GUBERNIYA AT THE END OF THE 19TH — THE BEGINNING OF THE 20TH C.

M.K. Stelmakh

The article presents the analysis of food supply legislative basis in Russia at the turn of the 20th century. It also considers agricultural and food sphere transformation by the example of Perm guberniya. The research helped to show that the food security system was effective and it was significant for overcoming the consequences of the crop failure in 1901, 1906-1907, and 1911.

Key words: food security system, agricultural and food sphere transformation, Perm guberniya.

© 2010

С. Ф. Ижгузина-Сибагатова

ДЕЛО О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЗЛОУМЫШЛЕННИКАМИ В БАРАНЧИНСКОМ И НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКОМ ЗАВОДАХ РАЗРЫВНЫХ МАШИН
(из истории уральских иеговистов)

Статья посвящена исследованию секты «десное братство», зародившейся на уральских заводах в середине XIX в. Среди ее членов произошел раскол на миротворцев и мстителей. В 1900 г. в Верхотурском уезде была обнаружена серия покушений на людей при помощи подбрасывания самодельных динамитных машин. В ходе следствия выяснилось, что в деле замешаны члены секты «десное братство». Возникновение на Урале подобной религиозной организации позволяет выявить особенности мировоззрения горнозаводского населения, его духовных исканий в меняющемся мире.

Ключевые слова: Верхотурский уезд, Пермская губерния, секта.

21 июля 1900 г. в Верхотурском уезде, на Баранчинском заводе, произошло событие, всполошившее все население уезда. Четыре жителя этого завода получили коробки «с разрывными машинами». Чуть позже подобные «разрывные машины» были обнаружены на Нижне-Тагильском заводе Верхотурского уезда. В распространении столь опасных посылок были заподозрены члены уральской секты «десное братство», или ильинцы[1].

В ходе следствия были установлены следующие обстоятельства дела: «21 июля на окраине Баранчинского завода на поле, примыкающем к лесу, играли обывательские дети. Около 3–4 часов дня сидевший на этом поле неизвестный человек подозвал их к себе и четырем из них <…> дал каждому по 10 коп. и затем вручил каждому по разрывной машине, назвав их при этом «пакетиками», просил разнести их сейчас же следующим лицам: священнику Василию Архангельскому, заводскому кассиру и одновременно старосте церкви Михаилу Зотову и мастерам цехов: Ивану Блинову и Дмитрию Воронову. Дети поручение его исполнили. По счастливой случайности лица, принявшие эти пакеты, отнеслись к ним с крайней подозрительностью и, подозревая злой умысел, не вскрывая их, с осторожностью отнесли в волостное правление и сдали на хранение»[2]. «Для замаскирования злоумышления, посылки с разрывными машинами были обернуты сначала темной шагреневой и снаружи обыкновенной писчей бумагой и перевязаны крестообразно шнуром, концы коего припечатаны смоленым сургучом, печать залеплена гербом разменной монеты»[3].

Судебный следователь, начав полицейское расследование, провел обыски в домах у наиболее активных членов религиозной секты иеговистов, в результате чего у Василия Рычкова и Ивана Слободчикова были обнаружены улики, свидетельствующие об их причастности к опасным посылкам, а именно: «у Василия

[1] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. (1900). Д. 1. Л. 4–4об.
[2] Там же. Л. 4об.–5.
[3] Там же. Л. 5–5об.

Рычкова были найдены глицерин, креозот, калий и другие ядовитые вещества, входящие в состав взрывчатых веществ, патрон от берданки, которой у него нет, и желтая шагреневая бумага, подобная той, в которую были завернуты разрывные машины, и у Ивана Слободчикова кроме разных составов, входящих во взрывчатое вещество, деревянная колодка для клейки коробок и деревянное дно от коробки, в которые складывались разрывные машины, обрезок листа железа, подобного тому, из которого были изготовлены машины, и с отметками на нем, подходящими размеру машин»[4].

По результатам обысков В. Рычков и И. Слободчиков были привлечены к следствию и заключены в тюрьму. В результате повторного обыска у Слободчикова, слесаря по специальности, был обнаружен потайной шкафчик, в котором хранились «брошюрки с положениями учения иеговистов, 4 вырванных листа из газеты «Гатцука», в коих изложено покушение Генделя в 1878 г. на жизнь императора Германского и устройство разрывной машины, последнее с пометками и подчеркиванием карандаша»[5].

С помощью артиллеристов посылки с динамитными машинами были разобраны, после чего был проведен химический анализ взрывчатого состава. Все четыре машины были в длину — около 2 вершков, в ширину — 1/2, в высоту — около 1/2 вершка. Детали машины были следующие: «жестяная коробка, наполненная динамитом и прорезью, в которую вставлен капсюль, боевая стальная пружина с ударником и рычаг (собачка, спуск), укрепленные на деревянной доске, рычаг заканчивается кнопкой, выходящей из коробки в наружу; все эти части были вставлены в картонную коробку, в основании которой была деревянная доска»[6]. В случае нажатия на кнопку «рычаг отпускает боевую пружину, которая своими ударниками бьет по капсюлю, а последний, воспламеняя динамит, производит взрыв снаряда»[7].

После двух химических анализов члены комиссии заключили, что взрывчатое вещество было динамитом, состоявшим на 75 % из нитроглицерина и на 25 % — из инфузорной земли. Был ли динамит домашнего изготовления, либо он был похищен с заводских складов или рудников, эксперты определенно сказать не могли. Несмотря на то, что ни на одном складе или руднике в уезде не была зафиксирована растрата или кража динамита, это не исключает возможности приобретения его именно в Пермской губернии, поскольку «хищение динамита при горных работах не только возможно, но даже и вероятно; расходование его в туннелях, минах, отдельных пещерах, как равно и массовой зарядки шнуров, не может быть подчинено сколько-нибудь точному контролю»[8]. В конце концов, судебное следствие все-таки признало динамит продуктом домашнего изготовления, так как он отличался по составу от складского динамита.

Буквально через две недели после обнаружения опасных посылок на Баранчинском заводе, 5 августа 1900 г. было установлено распространение «разрывных машин» сходного содержания на Нижне-Тагильском заводе («одна из

[4] Там же.
[5] Там же. Л. 6.
[6] Там же. Л. 6 об.
[7] Там же.
[8] Там же. Л. 8.

них была положена в открытое окно бывшему волостному старшине Троицко-Александровской волости Тараканову, и вторая подброшена возле лавки торгующего Шульнякова»[9]). Здесь без жертв не обошлось. Если Тараканов «отнесся к коробке с надлежащей осторожностью», не стал ее вскрывать, то вторую коробку случайно поднял и вскрыл проходивший мимо десятник Черноисточинской волости Малинин. Коробка, «будучи им вскрыта, произвела взрыв, которым оборвало ему кисти рук, раздробило левое колено, ранило в грудь и лицо; от причиненных ран он вскоре умер, не приходя в сознание»[10].

При производстве следствия по этим двум случаям судебный следователь Нижне-Тагильского завода выяснил, что это не первый случай подбрасывания динамитных машин. 1 июля 1900 г. опасная коробка была подброшена пожилому сектанту-ильинцу Филимону Абрамову, «который отнесся к посылке подозрительно, полиции из боязни мести своевременно не заявил и бросил ее в заводский пруд»[11].

В распространении «разрывных машин» судебное следствие заподозрило сектанта-иеговиста Дмитрия Ляпцова, крестьянина деревни Горбунова. Подозрение на него пало по причине его враждебного отношения ко всем трем вышеназванным лицам: «к первому, Тараканову, за производство в доме его обыска по подозрению в краже и взыскание податей и недоимок; к второму, Абрамову, как богатому иеговисту и обвиняемому в присвоении кассы, принадлежащей секте, и 3-му, Шульнякову также богатому иеговисту, отказывающему в денежных пожертвованиях кассе сектантов»[12].

Что же это за «воинственная» секта, зародившаяся на уральских заводах? Что толкало ильинцев на совершение преступлений против населения края?

В отчете за 1903 г. Екатеринбургского епархиального миссионера о состоянии расколо-сектантства в епархии констатировалось: «Екатеринбургская епархия с ее преобладающим заводским народонаселением, обнимающая ныне пять уездов Пермской губернии, уже в петровскую эпоху считалась видным центром старообрядческого раскола, а с 50-х гг. прошлого столетия стала и родиной вреднейшей еретической секты иеговистов»[13].

«Десное братство» — уральская горнозаводская секта, которая возникла в середине XIX в. Место зарождения «десного братства» — Нижне-Баранчинский завод Верхотурского уезда Пермской губернии, который стал крупным центром деятельности секты. Отсюда она в течение двух десятилетий распространилась на другие близлежащие предприятия — Нижне-Тагильский, Верхне-Туринский, Кушвинский, Висимо-Шайтанский заводы[14].

Члены секты называли свое учение «сионской наукой», а себя — «десным братством», так как, согласно их представлениям, после второго пришествия Христа они будут находиться «одесную» (справа) от него. Но в народе последователей «десного братства» чаще называли либо «субботниками» (так как они вместо вос-

[9] Там же. Л. 7.
[10] Там же. Л. 7–7об.
[11] Там же. Л. 7об.
[12] Там же.
[13] ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 3.
[14] Там же. Д. 85. Л. 27.

кресного дня праздновали субботу), либо ильинцами (по имени основателя секты Н. С. Ильина), либо иеговистами (в связи с их учением о человекобоге Иегове).

Основателем секты являлся штабс-капитан артиллерии в отставке Николай Сазонтьевич Ильин (1809–1890 гг.), «солдатский сын, хотя он сам называл себя незаконнорожденным сыном генерала Паткуля и польки Тенчинской»[15]. В отчетах епархиальных и окружных миссионеров его биография описывается очень скупо. Наиболее подробные сведения о нем можно узнать из книг протоиерея Т. И. Буткевича и И. К. Смолича[16]. Крещеный в православной вере, Н. Ильин обучался в иезуитской школе в Полоцке. В 1832 г. он поступил на военную службу, в 1843 г. был переведен в Оренбург, а в 1845 г. — в Пермскую губернию, где устроился приемщиком снарядов в Нижне-Баранчинском заводе Верхотурского уезда. В 1846 г. Н. Ильин окончательно отказался от православного вероисповедания и стал открыто распространять свое вероучение. В 1856 г. он был предан суду и по его определению, как душевнобольной, сослан в Соловецкий монастырь[17] (по сведениям А. С. Пругавина, это произошло в 1859 г[18].).

А. С. Пругавин пишет, что в 1859 г. возникло дело об основании на Урале особой секты, получившей название «десного братства». «По этому делу были заключены сначала в Екатеринбургскую тюрьму, а затем в Петропавловскую крепость: основатель секты, сотрудник журнала «Маяк», капитан артиллерии Н. С. Ильин и его последователи — чиновники горного правления, коллежский асессор Будрин, титулярный советник Протопопов, подпоручик корпуса лесничих Лалетин, а также жены Будрина и Лалетина»[19]. Будрин, заболев чахоткой, скончался в тюрьме. Его жена была сослана в Новгородский Свято-Духов женский монастырь. Лалетин в 1859 г. был сослан в Свияжский монастырь, где через десять лет заключения скончался. Н. Ильин в том же году был отправлен в Соловецкую тюрьму (в строгое одиночное заключение), в которой он пробыл до осени 1873 г. По ходатайству своих дочерей он был переведен в Суздальскую монастырскую тюрьму, в которой и находился до 18 июня 1879 г. «Продолжительное заключение вызвало в нем сильное душевное расстройство, вследствие чего он, по просьбе родственников, был освобожден из тюрьмы, но затем сослан «под строжайший надзор полиции» в местечко Паланген, Курляндской губернии»[20].

Из дела о высылке из Пермской губернии под гласный надзор полиции В. Кардаполова за участие в образовании секты «десное братство» 1864–1885 гг[21]. стало известно, что после отправки Н. Ильина в Соловецкий монастырь в 1856 г. на уральских заводах продолжали сектантскую деятельность его последователи Протопопов, Лалетин, Будрин, о которых сообщал А. С. Пругавин. В Санкт-Петербурге была создана комиссия, которая прибыла на Урал с целью раскрытия деятельности других членов секты «десного братства». По результатам работы комиссии наиболее фанатичные сторонники Н. Ильина были высланы из Перм-

[15] Буткевич 1915, 485.
[16] Буткевич 1915, 485–486; Смолич 1996, 179.
[17] Буткевич 1915, 487; Полный православный богословский энциклопедический словарь 1992, 726; Смолич 1916, 179.
[18] Пругавин 1905, 68.
[19] Там же.
[20] Там же, 69.
[21] ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 790.

ской губернии. Несмотря на раскрытие секты, ее деятельность не прекратилась, а, наоборот, достаточно быстро стала распространяться на других заводах.

Основой вероучения секты является сочинение Н.С. Ильина «Сионская весть», центральное место в котором занимает положение о конце света. Ильинцы верили, что бог не духовное существо, а человекобог, так как являлся людям, ел, пил, говорил, даже боролся с ними (с Иаковом). Слово бог является нарицательным для нескольких существ, во главе которых стоит бог-отец, создатель всех прочих миров, отдавший их другим богам в обладание. Бог-сын Иегова является создателем солнечной системы. Он тоже человекобог. А Дух Святой, о котором говорится в Святом Писании, не божественное существо, а состояние человека, особая сила. Ильинцы считали, что на земле уже проложен путь антихристу, так как в результате появления множества лжеучений христианство оказалось разорвано на 666 частей. Все люди, по утверждению Н. Ильина, разделены Господом на стоящих «одесную» (справа) и «ошуюю» (слева) от него. «Десные» (праведники) при приближении царства Иеговы окажутся в Иерусалиме, который будет спущен с неба. «Ошуйцы» же (сатанисты), к которым причислялись католики, православные, иудаисты, мусульмане и буддисты, попадут в ад.

Ильинцы считали, что христианство уже потому не состоятельно, что противоречит основному завету — заповеди о любви. Сектанты спрашивают, можно ли исполнить эту заповедь при разделении людей на владык, начальников, генералов, князей, богачей, бедных крестьян, солдат и архимандритов, и отвечают: где порабощение, подчинение, повиновение или дисциплина, там страх, а в страхе нет любви[22].

Отрицая весь строй церковный, а также государственный, ильинцы проповедовали братство и равенство в будущем Иерусалиме-республике, в котором:

Нет уж варварских наук,
Школ рекрутских, буйство штук,
Нет рапортов, лестей власти.
Все равны в одних чинах;
Нет полиции, ни судей,
Всюду прелесть у людей[23].

Желая ускорить наступление этой Иерусалимской республики, в которой «будут только рощи, зелень и сады; фрукты, сот, мед и плоды»[24], одни иеговисты начали учить, что для этого на них возложена обязанность истребления «сатанистов», т.е. христиан, и пропаганды иеговистического учения посредством распространения рукописных брошюрок, содержащих противоцерковную агитацию, другие же, наоборот начали утверждать и проповедовать необходимость мирного распространения их веры, не прибегая к насилию.

«В 1900 г. иеговисты Баранчинского завода на Урале даже вообразили было наступление будущего блаженного царства и объявили всеобщую войну сатанистам, рассылая брошюры: «Кол в горло», «Рожок» и пр. и даже динамитные машины. Но потерпели заслуженное наказание и присмирели. Это обстоятельство

[22] ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 122. Л. 22.
[23] Там же. Д. 172. Л. 11.
[24] Там же. Л. 12.

заставило их на Урале разделиться на две партии: миротворцев, старающихся распространять свою веру мирным путем убеждения, и мстителей, проповедующих необходимость истребления «сатанистов» (христиан) для ускорения открытия на земле царства Иеговы и распространяющих ругательные брошюрки»[25].

Иеговисты-мстители по преимуществу проживали в Нижне-Баранчинском заводе, иеговисты-миротворцы — в Нижнем Тагиле.

Из «Дела по вопросу о состоянии сектантства «яговистов» в Верхотурском уезде» следует, что приблизительное число иеговистов, живших в Верхотурском уезде в 1898 г., — 396 человек[26]. Помимо явных последователей секты «десное братство», здесь проживало немало тайных последователей «еговистов», за деятельностью коих, по отзыву губернатора, «учрежден строгий полицейский надзор, с тем, чтобы в случае обнаружения распространения ими своего лжеучения или враждебных православию действий, виновные были привлекаемы к уголовной ответственности»[27].

Из «Отчета екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г.» следует, что численность ильинцев Верхотурского уезда составляла 450 человек обоего пола[28]. Согласно же отчету за 1903 г. иеговистов здесь было 275 человек[29]. Столь резкое снижение числа иеговистов связано с их многочисленными арестами, уголовными делами и судебными приговорами в отношении сектантов, обвиненных в оскорблении веры и в попытке устройства террористических актов.

30 сентября 1900 г. содержащийся в Екатеринбургском тюремном замке по делу о распространении «разрывных машин» в Баранчинском заводе иеговист Иван Иванович Слободчиков признался следователю по важнейшим делам Гласcону, «что действительно он сам приготовлял адские машины при содействии иеговистов Василия Спиридонова Говорухина, Ивана Лукина Субботина и Григория Семенова Плотникова, причем боевые пружины делались из обуха кос-литовок, переданные им, а также весь инструмент племяннику Василия Рычкова Аполинарию Рычкову»[30]. В домах у названных лиц были проведены обыски, в результате чего у первых трех были обнаружены только иеговистские брошюрки и листовки, а у Аполинария Рычкова был найден инструмент и материал для приготовления «разрывных машин». 3 октября 1900 г. В. Говорухин, И. Субботин и Г. Плотников были отправлены в Екатеринбургский тюремный замок.

После событий 1900 г. в Верхотурском уезде и последовавших за этим уголовных дел ильинцы отказались от террористических методов деятельности, перейдя только на мирные способы пропаганды своих идей. Они смогли сохранить свою веру и приспособиться к условиям меняющегося мира. Учение Ильина быстро распространилось в других губерниях: Вятской, Уфимской, Самарской, Оренбургской, Херсонской, Митавской и др. На примере этой уникальной религиозной организации, ведущей свои корни из Горного Урала, можно проследить эволюцию духовных взглядов человека, которая происходила вследствие модернизационных процессов в России в пореформенный период.

[25] Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды 1911, 89.
[26] ГАСО.Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 20.
[27] Там же. Д. 122. Л. 2.
[28] Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. 1902, 344.
[29] Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1903 г. 1904, 603.
[30] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98 (1900). Д. 1. Л. 14–14об.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГАПК. Ф.65. Оп.1. Д.790.
ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98 (1900). Д. 1.
ГАСО. Ф.6. Оп.4. Д.85.
ГАСО. Ф.6. Оп.4. Д.122
ГАСО. Ф.6. Оп.4. Д.172.
Буткевич Т.И. (протоиерей). 1915: Обзор русских сект и их толков, с изложением их происхождения, распространения и вероучения и с опровержением последнего. Петроград.
Смолич И.К. 1996: История русской церкви. 1700–1917. Ч. 1. М.
Полный православный богословский энциклопедический словарь 1992. Т.1. М.
Пругавин А.С. 1905: Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М.
Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. 1911. Одесса.
Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1901 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 16. Отдел неоф., 344.
Отчет екатеринбургского епархиального миссионера за 1903 г. // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1904. № 21. Отдел неоф., 603.

A CASE OF BURSTING CHARGE DISTRIBUTION BY EVIL-DOERS AT BARANCHINSK AND NIZHNY TAGIL FACTORIES (FROM THE HISTORY OF URAL JEHOVAH'S WITNESSES)

S.F. Izhguzina-Sibagatova

The article deals with study of the “brotherhood, taking place to the right of the God” sect that appeared at the Urals factories in the middle of the 19th c. Its members split into peacemakers and avengers. 1900 saw a number of attempted murder cases in Verkhotur uyezd by means of home-made dynamitic apparatus. Investigation revealed the involvement of “forest brotherhood”. Religious organization of the kind in the Urals makes it possible to define specific world outlook of mining and steel area population, their seeking and striving in the changing world.

Key words: Verkhotur uyezd, Perm guberniya, sect.

© 2010

В. С. Черепенчук

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ В СИБИРИ КОНЦА 1918 ГОДА АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПРЕССОЙ АРХАНГЕЛЬСКА

В статье рассматриваются отношения между двумя регионами «белой» России: Архангельском и Сибирью в период Гражданской войны. Исследование базируется на материалах периодической печати того времени. В 1918 году в различных частях России были организованы антибольшевистские правительства, но их программы были разными, а отношения между ними — непростыми. Данная статья рассматривает особенности освещения событий в Зауралье на страницах архангельских газет.

Ключевые слова: «Белая» Россия, газета, Гражданская война.

На севере после высадки английского десанта в Архангельске 2 августа 1918 года под присмотром союзников вместо существовавшей с февраля советской власти стало формироваться Верховное управление Северной областью, в составе которого оказались преимущественно эсеры. Председателем правительства был Н. В. Чайковский. В 1904 году он примкнул к эсерам, в сентябре 1918 года его заочно выбрали в состав Уфимской Директории. Кстати, в последнее время в исторической (точнее, «околоисторической» литературе) акцентируется внимание на том, что Чайковский был «матерым масоном»[1], но для нашего исследования это вряд ли имеет значение.

Правительство не сразу приобрело окончательный вид, Чайковскому пришлось переформировывать его под нажимом союзников. Тем не менее, уже 5 августа 1918 года в Архангельске выходит газета «Северное утро», заглавие которой сопровождается пометкой «8-й год издания». На первой полосе редакция сообщает: «…Недавний захват нашей типографии и запрещение выхода нашей газеты сильно отразились на работах, а потому первый номер… мы вынуждены в течение нескольких дней выпускать в половинном размере. Подписчики газеты «Северный день» будут получать газету «Северное утро»»[2]. Здесь необходимо пояснить, в чем состояла суть этой замены. «Северный день» выходил в Архангельске во время нахождения у власти Советов и представлял собой издание, ни в чем не противоречившее ленинскому Декрету о печати. В частности, размещал на своих страницах постановления Советской власти. И, конечно, замена его на «Северное утро», которое представляло себя как «орган демократической мысли» (ред. М. Л. Леонов), знаменовало собой возврат к эсеровской идеологии. «Свершилось! — радостно сообщает возрожденное «Северное утро» 5 августа. — При всеобщем ликовании, при радостных кликах восставшего народа, встретившего наконец на своей территории долгожданных нами освободителей страны, (…) мы выпускаем первый номер прерванной вследствие «декрета о свободе печати»

[1] Например: Черкасов-Георгиевский 2000.

[2] Северное утро. — 1918. — 5 авг.

нашей газеты… наш горячий привет Верховному управлению Северной области в лице председателя его, члена Учредительного собрания… Да здравствует Учредительное собрание!»[3]

Через несколько дней начинает издаваться новая газета — Вестник Верховного управления Северной области, которая в первом номере от 10 августа опубликовала обращение Н. В. Чайковского: «…учреждается официальный Вестник, в котором должны публиковаться все узаконения, постановления и распоряжения Верховного правления и подчиненных ему органов. Благоволите все распоряжения, приказы и назначения по вверенному Вам ведомству направлять на имя редактора Вестника…»[4]. Кстати, Северная область в период Гражданской войны в принципе была небогата периодическими изданиями.

Еще с конца июля в Архангельске присутствовали представители держав Согласия, а с момента высадки десанта власть практически сосредоточилась в руках английского военного командования. Генерал Айронсайд с осени 1918 года, по высказыванию одного из исследователей Гражданской войны А.Зайцова, «…стал фактическим распорядителем судеб нашего Севера»[5]. Русскими вооруженными силами в Архангельске, которые на тот момент отнюдь не были впечатляющими, командовал сначала полковник Дуров, затем его сменили генерал В. В. Марушевский, который оказался не слишком «результативным» деятелем, и генерал Е. К. Миллер, с января 1919 года занявший должность генерал-губернатора и венного министра правительства.

Что же касается фронта, то он имел ряд особенностей. Русские воинские части, сражавшиеся против большевиков в одних рядах с англичанами, были немногочисленны и не слишком надежны, фронт фактически состоял из ряда отдельных группировок, опоясывавших южное побережье Белого моря в удалении от него в среднем на 200 километров. Через отряды, стоявшие по рекам Мезени и Печоре, Северный фронт мог поддерживать связь с Сибирью, но весной и осенью эти территории обращались в болото. Кроме того, именно здесь, в северном регионе, в кольце фронтов, окружавших советскую республику, был разрыв между Челябинском и Белым морем — примерно 1500 километров. Каким же образом складывались взаимоотношения между Северным регионом и антибольшевистской Сибирью и как они отразились на страницах газет?

Непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме имеет следующий документ. Еще 1 июля 1918 года, до высадки английского десанта на Белом море, состоялось заседание Северного областного комитета РКП(б) «О положении на Мурмане». Согласно сохранившемуся протоколу, «Тов.Зиновьев» высказал следующее мнение: «…Положение на Мурмане чрезвычайно серьезное. Английские и французские империалисты действуют как германские. Они искали агентов из нашей среды. Мурманский край-совдеп вел крайне двусмысленную предательскую политику. За дальностью расстояний и неточностью материалов нельзя было выяснить занимаемое край-совдепом положение. Сегодня в два часа ночи… было сообщено, что мурманский край-совдеп с предателем Юрьевым отказались

[3] Северное утро. — 1918. — 5 авг.

[4] Вестник Верховного управления Северной области. — 1918. — 10 авг. (С октября 1918 года газета называется Вестником Временного правительства Северной области).

[5] Зайцов 2006, 323.

исполнить постановления Центральной власти…»[6]. Несмотря на то, что речь идет о «Мурмане», здесь на первый план выходит важный аспект изучаемого нами вопроса — проблема «дальности расстояний» и «неточности материалов», которая оказывала огромное влияние на формирование системы периодической печати 1917–1922 годов. Нельзя не отметить также такую особенность прессы времен Гражданской войны, как сложные и витиеватые пути приобретения информации: наряду с официальными приемами работы журналистов и корреспондентов, широко использовались такие варианты, как «перехват радио», рассказы перебежчиков, перепечатка сведений из прибывших с «оказиями» газет. Например, публикуя материалы о положении в Петрограде, архангельским редакциям зачастую было проще использовать данные иностранных источников, и наоборот. Так, например, «Северное утро», размещая данные о сокращении численности населения Петрограда, использует для этого статьи «Франкфуртской газеты»[7]. Проблема недостоверности, сомнительных источников, необходимости многократного возвращения к одной и той же теме тоже присутствует. Так, после покушения на В. И. Ленина газета «Отечество» сообщала: «…по сведениям из-за границы и по словам прибывших из России лиц, Ленин умер от ран 1-го сентября. Смерть его долго скрывали»[8]. Обратим внимание на дату публикации — 20 сентября — и на указанный источник сведений, а также на то, что четко проведен водораздел между «Архангельском» и «Россией». Нужно отметить, что все сведения с востока и юга поступали в Архангельск с громадным опозданием, чего нельзя сказать о европейских новостях. Обзор последних событий во Франции, Великобритании, Восточной Европе иногда выходит на первый план. К произошедшему в Уфе формированию Директории и последующему приходу к власти А. В. Колчака архангельские газеты высказали более чем осторожное отношение. «Ежедневная беспартийная общественно-политическая газета» «Отечество» первого декабря 1918 года (!) пишет: «Мы на страницах нашей газеты с самого начала ее существования говорили одно и то же: спасение страны на в партийности, а в общенациональности будущего Всероссийского правительства. (…) И мы с великим огорчением узнали, что Уфимское совещание не стало на эту точку зрения… приняв за источник правопреемственности столь печально кончившее свое существование 6 января Учредительное собрание… Учредительное собрание, и сейчас являющееся эманацией и прибежищем одной же партии, навсегда скомпрометировало себя…»[9]. Обратим внимание на то, что газета критикует правительство, которое на тот момент уже почти две недели не существует. Несколькими днями ранее «Северное утро» опубликовало обращение архангельского отдела партии Народной свободы: «В местной официальной прессе в последние дни были помещены телеграммы Омского правительства о бывшем в Уфе совещании… на этом совещании было решено созвать на 1 января 1919 года Учредительное собрание прежнего состава…Временно власть передана подотчетной Учредительному собранию директории из пяти лиц… Архангельский комитет партии народной свободы считает долгом предо-

[6] Протоколы заседаний Северного областного Комитета РКП(б) за 14 апреля — 20 декабря 1918 года. ЦГА ИПД. Л.7.

[7] Северное утро. — 1918. — 21 нояб.

[8] Отечество. — 1918. — 20 сент.

[9] Отечество. — 1918. — 1 декаб.

стеречь население Северной области и открыть ему глаза на действительную сущность этого движения. Комитет заявляет: (…) Учредительное собрание 5 января 1918 года уронило свое достоинство избранием Чернова, принятием резолюции о мире циммервальдского характера… Архангельский отдел партии народной свободы заявляет, что созыв какого-либо представительного органа может иметь место только после полного очищения страны от большевиков».[10] То есть, кадеты Архангельска выказывали явное разочарование «учредиловщиной», вполне стыкуясь в этом с теми, кто считал, что она совершенно изжила себя (именно на этой почве в Омске возрастали идеи о диктатуре). Да и в целом отношение к Директории было достаточно осторожным.

О перевороте Колчака большинство архангельских газет сообщают в основном только в начале или даже ближе к середине декабря, и информация эта зачастую представлена довольно причудливо. Все то же «Северное утро» 2 декабря 1918 года в разделе «в последний час» (имеется в виду верстка номера) публикует следующий материал: «Свержение директории в Омске. Совет министров в Омске под председательством Вологодского низвергнул Директорию и завладел властью. Военный и морской министр генерал Колчак объявлен регентом при временном русском правительстве. Он взял на себя командование всеми военными силами в Сибири. Он заявил, что его правительство не потерпит ни реакции, ни революционных крайностей. Директория уничтожена. Омский совет министров остается у власти под председательством Вологодского. Название правительства не изменилось. Оно стремится к восстановлению порядка и восстановлению Омской армии…»[11]. Довольно показательная заметка. Мало того что Колчака называют генералом, так его еще и обозначили словом «регент», которое в принципе для России нетипично. Если вспомнить буквальный перевод с латыни, то регент — это всего лишь правитель, но у нас это слово обычно употребляли применительно к «временному лицу» при малолетнем или неспособном к управлению государе. Что означают слова о том, что название правительства не изменилось, остается только гадать. Видимо, таким образом отозвалась информация о том, что совет министров остался практически без изменений. Очень похожий материал, отличающийся буквально несколькими словами, опубликовало 3 декабря «Отечество». Заметка помещена в разделе «Телеграммы»[12]. Можно предположить, что газеты использовали одно и то же телеграфное сообщение, либо «Отечество» использует как источник заметку «Северного утра» — такие случаи для рассматриваемого нами периода типичны.

Надо сказать, что несколько настороженное отношение к событиям в Омске вполне объясняется заметкой, помещенной в Вестнике Временного правительства Северной области 12-го декабря. «Всероссийское правительство, образованное в Омске, свергнуто Вологодским, одним из министров, который захватил власть и объявил диктатуру, назначив адмирала Колчака регентом. Архангельское правительство считает себя ответственным перед прежним омским правительством»[13]. Хочется обратить внимание на то, что архангельские газеты приписывают Воло-

[10] Северное утро. — 1918. — 27 нояб.
[11] Северное утро. — 1918. — 2 декаб.
[12] Отечество. — 1918. — 3 декаб.
[13] Вестник Временного правительства Северной области. — 1918. — 12 декаб.

годскому более яркую роль, нежели та, что он на самом деле играл в событиях ноября 1918 года. Вообще архангельская пресса, сообщая довольно скупо о событиях в Омске, воздерживается от каких-либо характеристик и агитации. Вероятно, в первую очередь это объясняется тем, что влияние иностранцев (в первую очередь англичан) в Архангельске было огромно, а дело с признанием омского правительства продвигалось туго. Да и сам Чайковский, который относился к произошедшему в Сибири перевороту неодобрительно, был зависим от мнения представителей союзнических сил и долго занимал выжидательную позицию. Поэтому обилия информации относительно сибирских событий в северных газетах не наблюдалось. Но тем не менее взаимосвязь этих двух регионов прослеживалась именно в сфере периодической печати. «Переворот в Омске и провозглашение А. В. Колчака Верховным правителем способствовали заметной активизации правых политических кругов в Архангельске.Одним из политических центров стал «Союз национального возрождения» и его фракция в городской думе. К нему примыкало реакционное политиканствующее офицерство, группировавшееся вокруг славяно-британского легиона и генерала Пуля. Печатными органами правых стали газеты «Отечество» и «Русский север»»[14]. Процитированное издание нельзя назвать освободившимся от советских идеологических штампов, но приведенный отрывок является удачной иллюстрацией к следующему моменту: очень часто в период Гражданской войны материалы, публикуемые в той или иной газете, вполне стыковались с постулатами какого-либо политического направления или даже определенной партии, в то время как само издание представляет себя «беспартийной» или даже «литературной» газетой. Напомним, что в заглавии «Отечества» заявлено, что это «Беспартийная, общественно-политическая газета».

Кстати, можно привести и еще один любопытный документ. «Северное утро» 27 ноября 1918года, еще до того, как в Архангельске стало известно об омском перевороте, разместило следующую информацию: «…на имя члена Всероссийского правительства, председателя Временного правительства Северной области Н. В. Чайковского получена из Парижа от посла Маклакова телеграмма следующего содержания: «Передаю вашу депешу Французскому правительству. Концентрация власти находится на хорошем пути. Задача момента — создание на Украине правительства, которое вошло бы в соглашение с Омском. Разрешение этой задачи сгладило бы затруднения официального признания. Сделайте с вашей стороны все возможное, чтобы устранить сомнения тех, которые не видят, что дружественное вмешательство, направленное против большевиков, есть необходимая помощь русской демократии»[15]. В начале января 1919 года «общесоциалистическая» газета «Возрождение Севера» пишет: «…Обязанность всех слоев населения Северной области — прийти на помощь родине, отбросив опыты в области установления власти, вплоть до диктатуры и монархии, предоставив решить вопрос о власти Всероссийскому Учредительному собранию. В это ужасное время опыты с властью ведут к классовой розни, непониманию и общей гибели»[16]. И тем не менее вскоре та же газета публикует материал, имеющий непосредственное отношение к предмету нашего исследования: «…Вглядываясь в процесс оздоров-

[14] Голдин 1993, 98.
[15] Северное утро. — 1918. — 27 нояб.
[16] Лехов. Что делается в России // Возрождение Севера. — 1919. — 4 янв.

ления России, невольно обращаешь внимание на то, что здоровые корни России оказались в Сибири, и что там начинается новая эпоха государственного воссоздания нашей изнасилованной германо-большевиками родины… Само царское правительство как бы подготовило Сибирь быть очагом оздоровления России»[17]. Имеются в виду сосланные в Сибирь декабристы, петрашевцы, народники и т.д. Следует отметить, что поддерживать более или менее постоянную связь архангельское и омское правительства смогут лишь с мая-июня 1919 года.

Таким образом, «идейное состояние» архангельской общественности и средств массовой информации отражает характерный для Гражданской войны момент: антибольшевистские силы осознавали необходимость консолидации, но мешали этому чаще не географические, а гораздо менее объективные идеологические причины…

БИБЛИОГРАФИЯ

Вести о России. К событиям в Омске // Вестник Временного правительства Северной области. — 1918. — 12 декаб.

Голдин В.И. 1993: Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере (1918–1920). М.

Зайцов А.А. 2006: Очерки истории русской Гражданской войны. М.

Из Советской России (Из иностранных газет) // Северное утро. — 1918. — 27 нояб.

К объединению омского и украинского правительств // Северное утро. — 1918. — 27 нояб.

К населению Северной области // Северное утро. — 1918. — 27 нояб.

Лехов М. Что делается в России // Возрождение Севера. — 1919. — 4 янв.

Отечество. — 1918. — 1 декаб.

От редакции // Северное утро. — 1918. — 5 авг.

От председателя Верховного управления Северной области // Вестник Верховного управления Северной области. — 1918. 10 авг. (С октября 1918 года газета называется Вестником Временного правительства Северной области)

Протоколы заседаний Северного областного комитета РКП(б) за 14 апреля — 20 декабря 1918 года. ЦГА ИПД, ф.16. оп.1. св.36. Д. 289. Л.7.

Свержение Директории в Омске // Северное утро. — 1918. — 2 декаб.

Свершилось! // Северное утро. — 1918. — 5 авг.

Сибирь и возрождение России // Возрождение Севера. — 1919. — 14 янв.

Смерть Ленина // Отечество. — 1918. — 20 сент.

Черкасов-Георгиевский В. 2000: Вожди белых армий. Смоленск.

[17] Возрождение Севера. — 1919. — 14 янв.

ARKHANGELSK ANTI-BOLSHEVIK PRESS COVERAGE OF EVENTS IN SIBERIA AT THE END OF 1918

V.S. Cherepenchuk

This article deals with the relations between two regions of the "White" Russia: Arkhangelsk and Siberia during the Civil War. The study is based on the press material of the time. In 1918 anti-Bolshevik governments were formed in different regions of Russia. They had dissimilar political programs, and their relations were far from simple. The article considers peculiarities of Zauralye events coverage by Arkhangelsk newspapers.

Key words: "Wight" Russia, Civil War.

© 2010

А. В. Чащин

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРОДАХ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1926–1940 ГГ.

В статье рассматривается изменение численности населения на территории Среднего Урала в 1926–1940 гг. Представлен анализ рождаемости и смертности. Особое внимание уделяется причинам смертности, факторам, которые привели к демографической катастрофе 1932–1934 гг. Доказывается, что городское население было на начальной стадии демографического перехода.

Ключевые слова: демографический переход, воспроизводство населения, Свердловская область.

Период с конца 1920-х г. по конец 1930-х г. занимает особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических процессов: форсированная индустриализация, раскулачивание и голод 1932–1933 гг., политические репрессии. Особый интерес, в связи с этим, представляет изучение демографической ситуации в городах, поскольку изменения в рождаемости и смертности городского населения определили их особую роль в начале демографического перехода.

В данной статье рассматривается население городских поселений Среднего Урала, которые с 1923 г. были в составе Верхнекамского, Пермского, Кунгурского, Нижнетагильского, Ирбитского, Свердловского, частично Сарапульского и Шадринского округов, а в 1934 г. были включены в Свердловскую область. В состав Свердловской области вошли городские поселения, как Прикамского региона[1],

[1] Административно-территориальное деление союзных республик 1937,79–83.

которые в 1938 г. отойдут в Пермскую область, так и городские поселения, которые после 1938 г. остались в составе Свердловской области[2].

В последнее время усилился интерес к демографической истории городского населения Урала. Среди исследователей можно выделить: А.И. Кузьмина[3], А.Г. Оруджиеву[4], В.А. Журавлёву[5], Г.Е. Корнилова, С.Ю. Баранова[6] и др.

Свердловская область являлась одной из наиболее урбанизированных территорий: в 1934 г. 73% от общего числа городских поселений Уральской области вошли в состав области (Всесоюзная перепись населения 1926 г. 1928, 4, 98–99). По данным переписей численность городского населения (городов и рабочих посёлков)[7] рассматриваемой территории увеличилась с 1119368 чел. в1926 г. до 2331176 чел. в 1939 г. т. е. более чем в 2 раза. Если в 1926 г. доля городского населения составляла 32% от общей численности населения региона, то по переписи 1939 г. доля городского населения равнялась 51%[8].

По переписи 1926 г. доля численности детей составила 33%, людей старше 60 лет — 5,8%, т.е. удельный вес численности детей значительно превышает удельный вес прародительный. Из этого следует, что возрастная структура городского населения относится к прогрессивному типу. Поскольку удельный вес численности людей старше 60 лет ниже 8%, то можно говорить о том, что городское население находилось на этапе демографической молодости согласно шкале демографического старения Ж. Божье-Гранье–Э. Россета. Перепись 1939 г. зафиксировала уменьшение удельной доли численности людей в возрасте старше 60 лет до 4,7%, удельная доля детей уменьшилась не столь значительно — до 32,4%, что связано с миграцией в города преимущественно людей трудоспособного возраста.

Таблица 1

ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1928–1939 ГГ., %

года	рождаемость	смертность	естественный прирост	младенческая смертность
1927	50,1	29	21,1	—
1928	48,6	25	23,6	202,8
1929	42,9	24,7	18,2	236,1
1930	40,8	26,8	14	251
1931	35,4	29	6,4	274,2
1932	34,2	31	3,2	298,4
1933	32,3	48,6	–16,3	268,3
1934	34	30,1	3,9	216,2

[2] Уральская историческая энциклопедия 2000, 533.
[3] Кузмин 1993.
[4] Кузьмин, Оруджиева, Корнилов 1996.
[5] Журавлёва 2006, 33–37.
[6] Баранов 2009.
[7] Народонаселение 1994, 89–90.
[8] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. 2002, 126, 288.

Окончание табл. 1

года	рождаемость	смертность	естественный прирост	младенческая смертность
1935	38	20,7	17,3	201,7
1936	39,3	26	13,3	266,2
1937	45,5	26,5	19	266,2
1938	43,1	22	21,1	214,3
1939	41,1	26,9	14,2	226,2
1940	38,8	26,1	12,7	261

Составлена по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д.33. Л.39–42; Д. 170. Л. 2–8 об.; Д. 171. Л. 1–7; Д. 172. Л. 1; Ф. Р–1813. Оп.1. Д. 98. Л .5; Д. 99. Л. 7; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 6; ГАПК. Ф. Р–493. Оп. 3. Д. 7216. Л. 196–198 об., Оп. 11. Д.1. Л. 1–19, 50–61, Д. 4. Л. 17–19 об.; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л.2; Д. 52. Л. 101–101 об.; Д. 192. Л. 73, 151; ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 23. Д. 86. Л. 83–86; Д. 134. Л. 62–77.

Из анализа табл. 1 видно, что во второй половине 1920-х гг. в городах Среднего Урала показатель рождаемости, согласно шкале коэффициентов рождаемости Б.Ц. Урланиса, был на очень высоком уровне, достигая физиологического максимума[9]. Однако с конца 1920-х гг. наблюдается тенденция к снижению рождаемости, что было связано с быстрыми и глубокими изменениями в прокреативном поведении. Показатели рождаемости в начале 1930-х гг. были значительно ниже, чем в предыдущий период. Резкий рост смертности совместно со снижением рождаемости лежали в основе демографической катастрофы в 1932–1934 гг.[10]. Резкий рост рождаемости после демографической катастрофы, согласно мнению В.А. Исупова, связан с компенсаторной волной, ранее отложенных рождений. Пик данной волны приходится на 1937 г., после чего вновь наблюдается тенденция к снижению рождаемости. После демографической катастрофы показатели рождаемости, хотя и выросли, однако, они не превышали показателей 1926–1927 гг. В конце 1930-х гг. данная тенденция вызывала серьезную обеспокоенность среди специалистов Управления народно-хозяйственного учёта, поскольку не соответствовала ранее сделанным прогнозам об естественном приросте населения[11].

Смертность, превышая 25 %, даже в достаточно благополучные годы, находилась на очень высоком уровне согласно шкале оценки уровня общего коэффициента смертности (Стеценко С.Г., Козаченко И.В. 1981, 133). Смертность, как это видно из табл. 1, являлась основной причиной низкого естественного прироста в начале 1930-х гг., а в 1933 г. причиной естественной убыли населения, что в целом соответствовало общесоюзным тенденциям[12].

Снижение рождаемости в конце 1920-х гг. при одновременном росте общей смертности указывает на рост смертности в старших возрастных группах. Из анализа табл. 2 видно, что если в 1933 г. доля умерших младенцев от общего числа

[9] Урланис 1963, 75.
[10] Исупов 2000, 9–10.
[11] ГАПК. Ф. Р–493. Оп. 3. Д. 7217. Л. 98–98 об.
[12] Андреев, Дарский, Харькова 1993, 135.

смертей составляла 20,5 %, то в 1937 г. их доля увеличилась до 42,3 %. Это указывает на снижение смертности в старших возрастных группах. Например, если в 1933 г. на возрастную группу 20–29 лет приходилось 7,1 % от общего числа смертей, то в 1937 г. уже 5,1 %.

Снижение младенческой смертности в 1933 г. можно объяснить уменьшением рождаемости в предыдущий период. Рост рождаемости с 1935 г. привёл и к росту младенческой смертности. Однако, с 1937 г. вновь наблюдается тенденция к росту младенческой смертности при снижении рождаемости.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СМЕРТЕЙ ПО ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ НА ТЕРРИТОРИИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ 1933 И 1937 ГГ., %

возрастные группы	1933 г.	1937 г.
0–9 лет	43,7	64
в т. ч. до 1 года	20,5	42,3
10–19 лет	3,4	2,7
20–29 лет	7,1	5
30–39 лет	6,3	5,1
40–49 лет	7,4	4,1
50–59 лет	8,7	4,5
60–69 лет	8,8	4,6
70 лет и старше	10	5,5
неизвестный возраст	2,9	0,1
Итого	100	100

Составлено по: ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 23. Д. 225. Л. 152–152 об.; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп.2. Д. 172. Л. 51–51 об.; Ф. Р–1813. Оп. 1. Д. 100. Л.1–2.

Рост младенческой смертности, как неоднократно отмечалось в отчётах Уральского народно-хозяйственного учёта, связано с ростом числа инфекционных заболеваний: кори, дизентерии, скарлатины, коклюша[13]. В целом, так же, как и в случае с рождаемостью, во второй половине 1930-х гг. можно говорить о тенденции снижения смертности.

Отдельно необходимо проанализировать начало 1930-х гг., когда была зафиксирована демографическая катастрофа. Из анализа табл. 3 видно, что в 1933 г. с февраля по август смертность достигала наибольших значений. В это же время рождаемость, хотя и оставалась на среднем уровне согласно шкале коэффициентов рождаемости Б.Ц Ураланиса, однако, для того времени это было необычным, учитывая, что в предыдущий период рождаемость находилась на высоком или очень высоком уровне. Рост рождаемости был зафиксирован только в июле-августе 1934 г., что совместно со снижением смертности обеспечило положительный прирост населения во второй половине 1934 г. В осенний период 1933 и 1934 гг. в свя-

[13] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 117. Л. 79.

зи с улучшением продовольственного снабжения смертность уменьшается. Однако в конце зимы и весной 1934 г. вновь был зафиксирован рост смертности, при этом, как и в 1933 г., самый высокий показатель смертности был отмечен в мае.

Таблица 3

ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1933–1934 ГГ., %

месяцы	рождаемость		смертность		прирост	
	1933	1934	1933	1934	1933	1934
январь	22,5	21,2	25,8	27,2	–3,3	–6
февраль	26,5	19,9	38,5	26	–12	–6,1
март	24,7	18,8	39,8	28,6	–15,1	–9,8
апрель	24,8	19,6	43,1	28,4	–18,5	–8,8
май	24,1	23,2	45,7	31,5	–21,6	–8,3
июнь	24,0	25,9	39,6	26,9	–15,6	–1
июль	26,8	29,2	38	24,4	–11,2	4,8
август	26,3	32,2	41,2	22,3	–14,9	9,9
сентябрь	23	30,2	29,3	20,2	–6,3	10
октябрь	21,7	33,5	27,5	15,5	–5,8	18
ноябрь	18,4	30	25,3	15,8	–6,9	14,2
декабрь	19,5	30	27,6	19,1	–8,1	10,9

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41. Л. 26.

Для объяснения роста смертности в начале 1930-х г. необходимо обратиться к анализу распределения умерших по причинам смертности и группам заболеваний. В табл. 4 представлены только те группы заболеваний, которые являлись наиболее распространенными причинами смерти среди городского населения Среднего Урала.

Таблица 4

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УМЕРШИХ СРЕДИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ПРИЧИНАМ СМЕРТИ ПО ГРУППАМ ЗАБОЛЕВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1933−1939 ГГ., %

классификация причин смерти	1933	1934	1935	1936	1937	1939
инфекционные и паразитические заболевания	12,9	11,4	6,9	10,3	10,2	7,4
иовообразования	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
болезни системы кровообращения	4	2	1,1	1,2	1,3	1,4
болезни органов дыхания	6,7	4,3	2,5	3,4	3,8	3,3

Окончание табл. 4

болезни органов пищеварения	8,4	4,4	3,5	4,7	4	3,7
симптомы, признаки и неточно обозначенные состояния	5,4	2,3	1	0,9	0,2	0,2

Составлено по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д.33. Л. 39–42; Д. 170. Л. 2–8 об.; Д. 171. Л. 1–7; Д. 172. Л. 1; ГАСО. Ф. Р–1813. Оп.1. Д. 98. Л.5; Д. 99. Л. 7; Д. 100. Л. 5; Д. 101. Л. 6; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 49. Л.2; Д. 52. Л. 101–101 об.; Д. 192. Л. 73, 151; ГАРФ. Ф. А–374. Оп. 23. Д. 134. Л. 62–77.

Инфекционные и паразитарные заболевания являлись ведущей причиной смерти в течение всего рассматриваемого периода, как это видно из данных табл. 4. Наиболее распространенной причиной смерти были: сыпной и брюшной тиф, оспа, скарлатина, корь, коклюш, дифтерия, грипп. В этиологии данных болезней главную роль играют экзогенные по отношению к человеку факторы[14].

Активное промышленное строительство вызвало резкий рост населения в городских поселениях, что привело к острой нехватке жилья, объектов социальной инфраструктуры: водопровода, бань, прачечных. Антисанитарное состояние городов стало основной причиной эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы[15]. Например, рабочий из Чусового в 1933 г. возмущался, что «…в бараках хуже, чем в конюшне: нет дров, нет воды, некоторые рабочие ударники живут по полгода и спят на нарах, на голых досках»[16]. Типичным для Урала является описание бараков Нижнего Тагила из справки, предоставленной в 1933 г. секретарю Уральского обкома тов. И.Д. Кабакову: «Вот, например, барак №2 и №4 железного цеха: грязь, клопы. В комнатах холодно, по бараку свободно гуляет ветер, щели в 2 пальца»[17]. Нехватка качественной питьевой воды также в немалой степени способствовало росту числа инфекционных заболеваний, особенно брюшного тифа. В докладной записке в 1931 г. отмечалось: «Одним из источников распространения эпидемии является плохое состояние дела охраны водоёмов. Питьевое водоиспользование организовано совершенно неудовлетворительно: в большинстве центров источником водоснабжения являются открытие водоёмы, примитивные колодцы и даже лужи (Кизел). Центральное водоснабжение крупнейших индустриальных центров Урала (Свердловск, Челябинск и Пермь) страдает рядом существенных дефектов: зоны санитарной охраны водоисточников существуют в ограниченном числе пунктов и зачастую нарушаются (Свердловск)»[18]. Те же причины способствовали росту смертности для группы людей, страдающих болезнями органов дыхания (особенно туберкулёза).

В течение 1930-х гг. проблема с санитарным состоянием городских поселений так и не была решена. Например, в отчёте о санитарном состоянии Свердловска за 1938 г. указывалось, что в городе имеются серьезные проблемы с очисткой города как от твёрдых, так и жидких отходов в силу недостаточной протяжённости

[14] Демографическая модернизация России 2006, 257.
[15] Чащин 2009, 211–216.
[16] ЦДООСО. Ф. 4.Оп. 11. Д. 277. Л. 72.
[17] Там же.
[18] ГАСО. Ф. Р–245. Оп.1. Д. 1236. Л. 8–9.

канализации. Остро стояла проблема с обеспечением населения чистой питьевой водой. Отмечалось, что чрезмерное загрязнение реки Исети в Свердловске, протекающей через весь город, привело к тому, что воду из реки нельзя было использовать для бытовых нужд[19]. С такими же проблемами сталкивались и другие крупные городские поселения Среднего Урала. В докладной записке от 1938 г. «По эпидемическим заболеваниям в области и меры борьбы с ними» отмечалось, что сыпной тиф не ликвидирован вследствие непорядочности коммунально-бытового обслуживания населения, ввиду значительной загрязнённости почвы и нарушения санитарного режима, ассенизации, элементарных правил питьевого водоснабжения (Свердловск, Нижний Тагил, Кизел, Пермь, Молотово)[20].

Как уже было отмечено, высокий уровень смертности во второй половине 1930-х гг. был связан с увеличением детской смертности[21]. Особенно, в связи с этим стоит выделить заболевания, как скарлатина, дизентерия, коклюш, которые в своей массе приходились на детей[22]. Так в объяснительной записке к годовому отчёту по движению острых заразных заболеваний по Пермской области за 1939 г. отмечалось, что дизентерия занимает одно из первых мест по области, не только по уровню заболеваемости, но и по смертности от неё. Основной причиной сложившейся ситуации было отсутствие элементарных знаний об уходе за младенцем. Например, была широко распространена практика кормления грудничков с первых месяцев жизни цельным коровьим молоком[23]. К этому необходимо добавить, что несмотря на активное строительство, количество медицинских учреждений было недостаточным, не хватало медицинских кадров[24]. Например, в докладной записке о состоянии медицинских кадров по Свердловской области на 1 сентября 1939 г. указывалось, что в таких крупных городах, как Серов, Красноуральск, Новая Ляля амбулаторный приём в поликлиниках на 40–60 % ведут фельдшера, они же почти целиком обслуживают скорую неотложную и квартальную помощь[25].

В течение всех 1930-х гг. большая часть населения голодала, что выражалось, согласно типологии П.А. Сорокина, как в форме абсолютного голода, так и форме латентного голода или недоедания[26]. Из данных табл. 4 видно, что смертность от болезней органов пищеварения стояла в 1933 г. на втором месте после инфекционных и паразитарных заболеваний. В последующий период количество умерших на 1000 чел. от данной группы уменьшается. С 1931 г. в таблицах отдельно выделялась графа «болезни от неполноценного питания (включая рахит)». Доля умерших от данных заболеваний составила в 1933 г. 0,9 %, в 1934 г. уже 0,4 %, в 1935 г. 0,1 %, в 1936 г. 0,06 %. С 1937 г. соответствующая графа в таблицах умерших по причинам смерти пропадает. Можно говорить, что умерших людей от голода среди городского населения было больше, так как, как отмечают исследователи, отнюдь не все смерти от голода регистрировались[27]. В этой связи обращает на себя

[19] ГАСО. Ф. Р–286. Оп. 2. Д. 14. Л. 27.
[20] ЦДООСО. Ф.4. Оп. 33. Д. 151. Л. 60.
[21] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 121. Л. 145.
[22] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 92. Л. 147.
[23] ГАПК. Ф. Р–493. Оп. 3. Д. 7217. Л. 7–13.
[24] ЦДООСО. Ф.4. Оп.10. Д. 219. Л. 209.
[25] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 309. Л. 144.
[26] Кандрашин 2008, 48.
[27] Исупов 2000, 96.

внимание, что количество людей, умерших от симптомов, признаков и неточно обозначенных состояний в 1933 г. на 1000 чел было значительно больше, чем в последующие годы (см. табл. 4). Доказательством голода является эпидемия цинги. Причиной заболевания цингой является некачественное питание и недостаток витаминов. В апреле 1933 г. отмечалось: «Указанные сведения надо считать, безусловно, преуменьшенными в несколько раз, во-первых, и, во-вторых, в группу «цинга» входит не только действительно цинга, но и безбелковые отёки <…> регистрируется, как правило, исключительно тяжёлые случаи безбелковых отёков с признаками огромного истощения, с неподдающимися лечению поносами. Безбелковые отёки, осложнённые поносами, дают огромнейшую смертность»[28]. В материалах сводок ОГПУ по городу Перми в 1932 г. были зафиксированы высказывания рабочей завода им. Дзержинского: «Дожили, я видела сама на чёрном рынке, как мужчина умирал с голоду, прохожие давали корки хлеба, но он есть уже не мог»[29]. При этом другая работница добавила, что у её знакомого умерло двое ребят с голоду[30]. Рабочий железнодорожной станции Алапаевск в сентябре 1933 г. высказывал недовольство: «Я тоже работать не буду, возьму расчёт лишь потому, что не достаёт пайка, приходиться сидеть голодом по четыре дня»[31]. Рабочие с завода им. Шпагина в Перми констатировали: «Выходят, говорят и обещают, что положение рабочих советская власть улучшает, а на самом деле положение всё ухудшается — начали уже водичкой кормить»[32]. В асбестовском районе маркшейдер Изумрудных копий в 1933 г. высказал мнение: «Советская власть — это власть холопов, она в состоянии заморить голодом, и в настоящее время рабочие только бы не померли с голоду, и заработать себе кусок хлеба, а не ради построения социализма»[33]. В другой сводке пермский рабочий возмущался: «Мы, товарищи, идём не к социализму, а к провализму. В конце-то концов, изорвёт голодом. Когда же кончится это мучение?»[34].

Выявление случаев заболевания цингой во второй половине 1930-х гг. указывает на сохранение проблем с продовольственным снабжением городского населения. Например, в 1938 г. в докладной записке о санитарном и эпидемическом состоянии указывалось, что «цинга в 1937 г. дала совершенно исключительное развитие в пределах Свердловской области»[35]. О заболевание цингой в 1940 г. были сообщения по Свердловску и Красноуральску[36].

Одной из примет времени были очереди, вызванные нехваткой продуктов. Во внеочередном донесение УНКВД по Берёзовскому району за 15 февраля 1940 г. отмечалось: «С каждым днём положение с торговлей хлебом становиться труднее. Очереди доходят свыше тысячи человек у каждого хлебного магазина. Встают в очередь с часу ночи и при попытке милиции предложить разойтись — не

[28] ГАСО. Ф. Р–241. Оп. 2. Д. 3387. Л. 357 об.
[29] ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 493. Л.2.
[30] Там же.
[31] ЦДООСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 418. Л. 103..
[32] ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 493. Л. 1 об., 3об.
[33] ЦДООСО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 251. Л.3.
[34] ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 612. Л. 72–76.
[35] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 275. Л. 65.
[36] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 117. Л. 80.

расходятся. Были случаи, что очереди занимают дети и женщины, двух человек увозили сразу в больницу»[37].

Недоедание и голод ослабляли иммунную защиту организма, что способствовало увеличению заболеваемости, в том числе, болезнями, вызванные эндогенными факторами. Например, смертность от болезней кровообращения в 1933 г. была значительно выше, чем в последующие годы.

Таким образом, в течение 1926–1940 гг. численность городского населения увеличивается более чем в два раза, что было вызвано активным промышленным строительством. В структуре городского населения сохранилось преобладание детей и подростков, при уменьшении доли лиц преклонного возраста, т. е. городское население Среднего Урала было по преимуществу молодым. Одним из последствий политики форсированной индустриализации и коллективизации, был голод, который в разной степени охватывал городское население в течение всего анализируемого периода. Особенно, кончено выделяется период демографической катастрофы 1932–1933 гг. Другие причины, способствовавшие росту смертности, были связаны с нехваткой жилья, социальной инфраструктуры, что приводило к высокой смертности от инфекционных и паразитарных заболеваний. Неблагоприятные внешние условия способствовали сохранению высокой младенческой смертности. Среди причин смерти выделяются, прежде всего, болезни экзогенного характера, что в целом характерно для традиционного общества. В воспроизводстве населения намечаются лишь слабые тенденции к снижению как рождаемости, так смертности, что указывает лишь на самое начало демографического перехода.

БИБЛИОГРАФИЯ

Административно-территориальное деление союзных республик на 1 марта 1937 г. 1937. М.

Андреев Е. М., Дарский Л. Е. Харькова Т.Л. 1993: Население Советского союза, 1922–1991 гг. М.

Баранов Е. Ю. 2009: Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг. М.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. 1928. М.

Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион. 2002. Екатеринбург.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 / А. Г. Вишневский (ред.). 2006. М.

Журавлёва В. А. 2006: Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия социально-гуманитарные науки. Вып. 7, 33–37.

Изменения в административно-территориальном делении Свердловской области: 1934–1991 гг. 2008. Екатеринбург.

Исупов В. А. 2000: Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX в. Новосибирск.

Кондрашин В. В. 2008: Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.

*Кузмин А.И.*1993: Семья на Урале: аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург.

Народонаселение. Энциклопедический словарь / Г. Г. Меликьян (гл. ред.). 1994. М.

[37] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 116. Л. 59.

Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева, Г.Е. Корнилов и др. 1996. Екатеринбург.

Стеценко С.Г., Козаченко И.В. 1981: Демографическая статистика. Киев.

Уральская историческая энциклопедия. 2000: Екатеринбург.

Урланис Б.Ц. 1963: Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.

Чащин А.В. 2009: Эпидемиологическая обстановка в Уральской области в 1923−1934 гг. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. мат. III региональной молодёжной науч. конф. Новосибирск, 211–216.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE CENTRAL URALS TOWNS IN 1926-1940

A. V. Chashchin

The author considers change of population size in the Middle Ural in 1926–1940 years. There are analysis of fertility and mortality. Special attention author gives causes mortality, factors which caused demographic catastrophe in 1932–1934 years. The author argues that urban population was in beginning phase of demographic transition.

Key words: demographic transition, population replacement, Sverdlovsk oblast.

© 2010

О.Ю. Стародубова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА БРУСИЛОВСКОГО ПРОРЫВА В СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940-Х ГОДОВ

Советская власть установила жесткий контроль над художественной литературой, видя в ней эффективное средство воздействия на общественное сознание. В 1940-е годы художественная литература являлась частью огромного пропагандистского механизма. Советские писатели рассматривались властью как отряд бойцов, «вооруженных словом», а созданные ими произведения служили «верным оружием» для защиты государства от внешних врагов. Писатели пытались соответствовать внутри- и внешнеполитической конъюнктуре и стремились угодить сталинским вкусам. В процессе написания произведения создавался образ Брусиловского прорыва, полностью соответствующий идеологическим канонам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Брусиловский прорыв, художественная литература, советские писатели, пропаганда.

В августе 1939 года советским руководством был взят курс на улучшение советско-германских отношений. Новое внешнеполитическое направление внесло свои изменения в трактовку Первой мировой войны. Невозможность ни от-

крыто поддерживать антифашистские настроения в обществе, ни подавлять их в преддверии вероятного конфликта с нацистской Германией, заставила советское руководство и пропагандистский аппарат искать окольные пути. Власть, понимая пропагандистскую значимость художественного слова и способность писателей формировать общественное мнение, решила использовать художественную литературу. Напряженные отношения советского государства с Англией и Францией позволили обратить внимание пропаганды на помощь, оказанную Россией союзникам в Первой мировой войне. Осенью 1939 года в свет вышел сборник художественных произведений, посвященный 25-летию Первой мировой войны. В предисловии была дана краткая история империалистической войны, где акцент был сделан на освещение событий, происходивших на восточном (русском) фронте. Шаблонные сюжеты разоблачения предательства российского командования, тягот фронтовой жизни, рост революционных настроений в армии, разбавили темы предательства союзной дипломатии и самоотверженного сопротивления русских солдат. Российская армия была представлена как спасительница союзных держав от разгрома противником. Такая трактовка сделала возможным героизацию некоторых эпизодов минувшего военного конфликта. Литераторами выделяется фигура генерала А. А. Брусилова, под чьим руководством в июне 1916 года на Юго-Западном фронте была блестяще проведена наступательная операция. Его заслуги признаются значимыми, а персона претендует на зачисление в ранг «талантливого полководца»[1]. Помещенный в сборнике рассказ Ю. Вебера «Брусиловский прорыв», героизировал усилия русских солдат, проявленные в борьбе с австро-венгеро-германским противником. Не делая резких выпадов, произведение констатировало храбрость Брусиловской армии, гуманное отношение к военнопленным, трусость противника и успешные результаты проведенной операции. Таким образом, тема Брусиловского прорыва пришлась как нельзя кстати: с одной стороны, он служил напоминанием о долге «союзников» перед русской армией (что вписывалось в рамки нового внешнеполитического курса и способствовало формированию патриотизма), с другой прославлял героизм русских солдат. Все это не выходило за рамки прочно утвердившегося классового подхода к событиям Первой мировой войны. Таким образом, в условиях быстро меняющейся внешнеполитической обстановки конца 1930-х годов писателями был сделан первый шаг к трансформации трагической концепции первой мировой войны, в сторону героизации действий царской армии, а Брусиловский прорыв стал оформляться в героический символ-образ минувшего конфликта.

С началом Великой Отечественной войны советская пропаганда в целях мобилизации общества для борьбы с фашистскими агрессорами обратилась к истории русско-германских противостояний. В результате чего по-новому зазвучал Брусиловский прорыв как яркий пример героической борьбы русской армии с германским противником.

[1] В предисловии к изданию авторитетный (партийный) критик О. Цехновицер назвал Брусиловский прорыв «победоносным наступлением русских армий», которое «настолько деморализовало немецкое командование, что оно вынуждено было снять с Западного фронта двадцать четыре дивизии». Особый акцент был сделан на его значимости: «Силы германской армии были надломлены, и она, в результате контрнаступления французов, понесла под Верденом такой урон, от которого более не смогла оправиться». (Война. К 25-летию мировой войны 1914–1918 1939, 6).

Стимулом обращения писателей к Брусиловскому прорыву стало поражение советских войск весной — летом 1942 года. Дабы воспрепятствовать упаднические настроениям как среди военных, так и среди гражданского населения, пропаганда искала способы объяснение неудач. На помощь была призвана художественная литература. В январе 1942 года начальник комитета по делам искусств М.Храпченко напомнил литераторам о необходимости воссоздать в своих произведениях «величественные образы людей, безгранично преданных родине»[2]. Произведения должны были отражать наступательные тенденции русской армии и вселять веру в победу. К тому же, требовательные читатели заметили отсутствие в пропагандистском арсенале художественных произведений, посвященных героическим усилиям русских воинов в первой мировой войне. Разные по возрасту и по долгу службы они подали власти идею обращения к «победоносному» наступлению армий Юго-Западного фронта летом 1916 г. «Трудно представить себе писателя, — говорилось в анонимном письме, полученном редакцией газеты «Правда» — который, живя сейчас в Москве начал бы работу над большой и трудоемкой повестью, — скажем, о прежних войнах Германии с русским народом. А, ведь, такие произведения нужны не меньше чем мелкие очерки и стихотворения»[3]. О наличии интереса к теме свидетельствует письмо ученика восьмого класса в редакцию журнала «Знамя», с просьбой указать всю существующую (военно-историческую и художественную) литературу, освещающую историю подготовки и проведения Брусиловского прорыва[4]. Востребованность темы у населения подтвердило, что интересы власти и народа в потребности обращения к событиям 1914–1918 гг. и их переосмыслению совпали.

Писатели не заставили себя долго ждать. Первыми к теме Брусиловского прорыва приступили драматурги И. Л. Сельвинский[5], И. В. Бахтерев и А. В. Разумовский[6]. В первые месяцы Великой Отечественной войны Сельвинский написал пу-

[2] Храпченко 1942, 1.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д.68. Л. 146.

[4] РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 8. Д. 1. Л. 10.

[5] К писательской деятельности Илья Сельвинский (1899–1968) пришел не сразу. В юности будущий писатель перепробовал ряд профессий: был репортером уголовной хроники, актером бродячего театра, натурщиком и др. Он любил путешествовать, был жаден до новых знакомств и встреч. Юношеский романтизм привел Сельвинского в ряды Красной армии, под знаменем которой в 1918 году писатель участвовал в защите Перекопа. Вдохновленный романтикой военных побед Сельвинский начал свой литературный путь. Первоначально он создавал экспериментальные стихи, а затем преступил к серьезным произведениям. Первые поэмы «Улялаевщина» (1924) и «Записки поэта» (1927) сделали Сельвинского одним из лидеров конструктивизма. На драматургическом поприще писатель отличился пьесой «Командарм–2» (1929). Она стала первым его произведением, посвященным военной тематике. В начале Великой Отечественной войны писатель находился на Северо-Кавказском фронте. Там же он в рамках государственного заказа в 1942 году создал свое первое произведение в прозе пьесу «Генерал Брусилов».

[6] Авторы пьесы «Русский генерал» — Игорь Владимирович Бахтерев (1908–1996) и Александр Владимирович Разумовский (1907–1980) пришли в литературу почти одновременно — в конце 1920-х годов. Будущие драматурги одновременно учились в институте Истории искусств на разных отделениях: Разумовский занимался кинематографом, а Бахтерев пробовал свои силы в сценической композиции. Знакомство будущих соавторов состоялось в рамках института: они принимали участие в собраниях литературно-театральной группы Объединения реального искусства. Студенты группы стремились приблизить «художественный язык к действительности», призывая освободить его от штампов предыдущих литературных направлений. Местом послевузовской работы оба художника выбрали Туркменистан. Свои услуги сценариста Разумовский предложил киностудии

блицистическую статью, где восхищался полководческим талантом командующего Юго-Западным фронтом генералом Брусиловым и его победным наступлением. Видя востребованность темы и отчасти, вдохновившись знаменательным историческим событием, Сельвинский принялся воплощать Брусиловский прорыв в художественный образ. Так, в рамках государственного заказа И.Сельвинский создал свое первое произведение в прозе пьесу «Генерал Брусилов». Драма была окончена в конце 1942 года. В этом же году работу над пьесой «Русский генерал» начали драматурги И.Бахтерев и А.Разумовский. В ноябре 1942 года в газете «Литература и искусство» появилась заметка о том, что в Ташкенте для улучшения обслуживания частей Среднеазиатского военного округа в репертуар объединенных коллективов театров им. Ленинградского совета и Красной Армии САВО включена пьеса Бахтерева и Разумовского «Генерал Брусилов». Но заявленная пьеса на театральные подмостки не вышла. На протяжении двух лет Бахтереву и Разумовскому пришлось дорабатывать свое сочинение[7].

Параллельно с драматургами работу начали писатели-прозаики. Результатом проработки темы стал роман С. Н. Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв», который на всем протяжении войны пользовался популярностью на фронте и в тылу. Осенью 1942 года в редакцию журнала «Знамя» была прислана рукопись романа А. Н. Степанова «Бои под Луцком»[8]. К личности Брусилова обратился писатель Ю. Л. Слезкин[9].

Писатели, принявшиеся за освещение Брусиловского прорыва, имели изрядный опыт в освещении исторических тем. Так, Слезкин работал над эпопеей о первой мировой войне «Отречение». Первые её два тома, рассказывающие о событиях 1914 и 1915 годов, вышли в свет соответственно в 1935 и в 1937 годах. Писатель Сергеев-Ценский за созданный роман об обороне Севастополя в годы Крымской войны — «Севастопольская страда» в 1940 г. был отмечен Сталинской премией первой степени. В 1938 г. Бахтерев и Разумовский написали свою первую пьесу «Полководец Суворов». Она стремительно завоевала сцену и была отмечена хвалебными откликами. Академик Е. В. Тарле признал произведение интересным, умелым, без каких-либо существенных исторических погрешностей[10]. Успех произведения обеспечил драматургов членством в Союзе советских

«Туркменкино», куда и был прикреплен. Внимание Бахтерева привлекли нетрадиционные способы ведения сельского хозяйства в Туркмении . Интересным представляется то, что в первые годы своего писательского труда, Бахтерев и Разумовский уделяли внимание детской литературе. Увлечение детской темой было не долгим. После возвращения в Ленинград, в конце 1931 года, драматурги были арестованы по «делу Хармса». После допроса Разумовский был отпущен, а вот Бахтерев провел четыре месяца в тюремной камере. После неожиданного освобождения, он вновь встретился с Разумовским.

[7] Пьеса «Русский Генерал» была завершена драматургами в 1944 году и разрешена Главреперткомом к постановке. Она была опубликована на правах рукописи и вышла тиражом в 300 экземпляров. Известно, что пьеса Бахтерева и Разумовского «Русский генерал» была поставлена Харьковским театром драмы в 1946 году, таким образом, не сумев составить конкуренцию пьесе Сельвинского.

[8] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 1.

[9] События минувшего военного конфликта и «контуры брусиловской эпопеи» отразил в своем романе «1916 год» Л. Успенский. В начале 1945 г. на суд А. Фадеева представил свой роман «1916 г.» писатель Л. Успенский. Произведение полностью удовлетворило взыскательного критика. Имея на руках положительный отзыв, Успенский по неизвестной причине так и не опубликовал свой труд. (Фадеев 1957, 801).

[10] РГАЛИ. Ф. 2417. Оп. 1. Д. 967. Л. 1.

писателей (ССП)[11]. В 1930-х годах Сельвинский разрабатывал так называемый жанр исторической трагедии в стихах. Его произведения нашли своего читателя. Он приобрел серьезную литературную репутацию и вес в Союзе писателей. В 1940 г. был выпущен роман Степанова «Порт-Артур», о русско-японской войне 1904–1905 гг. Произведение было высоко оценено Сталиным, а в 1944 г. по его предложению получило подзаголовок «историческое повествование».

С началом Великой Отечественной войны часть писателей находились в эвакуации или на фронтах в качестве военных корреспондентов и политработников. Так, на Юго-Западном фронте в должности политработника находился И. Сельвинский. Пожилой Сергеев-Ценский был эвакуирован в Алма-Ату. В Ташкенте находился драматург И. Бахтерев[12]. Писатели Ю. Слезкин и А. Разумовский осталось в осажденной Москве. В г. Фрунзе находился А. Степанов[13].

В рассматриваемый период руководство Союзом советских писателей осуществляли писатели с боевым революционным прошлым **Александр Фадеев** (1939–1944; 1946–1954) и **Николай Тихонов** (1944–1946)[14]. Автору «Разгрома» благоволил сам Сталин. Литературный талант, властный характер и политическая хватка позволили Фадееву управлять ССП более десяти лет. Лишь на два года по приказу Сталина он был вынужден сдать свои полномочия Тихонову[15]. Сам вождь вернул его к руководству, но уже на пост генерального секретаря ССП[16]. Несмотря на различие в стилях руководства и подходах к литературе руководители ССП,

[11] В 1941 г. писатели были приняты в Союз советских писателей, а Разумовский стал членом секции научно-художественной литературы. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 22. Д. 5. Л. 52.)

[12] В 1931 году начинающий писатель И. Бахтерев был арестован по «Делу Хармса» и провел в застенках четыре месяца. После освобождения в марте 1932 года он по постановлению выездной сессии Коллегии ОГПУ был лишен права проживания в Московской и Ленинградской областях на три года. По истечении установленного срока Бахтерев вернулся в родной Ленинград и вновь встретился с Разумовским. Писатели начали совместную работу в области драматургии, которая и принесла им известность. Их первая пьеса «Полководец Суворов» была поставлена в 1938 году. После очевидного успеха писатели на некоторое время притаились. В 1941 году Бахтерев уехал в Подмосковье, где жил Разумовский. Ходили слухи, что они начали работу над новой пьесой, посвященной генералу Брусилову. Однако с началом войны он с семьей был эвакуирован в Ташкент, но жить ему пришлось там недолго. Слухи о новой совместной пьесе дошли до руководства ССП. В 1942 году драматург по вызову Главного управления по контролю за репертуаром и зрелищами при Комитете по делам искусств уехал в Москву, и продолжил совместную работу над начатым произведением.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп 125. Д. 190. Л. 16, 17.

[14] Ветеран первой мировой войны. В 1914 году ушел добровольцем на фронт. С 1915–1918 гг. воевал в гусарском полку, был контужен.

[15] Писатель Н. С. Тихонов оказался у руководства литературой в разгар сталинской кампании по ликвидации идеологических «провалов» на «литературном фронте». Данные «провалы», коими были названы «вредные» произведения А. Ахматовой, М. Зощенко, В. Катаева и др. явились причиной снятия с поста Фадеева. В отличие от бывшего руководителя ССП Тихонов был сдержан и предпочитал воздерживаться от резкой критики в адрес «провинившихся» писателей. По мнению исследователей, реальная власть в писательском Союзе принадлежала бдительному оргсекретарю ССП Д. Поликарпову.

[16] В своих записках бывший заместитель генерального секретаря ССП писатель Константин Симонов вспоминал: «То, что Фадеев становился во главе Союза, неожиданностью не было (…) Как писатель он не хотел руководить Союзом, это была правда, но как литературно-политический деятель искренне не видел, кто бы мог это делать вместо него. Это тоже было правдою — и не только субъективно, но для того времени и объективно. Так что Фадеев как глава Союза не был ни для кого из нас неожиданностью, сама формулировка «генеральный секретарь», несомненно, не могла прийти в голову никому, кроме Сталина. Автором этой формулировки был он». (Симонов 1988, 113–114).

подчиняясь нормативным установкам власти, стремились повысить идейное и художественное качество произведений советской литературы.

С началом второй мировой войны внимание высших партийных органов к литературе усиливается. Акцент в руководстве литературой ЦК ВКП (б) сделал на всеохватывающем политическом контроле, который осуществляла идеологическая структура — Управление пропаганды и агитации (УПА). Методы управления литературным процессом формулировались непосредственно Сталиным. В сентябре 1940 года при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) был образован специальный сектор — Отдел художественной литературы. Данное подразделение направляло и контролировало работу ССП, литературно-художественных издательств и журналов. Структура имела значительный штат редакторов и политконсультантов. Члены отдела художественной литературы вычитывали рукописи, верстки и готовые экземпляры произведений.

В этом же году в Союзе писателей при оборонной комиссии, курировавшей создание произведений на военную тематику, была создана историческая секция. Однако в январе 1941 года начальник Главного управления политической пропаганды Красной армии А. И. Запорожец сигнализировал в ЦК ВКП (б) А. А. Жданову о слабой работе ССП в плане создания военно-исторических произведений: «Огромную роль в военной пропаганде должны были бы играть писатели. От них зависит содержание работы театров, кино, радиопередач и т.п. Однако Союз советских писателей не задает тона в военной пропаганде, художественная литература бедна в этом отношении»[17]. Уже в феврале 1941 года, с целью ликвидации указанного просчета, члены исторической секции занимались выработкой трехлетнего перспективного плана по выпуску исторической литературы[18].

С началом Великой Отечественной войны свою заинтересованность в произведениях о Брусиловском прорыве партийно-государственные инстанции декларировали посредством утверждения в ЦК ВКП (б) тематических планов[19]. На заседаниях секретариата ЦК с участием членов Президиума ССП и руководителей Главлита заслушивались доклады о редакционно-издательских планах, причем их содержание подвергалось тщательному обсуждению. Пройдя процедуру утверждения, они направлялись в Главлит, а оттуда рассылались по издательствам. С началом 1940-х гг. функции просмотра и утверждения тематических планов издательств были переданы Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПА). Во время Великой Отечественной войны УПА установило обязательное утверждение квартальных тематических планов издательств. Главлит систематически контролировал актуальность и целесообразность издания художественных произ-

[17] Запорожец 1998, 581.

[18] Следует отметить, что тон работе на заседаниях исторической секции ССП задавал автор романа «Багратион», писатель С. Н. Голубов. Его работа была высоко оценена тогдашним руководителем Отдела художественной литературы УПА Александровым. В 1943 году, предоставляя А. Щербакову справку о писателе, он не скупился на похвалу: «Голубов — разносторонне образованный человек, живо интересующийся вопросами общественно-литературной жизни […] Голубов как автор исторических романов обнаруживает глубокие знания прошлого России» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. Л 31, 32). После успешного романа «Багратион» писатель С. Н. Голубов начал работу над романом «Генерал Брусилов», а к концу войны задумал эпопею «Сотворение века», второй том которой затрагивал события наступления Юго-Западного летом 1916 г.

[19] Блюм 2000, 61.

ведений, заявленных в тематический план. Изменение тематических планов проходило с разрешения УПА и ЦК ВКП (б). Одобренные властью тематические планы оформлялись приказами начальника Главлита и рассылались по издательствам. В списке тем, подлежащих освещению, был заявлен и Брусиловский прорыв.

Так называемым «рупором» ЦК был Президиум Правления ССП, на заседаниях он обосновывал тематические предпочтения с учетом внутри- и внешнеполитической конъюнктуры и пожеланий Сталина[20]. Авторам, уже имеющим опыт освещения событий империалистической войны секретариат Союза писателей рассылал письма-заявки с просьбой прислать новые произведения о мировом конфликте. Так, в 1942 году пресс-бюро (дирекция) ССП СССР, куда входили А. Фадеев, Ф. Гладков, А. Лейтес, О. Леонидов, направило драматургам И. В. Бахтереву и А. В. Разумовскому письмо-заявку с просьбой прислать пьесу о Брусилове «После удачной пьесы о Суворове мы ничего не знаем о Вашей дальнейшей драматургической деятельности. Говорили нам, что Вы работаете над пьесой, посвященной Брусилову. Верно ли это? И если да, то как подвигается Ваша работа, когда будет закончена? Может быть есть уже отрывки из пьесы, которые бы Вы могли прислать нам для опубликования в печати. **Образ Брусилова представляет сейчас большой интерес и хотелось бы поскорее ознакомиться с этой пьесой** (выделено мной — О.С.)»[21]. Обсуждение предварительных материалов каждого выходящего номера литературно-художественных журналов происходило на специальных совещаниях ответственных секретарей журналов при Президиуме ССП.

При написании произведения писатели знакомились с тогдашней литературой по истории Брусиловского прорыва. По возможности авторы досконально изучали исторические исследования и сборники документов, посвященные рассматриваемому событию. Так же при работе над произведениями использовали фотодокументы, картографические и фольклорные материалы. Важным источником служили собственные воспоминания и дневники военных лет. Для воссоздания хронологической канвы событий литераторы использовали данные периодической печати времен первой мировой войны. Например, в фондах С. Н. Сергеева-Ценского и Ю. Л. Слезкина, хранящихся в РГАЛИ сохранились списки использованной авторами литературы и письменные отчеты по работе с ней. Так, при написании цикла романов о первой мировой войне Сергеев-Ценский изучил работы военных историков, знакомился со сборниками документов, воспоминаниями и дневниками, посвященных событиям первой мировой войны[22]. В частности, главным источником при создании романа «Брусиловский прорыв» служила периодика. Автор выстраивал события в произведении согласно сводкам с фронта, опубликованных в газете «Русское слово» за лето 1916 года. После переработки романа в двухтомник Сергеев-Ценский дополнил его фактами, полученными от очевидца событий- военного корреспондента газеты «Русские ведомости» Н. С Каржанского[23], который в своих письмах делился с Сергеевым-Ценским

[20] В своих воспоминаниях К. Симонов отметил поразившую его осведомленность Сталина «по всем вопросам литературы, даже самым незначительным». (Симонов 1988, 164).

[21] РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 758. Л. 19.

[22] РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 15–20.

[23] РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 494. ЛЛ. 1–4.

воспоминаниями о днях, проведенных в Ставке и на Юго-Западном фронте, рассказывал о Брусилове, с которым имел несколько доверительных бесед. В годы войны за освещения событий лета 1916 г. взялся начинающий писатель А. Н. Степанов. Автор, прошедший четыре года первой мировой войны, при написании произведения руководствовался личными воспоминаниями и своими дневниками военных лет. Не проигнорировал писатель и военно-историческую литературу, посвященную описываемому событию. Произведение было закончено Степановым к маю 1942 года и получило название «102 дивизия в Брусиловском прорыве (Луцкое направление)». Но издатели роман проигнорировали. После выхода в 1943 г. романа Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв», Степанов предложил ему свои дневники и сохранившиеся документы того времени[24], рассчитывая на то, что маститый писатель сумеет умело их использовать при дальнейшей работе. Так же Степанов, будучи участником Брусиловского наступления указал Сергееву-Ценскому на исторические ошибки и неточности в романе.

Кропотливую работу проделал Ю. Слезкин, работая над романом «Брусилов». Замысел произведения родился при работе над третьей частью эпопеи «Отречение»[25], которая была посвящена описанию трагических боев за Ковель летом 1916 года. Под натиском современности события прошедшей империалистической войны приобрели новое звучание. Об этом свидетельствует запись в дневнике, сделанная писателем в феврале 1942 года: «Отпала двойственность поступков. Та двойственность которая мучила нас современников и участников прошлой войны с Германией»[26]. Он вернулся к «заброшенному» после августовских событий 1939 года третьему тому эпопеи «Отречение». Заглушенной пропагандой империалистический характер первой мировой войны, изменил отношение писателя к трактовке событий 1916 года. Трагические бои под Ковелем отныне воспринимались не иначе как героическое наступление армий Юго-Западного фронта. Роман получил название «Честь» и был посвящен подвигу русской армии в борьбе с Германией и Австро-Венгрией[27]. Впоследствии у писателя созрел план отдельной части романа «Честь», посвященной жизни прославленного генерала и блестяще проведенной им военной операции. Образ генерала все больше увлекал внимание писателя. Получая радостные вести с фронта, Слезкин все чаще мысленно обращался к Брусилову: « Теперь всем ясно насколько твердо и непоколебимо мы идем к своей цели — укрепления и благоденствия родины. Я как никогда счастлив. И думается мне, как порадовался бы если бы был жив — Брусилов, о котором я теперь так думаю, воссоздавая его светлый образ»[28]. Для воссоздания полной картины происходящего Слезкин работал в фондах Музея Революции, где изучил весь рукописный материал за 1915–1916 годы и просмо-

[24] Следует отметить, что Сергеев-Ценский в свое время одобрил присланную Степановым рукопись романа «Порт Артур».

[25] Замысел эпопеи «Отречение» возник при просмотре писателем дневника участника первой мировой войны инженера С. П. Зверинцева, который в 1927 году автор презентовал Слезкину, как почитатель его таланта (РГАЛИ Ф. 1384. Оп. 2. Д. 209. Л.1.). Подробнее: Корочкова 2006, 6, 410–433.

[26] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 9. Л. 146.

[27] Корочкова 2006, 6, 410–433.

[28] ОР РГБ Ф.801.Оп. 1. Д. 10 Л. 33. Работа писателя над романом «Брусилов» продолжалась с февраля 1943 года по август 1945 года. Отдельные главы печатались в 1944 году в журналах «Октябрь» и «Смена».

трел эмигрантские газеты, журналы и сборники[29]. Так же писатель ознакомился с документами Военного архива Лефортовского замка[30] и Отдела рукописей Ленинской библиотеки. В своем дневнике Слезкин вел отчет о проделанной работе: «Делаю выписки в библиотеке Ленина о военных действиях 1916 года…Перелистываю «Новое время» много любопытного […] Все эти дни работаю в Ленинской библиотеке над материалами о Брусилове»[31].

Но в условиях войны не все писатели имели доступ к историческим источникам. Так, Сельвинский работал над пьесой в разгар боев на Северо-Кавказском фронте. Единственным источником по истории Брусиловского прорыва могли служить публицистические очерки, но на передовую пресса доходила несвоевременно. Однако, очевидно, что определенная информация отложилась в памяти писателя при подготовки им статьи о Брусилове, но её оказалось явно недостаточно. Драма грешит хронологическими и фактическими ошибками, и сдается, что писатель допустил их не намеренно.

Актуальной проблемой для литераторов была степень следования за историческим документом. Причем вопрос решался по-разному. Большинство авторов, как правило, подчиняли документ общему построению произведения (перерабатывали и вплетали в контекст), и лишь Сергеев-Ценский, дабы придать роману большую историчность, прибегнул к его цитированию, порой на нескольких страницах своего труда. Оба варианта как нельзя лучше подходили для формирования образа Брусиловского прорыва.

В отдельных случаях, когда авторам было сложно разобраться с противоречивым историческим материалом, они обращались к влиятельным партийным и военным чинам за консультативно-мемуарной помощью. Так, Слезкин искал аудиенции с наркомом обороны К. Ворошиловым[32]. Совета и поддержки генерал-майора А. А. Игнатьева ждал Степанов. Также в качестве консультанта ему удалось привлечь военного историка Н. А. Таленского[33].

Великая Отечественная война внесла свои изменения в процедуру издания произведения. Если раньше чтобы напечатать свое произведение писателям приходилось оббивать пороги издательств и редакций литературно-художественных журналов, то актуальность темы Брусиловского прорыва вынудила печатные органы самим обращаться к писателям. Литераторам, имевшим опыт художественного освещения событий первой мировой войны, редакторы направляли письма и телеграммы с просьбой прислать готовую рукопись или небольшой отрывок из неё. Издатели уже не оттягивали заключение договора и своевременно выплачивали автору гонорар. Так, редакторы журналов и центральных газет, узнав, что Сергеев-Ценский работает над романом «Брусиловский прорыв» буквально атаковали литератора письмами и телеграммами. Редактор журнала «Октябрь» М. М. Юнович просила писателя: «Недавно я узнала, что Вы закончили роман «Брусиловский прорыв» […]Я крепко надеюсь, что Вы […] дадите свой роман журналу. Крепко на это надеюсь […]. Вот хорошо бы Ваш «Брусиловский про-

[29] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 110 об.
[30] В настоящее время Российский государственный военно-исторический архив.
[31] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 24 об.
[32] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
[33] РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 650. Л. 14.

рыв» дать в № 8. Не знаю, уж как убедительней Вас просить»[34]. Чтобы заполучить произведение она даже предложила писателю получить немедленный аванс в счет будущего гонорара. Однако Сергеев-Ценский не поддался на её уговоры и заключил договор с журналом «Новый мир». Тогда Юнович стала торопить Слезкина, которого связывало долгое сотрудничество с журналом, предоставить рукопись еще не законченного романа о Брусиловском наступлении. Об актуальности темы драматургам Бахтереву и Разумовскому напомнила в своем письме-заявке дирекция ССП: «Образ Брусилова представляет сейчас большой интерес и хотелось бы поскорее ознакомиться с этой пьесой»[35].

Однако приходиться констатировать, что к начинающим авторам издатели относились с недоверием. Так, в июле 1942 года писатель А. Степанов[36] по протекции авторитетного на тот момент литератора, члена Президиума ССП П. Павленко отправил в редакцию журнала «Знамя» рукопись «Брусиловский прорыв (Луцкое направление)». В своем сопроводительном письме Павленко настоятельно рекомендовал редактору Е. Михайловой обратить пристальное внимание на молодого и подающего надежды автора и «притянуть» его к сотрудничеству, к тому же популярность его романа «Порт Артур» изданного в 1941 г. начинала набирать обороты. «Автор — участник описываемых событий и обладает материалом, какого нет ни у кого. — настаивал Павленко. — Это подлинный военный писатель»[37]. Но Михайлова по неизвестной причине проигнорировала произведение. Не дождавшись ответа от потенциального рецензента Степанов решил не настаивать. Он продолжил работу над романом «Семья Звонаревых», являющимся продолжением «Порт Артура» и рассказывающим о событиях первой мировой войны. Повесть, посвященная Брусиловскому наступлению стала лишь составной частью произведения. Вероятнее всего Степанов почувствовал слабость произведения. Сам писатель, будучи свидетелем кровопролитных «затяжных и безрезультатных боев на Стоходе в 1916 г.», давал им негативную оценку[38]. К тому же в начале Великой Отечественной войны он намеревался опубликовать свои дневниковые записи за указанный период[39]. Но тогдашняя ситуация потребовала от Степанова не пораженческого, а героического изложения событий лета 1916 г. Вот с этим автор, очевидно и не справился. Повесть чересчур героизировала личность Брусилова и усилия армии в организованном им наступлении. К тому же автор был не совсем историчен в своем повествовании. Очевидно, что бдительный и опытный

---

[34] РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 620. ЛЛ. 21–21 об.

[35] РГАЛИ. Ф. 631. Оп.15. Д. 758. Л. 19..

[36] А. Н. Степанов в годы Первой мировой войны служил в гвардейской стрелковой бригаде. Однако, на некоторое время, был переведен в Гвардейский штаб офицером связи и стал адъютантом В. М. Безобразова. (РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 563. Л. 7).

[37] РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 8. Д. 1. Л. 39..

[38] РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 650. Л. 15.

[39] В условиях грандиозных побед советской армии летом 1943 года не приветствовалось обращение писателей к трагическим моментам первой мировой войны. Например, в 1943 году Управление пропаганды и агитации решало возможность издания рукописи писателя А.Степанова «В гвардейском штабе», основанной на дневниковых записях. В работе говорилось о событиях на Восточном фронте летом 1915 года, когда русская армия терпела неудачи. Рукопись была признана «в познавательном и художественном плане ничтожной» и запрещена к публикации. Таким образом, автор отказался от подготовки к публикации записей за 1916 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 289. Л. 2.).

редактор «Знамени» не могла этого не заметить. Да и автор вероятнее всего увидел свои ошибки.

Таким образом, чтобы наверняка заполучить актуальное произведение руководители издательств старались заключить договор с писателем еще до окончания его работы. В договоре оговаривались срок сдачи произведения, размер гонорара, тираж произведения, срок выхода и т.д. Востребованность темы заставляла редакторов заключать договор с автором и на последующие части романов. Писатели охотно соглашались, так как такое сотрудничество обеспечивало их стабильным заработком, что в условиях войны было не маловажно Так, Сергеев-Ценский, планировал создать эпопею, состоящую из пяти романов и посвященную деятельности генерала Брусилова на всем протяжении первой мировой войны[40]. Событиям Брусиловского прорыва должны были раскрыть два произведения «Брусиловский прорыв и Буревестник», «Горячее лето». Успех пьесы Сельвинского заставил работоспособного Сергеева-Ценского обратить внимание и на драматургию. Он решил испытать свои силы в театральной прозе. В 1943 году после выхода «Брусиловского прорыва» Сергеев-Ценский решил переработать роман в пьесу. Никогда не пробовав себя в написании историко-патриотических пьес, Сергеев-Ценский перенес героев романа в новое произведение. Всего автор предполагал ввести в пьесу 20–25 персонажей. По задуманному плану она должна была начинаться с описания предвоенных событий и закончиться показом победного наступления армий Юго-Западного фронта. Событий февральской и октябрьской революции Сергеев-Ценский решил не касаться: «Закончить придется 3-м действием — Брусиловским прорывом, а дальше не идти»[41]. Не осознав до конца принципов построения драматического произведения, писатель разработал второй план пьесы. Он намного шире первого (масштабнее) и захватывает деятельность Брусилова на службе советской власти. Он так же задумал показать личную трагедию, пережитую Брусиловым — расстрел сына Алексея белыми. К сожалению, работа Сергеева-Ценского над «Полководцем Брусиловым» ограничилась только двумя вариантами пьесы. Завершить произведение автору не удалось.

Выпуском произведений о Брусиловском прорыве занимались центральные издательства «Советская литература», «Советский писатель», военно-художественный отдел Государственного издательства художественной литературы и периферийные. Так, роман Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв» печатали хабаровское издательство «Дальгиз» и магаданское «Советская Колыма». Отрывки из произведений печатали и центральные литературно-художественные журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Смена», «Краснофлотец», а так же центральная газета «Красная звезда». Отдельные отрывки посылались во фронтовые газеты. Общий тираж произведения составил ??? тысяч, без учета тиража периодики. Драма Сельвинского была выпущена издательством «Советская литература» и выдержала два переиздания общим тиражом в 200 тысяч экземпляров.

[40] Структура эпопеи была выстроена писателем следующим образом: романы «Перед грозой» и «Галицийская битва» должны были освещать деятельность Брусилова на посту командующего 8-й армии Юго-Западного фронта, а романы «Брусиловский прорыв и Буревестник», «Горячее лето» рассказывали о Брусиловском прорыве, завершал цикл роман «Осень». (РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 250. Л. 43.).

[41] РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 253. Л. 30 об.

Сравнительно маленький тираж был у пьесы Бахтерева и Разумовского — 500 экземпляров. Это же количество было выдержано при её переиздании в 1946 году. Роман Слезкина «Брусилов» был выпущен издательством «Советский писатель». Его тираж составил 20 тысяч экземпляров. В первые два года Великой Отечественной войны процедура редактирования произведений о первой мировой войне занимала уже не столь длительное время, как это было до войны. Издательства старались угодить директивам власти и печатать актуальные произведения. Имея четкие ориентиры, созданные советской пропагандой в изображении Брусиловского прорыва, цензоры тщательно «пропалывали» взятые в редакционный портфель произведения. Политредакторы вычеркивали из произведений сюжеты, посвященные изображению ужасов войны и окопной жизни. Теперь при проверке произведений о Брусиловском наступлении политредакторы старались убирать из текста все, что, на их взгляд, казалось лишним и не своевременным. «Бешусь — сокрушался Слезкин, — «революционные» главы изымают, т. к. нет указаний свыше о том, что можно во время войны говорить о «пораженчестве»»[42]. Идеологические «провалы» на литературном фронте, и как следствие, организованные в ЦК «проработки» творчества А. Авдеенко, А. Ахматовой, М. Зощенко и др. писателей заставили политическое руководство усилить контроль над литературно-художественными журналами. Вышедшее в декабре 1943 года Постановление ЦК «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», заставило редакторов повысить требовательность, прежде всего к «идеологическому» качеству публикуемых произведений. Главным цензором литературно-художественных журналов было УПА, которое осуществляло просмотр рукописей и предварительный просмотр всех выходящих в свет номеров. Теперь полученная издательством рукопись просеивалась через лексическое, историческое, идеологическое и политическое сита. Первым с рукописью, как правило, знакомился уполномоченный Главлита в лице политредактора издательства или журнала. Свой отзыв рецензент предоставлял заведующему издательством или редактору. Положительный отзыв без требования каких-либо переделок получили произведения Сельвинского, Сергеева-Ценского, Бахтерева и Разумовского. Рукопись Слезкина политредакторы вернули автору на доработку. Получив рецензию, писатель поспешил исправить указанные «ошибки». Следует отметить, что в случае, когда литератор не мог самостоятельно переработать роман до нужного размера и содержания, издательство предлагало в помощь редактора. Он давал автору рекомендации «политически» улучшающие текст, а в отдельных случаях собственноручно вносил изменения. Так называемые «соавторы» старались убрать все «острые углы» в произведении, дабы наверняка избежать идеологических ошибок. Очередной раз руководство «Октября» доверило исправление романа опытному редактору Р. А. Ковнатор[43], которая в 1930-е годы помогала Слезкину в работе над романом-хроникой «Отречение». Но не всегда писатели были довольны «совместной» работой. «Ковнатор многое пыталась изгадить, — сокрушался в дневнике Слезкин, — но удалось ей мало. Почти все её поправки мною устранены»[44]. Под нажимом редактора автору приходилось по нескольку

[42] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.
[43] Ковнатор Роза Ароновна (1899 — 1977) — редактор Гослитиздата.
[44] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 23 об.

раз исправлять роман. Данное обстоятельство негативно сказалось на здоровье литератора. Так, после прочтения гранок романа «Брусилов», в корне расходившихся с авторским вариантом у Слезкина случился инсульт. «Я сидел дома и до бесчувствия правил верстку «Брусилова». — вспоминал Слезкин. — Приклеивал куски, пытаясь восстановить первоначальный текст… Я позвонил Мине Марковне сказал, что не позволю так «гадить» мой роман, раскричался, стало худо»[45].

В произведениях писателей характер войны получил некоторые нотки справедливости, конфликт, если неформально, то косвенно трактовался как национально-освободительный со стороны России. Катализатором и главной силой наступления Юго-Западного фронта весной 1916 года была победоносная 8-я русская армия. В качестве координатора её усилий выступал Брусилов. Образ генерала в сложившихся условиях Отечественной войны показал близость военного руководителя к солдатской массе, что было условием победы. Образ Брусилова — олицетворял пример полководца, ратовавшего за инициативную, наступательную стратегию. Генералу противостоял враг, который изображался писателями достаточно скупо и однородно, и в то же время был жестоким и коварным. Все образы сливаются в два аморфных понятия: «немец» и «австриец». В отдельных произведениях писатели попытались изобразить представителей немецкого командования, но они получилось невыразительными. Что же касается внутреннего врага, представленного императорской четой, частью генералитета и германофильской партией, то писатели показали его разнообразнее и выразительнее.

Презентация произведения потенциальной читательской аудитории осуществлялось в периодической печати. По мере написания романа в литературно-художественных журналах публиковали наиболее яркие его главы. Так в 1943 г. читатели познакомились со второй частью романа Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв» — «Горячее лето», опубликованной в журнале «Новый мир», а отрывки издал «Краснофлотец». В этом же году журнал «Смена» опубликовал отрывок «Ты не гражданин, ты служивый» из романа Слезкина «Брусилов», а годом позже первые главы произведения были напечатаны в «Октябре». В 1946 г. в альманахе «Кубань» Степанов опубликовал отрывок из романа «Семья Звонаревых» — «Бои под Луцком». О выходе произведения оповещала читателя «Литературная газета» — печатный орган ССП. Далее следовали рецензии в разделе критики и библиографии литературно-художественных журналов, где давались рецензии и библиографические заметки о новых книгах. Помимо статей штатных критиков в периодике помещались отзывы о новых романах рядовых читателей.

В целом, концепции писателей получили влиятельную поддержку у партийных критиков. Они приветствовали обращение литераторов к военной операции «изменившей весь ход первой мировой войны»[46]. Брусиловский прорыв признавался всеми одним из самых грандиозных сражений первой мировой войны, которое показало боевую мощь русской армии. Так, редакция теоретического журнала «Большевик» похвалила Сергеева-Ценского. В обстоятельной статье ведущий публицист Д. Заславский, в частности подчеркивал объективность писателя в изображении исторического прошлого: «Писатель изучал славные страницы прошлого в дни, когда с фронта доходили вести о героических оборонительных

[45] ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.
[46] Мацкин 1946, 2.

сражениях и о победном наступлении Красной армии. Эта перекличка былого с современным не отразилась на художественном и научном объективизме автора. В историческом романе нет модернизации. Но исторические факты многое объясняют в нашей современности»[47]. Иными словами его роман получил влиятельную поддержку. Скорее всего, его романы были замечены и одобрены самим Сталиным. Об этом свидетельствует факт избрания Сергеева-Ценского в 1943 г. действительным членом Академии наук СССР. Так же вождем была замечена и одобрена драма Сельвинского, о чем говорит двукратное переиздание и многочисленные театральные постановки[48]. Таким образом, в рамках указанной тенденции писатели в изображении первой мировой войны несколько отступили от закрепленных в «Кратком курсе истории ВКП (б)» постулатов. Брусиловский прорыв трактовался в современном контексте, в результате чего произошел откат от классовых оценок военного прошлого России. Частично реабилитировались и усилия русского офицерства в первом мировом конфликте. Данные отступления, сделанные литераторами, были очевидны для внимательного читателя. Данная инерция вызвала беспокойство среди советских историков. Член–корреспондент АН СССР А. В. Ефимов, в 1939 году входивший в редакцию сборника «Против фашистской фальсификации истории», сообщал в 1944 году в письме Сталину: «Все войны России становятся справедливыми, доходят до идеализации царей»[49]. Но советский лидер предпочел проигнорировать замечание, так как счел нецелесообразным одергивать писателей. Тем более произведения о Брусиловском прорыве имели успех в действующей армии. «Не забыть, — вспоминал бывший политработник, краснодарский писатель Г. Степанов, — зачитывались «Бурной весной» политработники и военачальники в весенние месяцы решающего сорок третьего года»[50]. Секретарь редакции газеты Северо-Западного фронта «За Родину» С. А. Савельев вспоминал, как в июне 1943 года фронтовая газета получила из Москвы отрывок из романа Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв»: «Прочитав этот отрывок, я … тут же отправил его в набор. В те дни войска нашего фронта готовились к решительному повсеместному наступлению на врага, и дорога была каждая строка, укреплявшая веру в победу, поднимавшая наступательный порыв. А странички из «Брусиловского прорыва» всем своим содержанием напоминали и утверждали ту истину, что «русские прусских всегда бивали». Отрывок назвали «За Родину». Как бы порадовался писатель тому, что перед наступлением войск нашего фронта, его слово было взято на вооружение, поднимало в бой солдат»[51]. В архиве писателя в Алуште хранятся письма с фронта с хвалебными отзывами о его романе. После войны многие фронтовики приезжали к нему домой.

Окончание Великой Отечественной войны наложило свой отпечаток на трактовку победного наступления. К тому же страна, находясь в эйфории победы, чтила сражения Великой Отечественной войны и героическое событие первой мировой войны не должно было затмевать их значимость. Партийные инстанции поспешили напомнить писателям об империалистическом характере первого ми-

[47] Заславский 1944, 1, 55.
[48] Корочкова 2006, 3, 155–164.
[49] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 3. Д. 1050. Л. 2 об.
[50] Степанов 1963, 74–75..
[51] Савельев 1968, 8, 149.

рового конфликта. История войны 1914–1918 гг была возвращена к предвоенной трактовке, в которой отодвигалась на второй план героика и возвращалась классовость. Подготовленные к печати работы в срочном порядке начинали пересматриваться в соответствии с новым внешнеполитическим курсом. Рукописи о наступательной операции армий Юго-Западного фронта снимались руководителями издательств и редакторами журналов с производства и откладывались в ожидании новых директив. Но некоторые шли дальше. Так, в случае со Слезкиным новый редактор журнала «Октябрь» Панферов разорвал договорные обязательства и отказался выплатить писателю гонорар за вовремя сданный роман. Гарантом прав писателя выступил ССП в лице генерального секретаря Фадеева и секретаря парткома Б. Горбатова. Роман был напечатан в издательстве «Советский писатель» в 1947 г., а редакция «Октября» по решению суда выплатила Слезкину 16 тысяч рублей. Современная интерпретация привела в 1946 году к значительной переработке писателями и драматургами своих трудов. Вопреки историческим фактам, в новые варианты добавлялись персонажи-большевики, осуществлявшие революционную работу на фронте. Полководческая направленность была снята, а содержание произведений наполнилось революционными идеями. Так, в пьесе И. Сельвинского Брусилов с удовольствием знакомился с запрещенной брошюрой В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В заключительной сцене, окончательно разочаровавшись в монархии, он устремился вслед за новой, «рабоче-крестьянско-солдатской Россией»[52]. Эволюция взглядов Брусилова в сторону большевистской идеологии была проделана в работе И.Бахтеревым и А. Разумовским. Роман Ю. Слезкина, по мнению критиков «слишком модернизирующий идеологический и психологический образ Брусилова»[53], после десятка редакторских правок был опубликован в 1947 году. В 1946 г. Степанов рискнул опубликовать повесть в первоначальном своем варианте. Реакция критики последовала незамедлительно. В разгромном отзыве А. Мацкин обвинил писателя в пренебрежении к историческим источникам и полном незнании исторических реалий 1916 года.

Таким образом, советская власть установила жесткий контроль над художественной литературой, видя в ней эффективное средство воздействия на общественное сознание. В 1940-е годы художественная литература являлась частью огромного пропагандистского механизма. Советские писатели, рассматривались властью как отряд бойцов, «вооруженных словом», а созданные ими произведения служили «верным оружием» для защиты государства от внешних врагов. В изображении наступления Юго-Западного фронта летом 1916 года писатели пытались соответствовать внутри- и внешнеполитической конъюнктуре. В процессе написания произведения создавался образ Брусиловского прорыва, полностью соответствующий идеологическим канонам.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бабиченко Д.Л. 1994: Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М.

[52] Сельвинский 1947, 376.
[53] Ленобль 1947, 10, 198.

Бахтерев И. В., Разумовский А. В. 1944: Русский генерал. М.

Беседа с Лионом Фейхтвангером: 2003 // ВЛ. 4.

Блюм А. В. 2000: Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953 гг. СПб.

Война. К 25-летию мировой войны 1914–1918 1939. М.

Запорожец А. И. 1998: Из докладной записки ГЛАВПУРа РККА в ЦК ВКП (б) — А. А. Жданову «О состоянии военной пропаганды среди населения» // 1941 год / В. П. Наумова (ред). М., 579–582.

Заславский Д. 1944: Брусиловский прорыв // Большевик. 1, 55–64.

Корочкова О. Ю. 2006: Брусиловский прорыв в советской драматургии // Историк и художник. 3 (9), 155–164.

Корочкова О. Ю. 2006: «И думается мне, как порадовался бы если бы был жив — Брусилов, о котором я теперь так думаю, воссоздавая его светлый образ»: исторический комментарий к роману Ю. Л. Слезкина «Брусилов» // Проблемы российской истории. 6, 410–433.

Ленобль Г. 1947: Ю Слезкин «Брусилов» // Знамя. 10, 194–198.

Мацкин К. 1946: Полуправда очевидца // Литературная газета. 46, 2

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 9. Л. 7 об.

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 9. Л. 146.

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 4. Л. 110 об.

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 50.

ОР РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 10. Л. 23 об.

РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 8. Д. 1. Л. 39.

РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 1

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 758. Л. 19.

РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 22. Д. 5. Л. 52.

РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 8. Д. 1. Л. 10.

РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 31. ЛЛ. 15–20.

РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 250. Л. 43.

РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 253. Л. 30 об.

РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 494. ЛЛ. 1–4.

РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 563. Л. 7.

РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 620. Л. 20, 21 об.

РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 2. Д. 209. Л. 1.

РГАЛИ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 650. Л. 14.

РГАЛИ. Ф. 2417. Оп. 1. Д. 967. Л. 1.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 146.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. Л. 31, 32.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 190. Л. 16, 17.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 68. Л. 146.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 289. Л. 2.

РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 3. Д. 1050. Л. 2 об.

Савельев С. 1968: Алуштинский «затворник». Встречи с Сергеевым Ценским // Радуга. 8, 149–158.

Сельвинский И. 1942: Генерал Брусилов. М.

Сельвинский И. 1947: Лирика и драмы. М.

Сергеев-Ценский С. Н. 1943: Брусиловский прорыв. М.

Симонов К. М. 1988: Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М.

Степанов Г. А. 1963: С. Новиков-Прибой. С. Н. Сергеев-Ценский. (Письма и встречи). Краснодар.

Фадеев А. А. 1957: За тридцать лет. М.

Храпченко М. 1942: Советское искусство в дни войны // Литература и искусство. 1 января, 1.

FICTION AS PROPAGANDA TOOL: BRUSILOV BREAKTHROUGH IN THE SOVIET FICTION OF THE 1940S

O. Yu. Starodubova

The Soviet power established tight control over literature considering it highly instrumental in manipulating social consciousness. In the 1940s fiction was a part of a huge official propaganda machine; Soviet writers were viewed by the authorities as members of a force armed with words, and their works served as an effective weapon against external enemies. Writers tried hard to comply with internal and external political situation, and Stalin's likes and dislikes. While writing they created Brusilov breakthrough image that was quite compatible with ideological standards.

Key words: World War I, Brusilov breakthrough, Soviet writers, propaganda.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

© 2010

Д. Н. Жаткин, Е. И. Аношина (Ильязова)

ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА ДЖОРДЖА КРАББА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА*

В статье, написанной с опорой на дневниковые записи В. К. Кюхельбекера, относящиеся к 1832–1833 гг., утверждается, что творчество английского поэта-священника Джорджа Крабба произвело на заключенного русского поэта-декабриста неизгладимо сильное впечатление, во многом обусловленное мастерством предшественника, представлявшего прозаичные стороны повседневной жизни в поэтическом облике. И хотя влияние Дж.Крабба в созданных В. К. Кюхельбекером в этот период поэмах «Сирота» (1833–1834) и «Юрий и Ксения» (1832–1833) едва уловимо и не определяет направлений творческого поиска русского поэта, все же нельзя не признать, что краббовское творчество способствовало появлению реалистических тенденций в произведениях Кюхельбекера, который использовал новое знание для решения насущных проблем, вставáвших перед отечественной литературой.

Ключевые слова: Джордж Крабб, русско-английские литературные и историко-культурные связи, компаративистика.

Дневниковые записи В. К. Кюхельбекера, приговоренного к десяти годам одиночного заключения за активное участие в восстании декабристов на Сенатской площади, показывают, как постепенно возрастал интерес этого неординарного русского поэта к личности и творчеству Джорджа Крабба. 20 июля 1832 г. Кюхельбекер записал: «Мне тотчас принесли с почты «Стихотворения» Скотта и Краббе»[1], вероятно, подразумевая пересылку книг младшей из сестер Ульяной (Юлией) Карловной (1795–1869), всемерно пытавшейся помочь близкому человеку, обладавшему не только оригинальным умом, но и страстной натурой, выжить в образовавшемся вокруг него интеллектуальном вакууме. Среди тех, кто мог порекомендовать родственникам заключенного поэта послать ему произведения Крабба, прежде всего следует назвать А. С. Пушкина, придававшего в начале 1830-х гг. особое значение краббовскому творчеству. Поскольку литературная известность Крабба практически не выходила в те годы за пределы Британии, а его

* Статья подготовлена по проекту НК–393(1)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.3.2 «Проведение научных исследований целевыми аспирантами» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (госконтракт №П1940 от 29.10.2009).

[1] Кюхельбекер 1979, 94.

произведения не переводились, в России о Краббе знали очень немногие. Кюхельбекер получил, по-видимому, издание «Poetical Works» («Поэтических произведений») Крабба, вышедшее в 1829 г. с указанием двух мест издания — Парижа и Эдинбурга. Именно по этому изданию он читал и анализировал на страницах дневника краббовские поэмы «Деревня» («The Village», 1783), «Приходские списки» («The Parish Register», 1807), «Местечко» («The Borough», 1810), «Повести в стихах» («Tales in Verse», 1812), «Повести усадьбы» («Tales of the Hall», 1819) и др.

22 июля 1832 г., через два дня после получения книги, Кюхельбекер охарактеризовал свое впечатление от прочтения первой из «Повестей в стихах»: «Прочел Краббевых «The Dumb Orators» <«Немые ораторы»>; картина в фламандском роде, но истинно оригинальная, довольно много живости; некоторые подробности, напр., описание индийского петуха, превосходны, но есть и натяжки, и скучноватости (longueurs) на стать Гагедорновых и Виландовых; впрочем, это, кажется, почти неразлучно с произведениями, созданными не вдохновением, а остроумием. Выше Гагедорна в своем рассказе Краббе юмором, которого у Гагедорна вовсе нет: добрый немец (т. е. Гагедорн, а не другие) или хохочет, или сериозничает, а улыбаться, тонко шутить не его дело»[2]. Негативная оценка немецких литераторов Ф.Гагедорна (1708–1754) и Х.-М.Виланда (1733–1813), звучащая в дневнике русского поэта, очевидно, относится не ко всему их творчеству целиком, а только к их салонно-аристократическим и дидактическим произведениям. Известно, что, будучи поэтом-романтиком, Кюхельбекер долгое время оставался антагонистом «фламандской школы» в живописи, т. е. детального реалистичного изображения повседневной жизни, и сформировал аналогичное отношение к приближенным к этой школе произведениям литературы, считая напрасным занятием искать высокую поэзию в повседневности, в описаниях бытовой заурядной стороны жизни, в прозе образов и чувств и называя ориентированных на воссоздание каждодневной жизни писателей рифмоплетами, но не поэтами[3]. Охарактеризовав картину, воссозданную Краббом, как «истинно оригинальную», но тем не менее во «фламандском роде», Кюхельбекер поначалу был верен своим устоявшимся взглядам, утверждал, что творчество английского поэта является плодами «не вдохновения, а остроумия».

Как видим, первое обращение к творчеству Крабба не вызвало у Кюхельбекера особой заинтересованности, поэтому он на время оставил его сочинения и приступил к чтению поэзии В.Скотта. С июля по октябрь 1832 г. Кюхельбекер читал одну за другой поэмы «The Lady of the Last Minstrel» («Песнь последнего Менестреля», 1805), «Marmion» («Мармион», 1808), «The Lady of the Lake» («Дева озера», 1810), «Rokeby» («Рокби», 1813), «The Lord of the Isles» («Властитель островов», 1815), баллады и стихотворения из одиннадцатитомника «Poetical Works» («Поэтических произведений»), изданного в Эдинбурге в 1830 г. Стихотворения и поэмы Скотта в начале XIX в. публиковались неоднократно, однако только в издании 1830 г. и последовавших за ним увидели свет ранее не включавшиеся в сборники отдельные произведения, в частности, прочитанный Кюхельбекером драматический набросок из шотландской истории «Halidon Hill» («Хэлидон-Хилл», 1822).

[2] Кюхельбекер 1979, 94.

[3] Кюхельбекер 1824, 62, 64–65; Мордовченко 1959, 391–393.

Для одиннадцатитомника 1830 г. Скотт написал специальное предисловие; кроме того, тексты всех поэм и баллад были снабжены обширными примечаниями автора, повторявшимися во всех изданиях начиная с 1820 г. В примечаниях издателей приводились наиболее значительные критические отзывы о произведениях Скотта из ведущих английских журналов «Quarterly review» («Ежеквартальное обозрение»), «Edinburgh review» («Эдинбургское обозрение») и др.

В конце октября 1832 г. Кюхельбекер вновь обратился к «Повестям в стихах» Крабба, о чем свидетельствуют дневниковые записи от 30 и 31 октября 1832 г.: «По воскресным дням я обыкновенно читаю что-нибудь английское; сегодня я прочел Краббевы две сказки»[4]; «Прочел остальные сказки Краббе; лучшая из них «Jesse and Colen» <«Джесси и Колин»>»[5]. Символично, что «Повести в стихах» были названы русским поэтом сказками, хотя в реальности таковыми не являлись; тем самым подчеркивалась отдаленность образов английского мира от повседневного российского мироощущения.

11 ноября 1832 г. русский поэт, неожиданно для себя находя «много нового, много сильного и истинного» в картинах «фламандского рода», лестно отзывался о восьмой части («The Sisters» («Сестры»)) краббовских «Повестей усадьбы»: «Прочел я 8-ю книгу Краббевой поэмы «Tales of the Hall» <«Повести усадьбы»>, она прекрасна — в ней много нового, много сильного и истинного. Характер Банкрутчика нарисован мастерскою кистью. А вот два стиха, которые служат уподоблением очень болезненному состоянию души, почти худшему совершенного сумасшествия:

Such is the motion of a drunken man

Who steps sedately, just to show he can.

<Таково движение пьяного человека, который ступает осторожно чтобы доказать, что он может это сделать>»[6].

13 ноября 1832 г. Кюхельбекер, ознакомившись с одиннадцатой частью «Повестей усадьбы» «The Maid's Story» («История девушки»), ассоциировал прочитанное с обстоятельствами личной жизни и в этой связи привел стих из «Черной шали» А. С. Пушкина: «В 11-й книге «Tales of the Hall» <«Повести усадьбы»> последнее похождение героини напоминает мне нечто, случившееся со мною, «когда легковерен и молод я был». Однако же со мною поступили несколько суровее, чем героиня с своим young stripling <юношей>»[7]. В краббовской истории, в числе прочего, было рассказано о молодом человеке, который, будучи значительно моложе, влюбился в героиню страстно и решительно; подчеркнув разницу в возрасте, женщина сумела убедить юношу прекратить ухаживания.

На следующий день поэт отмечал в дневнике прочтение двенадцатой части «Повестей усадьбы» «Sir Owen Dale» («Сэр Оуэн Дейл»): «Прочел сегодня 12-ю книгу «Tales of the Hall» <«Повести усадьбы»>»[8], а уже 19 ноября указывал на то явственное влияние, которое оказало знакомство с творчеством Крабба «на слог и вообще способ изложения» его новой поэмы «Сирота»: «Я ныне заметил, что

[4] Кюхельбекер 1979, 127.
[5] Там же, 127.
[6] Там же, 131–132.
[7] Там же, 132–133.
[8] Там же, 133.

Краббе, а не Скотт, вероятно, окажет самое большое влияние на слог и вообще способ изложения моей поэмы: по крайней мере это так в первой части»[9]. Завершая 4 декабря 1832 г. чтение «Повестей усадьбы», Кюхельбекер признавал достоиства поэзии Крабба, способность последнего достигать творческих высот: «Перед концом своих «Tales of the Hall» <«Повести усадьбы»> Краббе опять поднимается, а в картине, стоящей у самого выхода из его галереи, достигает такой высоты поэтической, на какой я еще не видел его»[10].

13 декабря 1832 г. русский поэт приступил к чтению ранней поэмы Крабба «Деревня»: «Вечером после ужина прочел я первую книгу Краббевой поэмы «The Village» <«Деревня»>. Судя по началу, Краббева фламандская картина не в пример занимательнее, чем томсоно-деммевские чувствительно-бесхарактерные собрания возгласов, изображений и поучений, называемые сельскими или описательными поэмами»[11]. Характеризуя произведение Крабба как «фламандскую картину», Кюхельбекер сравнивал его с религиозными стихами и нравоучительными песнями Дж.Томсона (1700–1748) и К.-Г.Демме (1760–1822), при этом краббовская «Деревня» с позиций русского поэта смотрелась значительно более выигрышно за счет приближенности к реальной сельской жизни. По дневниковой записи, сделанной Кюхельбекером 14 декабря 1832 г., можно судить не только о завершении знакомства поэта с «Деревней» и прочтении им первой части «Приходских списков», но и о возникшем желании сопоставить все прочитанные краббовские поэмы, отдав предпочтение «Повестям усадьбы»: «Прочел вторую книгу Краббевой «Деревни» и первую другой поэмы, сельской же — «The Parish Register» <«Приходские списки»>. Обе они напоминают «Tales of the Hall» <«Повести усадьбы»>, но, кажется, уступят этому истинно прекрасному творению»[12].

Дневниковая запись от 19 декабря 1832 г. свидетельствует, что, несмотря на известную монотонность начала поэмы «Местечко», Кюхельбекер был твердо намерен дочитать ее до конца, ибо Крабб к тому моменту уже стал его «фаворитом»: «Есть такие дни, в которые идет все неудачно… после ужина рассердился даже на своего теперешнего фаворита — Краббе: начало его поэмы «The Borough» <«Местечко»> до невозможности скучно»[13]. 20 декабря в связи с чтением пятого письма «Местечка» «Elections» («Избирательная кампания») русский поэт вспоминал ставшие крылатыми слова из басни И. А. Крылова «Пустынник и медведь»: «Прочел еще четыре письма Краббевой поэмы «The Borough» <«Местечко»>. В пятом письме мастерски изображена навязчивая дружба тех, о которых наш Крылов сказал: “Услужливый дурак опаснее врага”»[14]. На следующий день Кюхельбекер в дневнике вновь восторженно характеризовал Крабба как «бесценнейшего писателя», не забывая при этом упомянуть про натянутость и неестественность некоторых его стихов: «Для человека в моем положении Краббе бесценнейший писатель: он меня, отделенного от людей и жизни, связывает с людьми и жизнью своими картинами, исполненными истины. Краббе остер, опытен, знает сердце человече-

[9] Там же, 134.
[10] Там же, 137.
[11] Там же, 140.
[12] Там же, 140.
[13] Там же, 143.
[14] Там же, 143.

ское, много видал, многому научился, совершенно познакомился с прозаическою стороною нашего подлунного мира и между тем умеет одевать ее в поэтическую одежду, сверх того, он мастер рассказывать — словом, он заменяет мне умного, доброго, веселого приятеля и собеседника. Сегодня я прочел еще три письма его поэмы: в 8-м эпизод — William and Walter <Уильям и Вальтер> — очень хорош; недоволен я только последними двумя стихами — они мне кажутся несколько натянутыми и неестественными»[15]. Восьмое письмо «Местечка» «Trades» («Занятия») завершается историей двух братьев: добродушный Уильям из-за своей доброты теряет состояние, но обретает любовь окружающих, тогда как суровый, бессердечный Вальтер увеличивает свой капитал, но в конце своей жизни осознает, что все его ненавидят и боятся. Неприятие Кюхельбекера вызвали слова Вальтера, обращенные к его ближним: «What's wealth to me? — yes, yes! it gives me sway, / And you shall feel it — Go! begone, I say»[16] [Что для меня богатство? — да, да! оно дает мне власть, / И вы ощутите это — уйдите! убирайтесь, говорю].

В записи от 22 декабря 1832 г. содержится восхищение Кюхельбекера некоторыми эпизодами из писем «Местечка» «Amusements» («Увеселения») и «Clubs and Social Meetings» («Клубы и общества»): «Прочел я еще два письма Краббева «Borough» <«Местечко»>; в 9-м превосходные две картины — осеннего тумана на взморье и гибели, которою неожиданный прилив угрожает приставшим к отмели, сухой во время отлива; в 10-м в другом (совершенно прозаическом) роде хорошо изображение приятельского общества за картами»[17]. На следующий день Кюхельбекер отметил прочтение еще трех писем «Местечка», среди которых выделил тринадцатое — «The Alms-House and Trustees» («Богадельни и попечители»): «Прочел следующие три письма: из них лучшее 13-е»[18]. 24 декабря Кюхельбекер с восторгом отзывался об особенностях поэтического стиля Крабба, обнаруженных им при чтении письма «The Poor and their Dwellings» («Бедные и их жилища»): «Великое достоинство в картинах, какие рисует Краббе, — необыкновенная живость: все у него так истинно, так естественно, что, кажется, не читаешь, а видишь то, о чем он говорит. В 18-м письме у него изображение предместья: в моих прогулках по улицам Замоскворечья, по Садовой, по Тверской-Ямской я сам это все видел, все точно так, тут совершенная природа. В 18-м же письме очень умное рассуждение о том, каково бедному в доме общественного призрения, даже в самом лучшем»[19]; 25 декабря поэт был тронут отрывком из письма «The Poor of the Borough. Ellen Orford» («Беднота местечка. Эллен Орфорд»): «…после ужина прочел я два письма Краббе: повесть в конце 20-го очень трогательна»[20].

Увлеченное чтение Кюхельбекером произведений Крабба продолжалось и в первые дни 1833 г., о чем, в частности, свидетельствует запись от 1 января 1833 г.: «Сегодня занимался я часочек и любезным своим Краббе»[21]. Наконец, 3 января 1833 г. русский поэт завершил чтение произведений «отличного писателя» Крабба: «Наконец я дочел поэму Краббе «The Borough» <«Местечко»>,

[15] Там же, 143.
[16] Crabbe 1946, 65.
[17] Кюхельбекер 1979, 145.
[18] Там же, 145.
[19] Там же, 145.
[20] Там же, 146.
[21] Там же, 148.

а с нею и все стихотворения этого отличного писателя, с которым я рад, что познакомился. Предоставляю себе в другое время сказать вообще свое мнение о Краббе и его сочинениях; ныне только замечу, что «Borough» <«Местечко»> кажется мне слабее «Tales of the Hall» <«Повести усадьбы»>, хотя и содержит некоторые чрезвычайно хорошие подробности»[22]. Впоследствии Кюхельбекер осуществил свое намерение написать статью о Краббе, однако эта статья так и не была опубликована, а рукопись впоследствии утеряна[23].

Приведенные нами дневниковые записи не только показывают эволюцию отношения Кюхельбекера к Краббу, но и дают возможность оценить степень влияния творчества английского поэта-священника на литературную деятельность Кюхельбекера. Известно, что, находясь в одиночном заключении и имея весьма призрачные надежды на возможность опубликования хотя бы части своих произведений, Кюхельбекер все же занимался литературным творчеством. Летом 1832 г., воодушевленный чтением поэм В.Скотта, он стал вынашивать идею трансформации начатой 5 января 1832 г. драматической сказки «Иван, купецкий сын» в романтическую повесть: «Читаю «Rokeby» <«Рокби»> Вальтера Скотта. Слава богу, начинается брожение моего воображения! Сказка, которую месяцев за пять тому назад не удалось мне обработать драматически, теперь не примет ли форму романтической повести?» (дневниковая запись от 2 августа 1832 г.)[24]. Но затем поэт отказался от этой мысли, увлекшись легендой об Отроче монастыре, обнаруженной им в анонимной статье «Вестника Европы» (1806. Ч. 25. №3. — С. 215–217) «Письмо путешествующего немца из Твери» со ссылкой на журнал Августа Коцебу «Freymüthige» («Прямодушный»). Об этом увлечении Кюхельбекера, давшем впоследствии сюжетную основу поэме «Юрий и Ксения», свидетельствует запись от 10 августа 1832 г.: «Отрочь монастырь, стоящий при устье Тверцы, основан по следующему случаю. Григорий, княжий отрок при дворе Ярослава, первого князя Тверского, влюбился в дочь церковнослужителя в селе Едимонове, которое князь жаловал отроку. Григорий получил позволение от своего государя жениться на своей любезной. Они в храме. Внезапно разделяется на две половины толпа предстоящего народа и является князь. Сокол заманил его в село и сел на крест колокольни, Ярослав, видя празднество, отгадал причину его и захотел удостоить своим присутствием обряд бракосочетания. Ксения, взглянув на князя, смутилась; он также. Влекомый силой красоты, Ярослав подходит к ней, берет за руку, спрашивает: не хочет ли выйти за него? Она соглашается. Бедный Григорий скрылся в толпе. Однако же князь наконец вспомнил о нем. Его отыскивают долго тщетно, наконец находят в отчаянии, в рубище. Приводят к князю. Ярослав предлагает ему награды и почести — отрок не принимает их; просит позволения построить келью при устье Тверцы и жить там вместе с некоторым отшельником. Позволено. Он умирает, и Ярослав строит Отрочь монастырь над его могилою»[25].

Данный сюжет неоднократно подвергался литературной обработке русскими писателями, которые использовали эту тему для создания оригинальных произведений. В частности, ранние пересказы этой истории содержатся в книге

[22] Там же, 148.
[23] Кюхельбекер 1954, 459; Азадовский 1954, 726.
[24] Кюхельбекер 1979, 101.
[25] Там же, 103.

<И.Глушкова> «Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах по оному лежащих известия исторические, географические и политические» (СПб, 1801. — С. 102–107) и в статье «Едимоново» «Словаря географического Российского государства <…> собранного А.Щ<екаговым>» (М., 1804. — Ч. II. Г — К. — Стлб. 342–344). Наиболее яркие интерпретации сюжета об Отроче монастыре были предложены в начале XIX в. В.<Т.>Н<арежным> (Георгий и Елена // Цветник. — 1810. — Ч. V. — №2. — С. 123–147), <С.Н. Глинкой> (Григорий. Историческая русская повесть // Русский вестник, издаваемый Сергеем Глинкою. — 1808. — Ч. II. — №5 (май). — С. 133–161), Ф.Н. Глинкой (Село Едимоново и Отрочь монастырь // Глинка Ф.Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806, также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. — М., 1815. — Ч. III. — С. 29–49). В 1820–1830-е гг. увидели свет новые переложения предания, выполненные Л.Л. Шаховским (Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженный на белом коне. Русская быль в четырех действиях, с песнями, хорами, воинскими потехами, танцами, играми, борьбой и большим спектаклем, музыка соч. г. Кавоса. — СПб., 1823) и В.<С.>Глинкой (Отрочь монастырь, быль XIII–го столетия. — СПб., 1837). На рубеже XIX–XX вв. предание вольно пересказывалось с ориентацией на массового читателя (Полевой В.Н. Ненароком (из тверских преданий) // Полевой П.Н. Исторические рассказы и повести. — СПб., 1892. — С. 5–22) или на детскую аудиторию (Северцев (Полилов) Т. Княжой отрок (историческая повесть из преданий XIII века) // Детское чтение. — 1904. — №1. — С. 46–54; №2. — С. 175–192; №3. — С. 310–328; №4. — С. 422–440; №5. — С. 565–578; №6. — С. 720–734; №7. — С. 827–838; №8. — С. 1009–1024; №9. — С. 1127–1141; №10. — С. 1242–1256; №11. — С. 1386–1398). В советское время предание привлекало исключительно академическое, историко-литературное влияние, в связи с чем можно назвать работы В.Ф. Ржиги[26], В.Г. Базанова[27], Ю.Д. Левина[28].

Повесть об Отроче монастыре достигла Кюхельбекера в несколько трансформированном виде, пройдя через двукратный пересказ и двукратный перевод. Оригиналом для русского перевода, помещенного в «Вестнике Европы», послужило девятое письмо из «Беглых заметок по пути из Петербурга в Германию» (Freymüthige (Berlin). — 1806. — №1. — S. 2–3), автор которого, скрывшийся под литерой «R», указал, что пересказал легенду об Отроче монастыре, найденную им в немецкой «Карманной книжке для путешествия из Петербурга в Москву» (Leipzig — St.Petersburg, 1805. — S. 147–153). В свою очередь этот немецкий путеводитель являлся переводом из «Русского дорожника <…>» <И.Глушкова> (2-е изд., 1802), содержавшего, как уже было сказано выше, самый ранний вариант пересказа повести.

Сам факт, что Кюхельбекер увлекся историей XIII в., показывает «скоттовскую» настроенность его воображения, ориентацию на сюжеты далекого про-

[26] Ржига 1928, 111–116; Ржига 1958, 538–544.
[27] Базанов 1961, 305–306.
[28] Левин 1971, 128–138.

шлого, и прежде становившиеся основой многих из его повестей в стихах. В 1832–1833 гг. Кюхельбекер испытывал желание создать повесть или роман о первопечатнике Иване Федорове (дневниковая запись от 1 ноября 1832 г.), надеялся сочинить стихотворную повесть, в основу которой хотел положить анекдот о деятельности миссионера отца Д'Ортеги в Южной Америке в XVI в. (дневниковая запись от 5 ноября 1832 г.), планировал написать романтическую поэму «в роде Скоттовых» о Дмитрии Донском (дневниковая запись от 10 октября 1833 г.). Размышляя над поэмой «Отрочь монастырь», впоследствии названной «Юрий и Ксения» (впервые опубликована Ю. Н. Тыняновым в 1939 г.[29]), Кюхельбекер увлекся идеей вложить рассказ об исторических событиях в уста слепого менестреля, поющего перед его собственной семьей («Лицо слепого бандуриста, которому хочу вложить в уста повесть свою, <…> 1812-й год и другие исторические воспоминания, наконец, собственное мое семейство, пред которым будто бы поэма была пета»[30]), что, вероятно, было подсказано композиционным построением «Песни последнего менестреля» В.Скотта. В письме к сестре от 14 ноября 1832 г. Кюхельбекер соотносил свое новое произведение с поэмами Скотта и при этом объяснял различия внешними причинами, а не сущностью замысла: «Моя поэмочка, конечно, не будет таким верным зеркалом времени Ярослава Тверского, каким бывают поэмы Скотта различных времен старинной Шотландии; надеюсь, однако же, что в ней найдется кое-что истинно русское. В моем положении трудно, если не сказать невозможно, быть живописцем минувших нравов и обычаев: все я должен почерпать из одной памяти; у меня ровно нет никаких источников»[31]. Обдумывание Кюхельбекером будущей поэмы об Отроче монастыре происходило параллельно с изучением поэзии В.Скотта, однако, приступая к созданию нового произведения (начато 5 ноября 1832 г., завершено 4 мая 1833 г.), поэт уже был увлечен чтением сочинений Крабба. В этой связи можно понять сущность дневниковой записи от 19 ноября 1832 г., содержащей утверждение, что именно Крабб, а не Скотт, окажет наибольшее влияние на слог и способ изложения новой поэмы. Подобное признание автора во многом неожиданно, поскольку поэма «Отрочь монастырь» («Юрий и Ксения») с ее псевдоисторическим сюжетом, князьями и боярами, языческой ведьмой и православным пустынником далека от бытописательной поэзии Крабба.

Произведение Кюхельбекера относится к жанру романтической поэмы, активно развивавшемуся в России в 1820–1830-х гг.; ему присущи новеллистический сюжет, основанный на любовном конфликте; композиционная структура с типичным введением в середину действия, за которым следует изложение событий, предшествовавших истории; климактерическое фрагментарное изложение сюжета; лирические вставки, обретающие форму песен; лирический тон повествования, включающий вопросы и восклицания автора, обращенные к читателю; лирические интермедии, в которых поэт говорит от своего лица; наконец, четырехстопный ямб — наиболее часто используемый размер в данном жанре[32]. Более того, заимствованная из отечественной истории и лишенная политическо-

[29] Кюхельбекер 1939, 295–357.
[30] Кюхельбекер 1979, 107.
[31] Кюхельбекер 1954, 412.
[32] Жирмунский 1924, 262–263; Соколов 1955, 396–398.

го подтекста тема, принятие главным героем монашества после неудачи в любви в финале, наконец, сцена ночной бури, открывающая произведение, также типичны для русской романтической поэмы[33]. Однако помимо указанных жанровых канонов Кюхельбекер воспринял в процессе работы над произведением традиции отдельных поэтов с их индивидуальной творческой манерой.

В. М. Жирмунский доказал, что многие характерные черты романтической поэмы в России восходят к восточным поэмам Дж.-Г.Байрона, являющим собой новый жанр в европейской поэзии. Однако влияние Дж.-Г.Байрона на развитие русской романтической поэмы было опосредованным — через А. С. Пушкина и отчасти И. И. Козлова («Чернец»), переосмысливших новшества и достижения английского поэта в соответствии с отечественной поэтической традицией. Пушкинское влияние в поэме об Отроче монастыре к своему неудовольствию отметил и сам Кюхельбекер, записав в дневнике 17 января 1833 г.: «Перечитывая сегодня поутру начало третьей песни своей поэмы, я заметил в механизме стихов и в слоге что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина: но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей»[34]. Отметим, что лирические поэмы Байрона также объединили в себе предшествующие находки С.-Т.Кольриджа и В.Скотта[35], в связи с чем поэзия В.Скотта, несмотря на всю свою оригинальность, не могла в 1830-е гг. содержать что-либо существенно новое для Кюхельбекера, который прошел этап увлечения Байроном в юности и уже в 1817–1820-х гг. заявлял, что среди современных ему поэтов ни один не превзошел его в восхвалении Байрона[36].

В свете сказанного показательной является вызванная прочтением Скотта дневниковая запись Кюхельбекера от 24 июля 1832 г.: «…давно я не читал столь превосходной новинки (новинки в сравнении с Гомером и Шекспиром, qui sont mon pain quotidien <которые — хлеб мой насущный>)»[37]. С одной стороны, Кюхельбекер восхищается поэзией Скотта, однако, с другой — не может отделаться от впечатления, что уже читал что-то подобное, не находит для себя ничего принципиально нового, а потому начинает рассуждать о новизне по сравнению с Гомером и Шекспиром. Еще до своего обращения к скоттовской «Песне последнего менестреля» Кюхельбекер использовал аналогичную композиционную структуру и создал образ похожего героя в своей поэме «Зоровавель», о чем свидетельствует все та же дневниковая запись: «…странно, как я в расположении частей и в характере повествователя встретился с Скоттом: мой рассказчик (в «Зоровавеле») a peu pres Minstrel <почти Менестрель> Скотта; между тем не помню, чтоб я даже в переводе прежде читал его «Lay» <«Песнь»>»[38]. Кюхельбекер, сам того до конца не осознавая, еще в юношеские годы усвоил многие элементы поэзии В.Скотта, созвучные Дж.-Г.Байрону и ассоциируемому с ним более широкому литературному течению, в котором скоттовское творчество было лишь одной из неотъемлемых составляющих.

[33] Жирмунский 1924, 263–265, 275–276.
[34] Кюхельбекер 1979, 152.
[35] Жирмунский 1924, 21–23.
[36] Кюхельбекер 1934, 349.
[37] Кюхельбекер 1979, 95.
[38] Там же, 95.

Напротив, много нового, неизвестного, обусловленного реалистическим психологизмом, таило для русского поэта творчество Крабба, который, будучи воспитан в духе просветительского рационализма XVIII в., не только остался верен прежним принципам и в эпоху романтизма, но и стремился развивать свои принципы применительно к новым общественно-историческим условиям. Выступая против приукрашивания действительности, использования далеких от реальности вымыслов, Крабб посвящал свои произведения изображению каждодневной жизни английских сельских приходов, описанию провинциальных местечек, причем его героями становились простые обыватели, чьи психологические портреты, однако, создавались с редкой проницательностью и мощью. Кюхельбекеру, выступавшему в начале 1820-х гг. вместе с П. А. Катениным и А. С. Грибоедовым против манерности, эстетизма и перифрастического стиля в поэзии, безусловно, было близко краббовское изображение неприукрашенной жизни.

По мнению Б. С. Мейлаха, главной причиной интереса к Краббу было развитие в творчестве Кюхельбекера элементов реализма[39]. И то, что русский поэт сразу же ощутил в краббовской «Деревне» элемент полемики с сентименталистами и признал превосходство этой поэмы над другими «сельскими или описательными поэмами», не было случайным. Кюхельбекер, будучи оторванным от активной литературной жизни, каким-то невероятным чутьем ощущал направление движения русской литературы. Именно в эти годы В. Г. Белинский доказывал, что реальная поэзия, поэзия жизни, поэзия внешнего является настоящей и истинной поэзией своего времени, характеризующейся правдивым изображением реальности[40]. В этот период были созданы «Повести Белкина» А. С. Пушкина, ранние повести Н. В. Гоголя, сформировалось новое отношение к «фламандской школе», были заложены основы для создания «натуральной школы» следующего десятилетия. Тюремное заключение Кюхельбекера, очевидно, способствовало развитию интереса к Краббу, ставшему для русского поэта «умным, добрым, веселым приятелем и собеседником», связывавшим его «своими картинами, исполненными истины», «с людьми и жизнью», способствовавшим развитию реалистических тенденций в его творчестве 1830-х гг.

Заявляя о влиянии Крабба на свою поэму «Юрий и Ксения», Кюхельбекер подразумевал, скорее всего, те изменения, которые были внесены им в сюжет произведения, прежде всего, введение новых персонажей и, соответственно, новых коллизий: Юрий однажды спас жизнь Ярославу в битве, и в награду князь обещал ему руку своей сестры княгини Ольги, влюбленной в Юрия; Ксения была помолвлена с молодым крестьянином Ермилом, которого она бросила ради любви боярина; Ермил впоследствии разделил участь отшельничества с Юрием; отец Ксении церковнослужитель Елисей, вскользь упомянутый в истории из «Вестника Европы», был настолько разгневан неверностью своей дочери сначала Ермилу, а затем Юрию, что оказался готов обрушить проклятия на ее голову; ростовский князь Борис женился на Ольге. Само стихотворное повествование стало драматически напряженным и эмоционально насыщенным в силу создания впечатляющих сцен, изначально не предусмотренных сюжетом: битва Ярослава с новгородцами, обычно прославляемыми в декабристской поэзии, но здесь представленными

[39] Мейлах 1952, 45.
[40] Белинский 1953, 267.

в качестве злодеев (дополнительный штрих к эволюции мировоззрения Кюхельбекера после разгрома декабристского восстания), отказ Елисея благословить обвенчанную с князем Ксению, посещение овдовевшей Ольгой и терзаемой раскаянием Ксенией могилы Юрия.

Кюхельбекер не знал об элементах сверхъестественного в древнерусской повести (пророческий сон Ярослава, таинственные слова вещей девы Ксении), т. к. пересказ Глушкова был лишен их в духе рационализма XVIII в. И все же его поэтическая интуиция и знание древнерусского фольклора подсказали ему невозможность развития действия без пророчеств и ведовства: языческая ведьма предсказывает Юрию его судьбу, христианский отшельник обращает Юрия на путь истинный, противостоя язычнице, подталкивавшей его к самоубийству. Эти нововведения создали сложные психологические конфликты, что потребовало от русского поэта доскональной разработки характеров действующих лиц. В этом Кюхельбекеру не мог помочь В.Скотт, в творчестве которого, по мнению русского поэта, характеры — «главный недостаток», поскольку «все они <…> недорисованы»[41]. Крабб же, зная особенности человеческих душ, «мог найти изображения самых различных душевных конфликтов, вызванных борьбой любви и тщеславия, любовной изменой, оскорбленным самолюбием, социальным неравенством и т. п., которые были изложены обстоятельно, точно, и психологически достоверно»[42]. Именно за психологической характеристикой героев и способами передачи их душевных состояний русский поэт и обратился к творчеству Крабба. У Крабба Кюхельбекер мог перенять и технику стихотворного повествования, ибо он полагал, что у Скотта «рассказ — почти постороннее дело, а главное — описание и поэзия элегическая»[43]. Также можно предположить, что мысль о введении в поэму образов Ермила и Елисея была подсказана девятнадцатой частью «Повестей усадьбы» «William Bailey» («Вильям Бейли»), в которой рассказывается о дочери крестьянина, соблазненной молодым лордом; она бежала, бросив своего жениха-фермера, и навлекла на себя проклятие своего отца.

Не следует переоценивать влияния Крабба на поэму Кюхельбекера «Юрий и Ксения»: в реальности оно почти неуловимо, и если бы не утверждение самого поэта, мы вряд ли смогли бы его обнаружить. Это влияние представляет собой лишь один из элементов комплекса эстетических и литературных воздействий, испытанных русским поэтом в процессе создания им поэмы на сюжет повести о Тверском Отроче монастыре.

Существенно большее влияние Крабба ощутимо в другой поэме Кюхельбекера «Сирота», к созданию которой он приступил 16 октября 1833 г., записав в своем дневнике: «Начал я сегодня своего «Сироту»: размер — пятистопные ямбы, расположение рифм такое же, как в «Юрии и Ксении», а образцом, как кажется, будет служить мне Краббе»[44]. Поэма была завершена приблизительно в феврале следующего года, о чем можно судить по записи в дневнике, датированной 19 февраля 1834 г.: «Написал сегодня вступление в 5-ю главу «Сироты» <последний разговор>»[45].

[41] Кюхельбекер 1979, 102–103.
[42] Левин 1971, 138.
[43] Кюхельбекер 1954, 411.
[44] Кюхельбекер 1979, 207.
[45] Там же, 225.

В посвящении Пушкину (написано в декабре 1833 г., на основании чего Ю. Н. Тынянов, впервые опубликовавший поэму в 1939 г., ошибочно предположил, что она была закончена именно в этот момент[46]) Кюхельбекер сделал программное заявление об отличии «смиренного цвета» своих стихов от полета «доблестного орла» — пушкинской поэзии. Новая поэма ознаменовала собой «отход от прежних протестов против изображения прозаических сторон жизни, характерных для его ранних высказываний»; характерно и то, что «поиски поэта, несмотря на оторванность от культурной жизни страны, совпали с направлением общего развития русской литературы с ее вниманием к быту и «маленькому» человеку»[47]. Нельзя считать поэму «Сирота» полностью реалистическим произведением, поскольку несчастья героя обусловлены в ней не социальной средой, а произволом порочной личности; однако реалистические тенденции все же проступают в точных подробных описаниях повседневного быта провинциальных дворян и мещан.

В поэме Кюхельбекера Егор Львович, гусар в отставке, участник войны с Наполеоном, рассказывал о своем детстве, подробно останавливаясь на злоключениях сироты, оказавшегося в руках Фрола Михеича Чудодея, жестокого и подлого отставного юриста, пьяницы («на руку не чист и пьет запоем»), обкрадывавшего его, морившего голодом и почти доведшего до самоубийства. История самого Кюхельбекера звучит, по предположению Ю. Н. Тынянова[48], на протяжении пяти разговоров в небольшой компании — самого Егора Львовича, его молодой жены Саши, местного священника, немца-аптекаря, его жены и дочери Шарлотты. Отметим, что краббовские «Повести усадьбы», имея аналогичную структуру, также рассказываются в небольшой компании — хозяина поместья Джорджа (George), его младшего брата Ричарда (Richard), деревенского священника, местного доктора и двух сестер — владелиц соседних поместий; четвертая повесть «Приключения Ричарда» («Adventures of Richard») представляет собой рассказ младшего брата хозяина поместья о своем детстве.

В поэзии Крабба многое так или иначе соотносится с темой «Сироты». О рабском положении и страданиях детей-сирот говорится, в частности, в письме XXII «Бедняки местечка. Питер Граймз» («The Poor of the Borough. Peter Grimes») поэмы «Местечко»: «…there were in London then, — / Still have they being! workhouse-clearing men, / Who, undisturb'd by feelings just or kind, / Would parish-boys to needy tradesmen bind: / They in their want a trifling sum would take, / And toiling slaves of piteous orphans make»[49] […были в Лондоне тогда, — / Все еще они есть! очищающие работные дома люди, / Которые, невозмутимые чувствами праведными или добрыми, / Приходских мальчиков нуждающимся торговцам отдавали: / Они, за нехваткой, пустяковую сумму брали, / И выполняющих тяжелую работу рабов из достойных сострадания сирот делали]. Те же страдания и рабство выпали и на долю сироты Егора из поэмы Кюхельбекера: «…Но был же рок / Когда-то <…> и ко мне жесток: / Любезных мне забвение и холод, / Печаль и рабство, стыд и боль, и голод, / И бешенство бессилья, и тоска / О днях минувших, лучших — в новичка / На поприще земного испытанья, / В ребенка, друг мой, пролили стра-

[46] Кюхельбекер 1939, 474–475.
[47] Романов 1989, 12.
[48] Тынянов 1939, LVI.
[49] Crabbe 1946, 109–110.

данья / Такие, от которых наконец, / Когда бы не помог мне сам творец, / Когда бы видимой не спас десницей / Безумца, — я бы стал самоубийцей»[50]. Возможно, что эпизод падения в воду ребенка, решившего расстаться с жизнью, чтобы прекратить свои страдания («…Я о перило / Оперся, стал и в зеркало воды / Глядеться начал. «Горя и нужды / Мне долго ль жертвой быть?» — я мыслил; что же? / Вдруг хлеб мой бух в Фонтанку! «Боже! боже!» — / Я вскрикнул и — за ним! Схватить ли мне / Хотелось или...»[51]), был также подсказан историей Питера Граймза, однако в последней ученик Граймза скорее был утоплен своим хозяином в воде: «… One night it chanced he fell / From the boat's mast and perish'd in her well, / Where fish were living kept, and where the boy / (So reason'd men) could not himself destroy»[52] […Однажды ночью случайно он упал / С корабельной мачты и погиб в садке, / Где держали живую рыбу, и где мальчик / (Так рассуждали люди) не мог сам себя лишить жизни].

В поэме Кюхельбекера сообщалось о смерти инвалида Степаныча, жалевшего и защищавшего сироту. Дружба ребенка со стариком-инвалидом и смерть последнего были описаны Краббом в повести в стихах «Братья» («The Brothers»), в которой, однако, отмечалось жестокое обращение с инвалидом, а не с ребенком.

Тема неравного брака (отцу Егора было шестьдесят лет, а его матери — всего шестнадцать: «Стали под венец / Она в шестнадцать, в шестьдесят — отец»[53]) также часто присутствует в произведениях Крабба, в частности, значима для части II «Свадьбы» («Marriages») поэмы «Приходские списки»: «First in the year he led a blooming bride, / And stood a wither'd elder at her side»[54] [Первым в году он вел цветущую невесту / И стоял увядшим стариком около нее]. Притворство и лицемерие, нередко являвшиеся своеобразной «изнанкой» почитания умерших, были описаны не только во втором разговоре «Сироты» («Но часто пьет и горе и кручину / И кормится страданьем целый век / Отчизны честь, великий человек... / Чернят живого, ненавидят, гонят, / Терзают, мучат; умер — и хоронят / Его по-царски; все враги в друзей / Мгновенно превратились; мавзолей / Над ним возносят, — очень бесполезный; / О нем скорбят и тужат в песни слезной / И ставят всем дела его в пример»[55]), но и в части III «Похороны» («Burials») краббовской поэмы «Приходские списки», где, в числе прочего, было рассказано о Роджере Каффе (Roger Cuff), который, будучи брошенным родственниками в тяжелой ситуации («Shipwreck'd in youth, he home return'd, and found / His brethren three — and thrice they wish'd him drown'd»[56] [После кораблекрушения в молодости он домой вернулся и нашел / Своих трех братьев — и трижды они пожелали, чтобы он утонул]), прожил сорок лет вдали от дома, разбогател, однако, скучая по дому, решил вернуться туда после смерти братьев, поскольку питал надежду, что кто-то из племянников примет его; переодевшись в лохмотья, он постучался в дверь к трем племянникам и одной племяннице, но везде был прогнан, после чего позвал жить к себе дальнего родственника — угрюмого лесника Джона (John); осо-

[50] Кюхельбекер 1967, 465.
[51] Там же, 487.
[52] Crabbe 1946, 111.
[53] Кюхельбекер 1967, 466.
[54] Crabbe 1948, 15.
[55] Кюхельбекер 1967, 473.
[56] Crabbe 1948, 36.

знав, что они потеряли, племянники попробовали наладить отношения с дядей после смерти Джона («…but when the woodman died, / His grieving kin for Roger's smiles applied»[57] […но когда лесник умер, / Его опечаленные родственники расположения Роджера искали]).

Можно привести и еще один пример — в письме II «Церковь» («The Church») поэмы «Местечко» Крабб искусно изобразил лицемерие общества, воспринимавшего недавно скончавшегося алчного старика Джекоба Холмса (Jacob Holmes) исключительно великодушным, добрым, религиозным, мудрым человеком, чуждым низости и обмана, наделенным высшими добродетелями: «Read of this Burgess on the stone appear, / How worthy he! how virtuous! and how dear! / What wailing was there when his spirit fled, / How mourn'd his lady for her lord when dead, / And tears abundant through the town were shed. / See! he was liberal, kind, religious, wise, / And free from all disgrace and all disguise / His sterling worth, which words cannot express, / Lives with his friends, their pride and their distress. / All this of Jacob Holmes? for his the name; / He thus kind, liberal, just, religious? shame! / What is the truth? Old Jacob married thrice; / He dealt in coals, and av'rice was his vice. / He ruled the Borough when his year came on, / And some forget, and some are glad he's gone; / For never yet with shilling could he part, / But when it left his hand, it struck his heart»[58] [Прочти об этом горожанине на камне, окажется, / Как уважаем он! как добродетелен! и как дорог! / Какой плач был, когда его душа отлетела, / Как скорбела жена по своему мужу, когда он умер, / И слез в изобилии в городе было пролито. / Смотри! он был великодушным, добрым, религиозным, мудрым, / И чуждые любой низости и любого обмана / Его высшие добродетели, которые не выразить словами, / Живы в душах его друзей, их гордости и их горе. / Все это про Джекоба Холмса? ибо имя его; / Он таким образом добрый, великодушный, благочестивый, религиозный? позор! / В чем правда? Старый Джекоб женился трижды; / Он занимался углем, и алчность была его пороком. / Он управлял городком, когда его год подошел, / И некоторым все равно, а некоторые рады, что он ушел; / Ибо никогда с шиллингом не мог он расстаться, / Но когда он исчезал из его руки, это поражало его сердце].

В черновом варианте поэмы Кюхельбекера молодая жена Егора Львовича Саша рассказывала историю о старике-нищем, умиравшем в зимнюю стужу. Подобный персонаж представлен в части XVII «Повестей в стихах» Крабба «Чувство обиды» («Resentment»). В ней Крабб, отказываясь преподносить урок прощения и сострадания, с исключительной мощью и правдивостью, трогательно и детально описал оправданное чувство женской обиды: торговец средних лет женится на леди с богатым приданым и убеждает ее переписать все имущество на его имя, зная при этом о грозящем ему разорении; семья разорена и опускается до крайней нищеты; горько обиженная героиня разрывает отношения с мужем и с благородством выносит бедность; получив наследство от дальнего родственника, женщина возвращается к привычной ей жизни представителей среднего класса, занимается благотворительностью, помогая всем, кроме своего мужа, который развозит на ослике и продает гравий, выпрошенный у каменотесов, а впоследствии, будучи всеми брошенным, сломленным старостью и болезнью, умирает на улице.

Следует, впрочем, признать, что в приведенных аналогиях мог присутство-

[57] Crabbe 1948, 37.
[58] Crabbe 1946, 51.

вать элемент случайного. Гораздо более важным представляется очевидное влияние Крабба на появление и развитие у Кюхельбекера интереса к простой, заурядной жизни, повседневной реальности; прежде Кюхельбекер в поисках тем для своих поэм преимущественно обращался к библейским сюжетам («Давид», 1829), к истории Древней Руси («Юрий и Ксения», 1832–1836), к античной эпохе («Аргивяне», 1822–1825, «Касандра», 1822–1828), ко времени зарождения христианства («Семь спящих отроков», 1833–1835), и даже философская мистерия «Ижорский» (1829–1833), действие которой разворачивается в современную русскому поэту эпоху, содержит элементы фантастики и не отражает действительной жизни. И только в «Сироте» Кюхельбекер прибегнул к прежде столь неприемлемому для него «фламандскому» (реалистическому) изображению обычной жизни. Полемика с вымышленными оппонентами, включенная Кюхельбекером в поэму, подтверждает, что поэт предвидел негодование и осуждение со стороны отдельных критиков: «Сплошь все портреты Нидерландской школы! / И быть поэтом хочешь? — Где ж глаголы, / Падущие из вещих уст певца, / Как меч небесный, как перун, — в сердца? / Ребенок плакса, да негодный нищий — / Чудесные предметы! — сколько пищи / Воображенью!..»[59]. В уста критиков Кюхельбекер вложил свое собственное прежнее мнение относительно высокого призвания поэта и свое собственное прежнее презрение к реалистичной «фламандской школе». При этом в новых условиях поэт был готов до конца защищать свое претерпевшее изменения творчество: «…Стало, без ходуль / Уж ни на шаг? детей ли, нищету ль / Уж ни в какую не вмещать картину?»[60].

Обратившись к абсолютно новой для себя стороне поэзии, Кюхельбекер нуждался в образце, примере, наставнике, однако тюремное заключение лишило его возможности непосредственного изучения повседневной жизни, и потому он был вынужден опереться на литературные образцы (см. письмо В.К. Кюхельбекера Н.Г. Глинке от 3 мая 1834 г.[61]), в частности, на поэмы Крабба, умевшего представить в поэтическом облике прозаические стороны окружающего мира. Все события поэмы Кюхельбекера — смерть старика-отца, отправка сироты в кадетскую школу, перенесенные мальчиком страдания — являются эпизодами реальной жизни, из которых вырастает большая, многоплановая трагедия брошенного ребенка. Именно Крабб помог Кюхельбекеру обрести способность увидеть трагедию в повседневной жизни и придать ей поэтическую форму.

Кюхельбекер подражал английскому поэту в способе представления окружающей героев обстановки. Достаточно убедителен в этом отношении фрагмент из второй беседы, вошедшей в поэму: «…там и смрад, и холод, / И беспорядок, и разврат, и голод, / Казалось, обитали с давних пор. / Сухие корки хлеба, грязь и сор, / В бутылке свечка и бутыль другая / Огромная с настойкой, черновая / Какая-то бумага под столом, / Стул, опрокинутый перед окном, / В углу кровать о трех ногах, которой / Сундук служил четвертою опорой, / А на полу запачканный кафтан, / Чернильница и склеенный стакан. / Все это под завесой мглы и пыли»[62]. Данный эпизод сопоставим с описанием комнаты в «Повестях усадьбы» Крабба и, хотя

[59] Кюхельбекер 1967, 473.
[60] Там же, 473.
[61] Тынянов 1938, 8–9.
[62] Кюхельбекер 1967, 472.

буквальных повторов здесь нет, общая атмосфера беспорядка, смрада и разорения передана максимально полно, с учетом многочисленных художественных деталей и нюансов: «There were strange sights and scents about the room, / Of food high-season'd , and of strong perfume; / Two unmatch'd sofas ample rents display'd, / Carpet and curtains were alike decay'd; / A large old mirror, with once-gilded frame, / Reflected prints that I forbear to name, / Such as a youth might purchase — but, in truth, / Not a sedate or sober-minded youth: / The cinders yet were sleeping in the grate, / Warm from the fire, continued large and late, / As left by careless folk, in their neglected state; / The chairs in haste seem'd whirl'd about the room, / As when the sons of riot hurry home, / And leave the troubled place to solitude and gloom»[63] [Странные зрелища и ароматы присутствовали в комнате, / Еды остро-приправленной и сильных духов; / Два разных дивана большими дырами зияли, / Ковер и занавески были также обветшалые; / Большое старое зеркало, с некогда позолоченной рамой, / Отражало книги, которые я воздержусь назвать, / Подобные тем, что молодой человек мог бы купить — но, по правде говоря, / Неостепенившийся или неблагоразумный молодой человек: / Зола все еще лежала на жаровне, / Теплой от огня, который горел ярко и допоздна, / Подобно оставленному небрежным народом в покинутой стране; / Стулья в поспешности, казалось, разбросаны по комнате, / Подобно тому, как мятежники, спешащие домой, / Оставляют потревоженное место, обрекая его на одиночество и мрак]. Расхождения описаний, включавших в себя различные детали окружающего мира, обусловлены тематикой русского и английского произведений. Пожалуй, единственная отдаленная лексическая перекличка в этих двух фрагментах — это упоминание о разбросанных стульях («The chairs in haste seem'd whirl'd about the room» [«Стулья в поспешности, казалось, разбросаны по комнате»] у Крабба и «Стул опрокинутый перед окном» у Кюхельбекера).

Приведенный фрагмент из «Сироты» Кюхельбекера перекликается и с эпизодом из «Приходских списков» Крабба: «Come! search within, nor sight nor smell regard; / The true physician walks the foulest ward. / See on the floor, where frowsy patches rest! / What nauseous fragments on yon fractured chest! / What downy dust beneath yon window-seat! / And round these posts that serve this bed for feet; / This bed where all those tatter'd garments lie, / Worn by each sex, and now perforce thrown by! / <…> / An ample flask, that nightly rovers fill / With recent poison from the Dutchman's still»[64] [Зайдем! посмотрим внутри, не обращайте внимания ни на вид, ни на запах; / Истинный врач заходит в самое скверное жилище. / Взгляните на пол, где грязные клочки валяются! / Какие тошнотворные куски на том сломанном сундуке! / Какая густая пыль под тем окном! / И вокруг этих подпорок, которые служат этой кровати вместо ножек; / Эта кровать, где вся эта изорванная одежда лежит, / Ношенная и женщинами и мужчинами, а теперь за ненадобностью брошенная! / <…> / Большая бутыль, которую по ночам разбойники наполняют / Свежей отравой из голландского дистиллятора]. Если Крабб отдельно воссоздает поврежденные предметы мебели — «fractured chest» («сломанный сундук») и «posts that serve this bed for feet» («подпорки, которые служат этой кровати вместо ножек»), то Кюхельбекер соединяет эти два предмета интерьера (сундук и кровать) в единый образ — «кровать о трех ногах, которой сундук служил четвертою опорой».

[63] Crabbe 1883, 499.
[64] Crabbe 1948, 5.

И в английском, и в русском произведениях изображаются пришедшая в негодность одежда («tatter'd garments» («изорванная одежда») у Крабба и «запачканный кафтан» у Кюхельбекера) и бутылка со спиртным («flask <…> with <…> poison» («бутыль с отравой») у Крабба и «бутыль <…> с настойкой» у Кюхельбекера).

Представляется существенной и тождественность способа авторского представления уродливых объектов окружающего мира, словно по очереди выхватываемых из убогой обстановки и прорисовываемых с особой тщательностью и точностью. Испытывая восхищение естественностью и отчетливостью краббовских описаний, Кюхельбекер предпринял попытку их воссоздания на русском сюжетном материале. Знакомство с творчеством Крабба помогло русскому поэту облечь прозаическую тему его новой работы в поэтическую форму, придавшую описанию как определенный привкус старины, так и общую созвучность литературе предшествующего XVIII в. При этом детальное представление предметов быта создало довольно отчетливое впечатление о моральных ценностях, особенностях поведения, социальном статусе тех, кто жил в описанных помещениях. Из произведений Крабба Кюхельбекер заимствовал и модель дидактических отступлений от темы, которыми собеседники Егора Львовича прерывают его рассказ. Кюхельбекер также прибегнул к использованию размера основных поэтических работ Крабба — пятистопного ямба с парными рифмами (так называемых «героических куплетов»); очевидно, в восприятии русского поэта обращение к «краббовской тематике» подразумевало и использование «краббовского размера».

Вместе с тем следует признать, что в поэме «Сирота» присутствуют многочисленные художественные детали, не только свободные от влияния Крабба, но и в принципе невозможные для краббовской поэзии, однако при этом существенные для творчества Кюхельбекера. Среди них — определенная идеализация провинциальной жизни, введение литературной полемики и дискурса и, наконец, фантастическое повествовательное обрамление с ангелом Исфраилом (в раннем черновом варианте «Сироты» Кюхельбекер отметил, что в персидской мифологии Исфраил является ангелом-хранителем поэтов; этот образ появляется в его лирических стихотворениях «Мое предназначение» (1834), «Второй разговор с Исфраилом» (1835), «Исфраилу» (1837)) и эльфом Ариелем (Кюхельбекер заимствовал этот образ из «Бури» («Tempest») В.Шекспира в своей драматической шутке «Шекспировы духи» (1825) и мистерии «Ижорский» (1829–1833)), которые с помощью волшебных шапок и ковров позволяют автору слышать разговоры героев: «Владею шапкой-невидимкой я: / На край моей безмолвной колыбели / Однажды возле лиры и свирели / Младенцу мне в гостинец положил / Ту шапку ангел песней — Исфраил. / <…> / Прекрасный сын живого воображенья, / Мой Ариель! ковер твой самолет / В два мига нас в предместье унесет»[65].

«Сирота» отличается от всех других поэм Кюхельбекера и отражает определенный аспект его творческих поисков на определенном жизненном этапе. В этой связи взаимосвязь поэмы Кюхельбекера с сочинениями Крабба нисколько не умаляет ее ценности. Познавая зарубежную литературу, русский поэт обогащал свое собственное литературное творчество, трансформировал свое новое знание и использовал его для решения насущных проблем отечественной литературы. Крабб не определял направления творческого поиска Кюхельбекера, но способствовал

[65] Кюхельбекер 1967, 462–463, 469.

его устремленности к реалистическому описанию действительности. Кюхельбекер не скопировал иноязычную модель, но создал свою оригинальную поэму, отражающую именно русскую жизнь и тесно связанную с социальными и эстетическими проблемами именно русской литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азадовский М. К. 1954: Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы: в 2 кн. М., 1, 601–777.

Базанов В. Г. 1961: Очерки декабристской литературы. Поэзия. М.-Л.

Белинский В. Г. 1953: О русской повести и повестях г. Гоголя (1835) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1, 253–276.

Жирмунский В. М. 1924: Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Л.

Кюхельбекер В. К. 1824: Отрывок из путешествия по Германии // Мнемозина. 1, 61–110.

Кюхельбекер В. К. 1934: Письмо к Н. Г. Глинке от 15 ноября 1832 г. // Литературное наследство. Т. 16–18. Александр Пушкин / сост. И. С. Зильберштейн, И. В. Сергиевский. М., 349.

Кюхельбекер В. К. 1939: Лирика и поэмы. Драматические произведения : в 2 т. / вступ. ст. Ю. Н. Тынянова. Л., 1.

Кюхельбекер В. К. 1954: Письма // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы: в 2 кн. М., 1, 403–468.

Кюхельбекер В. К. 1967: Сирота // Кюхельбекер В. К. Избранные произведения : в 2 т. / вступ. ст., подготовка текста и прим. Н. В. Королевой. М.-Л., 1, 461–490.

Кюхельбекер В. К. 1979: Путешествие. Дневник. Статьи / сост. Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л.

Левин Ю. Д. 1971: Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском Отроче монастыре» («Юрий и Ксения») // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., XXVI, 128–138.

Мейлах Б. С. 1952: В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Стихотворения. 2-е изд. Л., 5–50.

Мордовченко Н. И. 1959: Русская критика первой четверти XIX века. М.-Л.

Ржига В. Ф. 1928: Из истории повести // Известия Тверского педагогического института. Тверь. IV, 111–116.

Ржига В. Ф. 1958: Из истории одного литературного сюжета («Повесть о начале Тверского Отроча монастыря» в обработке В.Глинки) // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. В. И. Малышев. М.-Л. XIV, 538–544.

Романов Н. М. 1989: В. К. Кюхельбекер // Кюхельбекер В. К. Сочинения. Л., 3–18.

Соколов А. Н. 1955: Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М.

Тынянов Ю. Н. 1938: В. К. Кюхельбекер // *Кюхельбекер В. К.* Прокофий Ляпунов. Л., 3–23.

Тынянов Ю. Н. 1939: В. К. Кюхельбекер // *Кюхельбекер В. К.* Лирика и поэмы. Драматические произведения : в 2 т. Л., 1, V–LXXIX.

Crabbe G. 1883: Tales of the Hall. London.

Crabbe G. 1946: Selected Poems. London.

Crabbe G 1948: The Parish Register. London.

Levin Yu.D. 1965: Kyukhel'beker and Crabbe // Oxford Slavonic Papers. XII, 99–113.

GEORGE CRABBE'S CREATIVE WORK TRADITIONSIN V. K. KYUKHEL'BEKER'S LITERARY WORKS

D. N. Zhatkin, E. I. Anoshina (Ilyazova)

In the article written on the basis of the diary notes referring to 1832–1833 it is stated that the English poet-priest George Crabbe's creative work made an indelible great impression on the imprisoned Russian Decembrist poet, what was in many respects conditioned by the skill of the predecessor, who represented the prosaic sides of the everyday life in the poetic form. Though George Crabbe's influence in the created at this time by V. K. Kyukhel'beker poems «Sirota» («Orphan», 1833–1834) and «Yury i Xenia» (1832–1833) is hardly tangible and doesn't determine the directions of the Russian poet's creative quest, one cannot but admit Crabbe's creative work contributing to the appearance of the realistic tendencies in the literary works of Kyukhel'beker, who used the new knowledge for solving urgent problems in the native literature.

Key words: George Crabbe, Russian-English literary and historical-cultural relations.

© 2010

Д. Н. Жаткин, Е. В. Комольцева

Д. Е. МИН КАК ИНТЕРПРЕТАТОР ФИЛОСОФСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ТОМАСА КЭМПБЕЛЛА «ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК»*

В статье рассмотрена переводческая интерпретация Д. Е. Мином философского стихотворения известного английского поэта-баталиста Томаса Кэмпбелла «The Last Man» («Последний человек», 1823), отразившего осознание автором утраты внутренней гармонической цельности человеческого бытия, нестабильность формировавшихся веками общественных ценностей, неизбежность грядущих социальных и природных катастроф. Вслед за английским поэтом Д. Е. Мин призывает к мужественному приятию неизбежного, однако при этом отказывается от кэмпбелловского понимания Бога как инстанции, не влияющей на судьбу человечества, представляет Бога высшим и всемогущим существом, способным спасти жизнь на земле.

Ключевые слова: Русско-английские литературные и историко-культурные связи, английский романтизм, художественный перевод, традиция, реминисценция, межкультурная коммуникация.

Философское стихотворение Т. Кэмпбелла «Последний человек» («The Last Man», 1823) создавалось в эпоху бурных катаклизмов — наполеоновские войны сменялись борьбой народов за национальную свободу; наступление «железного» века промышленного развития побуждало многих людей, в погоне за материальным благополучием, проникнуться думами о «насущном и полезном», духом корысти, навсегда отвернуться от поэзии, искусства, духовной культуры, тем самым утратив внутреннюю гармоническую цельность; многочисленные эпидемии, грозившие человечеству, вызывали мысли о нестабильности общества и сформированных в нем ценностей, о неизбежности грядущих социальных и природных катастроф. На фоне развития романтизма в литературе и искусстве западноевропейских стран в 1820–1830-е гг. обрели особую популярность апокалипсические мотивы, опиравшиеся на теорию катастроф Жоржа Кювье, согласно которой изменяемость видов, смена ископаемых фаун была обусловлена не эволюционными изменениями в окружающем мире, а катастрофическими скачками, в результате которых все живое полностью исчезало с лица земли, возрождаясь затем в новом виде. Апокалипсическая тема, популярная еще среди классицистов, была, в частности, обыграна в «Послании госпоже Анне Киллигру» Джона Драйдена, в сти-

* Статья подготовлена по проекту НК–403(5)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствоведение», выполняемому в рамках мероприятия 1.3.2 «Проведение научных исследований целевыми аспирантами» мероприятия 1.3 «Проведение научных исследований молодыми учеными — кандидатами наук и целевыми аспирантами в научно-образовательных центрах» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы».

хотворении Александра Поупа «Мессия», в оде Эдварда Юнга «Последний день», однако в классицистических трактовках не было того неизбывного пессимизма, что характерен для восприятия апокалипсиса писателями XIX в. — Дж.-Г. Байроном (стихотворение «Тьма», 1816; мистерия «Небо и Земля», 1821), Мэри Шелли (роман «Последний человек», 1826), Томасом Гудом (стихотворение «Последний человек», 1826), Томасом Де Квинси (эссе «Английская почтовая карета», 1849), создавшими в своих произведениях картины вселенских катастроф. Теме апокалипсиса посвящены и многие произведения английского искусства, например, живописные полотна Джозефа Мэллорда Уильяма Тернера «Гибель мидян в пустыне» (1801), «Разрушение Содома» (1805), «Утро всемирного потопа» (1807), Джорджа Мартина «Всемирный потоп» (1833), «Последний человек» (1849). В русской литературе и искусстве эпохи романтизма апокалипсические мотивы слышны в поэзии Е. А. Баратынского («Последняя смерть», 1827), Ф. И. Тютчева («Последний катаклизм», 1829), М. Ю. Лермонтова («Ночь», 1830; «Чума», 1830) и др., живописи Ф. А. Бруни («Медный змий», 1841; «Всемирный потоп», 1845), К. П. Брюллова («Последний день Помпеи», 1833) и др.[1]

В «Последнем человеке» Кэмпбелл, как и Байрон в стихотворении «Тьма», прибегнул к описанию видения, которое, перенеся героя в «бездну времен» («gulf of Time»), позволило воспринять картину гибели мира: «I saw a vision in my sleep / That gave my spirit strength to sweep / Adown the gulf of Time!»[2] [Я видел видение в моем сне, / Которое дало моей душе силу, чтобы перенестись / Вниз в бездну времен!]. Д. Е. Мин, осуществивший в 1864 г. остающийся по сей день единственным перевод «Последнего человека» на русский язык, увидевший свет уже после смерти переводчика — в «Пантеоне литературы» в январе 1888 г.[3], говоря о сне, приукрасил его образ метафорой («крылья сновиденья») и при этом предрек грядущие трагические события («страшные мгновенья»): «Летя на крыльях сновиденья, / Я зрел те страшные мгновенья / На грани времени, и там / Я видел образ человека, / Что будет зреть кончину века, / Как зрел начало дней Адам»[4]. Упоминание о «грани времени», хотя и представляется несколько суховатым, следует относить к числу творческих удач Мина, более удачно соотносимых с концом света, нежели пугающий кэмпбелловский оборот «gulf of Time».

Уже с первых стихов кэмпбелловского «Последнего человека» можно провести некоторые формальные и содержательные аналогии с написанной семью годами раньше байроновской «Тьмой», обнаруживаемые далее на протяжении всего текста. Например, двадцать четыре существительных из числа имеющихся у Байрона (121 существительное) и Кэмпбелла (103 существительных) повторяются в обоих текстах, причем среди повторяющихся встречается немало весьма редких лексем, определяющих тематическую направленность стихотворений: sun, death, eye, skeleton, men, hand, famine, city, the dead, earth, ships, face, fire, day, pang, heart, life, flesh, skies, breath, pall, darkness, grave, universe; можно также отметить и тождество некоторых образов. Подобная близость обусловлена едиными истоками появления обоих произведений, причем Кэмпбелл, чей «Последний человек» соз-

[1] Пигарев 1973, 424–451.
[2] Campbell 1907, 38.
[3] Мин 1888, 5–7.
[4] Там же, 5.

давался значительно позже «Тьмы», утверждал, что идея стихотворения принадлежала именно ему и была высказана во время одной из бесед с Дж.-Г. Байроном, который, вместе с тем, не обвинялся ни в тотальном плагиате, ни в каких-либо конкретных заимствованиях. Впоследствии Кэмпбелл в письме к Ф. Джеффри так описывал все происшедшее: «Байрон то ли счел мои идеи законной добычей (fair game), то ли забыл, что позаимствовал их. Бедный человек всегда помнит, откуда у него взялась каждая монета, а богач легко забывает, где он добыл одну из несметных тысяч. Вот так же Байрон мог вполне забывать, откуда у него брались те или иные идеи»[5].

Впрочем, сущность произведений Байрона и Кэмпбелла все же различна, что во многом и обусловило их дальнейшую судьбу: если кэмпбелловский «Последний человек» так и остался фактом национальной литературы, то байроновская «Тьма», перешагнув границы стран и континентов, приобрела мировое значение, в связи с чем вспоминаются прозаический перевод М. Ю. Лермонтова («Мрак. Тьма», 1830), вольные подражания Д. Ю. Струйского (Трилунного), А. Г. Ротчева, поэтические переводы М. П. Вронченко, И. С. Тургенева, Д. Д. Минаева, П. И. Вейнберга, Д. Л. Михаловского, И. К. Кондратьева и др.[6] Если у Байрона звучат пессимистические оценки настоящей судьбы человечества и перспектив его будущего, показано воцарение всеразрушающих сил зла в людских душах, приводящее, в конечном итоге, к захвату ими и всей Вселенной, то философия Кэмпбелла смягчена и лишена универсального трагизма. Ф.Джеффри так определил различия, существующие между байроновским и кэмпбелловским стихотворениями: «У лорда Байрона больше тематического разнообразия, больше мрака и ужаса и гораздо больше дерзости и мизантропии. Мистер Кэмпбелл отличается от него мягкостью, созерцательностью, возвышенностью стиля и религиозностью»[7]. И действительно, Байрон создает своего рода анти-Апокалипсис, показывая гибель сил добра и света под давлением мирового зла, тогда как созерцательный Кэмпбелл остается в рамках христианской традиции.

Изначально кажущееся «беспорядочным нагромождением ужасов»[8] пространное байроновское описание гибели природы, поведения обезумевших животных, агонии гибнущих людей в реальности представляет собой динамическую последовательность событий: гаснет солнце, весь мир окутывает тьма, ужас и отчаяние охватывают людей, их ожидают тщетное желание согреться, «судороги голода»[9], борьба за кусок пищи и неизбежная смерть, причем опустение мира приводит к полному господству тьмы: «The World was void, / The populous and the powerful was a lump, / Seasonless, herbless, treeless, manless, lifeless — / A lump of death — a chaos of hard clay /.The rivers, lakes, and ocean all stood still, / And nothing stirred within their silent depths; / Ships sailorless lay rotting on the sea, / And their masts fell down piecemeal: as they dropped / They slept on the abyss without a surge — / The waves were dead; the tides were in their grave, / The Moon, their mistress, had expired before; / The winds were withered in the stagnant air, / And the

[5] Redding 1860, 2, 300.
[6] Сухарев 1991, 221–236.
[7] Miller 1978, 105.
[8] Сухарев 1991, 222.
[9] Лермонтов 1954, 422.

clouds perished; Darkness had no need / Of aid from them — She was the Universe» (Дж.-Г. Байрон[10]) — «Мир был пуст, многолюдный и могущий сделался громадой безвременной, бестравной, безлесной, безлюдной, безжизненной, громадой мертвой, хаосом, глыбой праха; реки, озера, океан были недвижны, и ничего не встречалось в их молчаливой глубине; корабли без пловцов лежали гния в море, и их мачты падали кусками; падая засыпали на гладкой поверхности; скончались волны; легли в гроб приливы, луна царица их умерла прежде; истлели ветры в стоячем воздухе, и облака погибли; мрак не имел более нужды в их помощи — он был повсеместен» (прозаический перевод М. Ю. Лермонтова[11]).

В отличие от байроновского текста в стихотворении Кэмпбелла описание катаклизма не столь всеохватно и занимает чуть более двух строф по десять стихов в каждой. Такой лаконизм становится возможным за счет опускания художественных деталей, связанных с воссозданием процессов, происходивших в природном мире. Окружающий мир является у Кэмпбелла своего рода фоном, на котором действует последний человек, с достоинством встречающий вызов судьбы, невольно подводящий своим существованием итог развития человечества, но вместе с тем верящий в бессмертие души, в вечное загробное бытие. Символично, что в кэмпбелловском стихотворении солнце завершает свой путь в тот момент, когда на земле уже погибли все народы и остался только один последний человек, который обращает к гибнущему светилу свой страстный монолог, бросая вызов смерти.

Еще в 1968 г. Ж. де Паласио обратил внимание на кэмпбелловское влияние, испытанное Мэри Шелли при создании в 1826 г. романа «Последний человек», повествующего о гибельных последствиях охватившей весь мир в 2092 г. эпидемии чумы[12]. Символические шестьсот лет (возраст Ноя ко дню всемирного потопа) отделяют 2092 г. от знакового исторического события — открытия Америки; теперь географическое движение как бы обращается вспять, и Новый Свет несет уничтожение Старому, причем для человечества не остается никаких праведных городов, никакого убежища. Последний человек в романе Мэри Шелли — Верни Лайонель, создающий свою рукопись, находясь в Сивиллиной пещере, доведен до отчаяния, исполнен безудержного пессимизма, что не соответствует трактовке Кэмпбелла, герой которого и перед смертью исполнен достоинства, неиссякаемой надежды, неустрашимого мужества.

Причиной катастрофы, согласно Кэмпбеллу, становится сочетание природных и социальных факторов: затухание солнца, являющегося источником всего живого на земле, ведет к усилению общественных противоречий, причем в борьбе за существование люди беспощадно истребляют друг друга, гибнут в результате войн и от их последствий — эпидемий и голода. Батальное начало, значимое для всего творчества Кэмпбелла, обретает особую весомость в «Последнем человеке», где война представлена главной причиной всех человеческих страданий: «The skeletons of nations were / Around <…> / Some had expired in fight, — the brands / Still rested in their bony hands; / In plague and famine some!»[13] [Скелеты

[10] Byron 1910, 314.
[11] Лермонтов 1954, 423.
[12] De Palacio 1968, 18–19.
[13] Campbell 1907, 38.

народов были / Вокруг <…> / Некоторые погибли в бою, — оружие / Все еще покоилось в их костлявых руках; / В чуме и голоде некоторые!]. В переводе Мина опущено упоминание о голоде, а вместо чумы как последствия войны названы каждодневные человеческие болезни, наравне с жестокими войнами сводящие людей в могилу: «Вкруг тлели остовы племен: / Одни, держа в костлявых дланях / Свой ржавый меч, погибли в бранях, / Других болезни в гроб свели»[14]. Переводчик использовал старославянские лексемы «длань» и «брань» для обозначения «руки» («hand») и «боя, битвы» («fight»), что в значительной степени русифицировало описание, а также придало ему оттенок историчности наряду с проводящей параллели с давно ушедшими временами синтагмой «остовы племен», которой заменен кэмпбелловский оборот «skeletons of nations» («скелеты народов»), воссоздающий картину мира, усыпанного человеческими костями.

Картина разрушения, воссозданная Кэмпбеллом, впечатляет сочетанием лапидарности, немногословности и всеохватности, масштабности; в особенности это касается эпизода, представляющего мир безмолвных мертвых городов и движущихся по течению «к берегам <…> немым» («to shores <…> dumb») кораблей с мертвыми на борту: «Earth's cities had no sound nor tread; / And ships were drifting with the dead / To shores where all was dumb!»[15] [В городах земли не было ни звука, ни шага; / И суда двигались по течению с мертвыми / К берегам, где все было немым!]. Образ «другого берега» существен для творчества Кэмпбелла и вновь возникает в его стихотворении «Сон» («Dream», 1824), отразившем, по словам В.Бити, обстоятельства личной жизни поэта — его постоянное недомогание, проблемы в семье, болезнь жены и сына, побуждавшие задуматься об итогах всего пережитого и перечувствованного[16]. Видя себя во сне плывущим по бурному морю к смутно видневшимся вдали таинственным берегам, лирический герой Кэмпбелла пытается разрешить дилемму: что лучше — повторить жизнь сначала и вновь пережить тревоги, волнения, неудачи, бесконечные страдания, безысходное отчаяние, злословие, зависть, потерю самых близких людей или навсегда отплыть в неведомые спокойные края, где нет места страстям и несчастьям. Покорный отказ от борьбы, желание полностью довериться судьбе были, очевидно, обусловлены накопившейся усталостью, однако даже она не отняла у кэмпбелловского героя характерного внутреннего достоинства, умения спокойно сносить все, что предначертано свыше.

Если в английском оригинале безмолвие городов подчеркнуто при помощи синтаксической конструкции «no <…> nor <…>» («ни <…> ни <…>»), то Мин, не используя в своем переводе данной конструкции, добивается эффекта мертвой тишины при помощи звукописи — характерного нагнетания слов с шипящими ([ш], [ч]) и сонорными ([м], [р]) звуками, таких как «вымерший», «молчать», «мчать», «умолкший»: «Все в градах вымерших молчало; / И с грузом мертвых море мчало / К брегам умолкшим корабли»[17].

В отличие от Байрона и Мэри Шелли Кэмпбелла интересует в «Последнем человеке» не столько яркое зрелище гибели цивилизации, сколько внутреннее со-

[14] Мин 1888, 5.
[15] Campbell 1907, 38.
[16] Beety 1946, 123.
[17] Мин 1888, 5.

стояние, мысли последнего героя, ожидающего неминуемого конца среди ставшего мертвой пустыней земного мира, погружающегося во мрак вечности. Сознавая безысходность, пророчески предвидя гибель Вселенной как итог развития человеческого общества, но не испытывая при этом ни страха, ни смятения, последний герой соединяет в себе лучшие черты человечества — его стоицизм и мудрость. И все же в произведении Кэмпбелла звучат отдаленные ноты отчаянной безнадежности положения последнего человека, проявляющиеся в двукратном использовании прилагательного «одинокий» («lonely», «lone»): «Around that lonely man!»[18] [Вокруг того одинокого человека!]; «Yet, prophet-like, that lone one stood»[19] [Все же, подобный пророку, тот одинокий стоял].

В использовании Мином выделительно-ограничительной частицы «лишь» применительно к последнему человеку ощущается его исключительность и даже богоизбранность («…На нем лишь он / Стоял в величье одиноком»[20]; «Один лишь он стоял незлобен, / Святой пророк среди могил»[21]), причем уподобление героя пророку заведомо воспринимается как истинное, поскольку переводчик отказывается от сравнений, идет по пути номинации. Пространное кэмпбелловское сравнение голоса последнего человека с бурей, стряхнувшей «сухие листья с леса» («leaves from the wood»), представлено в русском переводе максимально емко и немногословно: «With dauntless words and high, / That shook the sere leaves from the wood / As if a storm passed by»[22] [С бесстрашными словами и высокими, / Которые стряхнули сухие листья с леса, / Как будто буря пронеслась] — «Был буре глас его подобен»[23].

Если в английском оригинале Кэмпбелла последний человек в страстной речи, обращенной к солнцу, приравнивает себя к небесному светилу в момент гибели («…«We are twins in death, proud Sun, / Thy face is cold, thy race is run, / ’Tis Mercy bids thee go. / For thou ten thousand thousand years / Hast seen the tide of human tears, / That shall no longer flow»[24] […«Мы — близнецы в смерти, гордое солнце, / Твое лицо холодно, твой народ исчез, / Это милосердие предлагает тебе уйти. / Ибо ты десять тысяч тысяч лет / Видел поток людских слез, / Который больше не будет течь]), то в русском переводе Мина, характеризующемся использованием глаголов повелительного наклонения, герой произносит речь, свидетельствующую, что его внутренняя душевная сила превосходит слабеющую мощь гордого солнца: «О солнце, очередь за нами! / Твой кончен бег под небесами! / Ты гаснешь! Скройся же во мрак! / В полете тысяч лет, немало / Горючих слез ты освещало, / Но их источник уж иссяк!»[25].

При переводе кэмпбелловских стихов, описывающих достижения человечества, покорившего огонь, потоки и землю («What though beneath thee man put forth / His pomp, his pride, his skill; / And arts that made fire, floods, and earth, / The vassals

[18] Campbell 1907, 38.
[19] Там же, 38.
[20] Мин 1888, 5.
[21] Там же, 5.
[22] Campbell 1907, 38.
[23] Мин 1888, 5.
[24] Campbell 1907, 38.
[25] Мин 1888, 5.

of his will»[26] [Что с того, хотя под тобой человек достиг / Своего богатства, своей гордости, своего умения / И искусств, которые сделали огонь, потоки и землю / Вассалами его воли]), Мин акцентировал внимание на порочных сторонах людского существования (гордыне, гиперболизированном стремлении к пышности), при этом совершенно забывая об упомянутых в английском оригинале умениях («skill») и искусствах («arts»): «Пусть смертный в дни твои, царь славы, / Жил гордо, пышно, покоряя / Под грозные свои уставы / Огонь, и землю, и моря»[27]. Мин ввел риторическое обращение к солнцу «царь славы», которое впоследствии в чуть измененном виде было повторено при переводе стиха «Thou dim discrowned king of day»[28] [Ты тусклый развенчанный король дня]: «…царь дня, померкший ныне»[29]. При интерпретации стихов «Healed not a passion or a pang / Entailed on human hearts»[30] [Не исцелил страсти или боли, / Заклеймивших человеческие сердца], в которых Кэмпбелл использовал глагол «entail» («закрепить, заклеймить»), показывавший неискоренимость пороков человека, Мин прибегнул к параллелизму: «Не укротил в них страсти скрытой, / Не исцелил сердечных мук»[31].

Утверждая, что человечеству незачем возрождаться, поскольку его трагическая участь неминуема («Go, let oblivion's curtain fall / Upon the stage of men, / Nor with thy rising beams recall / Life's tragedy again. / Its piteous pageants bring not back, / Nor waken flesh, upon the rack / Of pain anew to writhe; / Stretched in disease's shapes abhorred, / Or mown in battle by the sword, / Like grass beneath the scythe»[32] [Уйди, позволь забвения занавесу упасть / На сцену людей, / С твоими восходящими лучами не возвратится / Жизни трагедия снова. / Его жалкие зрелища не вернутся назад, / Не пробудится плоть, в пытке / Боли снова чтобы корчиться; / Растянутая в болезненных формах ненавистных, / Или скошенная в сражении мечом, / Как трава под косой]), Кэмпбелл использовал сочетание традиционных классических образов — «завеса забвения» («oblivion's curtain»), «трагедия жизни» («life's tragedy») — с оригинальными образами мук людей, обреченных на гибель в следствие болезней и войн, создаваемыми при помощи метафоры «stretched in disease's shapes abhorred» («растянутая в болезненных формах ненавистных») и сравнения «mown in battle by the sword, like grass beneath the scythe» («скошенная в сражении мечом, как трава под косой»). В последнем случае используется еще и звукоподражание — повторение шипящих и свистящих согласных звуков [s], [ð], [θ] воспроизводит звук косы и эмоционально дополняет образ ([moun ɪn bætl baɪ ðə so:d laɪk grɑ:s bɪˈni:θ ðə saɪð]). Кроме того, контекстуально антонимичные причастия «stretched» («растянутый») и «mown» («скошенный») призваны показать две крайние формы смерти — длительную от болезни и быструю, неожиданную в сражении.

В переводе Мина образ конца света смотрится более завершенным ввиду интерпретации оборота «stage of men» («сцена людей») как «сцена мира»: «Уйди,

[26] Campbell 1907, 38.
[27] Мин 1888, 5.
[28] Campbell 1907, 39.
[29] Мин 1888, 6.
[30] Campbell 1907, 39.
[31] Мин 1888, 6.
[32] Campbell 1907, 39.

пусть занавес забвенья / На сцену мира упадет»[33]. И далее поддерживая нарочитую театральность происходящего, переводчик использует лексемы «драма» и «актеры»: «Пусть драму жизни и мученья / Не вызывает твой восход. / Не выводи своих актеров; / Не устрашай мне снова взоры / Бореньем плоти в пытке злой»[34]. К тому же Мин вновь прибегает к использованию повелительного наклонения глагола в построенных по принципу параллелизма стихах «Не выводи <…> / Не устрашай <…>», показывающих главенство человека. При переводе кэмпбелловских размышлений о смерти от болезни и в бою Мин не использовал антонимии или звукоподражания, однако его сравнение жизни с гнилым злаком чрезвычайно выразительно продемонстрировало всю ничтожность существования человека: «Среди болезней, в шуме битвы, / Где смерть творит свои ловитвы / И косит жизнь, как злак гнилой»[35].

Подчеркивая факт верховенства последнего человека на земле, Кэмпбелл начинает пятую строфу, содержащую обращение к солнцу, глаголом в повелительном наклонении «Go…» («Уйди…»), повторяющимся дважды в заключительной восьмой строфе: «Go, Sun, while Mercy holds me up»[36] [Уйди, солнце, пока милость Божья поддерживает меня]; «Go, tell the night that hides thy face»[37] [Уйди, скажи ночи, что прячет твое лицо]. Мин воспроизводит призыв, впервые звучащий в пятой строфе, лишь однажды, причем делает это непосредственно в следующей строфе: «Уйди! На этом мертвом своде / Гаси свой пламенник скорей!»[38]. Не желая, чтобы солнце, «мерило всех бесчисленных агоний» («test of all sumless agonies»), было свидетелем его смерти, последний человек в стихотворении Кэмпбелла постепенно проникался уверенностью в том, что солнце погибнет раньше, чем он: «Behold me not expire. / My lips that speak thy dirge of death — / Their rounded gasp and gurgling breath / To see thou shalt not boast»[39] [Не смотри, как я умираю. / Мои губы, которые произносят твою погребальную песнь смерти — / Их полное удушье и хриплое дыхание / Увидеть ты не похвастаешься]. В переводе Мина особую выразительность словам последнего человека придает акцентировка внимания на зрительном и слуховом восприятиях, которыми наделено солнце, при этом используется анафора «Ты не увидишь <…> / Ты не услышишь <…>»: «Свидетель всех кончин природе, / Ты не увидишь лишь моей. / Ты не услышишь вздох печальный / Из уст поющих погребальный / Тебе, о солнце, гимн святой!»[40]. Если в оригинальном тексте гибель солнца и наступление тьмы подобны некоей смене власти, когда королевское господство солнца навсегда прервано ее величеством темнотой («The eclipse of Nature spreads my pall, — / The majesty of Darkness shall / Receive my parting ghost!»[41] [Затмение Природы окутывает меня мраком, / Величество Темноты / Примет моего отделяющегося призрака!]), то в интерпретации Мина игра титулами опущена и речь идет исключительно об изменениях

[33] Мин 1888, 6.
[34] Там же, 6.
[35] Там же, 6.
[36] Campbell 1907, 40.
[37] Там же 1907, 40.
[38] Мин 1888, 6.
[39] Campbell 1907, 40.
[40] Мин 1888, 6.
[41] Campbell 1907, 40.

в природном мире: «Природы мрак смежит мне очи, / И с мглой священной вечной ночи / Сольется вздох последний мой!»[42].

Кэмпбелл был глубоко верующим человеком, что не могло не отразиться на его философских взглядах, в значительной мере выраженных в его стихотворении. Однако, веря в Бога, он воспринимает его не как всемогущее существо, силой собственной воли управляющее миром, а как некую наивысшую духовную инстанцию, не имеющую возможности даже отчасти влиять на естественные процессы эволюции существования земной цивилизации, но при этом способную, сделав бессмертной душу последнего человека, спасти человечество от полного уничтожения. Признание Кэмпбеллом существования Бога как безличной причины возникновения мира, не вмешивающейся ни в природную жизнь, ни в общественные процессы, подтверждает влияние на поэта философских идей, выраженных в XVII–XVIII вв. в трудах Дж.Локка, И.Ньютона, Э.-Э.-К. Шефтсбери. В этой связи глубокий смысл приобретает игра слов «captive» («невольный, пленный») и «lead captivity» («вести, осуществлять пленение, захват») в стихах «Who captive led captivity. / Who robbed the grave of Victory, — / And took the sting from Death!»[43] [Кто невольно вел захват. / Кто отнял у могилы Победу / И забрал жало у Смерти!], не до конца понятых русским переводчиком, для которого Бог остается всемогущим: «Кто сокрушил все ада силы, / Отъял победу у могилы / И жало смерти притупил!»[44]. Дополнительной аргументацией высказанного нами тезиса может служить использование Кэмпбеллом рационалистических абстракций, далеких от возвышенного, идеального восприятия Вселенной, таких как «in disease's shapes abhorred» («в болезненных формах ненавистных»), «piteous abhorred» («жалкое зрелище») и др.

Если в финальных стихах произведения Кэмпбелла звучит сомнение в Божьей власти («Go, tell the night that hides thy face, / Thou saw'st the last of Adam's race, / <…> / The darkening universe defy / To quench his Immortality, / Or shake his trust in God»[45] [Уйди, скажи ночи, которая скрывает твое лицо, / Ты видишь последнего из народа Адама, / <…> / Темнеющая вселенная бросает вызов / Подавить его бессмертие / Или поколебать его веру в Бога]), то в концовке русского перевода Мина последний человек полностью вверяет свою судьбу Богу, что подчеркивается риторическим обращением, использованием анафоры, поэтических оборотов «святая надежда», «былая отчизна», «чадо праха», к тому же еще и несколько русифицирующих описание: «О ночь! последний чадо праха, / Один стою я здесь без страха, / <…> / Один в былой моей отчизне, / С неутолимой жаждой жизни, / С святой надеждой в божество!»[46]. Мрачность всего происходящего выражена в авторской метафоре «On Earth's sepulchral clod»[47] [На могильном комке Земли], звучащей в русском переводе гораздо более приземленно, обыденно: «Когда все гибнет естество»[48].

[42] Мин 1888, 6.
[43] Campbell 1907, 40.
[44] Мин 1888, 7.
[45] Campbell 1907, 40.
[46] Мин 1888, 7.
[47] Campbell 1907, 40.
[48] Мин 1888, 7.

Таким образом, философское стихотворение Кэмпбелла «Последний человек», написанное в зрелые годы, несет на себе отпечаток пережитого общественного и личного опыта. При сохранении особенностей формы английского подлинника русский переводчик Д. Е. Мин внес ряд значимых художественных деталей, в частности, мастерски подчеркнул призыв английского поэта к мужественному приятию неизбежного за счет нарочитого использования повелительного наклонения и таких фигур речи, как анафора и параллелизм. В интерпретации Мина не нашло отражения кэмпбелловское понимание Бога как инстанции, не влияющей на судьбу человечества; для русского переводчика Бог остается высшим и всемогущим существом, способным спасти жизнь на земле.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лермонтов М. Ю. 1954: Мрак. Тьма [прозаический перевод стихотворения Дж.-Г. Байрона «Тьма»] // *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 6 т. М.-Л., 2, 422–423.

Мин Д. Е. 1888: Последний человек. Из Томаса Кэмпбелла // *Мин Д. Е.* Из английских поэтов [Дж. Мильтон. Песнь утренней звезды; В. Вордсворт. Гарри-Гилль; Т. Кэмпбелл. Последний человек; П.-Б. Шелли. Философия любви; А. Теннисон. Покинутый дом] // Пантеон литературы. 1, 5–7.

Пигарев К. В. 1973: Романтическая поэзия в ее соотношении с живописью // Европейский романтизм. М., 424–451.

Сухарев С. Л., 1991: Стихотворение Байрона «Darkness» в русских переводах // Великий романтик. Байрон и мировая литература. М., 221–236.

Beety W. J. 1946: From classic to romantic: Premises of taste in the 18th century England. Cambridge.

Byron 1910: The Complete Poetical Works. Cambridge.

Campbell T. 1907: The Complete Poetical Works. London.

De Palacio J. 1968: Mary Shelley and «The Last Man» // Revue de Literature comparee. 1–2, 17–27.

Miller M. R. 1978: Thomas Campbell. Boston; Massachusetts.

Redding C. 1860: Literary Reminiscences and Memoirs of Thomas Campbell: in 2 v. London.

D. E. MIN AS AN INTERPRETER OF THOMAS CAMPBELL'S PHILOSOPHICAL POEM "THE LAST MAN"

D. N. Zhatkin, E. V. Komoltseva

The article considers D.E.Min's translation of the philosophical poem "The Last Man" (1823) by Thomas Campbell, a famous English battle-poet. D.E. Min managed to render the poet's awareness of the loss of internal harmony of human existence, of instable centuries-old social values, of inevitable social and natural catastrophes. D.E.Min, following the English poet, calls to courageously accept the inevitable. However, he does not recognize Campbell's vision of God with no influence on humankind fate. He represents God as the highest and almighty being capable of saving life on the Earth.

Key words: Russian-English literary and historical cultural relations, English Romanticism, literary translation, tradition, reminiscence, crosscultural communication.

© 2010

М. В. Красильникова

Ф. М. КЛИНГЕР «ФАУСТ, ЕГО ЖИЗНЬ, ДЕЯНИЯ И НИЗВЕРЖЕНИЕ В АД»: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Хронотоп авантюрного романа испытания обнаруживает себя в тексте Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» за счет активного использования таких составляющих, как: множественность пространств, вневременное зияние, энциклопедичность. Упомянутые критерии в полной мере характеризуют авторскую модель мира.

Ключевые слова: Ф. М. Клингер, Фауст, хронотоп.

Под новым ракурсом взаимозависимости временных и пространственных категорий, все чаще сегодня взирают на созданные произведения искусства. Ценность существующей взаимосвязи, художественно освоенной в литературе, станет отправной точкой и наших размышлений.

Открытая Эйнштейном единица хронотопа в современной филологии нашла художественное содержание. Это тот редкий случай, когда абстрактный для литературы естественно-научный термин, обрел глубокий, гуманитарный смысл и стал рабочим во многих научных теориях (М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, Б. А. Успенского, М. С. Кагана). Взгляд М. М. Бахтина станет определяющим в ходе наших размышлений относительно хронотопа произведения Ф. М. Клингера «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад».

Непростое, подчас запутанное единство разновременных и многопространственных форм мы читаем в тексте Клингера. Автор намеренно устраивает некий калейдоскоп, события которого сменяют друг друга одновременно с переменой пространственных обстоятельств. Логика повествования является тем моментом наслоения сложных авторских представлений о мире. Но именно столь непривычный многоракурсный взгляд на развивающийся сюжет придает необходимую остроту всему действию. Здесь нет условных, подразумеваемых сцен, нет случайных персонажей. Пространственно — временные указания организуют единое целое, смысл которого познается лишь путем внедрения в хронотоп всего действия «…всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»[1].

Пространственно — временные отношения авторской модели мира раскрываются перед читателем уже в первых строках произведения: «Долго сражался Фауст с мыльными пузырями метафизики, блуждающими огнями морали и призраками богословия, но найти твердые, незыблемые основы для мышления ему не удалось. Тогда, негодуя, бросился он в темную бездну магии, надеясь силой вырвать у природы тайны, которые она с таким упорством скрывает от нас»[2].

«Мыльные пузыри метафизики» отсылают нас к миру невещественному, основанному на теоретических выкладках, претендующих на статус непрелож-

[1] Бахтин 1986, 134.

[2] Здесь и далее цит. по изд.: Клингер 1961, 18. Номера книг и частей указаны в тексте.

ных истин. Это — информативное пространство, где могут быть найдены многие ответы на бесчисленные вопросы. Сюда стремится герой с целью раздвинуть границы человеческого познания и «вырваться за пределы действительности». Здесь он пытается утвердиться, совершить открытие, значимое в жизни всего человечества. Но Фауст не бескорыстен. За собственное обращение в миры научных истин он ищет земной благодарности. Однако, изобретенное книгопечатание не распахивает перед ним «врата, ведущие к богатству, славе и наслаждению». В пространстве нематериальных ценностей он существовал по законам реальной действительности. Приобретенный опыт оказался бесполезным в жизненном пространстве. Голодное существование семьи Фауста становится ярким контрастом миру идей.

Информативное поле статично, замкнуто, лишено выхода в мир земной человеческой жизни. Ему отказано в динамике, во внедрении в иные миры. Здесь царствует безвременье, потому, как истины вечны. Они абсолютны в своем значении, понимании, существовании. Оттого, такое близкое соседство к пространству информативному будет иметь пространство царствования абсолюта — Гения Человечества.

Духовная чистота, знание и следование выбранному пути, уверенность в правильности прожитых дней и в правдивости познанных истин — приближает всякого к миру душевного покоя. Но и здесь дыхание времени незаметно, так как царствует вечность, обращенная в известные формулы морального поведения.

Мир духовных ценностей выражен здесь в абстрактном образе Гения Человечества. Как светлый призрак появляется он в переломный момент отчаяния героя. Рецепт спасения, данный им, лишь утверждает Фауста в решении отречься от возможности быть причастным духовному пространству. Жажду знаний, наслаждений и свободы Светлый призрак предлагал усмирить, найти «покорность в страдании». Вознаграждением за это должна стать «мирная смерть и блаженство за пределами земной жизни». Короткий монолог свидетельствует о проникновении духовной сути в мир, осквернённый человеческими страстями.

Второе видение возникает вновь в ключевой момент развития сюжета. Как некое откровение Фауст видит сон, преисполненный символами. Если в свое первое появление Гений Человечества воздействовал на разум, на сознание героя, то об обреченности Фауст понимает через контакт с духовной сутью в сфере бессознательного, в собственном сне. Последнюю связь Фауста с миром душевного покоя прервет призрак его отца, предрекший: «Теперь уже вечно нас будет разделять бездна ада!».

Итак, информативное пространство статично, безучастно к судьбе героя, пространство духовное напротив внедряется в земное существование по средствам образов — призраков. Оно заявляет о себе лишь в ключевые моменты жизни героя. Однако назвать это пространство активным также нельзя, как и обозначить его безучастным. Оно следует в качестве второго плана всего повествования за счет постоянного соперничества с динамично внедряющимся в земную действительность инфернальным пространством. Поэтому, определить его можно, как вынужденно-активное. Надрывные моменты существования вызывают его к действиям. Вера и любовь объединяют духовное пространство с земным, устанавливают законы мирного существования.

Все пространственные сферы данного произведения замыкаются на земной действительности. Она будто аккумулирует в себе силы иных сфер, оставаясь при этом неизменной. Земная жизнь, в изображении автора, напоминает опытное поле, где становятся возможны самые различные взаимодействия с силами иных пространств. Она являет собой некое связующее звено. Здесь человечество находит свои испытания, здесь оно особенно близко к запретному, греховному опыту.

Автор не прибегает к демонстрации бытовых мелочей, не материальная сторона униженного существования ему интересна. Земная жизнь в действиях, поступках людей, дальнейших переживаниях и размышлениях раскрывается перед нами. Человек как представитель земного пространства его интересует. Общая мрачная атмосфера существования людей является фоном всем происходящим событиям.

Абстрактно существующие персонажи обретают свой облик лишь в рамках земной жизни: Гений Человечества предстает в виде светлого призрака, Гений зла — в образе дьявола Левиафана. Люди же, напротив, теряют свое лицо (лишь внешность Фауста имеет конкретные очертания). Человечество безлико. Творимые ими дела восполняют потерю внешности. Земная жизнь дарует людям чреду испытаний, где каждый пробует силу собственной веры и постигает границы человеческой гордости. Время вновь не имеет своего представления, описанные события лишены конкретных дат. Лишь имена собственные, исторически правдивые сюжеты отсылают нас к определенным временным промежуткам.

Автор намеренно не ссылается на даты, чем нагнетает ощущение вневременного характера всего происходящего, впечатление безысходности. Человечество обречено на бесконечные испытания страданием. Отчаяние же может стать проводником в мир вечных мук.

Вступление в инфернальное пространство происходит в момент введения в текст категории времени: «Дико жестикулируя и выкрикивая безумные восклицания, расхаживал он большими шагами взад и вперед по комнате и боролся с мятежными порывами своего духа… Рядом на готической башне пробило одиннадцать. Черная ночь окутала землю. С севера доносилось завывание бури, тучи заволокли полную луну, вся природа пришла в смятение» (I, 3).

Временная категория, будучи опасным рубежом дня и ночи, земного и инфернального, задает ритм перемен. Здесь обретает художественное выражение известная мысль М. М. Бахтина: «…в литературе ведущим началом в хронотопе является время»[3].

Как правило, писателям легко удается изображать события, происходящие в разных пространственных ориентирах. Однако передвижения во временных пластах даются куда труднее. Риск создать пространственную неопределенность останавливает многих мастеров слова. Если пространство оказывается категорией, требующей обязательной привязки ко времени, события, месту, то время как равноправная участница создания хронотопа лишь в редких случаях обретает подобную неясность. «Пример временной неясности находится лишь в «Гамлете», где неизвестно, сколько времени проходит на протяжении трагедии»[4].

Произведение Ф. М. Клингера дает нам пример виртуозного использования возможностей временной категории. Изначально размытое безвременье обрета-

[3] Бахтин 1986, 267.
[4] Давыдова 2003, 172.

ет точку отсчета в момент сопряжения земного пространства с инфернальным: одиннадцать делений циферблата позади. Раздавшиеся вопли жены, детей и отца: «— Погиб! Погиб навеки!» (I,3), — венчают этот момент интонацией финального аккорда.

Столь живо и экспрессивно описана представленная сцена, что воображение рисует образ Фауста, замертво упавшего в очерченный им круг. Логика развития сюжета требует либо признания этой сцены окончательной, либо описания последующих событий. Но, так как мы читаем лишь 3 часть 1 книги, то развитие событий заставляет нас ждать описание очнувшегося Фауста. И только в последней, 5 книге, мы, вполне возможно, читаем ту самую сцену внезапного прозрения: увидев вещий сон, «он вскочил и открыл окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Перед ним высились могучие Альпы, восходящее солнце золотило их темные вершины, и Фаусту показалось, что эта картина раскрасила ему смысл его ощущений. Он погрузился в глубокое раздумье, воздушный замок его гордости рухнул».

Автор рисует нам картину просыпающейся природы в момент тяжелого предчувствия заката жизненного пути героя. Сопоставив два представленных описания, мы находим при явном противопоставлении (черная ночь — восходящее солнце; безумные восклицания — глубокое раздумье; вся природа пришла в смятение — картина природы раскрасила ему смысл его ощущений) сюжетно и хронологически восполненное единство: бурную ночь сменило ясное утро.

Гений Человечества, представший перед Фаустом в образе призрака, скрепляет эти два момента жизни. Эмоционально единое чувство отчаяния также объединяет разрозненные сцены. Перед нами две ключевые точки сюжетного движения, два смежных момента биографического времени. Но произведение строится не на них, а на том, что лежит между ними. У М. М. Бахтина мы читаем: «Тот разрыв, та пауза, то зияние, которое возникает между этими двумя непосредственно смежными биографическими моментами и в котором как раз и строится весь роман, в биографический временной ряд не входит, лежит вне биографического времени; оно ничего не меняет в жизни героев, ничего не вносит в их жизнь. Это именно временное зияние между двумя моментами биографического времени».

События открытого зияния являют собой отступление от нормального хода жизни. Встреча с дьяволом, последующее путешествие по странам, по времени, будто по разложенной карте, без всякого учета закона перспективы, заставляет согласиться с мнением ученого. Картины, входящие в состав зияющего пространства, не имеют возрастной, временной длительности, лишены всякой природной и бытовой цикличности.

Логика случайного совпадения станет определяющим композиционным приемом. Истории людских судеб следуют одна за другой по методу нанизывания их на единую нить — поиск «назначения человека и причин мирового зла». Сюжет произведения призван раскрыть природу человеческих пороков, разоблачить жестокую сущность феодализма, подвергнуть уничтожающей критике церковь и испытать духовную стойкость героя — бунтаря. По мере путешествия краски сгущаются, мысль о порочности общества становится все более прозрачной, слабость человеческого духа, погрязшего в сомнениях, очевидна. Момент случая является определяющим для всего сюжета. Будто, совершенно того не желая, Левиафан вводит Фауста в очередную ситуацию первенства корысти, зла и жестокости.

Мир земных страстей стал выразителем интересов царства Сатаны. Граница меж ними зыбка. Эти пространства не противоречат друг другу, скорее наоборот — деяния человеческой жизни определяют ту ступень иерархической системы ада, на которой будет принимать вечные страдания грешная душа. Поэтому, композиционно сцены в аду располагаются перед последующим калейдоскопом ужасов человеческих деяний.

Адская иерархия довольно проста, она мало отличается от должностной лестницы социальной жизни Германии XV века. Сцены «дружеского пира» у сатаны раскрывают адскую бытность. Неизменными представителями здесь являются грешные души, истощенные крики которых, создают постоянный звуковой фон. Наиболее мелкими слугами сатаны являются тени — это те, кто при жизни «не совершали зла лишь потому, что это связано с опасностью, но они не творили и добра, потому что оно требует мужества и самоотречения» (II, 10). Выше их по статусу — вельможи — это бедность, болезни, скупость, зависть, разврат, голод, война. Далее следуют пажи, князья (падшие ангелы) и сам владыка зла — сатана.

Причем, в романе сатана не является активно действующим персонажем, подобно Гению Человечества, он возникает лишь в ключевые моменты развития повествования. Безликим, стремящимся поразить своим могуществом, предстает он в первой книге романа. Второе появление сатаны приходится на заключительную главу последней книги, где он вершит суд над Фаустом. Дважды, как и духовная суть, проявляет себя Гений зла.

Развернутый монолог владыки ада в первой книге культивирует фигуру Фауста и его изобретение. Он воспевает талант смертного, предвкушая возможности, что откроет собою изобретенное книгопечатание. Сатана оказывается гораздо дальновиднее, нежели магистраты, отказавшиеся купить у Фауста его первую напечатанную книгу — латинскую библию. Он поет гимн смертному, сумевшему восстать против привычных обстоятельств жизни. И это восхищение снижает образ владыки зла. Он принимает вызов Фауста, а значит — уподобляется человеку, наиболее презренному из всех созданий Божьих. «Когда нам понадобится изобразить существо самое смешное, самое суетное, трусливое, извращенное и неблагодарное — словом, самое постыдное и жалкое существо во всем огромном мире, мы будем рисовать человека!» (V, 8). Именно человека, как наиболее любимого создания Божьего, он берет к себе в услужение, чтобы затем обвинить Всевышнего в порочности человечества. «Он, создавая сынов праха, столь странно и нелепо запряг в каждом из них в одно ярмо дикого зверя и полубога, обрекая их на непрестанную внутреннюю борьбу» (I, 6). Сатана даже согласен изменить своей натуре и освободить от страшных мук самого желанного представителя ада взамен на проклятие. «Если ты согласен проклясть предвечного, который не смог и не захотел создать тебя лучше, чем ты есть, то ты будешь избавлен от адских мук и станешь равен нам» (V, 8).

Атмосфера зла и порока пронизывает повествование. Автор нагнетает ужас перед человеческими деяниями пророческими речами сатаны. «Европу будут опустошать ужасы, превосходящие все безумие и все неистовства, каким предавались люди с самого начала своего существования … религиозные войны окончательно разорвут все узы, связывающие природу и человечество. В угоду им отец будет убивать сына, сын — отца» (I, 5).

Ф. М. Клингер создает собирательную картину ужаса, и поэтому каждый эпизод повествования является штрихом к общему портрету владыки ада. Его незримое присутствие ощущается в каждой сцене. Отсутствие же описания его визуальных черт лишь усугубляет взволнованное воображение читателя. Образ сатаны является собирательным, он проявляет свой лик в каждом, кто совершает преступление.

Таким образом, близость земного пространства и инфернального мира определяется степенью порочности человечества. Мир земных утех представлен через «случайно» обнаруженные факты исторического прошлого. Условно существующая географическая карта произведения объединяет в единое пространство сцены загробного мира и события человеческой жизни, точкой их прикосновения становится вневременное зияние, вмещенное в рамки авантюрного времени.

Напряженная жизнь описанного временного зияния находит свое научное обоснование в работе М. М. Бахтина: «…специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь; вмешательство судьбы, богов, демонов…есть авантюрное время… Моменты авантюрного времени лежат в точках разрыва нормального хода событий, нормального жизненного, причинного или целевого ряда, в точках, где этот ряд прерывается и дает место для вторжения нечеловеческих сил — судьбы, богов, злодеев. Именно этим силам, а не героям принадлежит вся инициатива в авантюрном времени».

Таким образом, многоступенчато организованное пространство духовного, информативного, земного и инфернального миров не обладает единой временной определенностью. Царящее безвременье статичных высоких сфер сменяется хронологической последовательностью земного быта. Но вынужденная активность духовного пространства в линейной временной взаимосвязи организует зияние, провал в мир инфернальной сущности и начало жизни авантюрного времени.

В его пределах мы встречаем чреду историй (авантюр), динамика развития которых, определяется необходимостью «успеть догнать, опередить, быть или не быть как раз в данный момент в определенном месте, встретиться или не встретиться и т. п.».

«Вдруг» и «как раз» являются наиболее адекватными характеристиками авантюрного времени, начинающегося там, где нормальный, прагматический, причинно осмысленный ход событий прерывается и дает место для вторжения чистой случайности с ее специфической логикой. Такие синтаксические конструкции вводятся автором намерено во вступление ко многим книгам, частям произведения, с целью поддержки идеи авантюрности повествования, подкрепленного мотивами встречи, дороги.

Действие всего произведения разворачивается на широких географических пространствах, раскрывающие бытность западноевропейских стран, в самые драматические моменты их истории. Ссылаясь на конкретные топографические данные, автор представляет нам символический план реалистической пространственно-временной панорамы. Глазами героев мы воспринимаем средневековую действительность Германии, жизнь Франции периода правления Людовика XI, английскую, итальянскую, испанскую реальность. Не принципу хронологии следует автор, развивая сюжет, а скорее принципу градации. Очередное авантюрное приключение героев усиливает впечатление несостоятельности пер-

воначального стремления Фауста: заставить дьявола «поверить в нравственную ценность человека».

Германия периода позднего средневековья становится отправной точкой в цепи всего путешествия героев текста Ф. М. Клингера. Реально зафиксированные в прошлом сюжеты, обретут здесь художественное осмысление. Историческое время потеряет необходимую конкретику, восстановленную автором через примечания. Обилие внутренних монологов, рассуждений (подчас довольно обширных) на различные религиозные, философские, политические и научные темы, так же являются свидетельством намерения автора освидетельствовать интересующую эпоху. Диалоги наполнены иронии, трагического сарказма, гротеска. Однако ощущение чрезмерности не возникает, за счет правильно расположенных ударных моментов. Каждая книга включает в себя один или два ключевых монолога. Зачастую они звучат в финальных главах: как некий итог сказанного, как повторение и указание на вскрытые пороки, как интонационная кульминация всего действия. С каждой книгой рассуждения героев становятся все более категоричны и громогласны.

Эффективно использует автор принцип энциклопедичности повествования. На примере раскрываемой действительности отдельных стран он размышляет о существовании всего человечества. В пределах весьма небольшого произведения нам представлены истории судеб многих реально-исторических личностей, событий. Причем, автор не искажает истории, не приспосабливает ее под общую идею книги. Она раскрывается своим чередом.

Произведение Клингера представляет нам самые разные грани человеческого страдания, автор точен в их описании. Унижение, оскорбление, ложь рождает душевную боль о несправедливом мироустройстве. Физические мучения приходят ей на смену. Картины угнетения, жестокого избиения и бездумного уничтожения окрашивают людское существование в кровавые тона. Сцены загробного мира дополняют картину ужасов невыносимыми вечными муками. Наивысшую степень духовного и физического страдания испытает душа Фауста, обреченная вечно терзаться в мучительных сомнениях.

По ходу развития сюжета мы становимся гостями во многих домах, кельях, дворцах. Что также рождает ощущение всесторонней осведомленности автора.

Таким образом, энциклопедичность, многослойность пространств и вневременное зияние — стали теми приемами создания хронотопа авантюрного романа испытания, который раскрывает авторскую модель мира в рамках произведения «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад».

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин М. М. 1986: Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Литературно-критические статьи / С. Г. Бочаров, В. В. Кожинов, Н. К. Гей (ред.). М., 340–396.

Давыдова Т. Т. 2003: Исследование художественного времени и художественного пространства в работах М. М. Бахтина и структуралистов // Теория литературы / В. А. Пронин (ред.). М., 280–317.

Клингер Ф. М. 1961: Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад. М.-Л.

SPATIOTEMPORAL RELATIONS IN F.M. KLINGER'S WORLD MODEL ("FAUST, HIS LIFE, DEEDS, AND GOING DOWN TO THE INFERNO")

M. V. Krasilnikova

Adventure ordeal novel chronotope is made evident in the text of F. M. Klinger's "Faust, His Life, Deeds, and Going Down to the Inferno" due to the extensive use of such components as multiple spaces, timeless hiatus, encyclopedic scope that fully present the author's world model.

Key words: F.M. Klinger, Faust, chronotope.

© 2010

О. М. Валова

КОНФЛИКТ И ПРОБЛЕМАТИКА ПЬЕСЫ О. УАЙЛЬДА «ЖЕНЩИНА, НЕ СТОЯЩАЯ ВНИМАНИЯ»

В статье, посвященной комедии «Женщина, не стоящая внимания», рассматривается уайльдовская трактовка проблем брака, ценностей, проблема женского влияния, греха, вопросы англо-американских связей и бессмысленности самопожертвования, определяется своеобразие внешнего и внутреннего конфликта пьесы.

Ключевые слова: комедия, нравственно-философская проблематика, конфликт.

Как и все произведения Оскара Уайльда, комедия «Женщина, не стоящая внимания» (1893) имеет несколько смысловых уровней, часть из которых мы и попытаемся выявить в данной статье. В западноевропейской критике пьеса оценивается неоднозначно, и далеко не все считают ее удачной[1]. В отечественном литературоведении этой пьесе не уделялось должного внимания. Перед нами многоуровневое произведение, каждый слой которого следует выделить и проанализировать по отдельности.

О. Уайльд творил в то время, когда на сцене были популярны произведения, обладающие интригой, но не отягощенные серьезной проблематикой. Драматург создает сюжеты, напоминающие «хорошо сделанные пьесы», возможно, желая коммерческого успеха. Так, в «Женщине, не стоящей внимания» он берет за основу мелодраму с участием безнравственного соблазнителя и добродетельной барышни, что было весьма привлекательным для публики. Уайльд полагал, что произведение должно сохранять элемент привычного для зрителя, иначе пьеса не будет принята. «Чисто современная форма заключает в себе что-то вульгарное», — писал он[2]. Современные театралы, говорит Уайльд в трактате «Душа человека при социализме», «любят то, что им понятно, однако скуки они не выно-

[1] Эллман 2000, 430; Archer 1923, 304; Knight 1962, 307; Stone 1976, 29.
[2] Уайльд 1993, 2, 226.

сят». Автор невысоко оценивает запросы читателей и зрителей: «Публика воспринимает в искусстве привычное не потому, что это ей дорого, — отмечает он, — но потому, что она не в силах найти иное»[3]. Такая позиция драматурга объясняет его интерес к комедии Реставрации.

Вопрос о связи пьес О. Уайльда с комедиографией эпохи Реставрации заслуживает специального изучения, которое отчасти предпринято в отечественном литературоведении М. Г. Соколянским и А. Г. Образцовой[4]. Например, составной частью комедии Реставрации является критика светского общества, остроумная перепалка персонажей, которую мы встречаем и у Уайльда. Некоторые исследователи считают, что именно в этом заключается ценность комедий английского драматурга и кроется причина успеха[5].

Однако Уайльд не был ограничен рамками традиций и прекрасно чувствовал веяния эпохи, поэтому в его пьесах появляется ряд тенденций, свойственных «новой драме». Н. В. Тишунина считала «новую драму» определенной художественной философией, в основе которой — понимание многоплановости человеческой жизни, не сводимой к единственному конфликту. Конфликт в «новой драме» стал исследованием «самой жизни в бесконечном множестве составляющих его аспектов (социального, биологического, духовного, морально, эстетического и т. д.) <…>»[6]. Такой подход обнаруживается и в пьесах О. Уайльда.

В «Женщине, не стоящей внимания» есть довольно много черт, сближающих ее с «новой драмой»: наличие внешнего и внутреннего конфликтов, актуальная проблематика, новый тип героя. Кроме того, ряд установок пьесы (как и другие произведения писателя) определяется взглядами Уайльда-эстета, Уайльда-мыслителя и Уайльда как человека со своим неповторимым жизненным опытом.

Главной героиней является миссис Арбетнот, мать юного Джеральда, которому предложено стать секретарем лорда Иллингворта. Миссис Арбетнот не сразу узнает, что Иллингворт — ее бывший возлюбленный Джордж Харфорд, так и не женившийся на ней, несмотря на данное обещание и беременность девушки. Рэчел пришлось взять новое имя Арбетнот и тщательно скрывать свое прошлое, чтобы сын имел возможность общаться со сверстниками, бывать в их домах, строить свое будущее. Но миссис Арбетнот не могла смириться с тем, что сын оставит ее ради карьеры и возможности общения с Иллингвортом. Джеральд не принимал позиции матери до тех пор, пока лорд Иллингворт не попытался поцеловать его возлюбленную Эстер. Герой отказывается от мысли быть секретарем лорда Иллингворта, но теперь он полагает: его мать обязана выйти замуж, чтобы «восстановить справедливость». Лишь горячее вмешательство Эстер позволяет Джеральду понять, что замужество матери стало бы для нее настоящим бесчестьем.

Внешний конфликт «Женщины, не стоящей внимания» связан с проблемой брака, которая была весьма актуальной для британского общества конца XIX века. Уайльд показывает, что супружество рассматривается в обществе как вариант некой сделки и, например, леди Кэролайн «ничто не удивит, кроме счастливых браков»[7]. Супруг сопоставляется миссис Оллонби с платежным средством: «Ах,

[3] Уайльд 1993, 2, 359.
[4] Образцова 2001; Соколянский 1990.
[5] Nicoll 1959, 191.
[6] Тишунина 1991, 74.
[7] Уайльд 1960, 209.

мой муж, — говорит она, — нечто вроде векселя, мне надоело по нему платить» [8]. Леди Статфилд полагает, что о наличии или отсутствии семейных обязанностей можно судить уже по внешности: «Я не раз замечала такое грустное, грустное выражение в глазах женатых мужчин» [9]. Тем не менее всякий мужчина просто обязан быть женатым, и леди Кэролайн довольно резко заявляет: «Это просто позор, сколько холостяков встречаешь нынче в обществе. Надо бы провести такой закон, чтобы заставить их всех жениться в течение года»[10]. На этом фоне высказывание миссис Арбетнот, что «брак — таинство для любящих»[11], выглядит контрастно и подчеркивает ее принципиально иной взгляд на проблему семьи.

Экспозиция представляет расстановку действующих лиц, широкий показ мнений героев по различным вопросам. Завязка внешнего конфликта в пьесе — попытка Иллингворта поцеловать Эстер Уэрсли, эта сцена дает толчок к активизации персонажей. После неудавшегося поцелуя Джеральд приступает к решительным действиям и составляет письмо для Иллингворта, в котором требует его брака с матерью. Убеждения миссис Арбетнот и ее решительный отказ не становятся для него вескими аргументами. Кульминация — противостояние между матерью и сыном, их спор о браке с Иллингвортом. Развязка — принятие Джеральдом аргументов миссис Арбетнот. Внешний конфликт подчеркивает связь О. Уайльда с проблематикой «новой драмы» и осуждение устаревших взглядов на брачный союз.

Внутренний конфликт представляет проблему женского влияния, которая рассматривается Уайльдом на разных уровнях. Уже в самом начале первого действия упоминается о члене парламента мистере Келвиле, упоминается как об очень порядочном человеке, правда, эта порядочность объясняется леди Кэролайн тем, что о нем никто ничего не слыхал. Уайльд иронизирует над Келвилем, вкладывая в его уста прогрессивные мысли о повышающейся роли женщины в обществе: «Постоянно растущее влияние женщин — это единственное в нашей политической жизни, что подает какую-то надежду на будущее»[12]. Насмешка драматурга над передовыми, в целом, высказываниями члена парламента становится понятной при анализе внутреннего конфликта пьесы.

Проблема женского влияния связана прежде всего с образом юного Джеральда Арбетнота. Уайльд довольно подробно знакомит зрителя с предысторией героев, показывая, что ради сына мать отказалась от личного счастья и радостей жизни. Внутренний конфликт начинает развиваться, когда Джеральду было предложено место секретаря лорда Иллингворта. Молодой человек избирает интересный путь, сулящий выгоду, общение с неординарным человеком, перспективы карьерного роста. Джеральд близок к тому, чтобы «выскользнуть» из рук миссис Арбетнот и оказаться под влиянием Иллингворта: как бы ни просила мать внимательнее приглядеться к непривлекательным сторонам лорда, как бы красноречиво ни представляла сыну свою изломанную судьбу, все было тщетно, и Джеральд выбирал новые перспективы в обществе Иллингворта.

[8] Уайльд 1960, 207.
[9] Там же, 206.
[10] Там же, 206.
[11] Там же, 248.
[12] Там же, 293.

Кульминацией внутреннего конфликта является сцена, в которой сын порицает мать за ее прошлое. Миссис Арбетнот использует весь свой талант рассказчицы, чтобы как можно живописнее обрисовать страдания, обусловленные связью с Иллингвортом, но Джеральд беспощаден в своей прямоте. Для миссис Арбетнот осуждение сына стало ударом. Слова Иллингворта, что дети, вырастая «хорошими людьми» становятся суровыми судьями своих родителей, оказались правдой.

Однако обстоятельства благоволят миссис Арбетнот. Иллингворт не устоял перед соблазном поцеловать прелестную Эстер Уэрсли, Джеральд бросился на ее защиту, и миссис Арбетнот была вынуждена назвать имя его отца. Только сейчас герой по-настоящему меняет отношение к лорду, хотя так и не может понять свою мать.

Когда миссис Арбетнот получает от сына слова о «долге» выйти за лорда Иллингворта, Эстер, обнимая ее, выражает сочувствие, понимание и предлагает покинуть Англию. Джеральд недоумевает, он до сих пор не может расстаться с привычными представлениями о браке. В растерянности он спрашивает Эстер: «Но что же мне делать?», и она отвечает: «Спросите свое сердце, а не меня» [13]. Только после этого Джеральд бросается к матери и становится перед ней на колени. Это развязка внутреннего конфликта, поскольку здесь окончательное, судьбоносное решение принято под влиянием возлюбленной.

Вспомним, что Уайльд довольно иронично смотрит на увеличение роли женщины в обществе. На самом деле нет необходимости законодательно устанавливать особые права для женщин, они и без этого правят миром благодаря силе своего влияния на мужчин. Дж. Слоун считает, что данная мысль подтверждается наличием комических персонажей, таких как сэр Джон Понтефракт, которого леди Кэролайн навязчиво опекает, и архидиакон Добени, мученик, чья жена никогда не появляется в обществе, поскольку обременена всевозможными болезнями. Да и будущее Джеральда Арбетнота полностью зависит от власти матери и молодой жены.[14]

Построение произведения также указывает на другую важную мысль, содержащуюся в подтексте пьесы: самопожертвование не входит в круг достоинств человека, напротив, оно губительно для всех. В «Женщине, не стоящей внимания» главный персонаж, жертвующий собой — миссис Арбетнот. Уайльд подчеркивает, что в жизни героини немного позитивных впечатлений и эмоций. Кроме любви к Джеральду, у нее есть лишь право страдать, страдать от оскорбления, нанесенного Иллингвортом, страдать от бесчувственности сына, и, наконец, страдать от того, что сама заставила себя заниматься не приносящими радость делами. Уайльд оценивает жертвенность не как нравственный подвиг, а как анахронизм: «Самообуздание — не более как средство задержать собственное развитие, а самопожертвование — это остаток дикарского ритуала членовредительства, напоминание о том преклонении перед болью, которое в истории принесло столько зла, да и сейчас каждый день требует новых жертв, воздвигнув свои алтари»[15]. В других произведениях Уайльда мы также находим примеры бесполезности жертвенности, и один из самых ярких — в сказке «Соловей и роза», где роман-

[13] Там же, 251.
[14] Sloan 2003, 111.
[15] Уайльд 1993, 2, 281.

тически настроенный Соловей решил отдать свою жизнь, чтобы у Студента был цветок красной розы, окрашенный кровью Соловья.

Идея презрения к самопожертвованию содержится в замысле пьесы, о которой Уайльд говорит в письме Джорджу Александеру (август 1894 года). Показательно, что, передавая в целом сюжет, драматург отмечает ключевые слова персонажей, прежде всего жены, покинувшей мужа ради любовника. Жена отвергает мысль любовника о восстановлении брака: «Все это самопожертвование ни к чему, мы должны не жертвовать собой, а жить. В этом смысл жизни». Жена говорит мужу, что на дуэли она желает его смерти, так как отец ребенка не должен умереть. Муж стреляет в себя, запланированная дуэль не состоялась, жена и любовник «крепко обнимаются, словно одержимые неистовым желанием сделать любовь вечной». Сам Уайльд считал эту идею чрезвычайно сильной, он писал: «Я хочу, чтобы над всем возобладала настоящая страстная любовь. Никакого болезненного самопожертвования! Никакого самоотречения!»[16]. В итоге замысел данного произведения был реализован не самим О. Уайльдом, а Фрэнком Харрисом («Мистер и миссис Дэвентри»).

В «Женщине, не стоящей внимания» образ миссис Оллонби сопоставляется с образом Иллингворта, ее остроты и парадоксы ни в чем не уступают, высказывания, вложенные автором в уста этой героини, оригинальны, характеристики точны. Но образ этой героини еще раз призван подчеркнуть бессмысленность самопожертвования миссис Арбетнот. В самом начале первого действия леди Кэролайн упоминает том, что до замужества миссис Оллонби два раза убегала из дому. Очевидно, что, хотя у миссис Оллонби есть опыт побегов из дома, она никогда бы не уподобилась миссис Арбетнот. Приведем еще один диалог, касающийся жизни миссис Оллонби:

Леди Хансстентон. Она уж слишком дает волю своему острому язычку.

Леди Кэролайн. Разве миссис Оллонби только в этом одном дает себе волю?

Леди Хансстентон. Ну конечно, Кэролайн, надеюсь, что так[17].

Это означает, что хотя миссис Оллонби и не столь добродетельна, она не вызывает горячего осуждения и неприязни в обществе.

Существенной проблемой пьесы является проблема греха, которая свойственна многим произведениям О. Уайльда. Грех миссис Арбетнот заключался в том, что она, полюбив Джорджа Харфорда, отдалась ему и родила сына. Брак мог бы спасти Рэчел от злословия и публичного осуждения, но девушка и сама считала, что ее поступок должен быть наказан. По мнению же О. Уайльда, грех — это элемент прогресса, своим опытом человечество во многом обязано не только праведникам. «Пробуждая любопытство, Грех обогащает человеческий опыт. <…> Природе, как пишет господин Ренан, мало дела до чистоты нравов, и, может быть, позор Магдалины, а не собственное целомудрие избавило от поруганий наших современных Лукреций», — писал Уайльд в эссе «Критик как художник»[18]. Так, может быть, миссис Арбетнот, для ее же блага, не следовало так тщательно скрывать свой грех и от сына, и от окружающих?

[16] Уайльд 1997, 124.
[17] Уайльд 1960, 197.
[18] Уайльд 1993, 2, 281.

Перед нами пьеса о бессмысленности бездумной самоотдачи, о прогрессивной роли греха и в свете такой трактовки заглавие драмы приобретает еще одно значение. Если «новая драма» восторгалась качествами, свойственными женщинам, подобным миссис Арбетнот, то для Уайльда героизм самопожертвования не заслуживает внимания.

Отразилось в пьесе и неоднозначное отношение драматурга к Америке. Этот аспект связан с образом Эстер Уэрсли. Девушке многое в жизни английских поместий и английских отношений непривычно. Эстер не знакома с британскими «правилами хорошего тона», и Уайльд акцентирует внимание на некоторой неестественности этих правил. Эстер много рассказывает о традициях своей страны, и они часто не совпадают с теми, что существуют или существовали в среде английской аристократии.

К. Нассаар указывает на прямые параллели пьесы «Женщина, не стоящая внимания» с романом американского писателя Н. Готорна «Алая буква». Уайльд был знаком с творчеством Готорна, во время своего американского турне он побывал на родине писателя — в Сейлеме. Отголоски произведений Готорна, творческое переосмысление его романов и новелл мы находим и в сказках, и в комедиях О. Уайльда. Ни один из ведущих персонажей «Алой буквы» не был забыт английским драматургом, ни Эстер Прин, ни ее муж Роджер Чиллингворт (герой пьесы О. Уайльда потерял лишь две первые буквы фамилии), ни возлюбленный Эстер священник Димсдейл.[19] Однако мы бы хотели остановиться на ином аспекте «американской темы» Уайльда.

Эстер предлагает уехать к ней на родину, в Америку, туда, где закон для мужчин и женщин одинаков, где людей не оценивают по их титулам, где нет предвзятого отношения к прегрешениям прошлого. Эстер прямо называется героями пуританкой, англичане отмечают ее прямоту и открытость, но стоит помнить о том, что сам Уайльд не всегда ценил эти достоинства, считая их результатом некоторой примитивности, а положительных героев недолюбливал («Хорошие люди, поскольку они принадлежат к числу обыкновенных и, следовательно, банальных, — писал он, — для искусства неинтересны»[20]). Образы американцев, созданные писателем в разных произведениях, обладают сходными качествами, это как раз их открытость, прямота, здравомыслие, отсутствие воображения, состоятельность.

Об Америке герои много разговаривали в первом действии, обсуждая и страну, и молодую гостью. Миссис Оллонби говорит, в частности, о том, что хорошие американцы после смерти отправляются в Париж, Иллингворт добавляет, что плохие американцы попадают в Америку[21], отдавая при этом предпочтение европейской цивилизации как более интересной и духовно богатой.

Неслучайно в пьесе перед нами американка, которая, кажется, как никто понимает миссис Арбетнот, Эстер оценила ее преданность сыну, многолетнее страдание, жертвенность… Однако поступки миссис Арбетнот, продиктованные долгом и совестью, для О. Уайльда тривиальны, и он «отправляет» своих героев в Америку.

Итак, пьеса «Женщина, не стоящая внимания» — многоуровневое произве-

[19] Nassaar 1974, 120–122.
[20] Уайльд 1994, 112.
[21] Уайльд 1960, 194.

дение, в котором нашли отражение и актуальные проблемы современности, и типично уайльдовская тематика. В традициях «новой драмы» автор дает нам два основных плана произведения. Первый связан с вопросом, во многом ставшим ключевым в драматургии конца XIX века, — вопросом брака, обсуждающимся драматургом и с социальной, и с нравственной сторон. Но основная смысловая нагрузка — в подтексте пьесы, где автор размышляет над проблемой женского влияния и приходит к выводу, что именно от женщины зависят ключевые решения и поступки мужчин, женщине дана власть, которой никогда не добиться противоположному полу.

Неоднозначен в пьесе образ миссис Арбетнот. С одной стороны, ее мировоззрение и поведение можно сравнить с тем, которое было представлено женскими персонажами «новой драмы», с другой — образ миссис Арбетнот выявляет отношение Уайльда к проблемам ценностных ориентиров, греха, бессмысленности самопожертвования, проблемам, которые О. Уайльд продолжает развивать и в других произведениях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Archer W. 1923: The old drama and the new. An essay in re-valuation. L., Heinemann.

Knight G Wilson. 1962: The golden labyrinth. A study of British drama. L., Phoenix.

Nassaar C. 1974: Into the Demon Universe: A Literary Exploration of Oscar Wilde. New Haven & London.

Nicoll A. 1959: A history of English drama. 1660–1900. Vol. 5. Late nineteenth century drama. 1850–1900, Cambridge.

Sloan J. 2003: Oscar Wilde. Oxford.

Stone G. 1976: Serious Bunburyism: The Logic of 'The Importance of Being Earnest' // Essays in Criticism. 1, 28–41.

Образцова А. Г. 2001: Волшебник или шут? (Театр Оскара Уайльда). СПб.

Соколянский М. Г. 1990: Оскар Уайльд: Очерк творчества. Киев; Одесса.

Тишунина Н. В. 1991: Театральный символизм У. Б. Йейтса и эстетика «новой драмы» // Драма и драматургический принцип в прозе. Л., 73–81.

Уайльд О. 1994: Из эпистолярного наследия: письма в газеты (1890–1894) // Диапазон. 2, 111–128.

Уайльд О. 1993: Избранные произведения: в 2 т. М.

Уайльд О. 1997: Письма. М.

Уайльд О. 1960: Пьесы. М.

Эллман Р. 2000: Оскар Уайльд: Биография. М.

CONFLICT AND PROBLEMS IN O. WILDE'S PLAY "A WOMAN UNWORTHY OF ATTENTION"

O. M. Valova

The article dealing with O. Wilde's comedy "A Woman Unworthy of Attention" considers his treatment of marriage, values, female influence, sin, Anglo-American contacts, and pointless self-sacrifice, defines peculiarity of the inner and outer conflict of the play.

Key words: comedy, moral and philosophical problems, conflict.

© 2010

Е. Г. Сатюкова

«ENGLISHNESS»: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ (ДЖ. ФАУЛЗ «БЫТЬ АНГЛИЧАНИНОМ, А НЕ БРИТАНЦЕМ», ДЖ. ПРИСТЛИ «АНГЛИЧАНЕ»)

Статья посвящена проблеме «английскость» на материале эссе известных английских писателей — Джона Пристли и Джона Фаулза.

Ключевые слова: Englishness (английскость), взгляд изнутри, культурный код, традиция, национальный характер.

В современных литературоведческих работах, названии сообществ специалистов, изучающих историю литературы Великобритании, все большую актуальность приобретает термин «Englishness» («английскость») и его производные[1]. Под «Englishness» принято понимать «идиосинкретические культурные нормы Англии и английского народа»[2]. «Englishness» тесным образом связана с проблемой самоиндентификации нации, попыткой вычленить английскую культуру из культуры объединенного Королевства Англии и Северной Ирландии. Основная ступень в исследовании этого комплексного понятия — взгляд изнутри, который содержится в художественных эссе известных английских писателей XX века Джона Фаулза и Джона Пристли, во многом стоявших у истоков определения «Englishness».

«Быть англичанином, а не британцем» (1964 г.) Дж. Фаулза и «Англичане» (1975 г.) Дж. Пристли пронизывает общее чувство традиции, единства восприятия понятия с точки зрения нормативного культурного кода нации. Так Дж. Пристли размышляет о лицемерии, внешней «благопристойности английских буржуа, довольных собой»[3] — традиционно используя реалистический метод (эссе «Англичане»).

Герои пьесы «Опасный поворот» («Dangerous Corner» 1932 г.) — типичные англичане, изображенные в типичных обстоятельствах. О лицемерии, холодном эгоизме англичан Дж. Пристли много пишет и в своем эссе «Англичане» (1975 г.).

И Джон Фаулз в своем творчестве также опирается на классические традиции, лучшие образцы реалистического искусства, сочетая их с самыми смелыми экспериментами. Он пишет, что «характерные черты» англичан можно найти в «самых откровенно английских документах» — сонетах Шекспира. И в этом дань традиции.

Отличие суждений по поводу толкования «Englishness» в обоих эссе связано с разностью социально-политических взглядов (Дж. Фаулз был сторонником «английского социализма», и в этом его взгляды близки позиции Б. Шоу, а Дж. Пристли — консервативен в своих политических взглядах[4], творческих методах

[1] Российская ассоциация изучения проблем англистики RAES, созданная в 1991 году.
[2] www. en.wikipedia.org / wiki / Englishness.
[3] Зарубежные писатели. Библиографический словарь 1997, 159.
[4] Библиографический словарь 1997, 157.

(Дж. Фаулза принято считать постмодернистом, Дж. Пристли — сторонником реалистического метода).

Джон Пристли сосредоточен на раскрытии психологии национального характера. Он считает, что «психология Юнга, но не Фрейда, может помочь в осознании понятия «Englishness»[5]. На страницах своего эссе Дж. Пристли прослеживает эволюцию понятия «Englishness», начиная со средних веков, эпохи Возрождения до XX века. Автор опирается в своих исследованиях на мнения иностранных послов (Джеймса Рассела, министра США в Англии), известных писателей — Генри Джеймса, Андре Моруа, Джорджа Сантаяна), путешественников — Алексиса де Токевилля, Эмерсона и др. Основываясь на мнении последних, Дж. Пристли выделяет основное качество английского национального характера как «меланхоличность». Они (зарубежные путешественники — прим. автора — Е.С.) могут заметить многие другие вещи, «начиная от высокомерия простолюдинов до уникальности Лондонского Театра. Но не это занимает их умы. Мысль, что англичане меланхоличны, угрюмы, всегда готовы к самоубийству, владеет их умами»[6] (перевод автора — Е.С.).

Дж. Пристли отмечает также следующее качество английского национального характера: лицемерие (но не лицемерие Тартюфа!), не соглашается со стереотипным утверждением о глупости англичан. Автор полагает, что они не глупы, а «different» — другие, имея в виду другую психологию и другой менталитет английского народа.

Наряду с меланхоличностью, со времен Теккерея снобизм (snobbery) (особенно в классовой системе) признается ярким проявлением английского общественного сознания. Из сложной иерархии академических снобов, интеллектуальных снобов, эстетических снобов и др. Пристли выделяет снобизм социальный как форму общего снобизма.

Другим качеством английского национального характера является присущее англичанам чувство юмора.

Чувство юмора, как отмечает Джордж Сантаяна (писатель, философ испанско-американского происхождения), является ключом к разгадке таинственного характера англичан. Последний замечает, что «Англия — это рай индивидуальности, эксцентрики, аномалий, хобби и юмора»[7]. Джон Пристли считает, что вся история английской литературы и является «раем индивидуальности, эксцентрики и ереси».

Таким образом, эссе Дж. Пристли, написанное в 1975 г., отвечает веяниям времени. Джон Пристли создает своеобразное представление об английском национальном характере, опираясь на вышедшие в это время работы психологов И. С. Кона и Юнга[8].

Его исследования дают «a clue to Englishness» (ключ к понятию «English-

[5] Priestley 1975, 4.

[6] “They may notice other things, from the insolence of the common people to the unique quality of the London Theatre, but they are dominated by the idea that the English are morose and melancholy and for ever tempted to commit suicide”. (Priestley 1975, 14.).

[7] “… England is the paradise of individuality, eccentricity, heresy, anomalies, hobbies and humorous” (Priestley 1975, 14.).

[8] Кон 1971, 207–236.

ness» — прим. автора — Е.С.). Эссе Дж. Пристли — это взгляд изнутри, раскрывающий сложное понятие «Englishness».

Другим значительным явлением в художественной эссеистике Великобритании 60–70-х гг. стало эссе Дж. Фаулза «Быть англичанином, а не британцем», включенное в сборник «Кротовые норы»[9].

Для автора эссе важно «сохранить Англию и английскую справедливость в чистоте»[10], быть англичанином, а не британцем, сторонником британской империи. Для Дж. Фаулза понятие «Englishness» — прежде всего дань традиции английского (не британского!) народа. Здесь большую роль играют социально-политические взгляды писателя. Во-первых, он противник английских консерваторов и сторонник «социальных демократов». Во-вторых, Джон Фаулз обладает «биологическим мировоззрением», трепетно относится к проблемам сохранения природы, всего живого на Земле. Отношение Фаулза к природе — это страсть к естественной природе. Его отношение к ней раскрыто в статье «Природа природы» (1995 г.) и в романе «Коллекционер», где он создает архетип всех коллекционеров живой природы и осуждает его. Как нам представляется, социально-политические симпатии писателя отражены в его взгляде изнутри на современную Англию, ее культуру и само понятие «Englishness».

Понятие «Englishness» отождествляется у Дж. Фаулза с понятием «Зеленой Англии». «Зелена Англия» имеет много составляющих. Одна из них — архетипическая концепция Справедливого Разбойника (Робин Гуда). Робин Гуд — символ Зеленой Англии. Имеет такое же значение для Зеленой Англии, как Джон Булль для Красно-бело-синей Британии. Легенда о Робин Гуде, как отмечает Дж. Фаулз, была единственной, которую знали «каждый англичанин и каждая англичанка, начиная по меньшей мере с 1400 года»[11]. Однако, Робин Гуд не стал национальным героем в XX и XXI вв., а лишь героем примитивных комиксов и детских телевизионных сериалов — ярких примеров «массовой культуры» английского общества. А мог бы, по мнению автора эссе, стать наряду с Бриттеном, Осберном и Ноланом[12].

В искусстве, по мнению Дж. Фаулза, наиболее «английскими», «неимперскими» являются «творения Хогарта и великих каракатуристов». Зеленая Англия присутствует «…у Блейка, Констебля, Бьюика, Палмера, Тернера, Сазерленда, у Нэшей и Бэкона…»[13].

Джон Фаулз считает, что творчество многих композиторов противоречиво (композитор Эдуард Элгар «разрывается» между «Британией» и «Англией», что подтверждают его воинственные, имперские марши, гимн «Правь, Британия»).

Между тем концепция Зеленой Англии очень чисто присутствует и звучит у Бенджамина Бриттена, в «Геликоне Англии» (сборник поэтических произведений эпохи Елизаветы I, опубликован в 1600 г.).

Автор эссе отмечает, что «метафорически она проявляется у Филдинга, Смол-

[9] Фаулз 1998.

[10] Фаулз 1998, 19.

[11] Фаулз 1998, 150.

[12] Осборн — английский драматург (пьеса «Оглянись в гневе»). Бриттен Бенджамин — выдающийся английский композитор, дирижер и пианист. Нолан Сидни — австралийский художник.

[13] Фаулз 1998, 157.

лета, Джейн Остен, у сестер Бронте, Лоуренса, Форстера…» и многих других писателей[14].

В современной английской литературе на смену Джону Буллю[15], персонифицирующего Англию или типичного англичанина в виде толстого, с багровым лицом, в цилиндре, высоких сапогах человека (яркий символ английского шовинизма и «англосаксонского» капитализма!), пришли литературные герои нового времени: интеллигентные, благородные герои Джейн Остен (например, мистер Дартси в «Гордости и предубеждении»), Дэвида Герберта Лоуренса, Эдуарда Моргана Форстера (критикующего закомплексованность, лицемерие и религиозное ханжество британцев в своем «Путешествии в Индию» (1924 г.)).

Примером литературного героя нового времени, как нам представляется, мог бы стать образ интеллигентного, рефлексирующего учителя Тома Крика в романе «Водоземье» современного английского писателя Грэма Свифта[16].

Роман «Водоземье» так же, как эссе Пристли и Фаулза, раскрывает суть социальной, нравственной, культурной, психологической жизни Англии. Роман принадлежит перу современного английского писателя Грэма Свифта, ставшего классиком современной английской прозы.

Водоземье — это «слепок Англии», главный герой — англичанин нового времени, рефлексирующий, наделенный пытливым умом. Именно такой герой является теперь персонификацией Англии. Том Крик приходит на смену Джону Буллю. В этом романе обыкновенный школьный учитель призывает своих учеников изучать прошлое и работать ради будущего, а не ради реализации «грандиозных идей». Человеческая цивилизация хрупка, и мы должны лелеять и сохранять ее.

Роман «Водоземье» помогает русским читателям понять современную Англию. Как справедливо отмечает Карен Хьюитт (автор «Комментарий» по роману Г. Свифта «Водоземье»), «… читая «Водоземье», вы больше узнаете об Англии и об английском национальном характере, чем изучая списки любимых английских городов, любимых кулинарных блюд англичан, их популярные праздники и т. д.»[17].

К сожалению, некоторые иностранцы рассматривают англичан «как старых, резонерствующих и лживых людей», не замечая достижений английской нации в искусстве, особенно в поэзии.

Джон Фаулз выделяет такие положительные качества английского характера как богатство воображения, чувство юмора, меланхоличность, холерический темперамент, сентиментальность и многие другие черты. Таким образом, для Дж. Фаулза понятие «Englishness» — прежде всего дань традиции английского (а не британского!) народа.

Результаты анализа черт английского национального характера, отмеченных в двух эссе, нашли отражение в нижеследующей таблице.

---

[14] Там же.

[15] «История Джона Булля» (1727) автор Джон Абетнот (1667–1735).

[16] Свифт 1999.

[17] Хьюитт 1999, 9.

Пристли	Фаулз
Меланхоличность	Богатство воображения
Лицемерие	2. Чувство юмора
Глупость	3. Меланхоличность
Снобизм (snobbery) — особенно социальный — форма общего снобизма	4. Холерический темперамент
Чувство юмора	5. Чувство горечи
Эксцентричность, тяга к аномалиям и ереси	6. Сентиментальность
Любовь к уединению	7. Собственный инстинкт
	Искренность
	Чрезмерная и осложненная сексуальность
	Любовь к уединению

Общие качества английского национального характера выделены в таблице.

Как видно из таблицы, при разности оценки «Englishness» обоими писателями, можно выделить общие качества английского национального характера, признаваемые Дж. Фаулзом и Дж. Пристли в качестве нормативных при определении образа «Englishness».

БИБЛИОГРАФИЯ

Зарубежные писатели. 1997: Библиографический словарь. М.

Пристли Джон. 1975: The English. Penguin Books. Harmonds worth.

Свифт Грэм. 1999: Водоземье. Perspective Publications Ltd.

Хьюитт Карен. 1999: Предисловие к роману Г. Свифта «Водоземье». Perspective Publications Ltd.

AN INSIDE VIEW ON ENGLISHNESS (J. FOWLS, J. PRIESTLY)

Ye. G. Satyukova

The article is devoted to the problem of Englishness. Based on the essays of the prominent English writers — John Priestley and John Fowles.

Key words: Englishness, an inside view, culture code, tradition, national character.

© 2010

В. В. Осадчая

БУРЛЕСКНЫЙ СТИЛЬ В КОМЕДИЯХ П. СКАРРОНА

История бурлеска во Франции неотделима от имени П. Скаррона — этот поэт, драматург и романист считается на родине классицизма символом французского бурлеска. Он первым из своих современников вывел бурлескных персонажей на театральную сцену. Исследование пьес показывает, что комическая линия комедий начального этапа драматического творчества Скаррона действительно выдерживается в бурлескном стиле, хотя полностью им не ограничивается. Драматург выстраивает комизм своих пьес в соответствии с основополагающим диссонансным принципом бурлеска, т. е. ведет игру на контрастах: между главными героями, их поведением и, особенно, их речевой манерой. Вследствие использования таких приемов, тексты его комедий содержат разнообразные повторы, различного рода громоздкие перечисления, алогичные тирады, абсурдные неологизмы, грубые слова и выражения, карикатурное сближение прямого и переносного смысла сравнений и метафор, что являлось характерными чертами бурлескного стиля и призвано было комически контрастировать с элементами романической линии комедии.

Ключевые слова: П. Скаррон — комедия XVII в., бурлескный стиль.

Как известно, бурлеск, связанный с именем итальянского поэта Ф. Берни, появился в XVI в. как форма жанровой поэзии, однако «впоследствии был осмыслен как стиль, не имеющий принадлежности к определенному роду, а потому одинаково пригодный для эпоса, лирики и драмы, для стихов и прозы»[1].

История бурлеска во Франции неотделима от имени П. Скаррона — этот поэт, драматург и романист считается на родине классицизма символом французского бурлеска и его моделью, до высот которой никто из его соотечественников так и не сумел подняться. Скаррон-драматург в истории французского театра навсегда останется «главным ответственным за шумный прорыв бурлеска в комедию» и «главой всего направления»[2]. Вместе с тем, анализ стиля его пьес показывает, что в драматургии он прибегает к «бурлеску не так последовательно», как в других жанрах[3]. Лишь 4 из 9 его комедий, написанных в подражание испанцам, могут быть названы бурлескными: «Жодле или Хозяин-слуга», «Жодле-дуэлянт», «Нелепый наследник или Корыстолюбивая девица» и «Дон Яфет Армянский». Еще две пьесы, «Сам у себя под стражей» и «Комический маркиз или Наспех произведенная графиня», содержат некоторые элементы бурлескного стиля (хотя в значительно меньшей мере, чем первые комедии автора), однако знаменуют собой скорее возвращение Скаррона к жанру трагикомедии.

Основным эстетическим принципом бурлеска является несоответствие и расхождение: между формой и содержанием, персонажем и его языком. Такие несоответствия достигаются путем смешения возвышенного с низким: либо при

[1] Николюкин (ред.) 2001, стб. 103.
[2] Lerat 1980, 550.
[3] Guichemerre 1972, 287.

разработке «высокой» темы подчеркнуто низким языком, либо «низкой» темы возвышенным. В основу определения бурлеска французский исследователь Ф. Бар положил стилистические и лексические критерии, которые, по его мнению, являются единственно объективными проявлениями этого расплывчатого понятия, в котором «… смешиваются все стили и сталкиваются разные средства выражения»[4]. Другими словами, бурлеск, ломая устоявшуюся иерархию стилей, включает в себя смесь самых разнообразных средств, способных нарушить единство тона, ошеломить, поразить неожиданными диссонансами и контрастами, которые в конечном итоге преследуют одну единственную цель — вызвать смех. По меткому выражению того же Ф. Бара бурлеск можно называть «вербальной мозаикой»[5].

В силу такой пестроты отношение к бурлеску часто было негативным. Отсутствие правил оборачивалось вседозволенностью и безвкусицей, нарушением приличий и норм, излишней грубостью, связанной со злоупотреблениями «низовой» лексикой и «низкими» реалиями, т.к. достижение поставленной цели (рассмешить) легче всего достигается пренебрежением существующих в обществе гласных и негласных табу, как поведенческих, так и речевых. Скаррон, как признанный мастер бурлеска, не однажды удостаивался как слов похвалы, так и становился объектом резкой критики. В сатире на бурлеск одного из своих современников Скаррон называется «развратителем умов», откровенным «злом» и настоящим «бедствием» Франции, а любители бурлеска «слабоумными» и «идиотами», которые с восторгом читают то, что годится лишь «для растопки печи», да чтобы «подтереться в нужнике»[6]. П. Морилло очень точно сформулировал такую оценку: «Цель бурлескного автора — принизить все возвышенное, опошлить все благородное, осквернить самые прекрасные чувства, втоптать в грязь самые высокие идеи, уничтожить идеалы ради крупицы сомнительного веселья»[7]. Фр.-П. Гизо, со своей стороны, вынес суровый приговор комедиям Скаррона, назвав их «ничтожными произведениями» (ouvrages malheureux) и «гнусными карикатурами» (ignobles caricatures), охарактеризовав всю драматургию Скаррона как «предел пошлости» (excès de platitude), что явно несправедливо. К тому же критика Гизо выглядит несколько непоследовательно, т.к. на страницах того же очерка он сам отмечает оригинальность комического в бурлескных произведениях Скаррона, сравнивая его с Рабле, и находит некоторые эпизоды достойными внимания благодаря «действительно неподдельной веселости»[8]. В этом, вероятно, и кроется секрет успеха бурлескных произведений Скаррона: несмотря на очевидную грубость некоторых пассажей, он, в отличие от многих своих последователей, никогда не переходил грань пристойности (приведенная выше сатира передает возмущение автора скорее вольным обращением Скаррона с шедеврами классической литературы, отсутствием у него должного уважения к авторитетам, на недостатки которых осмелился указать поэт). При этом Скаррон, по признанию исследователей его творчества, был настоящим мастером языка и талантливым поэтом, ино-

[4] Bar 1960, 361.
[5] Bar 1960, XXXII.
[6] Anonyme 1651, 3–7.
[7] Morillot 1888, 140.
[8] Guizot 1852, 469, 459, 473.

гда поднимающимся до высот абсолютных величин: П. Корнеля[9], Ж. Расина[10], В. Гюго[11]. Они отмечают у него оригинальность идей и формы их воплощения, а также особенную подкупающую наивность, присущую его стилю, вследствие чего, по выражению Жеризе, бурлеск Скаррона — это «скорее шалости остроумия, чем извращенность вкуса»[12], это игра со словом, с образами.

Для Скаррона неотъемлемой частью такого остроумия выступает, прежде всего, фантазийное словоупотребление. Основные приемы этой языковой игры, распространенной еще в средневековых фарсах и подхваченной затем бурлескными авторами, выделил в своем исследовании Р. Гарапон[13]. Изучение стиля комедий Скаррона показывает, что комическое в них часто создается за счет повторов (одного слова, реплики или даже целой фразы), например, в полемике между Жодле и доном Хуаном в «Жодле или хозяин-слуга» [I, 3] или в «Смешном маркизе» в каждой сцене между доном Блезом Полем и Карманьолем. Также распространены различного рода перечисления и нагромождения однородных членов, например, в кулинарных тирадах Жодле («Жодле или хозяин-слуга» [I, 3]) или Филипена («Сам у себя под стражей» [IV, 9]). Нередко комический эффект создается, когда герой путается в словах, теряет логику в рассказе, увязает в настоящей галиматье, например, в сценах признания в любви («Жодле или хозяин-слуга» [III, 7] или «Нелепый наследник» [III, 3]), в изложении деталей судебной тяжбы («Нелепый наследник» [III, 3]). Одним из любимых приемов Скаррона можно назвать выдумывание новых слов, мало заботящееся о регулирующих обогащение лексического словаря традиционных правилах, которые выработаны и приняты в языке. Скаррон был настоящим мастером неологизма. Один только «Дон Яфет Армянский» наглядно свидетельствует о том, какое распространение имел этот прием в комедиях Скаррона:

Depuis que dans l’état on s’est emmarquisé,
On trouve à chaque pas un marquis supposé [III, 4][14]
С тех пор как *обмаркизились* все в государстве,
Куда не кинь, повсюду мнимые маркизы.
Si je n’étais chrétien, commandeur effronté,
Je t’aurais *dépaulé, décuissé, détêté* [V, 6]
Не будь я христианином, дерзкий командор,
Я приказал бы тебя *обезручить, обезножить, обезглавить*.

Это далеко не полный список таких слов в этой пьесе. При этом в приведенных примерах хорошо виден главный недостаток, предъявляемый комедиям Скаррона многими критиками, — отсутствие мысли, определенной цели и глубины. Показателен в этом отношении пример из комедии Мольера «Тартюф», где Дорина в споре с Марианной, пытаясь заставить последнюю бороться за свою любовь, вместо того, чтобы покориться воле отца, произносит слово, образованное от имени главного персонажа:

... vous serez, ma foi, tartuffiée [II, 3] … вы обтартюфитесь с головы до ног.

[9] Fournel 1862, 255.
[10] Adam 1954, 350.
[11] Vier 1959, 226.
[12] Géruzez 1861, 151.
[13] Garapon 1957.
[14] Все цитаты из пьес даны по изданию: Scarron 1879.

Всего один суффикс придал слову исключительную выразительность, отразив целую гамму чувств: презрение, негодование, отвращение, ужас… Этот пример — яркое свидетельство того, что при взвешенном подходе несерьезный или даже поверхностный, на первый взгляд, прием может стать удачной находкой. Скаррон же скорее отдавал предпочтение внешней эффектности, звучности, ненавязчивому, легкому комизму.

В поисках создания такого комического эффекта, а также в полном соответствии с контрастным принципом бурлеска, Скаррон вводил в комедию просторечные, часто грубые слова и выражения, которые не потерпели бы в высшем обществе. Однако они употреблялись только в речи гротескных персонажей и, таким образом, речь этих действующих лиц резко контрастировала с изысканным слогом благородных героев, что и должно было смешить публику XVII в. Например, Филипен в шутовском образе дона Педро в «Нелепом наследнике» не стесняется произносить вслух даже просто неприличные слова: чертова служанка / проклятая служанка (putain de servante), дерьмо гусиное (merde d'oison), пинок под зад (pied au cul), брюхатая (ventrue), вонять (puer) и пр. Дон Яфет, облитый из ночного горшка дуэньей своей возлюбленной, обращается к женщине с такими словами: «Tu m'as tout compissé, pisseuse abominable !» [IV, 6] — «Ты всего меня обмочила, мерзкая зассыха!».

Кульминации такая грубость достигает в потоках брани, которой разражаются некоторые персонажи комедий Скаррона. Проведенные исследования показывают, что тирады, включающие в себя целые нагромождения такой изощренной ругани, встречаются во многих комедиях 1640–1660 гг., что не было новаторством во французском театре, т.к. в подобных лавинах ругательств особенное удовольствие находили еще зрители средневековых фарсов[15]. Вот одна из таких инвективных тирад в «Жодле или хозяин-слуга», в которой Жодле обрушивается на Беатрису:

Ah, louve ! ah, porque ! ah, chienne! ah, braque! ah, loup-garou!	Ах, волчица! Ах, свинья! Ах, сука! Ах, легавый ты кобель! Ах, оборотень!
Puisses-tu te briser bras, main, pied, chef, cul, cou !	Чтоб ты сломала себе руку, кисть и ногу, башку свернула, шею, зад!
Que toujours quelque chien contre ta jupe pisse,	Чтоб на твою мочился юбку каждый кобель,
Qu'avec ses trois gosiers Cerbérus t'engloutisse,	Чтоб в три хайла Цербер тебя сожрал,
Le grand chien Cerbérus, Cerbérus le grand chien,	Огромный пес Цербер, Цербер огромный пес,
Plus beau que toi cent fois, et plus homme de bien [III, 7]	Что красивей тебе подобных в сотню раз, а уж порядочней того поболе.

Очевиден принцип такого приема: как можно больше грубых слов, вульгарность которых призвана оглушить, даже шокировать, и объекта оскорблений,

[15] Garapon 1957, 215; Guichemerre 1972, 328.

и слушателя. При этом в потоке таких ругательств чаще всего теряется смысловая нить, поэтому автор может сочинять все, что угодно. В приведенном отрывке в первой строфе Жодле начинает уподобление служанки животным с ее сравнения с волчицей и, перечислив немало самого разного зверья, заканчивает словом «оборотень», возвращаясь, по сути, к тому, с чего начал. Таким образом, весь остальной анималистический ряд сразу становится бесполезным: не стоило труда тратить на это красноречие столько усилий. Кроме того, Жодле смешивает пол животных, которым уподобляет досадившую ему служанку («сука», «кобель»). Далее, перечисляя части тела, которые должны подвергнуться переломам, Жодле упоминает «зад», что, с медицинской точки зрения и анатомии человека, невозможно. Скорее всего, присутствие этого слова в данном ряду обусловлено, с одной стороны, желанием бросить табуированное слово, чтобы потешить публику. С другой стороны, т. к. слово «cul» (зад) является паронимом к слову «cou» (шея), которые в этой строчке стоят рядом, Скаррон получает возможность «украсить» тираду парономазом, подчеркивающим масштаб желаемых Жодле увечий (т.е. переломы с головы до ног). В предпоследней строфе, уже, видимо, теряя запал, Жодле просто повторяет два раза одно и то же, правда, зеркально отображая синтаксическую конструкцию. Также можно отметить финальную невероятную гиперболу, в которой Цербер, злобный страж у ворот ада, вдруг предстает в глазах зрителя почти праведником. Справедливость требует отметить, что подобных тирад, как и откровенных грубостей, в комедиях Скаррона очень мало: бурлескная игра на диссонансах чаще ведется в них более оригинальными приемами.

Так, в скарроновских пьесах есть немало эпизодов, где об обыденных вещах говорится возвышенным языком. Нельзя не отметить, что такой бурлеск выглядит тоньше и изящнее:

В «Жодле-дуэлянте» Альфонс предлагает дону Диего подарить Люсии его карету «…puisque ce Soleil n'a point de Phaëton» [II, 7] — «потому что у этого солнца нет никакого фаэтона»;

Фукараль в «Доне Яфете Армянском», описывая бой хозяина с быком на корриде, который закончился полным фиаско и позором для «потомка Ноя», да так, что даже бык его «пнул презрительно копытом», а публика кричала «проваливай» (nescio vos), скромно называет подвиги шута «грустным успехом» (triste succès) и награждает дона Яфета восторженными эпитетами: vaillant comme un Cid «храбрый как Сид», le vaillant champion «доблестный победитель», le brave Japhet «бравый Яфет» [V, 5].

Комизм, построенный на контрасте, также может рождаться вследствие наглости и бесцеремонности шутовского персонажа, оказавшегося в более изысканном обществе. Такой герой, даже не употребляя грубых слов, становится смешным уже потому, что резко контрастирует с окружением своей обескураживающей манерой поведения, своеобразной непосредственностью, которую нередко можно расценивать как нахальство. Так, в «Жодле или хозяин-слуга» Жодле, переодетый доном Хуаном, в сцене знакомства со своей невестой Изабеллой, грубо отталкивает дона Фернана и протискивается между отцом и дочерью, сопровождая действие такими словами:

Ne puis-je point de face, ou du moins de profil,
Vous guigner un moment, ô charmante Isabelle ?
De grâce, don Fernand, que l'on m'approche d'elle ;
Çà du moins qu'on m'en montre ou jambe, ou bras, ou main [II, 7]

Нельзя ли мне в лицо или хотя бы в профиль
Одним глазком взглянуть на вас, о, несравненная Изабелла?
А ну-ка, дон Фернан, подвиньтесь, дайте мне дорогу,
Пусть мне она покажет пальчик, ручку, ногу.

Выразительности этой развязной манере речи добавляет заключительный анатомический пассаж, в котором он перечисляет части тела девушки. Как будто задавшись целью не дать хозяевам прийти в себя от подобных дерзостей, далее он интересуется у хозяев, есть ли у них «ухоковырялка», потому как свою он сломал накануне, ковыряясь в зубах.

В «Нелепом наследнике» слуга Филипен, также переодетый в благородного человека, засыпает Елену сомнительными комплиментами, которые многих женщин повергнут в растерянность:

Vos yeux m'ont inspiré de certains sentiments
Qui sont fort opposés aux saints commandements.

Глаза ваши внушают мне чувства,
Весьма далекие от святых заповедей.

Madame, fermez-les, fermez-les, ces paupières,
Ces assassins qui font enfler les cimetières [III, 3]

Мадам, сомкните же, сомкните ваши веки,
Чтоб скрыть этих убийц, что пополняют кладбища.

В этих словах он явно подражает галантному стилю, где глаза красавиц «ранят» и «сражают наповал» влюбленных в них кавалеров. Чуть ниже, прекращая разговор о любовных глупостях, он произносит неуместную в разговоре с девушкой и довольно бестактную фразу: «Сколько же у нас с вами будет детей, если вы конечно не бесплодны».

Многочисленные примеры свидетельствуют о том многообразии комических эффектов, которые Скаррон извлекал из использования метафор и сравнений, в основе которых лежит причудливый, неожиданный, озадачивающий или вовсе нелепый образ. Скаррон широко применял в своих произведениях этот прием, а также нередко играл на комизме, рождаемом конкретизацией, своеобразной материализацией переносного смысла метафоры. Например, в «Нелепом наследнике» Филипен в образе дона Педро де Буффалос, обращаясь с комплиментами к Елене, говорит буквально следующее:

Ah ! petite civette ! Ah ! chatte ! Ah ! petit chien !
Petit chien : ce mot-là pour femme est ridicule ;
Ah ! pardon ! Je voulais vous nommer canicule… [III, 3]

Ах, циветочка! кошечка! щеночек!
Щенок: право, слово это для женщины смешно;
Простите! Я хотел назвать вас псинкой…

Здесь насмешка основана на свойственной влюбленным манере ласково называть друг друга именами вызывающих умиление животных (зайка, цыпочка, ко-

тенок, и т. д.) Однако не каждой женщине польстит сравнение с дикой хищницей и собакой. Во второй строфе Скаррон сам подчеркивает насмешливый, издевательский характер метафоры, который усиливается последующим извинением за неудачно выбранный образ, после чего следует еще менее льстящее самолюбию девушки слово.

Дон Яфет, желая выразить муки любви и ревности при виде слуги, взявшего за руку его возлюбленную Леонору, запевает песню, в которую вставляет сомнительное для достоинства мужчины сравнение с грызуном:

Hélas ! l'amour m'a pris
Comme le chat fait la souris [III, 7]

Увы! попался я в любви ловушку
Как мышь в кошачьи лапы.

В «Сам у себя под стражей» Филипен, пытаясь придать торжественность своему надгробному слову, превращает свою речь в фарс, а его невежество выливается в цепочку странных бессвязных сравнений, причудливость которых подчеркивается аллитерацией и ассонансом:

Chacun dit qu'il est mort comme feu Pharaon
Ou comme Phaëton, ou comme fanfaron
Enfin, comme un des 3... [I, 4]

Любой скажет, что умер он как покойный Фараон,
Или как Фаэтон, ну, или как фанфарон,
Ну, в общем, как один из этих трех.

В «Нелепом наследнике» в своей серенаде Филипен поет Елене:

Montre-toi, vénérable comète,
En cornette [IV, 5]

Покажись, почтенная комета,
В чепчике.

В этом любовном шедевре Филипен сравнивает девушку не просто со звездой (что является в порядке вещей в галантном языке), а с кометой, т. е. употребляет слово, которое в древнегреческом языке имело значение «волосатый, косматый». Но он не останавливается в своей безудержной фантазии, надевая на это *небесное тело* женский головной убор, и доводя, таким образом, всю фразу до полного абсурда.

Тот же Филипен, воспевая безграничную власть обжигающих взглядов Елены над его бедным сердцем, восклицает:

Mitigez-les, madame, ou s'en faudra bien peu
Si vous continuez, que je ne crie au feu.

Умерьте их пыл, мадам, иначе, если вы продолжите в том же духе,
Нужно будет лишь самую малость, чтобы я закричал: Подгораю!

Me voilà tantôt cuit, quoique aussi dure que roche,

En donnant seulement encore un tour de broche [III, 3]

Еще чуть-чуть и я буду хорошо прожарен, но я стану жестким как скала,
Если вы сделаете хотя бы еще один оборот вертела.

Пытаясь изъясняться возвышенным слогом, этот гротескный герой увязает в нелепой кулинарной метафоре, представляя себя куском мяса, превращающимся в жаркое от взгляда пылких глаз любимой. Его попытка воспользоваться готовым клише галантного стиля (взор — огонь) терпит неудачу, на которую она изначально и была обречена: как слуга он очень далек от тонкостей отвлеченных мыслей и раздумий, т. к. его жизненный опыт основан не на абстракциях, а на со-

вершенно «земном» существовании. Так, говоря об «огне страстей» он неизбежно представляет (или подсознательно помнит) огонь очага, т. к. в его обязанности входит растопка печи для нужд кухни или обогрева дома хозяина. При этом он острее чувствует опасности, таящиеся в огне, потому что, наверное, не раз обжигался, и не в переносном смысле, а очень больно.

Карикатурное изображение «пламени» любви, снедающего влюбленного, дано в «Смешном маркизе», где дон Блез покидает свою комнату под тем предлогом, что:

Mes amoureux soupirs en ont échauffé l'air
Et pourraient à la fin moi-même m'y brûler [II, 2]

Мои любовные вздохи распалили в ней воздух
И оставаясь там, я мог бы сам себя, в конце концов, спалить.

Также в галантном языке любимая неизменно сравнивается с ослепительным солнцем, ее глаза — со звездами. Сближая переносный и прямой смыслы этих метафор, автор лишает тем самым образ поэтичности, приземляет его. Например, в «Нелепом наследнике» Филипен, прибывший в дом Елены под именем дона де Буффалос, восклицает:

Que dites-vous de moi, d'oser sans parasol
Visiter un soleil ? C'est un act de fol [III, 3]

Что скажете вы обо мне, посмевшем без зонта
Явиться в солнца дом? Несомненно, это поступок безумца.

Проведенное стилистическое исследование пьес Скаррона, созданных по образцу испанской комедии, показывает, что их комическая линия в значительной мере выдерживалась в бурлескном стиле, хотя, заметим, им не ограничивалась. В своих комедиях (особенно комедиях первого этапа драматургического творчества) Скаррон выстраивал комизм пьесы в соответствии с основополагающим диссонансным принципом бурлеска. Он играл на контрастах: между главными героями, их поведением и, особенно, их речевой манерой. Вследствие использования таких приемов, тексты его комедий содержат разнообразные повторы, различного рода громоздкие перечисления, алогичные тирады, абсурдные неологизмы, грубые слова и выражения, карикатурное сближение прямого и переносного смысла сравнений и метафор, что являлось характерными чертами бурлескного стиля и призвано было комически контрастировать с элементами романической линии комедии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Николюкин А. Н. (ред.) 2001: Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.

Adam A. 1954: Histoire de la littérature française au XVII siècle. Paris.

Anonyme 1651: Satyre contre les Vers Burlesques du Sr Scarron. Adresse URL: http://gallica.bnf.fr (consulté le 15 octobre 2009).

Bar F. 1960: Le genre burlesque en France au XVIIe siècle : Etude de style. Paris.

Fournel V. 1862: La littérature indépendante et les écrivains oubliés : essais de critique et d'érudition sur le XVII-e siècle. Paris.

Garapon R. 1957: La fantaisie verbale et le comique dans le théâtre français: Du Moyen Age à la fin du XVII-e siècle. Paris.

Géruzez E. 1861: Histoire de la littérature française. T. 2. Paris. Adresse URL: http://gallica.bnf.fr (consulté le 27 octobre 2009).

Guichemerre R. 1972: La comédie avant Molière : 1640–1660. Paris.

Guizot Fr.-P. 1852: Scarron // Corneille et son temps: Etude littéraire / Fr.-P. Guizot. Paris, 407–473.

Lerat P. 1980: Le ridicule et son expression dans les comédies françaises de Scarron à Molière. Lille.

Morillot P. 1888: Scarron et le genre burlesque. Paris.

Scarron P. 1879: Théâtre complet. Paris.

Vier J. 1959: Histoire de la littérature française. Paris.

BURLESQUE IN P. SCARRON'S COMEDIES

V. V. Osadchaya

The history of French burlesque is closely associated with P. Scarron, a poet, a playwright, and a novel writer. France, the cradle of classicism, regarded him as a symbol of French burlesque. He was the first among his contemporaries to put burlesque characters on the stage. The study of his plays shows that the comic of Scarron's earlier comedies is in a burlesque style, though it was not the only style the author resorted to. He builds up the comic of his plays in accordance with dissonance, the main burlesque principle, i.e. he plays with the contrast between principal characters, their behavior, and especially their speech style. As a result of such devices his comedies contain different repetitions, verbose citations, illogical tirades, absurd neologisms, vulgar words and expressions, comic clash between direct and figurative meanings of similes and metaphors. All of these represented typical features of a burlesque style and called forth a comic contrast with a romantic line of the comedy.

Key words: P. Scarron , comedy of the 17th c., burlesque style.

© 2010

Т. Е. Абрамзон

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЫ *СЫН(-Ы) ОТЕЧЕСТВА* (К ВОПРОСУ О ДИАЛОГЕ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В РОССИИ XVIII ВЕКА)

Статья посвящена генезису и эволюции историко-культурной формулы «Сыны Отечества». Смысловая проработка формулы «Сыны Отечества» в различного вида «слове» (дискурсах) демонстрирует процесс самоидентификации передовыми людьми благородного сословия. В парадигме «родственных» взаимоотношений власти и подданных, заданной законодательными актами и освоенной торжественной риторикой в эпоху Петра I, в первой половине XVIII века центральное положение занимала фигура правителя — «Отца Отечества» или «Матери Отечества». Переломным моментом стал год 1762, когда «прямые сыны Отечества» определили судьбу российского престола, а Екатерина II на всю Россию объявила и признала их «желание» единственным «легитимным» основанием для восшествия на трон.

Ключевые слова: Манифесты XVIII века, историко-культурные формулы, парадигма, художественный метод.

Историко-культурные формулы как универсалии культуры, как способ коллективного мышления и его перевод в устойчивые словесные образы обладают различным смыслопорождающим потенциалом, степенью востребованности в те или иные эпохи и длительностью «жизни». В культурном обиходе эти языковые (и мыслительные) конструкты выполняют несколько функций. Во-первых, репрезентативную: они замещают собой целые комплексы значений. Во-вторых, познавательно-идентификационную: через их осмысление и наполнение новым содержанием происходит самопознание социума. В-третьих, стабилизирующую: эти формулы — ментальные маркеры — способствуют формированию национального единства. Одна из таких знаковых для русской культуры Нового времени формул — «*Сыны Отечества*», не теряющая актуальности в патриотическом дискурсе уже более двухсот лет.

Традиционно эта формула закреплена за двумя историко-культурными явлениями. В историческом дискурсе она связана с Отечественной войной 1812 года, с победой русских воинов над Наполеоном, с героическим ореолом российских солдат, с национальной гордостью и т. п.; в литературном — с романтизмом как формирующимся художественным методом.

Эти два слова император Александр I адресовал русскому народу в манифесте «О начатии войны с французами» от 16 ноября 1806 г.: «Россиянам, обыкшим любить славу Отечества и всем ему жертвовать, нет нужды изъяснять, сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимой. <…> Наконец, Мы удостоверены, что все *сыны Отечества* (здесь и далее курсив мой. — Т.А.), полагаясь на помощь Божию, на храбрость Наших войск, на известную опытность их предводителя, не пощадят ни жертв, ни усилий, каких любовь к Отечеству

и безопасность потребовать могут» (ПСЗ. 1830, 29, 865–866). Это же «имя» для русских воинов Александр I использует в указе о пожаловании наградной медали «В память отечественной войны 1812 года» (5 февраля 1813 года): «Воины! <…> вы кровию своею спасли Отечество от многих совокупившихся против него народов и Царств. <…> Вы по справедливости можете гордиться сим знаком. Он являет в вас благословляемых Богом *истинных сынов Отечества*. <…>»[1]. С одноименным названием — «*Сын Отечества*» — в Санкт — Петербурге с октября 1812 года начинает издаваться Н. И. Гречем общественно-политический и литературный журнал, созданный «ради помещения реляций и частных известий из армии для опровержения вредных толков насчет хода происшествий»[2]. Сотрудниками журнала становятся настоящие «сыны отечества»: Ф. Глинка, Вяземский, Пушкин, А. и Н. Бестужевы, Рылеев, Сомов, Н. Муравьев, Баратынский, Катенин, Плетнев и др. Интересно, как Греч нашел название для своего журнала. Судя по его воспоминаниям, произошло это спонтанно: вопрос С. С. Уварова «Как бы назвать журнал?» вызвал в его памяти слова из письма брата, служившего в армии: «Умру — но умру как истинный сын отечества!»[3].

Эта формула звучит не только в официальных документах и периодических изданиях того времени, но и в исповедальном и художественном дискурсах.

Один из знаменитых участников сражений с наполеоновской армией в своем дневнике определяет отношения между Россией и ее гражданами следующим образом: в 1812 году «туча бедствий налегла на *отечество*, и *каждый сын его* обязан был платить ему наличными сведениями и способностями» [4].

«*Сыны Отечества*» — защитники Родины от внешнего врага, готовые отдать жизнь за Россию. Проникнутые военно-патриотическим пафосом, эти слова становятся и поэтической формулой в лирике военных лет[5]. Ср., например, обращение в стихотворении «К российскому дворянству» (1812) Ф. Ф. Иванова:

Сыны отечества избранны!
Се вашей славы час приспел <…>[6].

или в «Военной песни, написанной во время приближения неприятеля к смоленской губернии» (1812) Ф. Н. Глинки:

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны <…>[7].

На непродолжительное время власть и подданные совпали в своем понимании и определении событий: торжественно-патриотическая формула отвечала и духу монарших воззваний, и духу индивидуальных поэтических высказываний, создавая чувство национального единения. В скором времени понимание «сыновнего долга» подданных вновь станет различным.

Патриотическая интенция перерождается в русском гражданском роман-

[1] Русский инвалид 1813, 8, 41–42.
[2] http://www.museum.ru/museum/1812/Library/sitin/contents5.html
[3] Греч 1990, 183–185.
[4] http://www.museum.ru/museum/1812/Library/sitin/contents5.html.
[5] Военные гимны и песни К. Рылеева, Ф. Глинки, В Раевского и др.
[6] Русская поэзия 1801–1812, 1989, 332.
[7] Русская поэзия 1801–1812, 1989, 332. См. также Примечания к «Опытам двух трагических явлений» Ф. Глинки: «Один из верных сынов покоренного тираном отечества увещевает сограждан своих <…> к поднятию оружия против насильственной власти» (Сын Отечества 1818, 49, 40, 74).

тизме в пафос свободолюбия, а «*сыны отечества*» — в борцов против тирании внутренней, российской[8] Рылеев в «Думах» рассуждает о том, кто есть «верный сын Отчизны» («Не тот отчизны верный сын» etc.). Формула «*сыны отечества*» вошла в лексикон гражданской поэзии наряду с другими понятиями, такими как «тираны», «рабы», «герой», «оковы», «слава»[9].

В военно-патриотических стихах и в декабристской поэзии оказались актуализированы два значения формулы: защитников отечества от чужеземцев и защитников отечества от «домашней» тирании и крепостничества (ср., например, название тайного общества — «Союз спасения, или Общество *истинных* и *верных сынов Отечества*»). При этом второе значение явилось логическим развитием первого. Однако если первое наполнение формулы («сыны отечества» как освободители от оккупантов) не только устраивало власть имущих, но и было им необходимо, то второе («сыны отечества» как освободители собственного народа) — угрожало основам власти, и потому должно было быть истреблено (что и произойдет после декабрьского восстания в эпоху николаевской реакции).

Истоки военно-патриотического и гражданского поэтического лексикона 1810–1820-х гг. исследователи романтизма видят в просветительском классицизме: «Языковая стихия одической лирики XVIII в. дала средства выражения для вольнолюбивого патриотизма декабристов: высокий слог с его обязательными славянизмами и «библеизмами» проникает в терминологию политической поэзии»[10]. Верный по своей сути тезис нуждается в пояснениях, в частности в выявлении генезиса формулы «*сыны Отечества*».

Свое происхождение она ведет из века XVIII. На наш взгляд, именно история появления и наполнения различными смыслами этого определения ярко иллюстрирует процесс взаимодействия власти и подданных, официальной законодательной практики и художественного осмысления действительности.

Именование подданных в официальных документах (указах, манифестах), издаваемых властью, задает рамки самовосприятия дворянства, формирования самосознания российской элиты, ее самоидентификации по отношению к власти, к России, к миру. В свою очередь искусство (прежде всего официальное: торжественные оды, иллюминации, празднества) художественно осмысляет эти отношения, проводя аналогии и разворачивая сухие юридические формулы в поэтические образы.

Логично было бы предположить, что формула «*Сыны Отечества*» появляется одновременно с принятием Петром I в 1721 году одного из трех официальных титулов, а именно «*Отец Отечества*» (эквивалент латинского *pater patriae)*. Титул, в котором с помощью тавтологии дважды подчеркнуто «отцовство»[11], задавал парадигму «кровно-родственных» отношений между монархом и его подданными: монарх-«отец» подразумевает наличие подданных-«сынов». Правда, в официально-законодательном дискурсе этого не происходит.

---

[8] См. поэзию и прозу К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, П. А. Катенина, А. А. Бестужева, А. И. Одоевского, В. Ф. Раевского, Ф. Н. Глинки и др.

[9] Гуковский 1965, 209–211.

[10] История русской литературы 2, 1981, 261.

[11] Ломоносову удастся в Оде 1741 года утроить значение «отцовство», назвав отца Ивана Антоновича принца Антону-Ульриха, так — «Отца Отечества Отец» (Ломоносов 8, 1959, 51).

Власть не осознавала подданных «*сынами отечества*» и адресовала бóльшую часть манифестов «многочисленным народам Всероссийской Империи», «верным и послушным подданным» либо конкретным «различным состояниям», таким как «верноподданное Нам Дворянство», «служащие в войсках Наших», «купечество», «цеховые», «помещичьи крестьяне», «крестьяне казенного ведомства» и др.[12]. Закономерно, что юридический язык ориентирован на использование не образных выражений, но точных терминологических определений.

Однако сближение юридического и художественного дискурсов происходит уже при Петре — благодаря таланту Феофана Прокоповича. В «Слове на погребение всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого» (1725) первый российский император назван истинным «отцом отечества», а подданные — «добрыми российскими сыновьями»: «Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший *прямый сый отечествия своего отец*, которому по его достоинству, добрии *россйстии сынове* бессмертну быть желали <…>»[13] В заключение «Слова» Феофан обращается к дворянам: «Вы же, благороднейшее сословие, *всякого чина и сана сынове россйстии*, верностью и повиновением утешайте государыню и матерь вашу <…>»[14]. Императив, обращенный к дворянам, представляет собой вариант последних слов манифеста о кончине Петра I и о вступлении на престол Екатерины I, где было сказано: «<…> дабы все как духовнаго, так воинскаго и гражданскаго *всякаго чина и достоинства люди* о том ведали и Ей Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской верно служили» (ПСЗ. 1723–1727, 7, 410). Официальное торжественное слово находилось в идеологических рамках, обозначенных официальными документами. Однако пусть и небольшая, свобода в интерпретации, в поэтическом расцвечивании основных идеологем создавала возможность для наполнения их новыми смыслами.

Заданная модель родительско-сыновних отношений правителя и верноподданных закрепляется в следующих формулах: «Отец Отечества», «Мать Отечества» и «сыны российские». Отеческо-сыновняя модель развивается Феофаном и в «Слове на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго»: «Се день, о *сынове россйстии*, <…> день тезоименитства Петра Великаго!»[15]. «Многая одолжают нас, да не умолчим богоданных дарований, которыми нас обогатил изобильно, а весь свет довольно удивил сущий сей *отец наш Петр* воистинну Великий. Требует того от нас превысокое не по власти токмо, но и по силе достоинство его; требует *раболепное и сыновнее благодарствие* наше <…>»[16]; «Не тако бо нас, о *россйстии сынове*, не тако оставил нас *отец наш* <…>»[17]; «Но хотя, похваляя Петра, и не достигнем словом славы его, однакож от *сыновняго долженства* нечто выплатим»[18]. Рядом оказываются «раболепное» и «сыновнее», сыновний долг и сыновняя благодарность. Феофановская формула для именова-

[12] Марасинова 2008, 82.
[13] Панегирическая литература петровского времени 1979, 279.
[14] Там же, 282.
[15] Там же, 283.
[16] Там же, 283–284.
[17] Там же, 284.
[18] Там же, 300.

ния сограждан пока еще не «сыны отечества», а «сыны российские» (= «сыны» Петра Великого).

Отмечу, что «сыновьями российскими» Феофан называет россиян и в более ранних своих речах, до официального принятия Петром I титула «Отца Отечества». Так, в «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717) Феофан говорит: «Аще бо и не может не паметовати сего всяк *сын российский*, яко незабвеннаго своего благополучия, <…>»[19] Определение «российский» уточняет географический и политический статус «человека» («сына человеческого»).

Следуя феофановской традиции, Ломоносов в «Слове блаженной памяти Петра Великаго» также именует россиян «сынами российскими»: «<…> несравненная героиня восшествием своим отняла поношение от *сынов российских* и перед всем светом оправдала <…>. Таковыя благодеяния устроил на Всевышний вступлением на *отеческий* престол Великия Елисаветы!»[20]; «Тогда отворились широкий врата великия России <…> то выезжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах *сыны российские*, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные безпрестанным текли движением»[21]. У Ломоносова определение «российские» необходимо для отличения «своих» от «чужих», российского от иностранного.

До начала правления Екатерины II Ломоносов только в своей первой оде («Ода на взятие Хотина» 1739 г.), восхищаясь подвигом российского войска, назовет героев сражения «сынами российскими»: «Крепит отечества любовь // *Сынов российских* дух и руку»[22]. В дальнейшем Ломоносов использует такие парафразы, как: «российска сила», «россы», «россиане», «росский полк»/ «российские полки», «Россия», «российских войск», «российский воин», «российский конник», «российский солдат».

До 1762 года в официальной литературе подданных российского государства иногда называют «*сынами российскими*», актуализируя таким образом в первом слове — долг и преданность младшего родственника по отношению к старшему, во втором — геополитическую принадлежность. На первый взгляд, формула «*сыны российские*» равнозначна формуле «*сыны Отечества*», кроме того, обе формулы одинаковы по ритмическому рисунку и укладываются в ямбический размер с пиррихием.

Единственный раз употребленная формула «сынов российских дух и руку» в торжественных одах Ломоносова заключает тот самый смысл родственной сплоченности, «защитников родины от внешних врагов», что и в позднейшей военной лирике 1812–1814 годов. Однако определение «российские» противопоставляет внешним врагам Россию, утверждает статус России. Восславить Россию — одна из главных целей торжественно-патриотического дискурса. Внутри торжественных слов и од вырабатывается представление о России в целом, с одной стороны, создаваемое для «внутреннего пользования» (тираж торжественных од Ломоносова — от 500 до 2000 экземпляров), с другой — ориентированное на создание образа России как сильной имперской державы, равноправного участника дей-

[19] Панегирическая литература петровского времени 1979, 208.
[20] Ломоносов 8, 1959, 588.
[21] Там же, 591.
[22] Там же, 18.

ствий на мировой политической сцене. Именно поэтому так часто звучат в одах слова «»оссия» и «российский». И еще одно обстоятельство: власть российских правителей находится в центре внимания и воспевания в искусстве. Главная же задача «сынов российских» — военная защита родины и монарха/монархини.

Формула «*сыны российские*» попадает из официального искусства в официальный документ — «Манифест о кончине Елизаветы Петровны и о восшествии на престол Петра III»: «<…> Мы ныне взошед <…> на Всероссийский наш наследный Императорский Престол посредством <…> Государыни Императрицы Елисавет Петровны, которая, видя оной по смерти Анны Иоанновны похищенным, за нужное и должное признала, помощию верных *сынов Российских*, возвратить праведным образом Всероссийский Императорский Престол <…>». И далее: «Мы <…> за главное правило поставляем <…> во всем последовать стопам премудраго Государя, Деда Нашего Императора Петра Великаго, и тем возстановить благоденствие верноподданных Нам *сынов Российских*»[23].

Образная формула «*верные сыны Российские*» обозначает не всех верноподданных, а называет тех самых участников елизаветинского переворота, которые и обеспечили ее восшествие на престол[24]. Второй случай употребления формулы в манифесте представляет интересный пример взаимодействия юридического и художественного дискурсов. «Верноподданных Нам *сынов Российских*» — здесь совмещены и традиционное название граждан из законодательных документов («верноподданные») и находящиеся за пределами юридической практики «родственные» отношения подданных («сынов») и монарха.

Однако рождение формулы «*Сыны Отечества*», ее активное использование и толкование происходит в 1760–70-е гг. На наш взгляд, ключевую роль в истории этого процесса сыграл переворот 1762 года, а главное — манифест о вступлении на престол Екатерины II. Это тот случай, когда интерпретация исторического события столь же значима, как и само событие, и также определяет вектор исторического развития государства и общества.

Понятно, что свержение (а затем и убийство) законного российского императора нуждалось в убедительном объяснении, которое должно было бы войти в привычные формулировки манифестов «о кончине и о восшествии на престол». Чтобы продемонстрировать необычность екатерининского манифеста о вступлении на престол, необходимо сказать несколько слов о сложившемся каноне этого юридического документа.

Манифест[25] входит в русскую действительность в начале XVIII века. Именуемое таким образом торжественное письменное обращение верховной власти к подданным, сменившее в своих функциях «царский указ» и «царскую грамоту», просуществовало до Советской власти. Среди манифестов, принимаемых в связи с каким-либо важным событием, торжественной датой и т. п. , манифесты «о кончине и вступлении на престол» занимают особое положение. Они обладают

[23] ПСЗРИ с 1649 года, XV, 1761, № 11390, 875, 11 390, 1761.

[24] Во втором варианте манифеста о вступлении Елизаветы на престол (от 28 ноября 1741 года) также говорится: «<…> помощию всех благ Подателя Нам, Творца Бога, и по всеподданнейшему к Нам всех наших верноподданных, а наипаче и особливо Лейб-Гвардии Нашей полков прошению, Родительский Наш Престол <…> восприять изволили».

[25] Manifesto, от лат. manifestus — явный, от позднелат. manifestum– призыв.

не просто повышенной государственной значимостью (это — сущностная черта любого манифеста), но значимостью онтологического характера. Само понятие «смерть» вынесено в заглавие государственных законодательных актов «О кончине» (а затем «о вступлении»). В Манифесте 1762 года имя Петра III не упоминается вовсе: «Манифест. О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II»[26].

Манифест, кроме своего первичного — юридического — значения, обладает важной *инициальной* функцией. Он посвящает правителя и его подданных в новое для них качество: 1) информирует о происшедших событиях; 2) присваивает новый статус всем трем сторонам — умершему императору, сменившему его правителю и подданным. Манифест — это один из первых этапов в длинном ритуале инициации, происходящем в момент смены правителя (в ряду похоронных и коронационных мероприятий).

Манифест «о кончине и о вступлении» ставит точку в истории одного царствования и открывает историю следующего. Он задает границы не только восприятия данного события, но и всего будущего царствования. Собственно, манифест становится тем историческим мифом, в рамках которого будут твориться и последующие культурные мифы этого правления. Манифест о вступлении — это миф-исток, из которого будут брать свое начало другие мифы. Манифестируемые им интерпретации исторических событий станут затем варьироваться в различных текстах культуры (ораторской прозе, одической поэзии, сценариях фейерверков, сюжетах живописи и др.), также участвующих в создании и поддержании того или иного исторического мифа.

Структура манифестов «о кончине и о вступлении» простая и строгая: 1) сообщение о кончине императора; 2) сообщение о принятии престола новым императором с кратким обоснованием прав на него; 3) о приведении к присяге подданных новому императору. Эта упрощенная схема в каждом конкретном случае обретает свою специфику. Причем здесь следует выделить как нюансы, касающиеся какого-либо отдельного эпизода смены власти, так и определенной тенденции, наметившейся в культуре. Мы не будем комментировать весь формульный состав манифеста «о кончине и о вступлении на престол», остановимся лишь на важной для нас формуле *объявления*.

Традиционная открывающая манифест формула — «*ведомо да будет всем*»[27] (и варианты этой формулы «объявляем»[28], «объявляем всем»[29], «да будет всякому ведомо»[30]) — выполняет функцию вступления и имеет форму настоятельного оповещения и обращения. Она не кокретизирует адресата («все» — это «все люди на земле»), никак не отграничивая российских подданных. Далее в манифестах обычно говорится о Господе Боге, по воле которого умерший правитель «от временнаго жития в вечное блаженство отъиде».

---

[26] ПСЗРИ с 1649 XVI, 1762, № 11.582, 1.

[27] ПСЗРИ с 1649 VII, 1725, № 4643, 410.

[28] Манифест или объявление, О кончине Ея Императорскаго Величества великой Государыни Екатерины Алексеевны. Маия 7 дня // СПб.: печатано при Сенате, 1727.

[29] Манифест. О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, с обстоятельным изяснением ближайшаго и преимущественнаго права Ея Величества на Императорскую Корону.

[30] ПСЗРИ с 1649 XV, 1761, № 11390, 875.

В манифесте 1762 года эта формула обретает конкретного адресата: «Всем *прямым сынам Отечества* Российскаго явно оказалось, какая опасность всему Российскому Государству начиналася самым делом, а именно: <…>». Такое обращение и последующее размышление на тему «опасного» для России правления Петра III носят информационный характер. Однако если формула «ведомо да будет всем» привлекает внимание, выполняет функцию обращения, то в екатерининском манифесте первая формула — это озвучивание мыслей «сынов Отечества».

Вообще, эта первая фраза екатерининского манифеста представляет собой политическую игру слов и смыслов. Первое слово — «*всем*» — повторяет знакомое начало всеобъемлющих формул «всем да ведомо будет», но дальнейшее продолжение, оставаясь абстрактным и не проясняя ничего, все-таки суживает аудиторию императорского объявления: «всем *прямым сынам Отечества Российскаго*». Следующие два слова — «*явно оказалось*» — выводят фразу из формулы объявления в разряд размышления на тему «плохого» правления Петра III. В этом объявлении исключена воля императрицы (она появится только в последнем предложении, где сообщается, что Екатерина «вступила на престол»), исключена и воля Божья (не по воле же Бога православный закон потерял свою силу в России и померкла слава российского оружия). Слово «оказалось» вносит новый смысл в логику представляемых исторических событий: не по воле Божьей, а так случилось (подразумевается некая третья сила). Императрица пересказывает якобы то, что стало явно «сынам Отечества»[31].

Манифест обычно демонстрирует наличие *двух видов власти*: власти Божьей, небесной и власти императорской, земной. Кончина императора относится к Божьей воле, в отличие от вступления на престол, которое требует и земных правовых оснований. Манифест как законодательный акт, на первый взгляд, не может включать в себя эмоциональность: он есть часть ритуала, который должен быть соблюден для нормального функционирования государства. Однако даже строгие границы отточенных формул оказываются подвижными и становятся проницаемыми для эмоций, проявления личности и отношений сменяющих друг друга правителей.

Манифест о вступлении на престол Екатерины II как основной документ, обосновывающий воцарение и открывающий ее правление, был составлен Г. Н. Тепловым «наспех (à la hâte)»[32]. Отмечу два важных момента. 1. Сложенная таким образом формула «сыны Отечества Российского», заряженная духом переворота и обладающая законодательной силой, начинает осмысляться в слове художественном, публицистическом и политическом. 2. Та «эмансипация культуры» от власти и формирование нового дворянского мировоззрения, которые медленно, но неуклонно будут происходить в правление Екатерины, имеют не просто точку

[31] В манифестах «О кончине Государыни Императрицы Екатерины II и о вступлении на Престол Государя Императора Павла I» и «О кончине Императора Павла I, и о вступлении на Престол Императора Александра I» эта первая формула меняется на «*объявляем всем верным Нашим подданным*» (или «объявляем всем верным подданным Нашим»): сохраняется информативная функция (объявляем), всеохватность «всем», избирательность «верным», появляется новое слово «подданным» (эта формула присутствует и в последующих манифестах «О вступлении на Престол Императора Николая Павловича», «О восшествии Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Александровича на Прародительский Престол Российской Империи»).

[32] Соловьев 2001, 120–121.

отсчета–1762 год, но и ключевой текст — манифест. В нем говорится, что событие совершается не по воле или милости Божьей, не волей императрицы, а по умышлению «*сынов Отечества*», это *им* «явно оказалось», что страдает «закон Греческий» и «слава Российская». Если в Манифесте от 25 ноября 1741 года Елизавета Первая «объявляла во всенародное известие» о «восприятии» всероссийского престола, то в июньском манифесте 1762 года «*сыны отечества*» оказались не только в центре *событий* (так бывало и ранее), но и в центре *исторического документа* (исторического мифа). Далее говорится о «желании верноподданных» и о том, что все они присягу учинили. Дворяне, которые клялись в верности законному российскому императору и в манифесте Петра III были названы «сынами российскими», полгода спустя, объявив себя «*прямыми* сынами Отечества Российского», свергли несоответствующего их представлениям правителя.

Найденная дворянской элитой формула для объяснения переворота начинает активно функционировать и в официальных документах. Самоопределение участников переворота в прямом смысле пришлось ко двору. В «Указе императрицы Екатерины II рижскому генерал-губернатору Броуну» сказано:

«28-го июня 1762 г. С-Петербург.

Понеже по желанию *всех сынов отечества* мы вступили благополучно на престол всероссийской, того ради вам чрез сие всемилостивейше объявляю и уповая на ваше к нам усердие повелеваем все меры к тому принять, чтоб сие народное желание с божиим благоволением начатое споспешествовано было добрым нашим учреждением <…>»[33]. Желание *«всех сынов отечества»*, в контексте данного указа приравненное к «народному желанию», становится единственным основанием для свержения законного императора. Как видим, Екатерина отказывается от уточнений («прямые», т. е. «настоящие», и «российские») к слову «сынам», делая формулировки манифеста более общими.

Интерпретация дворцового переворота 1762 года в официальных документах, а именно устранение на второй план «воли Божьей» и «воли императорской» и выдвижение на первый план «желания сынов отечества», дало толчок для размышлений на тему, кто (а вернее, что) есть «сын отечества»?

Прежде всего это произошло *в одическом дискурсе*. В одной из первых реакций на смену правителя Ломоносов в «Оде торжественной ея императорскому величеству всепресветлейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской, на преславное ея восшествие на всероссийский императорский престол июня 28 июня 1762 года» расскажет об основных положениях манифеста на языке одический поэзии (5–7, 9, 16, 19–20 строфы). Поэтическим «переводом» первого предложения манифеста («Всем прямым сынам отечества явно оказалось <…>») стали следующие строки:

В сии прискорбны дни *природным*
Российским истинным сынам
Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам[34].

Ломоносов толкует определение «*прямым*» («сынам») с помощью двух эпитетов: «природные» и «истинные». Последний совпадает с одним из значений, дан-

[33] Русская старина 92, 1897, 11, 277.
[34] Ломоносов 8, 1959, 773–774.

ных в «Словаре Академии Российской», авторы которого в качестве иллюстрации к слову «прямой» приводят цитату из феофановского «Слова»: «ПРЯМЫЙ, ма́я, мо́е. <> 2) Настоящий, истинный, точный. *Прямый сый отечества.* <> »[35].

В высокой поэзии формула используется для выражения различных чувств: и радости, как, например, в песне «На мир с Швециею» (1790) И. Ф. Богдановича:

В толико вожделенной доле,
Чего желать осталось боле,
России верные сыны? [36]; —

и горя, как в «песнотворении» С. С. Боброва по поводу кончины Екатерины II:

Нет матери! — Нет героини!
О *сын отечества*, рыдай![37].

В этих примерах «сыны отечества» — это не просто поэтическое имя верноподданных российского государства, современников, любящих отечество и верно служащих монарху, но своеобразный «титул» подданных, соответствующий по своей значимости монаршему «титулу» — «Отец народа» /Мать народа». Однако тиражирование формулы в различных дискурсах приводит к расширению ее семантического поля.

Эта формула активно используется не только в размышлениях о современных взаимоотношениях власти и граждан, но и *проецируется в прошлое*. Так, в трагедиях Сумарокова до 1762 года («Хорев» 1750, «Синав и Трувор» 1750, «Ярополк и Димиза», «Артистона», «Семира» 1751) формула «сыны отечества» («сын отечества») отсутствует. В трагедии «Дмитрий Самозванец» (1771) в Пармен наставляет Самозванца (Д. I, явл. 1), разъясняя ему актуальные для второй половины XVIII века понятия: «отец народа», «сыны Отечества»:

Ты мучишь подданных, Россию разорил,
Тирански плаваешь во действиях бесчинных,
Ссылаешь и казнишь людей ни в чем не винных,
Против отечества неутолим твой жар,
Прекрасный стал сей град темницею бояр.
Отечества сыны все счастьем одинаки.
И здравие твое брегут одни поляки. <…>
И, ежели ко злу влечет тебя природа,
Преодолей ее и будь *отец народа*![38]

Пармен в разговоре с Шуйским заявляет, что он был бы верен Самозванцу, если бы тот был «добродетельным человеком», «сыном отечества», «членом росского народа». Идеальный герой Георгий в знаменитом монологе о самодержавии (Д. III, явл. 1) также рассуждает о нравственных качествах «сына отечества»: «Не *сын отечества* — отечества злодей, // На троне ищущий из подданных судей»[39].

---

[35] Словарь Академии Российской. Ч. IV. В СПб., при Императорской Академии Наук, 1793. Ст. 1160.
[36] Богданович 1790, 10.
[37] Бобров 1804, 16.
[38] Сумароков 1990, 248.
[39] Сумароков 1990, 272.

Ту же проекцию современной формулы на события и личности прошлого можно обнаружить и в других произведениях, затрагивающих тему власти, например в трагедии «Владисан» Я. Княжнина. Вамир, «старик, преданный Владисану» (Владисан, князь славянский, которого почитают мертвым), рассказывает о своем погибшем за правителя сыне:

Но мой сын, Вамирова отрада,
Был с помощью богов злодейству преграда;
Сей *сын отечества*, сей сын любезный мой
Отцу своих *граждан* пожертвовал собой,
О сколько часть его должна нам быть завидна!<…>
Он в гробе; но его свет славы озаряет;
Он дышет славою и в век не умирает[40].

Исторические сюжеты служили тем материалом, на котором прорабатывались вопросы взаимных обязательств монарха и его подданных, «отцов отечества» и «сынов отечества». Расширение контекста употребления формулы и специфика исторического процесса приводят к тому, что рождается *женский вариант формулы* — «дщери Отечества». В надписи Сумарокова читаем:

Сие жилище,
Посвятила,
ВТОРАЯ ЕКАТЕРИНА,
Девамъ,
Дабы,
Воспитанныя в нем,
Научився добродетели,
и
Став,
достойными *дщерями*
Отечества своего,
Были после матерями,
Достойных *сынов отечества*;
Ко славе,
Нашего века,
и
Ко славе
Имени
ВЕЛИКИЯ ЕКАТЕРИНЫ[41].

Эта надпись была сочинена Сумароковым по случаю учреждения в Санкт-Петербурге «Воспитательного общества благородных девиц» (1764), позже переименованного в «Смольный институт благородных девиц». В специальном указе Екатерины II говорилось, что цель данного учебного заведения дать государству образованных женщин, «хороших матерей, полезных членов семьи и общества». Добродетельность и полезность обществу в качестве матерей «сынов отечества» — это и есть главная обязанность «дщерей отечества». Появление женского

[40] Княжнин 1802–1803, 57
[41] Сумароков 1787, ч. I, надпись XVII.

варианта формула и включение женщин-дворянок в число «полезных граждан», пусть даже только в единственной роли — роли матери, следует считать качественно новым этапом в развитии общественного сознания российской элиты[42].

«Высокая» формула попадает и *в поэзию частную*. Тот же Бобров выносит этот «титул» в название стихотворения «*Сын Отечества,* удаляющийся из Херсониса на покой в свои маетности»[43]. Оно адресовано П. Ф. Герингу «по случаю отъезда его из Крыма в имение близ Николаева. Написано, вероятно, незадолго до его женитьбы, состоявшейся 2 февраля 1794 года»[44]. Частный повод, без героического начала — пример индивидуально-личностного восприятия торжественного наименования.

Как бы ни разнились в оттенках значений употребления формулы, все они не нарушали пределов дозволенного понимания «сынов отечества» как «любителей» России и вассалов монарха/монархини.

Дальнейшее развитие темы «сынов Отечества», выросшей из официальных документов и официальной литературы, происходит в *художественно- публицистическом дискурсе.* Ярким примером здесь служит «Беседа о том, что есть Сын Отечества», впервые напечатанная в журнале «Беседующий гражданин» (1789, декабрь) и долгое время приписываемая Радищеву[45]. Для нас важна не столько концепция «сына Отечества», представленная в «Беседе» (идеальный гражданин мыслится как нравственно совершенный человек), сколько сама попытка определения. Важно то, что данная тема становится предметом размышления, а не только поэтической формулой.

Автор «Беседы» пишет: «Не все рожденные в Отечестве достойны величественнаго наименования сына Отечества (патриота)»[46]. В этом вступительном предложении заключен основной пафос этой формулы: «сын Отечества» — это «титул», равный в своем величии титулу «Отец Народа». Описывая третью отличительную черту сынов отечества «благородство» (две других — честь и благонравие), автор данного сочинения пишет: «Третий же и, кажется, последний отличительнейший знак *сына Отечества*, когда он благороден. Благороден же есть тот, кто <…> все силы и старания свои к тому единственно устремляет, чтобы повинуясь законам и блюстителям оных, придержащим властям, как всего себя, так и все, что он ни имеет, не почитать иначе, как принадлежащим Отечеству, употреблять оное так, как вверенный ему залог благоволения Соотчичей и Государя

---

[42] Ср. также «Оду. На день Высочайшаго рождения Ея Императорскаго Величества, 1763» М. Хераскова:

Се храм Минервин отворяют
Монаршия щедроты нам,
И Музы руки простирают
Российским дщерям и сынам!

Херасков 1798, ч. VII, 88.

[43] Бобров 1804, ч. 3, 86.

[44] Бобров 2008, 1, 594.

[45] Проблема авторства данного сочинения не входит в круг интересующих нас вопросов. По мнению В. А. Западова, «Беседа» принадлежит перу «какого-либо питомца Московской университетской гимназии, одного из соратников редактора «Беседующего гражданина» Антоновского». Западов 1993, 131–155.

[46] Радищев 1, 1938, 221.

своего, который есть *Отец Народа* <…>»[47]. Автор «Беседы» исключает из «сынов отечества» крепостных, «кои уподоблены тяглому скоту». Кроме сатирического обличения дворянских порочных типажей (вертопраха, развратника, щеголя, корыстолюбца, чревоугодника) автор «Беседы» конструирует образ человека, достойного наименования «сын отечества».

Выход за пределы официального (общепринятого) понимания того, что есть «истинные сыны отечества», происходит в творчестве Радищева. Просветитель-бунтовщик выступит в «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Выдропуск. Проект в будущем» против «стоглавного зла» — рабства, против «оков гражданской неволи». Он пишет: «Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! О *истинные сыны отечества*! Воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. <…> опомнитесь, заблудшие, смягчитеся, жестокосердные, разрушьте оковы братии вашей, отверзте темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладость общежития, к нему же всещедрым уготованы, яко же и вы, они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково»[48]. Развитие формулы приводит к тому, что «сын отечества» превращается в борца против крепостничества.

В главе «Проект в будущем», рассуждая о естественном и гражданском равенстве, Радищев называет «*незаконными сынами отечества*»[49], тех, которые находятся рядом с государем и пользуются незаслуженными благами («сии упитанные тельцы сосцами нежности и пороков, сии незаконные сыны отечества наследят в стяжании нашем»)[50]. В «Путешествии» встречаем и *ироническое (сниженное) употребление* высокой формулы. В главе «Городня» бродяга-француз, случайно приведенный к присяге как «российский подданный», затем попавшийся прусским наборщикам и служивший в разных полках, тоже называет себя «сыном отечества»: «Вспомнил, что я обязан в России присягою; и, яко *верный сын отечества*, отправился в Ригу с двумя талерами в кармане»[51]. Конечно, радищевское, поистине революционное, понимание «сыновнего» долга перед отечеством как борьбы против рабства и тирании было во многом исключительным явлением в русской культуре XVIII века, но можно сказать, что оно было исключением закономерным.

В парадигме «родственных» взаимоотношений власти и подданных, заданной законодательными актами и освоенной торжественной риторикой в эпоху Петра I, в первой половине XVIII века центральное положение занимала фигура правителя — «Отца Отечества» или «Матери Отечества», Сынам же российским были отведены две роли: защищать Россию и величать императора/императрицу. Переломным моментом стал год 1762, когда «прямые сыны Отечества» определили судьбу российского престола, а Екатерина II на всю Россию объявила и признала их «желание» единственным «легитимным» основанием для восшествия на

[47] Радищев 1, 1938, 221–222.
[48] Радищев 1992, 67.
[49] Там же 1992, 78.
[50] Там же 1992, 78.
[51] Там же 1992, 108.

трон[52]. Императрица позволила дворянской элите, этим «сынам отечества», думать, что они обладают свободой мнения, свободой выбора и свободой действия. Смысловая проработка формулы «*Сыны Отечества*» в различного вида «слове» (дискурсах) демонстрирует процесс самоидентификации передовыми людьми благородного сословия. Екатерина II собственноручно подписанным манифестом выпустила дух свободы, бороться с которым пришлось с помощью публичного сожжения книг, казематов Шлиссельбургской крепости и смертных приговоров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бобров С. С. 2008: Рассвет полночи. Херсонида: в 2 т. М.-Л.

Богданович И. Ф. 1790: Песнь. Ея императорскому величеству, великой государыне Екатерине Алексеевне, императрице и самодержице Всероссийской, матери Отечества. На мир с Швециею. СПб.

Греч Н. И. 1990: Записки о моей жизни. М.

Гуковский Гр. 1965: Пушкин и русские романтики. 1965 г. (Первое издание 1939). М.

Давыдов Д. Дневник партизанских действий 1812 года // http://www.museum.ru/museum/1812/Library/davidov1/index.html.

Западов В. А. 1993: Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть Сын Отечества» // XVIII век: Сб. ст. 18 СПб., 131–155.

История русской литературы 1981: в 4 т. Л.

Ломоносов М. В. 1950–1983: Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.

Манн Ю. В. 1995: Динамика русского романтизма. Программа: Обновление гуманитарного образования в России. М.

Марасинова Е. Н. 2008: Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М.

Княжнин Я. Б. 1802–1803: Собрание сочинений: в 5 ч., СПб.

Панегирическая литература петровского времени. 1979. М.

Радищев А. Н. 1938–1952: Полное собрание сочинений: в 3 т. М.-Л.

*Радищев А. Н.*1992: Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб.

Русская поэзия 1801–1812: 1989. М.

Русская старина 1875: в 175 т. Т. 12, № 2. СПб.

Русская старина 1897: в 175 т. Т. 92, № 11. СПб.

Соловьев С. М. 2001: История России с древнейших времен. 1762–1765. Кн. XIII. М.

Сумароков А. П. 1787: Полное собрание всех сочинений в стихах и в прозе: в 10 т. СПб.

Сумароков А. П. 1990: Драматические сочинения. Л.

Херасков М. М. 1798: Творения: в 12 ч. Ч. VII. М.

[52] Позже императрица открестится от признания такой роли «сынов» в истории переворота 1762 года, заявив, что «Чудный промысел о нас Всевышняго <…> вручил нам самодержавство сей империи образом человеческим предведением непостижимым <…>» (Екатерина II. Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина 1875, 12, 2, 382–385).

GENESIS AND EVOLUTION OF THE FORMULA *SON(S) OF MOTHERLAND (DISCOURSE MODE IN RUSSIA IN THE 18th C.*)

T. Ye. Abramzon

The article deals with genesis and evolution of the historical and cultural formula “Sons of Motherland”. Sense interpretation of the formula in different types of discourse reveals progressive nobility self-identification. The first half of the 18th century saw figures of Father of the country or Mother of the country in the focus of power-subject relationship paradigm that was specified by legislative acts and adopted by the rhetoric in the epoch of Peter the Great. The year of 1762 became critical when ‘direct descendants’ of Motherland determined the fate of the Russian Crown and Catherine II acknowledged their ‘wish’ as the only ‘legitimate’ basis for her accession to the throne, which she made widely known in Russia.

Key words: Russian Manifests of 18th century, historical and cultural formulae, paradigm, artistic method.

© 2010

Н. В. Эшмакова

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Г. Д. КРАСИЛЬНИКОВА

В статье рассматриваются основные сюжетообразующие мотивы и образы Красильникова: «вхождение в лес», сеяния, дороги, блудного сына, встречи, испытаний, сна. Доминирующими образами представлены образы леса, воды, порога, окна, дороги.

Ключевые слова: мотив, образ, пространство, сюжет.

Геннадий Дмитриевич Красильников — выдающийся удмуртский писатель, общественный деятель, лауреат государственной премии УАССР, член Союза писателей. Г. Красильников, несомненно, самый талантливый из удмуртских писателей. Имя Красильникова известно в Удмуртии и за её пределами. Главной целью его творчества является изображение человеческих характеров и образов, без которых немыслимо раскрытие сущности героя. Мы не ставим цели провести целостный анализ образов и мотивов произведений Красильникова, предлагаем вниманию лишь общие наблюдения, сделанные при анализе произведений писателя.

Творчество Г. Д. Красильникова тесным образом связано с героем и его жизнью. Образы дороги, пути, дома конструируют пространство героя и художественное пространство произведений. «Дорога» в них имеет различные смысловые наполнения: в бытовом плане — это «расстояние от места до места» и рассма-

тривается как некая условная реальность. В романе «Вуж юрт» («Старый дом») сопряжёны пространства дороги / пути и пространства дома, а движение предполагает достижение «чужого» мира. Возникает троичная структура пространства: дом — дорога — «чужой мир», связанная с представлениями о жизненном цикле человека.

Пути Алексея Курбатова в повести «Тонэн кылисько» («Остаюсь с тобой»), Фаины Ивановой в романе «Арлэн кутсконэз» («Начало года»), Олексана Кабышева в романе «Старый дом» модифицируются в мотив жизненного пути, судьбы героя. Стоит заметить, что путь Олексана Кабышева приводит в другую социальную среду. С образом пути тесно связаны образы домов главных героев, ибо они знакомят с прошлым народа, занимают важное место в духовном становлении героев Красильникова. Каждый герой ищет своё счастье, поэтому писатель вводит испытания, которые герой рано или поздно проходит (Алексей Курбатов не поступил в институт; Олексан Кабышев терпит насмешки со стороны людей из-за родителей, отделившихся от общества; Фаину Иванову писатель испытывает любовью, после которой она остаётся в ожидании ребёнка). Характеры Олексана Кабышева, Алексея Курбатова, Фаины Ивановой изображаются в кризисные моменты: выбора, самопознания, разочарования. Иногда мотив поиска счастья сопряжён с мотивом встречи, он служит завязкой, кульминацией или даже развязкой (финалом) сюжета. Главные герои романов и повести Красильникова встречают своих друзей и недругов на жизненном пути — недругами для Олексана становятся его родители, обосноваться в колхозе ему помогают деревенские жители, Фаина Иванова встречает любимого человека, ставшего его недругом, Алексей Курбатов после неудачной попытки поступить в институт встречает свою любимую — Аню.

В большинстве своём автор концентрирует внимание на отдельных моментах пути — уходе и возвращении. Герои выходят на дорогу, идут в лес (Макар Кабышев), или к воде (Олексан Кабышев, Алексей Курбатов), не просто успокоить сердце, там часто решаются жизненно важные проблемы, происходит выбор, нередко герои не могут совершить желаемый путь.

Далее мы остановимся на сквозном мотиве, проявляющемся в творчестве — архетипический мотив блудного сына. Будем придерживаться следующего понимания “архетипического мотива”: “Некий микросюжет, содержащий действие, агенса, пациенса и несущий более или менее самостоятельный глубинный смысл. Полный сюжет заключает в себе клубок мотивов”[1]. Притча о блудном сыне с некоторыми изменениями показана в романе «Старый дом» на примере Олексана Кабышева, а в романе «Начало года» представлено перерождение главного героя (Георгия Световидова) в блудного сына, который обречён на поиски счастья, вечное странствие. Следует отметить, образ блудного сына — Световидова не находит какого-то определённого пространства, он остаётся блуждать по свету и ищет своё счастье, уходя в бесконечность. Соснов, выполняющий функции самаритянина, умирает и обретает определённость (он вечен). В изображении героев — Соснова и Световидова — в романе «Начало года» автор придерживается традиций Л. Леонова в романе «Русский лес».

[1] Мелетинский 1994, 50.

Большую роль в развитии сюжетов играет мотив сна[2]. Сон-бред главного героя рассказа «Чупыргы Вася вота» («Чупыргы Вася видит сон») имеет аллегорический характер, служит не только целям разоблачения, но и выражает идеи «нового коммунистического мира», который приснился ему. «Вещими» показаны сны Фаины и Соснова в «Начало года». Кроме снов, для раскрытия характера героя и поступков писатель использует другие «пограничные состояния» сознания. По словам Зуевой, «Рваные сны» (произведение написано на русском языке) Красильникова — это поток сновидений героя, с заметной быстротой сменяющих друг друга»[3]; следует выделить и философскую функцию сна. В «Старый дом» сон-мечта условен, логически выстроен и снится героине Зое Кабышевой перед смертью, он является как бы фокусом романа, отобразившим жизнь героини в застывшем времени.

Другим мотивом, циклически отобразившим временной порядок, выступает мотив сеяния (представлен в романах «Начало года», «Старый дом», повести «Остаюсь с тобой» и в некоторых рассказах). В нём скрыта глубокая духовная связь поколений, заложена идея продолжения рода, традиции, гармонии.

Наряду с мотивами чётко выделяются образы деревьев, следует выделить образы черёмухи, берёзы. Традиции классической советской и удмуртской литературы представлены в образе берёзы. Берёзка в творчестве писателя несёт собой опоэтизированный образ Родины и старины («молильная берёза» в романе «Старый дом»). Черёмуха выступает деревом весны и любви, хранителем воспоминаний, переживаний. Образ черёмухи выполняет функцию «места для свиданий за деревней, у реки» (в повести «Остаюсь с тобой»). В черемуховом цвете автор видит возрождение мира. Иначе говоря, черемуха олицетворяет двуединое начало: цветущую и увядающую жизнь, молодость и конец жизни, показывает цикличность времени (ритм жизни). Дерево также выступает системой временных, пространственных и духовных координат, соединяющих прошлое и настоящее, небо и землю, верх и низ, правое и левое, все стороны света. Дубу отводилась значительная роль в мифоэпических представлениях удмуртов, в повести «Остаюсь с тобой» у дуба находилась развилка дорог по пути Алексея Курбатова, здесь он выбрал правую сторону, ведущую в деревню. Дуб в сознании народа символизирует силу, выступает штрихом в портретах Олексана Кабышева и Алексея Курбатова: «тыпы кадь юн мугорыз» (как дуб плотное тело»). Нужно заметить, что дуб выполняет функцию погребенческого дерева — крест на могиле Зои Кабышевой в романе «Старый дом» сделан из дуба. Подобная семантика подтверждает сакральное / священное значение этого дерева.

Лес — живущая по собственным законам стихия, состояние которой связано с душевным состоянием героев, которое не всегда можно выразить словами. Герои идут в лес, когда им неспокойно; своим шумом лес выражает душевное состояние героя. Мотив «вхождения в лес» означает в творчестве писателя возврат к вечности рода, первозданным ценностям, что представлено в романе «Старый дом».

В романе «Начало года» особое внимание уделено расположению могилы главного героя. Знаменателен тот факт, что Соснова похоронили у двух елей и бе-

[2] Нечаенко 1991а, 21; 1991б, 26.

[3] Зуева 2008, 41.

рёзы. Этим деревьям присуща роль источника звука и тишины, святости, гармонии и совершенства, а также символа малой родины. Сосна наделена повышенной метафоричностью, что ассоциируется с фамилией Соснова как показателя его потенциальных возможностей: прежде всего деловитости, поскольку сосна выступает элементом делового леса, её семантика исключает коннотацию таинственности, траурности, сумрачности. Дереву в творчестве Красильникова характерны магические свойства (можжевельник в романе «Старый дом» Зоя использует от сглаза).

Образ воды (снег, родник, река), или водное пространство занимает в творчестве писателя немалое место. В рамках традиционного мировоззрения «река символизировала, с одной стороны, горизонтальную ось между освоенным окультуренным пространством и Дикой Природой, а с другой — вертикальную ось, связывая воедино мир высших богов, земной мир и мир нижних существ»[4]. На страницах произведений Красильникова наблюдается тенденция введения наиболее значимых, почитаемых удмуртами, и общеизвестных рек: Кама, Вала, он склоняется к воспеванию образу Камы как символа величия и чистоты, в его фольклорно-мифологическом облике, сохраняет древнезначимый смысл большой и великой реки. Интересен повествовательный ракурс, выбранный писателем в произведениях: описываемые деревни находятся между рекой и горой (река Акашур и гора Глейбамал в романе «Старый дом», река Чурайшур и гора Бектыш в повести «Остаюсь с тобой») — это некое пограничное существование между двумя природными стихиями — землёй и водой. Следует сказать, что «обитатели становятся заложниками своего местожительства, определившего внутренние качества народа»[5]. В текст романа «Старый дом» органично вписывается ритуальный культ воды, где река выступает границей между земным и потусторонним миром, связывает временной порядок и предвещает будущее: «Йо жутске ке, арез нянё луэ, шуо» («Если лёд поднимается, год хлебным будет, говорят»). Также большое внимание уделяется образу воды в рассказе «Кошкисез мед кошкоз» («Уходящий пусть уходит»). В основном, мотив воды используется со значением «чистый», но встречается описание и с отрицательным оттенком. Мотив воды с точки зрения фольклора означает зарождение нового, смену действий, и в жизни главного героя рассказа Кирилла происходят изменения — его выгоняют из колхоза, он лишается работы.

Душевное состояние Фаины в романе «Начало года» соотносится с первым снегом. Героиня смутно осознаёт происходящее, сердце её словно застывает, и впереди её ждут суровые испытания. Кроме своего прямого словарного значения, «снег» несёт в себе оттенок похорон, погребения, увядания. Следует учесть и то обстоятельство, что семантика цвета «белый», соотносимого со «снегом», в мифопоэтической традиции удмуртов, вбирает в себя и смысловые значения «уход», «чужой мир», «смерть» (Соснов умирает после первого снега). Большую роль в сюжете произведений играет символ Удмуртии — родник. Вода / река как место обиталища мёртвых или путь живых, дорога в загробный мир вызывает двойственное отношение: как очищающее и как насылающее болезни[6]. В пове-

[4] Владыкин 1994, 250.
[5] Замятин 2004, 242.
[6] Владыкин 1994, 250.

сти «Остаюсь с тобой» вода насылает болезнь. Функции обновления, очищения человека, которые как бы выполняет вода, показана на примере заболевания героя весной, Алексей Курбатов промочил ноги и заболел. Закономерен и тот факт, что самым первым средством для снятия болезни (своего рода очищения) стала водка, выполнившая функцию исцеления. Негативная функция воды (алкоголь) заявлена в романе «Старый дом».

Доминирующие образы пространства и мотивы стали сюжетообразующими в творчестве Красильникова. Эмоционально-ценностной интенсивностью обладает порог, сочетающийся с мотивом встречи. Слово «порог» (наряду с реальным значением в жизни) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома, кризиса, меняющего жизнь. Пограничные пространства дома определены воротами (капка) и дверьми (ос). Порог и смежные с ним пространства отражают события кризисов, падений, прозрений, решений, определяющих поведение героя. Мать Риммы в романе «Начало года» провожает дочь с плачем у ворот. Ворота символизируют расставание с дочерью; Зоя, почувствовав свою смерть, пыталась выйти из дома, но успела лишь взяться за ручку двери и умерла, в повести «Остаюсь с тобой» Алексей Курбатов боится перешагнуть порог своего дома, боясь осуждения родителей из-за того, что он не поступил в вуз.

Образ окна способствует прозрению Глаши, она начинает думать о смерти её сына из-за того, что она не начала жить по-новому — коллективно (здесь переплетаются мотивы времени, окна и чуда). Окно символизирует отрешённость героев «Старого дома» от людей (окна Кабышевых занавешены). Окно, являясь важным элементом интерьера, выходит в большое пространство, где мир в основе своей несёт позитивное начало. В больнице окно выступает своеобразной перегородкой, пограничным пространством, которое отделяет Глашу от смерти. В романе «Начало года» окно — элемент прозрения и дум героини Фаины Ивановой.

Подведя итоги вышесказанному, следует сказать, что основными сюжетообразующими мотивами в творчестве Красильникова выступили мотивы: «вхождения в лес», сеяния, пути, блудного сына, встречи, испытаний, сна. Доминирующими образами творчества Красильникова стали образы леса, воды, порога, окна, дороги, пути, дома. Таким образом, автор не смог отойти от основных представлений о пространстве и времени бытия героев. Всё это он связал с сюжетом, проблематикой, психологией героев романов и повестей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Владыкин В. Е. 1994: Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск.

Замятин Д. Н. 2004: Метагеография: пространство образов и образы пространства. М.

Зуева А. С. 2008: Нравственно-философские аспекты творчества Г. Д. Красильникова // «А я остаюся с тобою…» Жизнь и творчество Геннадия Красильникова: Статьи, воспоминания, стихи, дневник, письма / З. А. Богомолова (сост.). Ижевск, 29–42.

Мелетинский Е. 1994: О литературных архетипах // Рос. гос. гуманитарный университет. Вып. 4. Чтения по истории и теории культуры. М.

Нечаенко Д. А. 1991: Сон, заветных исполненных знаков: Таинства сновидений в мировых религиях и художественной литературе.

Удмуртская мифология 2003: В. Е. Владыкина (ред). Ижевск, 196.

PRINCIPAL MOTIFS AND IMAGES IN G.D. KRASILNIKOV'S CREATIONS

N. V. Eshmakova

The article considers the following principal plot building motifs and images of Krasilnikov: "into the woods", sowing, roads, the prodigal son, meetings, ordeal, and sleep. Dominant images are presented by wood, water, threshold, window, and road.

Key words: principal motifs and images, space, plot.

© 2010

А. Е. Савельев

ТЕМА КАВКАЗА И КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Кавказ стал для великого русского поэта М. Ю. Лермонтова неистощимым источником вдохновения. Именно здесь он создал все свои наиболее знаменитые произведения. Прежде всего следует отметить ряд крупных поэм — «Измаил-бей», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунжи», «Хаджи Абрек» и «Беглец». В них поэт, используя этнографический материал, достоверно и красочно отразил обычаи и особенности жизни горцев. Во многих стихотворениях Лермонтов воспевал великолепие кавказской природы. Некоторые стихи и баллады были навеяны ему казачьим фольклором. Ряд стихотворных и прозаических произведений поэта ярко изображает реалии Кавказской войны и нравы военнослужащих Отдельного Кавказского корпуса.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, поэзия, Кавказская война.

В творчестве великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова Кавказ занимал одну из главных тем, ему посвящено более чем двадцать стихотворений поэта. Впервые на Кавказ, точнее, на Кавказские минеральные воды, где для него первоначально воплотился весь регион Северного Кавказа, Лермонтов попал в шестилетнем возрасте и с тех пор полюбил этот край. В 11 лет он впервые прочел «Кавказского пленника» А. С. Пушкина и вскоре увлекся остальными пушкинскими «южными» поэмами романтической направленности.

Богатый материал о быте, культуре и духовном богатстве горских народов дали Лермонтову личные наблюдения. Из неполных двадцати семи лет своей жизни на территории Чечни, Осетии, Дагестана, Грузии, Кабарды он провел около двух лет. В первый раз на Кавказ поэт приехал в шестилетнем возрасте, когда побывал здесь со своей бабушкой Е. А. Арсеньевой. Через четыре года он вновь посетил Горячеводск. После детского возраста Лермонтов посетил Кавказ еще

дважды: в 1837 г., в 1840–1841 гг., либо находясь в ссылке, либо участвуя в экспедициях, направленных против Шамиля. Кроме того, М. Ю. Лермонтов имел большое число родственников и друзей, так или иначе связанных с Кавказом, что позволяло поэту получать интересную и достоверную информацию об этом регионе. Первые этнографические сведения о регионе поэт услышал еще в раннем детстве от своей бабушки Е. А. Арсеньевой и ее сестры Е. А. Хастатовой, которая жила в своем имении «Шелковое». Очень много ценной информации о Кавказе поэт мог получить от своей двоюродной тети М. А. Шан-Гирей, урожденной Хастатовой. Рассказывать об этом крае могли и такие родственники, как Н. Д. Арсеньев, В. Д. Арсеньев, А. В. Хастатов, участвовавшие во взятии Измаила, последний принимал также участие и в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Они хорошо знали Исмаила Атажукина, которого многие исследователи рассматривают как прототипа героя поэмы «Измаил-Бей». В юности Лермонтов также внимательно прочитал повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» и «Мулла-Нур», оставив в своем альбоме великолепные иллюстрации к этим произведениям, основанные на детских впечатлениях. Кроме того, в составе русской армии было немало просвещенных горцев, с которыми Лермонтов знакомился в течение своей военной службы. Вероятным, хоть и не подтверждено документально, было знакомство поэта с Шорой Ногмовым. Менее достоверно, но все же возможно, что состоялась встреча Лермонтова с адыгским писателем и просветителем Султан Хан-Гиреем, служившим в это время в Петербурге, это мнение основывается, прежде всего, на том факте, что в поэмах Лермонтова «Каллы» и «Аул Бастунжи» и в повестях Хан-Гирея «Черкесские предания» и «Князь Канбулат» лежат одни и те же черкесские предания. Сторонники данной теории (например, Р. Х. Хашхожева) предполагают, что эти предания Лермонтов узнал именно от Хан-Гирея. Также предположительно знакомство великого русского поэта с адыгским (по другим сведениям, ногайским) просветителем Султан Казы-Гиреем. Зато достоверно известно о встрече Лермонтова с еще одним адыгским просветителем Лукманом (Дмитрием) Кодзоковым, который воспитывался в семье поэта А. С. Хомякова и после получения образования находился 20 лет на российской службе, а затем вернулся на Кавказ, чтобы «быть полезным своему народу и краю». Таким образом, непосредственные впечатления Лермонтова обогащались и дополнялись сведениями, полученными от родственников и друзей. Располагая совокупностью достоверных материалов о регионе, поэт смог создать произведения, отличающиеся высокой точностью, глубиной, реализмом и психологической достоверностью описываемой ситуации.

Первое крупное произведение было написано именно на горскую тему (поэма «Черкесы»), когда поэту было 13 лет. Сюжет поэмы традиционен для романтически настроенного подростка: черкесский князь собирает отряд, чтобы спасти брата из русского плена. Горцы осаждают крепость, где находится пленник, но их штурм отбит, сам князь погибает в бою. В этой поэме основное место занимают описания природы и батальные сцены. Из речи героев юный поэт вставил лишь небольшой монолог князя и отдельные реплики второстепенных персонажей. Все произведение выдержано в мрачном стиле, трагизм описываемых событий сопровождается сумрачными картинами природами.

Поэма Лермонтова «Кавказский пленник» была написана в 1828 г., но долгое время оставалась лишь в рукописных списках. Впервые в отрывках она была опу-

бликована в 1859 г. в «Отечественных записках» (т. 125, 7 номер), а полностью в 1891 г. в собрании сочинений М. Ю. Лермонтова под редакцией Висковатого. В поэме ярко отразился ранний интерес поэта к быту и нравам кавказских горцев. В основу этого произведения легли как детские воспоминания Лермонтова о посещении Кавказа, так и его впечатления от «кавказских» и иных поэтических произведений, прежде всего романтической направленности, других поэтов, прежде всего, Пушкина и Бестужева-Марлинского. Лермонтов частично брал отдельные строфы из сочинений этих авторов для своей поэмы. Сюжетно «Кавказский пленник» Лермонтова сходен с одноименным произведением Пушкина, но увеличено количество персонажей и усилены их характеры, также финал сделан более драматичным, так как погибают и герой, и героиня. Отец черкешенки (образ введенный в поэму автором) убивает пленника, когда тот пытается бежать, последовавшая затем смерть бросившейся в реку дочери, заставляет его терзаться угрызениями совести, не находя более душевного покоя. Следует заметить, что юный поэт использовал в своей поэме и некоторый этнографический материал.

В 1829 и 1830 гг. Лермонтов написал ряд стихотворений, навеянных воспоминаниями о Кавказе. В «Черкешенке» (1829 г.), например, поэт воспевает простоту нравов горцев и красоту кавказской природы. В следующем году юный Лермонтов создает стихотворение «Кавказ», где вновь восхищался великолепием этих гор, заканчивая каждую строфу словами «Люблю я Кавказ». Он признавался в своей тоске по ним. Это настроение усиливается в последующие годы.

Поэма «Каллы» написана в 1830–1831гг. на основе одного из черкесских преданий. Так как аналогичное предание приводит и Хан-Гирей, то многие исследователи считают это свидетельством знакомства великого русского поэта и великого адыгского просветителя. Лермонтов наполнил свою поэму особым драматизмом, используя при этом многие этнографические элементы. В этом произведении ее молодой герой Аджи, побуждаемый муллой, являющимся хранителем традиций, отправляется вершить кровную месть своим врагам, убившим всех его родных. Он вырезает целую семью, но потом ужасается совершенному деянию и убивает самого муллу, который толкнул его на это. Молодая вдова муллы теперь «другого любит без боязни» ревнивого мужа, а сам Аджи, получивший прозвище «каллы» («убийца») одиноко скитается по горам, всеми отвергнутый исам чуждающийся людей. Начало поэмы опубликовали в 1860 г., полностью она была помещена в «Русской мысли» (книга II за 1882 г.) и в несколько отредактированном виде в 12 номере «Русской старины» за 1882 г.

Поэма «Измаил-бей» была написана в 1832 г. Ее основой послужила биография кабардинского князя Измаил-Бея Атажукова, посланного отцом в Россию для получения военного образования. Возможно, Лермонтов использовал и народное предание об Измаил-бее. В произведении воссозданы картины жизни горских племен конца XVIII — начала XIX вв. Завязкой поэмы является возвращение Измаил-бея — младшего брата князя Росламбека — из России на Кавказ. Он был взят в заложники в 14 лет, получил хорошее образование, служил в русской армии, принял христианство, начал забывать родной язык, но однажды Измаил-бей оставляет все, чего достиг, и отправляется на родину, где начинает принимать участие в боевых действиях на стороне горцев. Он быстро достигает успехов и становится одним из наиболее успешных и уважаемых вождей черкесов.

Росламбек, начавший уходить в тень, завидовал брату. Между ними начинается глухая борьба, в конце которой Росламбек убивает Измаил-бея. Многие из героев поэмы имели реальных прототипов. О прообразе главного героя уже говорилось выше. Прототипом его старшего брата стал Росламбек Мисостов, который некоторое время служил русскому правительству, достигнув высокого чина полковника лейб-гвардии казачьего полка, но, узнав о гибели племянника во время одного из набегов, решил отомстить русским и ушел вместе со всеми своими аулами за Кубань. Его преследование и кровопролитный бой ничего не дали. Через некоторое время Мисостов сам пришел к командиру одной из русских частей с заявлением о своей готовности к возвращению. Он предложил помочь достать затонувшее в реке орудие, но в итоге завел посланные с ним роту солдат и 35 казаков в засаду, где этот отряд был почти полностью уничтожен. После этого Росламбек ушел в горы и стал одним из наиболее непримиримых абреков. Главным женским персонажем поэмы является лезгинка Зара, которая стала не только подругой Измаил-бею, но и его верной соратницей, мужественной воительницей, сопровождавшей его в походах. Это тоже не является исключительно плодом романтической фантазии Лермонтова, случаи участия чеченских девушек в набегах действительно были известны. Одну из них даже показывали Николаю I. Зара — один из самых сильных женских образов, созданных поэтом. В этой поэме есть прекрасные стихотворные описания гор и местностей Пятигорья и Кабарды, которые некоторые авторы относят к вершинам лермонтовской поэзии[1], но главное ее содержание демонстрировало крайнюю жестокость многих событий Кавказской войны, что вызывало у Лермонтова резкое осуждение. Публикуя эту поэму уже после смерти автора в 1843 г., редакция журнала очень высоко ее оценивала в предисловии: «Все это произведение может служить фактом поэзии духа и характера Лермонтова. Тут читатели встретят, в герое поэмы, тот же колоссальный типический образ, который, с ранних лет, был избранным, любимым идеалом и является потом во всех произведениях поэта, в котором Россия безвременно утратила, может быть, своего Байрона… Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено, как общее достояние современного общества и потомства, — и мы уверены, что, помещая «Измаила-Бея» в нашем журнале, делаем истинный подарок образованной части русской публики, хотя, по причинам, от нас независящим, мы и не могли напечатать вполне всю поэму»[2].

Поэма «Аул Бастунджи» была написана в 1833–1834 гг. В ее основу легло черкесское предание о непримиримой вражде двух братьев — Канбулата и Атвонука, причиной которой послужила красавица-жена Канбулата. Это сказание привел Хан-Гирей. Лермонтов, впрочем, изменил имена героев. Он рассказывает о том, как джигит Селим полюбил Зару — молодую жену своего старшего брата Акбулата, насильно выданную замуж за того. Девушка готова ответить на чувства героя, но она боится идти против вековых традиций своего народа и отказывается бежать с Селимом. Младший брат решается на откровенный разговор со старшим братом, просит его уступить жену, но это ни к чему не приводит. Местный мулла, как и в поэме «Каллы», выступает «хранителем» обычаев. Постепенно он настраивает против Селима и Акбулата, и все население аула. Молодой человек,

[1] Семенов 1939, 51.
[2] Семенов 1939, 53–54.

в отчаянии убивший Зару и поджегший саклю брата, предан проклятию и обречен на вечное изгнание. Поэма наполнена точными описаниями быта и повседневной жизни горцев и красочными описаниями горной природы.

Поэму «Хаджи Абрек» Лермонтов сочинил в 1833–1834 гг. во время пребывания в юнкерской школе. Это было последнее произведение кавказского цикла поэта, написанное им до первой кавказской ссылки. Содержание поэмы основано на различных черкесских и кабардинских легендах и преданиях, в основе которых лежал рассказ о кровной мести. Главный герой поэмы Хаджи хочет отомстить князю Бей-Булату, погубившего его брата. Но ему мало убить своего кровника, он хочет вначале уничтожить нечто, что Бей-Булат любит. Когда Хаджи узнает, что тот похитил у одинокого старика-лезгина его дочь-красавицу Леилу, то решает, что час мщения настал. Поэма завершается кровавой развязкой: мститель убивает девушку, ее отец умирает с горя, сам Хаджи и Бей-Булат убивают друг друга на поединке. Все произведение написано в суровом, мрачном стиле. Это была первая опубликованная поэма Лермонтова. Н. Д. Юрьев, родственник и однокашник поэта, в тайне от него передал рукопись поэмы в журнал «Библиотека для чтения», где она и была напечатана (1835 г., т. 11, отд. 1). Лермонтов был очень недоволен этим, но поэма получила положительные отзывы.

К кавказской тематике относится и поэма «Беглец», созданной не позднее 1838 г. и основанной на черкесской песне о трусливом юноше, вернувшемся в родной аул из похода против русских, в котором погибли его товарищи. Лермонтов повествует, как малодушный Гарун в страхе покидает поле боя и бесславно возвращается в родной аул, где, однако, его отталкивают все близкие ему люди — и друг, и любимая, и даже мать. От отчаяния он совершает самоубийство. Как и в других поэмах, в «Беглеце» Лермонтов показывает себя мастером стиха. В сравнительно небольшом стихотворном произведении он искусно использует разные приемы (рассказ и от третьего, и от первого лица, лирическая песня, отличающая по ритму от размера остальной поэмы), чтобы добиться наибольшего драматизма повествования.

Собственно в первой ссылке на Кавказ Лермонтов написал одно из своих самых выдающихся произведений — «Песню о купце Калашникове». Хоть эта поэма и не была связана напрямую с Кавказом, но кавказские мотивы в лице одного из главных действующих лиц звучат очень заметно.

Очень выразительно стихотворение «Спеша на север из далека», где поэт, возвращаясь в Петербург из ссылки, выражает тоску по величественной природе Кавказа и покидаемых друзьях, с которыми он близко сошелся там. Те же чувства отражены и в стихотворении «Памяти А. И. Одоевского», написанного после смерти от тропической лихорадки этого декабриста, с которым Лермонтова в короткий срок завязалась крепкая дружба. Это произведение имеет много общего с другим стихотворением Михаила Юрьевича — «Смерть Поэта», посвященного гибели А. С. Пушкина. В обоих поэт обличает «высший свет», ставший причиной смерти двух замечательных людей. Стихотворение «Кинжал» (известное также под названием «Подарок») было написано незадолго перед возвращением Лермонтова из ссылки. Непосредственным поводом к созданию этого был подарок Н. А. Чавчавадзе-Грибоедовой. Как известно, А. С. Грибоедов имел богатую коллекцию кинжалов. Его вдова бережно ее хранила, но несколько клинков подарила

людям, которых считала достойными таких даров. Один из кинжалов получил Одоевский, другой — Лермонтов. Это был символический призыв сохранять характер и убеждения столь же твердыми, как булатная сталь, а поэтический талант таким же острым, как острие клинка. Михаил Юрьевич прекрасно понимал такое значение дара, что и отразил в стихах.

Одним из лучших произведений кавказского цикла является, несомненно, баллада «Дары Терека», во многом основанная на народных песнях гребенских казаков. Стоит отметить и написанную Лермонтовым «Казачью колыбельную песню». Ее высоко оценили как современники, так и потомки. Например, видный деятель казачьего зарубежья профессор В. Г. Улитин подчеркнул, что «юный Лермонтов увековечил задушевно-прекрасный образ матери-казачки, в котором отразилась вся сущность природы казака»[3]. Б. А. Богаевский, один из публицистов французской казачьей диаспоры, писал: «В «Колыбельной» Лермонтова изложена вся программа воспитания подрастающего поколения казаков»[4]. Очень ценил эту песню Белинский, называя ее «чудом». В одном из своих очерков о стихах Лермонтова после анализа и высокой оценки «Русалки», «Трех пальм» и «Даров Терека» великий критик пишет: «Не менее превосходна «Казачья колыбельная песня». Ее идея — мать; но поэт умел дать индивидуальное значение этой общей идее: его мать — казачка, и потому содержание ее колыбельной песни выражает собою особенности и оттенки казачьего быта. Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного, в любви матери, весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какой дышит любовь матери — все это воспроизведено поэтом во всей полноте. Где, откуда взял поэт эти простодушные слова, эту умилительную нежность тона, эти кроткие и задушевные звуки, эту женственность и прелесть выражения? Он видел Кавказ, — и нам понятна верность его картин Кавказа. Он не видал Аравии, и ничего, что могло бы дать ему понятие об этой стране палящего солнца, песчаных степей, зеленых пальм и прохладных источников, но он читал их описания: как же он так глубоко мог проникнуть в тайны женского и материнского чувства?»[5] Современники говорят, что на создание колыбельной песни Лермонтова вдохновила встреча со знаменитой черноморской красавицей Евдокией (Авдотьей) Догадихой, напевавшей колыбельную над люлькой сына своей сестры, когда поэт вошел в хату, отведенную ему для постоя. Князь Г. Г. Гагарин, друг Лермонтова, оставивший немало прекрасных акварельных рисунков жителей кубанских станиц, так описывал эту женщину: «Хотя ей было уже тридцать лет, это была замечательная женщина. Она была высокого роста, бюст ее бросался в глаза всякому. При редкой стройности стана, необыкновенной белизне цвета кожи, голубых навыкате глазах, при черных, как смоль волосах, эффект был поразительный. Мне в первый раз в жизни пришлось увидеть такую женщину. Войдя к ней, я казался встревоженным и изумленным; я не предполагал, что могу встретить между казачками типы такой изящной красоты»[6].

[3] Матвеев 2001, 31.
[4] Матвеев 2001, 31.
[5] Семенов 1939, 135–136.
[6] Матвеев 2001, 31–32.

Еще одно народное сказание, теперь уже «татарское» (а точнее, азербайджанское и турецкое) сказание о странствующем поэте-сказителе (ашуге) Ашик-Гарибе было творчески переработано Лермонтовым и опубликовано под названием «Ашик-Кериб» (так поэт изменил имя главного героя).

Разумеется, одним из главных произведений М. Ю. Лермонтова на кавказскую тему, является роман «Герой нашего времени». Во второй рецензии на это произведение В. Г. Белинский писал: «… в «Герое нашего времени» вы видите повседневную жизнь обитателей Кавказа, видите ее в повести и в драме нашего времени, которые с таким творческим искусством изображает художественная кисть г. Лермонтова. Тут не одни черкесы: тут и русские войска, и посетители вод, без которых неполна физиономия Кавказа. Бывшие там удивляются непостижимой верности, с какою обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности»[7]. Вообще Виссарион Григорьевич полагал, что этот роман «обнаружил в Лермонтове такого же поэта в прозе, как и в стихах. Этот роман был книгой, вполне оправдывающей свое название. В ней автор является решителем важных современных вопросов. Его Печорин — как современное лицо — Онегин нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются — может быть и не без основания — на скудость поэтических элементов в жизни русского общества; но Лермонтов в своем «Герое» умел и из этой бесплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя целого, в строгом художественном смысле, почти все эпизоды его романа образуют очаровательные поэтические миры. «Бэла» и «Тамань» в особенности могут считаться одними из драгоценнейших жемчужин русской поэзии, а в них еще остается сколько дивных подробностей и картин, в которых с такой отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимовича»[8]. Обращаясь же к порицателям образа Печорина, Белинский писал: «Да, в этом человеке есть сила духа и могущество воли, которых у вас нет. В самых пороках его проблескивает что-то великое, как молния в черных тучах, и он прекрасен, полон поэзии даже и в те минуты, когда человеческое чувство восстает на него: ему другое назначение, другой путь, чем вам. Его страсти — бури, очищающие сферу духа»[9]. Очень высоко оценивал Белинский и созданные Лермонтовым образы горцев: «И с каким бесконечным искусством обрисован грациозный образ пленительной черкешенки. Она говорит и действует так мало, а вы живо видите ее перед глазами во всей определенности живого существа, читаете в ее сердце, проникаете все изгибы его… Характеры Азамата и Казбича — это такие типы, которые будут равно понятны и англичанину, и немцу, и французу, как понятны русскому. Вот что называется рисовать фигуру во весь рост, с национальною физиономиею и в национальном костюме»[10]. Л. Н. Толстой в 1909 г. назвал «Тамань» лучшим произведением русской прозы. Лермонтов, создавая «Героя нашего времени», рисовал жизнь такой, какой она была в действительности. Поэт нашел новые художественные средства, которых до этого не знала ни русская, ни западная литература, позволивших ему создать уникальное соединение свободного и широкого изображения характеров персонажей с умением показать их объек-

[7] Белинский 1940, 26.
[8] Семенов 1939, 98–99.
[9] Андронников 1988, 17.
[10] Семенов 1939, 99.

тивно и непредвзято. Лермонтов использовал прием изображения своего главного персонажа — Печорина — либо через восприятие других героев, прежде всего, Максима Максимовича, либо через дневник Печорина, где он предстает таким, каков он бывает наедине с самим собой. Лишь в повести «Максим Максимович» главный герой показан через восприятие автора. В личности Печорина воплощены некоторые черты самого Лермонтова и многих кавказских офицеров того времени. И в других героях романа автор воплотил черты характера и события жизни своих знакомых, что делало их очень реалистичными. Красочность стиля произведения усиливает широкое использование автором кавказского фольклора, русских пословиц и поговорок, народного говора и аристократического стиля разговора. Впервые роман был опубликован в 1840 г. В 1841 г. вышло его второе издание с предисловием, которое было ответом на враждебные рецензии. Новеллы, составляющие этот роман, публиковались и отдельно. Так, например, в 3 номере «Отечественных записок» за 1839 г. была помещена новелла «Бэла» с подзаголовком «Из записок офицера о Кавказе». Белинский так писал об этом произведении: «Простота и безыскусственность этого рассказа — невыразимы, и каждое слово в нем так на своем месте, так богато значением. Вот такие рассказы о Кавказе, о диких горцах и отношениях к ним наших войск мы готовы читать, потому что такие рассказы знакомят с предметом, а не клевещут на него. Чтение прекрасной повести г. Лермонтова многим может быть полезно еще и как противоядие чтению повестей Марлинского»[11].

Упоминание о Кавказе можно найти и в стихотворении «Туча», написанном в 1840 г., когда Лермонтов пребывал в зените своей поэтической славы, но начинал все острее чувствовать углубляющееся противоречие между собой и окружением. В знаменитом стихотворении «Прощай, немытая Россия!» тема Кавказа возникает с новой силой. Поэт выражает надежду, что за «стеной» Кавказа он сможет укрыться от «глаз и ушей» царских жандармов, подавлявших в России всякие ростки свободомыслия.

Многие произведения Лермонтова рассказывают о разных эпизодах Кавказской войны. Например, поэма «Валерик» описывает кровопролитное сражение, где принимал участие сам поэт. Здесь автор показал не только яркую картину жестокого сражения, но и выразил свое неприятие войны как таковой и событий на Северном Кавказе в особенности. Интересно, что это произведение Михаил Юрьевич написал в форме письма немолодого кавказского офицера к женщине, которую он прежде любил, но та забыла его, выйдя замуж и став светской дамой. Но сам офицер все еще хранит чувство к ней в своем сердце. Битва же на Валерике произвела на героя поэмы столь сильное впечатление, что он хочет поделиться им хоть с кем-то. Следует отметить, что этого героя вполне можно считать прообразом Печорина из «Героя нашего времени». Эта поэма отличается очень высокой реалистичностью, а ее стилю свойственны одновременно простота и задушевность изложения в сочетании с богатством языка. Несколько иные настроения, впрочем, звучат в личном письме Лермонтова А. А. Лопухину: «У нас были каждый день дела и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов с ряду. Нас было всего две тысячи пехоты, а их до шести тысяч; и все время дрались

[11] Лермонтов 2, 1988, 635.

штыками; у нас убыло до 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел остались на месте, — кажется хорошо!»[12] Здесь заметно лишь удовлетворение офицера от благоприятного исхода боя. Этому же событию посвящен и рисунок «При Валерике — 12 июля», где поэт изобразил похороны погибшего в этом бою. Очень выразительно стихотворение «Завещание», опубликованное в журнале «Отечественные записки» за февраль 1841 г. В нем приведены прощальные слова смертельно раненого солдата или офицера (если судить по контексту — ссыльного декабриста), обращенные к другу, возвращающегося в скором времени в Россию. Герой стихотворения боится, что известие о его гибели нанесет страшный удар его родителям, поэтому просить друга скрыть от них правду и придумывать разные отговорки отсутствию от него писем. А вот «соседке», которая забыла его любовь, умирающий просить рассказать правду, не щадя ее «пустого сердца. Некоторые исследователи видят в этом стихотворении предвидение поэтом собственной судьбы. Сходный сюжет имеет и стихотворение «Сон», где автор лирично описывает грезы о любимой смертельно раненного офицера, так же, как и ее видение о его гибели.

На основе популярных кавказских преданий создана баллада «Тамара», принадлежащая к числу лучших произведений Лермонтова. В ней поэт с поразительным мастерством излагает глубоко драматичную фабулу, несколькими штрихами вырисовывает портрет прекрасной, но коварной и необъяснимо жестокой женщины, образы грозного замка и мрачного ущелья. Правда, в исходных легендах речь шла не о самой Тамаре, а о ее сестре княжне Дарье, которая будто бы отличалась редкой красотой, но одновременно и необузданной жестокостью. Тамара заточила сестру в уединенный замок, но Дарья и там заманивала к себе путников, а потом убивала их. Замена же в стихах княжны легендарной царицей объясняется тем, что народная молва связывала большинство старинных развалин с именем легендарной царицы, которая также отличалась красотой и вероломством.

Очень сложным является стихотворение «Спор», где описывается «диалог» между горами Эльбрус и Казбек. Здесь поэт размышляет над будущим Кавказа. При этом речь идет не только о конфликте двух народов в борьбе за определенный регион, но и о противостоянии людей и природы. Не случайно, Эльбрус, обращаясь к Казбеку, так описывает хозяйственную деятельность человека:

«Он настроит дымных келий/ По уступам гор;/ В глубине твоих ущелий/ Загремит топор;/ И железная лопата/ В каменную грудь,/ Добывая медь и злато,/ Врежет страшный путь»[13].

Особенностью этого стихотворения является то, что поэт там обращается к мировой истории, указывая, что время великих цивилизаций Востока, обрисованных немногими, но самыми характерными чертами, прошло, и их место теперь занимает Россия. Михаил Юрьевич считал неизбежным подчинение Кавказа именно Российской империи. Ему удалось создать величественную картину идущей с запада русской армии, представленной грозной и необоримой силой:

От Урала до Дуная,/ До большой реки,/ Колыхаясь и сверкая,/ Движутся полки; Веют белые султаны,/ Как степной ковыль,/ Мчатся быстрые уланы,/ Подымая пыль;/ Боевые батальоны/ Тесно в ряд идут,/ Впереди несут знамены,/

[12] Лермонтов 2001, 224.
[13] Лермонтов 1988, 214.

В барабаны бьют;/ Батареи медленным строем/ Скачут и гремят,/ И, дымясь, как перед боем,/ Фитили горят./ И, испытанный трудами/ Бури боевой,/ Их ведет, грозя очами,/ Генерал седой./ Идут все полки могучи,/ Шумны, как поток,/ Страшно-медленны, как тучи./ Прямо на Восток».[14]

Это стихотворение сильно отличается от других произведений Лермонтова из кавказского цикла по своей направленности. Возможно поэтому В. Г. Белинский отнесся к нему довольно холодно, хотя и признавал, что в «Споре» в очередной раз проявился талант автора.

Поэма «Мцыри» имеет сложную историю своего создания. Ранними вариантами сюжета о молодом монахе являются незаконченные поэмы «Исповедь» и «Боярин Орша». В первой действие происходит в Испании, во второй — на Руси. В «Мцыри» сюжет перенесен в Грузию. Известно, что в основу этой истории легла реальная встреча с монахом-горцем, который в юном возрасте был отдан в грузинский монастырь Ермоловым, когда заболел на пути в Тифлис. Он однажды пробовал сбежать, но едва не погиб, а потом смирился со своей участью. Мцыри же не смог смириться с тем, что в своей юной жизни он не знал красоты природы и радостей земной жизни. На фоне великолепных описаний грузинской природы Лермонтов очень искусно изображает смену различных настроений Мцыри, сначала упивающегося свободой, затем очарованного песней шедшей по воду юной грузинки, потом встретившегося с могучим барсом и пережившего страшное физическое и нервное напряжение жестокой схватки и гордость победы и, наконец, ужаснувшегося, когда, заблудившись, вышел к монастырю, из которого так хотел уйти. Смерть от ран и болезни оказывается для героя поэмы единственным путем к свободе.

«Демон» был для самого Лермонтова одним из излюбленных произведений. Поэт работал над ним, начиная с 1829 г. Вариант 1841 г. так и не стал окончательным. Сюжет поэмы о том, как падший дух полюбил земную девушку, а затем погубил ее, не в силах пойти против своей натуры, близок к некоторым кавказским сказаниям. Содержание произведения полно трагизма: Тамара и ее жених погибают в цвете лет, глубоко скорбит старый Гудал, потерявший любимую дочь, сам Демон, погубив девушку, душа которой соткана «из лучшего эфира», «проклял мечты безумные свои», но остался столь же надменным и обреченным на вечное одиночество. В поэме, как и в большинстве других стихотворений Лермонтова, можно встретить прекраснейшие описания природы, яркие образы героев, прекрасные бытовые зарисовки (сцены пляски Тамары и ее похорон), умело использованные мотивы кавказского фольклора. В. Г. Белинский ценил «Демона» больше всех других произведений Михаила Юрьевича. Еще рецензируя «Мцыри», критик писал: «Как жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, действие которой совершается также на Кавказе, и которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило «Горе от ума»: мы говорим о «Демоне». Мысль этой поэмы глубже, несравненно зрелее, чем мысль «Мцыри», и хотя исполнение ее отзывается некоторой незрелостью, но роскошь картин, богатство поэтического одушевления, превосходные стихи, высокость мыслей, обаятельная прелесть образов ста-

[14] Лермонтов 1988, 216.

вить ее несравненно выше «Мцыри» и превосходит все, что можно сказать в ее похвалу»[15].

Последним произведением кавказского цикла Лермонтова, о котором стоит упомянуть, является прозаический очерк «Кавказец», где поэт дал весьма развернутую и подробную характеристику офицеров Отдельного Кавказского корпуса, отчасти ироническую, отчасти серьезно-сочувственную, которую в литературном плане можно определить как дальнейшее развитие образа Максима Максимовича:

«Во-первых, что такое именно кавказец и какие бывают кавказцы?

Кавказец есть существо полурусское, полуазиатское, наклонность к обычаям восточным берет над ним перевес, но он стыдится ее при посторонних, то есть при заезжих из России. Ему большею частью от 30 до 45 лет; лицо у него загорелое и немного рябое; если он не штабс-капитан, то уж верно майор. Настоящих кавказцев вы находите находите на Линии; за горами, в Грузии, они имеют другой оттенок; статские кавказцы редки: они большею частию неловкое подражание, и если вы между ними встретите настоящего, то разве только между полковых медиков.

Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия. До 18 лет он воспитывался в кадетском корпусе и вышел оттуда отличным офицером; он потихоньку в классах читал Кавказского Пленника и воспламенился страстью к Кавказу. Он с 10 товарищами был отправлен туда за казенный счет с большими надеждами и маленьким чемоданом. Он еще в Петербурге сшил себе ахалук, достал мохнатую шапку и черкесскую плеть на ямщика. Приехав в Ставрополь, он дорого заплатил за дрянной кинжал и первые дни, пока не надоело, не снимал его ни днем, ни ночью. Наконец, он явился в свой полк, который расположен на зиму в какой-нибудь станице, тут влюбился, как следует в казачку пока до экспедиции; все прекрасно! сколько поэзии! Вот пошли в экспедицию; наш юноша кидался всюду, где только провизжала одна пуля. Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты. Он во сне совершает рыцарские подвиги — мечта, вздор, неприятеля не видать, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! промелькнуло пять, шесть лет; все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды.

Между тем, хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут. Он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки; он также на свободе читает Марлинского и говорит, что очень хорошо; в экспедицию больше не напрашивается: старая рана болит! Казачки его не прельщают, он одно время мечтал о пленной черкешенке, но теперь забыл и эту почти несбыточную мечту. Зато у него появилась новая страсть, и тут-то он делается настоящим кавказцем.

Эта страсть родилась вот каким образом: последнее время он подружился с одним мирным черкесом; стал ездить к нему в аул. Чуждый утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он принял вполне нравы и обычаи горцев, узнал по именам

[15] Семенов 1939, 145.

их богатырей, запомнил родословные главных семейств. Знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски; у него завелась шашка, настоящая *гурда*, кинжал — старый *базалай*, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь — чистый *шаллох* и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и сшит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия. Он готов целый день толковать с грязным узденем о дрянной лошади и ржавой винтовке и очень любит посвящать других в таинства азиатских обычаев. С ним бывали разные казусы предивные, только послушайте. Когда новичок покупает оружие или лошадь у его приятеля узденя, он только исподтишка улыбается. О горцах он вот как отзывается: «Хороший народ, только уж такие азиаты! Чеченцы, правда, дрянь, зато уж кабардинцы просто молодцы; ну есть и среди шапсугов народ изрядный, только все с кабардинцами им не равняться, ни одеться так не сумеют, ни верхом проехать… хотя и чисто живут, очень чисто!»

Надо иметь предубеждение кавказца, чтобы отыскать что-нибудь чистое в черкесской сакле.

Опыт долгих походов не научил его изобретательности, свойственной вообще армейским офицерам; он франтит своей беспечностью и привычкой переносить неудобства военной жизни, он возит с собой только чайник, и редко на его бивуачном костре варятся щи. Он равно в жар и в холод носит под сюртуком ахалук на вате и на голове баранью шапку; у него сильное предубежденье против шинели в пользу бурки; бурка его тога, он в нее драпируется; дождь льет за воротник, ветер ее раздувает — ничего! бурка, прославленная Пушкиным, Марлинским и портретом Ермолова, не сходит с его плеча, он спит на ней и покрывает ею лошадь; он пускается на разные хитрости и пронырства, чтобы достать настоящую андийскую бурку, особенно белую с черной каймой внизу, и тогда уже смотрит на других с некоторым презрением. По его словам, его лошадь скачет удивительно — вдаль! поэтому-то он с вами не захочет скакаться только на 15 верст. Хотя ему порой служба очень тяжела, но он поставил себе за правило хвалить кавказскую жизнь; он говорит кому угодно, что на Кавказе служба очень приятна. Но годы бегут, кавказцу уже 40 лет, ему хочется домой, и если он не ранен, то поступает иногда таким образом: во время перестрелки кладет голову на камень, а ноги выставляет на *пенсион*; это выражение там освящено обычаем. Благодетельная пуля попадает в ногу, и он счастлив. Отставка с пенсионом выходит, он покупает тележку, запрягает в него пару верховых кляч и помаленьку пробирается на родину, однако останавливается всегда на почтовых станциях, чтобы поболтать с проезжающими. Встретив его, вы тотчас отгадаете, что он *настоящий*, даже в Воронежской губернии он не снимает кинжала или шашки, как они его не беспокоят. Станционный смотритель слушает его с уважением, и только тут отставной герой позволяет себе прихвастнуть, выдумать небылицу; на Кавказе он скромен — но ведь кто ж ему в России докажет, что лошадь не может проскакать одним духом 200 верст и что никакое ружье не возьмет на 400 сажен в цель. Но увы, большею частию он слагает свои косточки в земле басурманской. Он женится редко, а если судьба и обременит его супругой, то он старается перейти в гарнизон и кончает

дни свои в какой-нибудь крепости, где жена предохраняет его от гибельной для русского человека привычки.

Теперь еще два слова о других кавказцах, *не настоящих*. Грузинский кавказец отличается тем от настоящего, что очень любит кахетинское и широкие шелковые шаровары. Статский кавказец редко облачается в азиатский костюм; он кавказец более душою, чем телом: занимается археологическими открытиями, толкует о пользе торговли с горцами, о средствах к их покорению и образованию. Прослужив там несколько лет, он обыкновенно возвращается в Россию с чином и красным носом»[16].

Гибель Лермонтова с Мартыновым стала тяжелым ударом не только для друзей поэта, но и для всех, кто ценил великий литературный дар Михаила Юрьевича. Даже такой далекий от поэзии человек, как генерал А. П. Ермолов, резко осудил эту дуэль: «Уж я бы не спустил этому Мартынову. Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать, да вынувши часы считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня он бы не отделался. Можно позволить убить всякого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься»[17]. Но воплощенные в произведениях Лермонтова величественные образы кавказской природы и яркие, глубоко жизненные образы «кавказцев» навсегда вошли в золотой фонд русской и мировой литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андронников И. Л. 1988: Образ Лермонтова // *Лермонтов М. Ю.* Сочинения: в 2 т. / Е. М. Кострова, О. И. Голуб (ред.). Т. 1, М., 5–18.

Белинский В. Г. 1940: М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.

Лермонтов М. Ю. 2000: Кавказец // Кавказ в сердце России / В. И. Десятерик, В. В. Дементьев (сост.), М., 132–136.

Лермонтов М. Ю. 2001: Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7, М.

Лермонтов М. Ю. 1988: Сочинения: в 2 т. М.

Матвеев О. В. 2001: Лермонтов и казачество // Родная Кубань. 3, 25–33.

Семенов Л. П. 1939: Лермонтов на Кавказе. Пятигорск.

Чекалин С. В. 1991: Лермонтов. Знакомясь с биографией поэта… М.

THE CAUCASUS AND CAUCASIAN WAR IN M.YU. LERMONTOV'S CREATIONS

A. E. Savelyev

The Caucasus became an inexhaustible source of inspiration for the great Russian poet M. Lermontov. He wrote here his most famous works. First of all it is necessary to mention several large poems — "Izmail-bei", "Caucasian Captive", "Kally", "Aul Bastoongy", "Hadji Abrek", "Fugitive". In these works the poet, using ethnographic material, was able to create the reliable and colorful picture of customs and peculiarities of life of mountaineers. Lermontov hymned in many verses beauty of the Caucasian nature. Several verses and ballads were evoked in him by

[16] Лермонтов 2000, 132–136.

[17] Чекалин 1991, 245.

Cossack's folklore. Number of poetic and prosaic works of the poet brightly represents reality of the Caucasian War and customs of regulars of the Separated Caucasian Corps.

Key words: M.Yu. Lermontov, Caucasus, Caucasian War, nature.

© 2010

В. Б. Волкова

СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ЗВЕРЬ» В РОМАНЕ О. Н. ЕРМАКОВА «ЗНАК ЗВЕРЯ»

Статья посвящена исследованию концепта «Зверь» и его структуры в романе О. Н. Ермакова «Знак Зверя». Данный концепт является базовым в романе, и его моделирование возможно через обнаружение интертекстуальных связей с библейским текстом. Мифолого-символический компонент концепта выявляется при сопоставлении заглавия, эпиграфа и ряда сцен произведения. Концепт «Зверь» в метафорическом пространстве романа вбирает в себя весь комплекс ассоциаций, с ним связанных.

Ключевые слова: современная «военная» проза, О. Н. Ермаков.

Библейский текст как прецедентный определяет всю концептосферу романа «Знак Зверя». Ядро концептуального пространства романного интертекста составляют исходные, базовые концепты, «заданные» текстом-источником — Библией. Так, паратекстуальность (связь текста романа Ермакова с его паратекстами — названием («Знак Зверя»), эпиграфом («О дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его и принимающие начертание имени его. Откровение Иоанна Богослова, 14:11»)) актуализируется через соотнесение библейских мифов с метафорическим романным повествованием. Как справедливо замечает Г. Л. Нефагина, «Ермаков сопрягает конкретное, современное с вечным, локальное — с надмирным и всеобщим», а «конкретно-бытовое и библейски мифологическое включается в метафорическую систему романа»[1].

Библейские аллюзии симптоматичны в «военной» прозе О. Н. Ермакова, поскольку вскрывают каузальность как человеческой природы, так и исторических фактов. Эпиграф вписан и в христианский контекст, и в романный. Фактически Иоанн Богослов повествует о судьбе тех, кому уготован ад и о ком говорит «третий Ангел».

Концепт «Зверь» в художественной системе романа амбивалентен. Первая строка романа: «Этот враг изобретателен и хитер. Он подбирается незаметно. Надо быть каждый миг начеку. Не останавливаясь, ходить»[2] — интенционально врезается в библейский контекст. Это и реальный враг — душманы, и мифологи-

[1] Нефагина 2005, 168.

[2] Ермаков 2006, 5.

ческий — сатана, Люцифер, Зверь. Ермаков создаёт образ змея, у которого «есть несколько драгоценных росинок под языком»[3], и именно он представляет опасность для главного героя — Глеба Свиридова, волею судьбы оказавшегося в Афганистане. Мечта о яде, который убивает, возникает у Глеба сразу. В двенадцатой главе первой части романа эта мысль прозвучит повторно. Но если в начале части это желание мстить детерминировано императивной потребностью героя отстоять себя, то в конце — удовлетворением от гибели одного из «дедов»: «…спасибо, сестричка эфа или сестричка гюрза… змеиный бог отблагодарил меня… Шубилаева шипящая сестричка отправила в санчасть и, может быть, на тот свет»[4].

Языческое начало в герое побеждает христианское: Черепаха (армейское прозвище Глеба Свиридова) благодарит своеобразного тотема — змеиного бога, змея. Композиционным элементом выступает повтор («несколько росинок»), истоки которого в древних заклятиях. Повторение «одной и той же ритмической фигуры… гипнотически влияет на исполнителей»[5]. В данном контексте очевиден самогипноз, когда культурное побеждается внекультурным, иррациональным началом души, ведь «внекультурное пространство» — это прежде всего области подсознания, внерациональности, мифологии, которые составляют мир «иррациональной антикультуры»[6].

Змей — это одна из ипостасей многоликого сатаны, поэтому прямая отсылка к Библии очевидна. В главе 13 «Откровения Иоанна Богослова» создан аллегорический образ зверя, «выходящего из моря… с семью головами и десятью рогами»: на рогах его «десять диадим», а на головах — «имена богохульные» (Откр. 13:1). Зверь становится мотивом романа, определяя художественную концепцию повествования, т.е., по словам Б.Н. Путилова, является «устойчивой семантической единицей», характеризующейся «повышенной, можно сказать, исключительной степенью семиотичности» и обладающий «устойчивым набором значений»[7]. Таких значений в романе несколько: 1) аксиологическое — озверение являет собой ценностную норму армейской жизни, где война ведётся не только с внешним врагом — местным населением, «духами», но и с внутренним — с «дедами»; 2) онтологическое — озверение как бытийная характеристика, потому что за два года службы каждый проходит одни и те же этапы постепенного грехопадения, имеющего свои ступени:

– самопредательство (отступление от привычных ценностей и идеалов);
– смирение со сложившимися порядками;
– утверждение и укрепление их;
– смертный грех — убийство.

3) мифолого-символическое — звериное, дьявольское, тёмное, архаичное, иррациональное начало человеческой природы, когда границы культурных норм стираются, делая приоритетными инстинкты; 4) интертекстуальное — исследование феномена «озверения», порождённое условиями жизни, относится к классической традиции (достаточно вспомнить «Бесов» Ф.М. Достоевского), поэтому образ Зверя, библейский по сути, имманентно связан и с русской литературой.

[3] Ермаков 2006, 6.
[4] Ермаков 2006, 82.
[5] Шишмарев 1972, 169–270.
[6] Лотман 1992, 9, 10, 32.
[7] Путилов 1992, 84.

Особый интерес представляет мифолого-символический компонент концепта «Зверь». Ю. С. Степанов, анализируя составляющие концепта «Чёрт, бес», отмечает, что один из эволюционных этапов в осмыслении дьявола, сатаны — это «мотив договора человека с дьяволом»[8]. Такой договор заключается на разных условиях, одним из которых выступает убийство себе подобного.

Глеб Свиридов, изначально чувствуя потребность взбунтоваться против порядков «дедов», не принимая себя в образе Зверя — Черепахи, хочет взбунтоваться, хотя внутренне уже останавливается, ощущая недостаток сил для противостояния всеобщему озверению. Глеб тоскует по другу Борису, который поддержал бы его «революцию», и один из многочисленных повторов во внутренних диалогах героя строится на антитезе: «Жаль, нет Бориса. Но здесь есть я. И я могу сказать: нет»[9].

Глеб мечтает изменить деструктивную действительность, уговаривает других «сынов»-первогодков устроить «революцию». Но взбунтоваться против «портяночных наполеонов» означает нарушить привычный порядок, поэтому разговоры действием не становятся. В примирении героя со злом есть что-то тотальное: в отличие от других, Глеб так жадно не ждёт перехода из одной касты в другую, понимая, что «четвертые вечно будут четвертыми»[10]. И в этом осознании заключена имманентная тоска человека, вызванная покорностью перед всеобщим злом. Само понятие «вечно», «всегда» убивает человеческое в Глебе, потому что это часть индивидуальной истории, составляющая конкретной жизни, субстрат прошлого, о котором он никогда не забудет. Для Глеба это момент истины, потому что он сдался, примирился, озверел, навсегда остался Черепахой, как Мухобой — Мухобоем.

Через полгода службы он переходит в новую касту, где не надо «заправлять свою и чужую постель, драить полы, убирать территорию, по ночам стирать и подшивать свои и чужие подворотнички, чистить туалет»[11]. Но это не приносит ему удовлетворения: свершается привычный ход событий. Будучи дембелем, Черепаха сам станет утверждать такой порядок, в котором человек — «щепка в водовороте событий»[12], неспособная «вырваться из этого потока и повернуть вспять»[13].

В художественном контексте романа Ермакова концепт «Зверь» дистрибутивен, он одновременно детализируется и множится. Глядя на затылок другого «деда» — Енохова, Глеб мысленно отождествляет автомат со змеёй, а огненную очередь — с ядом, поскольку и автомат, и змея жалят, приносят смерть. Дистинкция не характерна для воспалённого сознания героя: потребность убить обидчика Енохова (одного из многих) стирает границы между человеком и Зверем, превращая вчерашнего юного и безобидного мальчика Глеба в агрессивного воина.

В Библии зверь отождествляется с Левиафаном — чудовищным первозданным драконом или змеем, некогда вызвавшим на бой Иегову. В книге пророка Исайи сказано: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжёлым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося,

[8] Степанов 2004, 886.
[9] Ермаков 2006, 41.
[10] Ермаков 2006, 22.
[11] Ермаков 2006, 22.
[12] Нефагина 2005, 167.
[13] Ермаков 2006, 38.

и убьёт чудовище морское» (Исаия 27:1). Змей предстаёт в трёх ипостасях: «прямобегущий» — человеческая эманация; «изгибающийся» — мифологический дракон и «чудовище морское». Библейские образы интертекстуально воплощены в романном действии: «…эти твари разнообразны: безногие, круглые, длинные, узкомордые, многоногие, мохнатые…»[14].

Такой образ змея-зверя умозрителен, главный герой ощущает его интуитивно, не персонифицируя. Поэтому в романном контексте правомерно раздвигать семантические границы концепта «Зверь», наделяя его множественными составляющими понятия зла: война — зло; дьявольское, злое начало в человеке; зло, агрессия чужой земли и чужого народа; мироустройство, разлаженное, превращающее человека в зверя. Совокупность этих зол рождает в Глебе инстинктивный страх перед людьми, самим собой, жизнью и персонифицируется в образе змеи.

В одной из сцен ночного наряда Глеб убивает дезертира, которым оказался Борис. Противоестественность случившегося выражена в отсутствии в повествовательном фрагменте слова «человек». Ермаков постулирует: Глеб не хотел убивать человека, но был вынужден.

Симптоматично, что Глеб скрывает ото всех, кого он убил. Убийство произойдёт в первой части романа, а в четвёртой в разговоре с Колькой Глеб скрывает правду: «Помнишь: туркменский сад, Авгий… Слушай, ты так и не видал Бориса? Нет. И на операции не видал? Нет, нет. Жив ли? у них там, в разведроте, говорят, гибельно»[15]. Это симптом «озверения»: герой мучается из-за содеянного, но не раскаивается, самооправдываясь необходимостью и случайностью. Возникает расслоение «я»-субъекта, один из которых останется в Афганистане, видимо искупая вину, другой — оправится на родину, пытаясь наладить разлаженную жизнь.

Разлад носит в романе вселенский характер, и художественные отсылки к Библии это подтверждают. Эпиграф возвращает читателя к Апокалипсису: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12:7–9). Апокалипсический змей в христианской традиции отождествлялся с «полевым» змеем-искусителем, вползшим в Эдемский сад. Вместе с Адамом были прокляты Богом змей, Ева и земля. Причём каждое из проклятий дуально, например, земля наказана Адамом («проклята земля за тебя» (Бытие 3:17)), а Адам — землёю («прах ты и в прах возвратишься» (Бытие 3:19)). Поэтому в архитектонике романе важно, что земля карает согрешившего Адама-Каина десятью казнями.

В романе «Знак Зверя» своеобразные «казни» имманентно связаны с десятью казнями египетскими, изложенными в «Пятикнижии» Моисея (Исход 7–12): наказание кровью, казнь лягушками, нашествие мошек, травля дикими зверями, мор скота, язвы и нарывы, гром, молнии и огненный град, нашествие саранчи, необычная темнота, казнь первенцев. Но каждая из них осмыслена в романе метафорически, причём каждая интерпретация выступает базовой, ключевой мета-

[14] Ермаков 2006, 5–6.
[15] Ермаков 2006, 231.

форой, не только являясь проявлением аналоговых возможностей человеческого мышления, но и задавая аналогии и ассоциации между различными системами понятий и порождая более частные метафоры[16]. Каждый из мифов своеобразно обыгрывается: вода становится непригодной для питья не из-за чудесного превращения в кровь, а из-за огромного количества хлорки. Библейские и художественные сцены сопрягаются, но Ермаков не нарушает реалистической традиции. Вода хотя и не превратилась в романе в кровь, зато, как в Библии, она «воссмердела» (Исход 7:21). Запах хлорки преследует главного героя, потому что воду хлорируют, борясь с желтухой.

Саранча, как и в Библии, уничтожает зелень, превращая местность в мёртвую зону; не язвы и нарывы, выходящие на поверхность кожи, а желтуха разъедает солдат изнутри. Казнь, связанная с мором скота, имплицитно соотносится с гибелью свиней во время артобстрела. Травля дикими зверями в метафорическом пространстве романа оборачивается затравленностью людей, пугающихся всякого шороха во время ночного дежурства, постоянно ожидающих атаки либо со стороны «духа», либо змеи, либо варана. Змея, метафорический образ дьявола, кусает руку Шубилаева, измывающегося над «сынами», но именно из-за этого укуса Глеб вместо Шубилаева оказывается на дежурстве с Еноховым и убивает друга Бориса.

Нашествие мошек воплощено в реалистических сценах солдатского обеда: «В столовой много мух, они бегают по столам, садятся на руки, на носы, моют лапки и лезут в кашу с желтой свининой, неосторожные срываются и дохнут в горячем кофе. Люди завтракают, нервно мотая головами, смахивая с рук настырных насекомых и с ругательствами извлекая их из кружек»[17].

Символической является казнь первенцев: новобранцы после двухмесячного обучения становятся «пушечным мясом», жертвой, которая приносится в дар богу войны. Первенцы-новобранцы бессмысленно гибнут: кто-то физически, кто-то нравственно. Протестующие против порядков, решившиеся на «революцию» бегут и объявляются дезертирами. Не выдержавший в Афганистане мальчик-киномеханик стреляется. Глеб убивает Бориса — это исторически противоестественно, потому что оба брата погибли, отстаивая одну идею.

Гром, молнии и огненный град в романном контексте превращаются в самум, который рождает тьму, предрекая девятую казнь Господа. Именно самум не позволяет Черепахе улететь из Афганистана на родину.

Имманентная связь романного текста с библейским, художественное обыгрывание десяти ветхозаветных казней египетских, «игра на противопоставлении «реального/условного» свойственна любой ситуации «текст в тексте»[18]. Библейские интертекстемы позволяют Ермакову сплетать частную жизнь индивидуума с жизнью общечеловеческой и природной; воспринимать отрезок времени, отведённый под эту жизнь, в контексте вечности; вписывать внутреннее духовное пространство человека в географическое и ментальное. Сложить эти составляющие в романный текст становится возможно, по словам М. М. Бахтина, только

[16] Арутюнова 1990, 17.
[17] Ермаков 2006, 12.
[18] Лотман 2000, 704.

посредством героя[19]. Главный герой, наблюдая за метаморфозами раскалённого солнцем пространства видит полуфантастическую картину, в которой змей в ипостаси кобры властвует над миром: «…они… глядят на Мраморную, на город, на его постройки, на размытые, расплавленные степи, где танцуют желтоватые толстые кобры — выгибаются, достают головами небо, рассыпаются и вновь встают, переплетаются, свиваются в клубы, кружатся, кружатся»[20]. Глаголы в однородном ряду и повторы создают тот же гипнотический эффект, как и в других сценах романа, где фигурирует змея. Глеб ощущает ярость земли, воды, воздуха, солнца, агрессию времени и пространства. Интертекст романа вскрывает каузальные связи гетерогенных явлений.

Концепт «Зверь» является базовым в романе О. Ермакова, отражающим важные элементы художественного дискурса. Данный концепт сложно структурируется в романе, поскольку его моделирование становится возможным при выявлении всевозможных интертекстуальных связей. Структура концепта включает ценностный, онтологический, интертекстуальный и мифолого-символический компоненты.

Критерием выделения мифолого-символического компонента является его функциональная особенность: символ выполняет функцию замещения более важной культурно-значимой информации. Ключевым средством объективации концепта служит лексема «зверь». Показателями данного выделения являются широкая семантическая структура, нейтральность значения, обобщающий характер по сравнению с другими лексемами (например, с лексемой «змея»), вербализирующими разные признаки многоуровневого концепта «Зверь».

Мифолого-символический компонент имеет особую значимость уже потому, что характеризует отчуждение от Богом оставленного пространства и тотальное одиночество человека в мире, где правит «князь тьмы», и этот компонент «является скрытой частью, гранью концепта, неизменно присутствующей в его структуре в качестве элемента, привнесенного библейской мифологией»[21], и реализующегося на определённых этапах развития сюжета романа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнова Н. Д. 1990: Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 5–32.

Бахтин М. М. 2000: Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.

Елисеева О. В. 2008: Когнитивный аспект символического компонента в структуре концептов Бог и Дьявол в русской, французской и английской лингвокультурах. 10.02.19 — Теория языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.

Ермаков О. Н. 2006: Знак Зверя. М.

Лотман Ю. М. 1992: Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн.

Лотман Ю. М. 2000: Семиосфера. СПб.

Нефагина Г. Л. 2005: Русская проза конца XX века: учеб. пособие. 2-е изд. М.

Путилов Б. Н. 1992: Веселовский и проблемы фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского: Исследования и материалы. СПб., 74–85.

Степанов Ю. С. 2004: Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.

[19] Бахтин 2000, 10–12.

[20] Ермаков 2006, 57.

[21] Елисеева 2008, 9.

Шишмарев В.Ф. 1972: Избранные статьи. Л.

STRUCTURE OF "THE BEAST" CONCEPT IN THE NOVEL "THE SIGN OF THE BEAST" BY O. N. YERMAKOV

V. B. Volkova

This is a study of the concept "the Beast" and its structure in the novel "The Sign of the Beast" by O. N. Yermakov. It is a basic concept of the novel, and it is possible to model it through intertextual connection with the biblical text. Mythological and symbolic component of the concept is revealed through comparison of the title, epigraph, and a number of scenes from the book. "The Beast" concept in a metaphoric space of the novel incorporates all associations connected with it.

Key words: modern "military" prose, O. N. Yermakov.

© 2010

В. А. Гавриков

ГАРМОНИЗАЦИЯ СИНТЕТИКО-СТИХОВОГО РИТМА В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ

В работе исследуются основные приемы гармонизации стихового ритма в поэтико-синтетическом тексте (произведениях песенной поэзии). В современной науке есть два пути решения данной проблемы: путем исследования печатного текста или анализа фонограммы. Статья посвящена исследованию данного вопроса с точки зрения синтетической литературоведческой методологии.

Ключевые слова: песенная поэзия, синтетический текст.

Литературовед, исследующий стиховой ритм произведения песенной поэзии, сталкивается с проблемой освоения традиционным инструментарием нетрадиционного материала — звучащих (поющихся) стихов. Очевидно, что для решения этой проблемы могут быть предложены два пути: во-первых, с фонограммы можно снять подстрочник и исследовать стиховой ритм без учета его звучащей природы, во-вторых, можно ориентироваться на аудиозапись — анализировать процессы, происходящие в синтетическом тексте. И хотя второй подход кажется более сложным, в настоящей статье мы попытаемся обосновать не только его возможность, но и необходимость.

Вначале кратко охарактеризуем различия двух стиховых ритмов — печатного и звучащего (синтетического). Ритм поэзии «бумажной» имеет конкретные опорные точки — икты, это те узлы, которые определяются посредством *узуальных словесных ударений*. Второй ритмической подсказкой становится *графика*: разде-

ление на строки, различные отбивки, курсив, повышение регистра и т. п. , а также знаки ударения при нетрадиционном или омографичном словесных акцентах. Словом, поэт, зная, что его произведение будет читаться, использует дешифруемые через графику способы ритмизации.

У автора поющего задача иная: его реципиент воспринимает не визуальный, а акустический поэтический образ, поэтому ритмизируется синтетическое произведение *не от графики, а от звука*. С этим связаны, кстати, утверждения, часто встречающиеся в критической и научной литературе, что читать на бумаге произведения того или иного поющего поэта трудно: в них нет привычного (пусть даже по-маяковски сложного) ритма, поэтический текст «рассыпается». В подобных случаях правильно расставить логические и ритмические акценты можно только воспользовавшись фонограммой.

Заметим, что одна и та же песня при многократном исполнении автором может иметь разный ритмический рисунок. Получается, что певец руководствуется неким «внутренним ритмическим планом», меняющимся от исполнения к исполнению. Этот «внутренний ритм», «абстрактный ритмообраз» хоть и строится на материале стихового и музыкального ритмов, однако по отношению к ним обладает сравнительной независимостью, которая реализуется в рамках синтетического текста. Наш таинственный незнакомец есть не что иное, как артикуляционный ритм (а лучше сказать — *проторитм*), который, находясь в сознании певца, является производной ритмической матрицей. Получается, что *эксплицированный в звуке артикуляционный ритм имеет две имплицитных составляющих: стиховой ритм (образованный узуальными словесными ударениями) и проторитм (ментальный план)*. Первый из них может быть воплощен в графике, второй — через артикуляцию — только в звуке. Конечно, можно попытаться выработать специфическую азбуку, передающую все особенности исполнения, но, во-первых, она пока не создана (традиционная транскрипция по поверку оказывается достаточно схематичных «языком», чтобы описать песенную речь), а, во-вторых, данная азбука, вероятно, и не может быть создана вовсе, этому противится сам материал: «характер растягивания гласной в следующей строке: “А под горою ви-и-и-и-и-шня...” – отразить письменно совершенно невозможно: на каждом “и” голос создает особую интонацию»[1]. Кто слышал композицию «Моя цыганская» Высоцкого — согласится, что данный распев действительно передать в графике кажется делом безнадежным. И таких неэксплицируемых звуков в песенном тексте достаточно много, поэтому наш проторитм невозможно «вычленить» из сознания исполнителя окончательно, мы можем анализировать его лишь по косвенным проявлениям. Однако несмотря на его трансцендентность графике (да в общем-то и другим знаковым системам), он выполняет важнейшую функцию при ритмизации синтетического текста, фактически управляет ей. Поэтому необходимо изучать материальное воплощение проторитма — артикуляционный ритм, который, в свою очередь, теснейшим образом связан со стиховым ритмом. А вот графически неэксплицируемые объекты (вроде «ви-и-и-и-и-шни» Высоцкого) нужно исследовать дескриптивно.

Певец материализует проторитм в стиховой «системе координат» посредством ряда приемов синтетической гармонизации. Начнем с самых распростра-

[1] Бойко 1997, 346–347.

ненных: «пропуск <слога. — В.Г.> замещается паузой или долготой соседнего слога»[2]; «звучащий текст имеет в сравнении с бумажным еще как минимум две возможности экспликации длины стиха – это паузы и долгота гласных»[3]. Помимо *паузы* и *распева гласного* есть и еще одна не менее распространенная операция — *убыстрение артикуляции*, когда певец в ритмическую ячейку, предназначенную для одного слога, «втискивает» два и более: «в реальном ритме это слово <слово “говорят” с “количественно редуцированными до минимума” гласными звуками. — В.Г.> бывает то односложным, то “полуторасложным”. И как соотносить это с силлабо-тоникой?»[4].

Еще два достаточно часто встречающихся приема — *усиление безударных* и *ослабление ударных звуков*. Эта особенность ритмического выравнивания также замечена учеными: «Усиление звука достигается за счет не только громкости, но и долготы: “И каждый думал о *че-е-рвя-чке*”, “Тугие мочевые *пу-зы-ри*”. Но, мало того, и девятый слог, должный быть слабым, но расположенный между двумя слогами удвоенной силы (метр + музыка), также усиливается (за счет энергии или долготы), не всегда достигая интенсивности слогов 8 и 10, но заметно отличаясь от других слабых. Он становится, если можно так выразиться, полусильным»[5]. Что касается ослабления гласных, то грамматические ударения часто редуцируются.

Возможности артикуляционной гармонизации столь широки, что она даже может сделать прозу (только за счет голосовых модуляций) ритмически стихоподобной. Такую гармонизацию знает, как, например, церковное пение, где часто происходит превращение прозаических молитв в ритмизированные образования, так и песенная поэзия. В этой связи интересным представляется нам композиция «Красный смех» (проект «Коммунизм», альбом «Благодать», ч. 4), которая является поэтическим переложением отрывка из повести Леонида Андреева «Красный смех». Вот так выглядит прозаический претекст в авторской редакции (изъятия из претекста, сделанные Летовым, выделены курсивом):

«— …Сейчас я только еще схожу с ума и оттого сижу и разговариваю с вами, а когда разум окончательно покинет меня, я выйду в поле — я выйду в поле, я кликну клич — я кликну клич, *я соберу вокруг себя этих храбрецов, этих рыцарей без страха,* и объявлю войну всему миру. Веселой толпой, с музыкой и песнями, мы войдем в города и села, и где мы пройдем, там все будет красно, там все будет кружиться и плясать, как огонь. Те, кто не умер, присоединятся к нам, и наша храбрая армия будет расти, как лавина, и очистит весь этот мир. Кто сказал, что нельзя убивать, жечь и грабить?..

<*монолог прерывается описанием палаты*>

— Кто сказал, что нельзя убивать, жечь и грабить? Мы будем убивать, и грабить, и жечь. Веселая, беспечная ватага храбрецов — мы разрушим всё: их здания, их университеты и музеи; веселые ребята, полные огненного смеха, — *мы попляшем на развалинах*. Отечеством нашим я объявлю сумасшедший дом; *врагами нашими и сумасшедшими — всех тех, кто еще не сошел с ума; и когда, ве-*

[2] Свиридов 2001, 100.
[3] Доманский 2008, 17.
[4] Бойко 1997, 348.
[5] Свиридов 2001, 99.

ликий, непобедимый, радостный, я воцарюсь над миром, единым его владыкою и господином, — какой веселый смех огласит вселенную!

— Красный смех! — закричал я, перебивая. — Спасите! Опять я слышу красный смех!

— Друзья! — продолжал доктор, обращаясь к стонущим, изуродованным теням. — Друзья! У нас будет красная луна и красное солнце, и у зверей будет красная веселая шерсть, и мы сдерем кожу с тех, кто слишком бел, кто слишком бел... Вы не пробовали пить кровь? Она немного липкая, она немного теплая, но она красная, и у нее такой веселый красный смех!...»[6].

Кратко скажем об отличиях двух вариантов. Летов использует несколько операций по трансформации прозаического текста. Во-первых, убирает все фрагменты, не являющиеся составными частями монолога врача и некоторые фразы из данного монолога.

Во-вторых, с целью придания треку «большей песенности» певец увеличивает число повторов (например, дважды произносится фраза «весь этот мир», тогда как у Андреева здесь нет повтора, четырежды — «Мы будем убивать, и грабить, и жечь», в претексте повтора также нет).

В-третьих, для стиховой гармонизации используется ослабление иктов и переакцентовка: например, слово «красно́» у Летова приобретает ударение на первый слог (певец выбирает для этого другую форму: «красным»), что согласуется с общим ритмом стиха:

Мы войдём́
В города́ и сёла,
И где́ мы пройдём́,
Там всё́ будет кра́сным…

_ ´_ _ ´_ (хорей)

_ _ _ ´_ _ ´_ (хорей)

_ _ ´_ _ _ ´_ (амфибрахий)

_ _ ´_ _ _ ´_ _ (амфибрахий)

Этот фрагмент состоит из двух парных строк: два хорея, два амфибрахия. Чтобы последняя строка стала амфибрахием, Летов изменил ударение в интересном нам слове. Заметим, что ударный «ё» (слово «всё») за счет скандовки перетянул на себя и ударение слова «будет», сделав его в синтетическом тексте энклитиком: «всё́будет». В предыдущей строке таким же образом отмечено другое местоимение — «где».

Помимо этого, строки перекрестно «сцепляются» клаузулами (присутствует даже тавтологическая рифма: войдем-пройдем): 1. мужская, 2. женская, 3. мужская, 4. женская. Такая упорядоченность клаузул не была бы осуществлена, если бы не вторичная акцентовка.

[6] Андреев 2001.

В-пятых, замена слова: вместо лексемы «сдерем» для гармонизации ритма используется «снимем»: «И мы снимем кожу с тех, / Кто слишком бел», так Летов избавляется от разрушающего ритм спондея «сдере́м ко́жу»:

_ _ _ _ _ _ _ _ (сдерем)

_ _ _ _ _ _ _ _ (снимем)

В-шестых, один из главных приемов стихизации прозы — разбивка ее на поэтические строки. Для этого поэт использует паузы и длительные распевы гласных в последнем икте строки или клаузуле.

И, наконец, в-седьмых, для большей чеканности ритма Летов применяет что-то вроде скандовки — особо ритмизированное произношение-пропевание. Этот прием способствует образованию достаточно жесткой ритмической матрицы, способной атонировать, то есть «снимать», узуальное ударение, а также дополнительно акцентировать служебные части речи, безударные слоги и т. д.

Чтобы показать, как эти приемы работают в системе, проанализируем первую строфу синтетического текста:

Сейчас | я только | еще | схожу | с ума

_ _ _ _ _ _ _ _ _ _

Во второй стопе первой строки Летов за счет быстрого произнесения и особенностей скандовки «съедает» лишний слог: трехсложная стопа «я только» вмещается в один период, предназначенный для двусложной стопы. В целом же первая строка представляет собой ямб.

И от | того | сижу | и раз | гова | рива́ | ю с ва | ми

_ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _

Вторая строка также является ямбом, причем в слове «разговариваю» певец делает двойное ударение (плюс – внутрисловную паузу):

А ко | гда

_ _ _ _

Третья строка ритмизируется благодаря скандовке и ударности союза «а». Правда, здесь один двусложный размер меняется на другой. Хорей же (правда, деформированный в последней стопе) присутствует и следующей строке:

Ра́зум | [а́]ко | нча́те | льно по | ки́нет | меня,

_ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _

Удвоение ударения во втором слове также вызвано особенностями скандовки. Следующие три строки (ямб) строятся по одинаковой схеме (только в третьей наблюдается усечение последнего слога):

Я вы | йду в по | ле,
Я вы | йду в по | ле,
Я кри | кну клич,
_ _́ _ _́ (_)

Ямб (деформированный в последней стопе) присутствует и в последней строке нашего отрывка:

И объ | явлю | войну | всему | миру…
_ _́ _ _́ _ _́ _ _́ _ _

Ударе́ние в слове «всему» — условное, дело в том, что Летов произносит «всемуми́ру» как одноакцентное образование, переход к этой фоногруппе сопровождается заметной паузой.

Мы видим, что певец гармонизирует первую строфу за счет скандовки, дополнительной акцентовки, строфоразделительных, строкоразделительных и внутристроковых пауз. Когда певец чувствует, что ритмически гармонизированная последовательность сталкивается с каким-то деформирующим (энтропическим) образованием, он делает паузу или прерывает строку («А когда́ / Ра́зум окончательно покинет меня» — стечение двух ударений), избавляется от узуального ударения, используя проклизу / энклизу («всемуми́ру») или образует в слове двойное ударение («[а́]конча́тельно»). Односложные слова в зависи́мости от ритмического контекста либо приобретают самостоятельное ударение («а́ когда»), либо остаются проклитиками / энклитиками. Строфа отделяется от следующей длительной протяжкой звука «у» в слове «миру». Среди приемов стихизации — отсечение части претекста: между предпоследним и последней строками рассмотренной строфы у Андреева есть еще фрагмент текста («я соберу вокруг себя этих храбрецов, этих рыцарей без страха»). Мы можем констатировать: летовская песня — это не просто фразовик, где стихизация заключается лишь в разбивке на строки, а акцентно гармонизированное образование.

Итак, синтетический ритм в песенной поэзии является весьма сложной структурой, в образовании которой участвуют и стиховой ритм (опорными точками которого становятся в первую очередь грамматические ударения в словах), и артикуляционный (его производящая основа — проторим, находящийся в сознании певца), и иногда — музыкальный.

Кроме названных, специфическими приемами, упорядочивающими синтетико-стиховой ритм, являются *монофтонгизация и вокализация сонорных*. Известно, что язык стремится в экономии: произносить две гласных подряд, тем более одинаковых, неудобно. Поэтому мы чаще говорим, например, «в(а)бще», а не «вообще». Оказывается, что живая поэтическая речь способна монофтонги-

зировать подобные сочетания (то есть сращивать два гласных в один слог) для гармонизации стихового ритма.

В уже цитировавшейся нами статье Ю. В. Доманского, где анализируется ритмический строй исполнения песни «Ангедония» Яны Дягилевой, отмечен один пример интересной нам монофтонгизации: «в стихе 32 твердая схема 4-х стопного анапеста создается из-за того, что слово “ориентиры” произносится как “орентиры”, а следовательно в сочетании с “на свет” дает две стопы анапеста»[7].

Похожий случай монофтонгического усечения есть в песне Гребенщикова «Сирин, Алконост, Гамаюн» («Русский альбом»):

И может | быть, [следу | щим], кто по | стучит к нам | в дверь,
Будет война.
_ ´ _ _ ´ _ _ ´ _ _ ´ _ _ ´ _
_ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _ _

Если бы певец произнес слово «следующим» на четыре слога, то упорядоченность ритма была бы нарушена. Встречается монофтонгизация и у Егора Летова (песня «Я иллюзорен», «Красный альбом»):

Среди́ | твово́ | споко́й | ствия | лета́ | ет экс | тремі́ст.

Перед нами четко упорядоченный ямб с двумя пиррихиями в словах «спокойствия» и «экстремист». Надо отметить, что появление слова «твово» вызвано не только ритмическими, но и смысловыми причинами: подчеркнуто неправильная форма — еще один прием эпатажа, вызванного желанием эпатировать обывателя (адресата «ты»).

Явно по эстетическим причинам (для создания разговорного антуража) используется монофтонгизация у А. Галича: «Судьба мили[ца]нерская — / Ругайся цельный день / Хоть скромная, хоть дерзкая — / Ругайся цельный день. / Гулять бы ей с подругами / И нюхать бы сирень, / А нужно с шоферюгами / Ругаться цельный день» («Леночка»). Обратим внимание на «неправильное» употребление сочетания «цельный день» (вместо «целый»), явно разговорную форму «шоферюги», эти особенности создают стилистический контекст для «разговорной монофтонгизации».

Теперь несколько слов скажем о вокализации сонорных (использовании сонорного в качестве слогообразующего). В качестве материала возьмем песни Бориса Гребенщикова, где интересный нам прием стал системным. Например: «Они красят стены в коричневый цвет, / И пишут на крышах слова; / Имеют на завтрак имбирный лимон, / И *рубль* считают за два» («Держаться корней», альбом «Акустика»).

Певец произносит слово «рубль» как двусложное, что согласуется с общим стиховым ритмом произведения:

И пи́шут на кры́шах слова́;
1 2 3 4 5 6 7 8

[7] Доманский 2008, 13.

И *ру́бъль* счита́ют за два́.
1 2 3 4 5 6 7 8

´ ´ ´
– – – – – – – –
´ ´ ´
– – – – – – – –

Как мы видим, количество слогов при двусложном статусе слова «рубль» становится упорядоченным, в обоих случаях равным восьми. Еще примеры: «Иванов на остановке, / В ожиданье колесницы, / В предвкушеньи кружки пива — / В понедельник утром жизнь тяжела» («Иванов», альбом «Акустика»); «Смотри, мне некуда бежать: еще *метър* — и льды» («Волки и вороны», «Русский альбом»); «Оставъль старца и учаше, кто́ млад» («Никита Рязанский», «Русский альбом»). В последнем примере певец через вокализацию сонорного избавляется от деформирующего ритм спондея.

Заметим, что рассматриваемый нами прием гармонизации синтетического ритма имеет и своего «обратного двойника»: два сонорных могут перетягивать на себя слогообразующую функцию соседнего гласного звука, а фактически — редуцировать последний (песня «Пески Петербурга» с одноименного альбома): «Всех по ту [сторну] стекла».

´ ´ ´
– – – – – – –

Или еще пример: «Вавилон, / Город как город: / Печалиться об этом не след. / Если ты идешь, / Мы идем в одну [сторну]: / Другой стороны просто нет» («Рыба», альбом «Ихтиология»). Здесь редукция интерконсонантного еще и сопровождается уточнением рифмы («город — сторну»), которая оказывается женской, а не женско-дактиллической (неравносложной).

Встречаются в синтетическом тексте и случаи, когда слогообразующим становится, например, губной (более того, он выполняет функцию ударного гласного!):

Из пампасов пришли ловеласы.
Ловеласы с собой принесли

´ ´ ´
– – – – – – – – –

Маракасы –
Это бразильские бубны.

Стоя у гастронома Донбасса
Савальеро, обутые в

´ ´ ´
– – – – – – – – –

Адидасы —

Это бразильские кеды… (В. Дркин, «Бразильская», альбом «Всё будет хорошо»).

Вторая́ строка́ ка́ждого из четверостиший песни завершается ударным слогом (принесли́, полны́, оди́н), причем в синтетическом тексте это ударение становится главным в строке, именно его певец выделяет особо (и музыкально, и артикуляционно): на этом слоге Дркин словно «спотыкается», то есть прерывает на пару секунд песню, чтобы потом перейти к следующей строке. Во втором катрене композиции на месте ударного слога оказывается предлог «в», который выполняет несвойственную ему функцию стихового акцента.

Подведем общие итоги. Приемы гармонизации синтетико-стихового ритма можно разделить на *структурные* (строкоразделительные, строфоразделительные паузы и распевы…), *слоговые* или структурные внутристроковые (распев, краткость гласных, инкорпорирование избыточных элементов, например, песенных междометий, монофтонгизация, вокализация сонорных и других согласных, внутристиховые паузы…), *акцентные* (скандовка, дополнительная акцентовка, переакцентовка, редукция грамматического ударения…).

Однако синтетико-стиховой ритм характеризуется не только артикуляционной упорядоченностью. Непринужденность, спонтанность и установка на диалог — важные условия протекания разговорной речи. Поэтому (особенно согласно первым двум признакам) вторым ритмообразующим механизмом при манифестации синтетического текста является речевая энтропия. Но это тема для отдельного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев Л. 2001: Иуда Искариот. М.

Бойко С.С. 1997: О некоторых теоретико-литературных проблемах изучения творчества поэтов-бардов // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. 1. М., 343–351.

Доманский Ю.В. 2008: «Ангедония» Янки Дягилевой: опыт анализа одного исполнения // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Вып. 10. Екатеринбург, Тверь, 153–165.

Свиридов С.В. 2001: А. Башлачев. «Рыбный день» (1984). Опыт анализа // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Вып. 5. Тверь, 93–106.

HARMONIC RHYTHM IN SYNTHETIC POETIC TEXTS (SONGS)

V.A. Gavrikov

The article deals with main methods of harmonization of poetry rhythm in poetical synthetic text. There are some approaches of this problem in a modern science: on the basis of published text or on the basis of phonogram. The article is devoted to the solution for this problem by force of philological synthetic method.

Key words: singing poetry, synthetic text.

ЛИНГВИСТИКА

© 2010

Е. И. Рогалёва

СПЕЦИФИКА ТОЛКОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Выявлены и рассмотрены различные типы толкований в современных фразеологических словарях. Характеризуются особенности дефиниций фразеологизмов в учебных фразеологических словарях. Приводятся авторские способы семантизации фразеологизмов.

Ключевые слова: учебная фразеография, фразеологическая семантика, типы толкований, коммуникативно-прагматический комментарий, словарь-тренажёр.

Основная проблема, которую решают на практике составители фразеологических словарей, это проблема семантической достаточности толкования. А. И. Молотков отмечает, что типы толкований, используемые составителями «Фразеологического словаря русского языка» (1976), позволяют, во-первых, более объективно подойти к определению значения каждой конкретной ФЕ, а во-вторых, приблизиться к пониманию качественной природы фразеологического значения, «по всей вероятности, иной, чем природа лексического значения слова»[1]. Форма толкования в концепции А. И. Молоткова зависит от соотнесенности фразеологизма с той или иной частью речи: значение субстантивного фразеологизма толкуется субстантивным описательным оборотом (**Ахиллесова пята.** *Наиболее уязвимое место у кого-либо*), глагольного фразеологизма — описательным инфинитивным оборотом (**Давать волю языку.** *Позволять себе говорить лишнее*), адвербиального — наречным оборотом (**Черепашьим шагом.** *Очень медленно*). Для адъективных фразеологизмов предлагаются подтипы толкований — описательные атрибутивные обороты с прилагательным в полной форме (*Очень умный, толковый, способный*) и с прилагательным в краткой форме — так подчеркивается предикативная функция ФЕ (*Очень глуп, недалек).* Глагольно-пропозициональные фразеологизмы «толкуются глагольным описательным оборотом, чаще всего с предшествующим ему неопределенно-личным местоимением (**Язык заплетается** *у кого. Кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо*)». И лишь для междометных ФЕ в силу разнообразия их структуры не находится единой формулы толкования[2].

[1] ФСРЯ 1976, 13.
[2] ФСРЯ 1976, 13–14.

В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина, авторы «Большого словаря русских поговорок», главной задачей дефиниции считают «максимальное прояснение семантики оборота и его конкретную привязку к характеризуемому человеку, предмету, явлению или ситуации»[3]. Это достигается за счет детализации различных по типу толкований, использования уточняющих вставных конструкций: **От волка бежал, на медведя попал.** *Народн. Ирон.* О человеке, пытавшемся избежать неприятностей, но попавшем в еще более сложное, неприятное положение[4]. **Ударять по желудку** *кому. Жарг. лаг. Пренебр.* Лишать кого-л. пайка на некоторое время (старая мера наказания в исправительно-трудовых учреждениях)[5].

Указание на отношение признака к лицу, предмету считают важным структурным элементом толкования и Н. Ф. Алефиренко и Л. Г. Золотых, авторы Фразеологического словаря с подзаголовком «Культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (2008). Тип толкования определяется здесь соотнесенностью с частью речи, синтаксической функцией и синтаксической структурой фразеологизма, что позволяет несколько расширить классификацию дефиниций А. И. Молоткова, в частности для фразеологизмов со структурой предложения[6].

Новаторством в разработке дефиниций характеризуются масштабные словарные проекты 2009 года — «Большой фразеологический словарь русского языка» (Отв. ред. В. Н. Телия) (БФСРЯ) и «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» (ФОСРЯ) А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского.

В первом из упомянутых источников впервые в мировой лексикографии предлагается многоаспектное толкование значения ФЕ, в котором выделяются 7 «подзон»: краткое определение значения фразеологизма, достаточное для его понимания; сведения, отображающие знания об общем контексте речи; описание характерной ситуации употребления; уточнение круга предметов, которые могут описываться данным фразеологизмом; указание на эмоционально-оценочное отношение говорящего к тому, что обозначается фразеологизмом; отражение функционально-стилистических параметров ФЕ; описание аспектуально-видового значения фразеологизма; формула семантико-синтаксической конструкции употребления ФЕ. «Это подразделение толкования призвано описать все семантически значимые смыслы, характерные для значения того или иного фразеологизма, проявляющиеся при их употреблении в речи», — отмечает В. Н. Телия во вступительной статье[7]: **МУТИТЬ ВОДУ. кто.** Вносить смуту. *Подразумевается* стремление создать ненормальную, нездоровую обстановку внутри какой-л. социальной группы. *Имеется в виду, что* лицо или группа лиц (Х) сеет раздор, будоражит людей, вызывая излишнюю подозрительность, подстрекает к выражению неудовольствия или протеста, как правило, на пустом месте. *Говорится* с неодобрением. **Неформ.** Х ***мутит воду***[8].

В дефинициях фразеологизмов, разработанных А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским (ФОСРЯ), впервые получает изъяснение образный компонент се-

[3] Мокиенко, Никитина 2008а, 6.
[4] Мокиенко, Никитина 2008а, 97.
[5] Мокиенко, Никитина 2008а, 227.
[6] Алефиренко, Золотых 2008, 10–11.
[7] БФСРЯ 2006, 8.
[8] БФСРЯ 2006, 388.

мантики идиом. «В нашем словаре, — пишут авторы, — толкование включает интерпретацию не только собственно актуального значения (значения в узком смысле), но и образного компонента идиомы — метафоры, на основе которой сформировалось актуальное значение. Образ-метафора, внутренняя форма, поясняется в толковании не полностью, а только в той степени, в которой это влияет на актуальное значение и позволяет хотя бы частично реконструировать сам образ»[9]. Эта информация вводится специальными «операторами внутренней формы», перечень которых приводится в описании лексикографической концепции: «ассоциируется…», «уподобляется…», «описывается…» и т. п. [10], и выделяется графически в структуре толкования: **Вить верёвки (из кого-л.).** Без применения силы, преимущественно на основе практического знания законов человеческой психологии добиваться от кого-л. желаемого, даже если это заведомо противоречит его интересам, что описывается как полное отсутствие собственной воли у объекта манипулирования, *сходное с податливостью гибкого, мягкого материала, которому можно придать любую нужную форму*[11].

Такие многомерные, детализированные толкования, несмотря на их лингводидактическую и культурно-познавательную ценность, не представляется возможным использовать в словарях, ориентированных на младших школьников, в силу возрастных особенностей адресата.

Даже для учащихся средних и старших классов фразеологическая семантика и различные нюансы ее речевой реализации репрезентируются аспектно, как, например, в словаре В. П. Фелициной и В. М. Мокиенко (2002), где толкование, стилистическая и ситуативная характеристика ФЕ являются отдельными параметрами словарной статьи: **ВИТЬ ВЕРЁВКИ** из кого. Разг. … **Полностью подчинить кого-л. своей воле, вынуждать поступать по своему желанию.** Говорится, когда хотят подчеркнуть, что один человек злоупотребляет своим влиянием на другое. ... [12].

Большинство авторов фразеологических словарей для средней школы[13] при разработке дефиниций руководствуются принципом учета частеречной принадлежности, которые, уточняя классификацию А. И. Молоткова, раскрывают в предисловии к «Школьному фразеологическому словарю русского языка» В. П. Жуков и А. В. Жуков[14].

Составители фразеологических словарей для начальной школы[15] менее последовательны в этом вопросе.

Разрабатывая дефиниции фразеологизмов для детских словарей, в том числе для «Детского фразеологического словаря-тренажёра» (далее ДФСТ), мы прежде всего руководствовались положением А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко о том, что создание дефиниции является особым способом моделирования фразеологического значения. Дефиниции фразеологизмов строятся при этом либо как структурные, либо как функциональные модели их значений. Для ФЕ, которым присущ

[9] ФОСРЯ 2009, 8.
[10] ФОСРЯ 2009, 9.
[11] ФОСРЯ 2009, 59.
[12] Фелицина, Мокиенко 2002, 84–85.
[13] Москвин 2000; Шанский, Зимин, Филиппов 2001; Субботина 2007.
[14] ШФС 1989, 12.
[15] Волина 2001; Ставская 2002; Розе 2005; Ушакова 2004; Волков 2009; ФС 2009.

изоморфизм значения и формы, могут быть построены структурно изоморфные семантические определения[16].

Наиболее последовательно воплотить этот принцип позволяют глагольные фразеологизмы — обороты процессуальной семантики с грамматически стержневым словом — глаголом.

Такие ФЕ нередко толкуются в нашей серии детских словарей посредством синонимичного фразеологизма одиночного глагола или комбинации таких глаголов: *вертеться (крутиться) как белка в колесе* — ‘хлопотать, суетиться’, *играть в кошки-мышки (с кем-л.)* — ‘хитрить, обманывать кого-л.’. Обязательным элементом толкования является указание синтаксической сочетаемости глагола, синонимичного фразеологизму. Таким образом, повышается степень структурно-синтаксического сближения дефиниции и определяемого фразеологизма, а также появляется еще одна возможность подчеркнуть особенности синтаксической валентности (сочетаемости) фразеологизма на фоне глагольного управления синонимичных слов.

В отдельных случаях (в том числе и в других типах толкований) схематическое указание синтаксической валентности конкретизируется с целью задать ограничение лексического окружения фразеологизма: *тянуть (разводить) канитель* — ‘затягивать, замедлять *дело’; откладывать в долгий ящик (что-л.)* — ‘откладывать на неопределенное время *какое-л. дело’*

В большинстве случаев описательные толкования при совпадении их синтаксического типа с толкуемым оборотом превосходят его по сложности синтаксической структуры, что обусловлено необходимостью точной передачи семного состава фразеологического значения: *подкладывать/ подложить свинью (кому-л.)* — ‘стараться незаметно помешать, тайно и коварно навредить кому-л.’; *вить веревки (из кого-л.)* — ‘полностью подчинять кого-л. своей воле, заставлять поступать по своему желанию’.

В ряде случаев причинные и объектные компоненты фразеологической семантики объективируются в толковании конструкциями, построенными по типу предикативных частей сложного предложения: *мотать/ намотать себе на ус (что-л.)* — ‘запоминать то, что потом может понадобиться, пригодиться’; *за семь верст киселя хлебать* — ‘далеко идти или ехать за тем, что не стоит таких усилий’; *за семь верст киселя хлебать* — ‘далеко идти или ехать за тем, что не стоит таких усилий’.

Глагольные словосочетания, используемые в качестве толкований глагольных ФЕ, довольно часто включают слова-интенсификаторы (обычно — наречия степени или прилагательные, также отражающие высшую степень проявления признака), позволяющие подчеркнуть экспрессивность фразеологизма как одно из его категориальных свойств[17]: *дрожать/ задрожать как осиновый лист* — ‘**сильно** дрожать от страха, волнения’; ‘**очень** волноваться, бояться чего-л.’; *подковать блоху* — ‘проявить **удивительное** мастерство, выдумку, опередив всех в каком-л. деле’.

Описательное толкование глагольных ФЕ глагольными словосочетаниями, максимально приближающимися по синтаксической структуре к толкуемым фра-

[16] Мелерович, Мокиенко 2006, 213–214.

[17] Мокиенко 1980, 4.

зеологизмам, возможно в случае «апплицируемых»[18] ФЕ с более или менее «расчлененной семантикой», аналитическим значением: *нести околесицу* — ‘говорить глупости, чепуху. Это качество ФЕ особенно ярко эксплицируется за счет совпадения стержневых компонентов фразеологизма и его толкования: *откладывать в долгий ящик (что-л.)* — ‘откладывать на неопределенное время какое-л. дело’, *прийти к шапочному разбору* — ‘… прийти к самому концу чего-л.’

Фразеологизмы, обстоятельственные по категориальной семантике и соотносимые с наречием по синтаксическим функциям, толкуются нами в детских словарях синонимичными наречиями и наречными сочетаниями различных структурных и семантических типов: *вверх тормашками* — ‘кувырком’, *с три короба* — ‘очень много’, *от А до Я* — ‘полностью, от самого начала до самого конца, ничего не пропуская; основательно, детально’.

Субстантивные фразеологизмы с осложненной предметной семантикой (*отрезанный ломоть, вольный казак, тертый калач, первая ласточка, коломенская верста* и т. п.), получают описательное толкование, построенное как атрибутивное (определительное) словосочетание с грамматическим стержнем — существительным. Такие дефиниции наиболее точно отражают семантическую структуру фразеологизмов, денотатом которых является предмет в совокупности с его качественной характеристикой: *первая ласточка* — 2. ‘первый признак появления, наступления чего-л.’; *коломенская верста* — ‘человек высокого роста’, *седьмая вода на киселе* — ‘очень дальний родственник; очень дальняя родня’ и т. п. В подавляющем большинстве таких дефиниций главным словом-идентификатором выступает слово *человек*, что лишний раз подчеркивает антропоцентрический характер фразеологии.

Наряду с простыми, сложными и комбинированными словосочетаниями, выступающими в роли дефиниций именных фразеологизмов, имеются случаи использования более сложных синтаксических конструкций, включающих осложнения, построенные по типу придаточных предикативных частей определительного типа: *отрезанный ломоть* — ‘человек, который отделился от семьи и не поддерживает с ней тесную связь’; *первая ласточка* — 1. ‘что-л. первое, кто-л. первый, за кем последуют другие’**,** *тёртый калач* — ‘опытный, бывалый человек, который не даст себя обмануть и всегда найдет выход из трудного положения’, *журавль в небе* — ‘мечта, которая не может осуществиться’.

Среди фразеологизмов с чисто атрибутивной семантикой встречаются самые разные по синтаксической структуре обороты, которые помимо категориального значения признака объединяет и синтаксическая функция, соотносимая с функцией прилагательного: *без царя в голове, на одну колодку, мало каши ел* и др.

К таким ФЕ в полной мере можно отнести положение, которым руководствуются в своей лексикографической практике А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко: дефиниции ФЕ, у которых смысловая и синтаксическая структуры неизоморфны, строятся как функциональные модели фразеологических значений, моделирующие семантические функции фразеологических единиц в речи. Подобные дефиниции в той или иной степени отражают структуру сигнификатов ФЕ, но не их морфолого-синтаксическую структуру[19].

[18] Жуков 1986, 81–82.

[19] Мелерович, Мокиенко 2006, 213–214.

Так, в ДФСТ и других детских словарях синонимическое толкование набором одиночных прилагательных получают фразеологизмы: *без царя в голове* — ‘глупый, ограниченный’, *тише воды, ниже травы* — 1. ‘робкий, застенчивый, скромный; послушный’. В ряду однословных синонимов могут появляться и описательные простые словосочетания: *мало каши ел* — ‘физически слабый, молодой, неопытный’, в том числе с традиционными для фразеологических дефиниций наречиями-интенсификаторами: *семи пядей во лбу* — ‘очень умный, мудрый’, *на одну колодку* — ‘очень похожи друг на друга, одинаковы’.

При семантизации фразеологизмов признаковой семантики, требующих обязательного распространителя со значением субъекта (в Д.п. или Р.п.), в отечественных фразеологических словарях часто используются косвенно-релятивные толкования, построенные по формуле «о ком-, о чем-либо»: **Голова не для шапки** *у кого. Яросл.* Об умном человеке[20]. **Руки к себе тянутся** *у кого. Кар.* О человеке, который из всего стремится извлечь выгоду для себя, обогатиться[21].; **За душой ничего нет** *у кого. (разг.).* 1. О бедном, безденежном человеке. 2. Об абсолютно бездуховном человеке, духовном ничтожестве[22]. **Как <к> корове седло <пристало, идет, сидит>** *кому что.* О чем-либо абсолютно не идущем кому-л., делающим его смешным, нелепым[23].

В серии наших учебных словарей для подобных оборотов используется предикативная дефиниция, ориентированная на речевую реализацию ФЕ. Она воссоздает структуру пропозиции, элементы которой отображаются фразеологизмом и его обязательным распространителем. Графическое оформление словарной статьи (расположение заголовочной единицы и ее толкования) позволяет проследить

- совпадение синтаксической позиции (подлежащее, дополнение) субъектных распространителей ФЕ и субъектных компонентов толкования:

(кто-л.) КАК В ВОДУ ГЛЯДЕЛ
(кто-л.) как будто заранее знал что-л., точно предсказал что-л.
***
(у кого-л.) КОСАЯ САЖЕНЬ В ПЛЕЧАХ
(у кого-л.) широкие плечи, крепкое, богатырское телосложение

- совпадение синтаксической позиции объектных распространителей ФЕ и соответствующих компонентов толкования:

(с кем-л.) КАШИ НЕ СВАРИШЬ
(с кем-л.) трудно договориться, сделать что-то вместе, сообща.
***
(*кого-л.)* КАЛАЧОМ НЕ ЗАМАНИШЬ (куда)
(кого-л.) невозможно заставить прийти куда-то

- несовпадение синтаксической позиции обязательных распространителей ФЕ и соответствующих компонентов толкования:

(*кому-л.)* ХОТЬ КОЛ НА ГОЛОВЕ ТЕШИ
(кто-л.) очень упрям, делает все по-своему
***

[20] Мокиенко, Никитина 2008а, 137.
[21] Мокиенко, Никитина 2008а, 581.
[22] Алефиренко, Золотых 2008, 119.
[23] Алефиренко, Золотых 2008, 183.

(*кому-л., с кого-л.)* КАК С ГУСЯ ВОДА

(кто-л.) не волнуется, не переживает о чем-л.

Фразеологизмы такого типа называют предметно-предикативными[24] или, как уже отмечалось, глагольно-пропозициональными, т.к. они «по своему значению выражают действие или состояние», а «по своей синтаксической функции в предложении выполняют роль предиката»[25].

К этому разряду можно отнести и требующие обязательного субъектного или субъектно-объектного распространения фразеологизмы, соотносимые со словами категории состояния (семантика количественного обладания, состояния окружающей среды; синтаксическая позиция — главный член безличного предложения.). Способ их толкования, согласно нашей концепции, аналогичен описанному выше, а в роли слов-идентификаторов выступают слова категории состояния (безлично-предикативные слова), их сочетания с наречиями-интенсификаторами и другими частями речи, обычно используемые в безличных предложениях:

(где-л.) ХОТЬ ТОПОР ВЕШАЙ

(где-л.) душно, накурено, трудно дышать

***

(у кого-л.) НИ КОЛА НА ДВОРА

(у кого-л.) нет своего жилья, хозяйства;

(у кого-л.) совсем ничего нет

Фразеологизмы с предикативной структурой, не требующие обязательного распространения, квалифицируются как коммуникативные[26]. Они могут использоваться в речи как самостоятельные высказывания. Такие единицы событийной фразеологической номинации в наших учебных словарях всегда получают дефиницию в форме предложения:

И КОНЦЫ В ВОДУ

Не осталось никаких следов, улик после завершения какого-л. дела

МОЯ ХАТА С КРАЮ

Это меня совершенно не касается: это не мое дело

И только для семантизации интеръективных ФЕ используется «абстрагирующее-уточняющее толкование — через указание на категориальное, предметно-понятийное значение»[27]: *типун тебе (вам) на язык* — ‘недоброе пожелание тому, кто предсказывает что-то неприятное, говорит не то, что следует’.

Оттенки значения, передаваемые словарной дефиницией и традиционно разделяемые в лексикографической практике знаком (;), находят в наших учебных фразеологических словарях аналогичное отображение: *расхлёбывать кашу* — ‘распутывать сложное, хлопотное дело; прилагая усилия, выходить из сложной неприятной ситуации’; *тише воды, ниже травы* — 1. ‘робкий, застенчивый, скромный; послушный’.

Как известно, объем информации, передаваемой толкованием, может варьироваться в зависимости от типа словаря и его адресации.

При соблюдении принципа семантической достаточности толкования в наших

[24] Сидоренко 1982, 9.
[25] ФСРЯ, 8.
[26] Назарян 1987, 60–61.
[27] Балакай 2002, 25.

детских словарях могут не эксплицировать некоторые периферийные семы фразеологического значения: **Вольный казак.** *Свободный, ни от кого не зависящий человек, который ни перед кем не должен отчитывается и может поступать, как хочет*. Ср.: в словаре А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского указание на статус объекта номинации в рамках социальной группы: **Вольный казак.** *Человек, не имеющий обязательств по отношению к другим людям и осмысляемый как член социальной группы, традиционно пользующийся большей свободой, чем другие*[28]. **Вить верёвки** *из кого-л. Полностью подчинять кого-либо своей воле, заставлять поступать по своему желанию*. Ср. у А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского с указанием на способ достижения желаемого: **Вить веревки (из кого-л.).** *Без применения силы, преимущественно на основе практического знания законов человеческой психики добиваться от кого-л. желаемого, даже если это заведомо противоречит его интересам. что описывается как полное отсутствие воли у объекта манипулирования*[29]. **Черная кошка пробежала** *между кем. Друзья поссорились, иногда без видимых причин*. Ср.: в Большом фразеологическом словаре детализированное представление нюансов межличностных отношений участников денотативной ситуации: **Черная кошка пробежала** *между [кем и кем]. Неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу*[30].

«Разгруженные» таким образом толкования, ориентированные на детское восприятие, отразят ядерные семы фразеологического значения. А более тонкие семантические нюансы раскроют многочисленные иллюстративные контексты.

Одним из основных компонентов фразеологической семантики и обязательным компонентом семантической репрезентации фразеологизма является оценочный компонент. Оценочность фразеологизма в словаре обычно передается определенным репертуаром помет (неодобр., пориц., пренебр., презр., одобр., уваж. и т. п.), которые, как правило, называются стилистическими[31] или коммуникативно-функциональными[32].

Помимо помет оценочность фразеологизма находит отражение в комментариях: прагматических[33], лингвострановедческих[34], в рамках ситуативной характеристики употребления ФЕ[35], а также передается непосредственно толкованиями оценочного характера.

Отказавшись в серии детских словарей от традиционных помет в силу неподготовленности адресата к их восприятию, мы представляем оценочный компонент фразеологической семантики в кратких коммуникативно-прагматических комментариях, которые следуют за толкованием, а в сами толкования, отражаю-

[28] ФОСРЯ, 210.
[29] ФОСРЯ, 59.
[30] БФСРЯ, 720.
[31] Жуков, Жуков 1989; Шанский, Зимин, Филиппов 2001; Балакай 2002; Алефиренко, Золотых 2008.
[32] Добрыднева 2004, 44.
[33] ФОСРЯ, 24.
[34] Фелицына, Мокиенко 1990.
[35] Яранцев 1985, 15.

щие семный состав фразеологического значения, в большинстве случаев вводим лексику оценочного характера.

Как известно, в сфере фразеологии преобладает отрицательная оценочность, что объясняется более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, т. е. резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденцией к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов[36].

Отрицательную оценку обозначаемого фразеологизмом предмета, явления в наших детских словарях передают комментарии типа: «говорится с неодобрением», «говорится с осуждением», в том числе с показателями регулярности «часто», «обычно» и т. п., в выборе которых мы опираемся на известные лексикографические источники[37] и анализ контекстов употребления ФЕ в живой речи (записи 2000–2009 г.):

ОТКЛАДЫВАТЬ В ДОЛГИЙ ЯЩИК *(что-л.)*
Откладывать дело на неопределенное время
Говорится с неодобрением
***
НА ОДНУ КОЛОДКУ
Очень похожи друг на друга, одинаковы
Часто говорится с неодобрением
***
ОТРЕЗАННЫЙ ЛОМОТЬ
Человек, который отделился от семьи не поддерживает с ней тесную связь
Обычно говорится с сожалением

Экспликация пейоративной оценочности ФЕ в рамках толкований осуществляется за счет введения в них известных адресату (входящих в лексический минимум для начальной школы и, соответственно, в активный лексикон читателя словаря) наименований отрицательно оцениваемых в обществе реалий окружающего мира — человеческих качеств (*глупый, упрямый, физически слабый, ненормальный, безумный* — ФЕ *без царя в голове, хоть кол на голове теши, мало каши ел, белены объелся)*, действий (*обманывать, хитрить, говорить глупости, бездельничать* — ФЕ *играть в кошки-мышки, нести околесицу, бить баклуши*), качественных параметров действия (*неряшливо, неразборчиво, надоедливо, скучно* — ФЕ *писать как курица лапой, заводить волынку) и т. п.*

Немногочисленные ФЕ с положительной оценочностью, антонимичные приведенным выше (напр., *семи пядей во лбу, косая сажень в плечах)*, семантически интерпретируются с использованием соответствующих компонентов дефиниций (*умный, мудрый, физически сильный, крепкого телосложения*) и комментария: *говорится с одобрением.*

В словарях для средней школы и для взрослых, изучающих русский язык как неродной, дефиниции в ряде случаев могут быть более детализированы, содер-

[36] Гайфуллина 2008.

[37] БМС 1998; Мокиенко, Никитина 2008а; Мокиенко, Никитина 2008б; Алефиренко, Золотых 2008; БФСРЯ 2006; ФОСРЯ 2009.

жательно приближены к образцам академических словарей, однако структурные типы толкований при этом сохраняются.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алефиренко Н.Ф., *Золотых Л.Г.* 2008: Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М.

Балакай А.Г. 2009: Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Орел.

БМС 1998: *Бирих А.К.*, *Мокиенко В.М.*, *Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.

БФСРЯ 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В.Н. Телия (ред). М.

Волина В.В. 2001: Фразеологический словарь. СПб.

Волков С.В. 2009: Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей. СПб.

Гайфуллина Р.Н. 2008: Коннотативный и оценочный макрокомпоненты фразеологического значения (на примере фразеологических оборотов английского, русского и татарского языков) [Электронный ресурс] // Образование и наука Закамья Татарстана. Ежеквартальный научно-методический Интернет-журнал. №13. URL: http://kama.openet.ru/University.nsf/Index.htm!Open&Menu=VUMain-Libraries (дата обращения: 19.12.2008).

Добрыднева Е.А. 2004: Актуальные проблемы создания коммуникативного фразеологического словаря // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии / В.И. Макаров (ред.). Великий Новгород, 44–46.

*Жуков В.П.*1986: Русская фразеология. М.

ШФС 1989: *Жуков В.П.*, *Жуков А.В.* Школьный фразеологический словарь русского языка. М.

Мелерович А.М., *Мокиенко В.М.* 2006: Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций // Слово — сознание — культура/ Л.Г. Золотых (сост.). М., 211–228.

Мокиенко В.М. 1980: Славянская фразеология. М.

Мокиенко В.М., *Никитина Т.Г.* 2008а: Большой словарь русских поговорок. М.

Мокиенко В.М., *Никитина Т.Г.* 2008б: Большой словарь народных сравнений. М.

ШФСРЯ 2000: Школьный фразеологический словарь русского языка / А.Ю. Москвин (сост.). М.

Назарян А.Г. 19877: Фразеология современного французского языка. М.

Розе Т.В. 2005: Большой фразеологический словарь для детей. М.

Сидоренко М.И. 1982: Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л.

Ставская Г.М. 2002: Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: Пособие для учащихся нач. шк. М.

ФС 2009: Фразеологический словарь / Н.В. Томашевская (сост.). М.

Ушакова О.Д. 2004: Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника. СПб.

Фелицына В.П., *Мокиенко В.М.* 1990: Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. М.

Фелицына В.П., *Мокиенко В.М.* 2002: Школьный фразеологический словарь. М.

ФОСРЯ 2009: Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский (ред.). М.

ФСРЯ 1978: Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков (ред.). М.

Шанский Н. М., *Зимин В. И.*, *Филиппов А. В.* 2001: Школьный фразеологический словарь русского языка. М.

Яранцев Р. И. 1985: Словарь-справочник по русской фразеологии. М.

SET EXPRESSIONS DEFINITION IN LEARNER'S DICTIONARY

Ye. I. Rogalyova

The author reveals and analyses various types of definitions in contemporary phraseological dictionaries, dwelling upon idiom definition peculiarities in learner's phraseological dictionaries, providing the author's variants of idiom meaning interpretation..

Key words: Learner's phraseography, phraseology semantics, definition types, communicative-pragmatic commentary, training dictionary.

© 2010

М. В. Кривошлыкова

РОЛЬ КОММУНИКАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В статье представлены многообразие процессов взаимодействия культур. Выявлена роль коммуникации в современном социокультурном пространстве. Рассматриваются вопросы историографии проблем межкультурного взаимодействия, «диалога культур». Представлен обзор генезиса понятия «коммуникация» с позиции философского и культурологического подхода.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, «диалог культур», межкультурное взаимодействие, синергетический подход.

Актуальность проблемы исследования влияния коммуникаций в культурном взаимодействии обусловлена динамичными изменениями в окружающем мире. В условиях становления глобального коммуникационного пространства все более очевидной становится тенденция интенсификации межкультурных контактов, что оказывает существенное влияние на различные стороны жизни современного общества и человека.

Интерес к межкультурным коммуникациям обусловлен различными факторами:

- Процессы глобализации, стремительно охватившие все стороны жизни культурных образований, выявили достаточно противоречивую ориентацию — с одной стороны, усиление интеграционных процессов между участниками культурного взаимодействия, с другой стороны, подчеркивание самобытности культур. В сегодняшнем многополярном мире очевиден рост самосознания, ведущий

к многообразию и полифонии, и вместе с тем наблюдаются процессы дезинтеграции и дифференциации.

● Межкультурное взаимодействие является объектом изучения множества наук и лежит в сфере междисциплинарного поля, что обуславливает необходимость развития междисциплинарного подхода в ходе исследования пространства социокультурной коммуникации. Широкий круг проблем, возникающих в процессе межкультурного общения, представляет интерес ученых в различных областях науки — философии, культурологии, психологии, этнологии, социологии.

В философии к проблеме коммуникации одними из первых обратились представители экзистенциализма К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр и др.; впервые были утверждены понятия конкретного бытия, существования «здесь» и «сейчас», появляются новые сферы исследования межличностного общения.

К. Ясперс видел коммуникацию неотъемлемой частью человеческого существования, подчеркивая ее важность между культурами и народами, как возможность предотвращения непонимания и нетерпимости по отношению друг к другу, и выделял три уровня человеческого «я», которым соответствуют способы человеческого общения. Первый уровень — эмпирическое «я», на данном этапе человек отождествляет себя с природным телом, целью которого являются лишь вопросы самосохранения. На данном уровне общение выступает утилитарным средством, призванным отвечать за безопасность и выживание. Второй уровень — сознание вообще, здесь «я» осознает себя носителем знаний, стремится к познанию и подчиняется общественным нормам. Коммуникация на данном уровне представлен как «обмен мыслями», в основе общения лежат формально-правовые нормы. На третьем уровне, индивид осознает себя частью целого, но чем-то особенным. Это «я» на уровне духа, где коммуникация выступает в качестве средства общения индивида с организмом. Данные три уровня сознания и общения делают человека существом биологическим, мыслящим и социальным. При этом, по мнению Ясперса, следует выделить обособленно дополнительный уровень общения, который затрагивает глубины человеческой души — экзистенциональная коммуникация, выражаемая в способности людей к взаимному проникновению друг в друга, сопереживания и осознания другого как ценность.

В исследованиях М. Хайдеггера коммуникация позиционируется как некое единое онтологическое пространство, и подчеркивается рождение новой объективной реальности, основанной на совместном сосуществовании субъектов общения. Особое значение в процессах коммуникации ученый отводил языку, который выступает как всеобщая среда, некая тотальность, а не просто как средство общения. Понятие «коммуникация» у Хайдеггера является моделью человеческого существования, уникальной глобальной коммуникацией между внимающим человеком и говорящим. Выражением такого активного события является традиция, а язык может рассматриваться как наиболее значимая и наименее подверженная изменениям традиция.

Для культурологов наиболее близка трактовка понятия межкультурной коммуникации как совокупности разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам с целью передачи или обмена информацией посредствам знаковых систем (языков).

По мнению Г. Трейгера и Э. Холла, межкультурная коммуникация дефинируется как наиболее эффективная адаптация к окружающей среде.

Важным, по нашему мнению, для решения проблемы влияния коммуникаций на межкультурное взаимодействие, является вычленение характерных черт процесса коммуникаций, что отражено в работах основателя теории межкультурной коммуникации Эдварда Т. Холла:

— участниками коммуникации всегда являются представители различных культур,

— общение агентов коммуникации зачастую сопряжено с трудностями в понимании, вызванными разницей в ожиданиях и предубеждениях,

— особенностями интерпретаций одних и тех же явлений и событий агентами различных культурных образований.

Развитие теории межкультурной коммуникации (МКК) продолжили исследователи В. фон Гумбольт, Ф. Боас, У. Гуденкунст, Дж. Беннет, М.Р. Стингер, Б. Ли Уорф, Э. Сепир, Дж. Г. Мид .

Невозможно представить существование и функционирование любой культуры в современном медиапространстве без осуществления коммуникативных связей различного уровня, будь то отношения между этносами, нациями, социальными группами или индивидами. «СМИ, миграционные потоки, глобализация распространения культурного продукта привносят альтернативные стили, образы, символы, ценности, стандарты поведения, сформировавшиеся как элементы чужеродных культур»[1]. В результате данных взаимосвязей появляются новые элементы и формы культуры, изменяются ценностные установки, модели поведения, образ жизни, рождаются новые смыслы и значения.

Заметим, что данная проблема в отечественной науке обратила на себя внимание исследователей в конце 70-х годов XX века и активизировались с нарастанием межэтнической напряженности после распада СССР и активизацией миграционных потоков на постсоветском пространстве. Чаще всего исследования связаны с изучением межкультурных взаимодействий различных этносов в пределах страны. Так, А.А. Леонтьевым, исследования которого посвящены изучению взаимоотношений языка и культуры , впервые выделены национальные особенности коммуникаций.

Развитие теории МКК представлено в исследованиях отечественных ученых Дж. Бивина, П. Вацлавика, Т.Г. Грушевицкой, Д.Б. Гудкова, Н.К. Иконниковой, М.Г. Мустафаевой, В.Д. Попкова, А.Д. Садохина, З.С. Ямпиловой и др.

Осуществляя интенсивные межкультурные контакты различного уровня, человек сталкивается с одной из серьезнейших проблем настоящего времени, проблемой идентификации в мультикультурном пространстве. Все большее количество людей в своей повседневной жизни вовлекается в различные формы межкультурного взаимодействия в самых различных областях и сферах деятельности. Взаимосвязи и контакты людей, являющихся обладателями отличных друг от друга культурных ценностей, традиций, норм поведения, стереотипов в значительной степени затрудняют процессы самоидентификации современного человека. Неосознаваемая в обычной жизни проблема идентичности проявляется по

[1] Шаров 2004, 175.

мере возникновения контактов с людьми и группами других культур. В результате социокультурных коммуникаций происходит сопоставление «своего» и «чужого», что приводит либо к усилению собственной идентификации, либо к ее размыванию. Поскольку «каждый участник культурного контакта располагает своей собственной системой правил, функционирующих таким образом, чтобы отосланные и полученные послания могли быть закодированы и раскодированы»[2]. Иными словами, другая культура представляет собой закодированную систему, коды которой нужно расшифровать. Помимо культурных различий на процесс коммуникации влияют пол, возраст, профессия, социальный статус и опыт агентов и т. д.

В рамках междисциплинарного подхода понятия «межкультурная коммуникация», «взаимодействие культур», «межкультурный диалог» являются категориями разного порядка, несущими различную смысловую нагрузку.

Следующий не менее важный для нашего исследования конструкт — взаимодействие культур — «одна из наиболее общих категорий культурологии, которая позволяет понять культуру как живой, постоянно развивающийся, соприкасающийся с другими феноменами процесс, обладающий внутренними законами и особенностями»[3].

В настоящее время взаимодействие культур является центральным принципом функционирования культур. Колоссальное влияние на взаимодействие культур оказывают процессы глобализации, в ходе которых происходят изменения состояний, качеств, ценностей, областей деятельности, рождаются новые формы культурной деятельности, а также трансформация моделей поведения. Обмен информацией, товарами, кратковременные контакты, хозяйственные отношения служат формами контактов различных культур. Взаимодействие культур исследовали С. Арнатовский, С. Арутюнов, Д. Гудков, Г. Драч, С. Ерасов, Н. Иконникова, К. Леви-Стросс, Г. Хершковец, О. Штомпель и др.

Обратимся к словарю: «взаимодействие культур — особый вид непосредственных отношений и связей, которые складываются между различными культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений»[4]. Любое межкультурное взаимодействие всегда носит двусторонний характер. Содержательная сторона этого процесса заключается в коммуникации, обмене смыслами и культурными ценностями, которые выражены в форме традиций. Взаимодействие культур является достаточно важным и результативным способом культурной коммуникации.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что не всякая коммуникация между субъектами тождественна межкультурному взаимодействию.

Специфической чертой современного глобального мышления является полифония мнений, идейных установок, взглядов на мир, что выступает предпосылкой поиска точек взаимопонимания различных культур, возможностью их диалога. Межкультурный диалог как социокультурный фактор разворачивается в условиях взаимодействия между странами, народами и этносами, способствует построению целой системы поликультурных контактов, подчеркивает тяготение самобытных культур к инородным ценностям и образцам. «Жизнь любого

[2] Грушевицкая, Попков, Садохин 2003, 142.
[3] Курбан 2009, 7.
[4] Кононенко 2003, 78.

организма, в том числе и этнического, представляет собой обмен с окружающим миром. И чем больше мы можем отдать, поделиться, тем весомее окажется наш багаж»[5]. Если же культура сосредоточена только на поглощение извне, но закрыта от мира во всем остальном, и ничем не делится с ним, то, в конце концов, она отторгается им.

Особое место в изучении данной проблематики занимают работы М.Бахтина, определившие принципиально новую диалогическую методологию в гуманитарном знании, постулируя главенствующую роль диалога, многоголосия в культуре. Методология взаимодействия культур, в частности, диалога культур, была центральной темой в трудах М. Бахтина. Диалог — это всегда развитие, взаимодействие и прогресс. Диалог — это показатель общей культуры общества. «Диалог не средство, а самоцель. Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому, диалог, в сущности, не может и не должен кончаться»[6]. По М. Бахтину, каждая культура живёт только в вопрошании другой культуры, и что великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Готовность одной культуры осваивать достижения другой — один из источников её жизнеспособности. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются»[7]. Копирование чужой культуры или полное неприятие её должны уступить место диалогу. Для обеих сторон диалог двух культур может быть результативным. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем у нее ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»[8].

Развивая культурологические идеи М. Бахтина, целая плеяда ученых продолжила исследования диалога культур, среди них: С. Аверинцев, В. Библер, Г. Бирюкова, В. Иванов, М. Каган, В. Маклин, Н. Перлина и др.

Диалогическое взаимодействие строится, прежде всего, на принципах равенства и взаимопонимания. Ни одна из участниц сторон не может претендовать на центральное положение, а в противном случае диалог приобретает черты асимметрии и тенденцию к переходу в монолог.

Анализируя различные концептуальные разработки в области межкультурных коммуникаций, исследователь С. Лебедев формулирует «идеальные типы» взаимодействия культур, среди которых выделяет активный обмен — диалог.

По мнению ученого взаимодействие по типу активного обмена, или межкультурного диалога, соответствует взаимная открытость культур. Данный вид взаимодействия предполагает возможность заимствования, которые культуры-контрагенты делают друг у друга. Подчеркивалась характерная особенность данного типа взаимодействия — заимствования обогащают лишь периферию

[5] Гринимаер, Солдатова 2002, 60.
[6] Бахтин 1972, 433.
[7] Бахтин 1979, 354.
[8] Там же, 355.

воспринимающей их культуры, тогда как ядро подвергается лишь косвенному незначительному влиянию.

Многообразие аспектов изучения диалога как одной из центральных проблем в современном социогуманитарном знании являются предметом изучения множества отраслей науки. Вопросами изучения диалога и смысловыми связями занимались в социолингвистике Т. Дридзе, Л. Якубинский, философской герменевтике Х. Гадамер, феноменологии Х. Гуссерль, литературоведении и семиотике А. Аверинцев, М. Лакшин, Ю. Лотман, в социологии М. Вебер, в основах коммуникации А. Моль, В. Борев и др.

Определяя культуру как механизм коллективной памяти, коллективного «внерационального» сознания (концепция Ю. М. Лотмана), можно представить культуру как уровень освоения субъектом программ и средств социального образа жизни, отличающегося от других культур своими репрезентациями (языком, религией и т. д.). Неизбежно противопоставление одних замкнутых культур другими. Каждая из культур вырабатывает в себе механизмы защиты, препятствующие проникновению чуждых элементов, что, несомненно, оказывает значительное сопротивление эффективной реализации коммуникации. Поэтому достаточно актуальной в системе локальных культур является антиномия «свой — чужой», где свое позиционируется как истинно правильное, а чужое — враждебное ложное. Об этом весьма образно пишет К. И. Якимец:

«Чужая религия — суеверие.

Чужая логика — абсурд.

Чужие ценности — предрассудки.

Чужой порядок — хаос»[9].

Однако если культурный контакт приводит к положительному восприятию «чужой» культуры, то происходит заимствование обычаев, знаний, ценностей, и этот процесс можно назвать межкультурным диалогом. Иначе говоря, наблюдается некая «культурная совместимость» сторон — участниц взаимодействия.

Оппозиция «свой — чужой» — это категория, служащая основанием восприятия и обработки информации о мире. Она проявляется во всех сферах жизнетворчества, является культуроспецифичной, знаковой. Имеет зеркальную структуру, в которой особым образом разворачивается сфера «своего» и относительно «своего» выстраивается «чужое».

Сложность и многоплановость представленных явлений обозначили методологическую базу к их изучению. В рамках системного подхода, утвердившегося в отечественной культурно-философской традиции, в процессы взаимодействия включаются не просто элементы отдельных культур, а культуры в целом. Отметим, что в данном случае межкультурные контакты носят не эпизодический, случайный характер, а системный, интеграционный.

Исходя из принципов синергетического подхода, по сути, развивающий и конкретизирующий системный, главным критерием межкультурного взаимодействия следует считать количественные и качественные изменения, которые возникли в ходе данного взаимодействия и их способность влиять на дальнейшую историю. Наряду со многими другими системами культура характеризуется интенсивными

[9] Якимец 2003, 42.

хаотичными некоординируемыми актами межкультурных, межконфессиональных и межэтнических взаимодействий на различных уровнях. На сегодняшний день синергетика стала одним из перспективных междисциплинарных направлений научных исследований, которые изучают открытые самоорганизующиеся системы, элементы которых взаимодействуют между собой нелинейным образом.

В данной области работы М.С. Кагана, В.П. Бранского, В.В. Васильковой, В.С. Жидкова, О.Н. Астафьевой были посвящены изучению социокультурных процессов посредством синергетической методологии.

Как отмечает исследователь А.Ю. Тимашков, синергетика дает наиболее четкое представление о функционировании сложных систем, организующихся на время в определенные структуры, не объясняя, какая сила заставляет систему выбрать ту или иную конфигурацию, тот или иной путь развития в период бифуркации, подтверждая идеи нелинейности, случайности, непредсказуемости, недетерминированности. Таким образом, делая возможным включение в синергетику элементов других концепций и методов.

К наиболее традиционным методам, позволяющим в полной мере раскрыть все тонкости процессов взаимодействия культур и выявить их наиболее специфические черты, можно отнести компаративный подход. Сравнение позволяет явлениям расширять и углублять их значение, воссоздавать панорамность и динамику процессов, информировать о накоплении новых традиций. Этот метод безусловно универсальный, но зачастую требует специальных уточнений по поводу того, какой объект и как может быть сопоставим и какую цель преследует исследование. Сравнение убедительно доказывает, что ничто в мире не может существовать изолированно. Изучая различия сравниваемых явлений, находя их специфику и определенный характер, исследователь стремится выявить аналогии, объяснить которые можно типологической стадиальностью либо влияниями.

Влияние — явление многофакторное, его сложно спрогнозировать, но очевидно, что во многом оно определяется конкретной ситуацией и традицией межкультурных контактов. В отличие от диалога, который может длиться бесконечно, влияния ограничены временным диапазоном и имеют вектор направленности. Именно поэтому влияние всегда связано с взаимообогащением, что подчеркивает активность отношений между культурами в процессе их развития.

Представленные методы исследования не исчерпывают всего многообразия подходов к изучению сущности, динамики и результатов межкультурного взаимодействия. Социокультурные процессы способствуют возникновению специфичных характеристик взаимодействия культур, это позволяет переосмысливать традиционные методы исследования и применять новые методологические подходы.

Говоря о культурно-коммуникативных процессах, следует признать, что они прямо или косвенно оказывают влияние на взаимодействие культур в пределах «глобальной деревни», меняют контекст культурно-исторического своеобразия сторон участниц. Данная тенденция создает трудности для адаптации человека к современным условиям бытия, и требуют поиска новых подходов для создания комфортных условий реализации межкультурного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин М. М. 1972: Проблемы поэтики Достоевского. М.

Бахтин М.М. 1979: Эстетика словесного творчества. М.

Гринимаер В.А., Солдатова Н.А. 2002: Традиции и культура российских немцев // Культура народов Южного Урала. Традиции, быт, образ жизни. Магнитогорск, 58–62.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. 2003: Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.

Кононенко Б.И. 2003: Большой толковый словарь по культурологии. М.

Курбан Е.Н. 2009: Взаимодействие и синтез культур и искусств в контексте общих проблем русской культуры. Магнитогорск.

Шаров А.В. 2004: Взаимодействие культур и проблемы идентичности // Общечеловеческое и национальное в философии**:** II международная научно-практическая конференция КРСУ**.** Материалы выступлений / под общ.ред. И.И. Ивановой. Бишкек, 171–176.

Якимец К.И. 2003: Свое и чужое // Вопросы философии. 11, 28–42.

COMMUNICATION IN CROSS-CULTURAL INTERACTION

M. V. Krivoshlykova

The article presents multiple processes of culture interaction revealing the role of communication in contemporary social and cultural space. The article also considers historiography issues of cross-cultural interaction, “dialogue of cultures”, and gives a survey of the communication notion genesis from the viewpoint of philosophy and culturology.

Key words: cross-cultural interaction, “dialogue of cultures”.

© 2010

И. В. Палашевская

МОДЕЛИРОВАНИЕ СКРИПТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются такие когнитивные структуры репрезентации интерактивных событий, как скрипты юридического дискурса, с позиции их стереотипной, сценарной и нормативно-ценностной составляющих в институциональной коммуникации.

Ключевые слова: юридический дискурс, скрипты, правовая ситуация, речевые жанры, ценности культуры.

С позиции лингвокультурологии дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения или наоборот — как общение посредством текста[1], или еще более широко — как текст, погруженный в жизнь[2]. Такое понимание сориентировано на анализ информации, выводимой из коммуникативной ситуации и соотнесенной с информацией, выраженной в тексте. Коммуникативная ситуация есть элемент культуры. Любое коммуникативное действие инкорпорировано в ситуацию и обусловлено культурой. Поэтому анализ дискурса, выявление и объяснение скрытых смыслов неизбежно выходит на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения.

Элементом правовой культуры выступает правовая ситуация, решение которой является предметом юридического дискурса. Юридический дискурс по сути существует для жизненных обстоятельств, требующих юридического вмешательства. Именно жизненные обстоятельства, составляющие референциальный аспект «правовых ситуаций», представляют собой, по словам известного правоведа С. С. Алексеева, «исходный пункт права в реальной жизни общества. Именно с них, с этого «начала начал», в мире права все начинается; и именно отсюда разворачивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств, механизмов и процедур»[3]. Таким образом, ситуация, требующая юридического решения, представляет собой важный морфологический элемент правовых сюжетов. «Жизненные обстоятельства», будучи идентифицированными посредством правовых понятий и терминов (*сделка, договор, аренда, поручительство, разбой, убийство* и т. д.), реализуются через различные форматы решения «правовых ситуаций» (*переговоры, допрос, очная ставка, судебное заседание*).

«Погружение в жизнь» позволяет рассматривать различные параметры ситуативно обусловленного общения, включая: 1) статусные характеристики участников и позиционирование коммуникантов; 2) прагматические характеристики общения, охватывающие тональность дискурса, его перформативность, стратагемность, презентативность и т. д.; 3) семантические характеристики, объясняющие конвенциональные значения и явные или скрытые смыслы, неизбежно выводящие на ключевые концепты институциональной культуры; 4) жанровые

[1] Карасик 2007.
[2] Арутюнова 1990.
[3] Алексеев 2001, 260.

характеристики общения, открывающие выход на культурно маркированные обстоятельства и формульные модели поведения, имеющие институциональную и этнокультурную значимость.

Образ правовой ситуации, который может быть представлен в виде различных когнитивных структур, выступает одним из главных условий успешного общения. В соответствии с распространенной в последние годы точкой зрения процесс институализации происходит посредством подключения к определенному количеству принятых в данной культуре скриптов. Соответственно единицей культурно маркированного дискурса является культурный скрипт — интерактивное событие. Разработка лингвокультурной теории скриптов является перспективным направлением лингвокультурологии и теории дискурса. Можно выделять различные стороны культурного скрипта. Исходя из того, что институциональная культура в целом состоит из стандартизированных, нормативных типов деятельности, то важнейшими характеристиками скрипта юридического дискурса являются стереотипность (действие по заданному образцу), сценарность (алгоритмизация коммуникативного события) и нормативно-ценностная обусловленность (выбор определенных поведенческих ходов в соответствии с ценностями и нормами культуры).

С позиции драматургической теории социального действия скрипт представляет собой структуру драматургических конвенций, предполагающих развертывание определенных сюжетов и проигрывание ролей. Реализация драматургической метафоры, аналогии с «жизненным театром», получившая распространение в теории социального действия И. Гофмана[4], вполне применима к юридическому дискурсу. «Правопорядок в целом напоминает огромную, глобальную пьесу, в которой нации, государства, провинции, округа, деревни и особенно индивиды разыгрывают сцены, написанные национальными и интернациональными творцами права и законодателями»[5]. Преимущество данного подхода к изучению институционального дискурса в том, что он, акцентируя исполнение того или иного коммуникативного действия и определяя репертуар коммуникативных ролей, разыгрываемых участниками общения, позволяет объединить декларативное знание (кто? что?) и процессуальное знание (как? и посредством чего?), т. е. указанные выше социолингвистические, тематические, прагмалингвистические и формально-языковые (жанровые) характеристики общения в той или иной ситуации.

Сценарный уровень скрипта предполагает следующую стратификацию информации: 1) типичная ситуации общения (например, допрос); 2) типичные роли (следователь, адвокат, свидетель / подозреваемый / обвиняемый / потерпевший); 3) референциальный аспект общения (событие преступления); последовательность целенаправленных сцен, определяемая содержанием непосредственных задач и общих принципов взаимодействия (например: установление коммуникативного контакта (информационный процесс, основанный на обратной связи); предоставление допрашиваемому лицу возможности свободного рассказа (относительная свобода при этом ограничивается формированием установки на последствия дачи ложных показаний, формированием плана воспроизведения события и т. п.); вопросно-ответная стадия детализации допроса (восполнение пробелов

[4] Goffman 1972; 1981.

[5] Troller 1969, 15.

свободного рассказа, выяснение противоречий, уточнение значения неопределенных высказываний и т. п. , хронологическая систематизация совокупности исходных данных свободного рассказа); дословная письменная фиксация показаний в протоколе допроса). В свернутом виде сценарии представлены в лексемах, которые заключают в плане своего содержания схему движений, развития (допрос, освидетельствование, признание, сделка о признании вины и т. п.). В этом смысле каждый культурный скрипт представляет собой сюжет определенного поступка.

«Разыгрывание» ситуации осуществляется в жанровом формате взаимодействия. Стереотипность скрипта — это, прежде всего, соблюдение формата общения. Скрипт в таком понимании является структурной конкретизацией коммуникативного действия в рамках того или иного жанра. Соответственно в качестве формальной схемы скрипта выступает речевое действие (речевой акт), основу обозначения которого составляют интенции отправителя речи. Последовательности речевых актов образуют более сложные образования: коммуникативный ход, обмен (exchange) или диалогическое единство (выражающее коммуникативное взаимодействие), фаза речевого общения или трансакция (письменная трансакция соответствует абзацу), и, наконец, самым крупным сегментом общения является речевое событие[6]. Для анализа дискурса с позиции драматургического подхода в этом плане также применимы такие понятия, как «дискурсивная сцена» и «дискурсивный акт», поскольку членение процесса на сцены и акты принято в драматургии. В основе выделения такого рода единиц лежат не отдельные речевые акты, а цепочки речевых событий. В целом, многочисленные исследования когнитивной структуры событий выявляют тенденцию к предпочтению иерархической классификации составляющих события, при которой более дробные единицы включаются в состав более общих, охватывающих относительно продолжительные временные отрезки. Крупные эпизоды выделяются на основании целей соответствующих действий, тогда как локальные эпизоды скорее связаны с отдельными операциями на пути достижения целей.

Институциональный скрипт реально представлен в том или ином жанровом формате, он строится по жанровым канонам юридического дискурса. Жанр представляет собой исторически сложившийся текстотип, во всей полноте смысловых связей, узнаваемый участниками общения (*ходатайство, допрос, возражение, жалоба, последнее слово подсудимого* и т. п.), в то время как коммуникативное действие (речевой акт) является структурным звеном жанра, его компонентом (*директивы и императивы, перформативы, репрезентативы, декларативы* и т. п.). Речевые акты могут рассматриваться в качестве тактик общения, основное предназначение которых — обозначение этапов, выполнение задач коммуникации, смена сюжетных поворотов в коммуникации. Приведем в качестве примера фрагмент из судебного заседания:

Председательствующий: *Вы подтверждаете оглашенные показания, данные Вами на предварительном следствии?*

Подсудимый З.: *Нет, я не подтверждаю оглашенные показания.*

Председательствующий: *Откуда Вам было известно, что необходимо было давать именно такие показания?*

[6] Макаров 2005, 87–91.

Подсудимый З.: *Следователь мне показывал показания свидетеля С., и спросил: «Наверное, ты пришел к шести часам, как говорит С.?». О том, что в квартире М. имелись мои следы, я узнал от оперуполномоченного*.

Адвокат В.: *Вопросов не имеется.*

Потерпевший Н.: *Вопросов не имеется.*

Председательствующий: *Каким образом Вы давали показания, в ходе проверки на месте происшествия?*

Подсудимый З.: *Я надеялся, что после производства экспертиз по делу, все прояснится, и меня отпустят, поэтому оговаривал себя.*

Председательствующий: *Почему количество Ваших ударов и места ранения совпадают с тем, как Вы рассказывали и показывали, в ходе проверки Ваших показаний на месте происшествия?*

Подсудимый З.: *Что касается места ударов, то один из культурно одетых оперативных сотрудников, спросил у меня: «Может быть, ты так наносил удары?», при этом, два раза ударил меня в область шеи, но я ничего не ответил. Затем, когда следователь при допросе спрашивал у меня о количестве ударов, то я, вспомнив данный разговор, ответил, что нанес два удара.*

Адвокат В.: *Вопросов не имеется.*

Потерпевший Н.: *Вопросов не имеется*.

Прокурор П.: *В ходе производства проверки показаний на месте, Вы не только рассказывали, но и показывали, как причиняли телесные повреждения и наносили удары потерпевшей, что объективно состыковывается с экспертизой трупа. Как Вы можете объяснить данное обстоятельство, Вам тоже следователь все показывал?*

Подсудимый З.: *Нет, я сам подошел и показал, произвольно, как, якобы, наносил удар…*

Задача судьи в данном диалоге — выяснить мотивацию изменений показаний подсудимого, данных на предварительном следствии. Приведенный диалог — разновидность стратагемного дискурса, в котором цель подсудимого — убедить суд в том, что он говорит правду, цель стороны обвинения — дискредитация показаний подсудимого, данных в ходе судебного заседания. Стратегия дискредитации в приведенном фрагменте основана на оценочной презумпции ложности показаний, основанных лишь на одном аргументе (*и это тоже следователь показал — все показывал следователь*). Данная стратагема «и это тоже он…» не нова, пример ее использования продемонстрирован в древней киргизской сказке «Апенди и бай». «Не верьте словам этого человека,— сказал Апенди….Он всегда говорит неправду. Может, он скажет, что и халат, который на мне,— это его халат?». Бай вскочил с места и крикнул: « Конечно, это мой халат!» — «Вот видите» — сказал Апенди, — «я так и знал... А теперь он еще скажет, что и осел, на котором я приехал к вам, тоже его». Бай пришел в ярость и завопил: «Осел тоже мой!». На что бий, судивший спор, сказал баю: Ты что, считаешь меня глупцом? Разве я был бы тогда бием? Ты все лжешь: будто у Апенди твои девяносто девять золотых, будто у Апенди твой халат и твой осел, что во всех твоих бедах виноват Апенди. Ты, наверное, хочешь посмеяться надо мной?».

Вместе с тем, какой бы ответ не выбрал подсудимый, он остается в «невыгодном положении». Необходимо заметить, однако, что в целом, цели подсуди-

мого отличны от целей правосудия, и даже когда он признает себя виновным, он вовсе не обязательно делает это для установления истины. Нередко подсудимые заявляют, что оговаривали себя на следствии из-за незаконного воздействия на них следователя или оперативных сотрудников. Способов заставить оговорить себя (и других) изобретено достаточно. Присутствие адвоката на допросе также не может служить гарантией добровольности показаний обвиняемого. Поэтому на первый план, согласно части второй статьи 77 УПК РФ, выдвигаются доказательства, добытые независимо от показаний обвиняемого: «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

От участника юридического дискурса требуется определенная жанровая компетентность, т. е. наличие осознанных умений и навыков языкового оформления высказывания в соответствии с ситуативными характеристиками общения. Само взаимодействие внутри того или иного скрипта при этом выступает как череда изменений ситуативных характеристик в направлении соответствия жанровым конвенциям и нормам права. Жанровый формат, таким образом, подразумевает в соответствии с ситуацией соблюдение определенных норм коммуникативного взаимодействия внутри него, определяя границы языковой свободы участников общения.

Подсудимый: *Товарищи судьи…*

Председательствующий: *Мы Вам не товарищи!*

Подсудимый: *А как я должен обращаться к суду?*

Председательствующий: *Нужно говорить: «Граждане судьи»*

Подсудимый: *Я не преступник и не хочу обращаться к суду так, как к власти должны обращаться преступники…*

Диалог заканчивается тем, что подсудимый обращался к суду и обвинителю «Достопочтенный суд» и «Многоуважаемый прокурор»[7]. Приведенный пример иллюстрирует намеренное нарушение этикетных конвенций в процессе позиционирования участников общения. Суд настаивает на статусно неравном диалоге. Подсудимый, после неудачных попыток создать паритетный контекст взаимодействия, подчеркнуто увеличивает дистанцию посредством формул обращения, которые в 1975 году (пример относится к этому времени) рассматривались как нарочитые и резали слух. Сегодня «Ваша честь», «Достопочтенный суд» установлены нормативно. При этом жанровый канон обусловливает не только выбор тех или иных языковых средств, но саму процессуальную форму развития ситуации, т. е. сценарий, задающую определенный порядок речевых действий, последовательность стадий развития взаимодействия и условия перехода из одной стадии (сцены, акта) в другую. В целом данные форматы нормативно закреплены в процессуальных кодексах и иных правовых актах. Так, например, в уголовном процессе порядок очной ставки регулируется ст. 136 УПК РФ, порядок допроса обвиняемого — ст. 150 УПК, порядок привлечения в качестве обвиняемого — ст. 173 УПК РФ, порядок предъявления обвинении — ст. 172 УПК РФ и т. д. При этом одни ситуации институционального общения более сложны и детализированы,

[7] Костанов 2007, 110.

чем другие. Например, сложность формата судебных сценариев объясняется сложностью деятельности по установлению фактических обстоятельств уголовного дела, необходимостью создания максимальных гарантий прав личности в уголовном процессе, законности и обоснованности всех уголовно-процессуальных действий и решений. Жанровый формат включает указание на цели этих действий, участников этих действий, их права и обязанности, последовательность речевых действий, порядок, закрепление произведенного действия в соответствующем документе.

Таким образом, содержательными характеристиками скрипта являются нормы права и жанровые конвенции. В связи с этим скрипт рассматривается как общепризнанный нормативный образец поведения дискурсивной общности в повторяющейся ситуации общения. Благодаря нормативности институциональный дискурс характеризуется высокой степенью прогнозируемости. Прогнозируемость возможна благодаря институализации экспектаций ролевых ходов и превращения их в нормы. Данный нормотворческий процесс наглядно описан функционалистами: «В какие бы взаимодействия ни вступали «я» и «другой», «я», преследуя свои цели, должен принимать во внимание действия «другого», и наоборот. Когда оба принимают в расчет друг друга, возникают общие экспектации по отношению к действиям каждого из них. Эти экспектации и структурируют взаимодействие. Чем чаще повторяется взаимодействие, тем более единообразными и стандартизированными становятся эти экспектации. Так рождается норма, структурирующая в глазах индивидов определенные ситуации взаимодействия»[8]. Суть институционализации состоит в типизации повторяющихся действий и связанных с ними ожиданий. С лингвокультурной точки зрения, юридические системы представляют собой не просто автономный закрытый мир норм и жанровых форматов общения, а, прежде всего, выражение ценностных составляющих национальной культуры (определенные представления о праве, справедливости, концепции правового субъекта, судебной практики и т. п.). В связи с этим, назначение права заключается не только в применении логики при правотворческой и правоприменительной деятельности, но и в реализации ценностей культуры, выражаемых в определенных правовых процедурах, традициях, вербальных и невербальных символах юридического дискурса. Все это составляет механизм, который позволяет в процессе правоприменения повернуться от логики к ценностям, от права к правосудию. Скрипты являются производными от культурных смыслов, концептуальных образований, констант культуры, т. е. в сценариях уже заложена необходимая культурная информация об институциональных взаимодействиях, которая корректирует человеческий процесс восприятия, вставляя его в культурнообусловленные рамки. Сама профессиональная деятельность является «проигрыванием» на материале данных моделей тех или иных концептов институциональной культуры. При этом выделяются специфические концепты, которые являются выразителями важнейших ценностей культуры. Так, представления о *здравом смысле*, конструкция *разумного человека*, используемая при решении коллизионных вопросов, а также вытекающий из этих представлений сложный комплекс культурных конвенций разумного, рационального мышления и соответствующих

[8] Уолш 1978, 115.

моделей поведения так и остались характерными концептуальными образованиями англосаксонского юридического дискурса. В основе судебных скриптов национальных систем лежат различные ценностные концепты — *fair trial*, *adversary procedure*, *истина*, *вина*, *признание*… судебный процесс может рассматриваться на концептуальном уровне как *игра легитимных сил* или, например, как *раскрытие истины*. Для первого представления важно, чтобы истина была доказана, она является результатом судоговорения. Для второго — чтобы истина была раскрыта. Данные представления выражаются в концептуальных противопоставлениях: «истина — вероятность», «установленная справедливость — договорная справедливость», «предварительное следствие — признание — тайна» и «судебное заседание — состязательность — rules of evidence». Эти представления составляют особенности национальных судебных скриптов. Для скрипта состязательности во французском судопроизводстве, например, характерен отказ от таких институтов, как «предъявление обвинения», «обвиняемый» и их замена на институт «лицо, привлеченное к рассмотрению». Сама лексема *обвиняемый* содержит указание на возможность вины, а не на возможность ее отсутствия, что таким образом ставит стороны, участвующие в деле, в неравное положение.

С данных позиций скрипты юридического дискурса являются выражением смыслов национальной культуры. Ценностная составляющая скрипта является той основой, на которой происходит формирование сценария. В связи с этим подчеркивается принципиальная значимость ценностного компонента в структуре скрипта, именно этот компонент является культурно-значимым.

Таким образом, скрипты — это когнитивные модели, помогающие человеку ориентироваться в определенных ситуациях институционального взаимодействия. Важнейшими характеристиками скрипта юридического дискурса являются стереотипность (действие по заданному образцу), сценарность (алгоритмизация коммуникативного события) и нормативно-ценностная обусловленность (выбор определенных поведенческих ходов в соответствии с ценностями и нормами культуры). Благодаря своей «драматизированной» структуре скрипт строится на взаимодействии различных групп или отдельных агентов и клиентов внутри дискурса. Драматургический подход к изучению скриптов дает возможность охарактеризовать коммуникативную личность, проявляющую себя в общении, систему концептов, определяющих коммуникативное поведение и жанровые форматы общения.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев С. С. 2001: Восхождение к праву. Поиски и решения. М.

Арутюнова Н. Д. 1990: Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 136–137.

Goffman E. 1972: Relations in Public: Microstudies of the Public Order. Harmondsworth.

Goffman E. 1981: Forms of Talk. Oxford.

Карасик В. И. 2007: Языковые ключи. Волгоград.

Костанов Ю.А. 2007: Слово и «дело»: Судебные речи: Избранное. М.

Troller Alois 1969: The Law and Order. An Introduction to Thinking about the Nature of Law. Leiden.

Уолш Д. 1978: Функционализм и теория систем // Новые направления в социологической теории. М., 111–139.

LEGAL DISCOURSE SCRIPT MODELING

I. V. Palashevskaya

The article aims to describe the main characteristics of such cognitive schemes, representing interactive events, as scripts of legal discourse. These are analysed from the point of view of their stereotypical, normative and scene procedure characteristics in legal communication.

Key words: legal discourse, scripts, legal situation, speech genres, cultural values.

© 2010

Л. Н. Ребрина

ЭКСПЛИКАЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК ОПИСЫВАЕМЫХ ОПЕРАЦИЙ ПАМЯТИ В СТРУКТУРЕ И КОМПОНЕНТНОМ СОСТАВЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА*

В данной статье объектом исследования являются устойчивые глагольные сочетания памяти немецкого языка, относящиеся к переходным явлениям фразеологической системы, описывается их структура и компонентный состав. Большая часть глагольных коллокаций представляют собой аналитические фразеологические сочетания, по своей структуре соответствующие простому словосочетанию с двумя или тремя компонентами, объектными и реже одно- или двусубъектными, внешне непереходными, функционирующими как синтагма с реализованной объектной позицией. Описание генетических значений падежных форм показывает, что функция именных компонентов заключается чаще в указании на объект, реже — на локализацию операции памяти, ее объекта или направление передвижения фрагментов опыта в пространстве памяти. Грамматически стержневым, определяющим частеречную эквивалентность компонентом является глагол, именной компонент — семантически опорный. Серийные коллокации интерпретируют память и объекты операции памяти как: 1) живые существа, активные, совершающие разного рода действия, или подвергающиеся воздействию со стороны; 2) текст или запись; 3) предметы, которыми можно манипулировать; 4) части-тела, органы, способности; 5) пространство действий субъектов или активных фрагментов прошлого опыта. Процессы памяти описываются как активные действия, инициируемые субъектом, направленные на объект, ха-

* Статья написана при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» (Госконтракт 02.740.11.0367).

рактеризующиеся интенсивностью и динамичностью. Делается ряд выводов о структуре и трансформации значения компонентов в рамках глагольных колокаций. Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что внутренний, ментальный мир описывается немецким языком по аналогии с внешним, доступным непосредственному наблюдению, и соотносится с мерками и масштабами человеческого сознания.

Ключевые слова: коллокация, компонент, структура, словосочетания, синтагматические характеристики, значение.

В данной статье мы исследуем структуру и компонентный состав устойчивых глагольных сочетаний памяти немецкого языка, в которых отражаются способы интерпретации и специфические характеристики описываемых операций. Анализируемые единицы являются, согласно терминологии В. П. Жукова, «нечеткими структурами», которые локализуются в периферийной зоне взаимодействия синтаксического и лексического уровней языковой системы, фразеологическими единицами переходного типа с лексически связанным или с общим аналитическим значением, компоненты которых апеллируют к переносному значению исходных слов[1].

Глагольные коллокации могут быть распределены по трем подгруппам, различающиеся степенью тяготения к лексической синтетичности или синтаксической аналитичности[2]: 1) аналитические фразеологические сочетания (синтаксический полюс класса), в которых компонент с фразеологически связанным значением сохраняет остаточную мотивированность, семантичность компонентов легко осознается и объясняется, на метафоризацию указывает модус фиктивности; 2) фразеологические сочетания инклюзивного типа, в которых значение глагольного компонента характеризуется очень высокой степенью обобщенности; 3) фразеологические сочетания — слова-синтагмы, соединяющие синтаксическую форму с лексическим содержанием, когда в качестве единицы словаря представлен не глагол с фразеологически связанным значением, а включающее его словосочетание, значение сочетания максимально синтагматично.

Анализ нашего материала показал, что в немецком языке устойчивые сочетания памяти являются преимущественно глагольно-именными словосочетаниями, за исключением выявленных нами 3-х словосочетаний с наречием (*sich (Dat.) etw. gegenwärtig halten*, *jmdm. gegenwärtig sein*, *etw. gegenwärtig haben*). Кроме *jmds. Andenken in Ehren halten* и *Rückschau halten*, которые относятся к сочетаниям инклюзивного типа, остальные единицы представляют собой аналитические фразеологические сочетания. Устойчивое сочетание инклюзивного типа *Rückschau halten* синонимично глаголу *rückschauen* (оглядываться на прошлое, смотреть назад). Значение глагольного компонента «*halten*» характеризуется очень высокой степенью обобщенности, и только именной компонент *Rückschau* синтагматически предает ЛСВ *halten* и всему устойчивому словосочетанию сигнификативно-денотативную содержательность. Например: *Louise war froh, dass sie allein waren, … und dass sie die letzten paar Augenblicke auf diesem Fragment der Vergangenheit der Erde Rückschau halten konnten — obwohl es ohnehin zum Teil dieser Rückblick*

[1] Жуков 2006, 219–229.
[2] Дидковская 2000, 22.

war, der Louise dazu veranlasst hatte, das alte Schiff diesen Ort ansteuern zu lassen[3] — Луиза была рада, что они остались одни, и … что они в эти последние мгновения могли бросить взгляд и вспомнить этот кусочек прошлого земли, хотя отчасти именно этот взгляд на прошлое побудил ее направить старый корабль в это место (Перевод здесь и далее наш). Примером преобладающих аналитических сочетаний является конституент *Erinnerungsbilder in jmdm. an etw. wecken*. На метафоризацию его значения указывает модус фиктивности «как если бы», который дважды упоминается при попытке толкования коллокации. *Erinnerungsbilder wecken* означает — совершать действия, направленные на определенное воздействие — активизацию воспоминаний, как если бы они спали, были пассивны, бездействовали, а их сделали активными, разбудив, как некое живое существо: *Die Erscheinung des großen Herrn mit der Reisemütze schien in seinem Gehirn einige Erinnerungsbilder zu wecken, besonders als der Herr jetzt wieder die Shagpfeife in den Mund schob und die Hände in die Taschen des karierten Mantels steckte*[4] — Появление высокого господина в туристической шапочке, казалось, пробудило в его мозгу картины воспоминаний, особенно теперь, когда господин снова задвинул в рот курительную трубку для «шека» (сорт табака) и засунул руки в карманы пальто в клеточку. Третий тип (фразеологические сочетания — слова-синтагмы) не является релевантным для анализируемого парадигматического объединения единиц вторичной номинации.

Вслед за Ю. С. Жакиной, с целью описания структуры исследуемых коллокаций памяти, мы выделяли конституенты, соответствующие простому и сложному словосочетанию, и подгруппы единиц в зависимости от числа компонентов. Простые словосочетания образуются на основе одной связи, идущей от глагола к одному зависимому компоненту. Сложные — возникают путем распространения простых словосочетаний, и строятся на основе двух (или более) связей главного слова и зависимых, или связей, исходящих от разных стержневых слов[5].

Структуру сложного словосочетания (осложненного дополнительными синтаксическими связями) имеют около 17% устойчивых глагольных сочетаний памяти, например: *von schönen Erinnerungen an etw. zehren*, *bei jmdm. in gutem Andenken stehen*, *jmdm. plötzlich durch den Kopf schießen*, *etw. klar vor den Augen haben*, *sich unauslöschlich ins Gedächtnis einbrennen*, *sich (Dat.) etw. hinter die Ohren schreiben*, *ein Gedächtnis wie ein (indischer) Elefant haben*, *ein Gedächtnis wie ein Sieb haben*, *jmds. Andenken in Ehren halten*, *einen Schleier des Vergessens über etw. breiten*, *etw. im Dunkel des Vergessens begraben* и т. д. Большая часть конституентов имеет структуру простого словосочетания. Около 31% устойчивых глагольных сочетаний памяти — 2-компонентные словосочетания, 46% — 3-компонентные, 22% — 4-компонентные, 3 глагольных сочетания — 5-компонентные и только один — имеет более 5 компонентов. Большая часть процессуальных фразеологизмов памяти двух- или трехкомпонентные (77%).

Для описания синтагматических свойств устойчивых глагольных сочетаний памяти важной является характеристика единиц с точки зрения их объектности и субъектности. Единицы, характеризующиеся направленностью на объект, будут субъектно-объектными. Данный анализ позволит нам сделать вывод о характере

[3] Baxter 1994; Ring, 21.
[4] Stemmle 1966, 64.
[5] Жакина 2003, 10–12.

предполагаемого субъекта и объекта и об активности и интенсивности описываемых ими процессов памяти. Например, устойчивое глагольное сочетание *Erinnerung in jmdm. an etw. wachrufen* предполагает наличие объекта, на который направлена деятельность субъекта, в приведенных ниже примерах это воспоминание об аварии или о чувстве вины. Субъект вспоминает сам или оказывает воздействие на другое лицо, заставляя его о чем-либо вспомнить. *Der Gast begehrt zu wissen, was für eine Bewandtnis es mit diesem Schäfer habe, und man antwortet ihm, der Wunderbare besitzt die Gabe, durch seinen bloßen Anblick bei jedem Menschen die Erinnerung an dessen stärkste Schuld wachzurufen, Schuldlose aber den Gegenstand langgehegter Sehnsucht schauen zu lassen*[6] — Гость желает знать, что произошло с пастухом, и ему отвечают, что Чудесник имеет дар при взгляде на человека вызывать у него воспоминания о его ужасной вине, а невинным дает увидеть то, что они так страстно и долго жаждали. В следующем примере не индивидуум, а некая ситуация, обстоятельство способствует возникновению воспоминаний, их пробуждению: *Es musste an der verrückten Art gelegen haben, in der der Wagen um die Kurve geschleudert war. Es hatte eine Erinnerung wachgerufen, die viele Jahre zurücklag, irgendwo in der Zeit ihrer frühen Jugend, in der Zeit vor Nadine*[7] — То, каким невообразимым образом занесло машину на повороте, пробудило в нем воспоминание о том, что произошло много лет назад, в ранней молодости, еще до Надин. Конституент *etw. ins Gedächtnis rufen* также описывает операции воспоминания, направленные на какой-либо объект, и инициируемые либо индивидуумом, либо сопутствующими обстоятельствами: *Ich weiß mehr Lieder. Ich kann Mären singen, die deinen Kriegern Vergessenes ins Gedächtnis rufen*[8] — Я знаю еще песни. Я могу спеть старые сказания, которые напомнят твоим воинам о забытом; или: *Wieder musste ich mir mit Gewalt ins Gedächtnis zurückrufen, dass der Mann neben mir nicht der Sean war, den ich zu kennen glaubte*[9] — Я снова заставил себя вспомнить, что человек рядом со мной не был Сином, которого, как мне казалось, я знал. Большая часть устойчивых сочетаний памяти описывает операции, направленные на объект (около 62% единиц характеризуются объектностью, примерно 32% — субъектностью). 64% единиц предполагают только один тип субъекта, а, именно, — активного, одушевленного, и только около 36% могут сочетаться как с субъектом-лицом, так и с субъектом-предметом (двусубъектность). Данные наблюдения свидетельствуют о том, что исследуемые конституенты репрезентируют операции памяти как активные действия субъекта, направленные на какой-либо объект, описываемые операции большей частью подчинены воле субъекта, характеризуются интенсивностью и динамичностью.

Объектность устойчивого глагольного сочетания указывает на его внутреннюю переходность. Для описания синтагматических характеристик коллокаций важно исследовать их внешнюю переходность, т.е. способность сочетаться с дополнениями в винительном падеже, что дает представление об их функции в предложении. Внешней переходностью обладают около 31% единиц. В качестве примера приведем лишь немногие из них: *etw.* (*noch genau*) *im Ohr haben; etw. der*

[6] Wassermann 2002, 195.
[7] Ibidem 2002, 450.
[8] Renn 1986, 7.
[9] Hohlbein 1987, 763.

Vergessenheit entreißen; etw. in den Erinnerungen aufleben; etw. aus dem Gedächtnis streichen; etw. aus seiner Erinnerung tilgen; etw. der Vergangenheit preisgeben / überantworten; jmdm. etw. in den Kopf hineinbohren / setzen / hämmern; etw. in (sein) Gedächtnis einprägen; etw. im Kopf behalten; sich <Dativ>, jmdm., sich (D) etw. aus dem Sinn / aus dem Kopf schlagen; etw. aus dem Gedächtnis auslöschen / löschen. Ниже приведенный пример служит иллюстрацией внешней переходности: *Das Beste wird sein, wenn wir die ganze Angelegenheit vergessen, sie einfach aus unserem Gedächtnis streichen*[10]. Данный факт позволяет сделать вывод, что большая часть коллокаций (2/3) не предполагает наличие прямого дополнения, поскольку значение объекта уже синтагматически включено в их значение благодаря наличию именного компонента сочетания. Они функционируют не как лексема (глагол), а как синтагма (глагольное словосочетание), в которой позиция объекта уже реализована. И только около 1/3 анализируемых единиц по своему значению соотносятся со словом (глаголом) и требуют распространения за счет прямого дополнения, называющего объект операции памяти.

Определить роль именного компонента в репрезентации операций памяти устойчивыми глагольными сочетаниями немецкого языка позволит описание генетических значений их падежных форм в рамках коллокаций. Они могут быть разными. В двухкомпонентных фразеологизмах наиболее активны и продуктивны объектные значения, только в 4 % устойчивых глагольных сочетаний именные компоненты указывают не на объект производимой операции памяти, а на адресата, принадлежность или локализацию операции. В трехкомпонентных фразеологизмах большая часть падежных форм именных компонентов указывает на пространственные значения и около 4,5 % — на объект, источник или направление операции. Что касается четырех- и пятикомпонентных коллокаций, то большей частью (86 %) также реализуется пространственное значение падежных форм именных компонентов, в 10 % — объектные значения, и в 4 % единиц падежные формы указывают на источник, на адресата или принадлежность. Функция именных компонентов описываемых сверхсловных единиц заключается, т.о., в указании на объект, на который направлена та или иная операция памяти или на ее локализацию, а точнее локализацию ее объекта и направление операции памяти.

Выделение «грамматически стержневого» и «семантически опорного компонента»[11] позволяет определить способ сочетания компонентов и долю их участия в формировании общей семантики устойчивого сочетания. Грамматически стержневым во всех исследуемых коллокациях является глагол, который определяет частеречную эквивалентность всего сочетания в целом и его функцию в предложении, а семантически опорный компонент (именной) выражает его вещественное значение и позволяет отнести анализируемые единицы к фразеосемантическому полю памяти.

Контексты существования того или иного фразеологического значения реализуются в сериях устойчивых глагольных сочетаний, которые представляют собой схожую форму представления и репрезентацию в языке знаний об описываемой ситуации. Серийными могут быть именные и глагольные компоненты, их анализ позволит исследовать специфичные характеристики операций памяти и ее участ-

[10] Vandenberg 1997, 126.
[11] Шанский 1985, 45.

ников, получающих отражение в языке, способы интерпретации этой фундаментальной способности человека носителями немецкого языка, трансформацию значений компонентов в рамках устойчивых глагольных сочетаний, а также охарактеризовать глагольно-именное семантическое пространство, образующееся при пересечении серий.

В группе с серийным именным компонентом можно выявить функционально-грамматические и функционально-семантические. Анализ материала показал, что среди названных единиц превалируют функционально-грамматические серии, что свидетельствует о том, что для немецкой лингвокультуры важно точно описать, охарактеризовать само действие и вариативность данных характеристик предполагает употребление разных, но близких по семантическим признакам глаголов, указывающих на разные оттенки, дополнительные качества описываемой ситуации. Например, функционально-грамматический характер имеет следующая серия с именным компонентом «Kopf» — *jmdm. (plötzlich) durch den Kopf schießen / jmdm. durch den Kopf fahren / durch den Kopf ziehen*. Все три из приведенных конституентов, составляющих данную серию, описывают интенсивную операцию непроизвольного воспоминания, когда что-то внезапно приходит на память. Во всех трех сочетаниях операция воспоминания интерпретируется как продвижение объектов воспоминания, которые по отношению к данным фразеологическим единицам выступают в качестве структурных элементов предложения, через определенное пространство, называемое компонентом-соматизмом «Kopf». Конституенты отличаются глагольными компонентами. В семантике всех трех глаголов присутствует указание на движение, но это движение отличается разными дополнительными характеристиками, отражающимися в значениях данных глаголов. ЛСВ *schießen* описывает самое интенсивное и быстрое движение (буквально «быстро» как пуля) и имеет значение «sich mit sehr viel Kraft in eine bestimmte Richtung bewegen»[12]. ЛСВ *fahren* описывает движение с меньшей интенсивностью («быстро» как транспортное средство, например, машина) имеет значение «sich mit einem Fahrzeug auf ein bestimmtes Ziel hinbewegen»[13], но данный многозначный глагол может обозначать и просто быстрое движение, без транспортного средства, например *in die Höhe fahren* — «plötzlich und schnell aufstehen (besonders weil man einen Schock oder Schreck hat)»[14]. Последнее значение позволяет предположить, что в анализируемой коллокации ЛСВ указывает на быстрое, внезапное движение в силу особых обстоятельств. Для ЛСВ *ziehen* признак «скорость движения» оказывается нерелевантным — «etwas bewegt sich irgendwohin»[15].

Идея движения оказывается преобладающей для представления и вербализации пространства памяти в немецком языке. Так, анализ парадигматического объединения глаголов памяти убеждает в том, что операции памяти описываются как горизонтальное продвижения субъекта по оси времени из настоящего в прошлое, которое в пространстве памяти сменяется на вертикальное перемещение фрагментов прошлого. Пространство памяти представляет собой выстроенное по вертикальной оси, структурированное хранилище следов индивидуально или

[12] Langenscheidt 2008.
[13] Ibiden 2008.
[14] Ibiden 2008.
[15] Ibiden 2008.

социально значимого прошлого опыта. При воспоминании фрагменты прошлого опыта перемещаются с глубинных слоёв памяти к её поверхности, более доступной активному полю сознания, как бы всплывают, при забывании, наоборот, вытесняются с поверхности вглубь означенного пространства, замещаясь более новой, актуальной, интересной информацией, при запоминании — извне внутрь пространства памяти, хранение информации может быть описано как условное отсутствие продвижения единиц[16].

Функционально-семантической является серия с именным компонентом «Erinnerungen» — *Erinnerungen an etw. ausgraben / die Erinnerungen an etw. begraben*, поскольку составляющие данную серию единицы описывают совершенно разные операции памяти, диаметрально противоположные, и являются антонимичными по отношению друг к другу: откопать что-либо в своей памяти, т.е. вспомнить о чем-либо очень давнем (буквально «выкопать воспоминания») и похоронить воспоминания о чем-либо (буквально «закопать», «зарыть»), т.е. постараться забыть о чем-либо. В данном случае употребление другого глагола приводит к тому, что новое устойчивое глагольное сочетание называет совершенно иную операцию памяти, не воспоминание, а забывание. Самые большие группы составляют устойчивые глагольно-именные сочетания с компонентами «*Erinnerung(en)*» – 10 серий и «*Gedächtnis*» – 8 серий. Серии образуют также следующие компоненты: соматизм «Kopf» – 7 серий, «*Vergangenheit*» – 7, «*Sinn*» – 2, «*Vergessenheit*» – 2, «*Gedanken*» — 2, соматизмы «*Augen*» — 2, «*Hinterkopf*» — 1, «*Ohr*» — 1; «*Andenken*» — 1, «*Bewusstsein*» — 1, «*gegenwärtig*» — 1. Данный факт иллюстрирует релевантность называемых именными компонентами понятий для репрезентации операций памяти в немецкой лингвокультуре. Конституенты с серийными именными компонентами более многочисленны, чем серии с глагольными компонентами.

В качестве примера приведем описание серий с именным компонентом *«Erinnerung(en)»*. Рассмотрим серии с именным компонентом «*Erinnerung(en)*». Самая большая серия состоит из переходного глагола и компонента «*Erinnerung(en)*» в качестве прямого дополнения в аккузативе. С одной стороны, воспоминания описываются данными глагольно-именными сочетаниями как некий предмет, вещь, которую можно иметь, хранить, прятать, отодвинуть в сторону, выкопать, откопать, стряхнуть, сбросить, от которой можно избавиться в случае ненадобности или поменять на другую аналогичную, т. е. обменяться, а также подновить, или обновить — *keine Erinnerung an etw. haben*, *die Erinnerung an etw. loswerden / beiseite schieben*, *verwahren*, *haben*, *abschütteln*, *ausgraben*, *austauschen, auffrischen*. Воспоминания можно как некий механизм запустить, или привести в действие — *Erinnerungen bei jmdm. auslösen*. Но, с другой стороны, воспоминания в данных коллокациях персонализируются, т.е. интерпретируются как некий живой организм, одушевленное лицо, которое можно тронуть, растрогать, разбудить, пробудить, оживить, заклинать, умолять, заговаривать, вызывать, или изгонять заклинаниями как духов, воскрешать, прогнать, вытеснить, отогнать, изгнать, задушить, даже похоронить, позвать обратно, спугнуть как птицу или разогнать — *die Erinnerungen verscheuchen, verdrängen / verbannen, ersticken, vertreiben, zurückdrängen, begraben, beschwören, wecken / erwecken, wach rütteln, wachrufen, rühren, zurück-*

[16] Ребрина 2007.

rufen. Воспоминания могут предстать как некий текст, информация, нечто написанное, что можно прочитать, дополнить, стирать, смывать, обрисовать — *Erinnerungen an etw. auszeichnen, schreiben, ausreden, vollziehen, auslöschen / löschen, aus dem/im Gedächtnis verwischen / auswischen / wegwaschen*.

Следующая серия объединяет внешне переходные устойчивые сочетания, состоящие из переходного глагола и компонента «*Erinnerung(en)*» с предлогом «в» в винительном падеже, указывающего направление. Внешняя переходность глагольных устойчивых сочетаний памяти — способность коллокации в целом сочетаться с дополнениями в винительном падеже. Объект в аккузативе, в качестве структурного элемента предложения, называет содержание воспоминания. В данных сочетаниях воспоминания интерпретируются как место, некое пространство, в которое можно позвать, и тогда объект воспоминания персонализируется, или куда можно что-то принести, как какой-то предмет (фрагмент прошлого опыта) — *sich (D) etw., jmdm. in die Erinnerung rufen, zurückrufen, bringen*; или же как носитель информации, на котором можно сохранить данные, например, доска, на которой можно выжечь некий текст, в этом случае сама операция характеризуется интенсивностью, а объект предполагает особую важность — *etw. in die Erinnerung einbrennen*. В третью серию объединены глагольно-именные устойчивые сочетания, включающие переходный глагол, называющий действие над объектом воспоминания (прямое дополнение в качестве структурного элемента предложения) и компонент «*Erinnerung(en)*» с предлогом «в» в дательном падеже, называющий место происходящего действия, в котором объекты как вещи можно держать, хранить, иметь, удерживать и даже оживлять — *jmdn. in bester Erinnerung halten, aufleben, (gut) behalten, [gut] haben, aufbewahren, in freundlicher Erinnerung behalten*.

В четвертой серии компонент «*Erinnerung(en)*» употребляется с переходным глаголом и с предлогом «aus» («из»), обозначая некое вместилище, пространство, из которого можно как некую вещь достать объект воспоминания — *etw. aus der Erinnerung (herauf)holen* или буквально выбить, вышибить индивидуума из этого пространства, закрыв ему доступ к данному месту — *jmdn. aus der Erinnerung herausklopfen*. В данных сочетаниях воспоминания могут интерпретироваться также как некий список, текст, из которого можно вычеркнуть что-то ненужное или неприятное — *etw. aus (seiner) Erinnerung streichen*, погасить воспоминание как уплаченный долг и забыть о нем — *etw. aus seiner Erinnerung tilgen*. В следующей серии единиц компонент «*Erinnerung(en)*» употребляется в дательном падеже с предлогом «в», обозначая место, и непереходным глаголом, а объект воспоминания выступает активным участником действия. Объекты наделяются чертами живого лица и могут стоять, толпиться, тесниться, оставаться в данном пространстве, жить в нем и даже побледнеть, поблекнуть как цветок или другое растение — *sich. in Erinnerung drängen, stehen, auftauchen, sein, in (guter) Erinnerung stehen, zurückbleiben, unauslöschlich bleiben, leben, verblassen, in schlechter (guter) Erinnerung bleiben*.

В шестой серии объекты воспоминания также одушевляются и сами выполняют некое действие (зарываются в память как в песок, въедаются), компонент «*Erinnerung(en)*» в винительном падеже с предлогом «in» («в») указывает на локализацию, направление, а глагол употребляется с возвратной частицей — *sich in die Erinnerung einbrennen / sich eingraben.* Вместо компонента «*Erinnerung(en)*»

может употребляться близкий по смыслу компонент «Erinnerungsbilder» (картины воспоминаний) — *Erinnerungsbilder verwischen*, которые, однако, также могут одушевляться — *Erinnerungsbilder wecken / erwecken*. Оставшиеся внешне непереходные серии с компонентом «*Erinnerung(en)*» специализированы на описании самого индивидуума, субъекта воспоминания и его действиях. Первая из так называемых субъектных серий включает конституенты с глаголами движения и компонентом «*Erinnerung(en)*» в аккузативе с предлогом «в», называющем место или цель, и указывающем направления движения субъекта. Операции памяти интерпретируются как продвижение, передвижения субъекта в пространстве воспоминаний, в которое он может войти, соскользнуть, нырнуть, углубиться, погрузиться. Преобладающей является метафора «воды», «водоема» — *in die Erinnerung abgleiten, einziehen, eingehen, sich ergehen, sich vertiefen, sich versenken, in das Erinnern hinab tauchen.* Вторая из данного разряда серий объединяет глагольно-именные сочетания с непереходными глаголами и компонентом «*Erinnerung(en)*» в дательном падеже с предлогом «в». Воспоминания предстают как некое хаотичное, неупорядоченное пространство, в котором субъект что-то перебирает в поисках нужного, роется, копается, а также как водное пространство, где он может безмятежно плавать, или даже тонуть — *in Erinnerungen kramen / stöbern / wühlen, schwelgen, versinken*. В последней серии компонент «*Erinnerung(en)*» употребляется в дательном падеже с предлогом «von» и непереходным глаголом. Воспоминания описываются данными сочетаниями как некий источник, за счет которого индивидуум живет, из которого питается — *von Erinnerungen zehren / leben*.

Глагольные коллокации памяти немецкого языка представляют собой сочетания глагола, имеющего фразеологически связанное значение и именного компонента, значение которого подвергается метафоризации. Анализ серий с глагольными компонентами (более 40) позволяет выяснить, как мыслятся сами операции памяти, действия над объектами. Как и единицы, конституирующие именные серии, они могут интерпретировать воспоминания и объекты операции памяти 1) как живые существа, активные, совершающие разного рода действия, движущиеся, имеющие или утрачивающие что-либо, или подвергающиеся воздействию со стороны; 2) как текст, запись или список; 3) как предметы, которыми можно манипулировать, вещи, имеющиеся в наличии, досаждающие или доставляющие удовольствие; 4) воспоминания, память, забвение, части-тела, способности — как некое пространство действий субъектов или активных фрагментов прошлого опыта.

Память и ее объекты можно звать, похоронить, оттеснять, изгонять, высылать, вызывать заклинаниями как некое живое существо; сами фрагменты опыта в памяти могут тесниться, толпиться, всплывать как в слоях воды, стоять, передвигаться как в каком-то пространстве, въедаться как кислота в какую-то поверхность, досаждать владельцу, вызывая неприятные ощущения, например, стучать как молоток или жечь, принадлежать; их можно бить как живое существо, вынуждая покинуть какое-либо место, обновить, освежить, потерять, доставать, забросить, переносить, зарывать, закапывать, высаживать в память как в грунт, удерживать, хранить, иметь как вещи в хранилище, стирать как запись из текста.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о структуре и трансформации значения компонентов устойчивых глагольных сочетаний памяти немецкого языка. Значение исследуемых конституентов разложимо на семантические

доли отдельных компонентов, но семантические отношения между последними теснее, чем в свободных словосочетаниях. В результате сочетания глагольного и именного компонентов происходит рассогласование, глагол приобретает новое семантическое качество, исходное, конкретно-физическое значение глагола взаимодействует со значением отвлеченного существительного и становится более общим, абстрактным. При этом отвлеченность значения именного компонента подвергается также воздействию со стороны конкретно-физического значения глагола, и ментальные объекты (воспоминания, память и т. д.) мыслятся как объекты или субъекты конкретных физических действий. Ментальный мир, внутренний и недоступный непосредственному наблюдению, наделяется чертами предметной действительности, описывается по аналогии с ней, становится более наглядным, понятным, соотносимым с масштабами человеческого сознания, т.е. антропоцентричным и антропометричным. Устойчивые глагольные сочетания памяти моделируют описываемые ситуации в соответствии с их структурой, элементами, составом участников и характеристиками в процессуально-событийном мире, выделяемыми человеческим сознанием.

БИБЛИОГРАФИЯ

Жуков В. П., Жуков А В. 2006: Русская фразеология: учеб. пособие. М.

Дидковская В. Г. 2000: Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных сочетаний): автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб.

Baxter C. 1994: Ring. München.

Stemmle R. A. 1966: Der Man der Sherlok Holmes war. Berlin.

Жакина Ю. С. 2003: Процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности: автореф дис … канд. филол. наук. Курган.

Wassermann J. 2002: Die Trägheit des Herzens. München.

Renn L. 1986: Herniu und der blinde Asni. Berlin.

Hohlbein W. 1987: Der Hexer von Salem. Augsburg.

Vandenberg P. 1997: Der grüne Skarabäus. Augsburg.

Шанский Н. М. 1985: Фразеология современного русского зыка: учеб. пособие для вузов. М.

Langenscheidt. 2008: Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. München.

Ребрина Л. Н. 2007: Репрезентация операций памяти в семантике глагольных единиц немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филологических наук. Волгоград.

MEMORY OPERATION CHARACTERISTICS THROUGH FORMAL AND SEMANTIC COMPONENT STRUCTURE OF GERMAN VERBAL COLLOCATIONS

L. N. Rebrina

The study deals with German verbal collocations of the thematic group “memory” as transitional phenomena of phraseological system. It considers lexical and syntactic structure of the units under study. The bulk of verbal collocations is presented by two or three member analytical phraseological units whose components are complementary or more rarely one or

two subjective, seemingly intransitive, functioning as a complementary syntagm. Genetic case meaning description shows that nominative component function more often consists in pointing to the object, and less often in showing the locality of memory operation, memory object, or the direction of experience fragment transition in the memory space. A verb, determining part of speech equivalence, is a grammatical center; a nominative component is a semantic center. Collocation series interpret memory and memory operation objects as 1) active living beings either acting or being acted upon, 2) a text or record, 3) objects to manipulate , 4) parts of a body, organs, abilities, 5) activity space or active fragments of former experience. Memory processes are described as intensive, dynamic object-oriented activity of the subject. Several conclusions were made concerning the structure and meaning transformation of verbal collocation components. The obtained evidence reveals that the German language describes the inner mental world on analogy with the observable reality, which is compatible with the scale and scope of human consciousness.

Key words: collocation, component, structure, word combination, syntagmatic characteristics, meaning.

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

© 2010

И. В. Лосеева

СПЕЦИФИКА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ОСТАНОВКИ ГОРНОЗАВОДСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

На основе оригинальных материалов полевых исследований и документальных свидетельств архивных фондов И. В. Лосеева рассматривает и анализирует специфику хозяйственной деятельности горнозаводского населения южноуральских заводов в период кризиса. В статье показан характер, особенности и следствия перехода от заводского промышленного производства к промыслово-крестьянскому характеру жизни.

Ключевые слова: Южный Урал, Белорецкий район, горнозаводское население, архивный фонд В. А. Сенкевича.

Очаг современных русских селений Белорецкого района Башкортостана (Верхний Авзян, Инзер, Кага, Ломовка, Нижний Авзян, Тирлян, Узян) был сформирован со второй половины XVIII в. в связи активизацией горнозаводского строительства на Южном Урале. Как было ранее отмечено в предложенной автором периодизации в истории данных сел[1], кризис заводского производства, приведший к остановке и закрытию большинства железоделательных предприятий, пришелся на конец XIX — начало XX в. и привел к формированию кустарно-сельскохозяйственных районов на месте бывших заводов.

Особенности хозяйственно-трудовой деятельности населения в период активного функционирования заводских предприятий в обозначенном регионе нашли отражение в ряде публикаций автора[2]. Задача данной статьи состоит в рассмотрении специфики хозяйственных занятий населения южноуральского региона в период кризиса заводского производства, когда наблюдался постепенный переход от промышленного к промыслово-крестьянскому характеру жизни.

Основным источником существования рабочих семей были заводские заработки. Так, в «Объяснительной записке к проекту земельного надела для мастеровых и непременных работников Кагинского завода» отмечено, что земледелие в уральских горнопромышленных районах не может иметь значения самостоятельного источника экономической жизни. «Почва на этих заводах бесплодна, а для посевов заводские люди нанимают землю у башкирцев и казаков… Только

[1] Осипова 2006, 311–314.

[2] Осипова 2008, 12, 315–320; 19, 375–384.

в некоторых местах и преимущественно по долинам рек возможно лишь сенокосное хозяйство»[3].

Полевые материалы из архивного фонда В. А. Сенкевича[4] свидетельствуют о том, что постоянная занятость на заводской работе, а также отсутствие земель в личном пользовании не позволяли переселенцам заниматься земледелием. Как правило, при заводе существовал магазин, через который заводчик снабжал рабочих необходимыми продуктами.

Однако в летнее время, когда заводы останавливались для ремонта печей, плотин, горнов, постоянное заводское население занималось небольшими сельскохозяйственными работами. «Природно-обусловленный характер «горнозаводской цивилизации» выражался в ином ритме, нежели крестьянское «посев-страда-отдых». На заводах каждой работе было свое время»[5]. Период крестьянской «страды», сенокоса приходился здесь исключительно на летний период времени, когда рабочие отдыхали от тяжелых заводских работ. Очевидно, что именно с «заводов» в горной Башкирии начинает развиваться овощеводство, огородничество, а позднее мелкое животноводство. Как свидетельствуют полевые материалы[6], выращивали картофель, капусту, морковь, лук, репу. На огородах сеяли коноплю, используя волокна на холсты, а семена на масло. Зерно сеяли редко, поскольку для этого необходима была пашня, собственный земельный участок. В основном подсобные рабочие держали лошадей, так как их наличие было непременным условием работы на заводе. Отчасти занимались также пчеловодством, частично переняв местную специфику этого занятия у башкир. Дополнительный заработок давали промыслы, связанные с обработкой дерева, кожи, металла.

Известно, что русские переселенцы стремились обосноваться на землях, сходных с их прежним местом жительства по природным и географическим особенностям. Выходцы из Вятской, Казанской, а также Калужской, Рязанской, Пермской, Тульской и других губерний были знакомы с лесными промыслами, привозили с собой на Южный Урал сельскохозяйственные орудия, семена. Многие из них, владеющие спецификой плотницкого и столярного дел, обосновывались на башкирских землях, заводили свое хозяйство, строили добротные дома.

Постепенно основным занятием русских крестьян становится земледелие: «Тогда тоже сеяли. Сеяли и рожь, сеяли и овес, сеяли и пшеницу, также сеяли коноплю, да молотили» (Быкова У. А., 1894 г. р., Кага). В целом, уральский крестьянин опирался и ориентировался на комплекс традиций земледелия, выработанный предшествующими поколениями. В условиях неустойчивости климата, угрозы засухи, заморозков, наводнения, сельский труженик надеялся на выверенный опыт предков, потому аграрная культура уральского крестьянина отличалась особым консерватизмом. Низкие среднегодовые температуры, довольно короткое лето, каменистые почвы, значительная облесенность не позволяли местным жителям широко вести хлебопашество.

К началу XX в. вопрос об урожайности в соседней Уфимской губернии имел первостепенное значение. Так, в «Статистических данных по сбору в Уфимской

[3] ЦГИА РБ. Ф. И–166. Оп. 1. Д. 19. Л. 28, 29.
[4] ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1.
[5] Иванов 2007, 244.
[6] Полевые материалы из архива ЛНК МаГУ.

губернии трав и хлебов в 1904–1905 гг.» отмечено: «Население Уфимской губернии, за исключением некоторой части, … по преимуществу земледельческое. Поэтому быт и условия жизни его должны естественно определяться степенью урожайности хлебов: если урожай хороший, то и население более-менее обеспечено. И наоборот, отсутствие урожая может поставить население в безвыходное положение»[7].

Суровые климатические условия, постоянные неурожаи требовали от людей творческой инициативы. Потому с течением времени на Урале начинают применяться различные системы земледелия [8]. Распространенной системой земледелия было трехполье (яровые — озимые — пар); со временем в отдельных хозяйствах начало внедряться многополье с травосеянием и внесением удобрений.

Уже в XIX в. основное внимание уделялось выращиванию зерновых. Традиционной культурой считалась рожь. С развитием товарно-денежных отношений со второй половины XIX в. большим спросом стала пользоваться пшеница. В качестве фуражной культуры сеяли также овес. Очень часто в поселениях Белорецкого района, расположенных в окружении гор, урожай пшеницы был довольно мал, поскольку данная культура требовала неистощенной степной почвы. В связи с этим обстоятельством значительные участки земли занимали посевы проса и ячменя: «Хлеб не сеяли тут. Вот только для себя какой-то пуд может овса, может проса» (Ряхаева Н.И., 1921 г. р., Н. Авзян). Практически ни одно хозяйство не обходилось без сеяния конопли; сравнительно новой культурой был лен, посевы которого к XX в. заметно превысили посевы конопли: «Наши деды тут коноплю сажали и меняли портянки на муку, рожь и масло с тирлянскими — у них завод был, масло выжимали» (Слепова А.Ф., 1928 г. р., Слепов Д.А., 1926 г. р., В. Авзян).

Практически во всех отраслях крестьянского хозяйства горнозаводских жителей преобладали экстенсивные формы его ведения. По сравнению с центральными регионами России, годовой цикл сельскохозяйственных работ отличался здесь несколько поздними сроками: в мае вспахивали и засевали яровое поле, обрабатывали огородные участки; в июне — проводили лущение парового поля; июль приходился на сенокосные работы; в августе осуществляли взмет парового поля, сеяли озимые, убирали картофель; на сентябрь приходилась уборка ярового поля; на октябрь — молотьба, веяние, сортировка.

По воспоминаниям информантов, землю обрабатывали традиционными сошными орудиями, которые наиболее подходили к почвенным особенностям горнозаводской зоны Урала. При обработке полей применяли двухколесные сабаны, в которые впрягалось около шести лошадей (в конце XX в. — две-три лошади), соху севернорусского типа, куда впрягалась обычно одна лошадь. Боронование проводилось деревянными рамочными боронами с железными зубьями. В 60–70-х гг. XX в. на данных территориях преобладала соха-косуля, со временем воспринятая другими народами края. С помощью сохи-косули расчищали чащобы; местный плуг — сабан использовали для поднятия целины и залежи. Пахали на лошадях. Сеяли из лубяного кузова или ведра. Пашню часто огораживали от потрав изгородью из жердей, называемой пряслами.

[7] ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 18. Л. 196 об.

[8] Бежкович 1973, 5, 61–93.

Как утверждают информанты, хлеб жали серпами. Колосья связывали в снопы и оставляли на поле для сушки. Подсохшие снопы собирали в копны, затем увозили на гумно. В отапливаемом помещении (овине) колосья постепенно досушивались. Молотить начинали в зимнее время. Для этой цели служил традиционный деревянный цеп.

Особое внимание в русских селениях Белорецкого района уделялось выращиванию капусты, свеклы, лука, моркови, репы, огурцов, подсолнечника, тыквы. Картофель появился здесь лишь в середине XIX в. Огороды удобряли навозом, для рассады и огурцов устраивали специальные парники.

В целом можно отметить, что трудовые традиции, в первую очередь, навыки земледелия, получили заметное развитие у местного населения в XIX в. Помимо прочих факторов сказались последствия реформ, в том числе, закрытие заводских предприятий и расширение кустарного производства, включая изготовление сельскохозяйственной техники, пополнение рядов крестьянства бывшими мастеровыми и т. д.

Животноводство считалось подсобным занятием, однако уже к концу XX в. эта отрасль сельского хозяйства становится преобладающей. «Скот в глазах населения приобрел значительную ценность и оно принимает все меры к сбережению и размножению его» [9].

В качестве рабочей силы использовали лошадей. Лошадь была основным транспортным средством. В то время, когда местные заводы активно функционировали, наличие лошади было роскошью и одновременно необходимостью, поскольку изначально все работы на заводе выполнялись исключительно вручную. С образованием крестьянских хозяйств лошадей начали использовать в обработке земли, а также с их помощью обеспечивали кормами скотный двор. Позже начали держать коров, овец, коз, свиней, домашнюю птицу: «Потом скотину стали держать — лошадь, овечку, потом и корову, свинью. А так табунов сроду не было никаких» (Ряхаева Н. И., 1921 г. р., Н. Авзян). Уже в 20-е гг. XX в. в Верхнем Авзяне, Каге, Узяне были отмечены очаги отгонного скотоводства. Домашних животных пас постоянный человек — пастух, в некоторых поселках обходились без него.

Как и земледелие, раннее скотоводство носило здесь экстенсивный характер. Отмечено довольно примитивное содержание животных, отсутствие утепленных помещений, плохое питание. Изначально многие элементы горнозаводского животноводства были близки формам содержания скота у башкирского населения.

Некоторые жители занимались также пчеловодством. В 1923 г. на территории Тамьяно-Катайского кантона было зафиксировано 192 пчеловодных пасеки с количеством ульев в 1118[10]. Несмотря на то, что пчеловодство не приобрело особенного значения для всего местного населения, тем не менее для отдельных хозяйств оно стало служить большим подспорьем. Известно, что навыки разведения пчел имели глубокие корни у переселенцев из северных областей — жителей Вятской и Пермской губерний. В Белорецком районе бортевые угодья принадлежали башкирам. Со временем пасеки появляются в хозяйствах русских, однако рыночную направленность в этих местах пчеловодство не приобрело. На сегодняшний день

[9] ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 50 об.–51.
[10] ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а, Л. 50 об.–51.

в каждом их селений (в основном это Верхний и Нижний Авзян, Кага) приблизительно 3–5 домохозяйств занимаются разведением пчел.

Подсобными занятиями жителей горнозаводских сел являлись охота и рыбная ловля. Как правило, этими промыслами занимались ярые любители и знатоки, которых в народе так и называли — «рыбак» или «охотник». В. А. Сенкевич отмечает, что «по сравнению со способами рыбной ловли и орудиями, которые применяются на реках Сибири, в верховьях Белой и способы ловли, и рыболовецкие орудия малочисленны и бедны»[11]. Объясняется это следующими причинами. Река Белая и ее небольшие притоки (Авзян, Инзер, Кага, Узян) не имели рыбопромыслового значения. Кроме того известно, что земля в округе принадлежала местным башкирским общинам, потому за право ловить в реках рыбу необходимо было платить арендную плату — кортом, позволить который мог себе далеко не каждый. Рыбные ловли представляли собой государственные оброчные статьи, которые в изучаемой местности башкирские общины и частные башкирские владельцы сдавали в оброк русским крестьянам.

Информанты подробно рассказывают и описывают распространенные в прошлом и в наши дни способы и орудия лова. В. А. Сенкевич описал терминологию основных рыболовецких приспособлений и снастей, используемых в селах Белорецкого района; в данной статье рассмотрим некоторые этнографические подробности этого подсобного промысла.

Из многочисленных способов рыбной ловли (бреднем, сетью, плетеными ловушками — вятелями и мордами) самым искусным считался ночной лов налимов и щук с помощью трезубой остроги. Возможно, что данный способ был перенят русскими у горных башкир. Известный уфимский врач Дмитрий Иванович Татаринов в своих воспоминаниях о детстве, проведенном на Кагинском заводе, отмечает следующее: «В мое время на Урале охота с острогой на налимов была очень распространена. Острога представляла собой острый трезубец с деревянной длинной рукояткой»[12].

В регионе известны две разновидности плетеной морды — одножерельная и двужерельная. Сплетенный из прутьев черемухи корпус называется бочка, в нее и вставляется одно, либо два жерла. Конус жерла заканчивается небольшим отверстием, через которое рыба попадает в морду. По рассказам рыбака из села Кага Василия Александровича Желнина, 1934 года рождения, эту часть сооружения обязательно замазывали тестом. Как правило, морду делали без дополнительных отверстий; ее хвостовая часть завязывалась лыком или пеньковым жгутом — отсюда вынимали готовый улов. Вятель делали из конопляной и льняной пряжи путем натягивания готовой рыболовной сети на три деревянных обруча. Из сети шили воронкообразный рукав — жерло, которое вшивалось внутрь. На планки натягивали открытку-крыло из сети — оно способствовало направлению рыбы в вятель.

Как рассказывают местные жители, самый распространенный вид сети — невод. В самом неводе выделяют тетиву — это веревка, на которую натягивалась сеть; наплавь — поплавок невода; клячь — толстая веревка, за которую невод тянут по берегу. В верховьях Белой бытовали и частично бытуют на сегодняшний

[11] ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 28. Л. 28.
[12] Татаринов 1992, 2, 16.

день такие разновидности рыболовных сетей, как недотка, наплавная сеть и трехрядная сеть. Недотка напоминает невод — это самодельная сеть, изготовленная из редко вытканного холста или дерюжины. Наплавными сетями вылавливали рыбу во время большой воды. Трехрядную сеть шили из трех сетевых полотнищ, причем крайние имели более крупные ячеи (в зависимости от толщины, которая измерялась количеством пальцев, ячеи называли трехпалка, четырехпалка). Благодаря этой разнице создавалось неравномерное давление воды — течение воды вытягивало полотно в виде нескольких мешков, в который запутывалась рыба.

До недавнего времени были известны также сооружения, посредством которых рыбаки увеличивали улов рыбы. Одной из таких конструкций являлся заездок — щитовая плотина, которая перегораживала часть реки. В самом сооружении оставался садок, проход в плотине, в конце которого устанавливалась морда.

До сих пор жители сел используют обозначенные орудия лова, которые сохранились только у людей старшего поколения, как и сама техника их изготовления: «Шибко крепкий рыбак был, Черепенькин Федор Григорьевич. Всем рыбачили раньше, кто чем сможеть. Морды ставили, удочками ловили, бреднями, сетью, неводом. Рыба была масса в то время» (Чернаткин И. В., 1898 г. р., Кага). Ярые рыбаки-любители в поселках есть и сейчас, хотя даже они отмечают, что, по сравнению с прошлыми временами, рыбы в реках практически нет, да и острая необходимость в этом занятии также отсутствует: «Вот тогда рыбы у нас и у Белой много было, и у пруду всякой полно было. Еще завод в ходу у нас был, на пруду ерш, голавь, щука, харюс, налима полно. А теперь ведь рыбы щас мало. Когда завод сгорел, в одиннадцатом году, и вода ушла, и плотина, и рыба вся ушла. Раньше мене у лес манить, либо за рыбой. Мне постоянно старуха скажеть — вот состарила тебя охота, старый ты рыболов» (Андрианов И. П., 1902 г. р., Кага).

В этнографическом отношении своеобразны описанные Сенкевичем орудия лова, известные в кругу старожилов-охотников. В старину в заводских селениях Южного Урала бытовали примитивные деревянные ловушки, волосяные силки, самострелы.

Как отмечают информанты, наиболее простыми орудиями лова, кроме деревянных капканов, были волосяные силки трех видов: попружок, петелька, пленка. Силок на глухарей назывался попружок. Он представлял собой настороженную волосяную петлю, укрепленную на коклюшку. Роль пружины, затягивающей петлю, выполнял специальный шест. Его укрепляли на дереве и настораживали маленькой палочкой — коклюшкой. Направляет глухаря к приманке установленная городьба — загородка из прутьев. Когда птица сбивает или хотя бы задевает коклюшку, шест теряет равновесие, опускается и тяжелым концом затягивает петлю. По тому же принципу устроен силок. Основное его отличие от попружка в том, что петля здесь затягивается с помощью установленных особым образом грузил. Городьбу возле петельки не устанавливали, поскольку охотились на более мелких зверьков. «Зайца и петлями ловили. Вот проволока мягкая есть, ей тропку наторят туда сюда, петли становят и попадает он. Ет давно дело было, теперь запрещено все щас. Массу зайца было. Я их тыщу штук за зиму поймал» (Андрианов И. П., 1902 г. р., Кага).

Другой тип силков — пленка. Ее также ставили на зайца, укрепляя на деревьях или кустах. Специфика этого силка в том, что настораживается сам силок,

попав в который зверек затягивает петлю сооружения своей тяжестью. Со временем обозначенные деревянные сооружения были вытеснены железными капканами, позже ружьем.

По рассказам информантов, охота носила сезонный характер. Охотились осенью и зимой, а на лису, волка и зайца — круглый год. Снаряжение охотника в народе называют снарядом. Снаряд состоит из охотничьей обуви — обутки (сапоги из кожи без каблука); а также ружья или ловушки на зверя или птицу. В зимнее время на охоту ходили на специальных лыжах, подшитых шкурой с ноги домашнего животного — обшивнях. На таких лыжах было очень удобно подниматься на гору. С целью избежать раскатывания лыж, делали тонкие углубления посередине вдоль полотна лыжи — продораживали.

Самым распространенным орудием охоты в XIX–XX в. является железный капкан. Основные составляющие капкана: било — деталь сооружения, прихлопывающая попавшего в него зверя; пряжа — застежка капкана; запор, замок. Кроме капкана в охоте на волка использовали деревянные ловушки — в народе их так и называли «ловушка для волков». Ловушка представляла собой деревянную западню, состоявшую из исруба — прикрытого досками бревенчатого сруба; исрубчика — маленький сруб, расположенный внутри большого. Уложенные на вертушках две доски, подведенные к исрубу, назывались мостиками. Именно с их помощью волк сбрасывается во внутренний сруб, выбраться откуда он не сможет. В ловушку обязательно помещали подсад или подсадок — привязанная в большом срубе приманка для волка (ягненок или козленок). Охотники добивали волка с помощью рогатины или из ружья. Старожилы-охотники помнят о шомпольной винтовке, называемой сызма. «Были винтовки — шомполки, сызма башкиры их называли. Это у них дороже всякого капиталу» (Андрианов И. П., 1902 г. р., Н. Авзян).

Зимой знатоки-охотники «ходили на медведя». В первую очередь, осторожно выслеживали берлогу по инею от дыхания медведя, оседающему на ветках и кустах или по другим известным приметам. Затем строили лабаз. Для этого выбирали два близкорасположенных дерева, возле которых выкапывали один — два столба. На установленных опорах укрепляли жерди — кладь, на которой из хвои и досок выстилали полати. Полати служили местом, откуда охотники стреляли в медведя, когда тот поднимался из берлоги; здесь же охотники отсиживались в случае опасности или неудачной охоты.

Местные охотники старшего поколения рассказывают, что на медведя ставили так называемые плашки, но технику их изготовления и детали, из которых они составлялись, уже не помнят. Плашка на более мелкого зверя была распространена в селах в XIX–XX в. Чаще всего деревянную плашку ставят на зайца. Положенные в горизонтальном порядке колышки и укрепленная на них слега составляют поперечную кладку. На нее укладывается лекан — так здесь называют деревянный чурбак длиною в один — полтора метра. По тропе на предполагаемом пути зверя растягивают мочальное лыко. Если зверь заденет лыко, сбивается кладка и лекан придавливает добычу. По тому же принципу устанавливают капкан на лису — правилка. От плашки он отличается тем, что внутрь капкана помещают приманку.

Охота и рыбная ловля не играли особенной роли в экономике жителей сел

Южного Урала. До революции за право охоты так же, как и за право рыбной ловли, необходимо было платить кортом: охота без уплаты кортома расценивалась как преступление. Потому это был подсобный промысел охотников-одиночек. В народе активно бытуют рассказы о людях, для которых охота была не просто любимым занятием, но и делом всей жизни: «Старый охотник, Иван Андрианов, сильный охотник был. Этот и медведей убивал, и рысь убивал, и на птицу он охотился, и рыбу ловил. Он тоже век свой этим занимался, сейчас он устарел, меньше стал ходить» (Чернаткин И. В., 1898 г. р., Кага). «Были раньше дерзкие, заядлые охотники. Ну ет как я, к примеру, об рыбе всегда переживал, ни дня без рещки не мог. Теперь таких не стало, все больше балуются, приезжие усякие. А раньше, бывало, с ума сходили: охотники — об лесе, рыбаки — об рыбе» (Желнин В. А., 1934 г. р., Кага).

Таким образом, полевые записи из личного фонда В. А. Сенкевича, материалы экспедиций Лаборатории народной культуры Магнитогорского госуниверситета, а также собственные авторские исследования в изучаемом регионе подтверждают, что в период закрытия железоделательных предприятий на территории Белорецкого района основными занятиями бывшего горнозаводского населения становятся извоз и сплав леса, заготовка угля, руды, поскольку каждый рабочий вынужден был искать постоянную или сезонную работу недалеко от своего поселка. Особенностью всех заводских сел этого периода стало сочетание промысловых занятий со спецификой крестьянского хозяйственного образа жизни. Возрастает удельный вес кустарного производства. Постепенно все большую значимость приобретает охота, рыбная ловля, огородничество, земледелие, разведение мелкого и крупного рогатого скота, домашней птицы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бежкович А. С. 1973: Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX — начала XX в.) // Археология и этнография Башкирии. Уфа.

ГАМагЧО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 28. Л. 28.

Иванов А. 2007: Message: Чусовая. СПб.

Осипова И. В. 2006: К истории организации и развития русских горнозаводских поселений Белорецкого района Башкирии // Катанаевские чтения: Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции. 311–314.

Осипова И. В. 2008: Этнографическая коллекция архивного фонда Всеволода Антоновича Сенкевича // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 12 (68). Тамбов. 315–320; 2008: Архивный фонд В. А. Сенкевича как историко-этнографический источник // Проблемы истории, филологии, культуры. XIX, 375–384.

Полевые материалы из архива ЛНК Магнитогорского государственного университета.

Татаринов Д. И. 1992: Воспоминания // Башкирский край: сб. ст. 2. Уфа.

ЦГИА РБ. Ф. И–166. Оп. 1. Д. 19. Л. 28, 29.

ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 1. Д. 18. Л. 196 об.

ЦГИА РБ. Ф. газет. Оп. 3. Д. 51 а. Л. 50 об.–51.

ECONOMIC LIFE OF SOUTH URALS RESIDENTS DURING MINING AND METALLURGICAL SHUTDOWN

I. V. Loseeva

Unique fieldwork and archive materials underlie the study of South Urals residents' economic life during the crisis in mining and metallurgical industry. The article reveals the nature, peculiarities, and consequences of transition from industrial production to domestic craft and peasant life pattern.

Key words: South Urals, Beloretsk district, iron-producing plants, V.A. Senkevich' archive.

© 2010

З. Ф. Хасанова

ТРАДИЦИОННЫЕ СПОСОБЫ ОБРАБОТКИ ШКУРЫ ЖИВОТНЫХ В ГОРНО-ЛЕСНОЙ ЗОНЕ БАШКОРТОСТАНА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРЕЦКОГО РАЙОНА)

В статье использованы полевые материалы, собранные автором в Белорецком и Дуванском районах Республики Башкортостан 2008 г. Исследование затрагивает вопросы изготовления конской сбруи и пошива шубы из овечьей шкуры. Описываются традиционные способы и методы обработки шкуры у башкир в горно-лесной зоны в сравнение с другими народами России.

Ключевые слова: шкура, обработка, ржаной квас, шила, скребок, станок.

Среди традиционных хозяйственных занятий башкир скотоводство занимало особое место. На протяжении многих веков оно определяло их уклад жизни и быта. Имея обширные земли, башкиры владели большим количеством скота — лошадьми, коровами, овцами, а также козами и верблюдами. Коневодство и овцеводство обеспечивали население кожей, шерстью. Башкирами использовались также шкуры крупного рогатого скота и диких животных, а также верблюжья шерсть и козий пух.

Как указывает С. Н. Шитова, среди всех народов, населяющих Урало-Поволжский регион, башкир отличало широкое использование животного сырья домашних животных при изготовлении различных изделий. Сохранившееся в языке название замши «оленья кожа» («болан күне») позволяет предположить, что в прошлом башкиры занимались выделкой оленьей и лосиной шкур. Верхнюю одежду шили из шкур рыси, волка, медведя, мягкие сапожки и комнатные

туфли — из козьей кожи. Халаты, шубы и головные уборы отделывали мехом лисы, выдры, белки, куницы[1].

Кожа шла на изготовление не только одежды, но и бытовых предметов (посуда), конского снаряжения — сбруи. Башкирское население горно-лесной зоны также широко использовало шкуры животных в быту и хозяйстве. Для изготовления посуды, особенно при выделке кумысных сосудов, использовались лошадиные шкуры. Из них делали разнообразную по форме и размерам утварь — от емких мехов для хранения кумыса до небольших походных фляжек. Утилизировалось почти все сырье: из кожи головы сшивали подойники, из шеи — кадки или чаны, из ног — кумысные фляги-бутыли; массивная кожа туловища шла на выработку вместительных сосудов для сквашивания кумыса[2].

Навыки обработки животного сырья у башкир, как и у многих полукочевых в прошлом народов Европы и Азии, были тесно связаны с традициями древних скотоводов, для которых было характерно употребление для выделки шкур и меха кисломолочных продуктов — перекисшей сырковой массы (әсе kорот) или сыворотки. Как показали наши полевые исследования, последнее имело место и в горно-лесной зоне Башкортостана[3].

В ходе сбора полевых материалов в Белорецком районе Республики Башкортостан в 2008 г. автором были записаны интересные факты, касающиеся изготовления конской сбруи и пошива шубы из овечьей шкуры. По сообщению М. Б. Абсалямова[4] из д. Шигаево Белорецкого района, для пошива сбруи применялась только шкура крупного рогатого скота, поскольку шкура лошадей отличается меньшей прочностью.

Нужно отметить, что способы обработки кожи во многом зависели от образа жизни и типа хозяйствования. К примеру, чуваши, как и башкиры и представители других тюркских народов применяли кисель из ячменной и овсяной муки[5]. У татар и башкир, очень близких по культуре и языку народов, методы обработки шкуры у домашних животных отличались между собой. Татарские мастера использовали золу[6], а башкиры — перекисшую сырковую массу (әсе kорот).

Для пошива одежды использовали козьи и овечьи шкуры. Для ее обработки делали специальную закваску из ржаной муки и перекисшего молока (katыk). Для этого большую деревянную кадушку заливают закваску, затем настаивают несколько дней, пока идет брожение. Иногда вместо муки использовали картофель.

После брожения в эту заготовку кладут шкуру на несколько дней, при этом переворачивают ее и смотрят, когда шкура начнет линять. Основную часть шкуры от шерсти отделяют обломком косы, а мягкую часть чистят челюстью барана (без зубов), затем кладут на специальное приспособление — станок. Станок изготовлен из дерева и представляет собой основу полукруглой формы и держится на двух ножках (рис. 1). После чего, очищенную от шерсти шкуру сушат в темном

[1] Бикбулатов, Юсупов, Шитова, Фатыхова 2002, 90.

[2] Шитова 1976, 148.

[3] ПМА 2008, 2009.

[4] Он занимается выделкой кожи более 50 лет, всегда применяя только традиционный метод. А. Б. Абсалямов изготавливает сбрую и обеспечивает всю деревню Шигаево, и даже соседние деревни (Уткалево, Хусаиново, Узянбаш, Рысыкаево, Новобельск и т. д.).

[5] Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья 1993, 111.

[6] ПМА 2009, Шангареева.

месте. Затем высохшую шкуру кладут на станок и мнут ее с двух сторон специальной палкой, сделанной из березы. После этого, чтобы она не высохла, смазывают дегтем[7].

Рис. 1. Очистка от волосяного покрова шкуры с помощью косы-горбуши. Республика Башкортостан, Белорецкий район, С. Шигаево. Абсалямов М. Б. Фото автора. 2008 г.

Вся кожа утилизируется без отходов, оставшиеся лоскуты применяются в качестве ниток. Для соединения деталей используются различные шила (рис. 2), которые отличаются друг от друга формой и размерами, в соответствие с их назначением[8].

Указанный способ обработки кожи имеет определенные сходства с аналогичным процессом, который использовали башкиры во второй половине XVIII в. И. И. Лепехин в своей работе писал: «Снятую сырую кожу, разостлав на солнце, натягивают, сколько можно со всех сторон и прикрепляют небольшими колышками: натянув, соскабливают шерсть обломком горбуши, вделанным в дерево наподобие скобели, и держут кожу до тех пор, пока она высохнет, и берут по большей части до весны. Весной кладут их в коптелки… по происшествии, которого вре-

[7] ПМА 2008, Абсалямов.
[8] ПМА 2008, Юмагужин.

мени кожа у них совсем из дела выходит. Из так приготовленной кожи делают себе не только обувь: но и всю домашнюю утварь, как то ведро, кадушки и бутыли»[9].

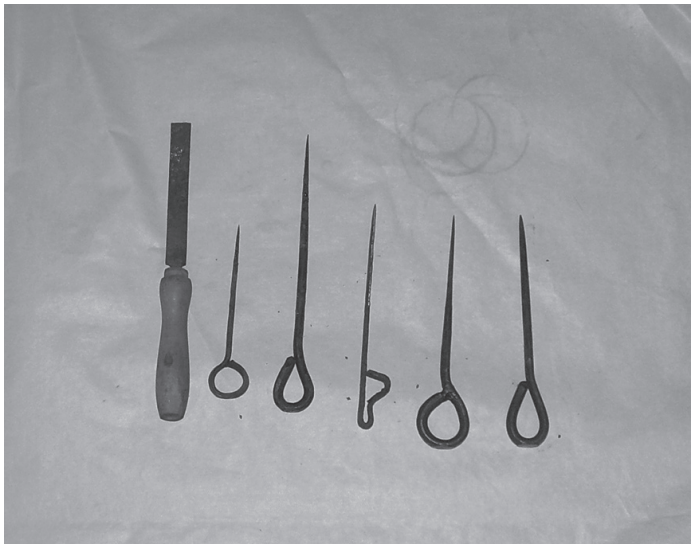


Рис. 2. Шила. Республика Башкортостан, Белорецкий район, С. Шигаево. Фото автора. 2008 г.

Рис. 3. Обработка овчины (по Шитовой С. Н., 2002)

[9] Лепехин 1802, 38–39.

Что касается обработки овчины, по словам информатора Ф. А. Абсалямовой, берут шкуру нестриженого животного. Изнаночную сторону (тун), как и у крупного рогатого скота, обрабатывают специальной закваской, приготовленной из ржаной муки и перекисшего молока (katыk), держат несколько дней, затем сушат. Овчину обрабатывают особым инструментом в виде деревянной рогатины-развилки с концами неодинаковой длины, между которыми помещается железный скребок — көргө или ирәк. Для удобства шкуру чистят в подвешенном состоянии от мясных остатков: захватив верхнюю часть инструмента правой рукой, продевали ногу в ременную петлю на его длинном конце и производили со стороны мездры скоблящие движения[10] (см. рис. 3). Идентичный по конструкции инструмент встречается и у других народов: народов Сибири (ханты и манси, кетов, алтайцев), русских и татар (рис. 4).

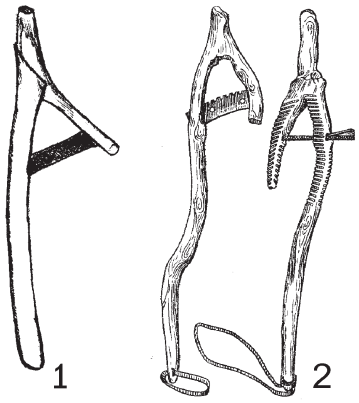


Рис. 4. Орудия для обработки овчины: 1 — у обских угров, 2 — у башкир (по Шитовой С. Н., 2002; Богордаевой А. А., 2006)

Например, аганские ханты шкуру перед обработкой разминали скребком в виде деревянной рукояти с вставленной в середину железной скобой. Демьянские ханты в конце XX в. после снятия шкуры сушили ее в течение трех дней, затем мездру чистили и разминали скребком оулт (прямая деревянная палка, куда вставлена металлическая пластина с загнутыми в противоположные стороны Г-образными концами длиной) и мялкой юутшоух (выгнутая деревянная палка длиной с вставленной металлической пластиной). Такие же скребки бытовали у северных хантов и ненцев в конце XVIII в.[11]

Аналогичное орудие было распространено у кетов, скребок которых состоял из рукояти из березового дерева и железного лезвия в виде пластины с расширяющимися, противоположно загнутыми концами, вставленного поперечно в отверстие посредине рукояти. У кетов встречались и скребки, лезвие которых представляло собой пластину с одним отогнутым острым концом[12].

После этого очищенную шкуру моют несколько раз, чтобы избавиться от запаха и сушат. Затем шкуру стригут под одну длину в 3–5 см, в зависимости от ка-

[10] ПМА 2008, Абсалямова.
[11] Богордаева 2006, 23–24.
[12] Алексеенко 1970, 223.

чества шерсти. Следующим этапом является окраска изнаночной стороны шкуры в черный, реже коричневый цвета, с использованием химических красителей. Как говорят информаторы, раньше красили природными средствами — корой различных деревьев, отварами трав и т. д. Завершающей стадией является пошив шубы. Этим занимались в основном женщины[13].

Похожий способ по обработке шкуры овчины, распространенный среди башкирского населения южной половины Башкортостана и в Зауралье, в начале XX в. был описан С. И. Руденко: «Большие шкуры (овчины) они очищали от излишнего жира и мездры ножом и высушивали. Высохшую шкуру натирали сырым творогом (kopot), свертывали с ним и квасили один-два дня. Иногда (на северо-востоке) шкуру предварительно вымачивали в сыворотке из-под kopot, затем им же натирали. Просушенную после квашения шкуру выделывали (размягчали) особым инструментом (кирге), таким же, как ключ русских скорняков. Это был деревянный крюк, в котором укреплялась тупая железина, обломок косы, старый нож или что-либо подобное. Размятую шкуру иногда белили кусками мела (akбур)»[14].

Таким образом, полевые материалы свидетельствуют, что и в настоящее время башкирское население горно-лесной зоны Башкортостана сохранило традиционные способы обработки шкуры домашних животных и изготовления из кожи одежды, конского снаряжения, орудий труда и других бытовых предметов. В то же время традиционные способы обработки шкур домашних животных у башкир отображают определенные черты сходства с приемами обработки шкур у других народов Урало-Поволжья и сопредельных территорий. Обнаруженные параллели, скорее всего, объясняются схожими природно-климатическими условиями, общностью хозяйственных занятий, межэтническими контактами и взаимодействиями.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеенко Е. А. 1970: Техника изготовления одежды у кетов // Одежда народов Сибири. Сборник статей музея антропологии и этнографии. / С. В. Иванов (ред.) Л., 422–136.

Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф. 2002: Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа.

Богордаева А. А. 2006. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск.

Лепехин И. И. 1802: Дневные записки путешествия. Ч.2. СПб.

ПМА 2008: Абсалямов М. Б., 1924 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Шигаево.

ПМА 2008: Абсалямова Ф. А., 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Шигаево.

ПМА 2008: Юмагужин Т. Г., 1946 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Новобельск.

ПМА. 2009: Шангареев Ф. Ф., 1924 г.р., Республика Башкортостан, Дуванский район, д. Улькунды.

ПМА. Записано от Абсалямовой Ф. А., 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Шигаево. 2008 г.

Руденко С. И. 2006: Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа.

[13] ПМА 2008, Абсалямова.

[14] Руденко 2006, 124–125.

Шитова С.Н. 1976: Утварь из кожи у башкир // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. / Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов (ред.). М., 146–169.

Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья 1993: Чебоксары.

TRADITIONAL ANIMAL SKIN PROCESSING IN MOUNTAIN-FOREST AREA OF BASHKORTOSTAN

Z.F. Khasanova

The article is based on fieldwork material collected by the author in Beloretsk and Duvan districts of Bashkortostan in 2008. The study touches upon horse harness and sheepskin coat making, and compares traditional animal skin processing by Bashkirs of mountain-forest area with that of other ethnic groups of Russia.

Key words: Skin, processing, rye kvass, awl, scraping knife, work-bench.

© 2010

Ф.Г. Галиева (Ахатова)

О ПОСИДЕЛКАХ РУССКОГО НАРОДА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

В статье описаны посиделки русского населения Южного Урала, связанные с заготовкой капусты на зиму, плетением лаптей, изготовлением пряжи, вязанием чулок, которые проводились в осенне-зимний период земледельческого календаря и сопровождались пением песен и рассказами. Прослежена их жизнь со второй половины XIX столетия до наших дней.

Ключевые слова: посиделки, «засидки», «капустины вечера», газета «Оренбургский листок».

Сельскохозяйственный год русских в прошлом включал зимние, весенние, летние и осенние календарные циклы. На Южном Урале до наших дней, хотя и в сильно измененном, чаще всего фольклоризированном и реанимированном виде, дошли новогодние и рождественские обряды с колядованиями и ряжениями, Масленица с шумными проводами Зимы, катанием с горок и на лошадях, светлый праздник Троица с завиванием березок и плетением венков, языческий Иванов день с купаниями, поисками таиственных кладов… Фольклорно-этнографические экспедиции способны описать обрядовую жизнь одного-двух поколений людей[1]. Заглянуть же в более ранний период позволяет пресса прошлых столетий. К нашему удовлетворению, в середине и последней трети XIX столетия в Оренбурском крае, куда раньше входила и Башкирия, было даже популярно публиковать очерки и заметки о быте, культуре, фольклоре. Тому при-

[1] Ахатова 2006.

мер — газета «Оренбургский листок», издававшаяся с 1876 г. И. Е. Ефимовским-Мировицким как «Газета общественная и литературная»[2].

Газета «Оренбургский листок» знакомит с культурой далеких, в то время экзотических этносов, например, китайцев[3]. Вместе с тем, основное внимание уделено местным народам — их истории и культуре. Отдельные статьи и заметки посвящены описанию особенностей деревень башкир из рода бурзян[4], искусству конокрадства[5], коневодству у киргиз[6], устройству быта восточнославянских переселенцев[7], праздникам и обрядам «инородцев»[8]. На страницах газеты популярны материалы о башкирском устно-поэтическом народном творчестве[9] и о жизни казаков[10].

Значительное место в «Оренбургском листке» посвящено обрядам, обычаям русского крестьянского населения и общим для многих народов праздникам. Газета регулярно поздравляет читателей с наступающим Новым годом и Рождеством. Не обходит вниманием обычаи кулачных боев[11]. Гласит, что «для катанья на наступающую Масленицу можно получить лошадей тройками в приличных санях за сходную цену в доме Овсянникова близ рыбных лавок»[12]. После праздника газета замечает: «Пролетела Масленица, кончилось и утиха ся: наступает время для молитвы и покаяния»[13]. Пасха для многих — самый любимый праздник, «среди женщин уже началась суета по хозяйству, но и помыслы о предстоящих днях великой страстной недели не оставляют душу христианскую. Трогательные службы привлекают в храмы много молящихся»[14].

Целью настоящей статьи является описание посиделок русского народа, столь популярных в оренбургском крае в середине и конце XIX столетия, и реанимируемых ныне работниками культуры и образования. Для этого автор использует заметки краеведов позапрошлого столетия, результаты научно-собирательской и исследовательской работы последних десятилетий и современные интернет-публикации.

О посиделках как составных частях календарных обрядов и семейных праздников писали многие классики этнографии и фольклора — В. П. Аникин, В. М. Гацак, Ю. Г. Круглов, В. Я. Пропп, на Урале — В. Е. Гусев, Т. И. Калужникова, И. Е. Карпухин и другие исследователи. Материалы о посиделках накоплены экспедициями преподавателей и студентов Башкирского, Челябинского, Магнитогорского[15] госу-

[2] Оренбургский листок. — 1876. — 1906.

[3] В большинстве случаев статьи в газете «Оренбургский листок» опубликованы без указания авторов. Предполагаем, что они могли быть перепечатаны из других изданий, либо написаны самим издателем: Брак в Китае 1900, 5 нояб.; Китайские пословицы 1900, 5 нояб.; Китайские уголовные законы 1900, 5 нояб.

[4] Бурзянская деревня. 1876, 15 авг.

[5] О конокрадстве 1876, 22 февр.

[6] Коневодство у киргиз 1876, 5 окт.

[7] Об устройстве быта 1876, 25 апр.

[8] Встреча весны 1976, 10 окт.; 17 окт.; 24 окт.; Погребальные обряды 1904, 3 окт.

[9] Башкирские легенды 1876, 16 мая.

[10] Русские казаки 1900, 5 нояб.; Сибирские казаки 1900, 5 дек.

[11] [Кулачные бои] 1876, 1 февр.

[12] [О тройках лошадей] 1877, 30 янв.

[13] [О прошедшей Масленице] 1876, 15 февр.

[14] [О Пасхе] 1904, 21 март.

[15] Календарно-обрядовый фольклор 2003.

ниверситетов, Стерлитамакской госпедакадемии. Известный челябинский фольклорист А. И. Лазарев уральским посиделкам посвятил отдельный труд, в котором выявил их региональные особенности[16].

Вместе с тем, знакомство с публикациями «Оренбургского листка» позволяет определить народные посиделки на Южном Урале как самостоятельные обряды. Их слагаемыми[17] являются игрища, увеселения, ритуальный смех, обрядовая еда и напитки; обрядовый фольклор (согласно классификации Ю. Г. Круглова[18] — ритуальные песни) сопровождает трудовые действия. В синкретическом единстве выступают лирическое и драматическое начала. Есть свой зачин (договоренность о предстоящей встрече), развитие (трудовой процесс), кульминация в связи с завершением работы (всеобщее веселье, танец, застолье) и своеобразное послесловие (благодарность хозяина участникам посиделок).

Кроме того, «Оренбургский листок» может дать практическую помощь организаторам современных посиделок. Просматривая сайты интернета, знакомишься с их новой жизнью в виде праздников, инновационных уроков народоведения, проводимых школьными учителями, работниками музеев и дворцов культуры. Так, в первой половине октября школьников на «Капустины посиделки» приглашал Екатеринбургский областной краеведческий музей, где дети могли увидеть корыто, сечку, туес, с помощью которых в старину делали заготовки, а также попить чай с капустным пирогом[19]. Учитель О. П. Столярова, опираясь на труды А. И. Лазарева[20], предложила сценарий с кукольным представлением[21]. Участники «Капустных вечерок» Пограничного муниципального района Приморского края узнали о целебных свойствах капусты, рецептах заготовки, вспомнили пословицы, поговорки и загадки, оценили блюда из капусты[22]. В г. Троицк Московской области организовали праздник для детей под названием «Капустник»[23] и т.д.

«Оренбургский листок» с его «этнографическими очерками» и «этнографическими заметками» краеведа А. П. Кузнецова[24] помогает разобраться в терминах «посиделки», «засидки», «помочи», а также выявить гендерное разнообразие участников. Они посвящены «помочи» и «посиделкам» мужчин, женщин и девушек в свободное от земледельческих работ время, связанным с плетением лаптей, изготовлением пряжи, вязанием чулок, а также заготовкой капусты на зиму.

А. П. Кузнецов разъясняет читателю, что «помочь» — это помощь добрых людей кому-либо бедному и бессильному человеку, та помощь, которая оказывается физическим трудом безвозмездно, за одно ласковое «спасибо» или же за ничтожное угощение, за обед и за одну-две рюмки вина. «Посиделки» — то же самое, только с той разницей, что помочь требует большого физического труда, а эта — меньшего, и что на первой работать можно не иначе, как только в стоячем положении, а на последней можно работать и сидя. В первом случае люди созы-

[16] Лазарев 1977.
[17] Пропп 2004.
[18] Круглов 2000.
[19] Медиа-холдинг.
[20] Лазарев 2000.
[21] Преподавание в начальной школе.
[22] Проект «Историко-культурный центр «Традиция».
[23] Газета «Городской ритм».
[24] Кузнецов 1891а, Кузнецов 1891б.

ваются по нужде, по необходимости; во втором же — из прихоти, для того, чтобы погулять, повеселиться, попьянствовать. Вот к этому последнему роду помощи принадлежат устраиваемые у нас посиделки для рубления и соления капусты, или капустины вечера»[25].

Посиделки и помочи выполняли сразу несколько функций. Они были необходимы для обеспечения членов крестьянской общины повседневной обувью, одеждой, текстилем, продуктами питания, предметами крестьянского хозяйства. Совместная работа способствовала обмену житейским опытом — как трудовому, так и социальному — общинному, семейному, половозрастному. «Засидки» (местное название посиделок) мужчин, женщин и девушек объединяли людей. Рутинная монотонная работа, но в приятной компании, при пении песен и рассказах о прошлом и настоящем, становилась «приятным времяпровождением» крестьян и имела результатом изделия, заряженные положительными эмоциями.

Мужские «засидки» сопровождались плетением лаптей и потому назывались «лапотными». (Лапти — распространенная обувь того времени, особенно в крестьянских хозяйствах, стоила дорого, 10–20 копеек за пару, что способствовало их изготовлению в домашних условиях.) Группа из 3–5 человек (чаще всего это были старики, постоянно занимающиеся изготовлением лаптей) выполняли вначале работу одного плетаря, потом другого и т.д. «В одиночку лапотная работа — одна забота. В артели работа — веселье», — считали мастера[26]. В Оренбуржье плетение сопровождалось исполнением исторических песен: «Вы молодые ребята, послушайте» о взятии Казани Иваном Грозным (с. Китайский ям[27]), «Как не пыль в поле пылит» (с. Покровка) о походе Наполеона в Москву и другие песни.

На женских — «кудельных засидках» — пряли лен, коноплю, шерсть, на девичьих — «чулочных засидках» — вязали чулки. На «чулочные засидки» приходили парни, в их адрес звучали величальные песни, за что девушки брали денежное вознаграждение (2–10 копеек). Пели «Кто у нас хороший?», «Верба-ли моя, вербушка» (с. Михайловское). Песни куделиц отличались по характеру и содержанию. Как правило, это были семейно-бытовые песни, например, «Лучина, лучинушка березовая» (с. Землянка).

Без песен не обходилось и на «капустиных вечерах» — посиделках родственниц-женщин с рублением и солением капусты. Они были посвящены заготовке капусты — одного из основных продуктов русских крестьян. По замечанию А. П. Кузнецова, в Оренбуржье «капустины вечера» проводились с 15 сентября — праздника Воздвижения Креста Господнего. (В научной литературе чаще всего указывается срок начала посиделок — 14 октября, после праздника Покрова Пресвятой Богородицы.)

Заранее готовилась стряпня и вина. «Старшуха» (старшая женщина) созывала родственниц и соседок, угощала их едой и вином, просила о помощи — «малость

[25] Кузнецов 1891б, 2.

[26] Кузнецов 1891б, 2.

[27] В современном Башкортостане и Оренбургской области имеется немало селений с теми же названиями, которые упомянуты в статьях А. П. Кузнецова. Так, с. Ташлы мы находим на картах Альшеевского района Башкортостана и Оренбургской области, д. Покровку — в Буздякском районе Башкортостана и Оренбургской области. Вместе с тем, вероятнее, что названные А. П. Кузнецовым селения находятся компактно друг от друга на территории современной Оренбургской области, юго-западнее Башкортостана. В прошлом это были башкирские земли.

помогнуть». Все соглашались и приступали к работе: точили ножи, готовили кадочки, кадушки и рубильные корыта. Затем мыли руки, молились Богу и продолжали работу. Хозяйка подносила вино перед рублением капусты, перед солением каждого корыта, перед укладкой в кадки, перед закладкой пластинок и полувилков:

Мы капусту порубливали,
Четвертну бутыль откупоривали.
Мы капусту поворачивали,
Полуведерну заканчивали.
Мы капусту посаливали,
Четвертушку настаивали.
Мы капусту склали в стоечку,
Позакончили настоечку[28].

Работу сопровождали многочисленные песни. При этом на «капустиных вечерах» звучали песни о мужчинах, плетущих лапти, о женщинах, готовящих пряжу и ткущих полотно.

Как и о чем могли петь женщины, уединившиеся от мужей? Конечно, шутили о мужчинах, да и о нерадивых женщинах тоже. В селе Землянка звучала:

Уж как мой-то ли муж
Чесновит, чесновит:
Что ни сделай ему –
Все не так да не так.
Уж как мой-то ли муж
Деловит, деловит:
Он мне лапти(ж) сплел –
Кошели, кошели;
К ним оборы, оборы, оборы свил –
Ни гужи (и) ни тяжи[29].

В селе Павловка также пели песню, в которой высмеивается муж, плетущий лапти:

На улице срамота, срамота,
Жена мужа продала, продала!
За дешево отдала, отдала:
Взяла всего 6 полтин,6 полтин,
По-русскому, 3 рубля, 3 рубля.
За то его продала, продала:
Плетет лапти — кошели, кошели,
Вьет оборы — как гужи, как тяжи[30].

[28] А. П. Кузнецов поясняет, что стойка — это кадка, настойка — настоянное кореньями или травами вино (Кузнецов 1891а, 3).

[29] «Чесновит» означает спесив; «оборы» — веревки на лаптях, «гужи» — часть конской сбруи, «тяжи» — толстые веревки на телеге (Там же).

[30] Там же.

Интересны необрядовые песни, посвященные теме семьи и семейных отношений, исполняемые, например, в селе Исаево:

Чем не пряха, чем не такая Дуняха?!
Напряла Дуняша пять пятин с пятиной,
Основала Дуня 7 стен со стеной,
Между кольев основала, колом притыкала;
Выткала Дуняша себе дерюгу,
Понесла Дерюгу в Дунай-реку мыти.
Первый раз мокнула — Дунай возмутила,
Другой раз мокнула — Дунай присушила.
Ехал косой барин на кривой кобыле.
— Бог в помочь те, Дуня, дерюгу мочити!
— Врешь ты, косой барин, это мое платье!
Принесла Дуняха дерюгу домой,
Повесила дома на семь сох дубовых;
Семь сох подломились, семь снох задавили,
Восьму золовку, девяту свекровку[31].

В селе Ташлы критиковали бездельников и неумех: «*Нажила себе чечетка, // Нажила себе лебедка // Ровно семь дочерей»,* а в селе Покровка — священнослужителей: *«Как поехала Параня на базар»*. Параню полюбил молоденький поп, а его любить не хочется, потому как он *«по миру волочится, калачами побирается, а блинами утирается».*

Завершались «капустины вечера» «застольной пирушкой» и плясками. Их размах определяло благосостояние устроителей мероприятия. У богатых «капустины вечера» были большими, в них участвовали «от 10 до 20 баб», у бедных — маленькие (5–10 чел.). Однако «нет того села, нет той деревни, где не были бы они справляемы»[32].

Как показали полевые исследования автора[33], в разных русских селениях Южного Урала проводились «лапотные», «чулочные», «кудельные» посиделки и «капустины вечера». На мужских посиделках мужская артель не только плела лапти, но и делала сбруи для лошадей и другие изделия, необходимые в хозяйстве. Женщины собирались не только для заготовки капусты, обработки льна, изготовления тканого полотна, но и подготовки приданого девушек. Информаторы с грустью вспоминают те непростые, но очень веселые и интересные времена, когда собирались часто, жили дружно, при встрече давали друг другу советы, делили горе и радость.

От обряда по заготовке капусты осталось лишь трудовое действие, проводимое единолично или узким кругом близких родственников и соседей. Еще продолжают вязать шали, носки и варежки, потому как даже самые лучшие фабричные изделия не могут с ними конкурировать в качестве и практичности. Лапти плетут для оформления интерьера школьных кабинетов народоведения, краеведе-

[31] Под словом «дерюга» понимается род зимнего одеяла (Там же).
[32] Там же.
[33] Галиева (Ахатова) 2009.

ния, фольклора и этнографии, или на смотрах народных ремесел. Ткацкий станок пылится в сараях и на чердаках, но в сельских и даже городских домах тканые и вышитые изделия собственного изготовления сохраняются, тем более, что эти предметы сегодня интересуют не только музейных и научных сотрудников, но и современную молодежь. Более того, их количество увеличивается с приходом на авансцену стиля «этно».

БИБЛИОГРАФИЯ

Ахатова Ф. Г. 2006: Восточнославянские песни в Башкортостане: фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М.

Башкирские легенды о месяце 1876: ОЛ, 16 мая.

Брак в Китае 1900: ОЛ, 5 нояб.

Бурзянская деревня 1876: ОЛ, 15 авг.

Встреча весны инородцами Оренбургского края 1876: ОЛ, 10 окт.; 17 окт.; 24 окт.

Галиева (Ахатова) Ф.Г. 2000–2009: ПМА.

Газета «Городской ритм»: Газета «Городской ритм» г. Троицк Моск. обл. // http://ia-trtc.mosoblonline.ru/userdata/archive/1226561593.p.

Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала: сб. материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры Магнитогорского государственного университета (1993–2003) 2003: Магнитогорск.

Китайские пословицы 1900: ОЛ, 5 нояб.

Китайские уголовные законы 1900: ОЛ, 5 нояб.

Коневодство у киргиз 1876: ОЛ, 5 окт.

Круглов Ю. Г. 2000: Русский обрядовый фольклор. 2-е изд. М.

[Кулачные бои в пос. Верхнеозерный] 1876: ОЛ, 1 февр.

Кузнецов А. П. 1891а: Капустины вечера (этнограф. заметки) // ОЛ, 39, 22 сент.

Кузнецов А. П. 1891б: Засидки (этнограф. очерк) // ОЛ, 40, 29 сент.

Лазарев А. И. 2000: Народоведение. О русском народе, его обычаях и художественном творчестве. Челябинск.

Лазарев А. И. 1977: Уральские посиделки. Челябинск.

Медиа-холдинг «Уральский рабочий» // http://ur-ra.ru/sc/pub_ur.php?pub_select=4670.

О конокрадстве у башкир 1876: ОЛ, 22 февр.

Об устройстве быта переселенцев 1876: ОЛ, 25 апр.

Оренбургский листок 1876–1906: Газета общественная и литературная. Изд. И. Е. Ефимовский-Мировицкий. // ООГА.

[О Пасхе] 1904: ОЛ, 21 март.

[О прошедшей Масленице] 1876: ОЛ, 15 февр.

[О тройках лошадей на Масленицу] 1877: ОЛ, 30 янв.

Погребальные обряды калмыков 1904: ОЛ, 3 окт.

Преподавание в начальной школе. Внеклассная работа // http://kemosb.ru/doc/sobst/metod/scenar_(10).doc.

Проект «Историко-культурный центр «Традиция». Сайт администрации Пограничного муниципального района. Приморский край // http://pogranichny.ru/administration/structure/otdel-po-dela.

Пропп В. Я. 2004: Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. М.

Русские казаки 1900: ОЛ, 5 нояб.

Сибирские казаки 1900: ОЛ, 5 дек.

RUSSIAN GET-TOGETHERS IN THE SOUTH URALS

F. G. Galieva (Akhatova)

The article describes Russian get-togethers (posidelki) in the South Urals related to cabbage salting, bast shoe making, spinning, knitting stockings. Gatherings of the kind, accompanied by singing and story-telling, took place during autumn and winter season. The article traces their history from the second half of the 19th c. to the present day.

Key words: Get-togethers (posidelki), 'cabbage nights', The Orenburgsky Listok (newpaper).

© 2010

А. Т. Ахатов

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ БАШКИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МИАССКО-УЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ) В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается динамика численности башкирского населения современной Курганской области, компактно проживающих в настоящее время в основном в пределах Миасско-Уйского междуречья на протяжении конца XVIII — начала XX вв.

Анализ имеющихся статистических данных свидетельствует о стабильном росте численности башкир изучаемого региона, на протяжении практически всего обозначенного периода времени, благодаря естественному и механическому приросту населения, несмотря на некоторый демографический спад в середине и конце XIX в. Доминирующими факторами, повлиявшими на динамику численности башкир Миасско-Уйского междуречья на протяжении всего изучаемого периода, выступали природно-климатические условия региона, особенности их землевладения, а также географическое положение занимаемой ими территории, отдаленной и удаленной от основного ареала проживания башкир.

Ключевые слова: Курганские башкиры, демография.

Башкирское население современной Курганской области в этнографической науке относится к зауральской подгруппе северо-восточной группы башкир, представляя собой одну их сложных по этническому составу этно — территориальных групп башкирского народа. В ее формировании приняли участие представители около полутора десятков родов — ялан-катай, сарт, калмак и др. входящих в основном в три родо-племенных объединения — Катай, Айле, Табын[1].

[1] Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962, 175–202.

В настоящее время башкиры в Миасско-Уйском междуречье компактно проживают в пределах современных административных границ Альменевского и Сафакулевского и части Щучанского районов, расположенных в юго-западной части Курганской области. На их большей части до 1920 г. находились исторические Катайская и Сарт-Калмакская волости Челябинского уезда Оренбургской губернии[2].

Касаясь численности башкир изучаемой территории, и всех башкир вообще в XVIII в, нужно отметить, что они не были учтены ни I (1719 г.), ни II (1744 г.) ревизиями. А первичные материалы III (1762 г.) и IV (1781–1782 гг.) ревизий по башкирам не были обнаружены[3].

Первые отрывчатые и несколько противоречивые сведения о количестве башкир, проживавших в междуречье рек Миасс и Уй, относятся к 1780 гг. В 1780 г. количество башкир из «сарт и аюкинских калмык» составляло 1127 чел.[4]. Практически в то же время в «Ведомосте… о количестве башкирского и мишарского населения Уфимского наместничества» 1782 г., где учитывалось башкирское население «Челябинской округи»–16593 чел., отдельно указывалось 362 чел. «аюкинских калмык» и 491 чел. «служилых сарт», населявших Сарт-Калмакскую волость, что составляло в совокупности 853 человека[5]. Что касается населения Катайской волости, то архивными материалами, относящимися к 1790 г., здесь было зафиксировано 154 двора[6], населенными башкирами-катайцами. Исходя из расчетов, что на один двор приходится в среднем 5 человек, получается цифра в 770 человек обоего пола.

В общей сложности в конце 1780 гг. в пределах изучаемой территории жило около 1,5–2 тысяч человек. Несомненно, что в это время здесь обитало несколько большее число башкир, поскольку к этому периоду времени на вотчинных землях сарт-калмакских и катайских башкир уже проживали в качестве припущенников башкиры айлинцы[7] и барын-табынцы[8].

Что касается дальнейшей динамики численности населения Катайской и Сарт-Калмакской волостей, то ее можно проследить по табл. 1 и составленному на ее основе графику 1.

Первые полные и достоверные данные, касающиеся численности населения указанных волостей, были зафиксированы V ревизией в конце XVIII столетия. В 1795 г. 17 деревень Сарт-Калмакской волости населяло 1498 чел., а в 20 населенных пунктах Катайской волости жило 1318 чел., что составляло в совокупности 2816 чел. Всего же в Челябинском уезде в это время было отмечено 10067 чел.[9].

---

[2] Ахатов 2009, 16–20.
[3] Томашевская 2002, 86–88.
[4] Там же, 121.
[5] Материалы по истории Башкирской АССР. 1949, 381.
[6] ОГАЧО. И–115 Д. 53, Л. 1 об.
[7] Кузеев, Бикбулатов, Шитова 1962, 196–198.
[8] ЦГИА РБ. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 748. Л. 3.
[9] Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. 2001, 68–70.

Таблица 1

Годы / Волость	1795	1816	1834	1842	1850	1859	1866	1891	1895	1900	1916
Катайская	1318	2025	2824	3140	—	—	4291	6251	5473	5437	6921
Сарт-Калмакская	1498	—	3101	3187	—	—	7215	8902	7640	8761	10995
Всего	2816	—	5925	6327	12913	11630	11506	15153	13113	14198	17916

Составлено по: Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. 2001, 70, 343–352; Щур В. М. 1999, 302; ЦГИА РБ. Ф. И–2. Оп. 1 Д. 4873 Л. 148–148 об.; Кеппен П. И. 1857, 271; Томашевская Н. Н. 2002, 199; Список населенных мест. Ч. II. Оренбургская губерния, 1866. 2006, 223–225; Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от полиции, волостных и становых правлений в 1900 г. 1901, 140–142, 162–165; Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 г. 1897, 10–11; Список населенных мест Челябинского уезда. 1916, 56–60, 128–131.

Материалы последующих VI (1811 г.) и VII (1816 г.) ревизий о численности башкирского населения по Оренбургской и Пермской губерниям, на территории которых они проживали, несколько запутаны[10]. Особенно это касается последней переписи, поскольку она учитывала только башкир-вотчинников и не фиксировала башкир, потерявших или вообще не имевших вотчинных земельных прав[11].

Вместе с тем, по данным Н. Н. Томашевской с 1795 г. по 1811 г. число всех башкир Челябинского уезда выросло до 15600 чел. и за пятилетний период практически не изменилось, составляя в 1816 г. 15294 человек[12]. Это позволяет предположить, что общая численность населения обеих волостей с 1795 г. до 1816 г. продолжала идти в сторону увеличения. Данный вывод подтверждается также сведениями по Катайской волости, зафиксировавшими за указанный период времени рост населения волости с 1318 чел. до 2025 чел.

К 1834 г. по материалам VIII ревизии население 38 деревень и выселков обеих волостей составило уже 5925 чел., а в 1842 г. здесь проживало 6327 чел. С 1842 г. по 1850 г. (IX ревизия), менее чем за десять лет десятилетие на изучаемой территории число башкир удвоилось с 6327 чел. до 12913 чел., однако к 1859 г. (по X ревизии) произошло достаточно резкое снижение численности башкирского населения почти на 1300 чел. (до 11630 чел.).

После X ревизии официальный учет количества численности населения на общегосударственном уровне до первой всероссийской переписи 1897 г. не проводился. С 1858 г. число людей на местах устанавливалось посредством общероссийских административно-полицейских исчислений (1859, 1863, 1867, 1870, 1885, 1896 гг.), служивших основой для дальнейшего ежегодного учета населения, проводимыми силами местной администрации и губернскими статистическими комитетами[13].

Статистические данные за 1866 г. свидетельствуют, что начавшееся в середине XIX снижение численности башкир на изучаемой территории продолжалось,

[10] Томашевская 2002, 90–92.
[11] Кузеев 1978, 226.
[12] Томашевская 2002, 159–160.
[13] Томашевская 2002, 113.

хотя и не столь большими темпами, достигнув отметки в 11506 чел. Дальнейшие сведения относятся уже к 1891 г., когда совокупные данные по числу жителей обеих волостей составили 15153 чел. Через пять лет, в 1895 г. здесь наблюдается резкое падение числа жителей на 2040 чел. –до 13113 чел. В последующем пятилетии среди башкир указанной территории наметился некоторый демографический подъем и к 1900 г. население обеих волостей составило 14198 чел., а к 1916 г. их общее количество возросло до 17916 чел.

Приведенные данные показывают, что общее число башкир Мисско-Уйского междуречья начиная с конца XVIII и до 1840 гг. неуклонно росло, увеличившись в 2,2 раза. Аналогичное же удвоение численности населения произошло всего за 8 лет с 1842 г. и до 1850 г.

Вслед за этим последовал некоторый демографический спад, продолжавшийся до 1860-х гг. С 1866 г. и до 1890 г. начинается новый виток роста численности башкирского населения, сменившийся десятилетним спадом, вслед за которым в начале XX в. последовал очередной подъем числа башкир.

Данные по башкирскому населению Катайской и Сарт-Калмакской волостей с 1795 г. до 1859 г. свидетельствуют об четырехкратном увеличении населения с 2816 чел. до 11630 чел. За аналогичный период времени численность всех башкир увеличилась в 3,2 раза (с 183179 чел. до 593173 чел.). В то же время, по данным V–X ревизий все население России увеличилось всего в два раза, в том числе из народов Волго-Уральского региона, удмурты, коми-пермяки — в 1,9 раза, коми-зыряне — в 1,7 раза, мордва — в 1,2 раза, марийцы — в 1,8 раза, татары — в 2,2 раза, чуваши — в 1,5 раза[14].

Практически за аналогичный полувековой период с 1859 г. до 1916 г. число курганских башкир увеличилось только лишь в 1,5 раза с 11630 чел. до 17916 чел. В то же время за вторую половину XIX в. все численность всего башкирского населения выросла с 593173 чел. до 1312988 чел., т.е. в 2,2 раза. Население по России в целом за это же время возросло в 1,7 раза, в том числе русские в 1,6 раза, удмурты, коми-зыряне в 1,7 раза, коми-пермяки — в 1,5 раза, мордва — в 1,4 раза марийцы — в 1,5 раза, чуваши — в 1,6 раза, татары в 2,0 раза[15].

По мнению исследователей, столь значительное увеличение общего количества башкир на протяжении к. XVIII–XIX вв. на общероссийском фоне произошло как благодаря естественному приросту населения, так и инфильтрации в I пол. XIX в. в башкирскую среду пришлого населения — выходцев из Среднего и Нижнего Поволжья, Средней Азии и Казахстана с их дальнейшей ассимиляцией (в том числе и башкир из «сартов» и «калмаков» Сарт-Калмакской волости), а так же включением во II пол. XIX в. в их состав «новобашкир», т.е. тептярей и мишарей, входивших ранее в «Башкирское войско»[16].

Что касается динамики общей численности башкирского населения территории современной Курганской области в 1795–1916 гг., то она определялась особенностями их землевладения и географическим положением занимаемой ими территории.

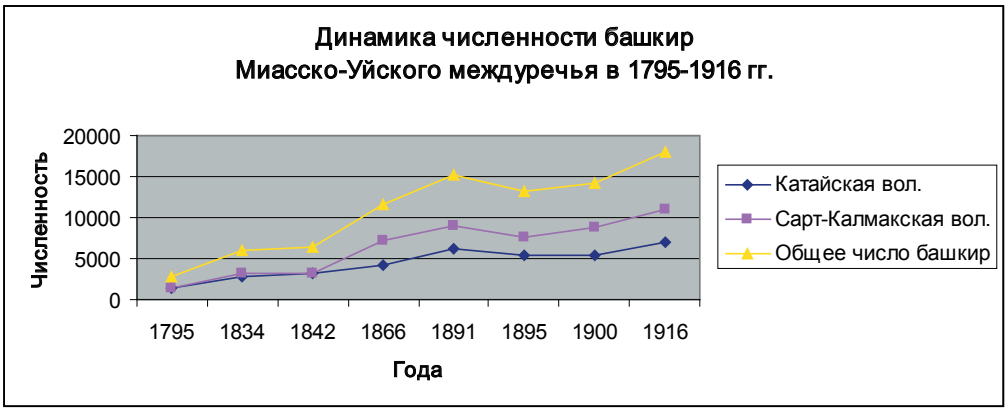
---

[14] Томашевская 2002, 118, 230.
[15] Томашевская 2002, 125.
[16] Кузеев 1978, 199–261; Янгузин, Хисаметдинова 2007, 82–104; Томашевская 2002, 118–130.

Указанные волости представляли собой самый дальний восточный «анклав» башкирского населения, отделенный от основной территории проживания башкир широкой полосой, заселенной представителями русского народа. В силу их удаленного положения, а также соседства с северо-запада с мишарями Аджитаровской и северо-востока татарами Ичкинской волостей, на указанной территории не было припущенников из мишарей и тептярей, т.е. представителей «новобашкир», хотя здесь и было зафиксировано незначительное число башкир «из киргизов» (т. е. казахов). Так, по материалам V ревизии 1795 года, в деревне Аптекаево насчитывалось 46 башкир «из киргизов», в 1811 г. к ним добавилось еще несколько десятков казахов проживавших совместно с башкирами в деревнях Каззакулово, Шарипово, Убалино и Искандерово[17].

Вместе с тем, динамика численности населения на территории двух соседних волостей в рассматриваемый период времени резко отличались (см. график 1).

График 1



В период 1795–1842 гг. кривая численности населения обеих волостей практически совпадала и возросла параллельно в 2,1 раза, в основном за счет естественного прироста, при некоторой иммиграции башкир с других волостей и инфильтрации в состав башкир-катайцев незначительного числа казахов.

С 1842 г. по 1866 г. численность населения Катайской волости плавно увеличивалась и возросла в 1,3 раза (с 3140 чел. до 4291 чел.). В то же время число башкир Сарт-Калмакской волости резко возросло в 2,2 раза с 3187 чел. до 7215 чел.

Столь резкое увеличение численности населения в последней волости за относительно короткое время невозможно благодаря только естественному приросту. Несомненно, доминирующим фактором здесь выступило массовое переселение на ее территорию башкир с других регионов.

Столь большая разница в размерах миграции была связана с размерами вотчинных земель, существующих в двух соседних волостях. В начале XIX в. у башкир Катайской волости было «всего земли 121 820 дес. 101 саж.»,[18] (1330,9 км²),

[17] Янгузин, Хисаметдинова 2007, 94.
[18] ОГАЧО. Ф. И.–46, Оп.1 Д.1009, Л. 25.

а владения башкир Сарт-Калмакской волости «составляли 160721 дес. 769 саж.»[19] (1755,9 км²).

По указу от 10 апреля 1832 г. башкирам-вотчинникам устанавливались неотчуждаемые земельные наделы 40 до 60 десятин на одну душу мужского пола по VII ревизии 1816 года. В случае же их совместного землепользования с припущенникам военного сословия (безземельными башкирами, мишарями, тептярями и бобылями) они были обязаны предоставить им по 30 десятин земли, если с гражданскими припущенниками (татарами, удельными крестьянами) по 15 десятин на душу мужского пола. Все остающиеся после наделения всех претендентов земли, являясь собственностью всех вотчинников, могли быть проданы или отданы в аренду желающим[20]. Поскольку обе волости находились на большом расстоянии от основной территории проживания башкир, переселенцы с других башкирских дач появились здесь поздней.

Учитывая, что по VII ревизии в Катайской волости было 1079 человек мужского пола[21], в их неотчуждаемом владении располагалось 43160–64740 дес. земли. При этом нужно учитывать, что на территории данной волости с давних пор проживали так же и башкиры-припущенники, которые наделялись по 30 дес. земли. Если взять 354 припущенников мужского пола зафиксированных VIII ревизией,[22] то им полагалось еще 10620 дес. земли. Совокупность неотчуждаемых земель составляла, таким образом, от 53780 дес. до 75360 дес. земли. Учитывая также, что из 121820 дес. общего количества земель 15384 дес. занимали болота и 22023 дес. озера[23], оставалось всего 9053–30633 дес. земли, которая могла бы сдаваться в аренду. Размер остававшихся в свободном обращении земель не позволял переселиться сюда большому количеству людей. С 1834 г. по 1850 г. число припущенников увеличилось всего с 354 до 637 лиц мужского пола[24], то есть на 283 человека. Исходя из соотношения мужского и женского населения (1:1), получаем к сер. XIX всего около 566 переселенцев обоего пола.

Совершенно по иному выглядела ситуация в соседней Сарт-Калмакской волости. К сожалению, количество вотчинников и припущенников башкир по VII ревизии нам неизвестны. По ревизии 1834 г. в указанной волости проживало 1119 вотчинников и 438 башкир-припущенников[25] Таким образом, в неотчуждаемом владении вотчинников-башкир находилось 44760–67140 дес. земли, в руках же припущенников оказывалось еще 13140 дес. земли. В совокупности максимальный размер неотчуждаемых земель составлял от 57900 дес. до 80280 дес. земли. Учитывая, что во владении вотчинников находилось 160721 дес. земли, из которых 37434 дес.[26]. занимали болота, озера и часть р. Чумляк, свободные земли составляли от 43007 дес. до 65387 дес. земли. В действительности свободных земель было намного больше, поскольку, несомненно, по VII ревизии, как башкир-вотчинников, так и припущенников было на порядок меньше. Большая

[19] ОГАЧО. Ф. И.–46, Оп.1 Д. 484, Л. 50 об.–51 об.
[20] ПСЗРИ 1833, 197–198.
[21] Щур 1999, 302.
[22] Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. 2001, 344–345, 347–352.
[23] ОГАЧО. Ф. И.–46, оп.1 д.1009, л.25.
[24] ЦГИА РБ. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 13992. Л. 4.
[25] Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. 2001, 343–352.
[26] ОГАЧО. Ф. И.–46, оп.1 д. 484, л. 50 об. — 51 об.

площадь свободных земель и определила массовое переселение башкир с других малоземельных дач.

С 1866 г. до 1891 г. кривая численности башкирского населения обеих волостей продолжала расти. В Катайской волости число башкир выросло в 1,4 раза (с 4291 чел. до 6251 чел.), а в Сарт-Калмакской всего в 1,2 раза (с 7215 чел. до 8902 чел.). По подсчетам Р.Г. Кузеева средний годовой естественный прирост всего башкирского населения во второй половине XIX в. колебался в диапазоне 1,4–1,6 %[27]. Если взять среднегодовой прирост башкир изучаемого региона в 1,5 % то за 25-летний период население обеих волостей должно было увеличится примерно до 15,6 тыс. чел., что в общем укладывается в рамки официальных данных за 1891 г., свидетельствуя о естественном приросте населения в данный период.

В 1891–1900 гг. численность башкирского населения обеих волостей под влиянием череды неурожайных лет, повлекших за собой снижение уровня социально-экономического положения населения всей Оренбургской губернии, резко пошла на уменьшение[28], которое сменилось незначительным приростом населения в начале XX в., продолжавшееся вплоть до революции 1917 г. С 1891 г. до 1916 г. число башкирского населения Катайской волости возросло всего в 1,1 раза (с 6251 чел. до 6921 чел.), в Сарт-Калмакской волости за 15 лет население выросло столь же незначительно, в 1,2 раза (с 8902 чел. до 10995 чел.).

Таким образом, анализ имеющихся статистических данных свидетельствует, что среди башкирского населения современной юго-западной части Курганской области в конце XVIII — начале XX вв. отмечалась тенденция к постоянному увеличению численности, благодаря естественному и механическому (миграционному) росту башкир, перемежавшемуся резким демографическим подъемом в 1840 гг. и некоторыми спадами в середине и конце XIX в.

Доминирующими факторами, повлиявшими на динамику численности башкир Миасско-Уйского междуречья на протяжении всего изучаемого периода, выступали природно-климатические условия региона, особенности их землевладения, а также географическое положение занимаемой ими территории, отдаленной и удаленной от основного ареала проживания башкир.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 г. 1897: Оренбург.

Ахатов А. Т. 2008: Динамика численности тюркоязычного населения юго-западной части современной Курганской области в конце XIX в. // Этносы и культуры Урало — Поволжья: история и современность: материалы II Межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. / А.В. Валеев, Е.С. Торокова, З.Р. Хабибуллина, А.Т. Ахатов (отв. за выпуск). Уфа, 14–16.

Ахатов А. Т. 2009: Этническая история башкирского населения Миасско-Уйского междуречья в эпоху средневековья и заселение региона во второй половине XVIII в. // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Ахатов А.Т., Воробьева С.Л.,

[27] Кузеев 1978, 235.

[28] См. подробнее: Ахатов 2008, 14-16.

Камалеев Э. В., Торокова Е. С., Хасанова З. Ф., Шарипов Р. Р. Тузбеков А. И. (отв. ред.). Уфа, 16–20.

Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Асфандияров А. З. (авт.-состав. и отв. ред.), Абсалямов Ю. М., Роднов М. И. 2001. Уфа.

Кеппен П. И. 1857: Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб.

Кузеев Р. Г. 1978: Историческая этнография башкирского народа. Уфа.

Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. 1962: Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии / Р. Г. Кузеев, К. В. Сальников. Т. I. Уфа. 171–267.

Материалы по истории Башкирской АССР. 1949: Т. III. М.-Л., 171–268.

ОГАЧО. Ф. И.–46, Оп. 1 Д. 484, 1009.

ОГАЧО. Ф. И–115 Д. 53.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. VII. 1833. Санкт-Петербург.

Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от полиции, волостных и становых правлений в 1900 г. 1901. Оренбург.

Список населенных мест Челябинского уезда 1916. Челябинск.

Список населенных мест. Ч.II. Оренбургская губерния, 1866 2006. Уфа.

Томашевская Н. Н. 2002: От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. Уфа.

ЦГИА РБ. Ф. И.–1. Оп. 1. Д. 748.

ЦГИА РБ. Ф. И.–2. Оп. 1. Д. 13992, 4873.

Щур В. М. 1999: История Альменевского района // История Курганской области (Далматовский, Каргапольский, Мишкинский, Сафакулевский, Альменевский, и Куртамышский районы в досоветский период). / Н. Ф. Емельянов (ред.), В. В. Менщиков, В. В. Пудани, Э. А. Самсонова, В. М. Щур. Том 5. Курган.

Янгузин Р. З., Хисаметдинова Ф. Г. 2007: Коренные народы России. Башкиры. Уфа.

BASHKIR POPULATION SIZE DYNAMICS IN THE SOUTH-WESTERN PART OF KURGAN OBLAST IN THE LATE 18th — EARLY 20th CC.

A. T. Akhatov

The article considers Bashkir population size dynamics in the late 18th — early 20th cc. Their tight community is chiefly in the Miass-Uy inter-river area of contemporary Kurgan oblast (region). Statistics data analysis shows a steady growth of Bashkir population in the area during the period under review due to natality and migration despite some demographic decrease in the mid and late 19th century. The principal factors affecting Bashkir population dynamics of the area during the period under study are natural climatic conditions of the area, land-owning peculiarities, and geographical location of the territory distant from Bashkir main habitation.

Key words: Kurgan Bashks, demopgraphy.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

© 2010

С. В. Иванова

ОПЕРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЖЕНЩИН-КОМПОЗИТОРОВ XVIII ВЕКА

Статья посвящена обзору оперного творчества женщин-композиторов XVIII века. Сочинительницы внесли весомый вклад в развитие оперного театра XVIII века, а созданные ими оперы занимали важное место в музыкальной жизни того времени. Социокультурная роль женщин-композиторов данного периода многогранна и складывается из разных сторон их музыкальной и общественной деятельности, направленной на развитие оперного искусства.

Ключевые слова: женщины-композиторы XVIII века, опера, оперетта.

XVIII столетие ознаменовалось привлечением зарубежных женщин-композиторов в оперный театр и освоением ими различных оперных жанров: *оперы-балета, оперы-seria, оперы-баллады, комической оперы*. Можно назвать примерно 40 опер, созданных женщинами в тот период. Примечательно, что произведения сочинительниц часто ставились на лучших театральных подмостках.

Первые женские оперы появились в самом начале XVIII века. Так, **Королева Пруссии София Шарлотта** (1668–1705) вошла в историю как автор двух опер. Информации об этой сочинительнице очень мало. Известно лишь, что 6 июля 1700 года во дворце Литценбург в Шарлоттенбурге состоялась премьера её оперы «***Ати***», написанной на либретто Аббе Мауро совместно с Аттилио Ариости. Спустя два года, 12 августа 1702 года там же была поставлена другая её опера «***Торжество Парнаса***» («***Театральный фестиваль***»)[1].

Автором другой женской оперы, появившейся в начале XVIII века, стала итальянка **Антония Бембо** (р. 1669). Она происходила из старейшей венецианской семьи, а музыкальное образование получила у композитора и органиста Легренцо, маэстро ди капелла в соборе святого Марка.

В 1690–1695 годах она покинула родительский дом, чтобы последовать во Францию ко двору Людовика XIV. Испытывая нужду, Антония обратилась с прошением о помощи к Людовику XIV, который был знаком с ее произведениями. Король поместил даму в качестве пансионерки в женский монастырь Нотр-Дама. Он также обеспечил Бембо пожизненную пенсию, на которую она могла позволить себе жизнь в монастыре и без забот об общественном успехе, продолжая сочинять музыку в традиции венецианской композиторской школы (в том числе устаревающей традиции придворных блестящих опер)[2].

[1] Stieger 1982, 276.

[2] Weissweiler 1981, 106–107.

За годы пребывания во Франции Антонией Бембо было создано около 35 сочинений, среди которых — опера «***Влюблённый Геркулес***». Она была написана в 1707 году, а издана тремя годами позже. Однако это сочинение не имело успеха, и причина была связана с неудачным либретто, в соответствие с которым старый и больной Людовик XIV должен был изображать молодого влюблённого Геркулеса[3].

Позже и в других европейских странах всё чаще стали появляться оперы женщин-композиторов. Спустя 20 лет после создания «Влюблённого Геркулеса» Бембо в 1731 году в Ливорно состоялась премьера первой оперы итальянского композитора **Дионисии Зампарелли** (р. в Неаполе) под названием «***Артаксеркс***» на текст П. Метастазио[4].

В 1736 году была написана *опера-балет* «***Гении, или Характеры любви***» в 4-х актах популярной французской певицы и композитора мадемуазель **Дюваль** (ум. 1769, Париж). Примечательно, что эта работа стала *первым* музыкально-театральным произведением, написанным женщиной и поставленным на сцене Королевской Академии музыки в Париже. В том же, 1736 году сочинение было опубликовано издательским домом Балларда[5].

Примерно в это же время — в конце 30-х годов XVIII века — в Англии **Элизабет Бойд** написала *оперу-балладу* «***Дон Санчо или студенческий каприз***» в 2-х актах (с выходом Миневры), либретто которой было напечатано автором в 1739 году[6].

Помимо таких композиторов, как Бембо, Дюваль, Бойд, единожды обращавшихся в своём творчестве к оперному жанру, известны примеры сочинительниц XVIII века, тяготевших к амплуа «оперного композитора» и написавших несколько оперных произведений.

К подобным авторам относится вышеупомянутая **Дионисия Зампарелли**, которую можно считать крупным оперным композитором XVIII столетия. Она является автором четырёх опер, которые были написаны в жанре 3-актовых трагедий. Вторая опера композитора, «***Зое***», на текст Ф. Сильвестри была поставлена в Ливорно в 1746 году — спустя 15 лет после премьеры её «Артаксеркса». Там же в 1753 году прошла премьера третьей оперы «***Тезон***» на текст А. Цено. Четвёртая опера «***Рим, освобождённый от власти царей***» (либретто Дж. Б. Монтекатини) была поставлена в Лючче в 1760 году[7].

Сочинившая несколько опер-*seria* **Мария Тереза д'Аньези-Пиноттини** (1720, Милан — 1795, там же) также вошла в историю как значительный оперный композитор. Она написала четыре оперы: «***Чиро в Армении***» в 3-х актах, «***Софонисба***» в 3-х актах, ***«Утешительница из Ломбардии»*** в 2-х актах и «***Никотри***» в 3-х актах. Известно, эти сочинения д'Аньези-Пиноттини ставились с успехом в Милане, Неаполе, Вене и Дрездене.

Так, в 1753 году в Милане состоялась премьера «Чиро в Армении»[8]. Другая ее опера «Утешительница из Ломбардии» исполнялась во время празднования по-

[3] Там же, 108; Rokseth 1937.
[4] Cohen 1987, 514.
[5] Там же, 140.
[6] Там же, 69.
[7] Там же, 514; Stieger 1978, 1182.
[8] Stieger 1978, 7.

молвки эрцгерцога Фердинанда и принцессы Марии Рикарды Беатриче Миденской. Предположительно, была поставлена и опера «Софонисба», которую, следуя традиции того времени, Мария Тереза посвятила императору Иосифу II[9].

В наши дни заслуги композитора оценены по достоинству, — её портрет висит в театральном музее Ла Скала[10].

В то время многие аристократки занимались сочинением оперной музыки в качестве любителей, *просвещённых дилетантов.* Музыкальные занятия представляли собой способ благонравного времяпрепровождения и «галантного» воспитания. Поскольку многие знатные женщины той поры обучались у выдающихся композиторов, можно говорить о высокой профессиональной подготовке сочинительниц-дилетантов XVIII века.

Аристократка-сочинительница, дочь Фридриха Вильгельма I и сестра Фридриха Великого, **принцесса Прусская и маркграфиня Байретская Вильгельмина София Фридерика** (1709, Берлин — 1758, Байрет) сочинила оперу «***Ардженоре***» и «***Шесть арий Л'Хуомо***» для музыкального театра. К историческим заслугам Вильгемины Софии Фридерики относится и то, что она оказала огромное влияние на Байретскую оперу[11].

В наши дни трудно себе представить певицу, сочиняющую оперы, а в XVIII веке укрепился появившийся ещё в эпоху Возрождения именно такой профессиональный тип — «*певица-композитор».* В некоторых случаях певицы сочиняли оперы для своих собственных выступлений, в расчёте на возможности своего голоса.

Это можно обнаружить в творческой биографии дочери Карла VII, **принцессы Баварской, курфюстины Саксонской Марии Антонии Вальпургис** (1724, Мюнхен — 1780, Дрезден). Она начала обучаться музыке в раннем возрасте. Игре на фортепиано Мария училась у Джованни Ферандини в Мюнхене, а после свадьбы с Электором Фридрихом Кристианом Саксонским — брала уроки пения и композиции у самого Николо Порпоры и Иоганна Адольфа Хассе в Дрездене.

Мария Антония Вальпургис — автор трёх опер, на премьерах которых она выступила как исполнительница главных партий. Первая — «***Триумф верности***» представляет собой коллективный труд нескольких авторов: композиторы Хассе, Фридрих II, Граун и Бенда приняли участие в сочинении интермедий этой оперы. Позже последовали ещё две оперы сочинительницы — «***Лавиния и Турно***» и «***Талестри — королева Амазонок***» (1763).

Известно, что у Марии Антонии Вальпургис был от природы слабый, хотя и чистый голос. Однако отсутствие больших вокальных данных не помешало ей выступать в своих собственных операх в качестве певицы.

Трудно переоценить значение Марии Антонии для развития немецкой музыки. Будучи известной покровительницей искусств, она аккумулировала вокруг себя активную творческую жизнь, в которой принимали участие талантливые люди того времени. Вальпургис вдохновила многих музыкантов на творчество, и известно много музыкальных произведений, ей посвященных[12].

[9] Cohen 1987, 5.
[10] A Guide to Piano Music by Women Composers 1900, 2–3.
[11] Cohen 1987, 502.
[12] Weissweiler 1981, 111.

Она также была автором литературных текстов, и многие из которых были положены на музыку такими известными композиторами, как Граун, Феррандини, Ристери и Науман. Но, пожалуй, самым важным является участие Марии Антонии в судьбе Глюка. Так, именно по ее инициативе опера «Орфей и Эвридика» была поставлена в Мюнхене, что послужило началом оперной реформы того времени[13].

Ярким представителем типа сочинителя — *просвещённого дилетанта* стала и **Анна Амалия, герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская** (урожд. **принцесса Брауншвейгская**) (1739, Брауншвейг, Вольфенбюттель — 1807, Веймар). Она вошла в историю как видный общественный деятель своего времени, композитор и покровительница искусств[14]. В Веймаре она окружила себя крупными поэтами, музыкантами и учеными. Среди них были Кристоф Мартин Виланд, Иоганн Готфрид Гердер и Иоганн Вольфганг Гёте. Герцогиня принимала активное участие в светской музыкальной жизни.

Анна Амалия получила прекрасное музыкальное образование и в совершенстве владела игрой на клавесине, флейте, гитаре и арфе, а также сочиняла музыку.

Она написала несколько произведений для музыкального театра: это оперетта «***Эрвин и Эльмира***» на слова Гёте (1776), «***Ярмарочный праздник на барахолке»*** на слова Гёте (1778), «***Цыгане***» по мотивам «Лесной драмы» К. С. Айнзиделя. По мнению Вайсвалер, сочинения герцогини сегодня представляет ценность, скорее, как культурно-исторические документы[15].

К сочинению музыке в XVIII веке обращались и женщины — профессиональные музыканты-исполнители, для которых, в отличие от аристократов — просвещённых любителей музыки, музыка была источником заработка.

Среди них — композитор и пианистка **Мария Терезия фон Паради** (1759,Вена — 1824, там же). Главной трагедией в жизни этого композитора было то, что в возрасте трех лет она потеряла зрение. Однако это никаким образом не отразилось на ее творческой деятельности — не стало препятствием для ее музыкальных занятий, сочинения музыки и для концертной, педагогической, общественной жизни.

Как и многие женщины-композиторы того времени Паради была разносторонним музыкантом: она играла на органе и клавире, пела и, конечно, сочиняла музыку[16].

Оперные сочинения Марии Терезии неоднократно с успехом ставились в Вене и в Праге. В 1791 году в театре замка Лаксенбург в Вене состоялась премьера ее 1-актной музыкальной драмы «***Ариадна и Вакх***» («***Ариадна на Наксосе***») на либретто Рейдингера. В 1792 году состоялась премьера ее зингшпиля «***Кандидат в школу***» (либретто Баско) в театре Маринелли в Вене. Имеются сведения, что каждая из этих опер исполнялась примерно по шесть раз. Ее третья опера «***Ринальдо и Альцина***» (либретто Баско) была поставлена в 1796 году в Праге и имела меньший успех, что сыграло отрицательную роль и стало поворотным моментом в творческой судьбе композитора[17].

---

[13] Drewes 1934; Cohen 1987, 299.
[14] Heuschele 1947.
[15] Weissweiler 1981, 111, 132, 142.
[16] Matsushita 2004.
[17] Stieger 1978, 824.

Отдельно стоит упомянуть о женщинах-композиторах Франции, которые внесли особенно большой вклад в развитие жанра комической оперы.

Анриэтта-Аделаида Виллар де Бомениль (1748, Париж — 1813, там же) была композитором и одной из ведущих певиц Гранд Опера до 1774 года. Закончив карьеру певицы, она стала сочинять собственные оперы. Ей принадлежат шесть опер: «***Анакреон***» (1781), «***Израильтяне фараона***» (1784), *опера-балет* «***Тибул и Делия, или Сатурналии***» (1784), «***Греческие и римские праздники***» (1792), «***Законодательницы***» (1792) и «***Нравиться — это повелевать***» (1792). Известно, что её первая опера «Анакреон» была исполнена и с энтузиазмом принята публикой в 1784 году[18].

Дочь бельгийского композитора Андре Эрнеста Модеста Гретри, **Анжелика Дороти Люси Гретри** (1770? 1772? 1773?, Париж — 1790? 1790? 1793? 1794?, там же) — автор четырёх комических опер: это 1-актная «***Женитьба Антуана***» (1786), «***Первые дни весны***», «***Ошибка добровольца***» и «***Антуанетта и Луи***» в 2-х актах (1787). Она училась музыке у своего отца и уже в 14 лет (!) написала свою первую оперу «Женитьба Антуана», которая успешно исполнялась в Париже в театре итальянской комедии. К сожалению, композитор умерла в молодом возрасте[19].

Имя французской певицы, арфистки и композитора Амели Жюли Кандайль (1767, Париж — 1834, там же) также связано с успехами в жанре комической оперы. Первые уроки музыки она получила от своего отца, композитора П. Г. Кандайля.

Помимо внушительного количества камерной музыки Амели Кандайль написала две оперы — «***Катерина, или Красивая фермерша***» на собственное либретто (1792) и «***Ида, или Берлинская сиротка***» (1807) — и музыкальную комедию «***Батильд, или Герцог***» (1793)[20].

Известно, что она как актриса выступала на сцене французского комедийного театра с 1783 по 1796 год, а исполнительская и композиторская карьера Кандайль складывалась удачно. Её оперетта «Катерина или красивая фермерша» с успехом шла на сцене французского комедийного театра. Амели Кандайль была постановщиком спектакля и пела в главной роли. Эта оперетта была поставлена 154 раза (!) и задержалась в репертуаре театра на 35 лет! Также текст оперы был переведён на несколько языков[21].

Приведём и другие примеры женского оперного творчества. Так, французская клавесинистка и композитор, маркиза де ла Мизангере (1693–1779) написала оперу «***Тайный союз***». Примечательно, что позже австрийская арфистка, певица и композитор Иоанна Мюльнер (р. 1769? 1770?, Вена) сочинила оперу под таким же названием и на тот же сюжет. В 1776 году в Париже в итальянском театре состоялась премьера 2-актной комической оперы Марии-Эммануэль Байон-Луи (мадам Луи) «***Цветочный шип***». Комическая опера мадемуазель Каролины «***Счастливая уловка***» была поставлена в 1786 году в Париже в театре Божоле[22].

---

[18] Cohen 1987, 44; Stieger 1982, 117.
[19] Cohen 1987, 194.
[20] Stieger 1982, 100.
[21] A Guide to Piano Music by Women Composers 1900, 54–55; Cohen 1987, 87.
[22] A Guide to Piano Music by Women Composers 1900, 18; Cohen 1987, 319, 327, 90.

Таким образом, очевидно, что женщины-композиторы внесли весомый вклад в развитие оперного театра XVIII века, а созданные сочинительницами оперы занимали важное место в музыкальной жизни того времени. Однако социокультурная роль женщин-композиторов данного периода заключается не только в создании значительного количества произведений для музыкального театра; она многогранна и складывается из разных сторон их музыкальной и общественной деятельности, направленной на развитие оперного искусства.

БИБЛИОГРАФИЯ

A Guide to Piano Music by Women Composers 1900: Vol. 1. Composers Born Before. Pamela Youngdahl Dees.

Cohen A. I. 1987: International Encyclopedia of Women Composers. New York.

Drewes H. 1934: Maria Antonia Walpurgis als Komponistin. Leipzig.

Heuschele O. 1947: Herzogin Anna Amalia. Munich.

Matsushita H. 2004: Maria Theresia von Paradis (1759–1824) // New Historical Anthology of Music by Women. — Ed. by James R. Briscoe. — Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis. James R. Briscoe. 121–125.

Rokseth Y. 1937: Antonia Bembo, Composer to Louis XIV // The Musical Quarterly XXIII. P. 303–309.

Stieger F. 1982: Opernlexikon. T. IV Nachträge. Bd. 1. — Verlegt bei Hans Scheider: Tutzing.

Stieger F. 1978: Opernlexikon. Komponisten. T. II. Bd. 3. — Verlegt bei Hans Scheider: Tutzing.

Weissweiler E. 1981: Komponistinnen aus 500 Jahren. Eine Kultur und Wirkungsgeschichte in Biographien und Werkbeispielen. — Fischer Taschenbuch Verlag.

THE OPERA OF WOMAN-COMPOSERS OF THE 18th C.

S. V. Ivanova

This is a survey of the 18th c. opera of women-composers that made a notable contribution to the opera of the time. Their operas ranked high in the musical life of the period; and their sociocultural role was many-sided comprising different aspects of their musical and social activity aimed at opera development.

Key words: women-composers of the 18th century, opera, operetta.

© 2010

С. В. Иванова

ЖЕНСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО В НЕМЕЦКИХ МОНАСТЫРЯХ XV ВЕКА

Статья посвящена обзору женского музыкального творчества в церковной музыкальной культуре Германии XV века. В центре внимания — сохранившиеся до нашего времени Песенные книги, созданные женщинами-клириками. В статье рассказывается о первых женских Песенных книгах, рассматриваются некоторые факты биографий женщин-творцов, частично воссоздаётся картина их социального положения, а также дана характеристика музыкально-творческой деятельности. Особо подчёркивается, что роль церковных сочинительниц того периода в становлении европейского профессионального музыкального искусства весьма значительна.

Ключевые слова: монастырь Винхаузен, Катарина Тирс, Анна Кёльнская.

Вопрос о женском композиторском творчестве в истории европейской церковной музыкальной традиции до недавнего времени не вызывал активного интереса у отечественных историков музыки, поскольку возможность существования женщин-авторов казалась невероятной. Такое ошибочное представление было связано с нехваткой биографических фактов и конкретных документированных примеров: многие произведения сочинительниц не сохранились или существовали в виде рукописей, изданий в одном экземпляре, поэтому разыскать и систематизировать их теперь очень трудно.

Однако в работах зарубежных музыковедов представлены важные сведения, подтверждающие музыкально-творческую активность, к примеру, женщин-клириков немецкоязычных стран XV века[1]. С помощью изложенных в этих источниках фактов мы можем познакомиться с некоторыми подробностями биографий женщин-творцов данного периода, охарактеризовать их музыкально-творческую деятельность, а также частично воссоздать картину социального положения церковных сочинительниц.

Женщины приняли активное участие в церковной музыкальной традиции практически с самого её становления, и это связано, во многом, с основанием женских монастырей. Как известно, соборы и монастыри долгое время были центрами профессионального музыкального искусства, а монахини имели возможность получать там музыкальное образование, исполнять и сочинять музыку.

Уклад монастырской жизни, система церковной музыкальной культуры, нехватка музыки для оформления богослужений — всё это делало возможным использование литературно-музыкальных композиций женщин в прикладных целях в церкви. В частности, этому способствовал принцип анонимности прикладного искусства, исключающий акцент на фигуре создателя текстов вообще и тем более

[1] Alpers (1943–1947), Weissweiler 1981, Cohen 1987, Salmen 1952 1, Salmen 1952 2, Fuller 1994.

на его поле. Благодаря другому принципу церковного прикладного искусства — создавать сочинения с целью прославить Господа Бога, музыкально иллюстрировать те или иные религиозные идеи, — снимался вопрос о женщине — авторе самоценного художественного произведения, которая могла бы претендовать на признание своего особого положения творца, что, вероятно, в противном случае повлекло за собой неодобрительную реакцию церкви и общества.

Сочинение музыки не могло быть для клириков единственным профессиональным занятием, как для свободных от церковного служения композиторов — *просвещенных аристократов*. Для церковных песнеслагательниц было характерно совмещение нескольких церковных ролей и выполнение различных обязанностей, соответствующих этим ролям. Так, помимо участия в обрядовой жизни монастыря, решения внутренних административно-хозяйственных вопросов, выполнения прочих, соответствующих монашескому сану обязанностей, женщины-клирики находили время для литературного и музыкального творчества. Совмещением различных церковных обязанностей клириками также затушёвывалось их амплуа сочинителя.

В то же время необходимо отметить, что в церковной среде даже просматривалось уважительное отношение к женщинам — творцам религиозных сочинений. Например, создание музыки уважаемой матерью-настоятельницей воспринималось в положительном ключе, поскольку в данном случае сочинительница выступала в роли «транслятора» божественных откровений, и тем было ценно её творчество.

Наиболее точно тип сочинительской деятельности одаренных церковных монахинь того времени отражают термины «песнописица»[2], «песенница»[3] и «песнеслагательница»[4], поскольку, во-первых, для клириков-авторов характерна синтетическая природа творчества (как известно, почти все церковные авторы сочиняли не только музыкальные композиции, но и литературные тексты), а во-вторых, процесс музыкальной композиции поначалу представлял собой сочинение одноголосных или двухголосных мелодий.

Музыкальные композиции женщин-клириков использовались в прикладных целях — их сочинения исполнялись во время церковных богослужений в женских монастырях. С этим связана ограниченность сферы вращения произведений монахинь узкими ситуативными рамками, пространством церкви, а также сочинение музыки с ориентацией на профессиональные возможности исполнительских коллективов монастыря.

По всей видимости, мужчины и женщины — церковные сочинители — находились в равных условиях, и творческая деятельность сочиняющих монахинь мало чем отличалась от творческой деятельности коллег-мужчин. Жанровая сторона творчества клириков-композиторов обусловливалась музыкальными традициями, обрядами католической церкви. В то же время для женщин-авторов характерно в своём музыкальном творчестве обращение к особым, не свойственным мужчинам, специфически «женским» темам, образам. Например, в традиции жен-

[2] Сенина 2004.
[3] Сапонов 1999.
[4] Иванова 2005.

ского церковного творчества имеются примеры «гимнов покаяния падших женщин» и большого количества песен в честь Девы Марии[5].

Пожалуй, одно из самых первых в Европе упоминаний о женских духовных сочинениях относится уже к V веку[6]. Среди первых известных нам песнеслагательниц Германии, оставивших заметный след в истории церковного музыкального искусства, — Хильдегарда Бингенская (XII век) и Мехтильда Магдебургская (XIII век)[7].

XV век связан с продолжением традиции музыкального сочинения женщин в стенах немецких монастырей. Несмотря на то, что в то время во многих странах Европы женщины всё активнее принимали участие в традиции любительского музицирования в придворной среде и сочиняли светские песни, сочинительское творчество женщин данного региона, в основном, связано с церковной музыкой.

В частности, вследствие процессов текстуализации культуры начинают появляться, так называемые, духовные женские *Песенные книги (Книги Песен)*, в которых были зафиксированы плоды музыкального творчества немецких монахинь. Однако вопрос о характере музыкального творчества такого рода остается открытым: доподлинно неизвестно было ли оно индивидуальным или производилось коллективно. Также трудно судить и о масштабах подобной сочинительской деятельности женщин-клириков, главным образом, из-за бытовавшей долгое время традиции анонимного искусства — как церковного, так и светского.

Одним из факторов, стимулирующих композиторское творчество немецких женщин, стало возникновение в начале XV века нового религиозного направления «devotio moderna», последователи которого — мужчины и женщины — называли себя «братья и сёстры совместной жизни». Многие из них были монахами и монахинями в различных монастырях. Жизнь таких людей проходила в занятиях духовными упражнениями, практической работе в сельском хозяйстве, ремесле, а также в музицировании[8].

Одним из центров женского песенного творчества и обителью «братьев и сестёр совместной жизни» был женский монастырь Винхаус в Северной Германии. Примерно в середине XV века в замке Цистерциензериннен, около Целле была создана **«Песенная книга монастыря Винхаузен»**[9].

Этот сборник представляет собой коллективную работу монахинь, и известны имена двух из пяти предполагаемых его авторов — это **Юнгфер Гертруд Бунге** и аббатиса монастыря **Катарина фон Хойя**[10]. Катарина фон Хойя родилась в 1422 году, а умерла в 1470 году. Она была аристократкой, принявшей духовный сан. Известно, что аббатиса является автором трёх песен из «Песенной книги монастыря Винхаузен», а одна из них даже записана её собственной рукой[11].

Аббатиса Катарина просила своих монахинь зафиксировать наиболее удачные песни. Таким образом, и возникла эта рукописная книга песен. В ней 59 произведений, из которых 17 — на латинском языке, 6 — на смешанном латино-

[5] Weissweiler 1981, 36; Cohen 1987, 312, 201, 58.
[6] Cohen 1987, 146.
[7] Сапонов 1999, Weissweiler 1981, Cohen 1987.
[8] Weissweiler 1981, 51.
[9] Alpers (1943–1947), Weissweiler 1981.
[10] Alpers (1943–1947), 1–2.
[11] Weissweiler 1981, 50.

немецком, 37 — на нижненемецком, а к 15 песням даётся мелодия. В сборнике Винхаузена нет ритма, песни исполнялись свободно, шла индивидуальная импровизация. Обозначения и выполненная форма указывает на то, что композиторы были обучены и сведущи в музыкальной науке. Вероятно, у них были музыкально-теоретические элементарные занятия, так как в соседнем женском монастыре Эбшторф у Ильцена сохранился даже учебник с главами по системе тонов, написанию нот и уроками об инструментах[12].

Судя по тому, что на потолках и стенах монастыря изображены ангелы, играющие на музыкальных инструментах XV века — флейте, арфе, псалтыри, фиделе, лютне, — можно предположить, что авторы уделяли большое внимание и инструментальному сопровождению песен.

Поскольку в монастыре отсутствовал запрет на пение песен вне церковных служб, женщины занимались музыкой и в свободное время — когда вязали и пряли. Этим объясняется большое количество баллад из библейских историй в книге песен Винхаузена. Например, к 1453 году относится созданная в монастыре баллада «Breslauer Jugenfrevel». А в своих кельях монахини пели «devoet gesengk» — интимные, личностно-окрашенные песни о страданиях Христа, душе и о Деве Марии, о ребёнке в яслях[13].

Другая рукопись — «**Песенная книга Катарины Тирс»** — связана с монастырём Низинг, который был расположен около Мюнстера. Жизнь Низинга напоминала жизнь Винхаузена: там также занимались рукоделием, школьными занятиями, уходом за больными[14]. Однако книга песен Тирс представляет собой пример *индивидуального* творчества, на что указывает в своей работе Вайсвайлер[15].

Книга содержит так называемое «майское пение», баллады, любовные и рождественские песни, представляющие собой перенос на язык популярной мистики и возможности пения в монастыре впечатлений из народной музыкальной реальности. По мнению Вайсвайлер, песни Катарины Тирс являются «последним источником духовной песни Средневековья на немецкой земле»[16]. К сожалению, о жизни самой песнеслагательницы ничего не известно. Судя по данным архива, Катарина Тирс умерла в 1604 году[17].

Необходимо отметить, что создание этого сборника послужило шагом к усложнению процесса сочинения в церковной музыкальной традиции, потому это песни Тирс были уже многоголосными. Таким образом, постепенно осуществлялся переход от работы сочинителя-мелодиста к труду композитора в современном нам понимании этого слова.

Ещё одним местом, где духовные книги создавались в большом количестве, был город Кёльн — один из самых важных центров женского религиозного дви-

[12] Alpers (1943–1947), 2–45.
[13] Weissweiler 1981, 51.
[14] Salmen 1952, 2, 22–24.
[15] Она пишет: «В отличие от Книги песен Винхаузена, которая содержит множество индивидуальных творений, но выглядит как единое целое, хотя является коллективным трудом многих монахинь, то рукописная книга песен сестры Катарины Тирс представляет собой творение одного человека. 72 из собранных 80 песен написаны её рукой, остальные 8 включены или современниками или поздними переписчиками» (Weissweiler 1981, 58).
[16] Там же, 59.
[17] Salmen 1952, 2, 27.

жения. Если к 1299 году там было создано 88 книг, то уже через несколько десятилетий — 169! В то время Кёльн был одним из самых больших городов Европы (30 тысяч населения), вторым после Парижа, и удивительно, что 1/5 часть всего населения Кёльна были бегинки[18]. Последние, безусловно, оказывали сильное влияние на культурную и общественную жизнь города. Это один из тех редких случаев в европейской истории, когда не притесняемые никем женщины были полноправными участниками музыкальной практики своего времени.

Последовательницы религиозного движения — незамужние или овдовевшие женщины — образовывали общины, называемые «бегиненконвентен» («Beginenkonventen»). Некоторые конвенты достигали по размеру сельских поселений, и там было до 60-ти «бегинок». Мужчины допускались туда только в исключительных случаях[19]. Особая привлекательность религиозных общин для представительниц слабого пола объяснялась независимостью этих поселений от жизни и законов общества, и, начиная с XIII века, женщины из всех социальных слоёв — от крестьян до знати — хотели туда попасть[20].

В 1500 году была создана «**Книга песен Анны Кёльнской»**. Анна была матерью-настоятельницей одного из описанных выше женских обществ. В соответствии со своими обязанностями, она следила за ходом работ конвента, регулировала финансовые возможности конвента, заботилась о гармоничной жизни женщин и сохранении статуса поселения.

Анна Кёльнская создала свою книгу для совместного пения хором женщин в их собственной капелле. Книга включает в себя 82 двухголосные духовные песни, предназначенные для сопрано и альта и представляющие собой богатый источник информации о музыкальной жизни приюта. 24 песни даны с мелодиями, и только в двух случаях названы авторы текстов — речь идёт о Мартине Лютере и Томасе фон Кемпе[21]. Книга Анны Кёльской ориентирована более светски, чем нижнесаксонские и вестфальдские рукописи, о чём свидетельствуют названия некоторых песен, например, «Песня о больной бегинке»[22].

Необходимо заметить, что немецкоязычные страны были не единственным местом в Европе, в котором сосредотачивалось музыкально-сочинительское творчество женщин-клириков XV столетия. Известно, что традиция создания женщинами духовной музыки была распространена в различных европейских странах. Например, в Британии монахини также сочиняли музыку для богослужений в своих монастырях, хотя имена отдельных композиторов не были озвучены. К примеру, был найден манускрипт XV века из Баркингского аббатства, и зафиксированная в нём музыка — гимн — не найдена в других источниках и, предположительно, создана монахинями этого монастыря[23].

Так или иначе, важная культурно-историческая роль женщин — авторов духовных песенных книг Германии, заключается в том, что своим творчеством они способствовали становлению европейского музыкального искусства и укрепле-

[18] Das Lieder der Anna von Köln 1954, 2–4.
[19] Weissweiler 1981, 62.
[20] Salmen 1952, 1, 348.
[21] Там же, 352–357.
[22] Das Lieder der Anna von Köln 1954, 44.
[23] Fuller 1994, 11.

нию феномена *композитора* в музыкальном искусстве. Это было связано с исполнением женской музыки во время открытых богослужений, появлением первых рукописных книг с зафиксированными текстами женских музыкальных сочинений. При этом заметно внутренне своеобразие женских песенных книг по отношению к мужским произведениям того времени — главным образом, в своеобразии образной сферы (выражаемые в песенном творчестве темы почти женской любви к Иисусу, почитание Марии). Безусловно, сочинительская деятельность немецких песнеслагательниц послужила также и укреплению традиции женской музыкального творчества в европейской культуре.

БИБЛИОГРАФИЯ

Иванова С. В. 2005: Композитор: очерки по истории профессии: автореф. дис. … канд. наук / Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского. М.

Сапонов М. 1999: «Рейнская Сивилла» Хильдегарда — поэтесса и песенница, ясновидящая и целительница (исполнилось 900 лет со дня рождения Хильдегарды Бингенской) // Старинная музыка. 1, 8–9.

Сенина Т. 2004: Преподобная инокиня Кассия, песнописица Константинопольская // Вертоградъ. 1 (80), 17–29.

Alpers P. (1943–1947): Das Wienhauser Liederbuch // Jahrbuch des Vereins für niederdeutche Sprachforschung. 69/70, 1–46.

Cohen A. I. 1987: International Encyclopedia of Women Composers. New York.

Das Lieder der Anna von Köln 1954: // Denkmäler der rheinishen Musik. Bd. 4, hrsg. von W. Salmen und J. Koepp. Dusseldorf. 2–57.

Fuller S. 1994: The Pandora Guide to Women Composers (Britain and the United States 1629 — Present). Pandora.

Salmen W. 1952a: Das Liederbuch der Anna von Köln und seine Beziehungen zu den Niederlanden // Bericht über den internationalen musikwissenschaftlichen Kongress Utrecht, 346–359.

Salmen W. 1952б: Weihnachtsgesänge des Mittelalters in westfälischer Aufzeichnung // Kirchenmusikalisches jarbuch. 36, 22–28.

Weissweiler E. 1981: Komponistinnen aus 500 Jahren. Eine Kultur und Wirkungsgeschichte in Biographien und Werkbeispielen. Fischer Taschenbuch Verlag.

FEMALE MUSIC CREATION IN GERMAN CONVENTS OF THE 15th C.

S. V. Ivanova

This is a survey of compositions written by women and their place in German religious music culture in the 15th century with particular emphasis on the remaining Song books of female cleric composers. The article considers first Song books of the kind, gives some facts of the life of cleric women-composers partially reconstructing their social background. It also gives a record of their musical creativity highlighting the significance of their role in forming European professional music art.

Key words: German women composers, Catherine Tirs, Anna of Köln.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

© 2010

Н. С. Фатыхова

ПРИРОДА МЕДИУМА КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье с целью определения методологических начал новой философской дисциплины — медиафилософии — предлагается краткий анализ теории медиума в философии античности, Средних веков и в XX веке.

Ключевые слова: медиум, квалия, познание, чувственность, язык, искусство.

В поисках истины уже на интуитивном уровне человек понимает, что между ним и истинным миром существуют средства, с помощью которых он намерен познавать этот мир, и среда, в которой процесс этого познания разворачивается. Слова «средства», «среда» имеют общий корень «сред» — от «средний», «середина». В европейской науке, где долгое время рабочим языком был латинский, для обозначения и средств, и среды, и середины используется одно и тоже слово — *medium*. В свою очередь латинское medium является ни чем иным как переводом древнегреческого слова *metaxy,* которое активно в своих трудах использовали Платон и Аристотель. Они же в европейской философии одни из первых сформулировали проблему познания через медиумы[1] и назвали некоторые из них.

Так, в трактате «О душе» Аристотель пишет об отношениях между органами чувств и воспринимаемыми свойствами вещей, которые становятся возможными лишь тогда, когда имеется соответствующий медиум. Таковым он считает, например, воздух. «В самом деле, если бы кто положил себе на самый глаз вещь, имеющую цвет, он ничего бы не увидел. Цвет же приводит в движение прозрачное, например, воздух[2], а этим движением, продолжающимся непрерывно, приводится в движение и орган чувств. Демокрит истолковывает это неправильно, полагая, что если бы средой (to metaxy) была пустота, то можно было бы со всей отчетливостью разглядеть даже муравья на небе. На самом же деле это невозможно: ведь видение возникает, когда то, что обладает способностью ощущения, испытывает воздействие. Так как это воздействие не может исходить от самого видимого цве-

[1] Чтобы не путаться в значениях, мы также будем использовать в данной статье русскую транскрипцию латинского термина — «медиум» и форму множественного числа, соответствующую правилам русской грамматики, — «медиумы».

[2] Ср. у Платона: «Какими бы зоркими и восприимчивыми к цвету не были у человека глаза, ты ведь знаешь, он ничего не увидит и не различит цвета, если будет пользоваться своим зрением без наличия чего-то третьего, специально для этого предназначенного». Античный философ имеет в виду свет (Госуд., 252).

та, то остается признать, что оно исходит от среды, так что *необходимо, чтобы существовала такая среда* (курсив наш — Н.Ф.)» (419a).[3] В русском переводе Аристотеля используется слово «среда») (там же). Но по названным выше причинам переводить metaxy следует и как «медиум».

Получается, что медиумами мы можем назвать то, что каким-либо образом оказывает воздействия на наши органы чувств, то есть на нашу способность восприятия. Самое главное, что восприятие, по логике Аристотеля, нуждается в медиумах, и без них не состоялось бы. Мы воспринимаем, познаем мир медиумами[4]. При этом нас интересуют не столько сами эти медиумы (некоторыми из них занимается физика), сколько процесс нашего познания вещей и их свойств через медиумы. Так, в связи с тем же цветом, нам важно понять, как мы познаем, чувствуем, например, зеленый цвет? И это — ни много, ни мало — непростая загадка философии сознания — загадка квалии[5].

Объясняя, что такое квалия, немецкий профессор Хайдельбергского университета Антон Фридрих Кох в недавно изданной им книге «Истина, время и свобода» (Koch 2006, 22–23) пишет, что когда, например, в жанре фантастики будущего речь идет о роботах, осуществляющих интерактивную связь с нами, людьми, будто они нам подобны, то их искусственный интеллект, их «разум», представляется, как способность электронной обработки данных. Конечно, робот может реагировать на красный объект с внутренним понятийным состоянием и, соответственно, языковым сигналом «это красный», и он может извлекать корректные выводы («Итак, это не голубой», «Оно — протяженное (длительное)», «Это — цветное» и т.д.). Но так как он, робот, не является живым организмом, он не будет знать «как это ощущается», например, видеть красное. Он не знает феномены, качественные характеристики различных цветов, звуков, ароматов и т.д.; не имеет и не чувствует квалию. Кошка же напротив, видит, слышит, ощущает, — имеет квалию, но она не думает и не говорит. Все же кошка может вести себя вполне «умно», и иметь в своем репертуаре, вероятно, случаи мыслимого разделения чувственности и разума. Соответственно, робот, если ему не достает квалии, не может быть сознательным существом[6].

Сознательность человека, уникальность его познавательных способностей заключается в том, что он, с одной стороны, имеет квалию — способен к переживанию ощущений, некоторые из которых доступны ему с помощью органов чувств, с другой стороны — он также, как робот, анализирует ощущаемое на абстрактном уровне понятий (Кант 1994, B34). Аристотель говорил о медиумах на уровне ощущений, однако надо предположить, что наша познавательная деятельность на уровне понятий тоже должна иметь свои медиумы — средства постижения и выражения.

---

[3] Представив эти идеи в терминах XX века, немецкий психолог Фритц Хайдер сформулировал свою теорию медиумов в книге «Вещь и медиум», которая сегодня цитируется практически всеми теоретиками медиалогии. См. о взглядах Ф.Хайдера: (Heinervetter, Sanchez 2008, 17–19).

[4] А у Платона весь чувственный мир также становится между бытием и небытием.

[5] Под квалией в философии сознания понимают простые ментальные состояния, обладающие определенным феноменальным содержанием — субъективным качеством пережитого события (Erlebniss), которое доступно только личности, переживающей это состояние (Metzinger 2005, 323).

[6] Перевод текста сделан диссертантом, Н.С. Фатыховой, в ходе работы с профессором Кохом в Германии.

В этой связи можно обратиться к Платону, к его философии идей. Недостаточность чувственного познания он выразил в ставшей хрестоматийной метафоре пещеры. По его мысли, истина достигается душой на уровне умопостигаемого. Ибо здесь она прокладывает себе путь при помощи самих идей. Идея является «нерожденной и негибнущей, ничего не воспринимающей в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но отданная на попечение мысли[7]» (Тимей. 52b). В мире для своего выражения идея требует форму. Платон называет несколько таких форм-медиумов. Во-первых, медиумом становится понятие, находящееся между миром идей и миром вещей. Во-вторых, — знание и сама познавательная способность. Они являются у Платона проводниками «света», исходящего из идеи блага, которая лежит в основе совершенствования человека и мира. Но понятия и знание требуют в свою очередь посредников, медиумов следующего порядка. Так, понятие нуждается в слове, которое имеет как графическое, так и звуковое выражения, познаваемые органами чувств[8]. Само по себе слово ничего кроме именования ни несет, «не выражает ни действия, ни его отсутствия, ни сущности существующего, не сущности несуществующего» (Софист. 262c). Только если кто-нибудь соединит глаголы с именами, то тогда родится речь[9]. В современных лингвистических терминах мы сказали бы, что необходимым условием речи является ее предикативность.

Речь становится у Платона медиумом смысла. В диалоге «Теэтет» он говорит устами Сократа, что первоначалам дано только называться. А вот состоящие из этих первоначал вещи представляют собой некое переплетение, и их имена, также переплетаясь, образуют объяснение, сущность которого, выражается в сплетении имен — то есть в предложении (202bc).

Речь обладает свойствами, которые делают ее медиумом одновременно и для идей, и для понятий, для смысла, и для знания. Сама она передается медиумами еще одного порядка: говорением и письмом. Причем в истории философии описание феномена письма как технического медиума и действия, которое оно оказывает на знание и познавательную способность человека, мы впервые находим именно у Платона. В диалоге «Федер» Сократ рассказывает притчу о египетском боге Тевте, представившим царю Тамусу различные искусства, одним из которых были письмена. По задумке Тевта, письмена должны были сделать египтян более памятливыми и мудрыми. Царь же объяснил их действие иначе: «В души научившихся они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. <…> Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде — и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе

[7] Мысль, находясь между миром идей и миром эмпирических вещей, тоже приобретает медиальный характер.

[8] Но у слова имеется еще и то, что мы никогда «не ощущаем ни зрением, ни слухом» (Теэтет. 163cd).

[9] См. у Платона в диалоге «Софист»: «Возьми, например, глаголы «идет», «бежит», «спит» и все прочие слова, обозначающие действие: если кто-нибудь произнесет их по порядку, то этим он вовсе бы не составил речи <…>. Таким же образом, если произносится «лев», «олень», «лошадь» и любые другие слова, обозначающие все, что производит действия, то из их последовательности не возникнет речь (262c).

не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет» (Федер. 274e; 275b-e).

Но если вернуться к речи (языку) и ее медиальным свойствам, то она, будучи медиумом идей, выражает их (говорением ли, письмом) не просто предложениями, а организованными в определенной форме предложениями. В зависимости от формы и слов, используемых в речи, может быть передана та или иная идея. К примеру, идею добродетели у Платона выражают мифы, которые построены хоть и на ложных фактах, но способны сообщить душе представление о добродетели.

Для одних идей существуют их подобия в виде эмпирически данных вещей, которые носят то же имя, что и идея (например, стол), но они — ощутимы, рождены, движутся, возникают в некоем месте и вновь из него исчезают (Тимей, 52b). Другие же идеи не имеют по природе однозначного материального выражения. А так как душа человека в своем стремлении к мыслимому взору, как виду умопостижения, вынуждена пользоваться предпосылками, ибо она не способна выйти за пределы предполагаемого, она в низших вещах создает образное подобие того, что можно видеть не иначе как мыслимым взором. Сюда, следуя логике античного философа, мы, относим как язык, так и другие образные выражения идей (живопись, скульптура, театр, танец). Стоит отметить, что последние формы искусства и их медиальные свойства Платон не жалует, называя их лишь копиями, подражанием (Госуд., 363)[10]. В трудах Платона мы обнаруживаем не просто упоминание тех или иных явлений как медиумов, но гораздо больше — Платон представил нам классификацию медиумов, сделанную по онтологическому принципу.

В поздней античной философии своеобразное понимание медиума встречаем и у Августина Блаженного. Размышляя о памяти, теоретик христианства называет ее архивом, который хранит всю информацию как чувственного, так и интеллигибельного опыта, самоочевидных истин. Причем, если для истин не нужно ничего, то при запоминании объектов чувственного мира, памяти требуются средства — образ и время, так как состояние нашего ума — изменчиво (De Trin. См. об этом: Попов 2003, 333–348). Память у Августина выступает в триаде с волей и умом (помнить, желать, понимать), соотносящейся с божественной Троицей (Бог отец, Бог сын и Святой дух). И так же, как последняя, триада *память-воля-ум* является воплощением божественного присутствия. В Средневековой философии эта идея Августина была развита Джованни Бонавентура, который вывел свою триаду *разум-слово-любовь*[11]. И у Августина, и у Бонавентуры триада составляет сущность души, которая в свою очередь являет образ бога[12]. Будучи медиумом бога, в земной реальности душа нуждается в форме, носителе. Таким носителем,

[10] В отличие от Платона, Аристотель не видит ничего дурного в подражании и произведениях искусства как симулякрах. У него подражание (мимесис) наделяется функцией очищения (катарсиса) от душевных проблем. Кроме того, искусство является и самоцелью. (Поэтика 4, 5–30).

[11] «Так из памяти рождается разум, словно ее дочь, ведь мы понимаем с помощью образа, хранящегося в памяти, который отражается во взоре разума и представляет собой ничто иное, как слово. Память и разум, вследствие того, что они соединены воедино, вдохновляют любовь. Эта триада, то есть порождающий разум, слово и любовь, находится в душе в таком же взаимоотношении, как память, разум и воля» (Бонавентура III,. 5,.6).

[12] Отметим, что Бог в религиозных практиках и сам выступает медиумом. Так, обращаясь к Богу, верующие просят его, например, о дожде. В этом случае он выступает медиумом между человеком и природой. Одновременно природа, воплощая в себе божественный дух и волю, является медиумом бога в отношении к человеку.

медиумом души у Августина становится человеческое тело. Философ с гениальной интуицией выстраивает теорию медиальности тела. Еще Плотин, последователем которого был Августин, отметил, что телесность человека, отличаясь от телесности животных, ставит последнего между богами и животными. Августин развивает эту мысль: «Человек сотворен не так, как существа, лишенные разумной души, которые мы видим наклоненными к земле <…> Та подвижность, которая сообщена языку и рукам, удобная и приспособленная для письма и речи и для выполнения весьма многих искусств и занятий, не ясно ли показывает, для служения какой душе придано такое тело?» (О граде Божием 22. XXIV). Если душа — это образ бога, то и в теле[13] этот образ может явиться. А значит, бога можно будет узреть в самом теле своем[14], — пишет Августин (там же. XXIX).

Но тело — это не только медиум бога и души, но и медиум самой жизни, а также жизни другого. Видение чужого подвижного тела для Августина является доказательством интерсубъетивности: «Жизнь других, хотя она и невидима, (каждый из нас) видит посредством тела. Ибо откуда бы иначе отличали мы живые тела от неживых, если бы не видели в одно и тоже время и тела, и саму жизнь, которую не можем видеть иначе, как через тело? Без тела же мы не видим жизни телесными глазами» (там же). В философии 20 века тело тоже — медиум, который, ко всему прочему воздействует и на наше представление о порядке в мире, и на языковое мышление. Например, в предмете нашего высказывания, мы относим себя к тому, что одновременно описываем. Антон Фридрих Кох приводит пример с мячом, который мы определим как, например, белый, и находящийся где-то в пространстве (Wahrheit). Пусть это *где-то* будет для нас «*там спереди, справа в направлении указывающей руки»*. В этом указании мы, таким образом, частично имплицитно, частично эксплицитно примем отношение к нашему собственному телу. Так как *«там»* контрастирует с *«здесь»*, где мы, или, соответственно, «*здесь, где находятся наши тела*». Человеческое тело становится центром системы координат, фиксирующей материальные рамки отношений. Ось этой эгоцентричной системы координат определяется через асимметрию нашего тела. Появляются определения *внизу — вверху*, *сзади — спереди*, *слева — справа*. И первоначально измерение расстояния мы делаем с помощью тела: подъем ноги, длина локтя, размер ступни и длина шага.

Собственно, вся история культуры показывает, что тело в зависимости от своих свойств, всегда было и остается медиумом. Например, полнота древней женщины делала ее святой[15]. Да и сама функция — быть женским телом, сделала в первобытном мире женщину медиумом, — как это отмечает теоретик медиакультурологии Вернер Фаулштих в первом томе «Истории медиумов» (Faulstich 1997, 35).

От признания медиумом тела недалеко и до признания медиального харак-

[13] Уже в современных теориях, анализирующих культурные обычаи разных народов, тело рассматривается в качестве медиума и в силу своей универсальности как поверхности. На теле можно фиксировать (татуированием) некое начало и развитие (так это делается в некоторых племенах), то есть кодировать смыслы на теле, тело можно видоизменять одеждами и пр.

[14] В мировых религиях божественный дух и воля бога традиционно являются в образе того или иного пророка (Будда, Иисус Христос и другие библейские пророки, Мухаммед и т.д.)

[15] Так как первобытный человек в виду долгого отсутствия пропитания редко набирал вес, полнота являлась проявление божественного.

тера самого человека — субъекта, «Я», как совокупности тела и души, чувственного и рассудочного. Это признание заключено в самой постановке вопроса о существовании. Августин выразил его формулой: «Я обманываюсь, следовательно я существую». У Декарта получилось «ego cogito, ergo sum» — «я мыслю, следовательно я существую». Хотя речь в последнем случае идет о мышлении, о существовании определенным образом, из фразы становится ясно, что проявлением этого мышления выступает именно «Я». Субъект связывает в себе как минимум две действительности. Он реагирует на непосредственное существование себя и вещей в мире — «через чувственность (Sinnlichkeit), получает представления, воспринимает предметы тем образом, каким последние воздействуют на него» (Кант 1994, B34). Он сам по себе, своей субъективностью в этих представлениях констатирует существование предметов, создавая присущий ему как медиуму медиальный мир, где все предметы становятся феноменами. Ибо, как заметил Эдмунд Гуссерль — мир вообще не имеет значимости как действительность, но лишь как феномен действительности (Гуссерль 2006, 95–96). При восприятии мира как феномена человек осознает свои переживания объектов в мире интенционально, принимая тот или иной модус восприятия. Так, в восприятии дома полагается дом, этот индивидуальный дом, и полагается в модусе восприятия, в воспоминании дома он полагается в модусе воспоминания, в воображении дома — в модусе воображения и т. д.

Заметим, что интенциональность как направленность сознания на определенный объект, становится в феноменологии условием медиальности (ибо быть феноменом означает не что иное, как быть медиумом), фактором, влияющим на все, чем бы не занимался человек как медиум. Здесь мы снова возвращаемся к медиумам, которые называли античные философы. Так, язык, лингвистическое поведение человека является производным от интенциональности[16]. И уже этим обосновывается медиальный характер языка как отражения способности мышления фиксировать положения дел. Мир культуры и социальность обусловлены интенциональностью. Культура — это та самая феноменальная (медиальная) действительность, а значит наполненная смыслом действительность — платоновская пещера, в которой люди видят не мир сам по себе, но как интенционально данный и переживаемый ими мир. И все, что рождается в этом мире, носит медиальный характер. Последнее происходит и благодаря нашему воображению, соединяющему вещи с вещами, словно оно плетет паутину смыслов, создает бесконечные отношения вещей, из которых рождается их сущность, — как это отметил Жан-Поль Сарт (Сартр 2002, 60–61). Также в феномене действительности свой медиальный характер получает эстетическое. Вещь, созданная человеком для передачи определенного смысла, связанного с эстетическим созерцанием, становится самоцелью. А потому все виды искусства становятся медиумами. И как таковые они заслужили философской рефлексии, которые имеют место в трудах Аристотеля, Баумгартена, Канта.

Ход наших рассуждений о медиуме в истории философии может подтолкнуть к мысли, что раз через понятие медиум можно объяснять любой философский объ-

[16] С этим тезисом, правда, спорит немецкий философ Карл-Отто Апель, утверждая обратную зависимость: не языка от интенциональности сознания, а интенциональности сознания от априорности языка. (Апель 2002, 204–224).

ект, то формирующаяся дисциплина — медиафилософия — должна претендовать чуть ли на роль prima philosophia. И некоторые теоретики медиафилософии в этом уверенны (Мартин Зеел). Это соотнесение напоминает ситуацию в лингвистической философии, задачу которой (разъяснение языковых выражений с целю открыть истину) в лагере аналитической философии также объявляли первоочередной задачей всей философии. Заметим, что философия языка обрела свой статус дисциплины лишь сто лет назад, благодаря усилиям Гердера и Гумбольда (Рассел, Витгенштейн и Карнап пришли на помощь позже). Сейчас же она действительно стала одним из фундаментальных философских направлений. Это дает основания предположить, что и медиафилософия может через некоторое время предстать серьезной философской дисциплиной. Это, правда, зависит от выбранных в конечном итоге объектов и предметов медиафилософского анализа. На этот счет сегодня пока еще очень много разногласий. А потому очень важно посмотреть на всю историю философии (которая в основе своей почти всегда была дуалистической, а значит, требовала нечто третье — посредника) с позиции медиатеоретика.

БИБЛИОГРАФИЯ

Августин Аврелий. 2003: Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.

Августин Блаженный. 2000: О граде Божием. Минск.

Апель К.-О. 2002: Лингвистическое значение и интенциональность: Соотношение априорности языка и априорности сознания в свете трансцендентальной семиотики или лингвистической прагматики. Томск.

Аристотель. 2005: Поэтика. М.

Аристотель. 1976: О душе. М.

Бонавентура. Путеводитель души к богу. III. 5.6. [Электронный ресурс] http: // www.i-u.ru/biblio/archive/boventura_putevoditel/ (дата входа: 05.10.2007).

Гуссерль Эдмунд. 2006: Картезианские размышления. СПб.

Кант Иммануил. 1994: Критика чистого разума. М.

Платон. 2004: Государство. М.

Платон. 2002: Избранные диалоги. М.

Попов И. 2003: Личность и учение Блаженного Августина // Августин Аврелий. 2003: Исповедь блаженного Августина, епископа Гиппонского. М.

Сартр Жан-Поль. 2002: Воображение. Феноменологическая психология воображения. М.

Faulstich Werner. 1997: Das Medium als Kult: von den Anfängen bis zur Spätantike (8. Jahrhundert)/ Geschichte der Medien. B. 1. Vandenhoeck & Ruprecht.

Heinervetter N., Sanchez N. 2008: Wilhelm Frank Verlag // Was mit Medien: Theorie in 15 Sachgeschichten. Padeborn, 17–19.

Koch A. F. 2006: Wahrheit, Zeit und Freiheit, Einfuehrunfgin eine Theorie.

Metzinger Thomas. 2005: Bewusstsein. Beitraege aus der gegenwartsphilosophie. Mentus Paderborn. 5, erweiterte Auflage.

MEDIUM AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

N. S. Fatykhova (Chelyabinsk)

This article contains a brief definition of the methodology and the analysis of the philosophical discipline — mediaphilosophy — as well as the theory of the philosophical medium of antiquity staring from the Middle Ages until 20th century.

Key words: Medium, qualia, sensuality, language, art.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

BLANTON R., FARGHER L. Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. N.Y.: Springer, 2008. XXVI, 447 p. (Fundamental Issues in Archaeology)

Монография Ричарда Блэнтона и Лэйн Фарджер, сотрудников университета Пердью, расположенного в Западном Лафайете, штат Индиана (США), посвящена анализу роли коллективного действия в возникновении и развитии государств досовременной (pre-modern)[1] эпохи. В противоположность ведущему направлению антропологической мысли, которое сосредоточено на анализе индивидуальных рациональных действий и изучении места верхов общества в социальных процессах, Блэнтон и Фарджер делают ударение на коллективном взаимодействии, групповом рациональном действии и влиянии широких масс населения на политогенез.

Рецензируемая монография состоит из двенадцати глав: введения, «Переосмысляя роль действия (agency) в политической эволюции», «Общественный деятель в коллективном действии», «Выборка обществ для сравнительного кодирования (coding)», «Археологический и исторический контекст выбранных обществ», «Источники доходов», «Общественные блага», «Бюрократизация», «Способы контроля принципалов (principals)», «Проверка теории и вопрос, было ли возникновение государства (state formation)[2] результатом рационального выбора или символической структуры», «Процессы коллективного действия в измерениях мир-экономики, политии и сообщества (community)» и «Коллективное действие и политическая эволюция». Имеются три приложения «Переменные и кодированные данные для переменных возможностей выхода (exit opportunity variables)», «Материальный и социальный фон кодированных обществ» и «Описание кодированных переменных и кодированных ценностей. Буквенные обозначения заголовков для кодированных переменных», список литературы (p. 406–438), указатели авторов и предметов (p. 439–447).

Во введении целью исследования называется формальная оценка того, насколько идеи коллективного действия могут оказаться полезными для получения нового знания о досовременных государствах (p. 1–4). Для этого предлагается

[1] К сожалению, приходится использовать это неуклюжее слово, так как перевод «докапиталистический» грешит и фактическими неточностями (он едва ли применим к XIX в.), и теоретическими передержками (ибо само понятие капитализма лишено смысла в теоретических построениях Блэнтона и Фарджер).

[2] Английское понятие *state formation* охватывает и возникновение государственности, и процесс её дальнейшего преобразования. Авторы используют его в разных значениях на протяжении монографии. Русское понятие политогенеза могло бы подойти для перевода, если бы не его устойчивая связь с возникновением надобщинных структур: вождеств, племён, государств.

использовать методологию фальсификационизма и эмпиризма и межкультурный сравнительный анализ, а также вероятностную статистику. Одной из задач авторов становится создание комплексной теории, соединяющей политические науки и культурную антропологию. Соответственно, одной из задач оказывается установление потенциальной роли культуры в выражении процесса коллективного действия.

В главе «Переосмысляя роль действия (agency) в политической эволюции» постулируется универсальный характер человеческого действия через критику традиционных для неоэволюционизма представлений о существовании двух диаметрально противоположных путей к государственности: западного и восточного (p. 5–11). Теория общественного договора Т. Гоббса становится одной из важнейших референций, и один из ключевых вопросов, задаваемый Блэнтоном и Фарджер, это каким образом, несмотря на тенденцию индивидов преследовать собственные интересы, общество удерживается от распада. Авторы критикуют неоэволюционизм, по их мнению, основанный на марксистских идеях, за переоценку роли верхов (элиты) и недооценку низов общества в общественной эволюции. На их взгляд, неоэволюционисты (К. Виттфогель, Э. Сервис, М. Фрид и многие другие) переоценивают фактор подавления низов верхами, отнимая у первых способность к рациональному действию. Неоэволюционизм определяется как «теория подавления» (p. 10). Вместо неё предлагается теория коллективного действия, основанная на допущении, что «при определённых условиях образование государства (state formation) отражает рациональные соглашения и взаимовыгодное согласие между правителями и управляемыми политического сообщества». Это теория рационального выбора в коллективном действии. На властных структурах лежит обязательство служить политическому сообществу в целом. Говоря проще, государство существует для блага народа.

Глава «Общественный деятель в коллективном действии» содержит основные идеи теории коллективного действия (p. 12–24). Ключевые положения таковы: 1) коллективная полития построена на кооперации индивидов и групп, составляющих политическое сообщество; 2) коллективное действие трудно достичь из-за рационального, но эгоистического поведения участников, которое может противоположным тому, что обеспечивает коллективный успех группы. Блэнтон и Фарджер формулируют проблему: может ли коллективизм быть основой для возникновения досовременных государств или единственным путём к государственному строительству должно быть господство (p. 12)?

Под коллективной политией исследователи имеют в виду такое «сложное общество, в котором правительство обеспечивает услуги (“общественные блага”) в обмен на доходы, включая труд, обеспечиваемые согласными налогоплательщиками» (p. 13). Сразу замечу, что под это определение подходит *любая* полития, ведь невозможно вообразить себе политическое сообщество, разделённое на управляющих и управляемых, в котором бы отсутствовали какие бы то ни было общественные блага, предоставляемые управляющими, и не было бы никаких доходов, обеспечиваемых управляемыми.

Блэнтон и Фарджер задаются вопросом, почему и как может развиться кооперация между правителями и налогоплательщиками. Они отмечают, что необходимым условием её существования оказывается ограничение, во-первых, власти

правителей, во-вторых, несогласия с ней налогоплательщиков, иными словами, обе стороны должны быть заинтересованными друг в друге в какой-то степени. Проблема состоит, следовательно, в том, чтобы определить эту степень заинтересованности. По мысли авторов, она будет определяться посредством торга (bargaining) между участниками. Его возможность обеспечивается наличием тех или иных ресурсов у налогоплательщиков, но до эмпирического исследования невозможно решить, какие именно ресурсы у них подлинно имеются. Антропологи предлагают метод сравнительного измерения степени коллективизма в досовременных государствах. Эта степень не должна рассматриваться как ступень эволюционной последовательности или типология государств. Таким образом, коллективизм политии — одна из переменных.

Все социальные деятели считаются рациональными (в определённой степени, т.е. рациональность деятеля не исключает возможности его нерационального поведения). Предполагается, что налогоплательщики оценивают цену и выгоду выполнения своих обязательств перед политией, и в случае неудовлетворённости ими они могут принять решение выйти из неё. На принятие решений воздействуют многие факторы, но насилие, которому уделяется так много внимания в обществоведении, в рамках развиваемой теории не следует считать основополагающим. Правителей Блэнтон и Фарджер делят на две группы: принципалов и агентов (principals and agents)[3]. Первые принимают ключевые решения и определяют политику, вторые образуют административный аппарат. В докапиталистических обществах принципалы часто, но не всегда, были монархами.

Крайне важно, что, согласно теории коллективного действия, дихотомия «Запад–остальной мир» ложна[4], поскольку любая полития включает элементы коллективного действия в той степени, в какой правители зависят от внутренних, обеспечиваемых налогоплательщиками доходов (с. 23). Если удастся показать, что в политии существуют общественные блага (в частности, безопасность и дороги) и/или ограничения действий правителей, то можно говорить о наличии в ней коллективного действия, как взаимовыгодного взаимодействия управляющих и управляемых.

В главе «Выборка обществ для сравнительного кодирования» Блэнтон и Фарджер уточняют критерии отбора политий для исследования (p. 25–32). Для того чтобы проверить теорию на большом эмпирическом материале, выборка включает общества, существовавшие в различных климатических условиях и имевшие разные сельскохозяйственные и экологические системы, торговые модели, размеры, плотность населения и культурные традиции (с. 26). Выбранные для анализа политии должны быть государствами, т.е. их управленческий аппарат должен быть организован как минимум в трёхступенчатую иерархию с обозначенными особыми терминами должностями (p. 27). Этот аппарат должен быть главным управленческим институтом на определённой территории (это объясняет исключение классических феодальных обществ из выборки) и быть действенным и прочным. Отобранные политии исследуются на определённом этапе их жизнедеятельности,

[3] Перевод слова *principal* терминами «начальник, глава, патрон, хозяин» в современном русском языке наталкивается на смысловое препятствие — утрату ими значения «крупный правитель».

[4] Это весьма важно в свете повторяющихся попыток изобразить мир как противостояние Востока и Запада. См., например: Васильев 1993; 2007.

от которого дошло достаточное количество источников, чтобы ответить на сложные вопросы теории коллективного действия.

В выборку попали следующие политии (указывается время изучаемого этапа их истории): от Африки — Фулани-Нупе 1837–1897 гг., империя йоруба Ойо 1750–1800 гг., Ашанти/Акан 1800–1873 гг., Багирми 1800–1900 гг., Куба/Бушоонг 1880–1892 гг., Тио 1800–1899 гг., Буганда 1800–1880 гг., Бакитара (Буньоро-Китара) 1860–1890 гг., Лози 1864–1900 гг. и Суахили Ламу 1800–1870 гг.; от Юго-Восточной Азии — период Раннего Бангкога в Таиланде при династии Чакри 1782–1873 гг., ранняя династия Конбаунов в Бирме 1752–1800 гг., полития Менгви на Бали 1823–1871 гг., Султанат Аче на Суматре в 1850–1900 гг., Султанат Перак на Малаккском полуострове 1800–1870 гг., Поздний Матарам на Яве в XVIII–XIX вв. От Южной Азии — империя Виджаянагар 1350–1564 (в первую очередь при Деварайе II), Пудукоттаи XVIII в., империя Великих Моголов при Акбаре, Джахангире и Шах Джахане 1556–1658 гг. Восточная Азия и Тибет представлены китайской ранней династией Мин XIV–XV вв., японским сёгунатом Токугава в XVIII в. и Тибетом в 1792–1951 гг. Представителями Средиземноморского мира и Европы оказались Древнеегипетское Новое царство при XVIII и XIX династиях (XV–XIII вв. до н.э.), Афины IV в. до н.э. («Век Демосфена» или «Новая демократия»), Римская империя при Флавиях и Антонинах (69–192 гг. н.э.), Венеция 1290–1600 гг., Англия при Эдуарде III (1327–1336) и Османская империя при Сулеймане I (1520–1566). Из Нового света в выборку попали империя ацтеков в период Тройственного союза 1428–1521 гг. и империя инков в 1438–1532 гг.

В главе «Археологический и исторический контекст выбранных обществ» сообщаются данные о характерных политических институтах и государственной организации в каждом регионе и возможных причинах их возникновения, дискуссиях среди специалистов и факторах изменения историографических споров, выявляются теории, влиявшие на представления о возникновении государственности в каждом регионе (p. 33–111). Блэнтон и Фарджер стремятся установить, существовал ли коллективизм или тенденции к его появлению в каждом из регионов до избранного для их изучения периода, и прослеживают местные пути возникновения государственности, основываясь на ранних и современных англоязычных исследованиях.

Глава «Источники доходов» содержит первые результаты проведённого исследования (p. 112–132). Американские антропологи подразделяют государственные доходы на внешние и внутренние. К внешним доходам они относят те из них, которые получены от государственных поместий, войн и завоеваний, государственного контроля над торговлей (государственной торговой монополии), налогообложения международной торговли и прямого использования правителем подневольного труда личнозависимых лиц: рабов, военнопленных и/или безземельных держателей царской земли. В категорию внутренних доходов попали налогообложение земледелия и ремесленного производства, повседневных рыночных операций, трудовая повинность, налогообложение каких-либо ресурсов (например, рудников) и все остальные поборы. Ясно, что это разделение весьма условно и основано на допущении, что для коллективного действия необходимы ресурсы в руках у налогоплательщиков, которые, используя классическое истматовское определение, должны иметь хоть какой-то доступ к средствам произ-

водства. Блэнтон и Фарджер признают, что «их метод масштабирования (scaling method) не смог обеспечить полезных оценок источников доходов» (p. 113). Полученные результаты, представленные в виде трёх таблиц № 6–1, 6–2 и 6–3 (p. 114–116), позволяют прийти к заключению, что часть изучаемых политий получала основные доходы от внутренних источников (согласно терминологии авторов): династия Конбаунов в Бирме, балийское княжество Менгви, Матарам на Яве, империи Великих Моголов в Индии и Мин в Китае, Тибет, Римская империя времён Принципата, Венецианская республика и Ацтекская империя. Источники дохода у ряда политий были смешанными: Ашанти, Буганда, Лоци в Африке, Виджаянагар и Пудукоттаи в Индии, Афины и империя Инков. Доход остальных строился на внешних источниках.

В главе «Общественные блага» Блэнтон и Фарджер предлагают любопытный выход из затруднения, порождённого их определением коллективной политии: они исключают из числа рассматриваемых переменных военную защиту и судебную систему на том основании, что они предоставляются всеми государствами (p. 133–164). Судебная система вдобавок сама состоит из множества подсистем, что затрудняет сравнительный анализ, не говоря уже о применении к ней вероятностной статистики. Поэтому Блэнтон и Фарджер ограничиваются одной из её функций — общественной безопасностью, создаваемой способностью государства пресекать и наказывать преступления и решать споры посредством формальной юридической процедуры (это снова исключает феодальные общества из рассмотрения).

К значимым для исследования общественным благам американские антропологи отнесли следующие: дороги, мосты и в целом транспортную инфраструктуру, поддерживаемую государством; общественное водоснабжение, общественную безопасность и «другие формы общественных расходов, например пожалования храмам и монастырям, больницы и т.п.» (p. 134). При этом транспортная инфраструктура и водоснабжение рассматривались каждая в качестве трёх переменных: рядом со столицей; в удалённых районах, но не на окраинах; на окраинах. Общественная безопасность тоже распадалась на две переменные: обеспечиваемая в столице и других резиденциях правительственного аппарата и обеспечиваемая вдали от них.

В результате хитроумных подсчётов этих своеобразных переменных оказалось, что наибольшее количество общественных благ предоставляла Римская империя, следом шла империя Великих Моголов, за ними — Лоци, империи Мин и инков. Наименьшее число общественных услуг обеспечивалось политиями Бакитара, Суахили Ламу и Аче. Другим выводом стал радикальный тезис о том, что «контроль над водными ресурсами был одной из наименее важных функций досовременных государств» (p. 137).

Глава «Бюрократизация» посвящена измерению способностей государства набирать, заинтересовывать, проверять и наказывать собственный исполнительный аппарат, или «агентов» в терминологии авторов (p. 165–202). Проверка и контроль над поведением агентов требует соответствующей институциональной структуры, создание которой Блэнтон и Фарджер называют «бюрократизацией». Они противопоставляют её бюрократии. Она, по их мнению, действует преимущественно для того, чтобы управлять государственной собственностью, защи-

щать государственные ресурсы от расхищения, защищать частную собственность верхов, устанавливать централизованный контроль над торговыми монополиями и т.п. (p. 166). Примером функционирования такой бюрократии исследователи считают Новое царство в Египте. Оно не было «слишком (highly) коллективной политией» (p. 166).

Чтобы решить, насколько в политии действовала коллективная система (в интерпретации Блэнтона и Фарджер), нужно ответить на вопросы: а) может ли простой народ подавать апелляции или протест по упорядоченным коммуникационным каналам; б) может ли быть выявлено и наказано действие чиновника; в) согласуются ли способ набора на должности и способ их оплаты с коллективными целями (p. 167). Исследователи вводят шесть переменных: выполнимость апелляций и протестов со стороны простого народа, степень развития откупной системы налогообложения, расследование и наказание чиновничьих действий, набор на должности (office holder recruitment) и число чиновников на жаловании (p. 167–169). При отсутствии жалования могут существовать бенефиций (присвоение денежных средств)[5], пребенда (назначение чиновнику рентных платежей), апанаж (пожалованное право извлекать денежные средства из рентных платежей от какой-либо местности или ресурсов). Апанаж — промежуточная стратегия между бенефицием и пребендой (p. 169). Разумеется, существование откупной системы наименее отвечает понятию коллективной политии, равно как и наличие бенефициев и пребенд. Высшую степень бюрократизации демонстрируют империя Мин в Китае, Афины и Венеция, низшую — султанат Перак.

Глава «Способы контроля принципалов» продолжает изучение возможностей простого народа контролировать действия властей предержащих (p. 203–248). Вводятся шесть переменных: контроль (monitoring) над деятельностью принципалов, следование принципалов нравственному кодексу, роль высокопоставленных чиновников или совещательного совета, ограничение контроля принципалов над материальными ресурсами, ограничение контроля принципалов над идеологическими ресурсами, образ жизни правителя. «Контроль над деятельностью принципалов» предполагает наличие или отсутствие институтов, способных контролировать правителей, при этом эти институты не совпадают с высокопоставленными чиновниками или совещательным органом при правителе. Ограничение контроля над идеологическими ресурсами связано со способностью принципалов контролировать (вплоть до монополии) существующие «познавательные структуры/структуры знания (cognitive systems)», в частности письменность и/или религиозные институты. «Образ жизни правителя» предполагает степень его схожести с образом жизни остальных членов общества. Наивысшего расцвета способы контроля принципалов достигли в Афинах, несколько меньшего — в Венеции, у Ашанти, в империи Мин и у Суахили Ламу. Наименьшие средства контроля над принципалами оказались у политий Багирми, Тибета, Бакитара, Перака и Пудукоттаи.

В главе «Проверка теории и вопрос, было ли формирование государства результатом рационального выбора или символической структуры» Блэнтон и Фарджер формулируют «основную модель» коллективного действия в виде схемы

[5] В данном случае приводятся терминология и номинальные дефиниции авторов, а не исторические значения этих терминов.

(p. 254, fig. 10–2), базирующегося на «внутренних» источниках доходов, которые позволяют осуществлять «бюрократизацию» и контроль над принципалами и получать общественные блага, одним из которых оказывается контроль над бюрократией (p. 249–265). Выборка политий, по-видимому, свидетельствует о том, что коллективное действие обеспечивается преобладанием внутренних источников доходов над внешними (с учётом признания авторов, что точно оценить источники доходов они не могут (см. выше), эти построения выглядят зданиями на песке). Одной из причин такого преобладания американские антропологи считают рациональный выбор правителя (p. 254). Для максимизации доходов правители могут выбрать внешние источники, но вовсе не всегда их выбор таков: основатель империи Мин император Хунву (Чжу Юаньчжан) придерживался стратегии внутренних ресурсов (p. 255).

Блэнтон и Фарджер критикуют культуралистскую идею, согласно которой культура оказывает влияние на формирование государства (p. 256–260). Они считают, что даже теоретически разработанный нравственный идеал правителя при отсутствии соответствующего административного аппарата и институциализированных способов контроля над принципалами не имеет никакой силы (p. 260). Впрочем, индуистский и буддийский способы управления в некоторой степени сдерживают развёртывание процессов коллективного действия (p. 261). Менее коллективные по своему характеру политии чаще встречаются в Африке южнее Сахары и Юго-Восточной Азии (p. 260). Но итоговый вывод главы таков: «коллективное действие — на удивление здравый социальный процесс, представляющий кристаллизацию человеческих мыслей и действий, который появлялся снова и снова в разное время и при большом разнообразии обстоятельств» (p. 265).

Глава «Процессы коллективного действия в измерениях мир-экономики, политии и сообщества (community)» состоит из трёх разделов (p. 266–289). В первом из них показывается, что те политии из выборки, которые входили в какую-либо мир-экономику (трактуемую вслед за И. Валлерстайном), имеют более развитые способы контроля над принципалами (p. 268). Во втором разделе утверждается, что тем политиям, из которых было больше возможностей выхода (в форме бегства за границу, в пустыни или горы), коллективное действие менее свойственно (p. 274). Другим тезисом стало утверждение, что территориально крупные государства имеют больший потенциал для развития коллективного действия (p. 278). Третий раздел посвящён взаимосвязи рынка, общины и домохозяйства и коллективного действия. По мнению Блэнтона и Фарджер, коллективные государства с большей вероятностью будут появляться при развитых деревенских рыночных институтах (p. 281). Исследователи утверждают, что коллективное действие в управлении общественной собственностью едва ли послужило моделью для коллективного государства (p. 284). Они приходят к выводу, что коллективное государство будет вовлечено в усовершенствование старых и создание новых институтов внутри и вне административного аппарата (p. 287). Со своей стороны отмечу, что этот процесс в той или иной форме опять-таки свойствен любому государству.

В последней главе «Коллективное действие и политическая эволюция» Блэнтон и Фарджер постулируют наличие коллективного действия на самых ранних этапах политической эволюции, критикуют концепцию «Осевого времени» и выявляют сходство между досовременными и современными политиями

(p. 290–299). С их точки зрения, коллективное действие было прогрессивным (p. 290), но в истории политий периоды преобладания автократии и коллективного действия сменяли друг друга (p. 299). Эволюционную схему «языческие цивилизации — цивилизации «осевого времени» — современные демократии» авторы отвергают. Коллективное действие не связано с характеристиками цивилизаций «осевого времени» или языческими культурами. Нужно отметить, что в выборке было представлено только одно подлинно «до-осевое» общество Старого Света — Новое царство Египта. Едва ли сопоставление одного примера с остальной подборкой будет репрезентативным. Сходство же между досовременными и современными обществами Блэнтон и Фарджер видят в существовании рациональной администрации по сбору налогов (один из признаков государства в теории Ф. Энгельса), вовлечению разных членов общества в набор чиновничьего аппарата (в разной степени, конечно), сознательно формируемой строителями государства идентичности (государственной идеологии), легитимности и распределения общественных услуг и стремления к равенству (p. 295–298).

Из приложений только второе достаточно информативно: оно описывает политии выборки по рубрикам «Природное окружение, земледелие и площадь», «Сельское общество и культура», «Рыночная система», «География», «Население», «Связи с мир-экономикой» (p. 302–403). По сути, это реферат современных исследований.

Какова же ценность монографии Блэнтона и Фарджер? Думается, это привлечение внимания обществоведов (историков, антропологов, политологов, культурологов и т.д.) к роли низших слоёв в эволюции политических систем, в данном случае возникновении и развитии государственности. Можно согласиться с программой исследования способов контроля над чиновниками и правителями, путей налогообложения, места общинной верхушки в управлении, предоставляемых политией общественных благ. Тезис о ложности дихотомии «Запад–остальной мир» тоже не лишён оснований, во всяком случае, эта дихотомия явно не учитывает разнородности и подвижных границ входящих в эти категории социальных организмов.

Вместе с тем, реализация программы исследования самими Блэнтоном и Фарджер вызывает множество возражений. Главное из них — произвольность статистических подсчётов и, как следствие, выводов на их основе, иными словами, метода исследования. Блэнтон и Фарджер основываются не на эмпирическом изучении отдельной политии (этого и следует ожидать от сравнительного изучения столь разных обществ), а на описаниях этих политий разновременной историографией. В частности, все выводы об Ачехском султатане сделаны на основе работы К. Снука Хюргронье начала XX в.[6], а о Яве — трудов Б. Схрике и С. Муртоно 1957 и 1981 гг. соответственно[7]. Каким образом этнографическое описание становится основой для статистически обоснованного изучения, совершенно неясно.

Сам выбор обществ для изучения тоже оставляет желать много лучшего. Почему в него попали Афины, но не вошли Коринф, Спарта или Фивы? Почему примером стала династия Мин, а не Цин? От последней сохранилось больше статистических данных, и тем не менее, она оказалась исключена из рассмотрения.

[6] Snouck Hurgronje 1906.

[7] Schrieke 1957; Moertono 1981.

В качестве примера «статистических» выкладок приведём пример из главы «Источники доходов». Одной из переменных было налогообложение повседневных рыночных операций (p. 114). Как авторы получают цифры от политии? Они дают три ответа: 1) местные товарные сделки не облагаются налогом; 2) незначительное (small) или нерегулярное налогообложение местных товарных сделок; 3) регулярное налогообложение местных товарных сделок. Далее в таблице № 6–3 (p. 116) против каждого общества пишется цифра 1, 2 или 3, означающая выбранный ответ на вопрос на основе общих описаний. Порою Блэнтон и Фарджер пишут «1,5» или «2,5», желая показать, видимо, что не всё так однозначно. И потом подобные цифры от других переменных (во всех случаях предлагается три варианта ответа) просто суммируются! Чем полученная сумма больше, тем более коллективной в их представлении оказывается полития. Ясно, что такие подсчёты совершенно произвольны.

Вследствие этого жонглирования цифрами большая часть сделанных Блэнтоном и Фарджер выводов о коллективном действии повисает в воздухе. Поскольку же сам метод их исследования не убедителен, постольку отдельные дискуссионные положения (например, об отсутствии правящего класса в Хараппской цивилизации (p. 291) или о высокой степени коллективизма в империи Мин (с. 205)) комментировать не имеет смысла.

Остановлюсь лишь на одной проблеме, имеющей фундаментальное значение для изучения возникновения государственности,– роли войны и завоеваний в этом процессе. Ещё Ф. Энгельс в известной монографии «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал о том, что один из возможных путей политогенеза был военным и назвал стадию общественного развития, предшествующего государственности, «военной демократией». В 1970 г. Р. Карнейро опубликовал статью, содержащую военную теорию возникновения государства[8]. Мои исследования ранней эпиграфики Индонезии с островов Калимантан, Ява и Суматра показывают, что правитель, которому посвящены или от имени которого изданы надписи, всегда выполняет военную функцию и участвует в военных столкновениях с соседями[9]. А Блэнтон и Фарджер, обсуждая вопросы возникновения государственности и возможных вариантов коллективного действия, не касаются ни возможных прибылей от завоеваний для простого народа (из которого могли рекрутироваться воины), ни восстаний низов как ответа на эксплуатацию и не рассматривают возможность интерпретации истории как борьбы верхов и низов. Хотя такой подход многим кажется сегодня неприемлемым, без него трудно объяснить бесконечные восстания народных масс, стачки, подачи петиций и тем более революции. Можно быть противником революций, но объективным фактом остаётся то, что они имели место. Значит, учёные должны объяснить их свершение. И предлагаемая Блэнтоном и Фарджер теория «торга» (bargaining) между простым народом и правящими кругами здесь едва ли работает — уже хотя бы потому, что в ходе революции прежние правители утрачивают возможность обеспечить общественные блага, например безопасность, а новая власть ещё не может оную обеспечить из-за продолжения борьбы со старыми правящими кругами.

[8] Carneiro 1970, 733–738.

[9] Источники и переводы см.: Vogel 1918, 167–232; Vogel 1925, 15–35; Coedès 1930, 29–80; De Casparis 1956, 15–46; Кулланда 2001, 250–256; Захаров 2006, 31–56.

С другой стороны, длительное существование самых разных политических образований свидетельствует о достижении динамического равновесия и согласия между правителями и подчинёнными. Поэтому дихотомия «теория конфликта — функционализм» едва ли обоснованна: в истории борьба и сотрудничество социальных групп, в том числе классов, идут рука об руку, и спорить о приоритете одного значит обсуждать вопрос о яйце и курице. Сначала были люди.

Подведём итоги. Рецензируемая монография Блэнтона и Фарджер содержит интересную программу дальнейших исследований роли простого народа в истории, в частности истории возникновения и строительства государственности, но предложенное в ней исследование не может считаться обоснованным и убедительным. Его результаты способствуют размышлению об общественном устройстве и его эволюции, но строить на их основе дальнейшие выводы крайне рискованно. Влияние низших слоёв на возникновение государства предстоит установить будущим исследованиям.

А. О. Захаров

БИБЛИОГРАФИЯ

Васильев Л.С. 1993: История Востока: в 2 т. М.

Васильев Л.С. 2007: Всеобщая история: в 6 т. Т. 1–2. М.

Захаров А.О. 2006: Политическая организация островных обществ Юго-Восточной Азии в раннем средневековье (V–VIII вв.): Конструктивистский вариант. М.

Кулланда С.В. 2001: Надпись Кота Капур (608 г. эры шака — 686 г. н.э.) // *Дорофеева Т.В.* История письменного малайского языка (VII — начала XX веков). М., 250–256.

Carneiro R. 1970: A Theory of the Origin of the State // Science. 169, 733–738.

Coedès G. 1930: Les inscriptions malaises de Çrīvijaya // Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient. 30, 29–80.

De Casparis J.G. 1956: Selected Inscriptions from the 7th to the 9th century A. D. Bandung.

Moertono S. 1981: State and Statecraft in Old Java: A Study of the Later Mataram Period, 16th to 19th Century. Ithaca (N.Y.): Cornell University (Modern Indonesia Project, Monograph Series, No. 43).

Schrieke B. 1957: Indonesian Sociological Studies, Part Two: Ruler and Realm in Early Java. The Hague.

Snouck Hurgronje C. 1906: The Achehnese. Transl. by A. W. S. O'Sullivan. 2 Vols. Leiden: E. J. Brill.

Vogel J.Ph. 1918: The Yupa Inscriptions of king Mulavarman, from Koetei (East Borneo) // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië, uitgegeven door Het Koninklijk instituut voor de Taal-, Land-en Volkenkunde van Nederlandisch-Indië. 74, 167–232.

Vogel J.Ph. 1925: The Earliest Sanskrit Inscriptions of Java // Publicaties van den Oudheidkundigen Dienst in Nederlandsch-Indië. 1, 15–35.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамзон Татьяна Евгеньевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета, тел. 8-902-891-68-80, e-mail: ate71@mail.ru

Акимов Владимир Олегович — генеральный директор ООО «Евпатор» г. Москва, тел. 8-926-207-57-92, e-mail: evpator@front.ru

Аношина (Ильязова) Елена Игоревна — преподаватель кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, тел. 8-927-385-70-66, e-mail: sva00@yandex.ru

Ахатов Альберт Тагирович — м.н.с. отдела Археологии ИЭИ УНЦ РАН, г. Уфа, тел. 8-989-952-15-16, e-mail: bertik@mail.ru

Валова Ольга Михайловна — к.ф.н., доцент, докторант Вятского государственного гуманитарного университета, 610017, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 53, кв. 10, e-mail: olymihalna@yandex.ru

Венидиктова Елена Александровна — учитель истории Муниципального общеобразовательного учреждения «Гимназия №3», г. Чистополь, тел. 89053190127, e-mail:e_venidiktova@mail.ru

Волкова Виктория Борисовна — к.ф.н., доцент кафедры культурологии и русского языка ГОУ ВПО «МГТУ» им. Г.И. Носова, тел. 8 (3519) 40-53-31 e-mail: VBL2004@bk.ru

Воробьева Светлана Леонидовна — Аспирант Институт этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, тел. (347) 2-60-42-76, e-mail: sveta_legion@mail.ru

Гавриков Виталий Александрович — кандидат филологических наук, главный специалист информационно-аналитического управления администрации Брянской области, 241030, Брянск, ул. Молодой Гвардии, д. 68, кв. 111, e-mail: yarosvettt@mail.ru

Галиева (Ахатова) Фарида Габдулхаевна — д-р филол. наук, главный научный сотрудник отдела этнологии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, тел. 8-906-37-38-748, e-mail: afg18@mail.ru

Гоголев — доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин Курганского государственного института ФСБ России, тел. 89128332225, e-mail: mov@ infocentr.ru

Грингоф Сергей Александрович — аспирант кафедры Всеобщей истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, тел. (4872) 33-66-82, 8-910-160-00-65, e-mail: gringofsergey@mail.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич — заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, тел. 8-909-315-63-54, 8-937-402-14-33, e-mail: ivb40@yandex.ru

Захаров Антон Олегович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, тел. 8-909-687-96-15, e-mail: zakharov_anton@mail.ru

Иванов Алексей Валериевич — научный сотрудник национального заповедника «Херсонес Тарический» филиала «Крепость Чембало» г. Севастополь, тел.(0692) 546030, (0692) 0956221680, e-mail: ivav@yandex.ru

Иванова Светлана Вячеславовна — кандидат искусствоведения, Преподаватель Академического музыкального колледжа при Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, тел. 8-495-371-84-37, e-mail: svetlaiva@mail.ru

Ижгузина (Сибагатова) Светлана Фанзиловна. — аспирант ИИиА УрО РАН г. Екатеринбург, тел. 89068094877, e-mail: swe-sib@yandex.ru

Каминский Флавий Аркадьевич — доцент кафедры философских социально-экономических и гуманитарных дисциплин Магнитогорской государственной консерватории (академии) им. М.И. Глинки.

Комольцева Елена Викторовна — ст. преподаватель кафедры перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, тел. 8-927-360-09-90, e-mail: elena-komolceva@yandex.ru

Красильникова Марина Валерьевна — старший преподаватель кафедры культурологи и зарубежной литературы Магнитогорского государственного университета, тел. 83519232762, e-mail: mwk_79@mail.ru

Кривошлыкова Марина Владимировна — ст. преподаватель каф. культурологии и русского языка ГОУ ВПО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», тел. 89226311190, e-mail: ledymary80@mail.ru

Литягина Алла Владимировна — к.и.н., доц. Бийского государственного педагогического университета, тел. 8-905-083-72-81, e-mail: alityagina@yandex.ru

Лосева Ирина Владимировна — к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и средних веков Магнитогорского государственного университета, тел. 8 (3519) 35-15-11, 8 951 438 18 37, e-mail: osipova.irina@mail.ru

Масляев Владимир Борисович — старший преподаватель кафедры Всеобщей истории Тобольской педагогической академии, тел. 8-912-831-53-67, e-mail: mov@infocentr.ru

Осадчая Вера Викторовна — старший преподаватель кафедры французского языка Магнитогорского государственного университета, тел. 8 9090 9696 83, e-mail: kolobok-79@mail.ru

Палашевская Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Волгоградского государственного университета, тел. 8 902 310 50 37, e-mail: irina_777@inbox.ru

Попова Елена Александровна — к.и.н., доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, тел. 8499 369-20-45 (дом.), 8495 939-56-47, e-mail: popova318@mail.ru

Попп Иван Александрович — аспирант кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, адрес 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, ауд. 452, e-mail: popp82@mail.ru

Ребрина Лариса Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Волгоградского государственного университета, тел. (8442) 442322, e-mail: Reblora@mail.ru

Рогалёва Елена Ивановна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики гуманитарного образования Псковского государственного педагогического университета, тел. (8112) 663976, 89113839350, (8112)542231, e-mail: cambala2007@yandex.ru

Савельев Александр Евгеньевич — кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, 350060, г. Краснодар, пос. Лорис, д. 4, кв. 22, e-mail: savelev@mail.kubsu.ru

Сатюкова Елена Геннадиевна — старший преподаватель кафедры английского языка для экономических специальностей, аспирант кафедры зарубежной литературы Астраханского государственного университета, почтовый адрес: 414045, г.Астрахань, ул.Моздокская, д.52/2, кв.30.

Стародобова Олеся Юрьевна — старший преподаватель кафедры истории России Магнитогорского государственного университета, тел. 89030914447, e-mail: olesenka1981@mail.ru

Стэльмах Маргарита Константиновна — аспирант УрО РАН Института Истории и Археологии г. Екатеринбург, тел. (343)2401646, 8(922)6181842, e-mail: rit20@e1.ru

Фатыхова Нурия Салимовна — аспирант кафедры философии Челябинского государственного университета, e-mail: fnuria@mail.ru

Хасанова Зифа Фаритовна — аспирант и м.н.с. Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, e-mail: sveta_legion@mail.ru

Чащин Алексей Владимирович — аспирант Института истории и археологии УрО РАН, тел. 267-40-04, e-mail: kchashin@yandex.ru

Чередниченко Андрей Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры теологии Белгородского государственного университета, тел. 89606233813, e-mail: cherednichenko@bsu.edu.ru

Черепенчук Валерия Сергеевна — аспирантка Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург), тел. 89213794095, e-mail: valeriyahistory@yandex.ru

Шенцов Максим Евгеньевич — студент группы 120501 социально-теологического факультета Белгородского государственного университета тел. (4722) 335524, e-mail: serapis@list.ru

Эшмакова Надежда Васильевна — Удмуртский государственный университет**,** тел.: 8-961-265-16-20, e-mail: holpo@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ	—	Ростовцев М.И. 1913: Античная декоративная живопись на юге России. СПб
АДСВ	—	Античная древность и средние века.
АО	—	Археологические открытия. М.
БИ	—	Боспорские исследования. Симферополь.
БС	—	Боспорский сборник. М.
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ГАМагЧО	—	Государственный архив Магнитогорска Челябинской области.
ГАОО	—	Государственный архив Оренбургской области.
ГАПК	—	Государственный архив Пермского края. Пермь.
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО	—	Государственный архив Свердловской области. Екатеринбург.
ГАЧО	—	Государственный архив Челябинской области.
ГАШ	—	Государственный архив г. Шадринска.
ГИМ	—	Государственный Исторический музей.
ДБ	—	Древности Боспора. М.
КБН	—	Корпус боспорских надписей. М.; Л.
КСИА	—	Краткие сообщения института археологии АН СССР. М.
ЛНК МаГУ	—	Лаборатория народной культуры Магнитогорского государственного университета.
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории, этнографии Таврики.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МФ ГАЧО	—	Магнитогорский филиал Государственного архива Челябинской области.
ОГАЧО	—	Объединенный государственный архив Челябинской области.
ОГПУ	—	Объединенное государственное политическое управление.
ОР РГБ	—	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
ОР РНБ	—	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.
ПГВ	—	Пермские губернские ведомости.
ПермГАНИ	—	Пермский архив новейшей истории.
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
ПМА	—	Полевые материалы автора.
ПСЗРИ	—	Полное собрание законов Российской империи.
РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории.
РГАЭ	—	Российский государственный архив экономики.
РГИА	—	Российский государственный исторический архив. СПб.
СА	—	Советская археология. М.
СЗРИ	—	Свод законов Российской империи.
ТИЭ	—	Труды института этнографии.
УНКВД	—	Управление народным комиссариатом внутренних дел.
ХСб	—	Херсонесский сборник.
ЦГИА РБ	—	Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.
ЦГИА РБ	—	Центральный государственный архив республики Башкортостан.
ЦДООСО	—	Центр документации общественных организаций Свердловской области.
ЦСК	—	Центральный статистический комитет.
BSS	—	Black Sea Studies.
ILS	—	Inscriptiones Latinae selectae.
IosPE	—	Latyshev V. 1885-1916: Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli.
ZPE	—	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

Венидиктова Е. А. (Чистополь) — Битва при Гисиях и проблема возникновения конфликта между Аргосом и Спартой 3
Чередниченко А. Г., Шенцов М. Е. (Белгород) — К вопросу о причинах нравственного прогресса в идеологии римского митраизма в IV–V вв. 11

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Попова Е. А. (Москва) — О составе населения Северо-Западного Крыма в IV в. до н. э. — I в. н.э. по материалам городища «Чайка» 23
Грингоф С. А. (Тула) — Командно-административная организация боспорской армии римского времени 32
Акимов В. О. (Москва) — Опыт реставрации бронзовых боспорских монет, найденных в ходе подводных раскопок в античной Фанагории 42

ПЛЕМЕННОЙ МИР

Воробьева С. Л. (Уфа) — Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов 52

РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Иванов А. В. (Севастополь) — Населения «пещерного города» Тепе-Кермен по антропологическим данным 61

ИСТОРИЯ РОССИИ

Масляев В. Б. (Курган) — И. И. Неплюев — государственный деятель России XVIII века 76
Гоголев И. Б. (Курган) — Историко-правовые взгляды в творчестве Н. П. Павлова-Сильванского 87
Каминский Ф. А. (Магнитогорск) — Казачество Южного Урала и Западной Сибири во второй половине XIX в. 96
Попп И. А. (Екатеринбург) — Почетные мировые судьи Пермской губернии в 1870–1880-х гг.: к проблемам организации и деятельности 109
Литягина А. В. (Бийск) — Алкогольные традиции и проблемы в городах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. 124
Стэльмах М. К. (Екатеринбург) — Организация продовольственного дела в Пермской губернии в конце XIX — начале XX вв. 140
Ижгузина-Сибагатова С. Ф. (Екатеринбург) — Дело о распространении злоумышленниками в Баранчинском и Нижне-Тагильском заводах разрывных машин (из истории уральских иеговистов) 155

Черепенчук В. С. (Санкт-Петербург) — Особенности освещения событий в Сибири конца 1918 года антибольшевистской прессой Архангельска 162
Чащин А. В. (Екатеринбург) — Демографическая ситуация в городах Среднего Урала в 1926–1940 гг. 168
Стародубова О. Ю. (Магнитогорск) — Художественная литература как средство пропаганды: формирование образа Брусиловского прорыва в советской художественной литературе 1940-х годов 177

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жаткин Д. Н., Аношина (Ильязова) Е. И. (Пенза) — Традиции творчества Джорджа Крабба в произведениях В. К. Кюхельбекера 194
Жаткин Д. Н., Комольцева Е. В. (Пенза) — Д. Е. Мин как интерпретатор философского стихотворения Томаса Кэмпбелла «Последний человек» 213
Красильникова М. В. (Магнитогорск) — Ф. М. Клингер «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад»: пространственно-временные отношения авторской модели мира 223
Валова О. М. (Киров) — Конфликт и проблематика пьесы О. Уайльда «Женщина, не стоящая внимания» 230
Сатюкова Е. Г. (Астрахань) — «Englishness»: взгляд изнутри (Дж. Фаулз «Быть англичанином, а не британцем», Дж. Пристли «Англичане») 237
Осадчая В. В. (Магнитогорск) — Бурлескный стиль в комедиях П. Скаррона 242
Абрамзон Т. Е. (Магнитогорск) — Генезис и эволюция формулы Сын(-ы) Отечества (к вопросу о диалоге дискурсивных практик в России XVIII века) 251
Эшмакова Н. В. (Удмуртия) — Основные мотивы и образы в творчестве Г. Д. Красильникова 265
Савельев А. Е. (Краснодар) — Тема Кавказа и Кавказской войны в творчестве М. Ю. Лермонтова 270
Волкова В. Б. (Магнитогорск) — Структура концепта «Зверь» в романе О. Н. Ермакова «Знак Зверя» 283
Гавриков В. А. (Брянск) — Гармонизация синтетико-стихового ритма в текстах песенной поэзии 289

ЛИНГВИСТИКА

Рогалёва Е. И. (Псков) — Специфика толкования фразеологизма в учебном словаре . 298
Кривошлыкова М. В. (Магнитогорск) — Роль коммуникации в межкультурном взаимодействии 308
Палашевская И. В. (Волгоград) — Моделирование скриптов юридического дискурса 316
Ребрина Л. Н. (Волгоград) — Экспликация характеристик описываемых операций памяти в структуре и компонентном составе глагольных коллокаций немецкого языка 323

КУЛЬТУРА

ЭТНОЛОГИЯ

Лосеева И. В. (Магнитогорск) — Специфика хозяйственной деятельности южноуральского населения в период остановки горнозаводского производства 334
Хасанова З. Ф. (Уфа) — Традиционные способы обработки шкуры животных в горно-лесной зоне Башкортостана (на примере Белорецкого района) 342
Галиева (Ахатова) Ф. Г. (Уфа) — О посиделках русского народа на Южном Урале ... 348
Ахатов А. Т. (Уфа) — Динамика численности башкирского населения Миасско-Уйского междуречья (юго-западная часть Курганской области) в конце XVIII — начале XX вв. 355

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Иванова С. В. (Москва) — Оперное творчество женщин-композиторов XVIII века 363
Иванова С. В. (Москва) — Женское музыкальное творчество в немецких монастырях XV века 369

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Фатыхова Н. С. (Челябинск) — Природа медиума как философская проблема 375

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Захаров А. О. (Москва) — *Blanton R., Fargher L.* Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. N.Y.: Springer, 2008. XXVI, 447 p. (Fundamental Issues in Archaeology.) 383

Сведения об авторах 393

HISTORY

ANCIENT HISTORY AND ARCHAEOLOGY

ANCIENT GREECE AND ROME

Venidiktova E.A. (Chistopol) — The Battle of Hysiae and the origin of conflict between Argos and Sparta 3
Cherednichenko A.G., Shentsov M.E. (Belgorod) — Causes of of Ethics Progress in Roman Mithraism of the 4th — 5th cc..... 11

BLACK SEA REGION

Popova Ye.A. (Moscow) — North-western Crimea Population of the 4th — 1st cc. B.C. (based on materials of ancient town site "Chaika")..... 23
Gringof S.A. (Tula) — Command Administrative organization of Bosporan Army of Roman times 32
Akimov V.O. (Moscow) — Experience of Restoring Bosporus Bronze Coins Found during Underwater Excavation of Ancient Phanagoria 42

PREHISTORY

Vorobyeva S.L. (Ufa) — Time and Origin of Belt Scales with Gryphon Heads in Priuralye Forest-steppe 52

MIDDLE AGES

Ivanov A.V. (Sevastopol) — Population of the "Cave town" Tepe-Kermen for date of anthropology 61

HISTORY OF RUSSIA

Maslyaev V.B. (Kurgan) — I. I. Nepljuev — state figure of Russia of the 18th centuries..... 76
Gogolev I.B. (Kurgan) — Historical-judicial sights in the scientific work of N.P. Pavlov-Silvanski..... 87
Kaminskji F.A. (Magnitogorsk) — Cossaks of South Ural and West Sibiria in the second half of the 18th century..... 96
Popp I.A. (Yekaterinburg) — Permskaya Guberniya Honorable Magistrates in 1870–1880 (organization and practice)..... 109
Lityagina A.V. (Bijsk) — Drinking Traditions and Problems in West Siberia Towns in the second half of the 19th c. — early 20th c. 124
Stelmakh M.K. (Yekaterinburg) — Food Supply Organization in Perm Guberniya at the End of the 19th — the Beginning of the 20th c. 140
Izhguzina-Sibagatova S.F. (Yekaterinburg) — A Case of Bursting Charge Distribution by Evil-doers at Baranchinsk and Nizhny Tagil Factories (from the History of Ural Jehovah's Witnesses) 155

Cherepenchuk V.S. (St.-Petersburg) — Arkhangelsk Anti-Bolshevik Press Coverage of Events in Siberia at the End of 1918 162
Chashchin A. V. (Yekaterinburg) — Demographic Situation in the Central Urals Towns in 1926-1940 168
Starodubova O. Yu. (Magnitogorsk) — Fiction as Propaganda Tool: Brusilov Breakthrough in the Soviet Fiction of the 1940s 177

PHILOLOGY

HISTORY OF LITERATURE

Zhatkin D.N., Anoshina E.I. (Ilyazova) (Penza) — George Crabbe's creative work traditionsin V.K. Kyukhel'beker's literary works 194
Zhatkin D.N., Komoltseva E.V. (Penza) — D.E. Min as an Interpreter of Thomas Campbell's Philosophical Poem "The Last Man" 213
Krasilnikova M.V. (Magnitogorsk) — Spatiotemporal Relations in F.M. Klinger's World Model ("Faust, His Life, Deeds, and Going Down to the Inferno") 223
Valova O.M. (Kirov) — Conflict and Problems in O. Wilde's Play "A Woman Unworthy of Attention" 230
Satyukova Ye.G. (Astrakhan) — An Inside View on Englishness (J. Fowls, J. Priestly) 237
Osadchaya V.V. (Magnitogorsk) — Burlesque in P. Scarron's Comedies 242
Abramzon T.Ye. (Magnitogorsk) — Genesis and Evolution of the Formula Son(s) of Motherland (discourse mode in Russia in the 18th c.) 251
Eshmakova N.V. (Udmurtiya) — Principal Motifs and Images in G.D. Krasilnikov's Creations 265
Savelyev A.E. (Krasnodar) — The Caucasus and Caucasian War in M.Yu. Lermontov's Creations 270
Volkova V.B. (Magnitogorsk) — Structure of "the Beast" Concept in the Novel "The Sign of the Beast" by O.N. Yermakov 283
Gavrikov V.A. (Bryansk) — Harmonic Rhythm in Synthetic Poetic Texts (Songs) 289

LINGUISTICS

Rogalyova Ye.I. (Pskov) — Set Expressions Definition in Learner's Dictionary 298
Krivoshlykova M.V. (Magnitogorsk) — Communication in Cross-cultural Interaction 308
Palashevskaya I.V. (Volgograd) — Legal Discourse Script Modeling 316
Rebrina L.N. (Volgograd) — Memory Operation Characteristics through Formal and Semantic Component Structure of German Verbal Collocations 323

CULTURE

ETHNOLOGY

Loseeva I.V. (Magnitogorsk) — Economic Life of South Urals Residents during Mining and Metallurgical Shutdown 334

Khasanova Z. F. (Ufa) — Traditional Animal Skin Processing in Mountain-Forest Area of Bashkortostan 342
Galieva (Akhatova) F. G. (Ufa) — Russian Get-togethers in the South Urals 348
Akhatov A. T. (Ufa) — Bashkir Population Size Dynamics in the South-Western Part of Kurgan Oblast in the Late 18th — Early 20th cc 355

HISTORY OF ART

Ivanova S. V. (Moscow) — The Opera of Woman-Composers of the 18th c. 363
Ivanova S. V. (Moscow) — Female Music Creation in German Convents of the 15th c 369

PHILOSOPHY OF CULTURE

Fatykhova N. S. (Chelyabinsk) — Medium as a Philosophical Problem 375

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

Zakharov A. O. (Moscow) — *Blanton R., Fargher L.* Collective Action in the Formation of Pre-Modern States. N.Y.: Springer, 2008. XXVI, 447 p. (Fundamental Issues in Archaeology) 383

Authors 393

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по новым правилам:

Рукописи представляются в 1 экземпляре, а также в электронной форме на CD или другом носителе; текст должен быть напечатан в формате WORD (doc), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode. Когда статья присылается по почте, необходимо отправлять ее простой (не заказной) бандеролью.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., рецензии - 1 авт.л.

К статье необходимо прилагать краткое резюме (один абзац и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронные адреса авторов, в том виде, в каком он должен быть указан в публикации.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим (n., Ann.,ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl.,Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис.2; 1972б, 56-59; Salvatori 1995, 67-68 fig.

Библиография.

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке по следующей форме:

Для книг:

Галанина Л.К. 1997: Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I). М.

Alexander C. 1928: The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times. L. - N.Y.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи):

Ростовцев М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской // ИАК.63, 106-108.

Salvatori S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. 50, 97–145.

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страница статьи).

Грантовский Э.А. 1981: О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье /Б.А. Литвинский (ред.). М., 59-79.

Salvatori S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990-95/ A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.). Rome, 57-65.

Сокращения

К статье должен прилагаться отдельный список сокращений в алфавитном порядке.

АО — Археологические открытия. М.

IGBR — Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / Ed. G. Mihailov. Sofia, 1956.

Статьи, оформленные не по правилам, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редколлегией на основе рецензирования рукописей; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

1. Рукопись (общим объемом до I а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса 1-9-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается диск. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.
2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах, Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.
3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи строчными буквами. Например:

А. А. Хохлов (Самара)

Палеоантропологические материалы финала поздней бронзы лесостепного Поволжья

4. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.
5. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен.
6. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.
7. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.
8. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510
http://science.masu.ru/pifk/, pifk.science74.ru
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru
Тел. (3519) 34-38-49

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2010

Сдано в набор 25.03.2010. Подписано в печать 7.06.2010.
Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,7. Уч.-изд. л. 24,8.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО «Аналитик». 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.

На 1-й с. обложки: Капитолийская волчица. Бронза. Начало V в. до н. э.

На 4-й с. обложки: Танцоры. Деталь росписи могилы. «Львиц».
Около 520 г. до н. э.